

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

Очерки
из истории отношений
Русской Православной Церкви
и Российской армии

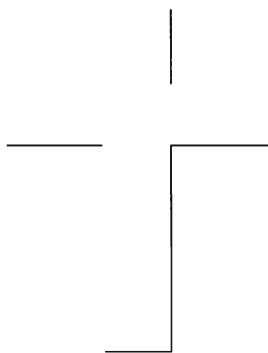

А. Б. Григорьев

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

**Очерки из истории отношений Русской
Православной Церкви и Российской армии**

**Жуковский-Москва
Издательство «КУЧКОВО ПОЛЕ»
2005**

ББК 86.372

Г 83

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор генерал-майор А. М. Касьянов
доктор философских наук, профессор О. А. Бельков
доктор культурологии, действительный член Академии гуманитарных наук Э. А. Шулепова

Григорьев А. Б.

Г 83 Вера и Верность: Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. — Жуковский; М.: Кучково поле, 2005. — 472 с., ил.

ISBN 5-86090-124-0

Между Вооруженными Силами России и Русской Православной Церковью — существует глубокая многовековая связь. Более девяти столетий Православная церковь занималась проблемами войскового нравственного воспитания и накопила весьма солидный опыт. Отечественная военная культура (как и вся российская культура) по своей сути христианская. Такие понятия, как воинский дух, честь, достоинство, присяга, привитые русским воинам, — это во многом заслуга подвижнической и кропотливой работы Православной Церкви. Тысячи православных священнослужителей личным примером вдохновляли воинов на ратные подвиги.

Автор книги «Вера и Верность», капитан I ранга, профессор Академии Федеральной пограничной службы РФ, кандидат исторических наук, заведующий сектором Института культурного и природного наследия МК и РАН, впервые в исторической науке во всем многообразии рассматривает роль Церкви в формировании боевого духа российского воинства, связывает воедино разрозненные исторические факты.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 86.372

ISBN 5-86090-124-0

© Григорьев А. Б., 2005

© «Кучково поле», 2005

**Посвящается всем, кто служит
Богу и Отечеству**

Труд подготовлен с благословения и при участии монахов Свято-Троице-Сергиевой лавры: архимандрита Петра (ныне епископ Туровский и Мозырский), архимандрита Спиридона (ныне настоятель Патриаршего Подворья) и игумена Максимилиана (ныне епископ Вологодский и Великоустюжский).

АНО
"Руниверс"
с пожеланием
успеха и доброты
от автора
Сергей
21.12.11

Предисловие

Церковь и армия

С начала 90-х годов в России, пожалуй, ни о чем так много не говорили, как об армии и необходимости ее реформирования. Было высказано множество мнений, но воз, как говорится, и ныне там... Сегодня наблюдается новый всплеск интереса к военной проблематике. Некоторые политические деятели пытаются разыграть «армейскую карту» для достижения своих целей. Как-то странно вновь слышать те же самые вопросы, что и полтора десятка лет тому назад: для чего нам нужна армия, в чем смысл и цель ее существования, от кого или от чего она призвана нас защищать, какую армию мы можем себе позволить и другие.

К сожалению, среди этих высказываний крайне редко можно найти разумное зерно. Очевидно, что для разрешения армейских проблем необходимо искать новые подходы. По мнению авторитетных специалистов, ключ к их решению кроется в познании военной культуры России и ее исторического наследия.

Диалектика военного строительства показывает, что с изменением политического устройства государства и общества меняется тип Вооруженных Сил. Так в 1917 году на смену республиканской армии России пришла Красная Армия.

В результате социальных катаклизмов сегодня в России сохранилась армия несуществующего государства — СССР. Средства массовой информации не обходят ее своим вниманием — в основном негативным. На самом деле, мы видим воочию результат распада бывшего СССР — разрыв времен, эпох, традиций и связи поколений, что отражается на состоянии воинской дисциплины.

Нужды современной армии хорошо известны в обществе, кроме одной: создания новой системы воинского воспитания. С 1990 года на правительственном уровне ни разу не ставился вопрос об эффективности системы воинского воспитания и необходимости ее реформирования.

Отношение общества к армии настолько некорректно, насколько и несправедливо. Сейчас армия бывшего тоталитарного государства вынашивает в себе плод — будущую армию России, поэтому она нуждается в усиленном

внимании и заботе. Офицеры армии и флота решают две задачи — воспитывают Гражданина и Воина. К сожалению, наше общество сегодня не в состоянии воспитать и предоставить армии Гражданина. Под Гражданином мы имеем в виду личность, знающую законы своего Отечества, живущую по этим законам и готовую защищать их с оружием в руках. Для решения этой задачи у российского офицерского корпуса не хватает ни сил, ни средств.

Думается, что в условиях государственной военной реформы общество не должно стоять в стороне.

Школа, учреждения культуры, средства массовой информации, страховые общества, местное самоуправление, правоохранительные органы, религиозные организации и другие, должны объединить свои усилия для решения армейских проблем.

Если современное гражданское общество неспособно обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе необходимых нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу России, то одна армия не в состоянии будет справиться с подобной задачей.

Самое интересное, что в обществе существует сила, которая по мере своих возможностей пытается помочь Армии и Флоту в воспитании воинов — это Русская Православная Церковь.

Ее социальный статус за последние годы значительно вырос. На протяжении тысячелетий она играла и играет важную роль в пропаганде и закреплении в поведении людей высоких норм нравственности, в формировании у них духовного идеала, который определяет поведение и деятельность человека в любой жизненной ситуации, в том числе и в условиях воинской службы. Церковная организация, гармонично входя в военную, способна прививать воинам определенные нравственные качества, такие, как патриотизм, самопожертвование, гуманное отношение к побежденному противнику и чужому гражданскому населению и др.

О важной роли религии в воспитании свидетельствуют судьбы выдающихся полководцев: Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Федора Ушакова, Дмитрия Скобелева, Михаила Драгомирова и др.

Между Армией и Церковью много общего. Во-первых, они построены на жестком иерархическом принципе — строгое подчинение младших старшим. Во-вторых, деятельность обеих регламентирована уставами. В-третьих, без послушания не бывает церкви, без дисциплины не существует армия. В-четвертых, нетрудно заметить и внешнее сходство — это форма одежды, наличие знаков отличия и различия, символов организации в виде знамен-хоругвей и пр. Главное же — Русская Православная Церковь имеет свое оружие, но не материальное, а нетленное духовное, поэтому ее и называют иногда воинствующей.

Начало боевому сотрудничеству русского воинства и Русской Православной Церкви было положено Великим князем Святым Владимиром Мо-

номахом в феврале 1111 года, когда был предпринят большой поход на половцев. 24 марта того же года русские полки, во главе которых по его приказанию были поставлены священники, одержали первую победу над врагом. С этого дня Русская Православная Церковь до 1917 года делила с Вооруженными Силами ратную судьбу Отечества.

Сегодня в России образовался новый класс — предприниматели. До революции они традиционно занимались благотворительностью. Ее мотивы сводились не только к желанию меценатов получить более высокий социальный статус или заслужить общественное признание, хотя и этот элемент, безусловно, присутствовал. Но в целом эта деятельность мотивировалась, прежде всего, глубоко укоренившейся в российской ментальности христианской этикой, гражданственностью, желанием бескорыстно помочь делом. Эта была потребность души делать добро, оказывать безвозмездную помощь всем нуждающимся, будь то строительство нового дома или помощь в страдную пору, при заготовках на зиму и пр. И эту благородную традицию сегодня нужно возродить...

Предлагаемая читателю книга «Вера и Верность» достаточно убедительно раскрывает несомненные заслуги Русской Православной Церкви в формировании нравственности защитников Отечества, и ее опыт может быть востребован.

**Начальник департамента
капитального строительства
ОАО «РЖД»
попечитель фонда «Военная культура»**

О. В. Тони

Славное имя — Владимир

решению Руси в 988 г. предшествовали военные действия русских совместно с Византией против болгар. А до того, в битве с болгарам в августе 986 г., византийская армия потерпела поражение. Было это результатом не только боевой мощи болгарских войск, но и интриг высшей византийской военной аристократии, обеспокоенной возвышением молодого императора Василия II. Вот тогда-то Василий II и послал своих послов в Киев за помощью. Посольство возглавил митрополит севастикий Феофилакт, обладавший в равной степени качествами дипломата и миссионера. Он и стал первым послом Византийской церкви при дворе киевского князя, а затем и первым главой древнерусской церкви.

В то время военное искусство русских дружин достигло высокого уровня. Отец Владимира киевский князь Святослав ходил походами против хазар, волго-камских булгар, мордовских племен, кософов (осетин и черкесов), воевал с Византией и в Дунайской Болгарии (967—971). Сила русского войска была наглядно продемонстрирована в бою у крепости Доростол (Силистрия) в июле 971 г.

Междоусобная борьба сыновей после смерти Святослава привела на киевский престол Владимира. Он по существу оказался во главе весьма непрочного объединения славянских племен, для стабильного существования которого было необходимо иметь постоянную военную силу. И князь прежде всего приступил к строительству оборонительных сооружений на востоке от Киева, подтверждая тем самым, что будет постоянно находиться в столице и защищать ее от кочевников. Одной из важных задач укрепления государства Владимир считал идеологическое объединение племен, что и попытался сделать довольно своеобразно: уравнил главных племенных «богов» и объявил их общими для государства. Однако скоро понял, что формирование зарождавшихся новых феодальных отношений тормозит язычество, которое не сможет идеологически объединить конгломерат племен, не может способствовать и укреплению княжеской власти, развитию общественного сознания.

Владимир решается связать судьбу Отечества с греческой верой, что было обусловлено и исторически. С Византией у Киева сложились достаточно тесные экономические отношения. Родственная Руси Болгария христианство уже приняла примерно лет сто тому назад. Да и славянская письменность, созданная Кириллом и Мефодием, давно прижилась на Руси. Еще при Игоре, более чем за полвека до крещения Руси, в Киеве построена была церковь во имя пророка Ильи, которую посещали дружинники, исповедовавшие христианство. Ко времени княжения Владимира христиан в его дружине значительно прибавилось — и это обстоятельство также повлияло на выбор князем религии для Руси. С принятием Русью христианства для Византии и Европы из страны «варваров» и «скифов» она превращалась в страну единоверцев, а для мусульманского Востока становилась представителем одной из ведущих мировых религий.

Князь Владимир прошел все ступени княжеско-дружинного обучения: по обычаю своего времени уже в возрасте трех-четырёх лет был посажен на коня, в отроческие годы научился владеть и конем и мечом. Успешные походы князя говорят о том, что он хорошо знал военное дело, хотя от отца его отличала известная осторожность. В первые годы княжения Владимиру удалось нанести ощутимое поражение польскому князю Мешко I и отобрать у поляков Перемышль, Червень «и иные грады». Князь провел два победоносных похода на вятичей, не желавших подчиниться Руси, и принудил их к уплате дани. По свидетельству Василия Никитича Татищева, использовавшего не дошедший до нас источник, в 982 г. Владимир «иде в поле и, покорив землю польскую, град Суздаль утвердил».

В 983 г. он совершил поход на прусское племя ятвягов «и победи ятвягы, и взя землю их». В следующем году Владимир и его воевода Волчий Хвост нанесли поражение радимичам, которые вышли было из подчинения Киева. В результате этого похода радимичи были вновь покорены и стали платить дань.

В 985 г. Владимир и его дядя Добрыня ходили в поход на дунайских болгар и сербов, захватили много пленных, а с дунайскими болгарами заключили договор о мире и взаимопомощи.

В 986 г. болгарские войска вместе с русами нанесли поражение византийцам в Болгарии — о чем сохранилось свидетельство греческого хрониста Льва Дякона.

По сообщению монаха Иакова Мниха, вслед за походом на болгар последовал поход на хазар: «...и на Козары шед, победы и дань на них положи.»

Примерно с 985 г. Византия вступила в полосу государственных трудностей. В завоеванной императором Иоанном Цимисхием в 970—971 гг. Болгарии вспыхнуло восстание против византийского владычества. Брошенные для подавления его византийские войска были разбиты под городом Сердикой. В 986 г. греческий город Веррея отказался подчиняться империи. В августе следующего года в Армении против императоров Василия II и Константина VII поднял мятеж талантливый полководец Варда Фока, объявивший себя ромейским василевсом. Он быстро подчинил себе значительную

Славное имя — Владимир

часть Малой Азии и захватил город Хрисополь, расположенный на восточном берегу Босфорского пролива. От Константинополя Фоку отделяло лишь несколько километров водного пространства. Войска мятежников блокировали оба выхода из Мраморного моря. Сложившейся ситуацией не замедлили воспользоваться арабы, захватив Калабрию. Византийским правителям осталось только одно — искать военную помощь на стороне.

Владимир в своей военной и административной деятельности опирался на дружинников. Члены старшей дружины — бояре — составляли думу князя и фактически представляли княжеский государственный совет. В «Повести временных лет» летописец записал: «...Володимер любя дружину и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем.» В думу входили представители города — «старцы градские», т. е. выборные военачальники городов и так называемые тысяцкие и сотские. На совещании бояр и «старцев градских» был решен и вопрос о принятии христианства. Бояре не преминули заметить Владимиру, что «если дурен был закон греческий, то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрее всех людей».

Во время переговоров между Василием II и Владимиром обсуждались три проблемы: принятие христианства Русью и ее правителем, заключение брака между князем и дочерью императора и оказание военной помощи Византии. По всем вопросам было достигнуто соглашение. Князь Владимир объявил от своего имени и от имени «бояр и людей земли русской» о своем желании принять крещение, для чего было решено организовать русскую епархию, подчиненную патриарху Константинополя. Византийская сторона обязалась устроить эту епархию, а русская — гарантировала охрану и необходимые условия для ее деятельности.

Василий II и его брат Константин выразили готовность вступить в родственные отношения с русским князем, отдав ему в жены одну из сестер — Анну, как только князь примет христианскую веру. Владимир обязался оказать военную помощь Византии и, по возможности, в короткий срок выделить в распоряжение императора несколько тысяч воинов для борьбы с претендентами на престол. Также было решено, что русы будут участвовать в боевых действиях в Крыму против Херсонеса, который поддерживал мятежников. В распоряжение византийского императора было выделено 6 тыс. русских воинов, доставленных морским путем. Любопытная подробность: греки сначала обучили их римскому и греческому строю и лишь после этого привлекли к участию в боевых действиях.

Летом 988 г. произошло сражение под Хрисополем, где участвовали и русские войска. Оно было тщательно спланировано, включая фактор внезапности. Небольшие быстроходные и бесшумные суда русов как нельзя лучше подходили для этого. Эта победа возымела положительные последствия для Василия II, прибавив ему союзников.

В апреле 989 г. состоялось другое сражение — при Абидосе, когда Василий II сумел нанести решающее поражение войскам Варды Фоки. Победа была достигнута внезапной атакой с моря и суши — русские на своих судах подожгли флот противника.

Великий князь
Владимир.
Худ. В. Васнецов

Славное имя — Владимир

Выполняя условия договора с греками, русские дружины отправились на Херсонес, но это произошло уже после крещения Руси.

Следует отметить, что договоренность об оказании военной помощи Византии была долгосрочной. В 999 г. русские воины вместе с византийцами побывали в Сирии, в следующем году действовали где-то возле Эрзерума, обратив в бегство грузинское войско.

В 1019 г. отряд русов отражал атаки норманских дружин в ожесточенной битве при Каннах в Италии. Позднее отряд воевал и под Багдадом, и в Грузии, и в Сицилии.

По обычаю того времени, Владимир поделил русские земли на уделы, которые достались его сыновьям. Но сын Ярослав, князь Новгородский, пожелал выйти из-под воли отца. Владимир решил применить против непокорного силу оружия, и выехал из Киева. Обратив в этот город он не вернулся — в Берестове князь тяжело заболел и в июле 1015 г. скончался. Его тело захоронили рядом с гробницей супруги Анны в Десятинной церкви, сооруженной им в память Пресвятой Богородицы, куда в пользу храма князь ежегодно отчислял десятую часть из своих доходов.

В 1240 г. князь Владимир был канонизирован Русской Православной церковью — это произошло не без участия князя Александра Невского. День победы на Неве совпал с днем смерти князя Владимира, и Александр увидел в этом покровительство своего предка, который некоторое время княжил в Новгороде. В этом городе и состоялась канонизация князя Владимира. Акт канонизации Владимира показал киевлянам, что русская земля жива и величие Киева и славу великих предков помнят и хранят на севере.

В том же 1240 г. Золотая Орда разгромила и залила кровью Киев, в огне пылали храмы, гибли люди... В тяжелые годы нашествия золотоордынцев имя князя Владимира в раздробленной и опустошенной Руси стало символом ее единения и могущества. Общерусская же канонизация князя Владимира состоялась только при Иване Грозном.

Русская Православная Церковь причислила Владимира к лику святых, называя его равноапостольным за ревность к вере христианской и отмечает его светлую память 28 июля. В русской истории князя Владимира за его деяния называют Великим.

Укрепление государства и веры при князе Владимире сопровождалось градостроительством, широким распространением церковной письменности, христианской культуры. В Киеве и других городах появились училища, в которых обучались грамоте дети «лучших людей». «И бысть множество училищ книжных, — повествует летописец в «Повести временных лет», — и бысть о сих множество любомудрых.»

На Руси издавна было принято брать в княжескую дружину варягов-наемников. Владимир был первым, кто отказался от этого обычая. Когда он с помощью варяжской дружины захватил Киев и стал единовластным правителем, варяги-наемники потребовали у него выкуп по две гривны с человека, заявив, что Киев, мол, «наш город, мы его захватили». Владимир попросил месяц срока на сбор огромной по тому времени дани, а сам тем временем стал собирать войско.

Варяги быстро сообразили, что вместо поживы им придется расстаться с жизнью, и смиренно попросили князя отпустить их в Византию. Владимир охотно согласился и даже «путь показал». Пока варяги снаряжали свои ладьи, князь отправил послание византийскому императору: «Вот к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе понаделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам».

Конечно, и в более поздние времена варяжские отряды были на службе на Руси, как и другие иноплеменные воины, но начиная с Владимира решающее значение имело воинство, формируемое на национальной основе. А православ-

Крещение Руси
Худ. В. Васнецов

Славное имя — Владимир

ная вера благотворно сказалась на воспитании воинского духа русских ратников. Все свершившееся принимали они как промысел Божий, изменилась их психология, они перестали бояться смерти, поскольку верили в бессмертие души.

Во времена Владимира, писал историк Сергей Михайлович Соловьев, «дружина не уходила с князем в далекие страны искать славные добычи; при Святославе, например, трудно было выказываться богатырем и внести свои подвиги в народную память, потому что князь был в челе дружины и был сам богатырь богатырей, дружинники были только похожи на него, притом подвиги их совершались в далеких странах; если и были певцы в дружине князя, то песни их мало могли найти сочувствие в народе, для которого содержание их было чуждо, но при Владимире другое дело: дружина была храбрая, дела ей было много, шла непрерывная борьба с варварами, и эта борьба происходила на глазах русского народа и шла за самые близкие его интересы: отражение печенегов, поимка какого-нибудь страшного разбойника была для него поважнее блистательных подвигов Святослава в Болгарии; при этом же сам князь Владимир не был богатырем из богатырей, отсюда богатырство дружинников выказывалось резче, отдельные его предприятия часто поручались мужам из дружины княжеской, которые таким путем могли выказаться. Предмет песен по большей части — борьба богатырей со степными варварами, печенегами, которые получили в песнях имя татар. Упоминаются еще подвиги богатырей против разбойников; летопись также говорит об умножении разбойников, и сохранилось имя одного из них — Могута, который был пойман в 1008 г. и покаялся в доме у митрополита.

Можно думать, что разбойники умножились вследствие бегства тех закоренелых язычников, которые не хотели принимать христианства: разумеется, они должны были бежать в отдаленные леса и жить за счет враждебного им общества; этим можно объяснить народное уважение, соединенное с памятью о некоторых богатырях Владимирового времени, например, об Илье Муромце, которому приписываются подвиги на отдаленном финском севере, где язычество долго находило себе убежище. В летописи сохранились имена следующих богатырей Владимирового времени: Яна Усмовича, или Усмошведа (кожевника, который убил печенежского богатыря и потом упоминается также под 1004 г. как победитель печенегов); Александра Поповича, разбившего печенегов, приведенных каким-то Володарем, которого летописец упрекает в забвении благодеяний князя своего Владимира, потом Попович разбил печенегов вместе с Усмошвецом в 1001 и 1004 гг.; Рагдая Удалого, ходившего на триста воинов: его смерть показана под 1000 г.; Андриха Добрянкова, отравленного слугами в 1004 г.»

Память о князе Владимире бережно хранилась в тысячелетней истории русского народа. Первый цикл былин русского эпоса связан именно с именем Владимира Красное Солнышко. В них встает в могучий рост образ «славного Владимира Сеславича», великого князя — любимца народа. В былинах, которые дожили до наших дней, князь Владимир показан справедливым правителем, защитником Руси от врагов, которого окружали богатыри.

Любопытно, что имя князя Владимира было известно и в Европе. О нем рассказывают византийские литературные источники и саги скандинавских скальдов. О богатырях князя Владимира упоминается в западноевропейском эпосе. Илья Муромец известен в Англии, а Русь Владимира знает «Песнь о Роланде».

Но не только Русская Православная Церковь и народ хранили память о князе Владимире. 22 сентября 1782 г. Екатерина II учредила в его честь специальный орден. Владимир 1-й степени по старшинству орденов стоял сразу за Андреем Первозванным (если не считать женского ордена Екатерины). Орден Владимира был четырех степеней, и им награждались как гражданские, так и военные лица.

Звезда ордена св. Владимира

Звезда ордена св. Владимира с мечами сверху

Нагрудный знак на ленте ордена св. Владимира — награда для дам за благотворительную деятельность в течение 25 лет

Кавалеры ордена 1-й степени имели знаки: крест на ленте, надетой через правое плечо, и звезду на левой стороне груди; кавалеры 2-й степени — такой же крест на шее и звезду на груди. Награжденные орденом 3-й степени носили крест меньших размеров на шее, а 4-й — крест в петлице

Среди офицеров особо популярен был орден Владимира 4-й степени с бантом из орденской ленты (учрежден в 1789 г.), который давался за боевые подвиги. Первым кавалером ордена стал капитан-лейтенант Дмитрий Николаевич Сениянин, будущий адмирал и флотоводец; вторым — Михаил Богданович Барклай де Толли.

Немало замечательных русских деятелей были отмечены этим орденом. Выдающийся хирург, академик Николай Иванович Пирогов получил орден Владимира 4-й степени за организацию военно-медицинской службы в осажденном Севастополе во время Крымской войны. Известный литератор, состави-

Славное имя —
Владимир

*Николай II
с орденом
св. Владимира
за 25 лет службы
в офицерских
чинах.
Худ. И. Репин.*

тель «Толкового словаря живого великорусского языка», военный врач Владимир Иванович Даль был награжден орденом Владимира за участие в боевых действиях и мужество, проявленное в сражениях.

Еще один кавалер этого ордена — адмирал Василий Михайлович Головин, принесший немалую славу русскому Отечеству. Это был искусный моряк, талантливый ученый и одаренный писатель. Служить на флоте он начал в 14 лет гардемаринном, в 1790 г. участвовал в составе экипажа корабля «Не тронь меня» в трех морских сражениях против шведов, за что получил свою первую награду — медаль «За храбрость на водах финских». Потом он плавал на английских военных кораблях, побывал в Вест-Индии, участвовал в блокаде Тулона и Кадиса. В 1807 г. на корабле «Диана» из Кронштадта вышла русская морская экспедиция под командой Головина, которой предстояло совершить кругосветное плавание.

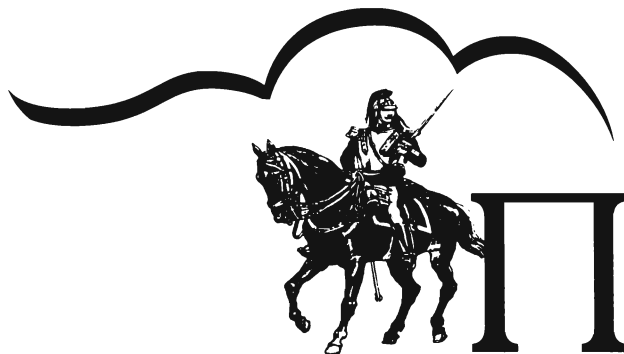
Годовой арест англичан в бухте Симостаун задержал «Диану» на год, и на Камчатку она прибыла только 29 сентября 1809 г. В Петропавловской гавани Головин узнал, что стал кавалером сразу двух орденов: Георгия «за осымнадцать морских кампаний» и Владимира 4-й степени «за благополучное совершение многотрудного путешествия».

О плавании к берегам Аляски и Камчатки, ее населению, флоре и фауне, Курильских островах, о двухлетнем японском плене В. М. Головин поведал в книге «В японском плену», которая вышла в свет в 1819 г. и сразу же была переведена на несколько европейских языков. Еще одну книгу «Путешествия вокруг света» Головин написал после второго кругосветного путешествия на шлюпе «Камчатка» (1822). В основу ее были положены впечатления адмирала от посещения русских владений в Северной Америке, на Аляске, Алеутских и Гавайских островах. Отважный моряк умер в 1831 г., оставив после себя несколько книг, тем самым сделав весомый вклад в развитие русской морской мысли. Как и равноапостольный князь Владимир, Василий Головин был государственным мужем и добрым христианином.

Имя «Владимир» на своем борту носили многие корабли русского флота. Одному из них история отвела особую роль. 5 ноября 1853 г. 11-пушечный парохо-до-фрегат «Владимир» под флагом вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова и под командованием капитан-лейтенанта Григория Ивановича Бутакова в районе Пендераклии на Черном море после трехчасового боя с турецко-египетским пароходом «Перваз-Бахри», вооруженным десятью пушками, захватил его и привел в свой порт. Турки потеряли в этом бою 58 человек; у русских было 2 убитых и 3 раненых. Бой «Владимира» с «Перваз-Бахри» был первым в мире боем паровых кораблей.

Славное имя — Владимир! Не случайно на Руси родители давали его своим сыновьям, если прочили им военную карьеру...

Присяга — совесть воина

Присяга — понятие воину хорошо знакомое, поскольку служба начинается с нее. У русского воинства она стала олицетворением веры и верности. Обычай присягать появился на Руси очень давно, у него своя история. Еще в XI в. в летописях можно было встретить упоминание о Тмутаракани, входившей в состав Руси. Ученые долгое время не знали точно ее месторасположение: в устье то ли Днепра, то ли Дона, то ли под Черниговом.

В 1792 г. во время земляных работ на кубанском берегу Керченского пролива, в Тамани, солдаты случайно выкопали мраморный камень с надписью: «В лето 6572 (по нашему исчислению в 1068 г.) Глеб князь мерил морем по льду от Тмутаракани до Крчева (т. е. Керчи) 14 000 сажень», так была найдена Тмутаракань. На камне впервые упоминается «сажень», позднее встречается другое написание — «сажень»; оба слова — производные от «сягать» («достигать»); от последнего и произошла «присяга». На первый взгляд покажется, что слово «присяга» не имеет отношения к словам «достигать» или «касаться», тем более что мы сейчас не замечаем этой связи, хотя в старину при торжественной присяге принимающие ее обычно касались в знак клятвы священных предметов, будь то крест, икона или освященное знамя. Основу военной организации Древней Руси составляли княжеские дружины, которые, собираясь под бранными стягами и знаменами, приносили клятву верности князю-заступнику.

Верность дружине, князю и данному слову была развита у русских воинов до высокой степени — вплоть до героизма: князь ни при каких обстоятельствах не покидал своей дружины, а дружинники своего князя. В отечественной истории этому есть множество примеров. Так, князья Борис и Глеб, зная о грозящей им смертельной опасности, отпустили свои дружины, чтобы отвести их от гибели; во время похода Владимира Ярославича против греков тысяцкий Вышатый мог бы избежать грозящей опасности бегством, но предпочел честную смерть в бою вместе с товарищами. Нарушить данное слово

считалось для русского дружинника позором, поэтому он позору предпочитал смерть. Свидетельство тому слова князя Святослава, произнесенные им перед дружиной накануне битвы на Доростоле: «Мертвые бо сраму не имут». В этом бою князь и дружина сложили свои головы. Мужественное поведение князя Дмитрия Донского покончило с колебаниями в настроениях князей, бояр и воевод перед Куликовой битвой, русская рать перешла через Дон и напала на золотоордынцев.

В первый русский воинский «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся воинской науки» (1647) уже был включен ритуал принятия клятвы на верность царю. Каждый воинский человек, говорилось в уставе, должен приводиться к крестному целованию — приносить присягу государю «верно служить» и «во всем послушным и покорным быть и делать по его ведению». Нарушитель присяги провозглашался клятвopеступником, так как, целуя крест, брал в свидетели своей верности и преданности самого Бога.

В русской армии присягающий давал клятвенное обещание и расписывался в так называемом «присяжном листе». Смысл этого документа заключался в том, что воин клялся «служить, не щадя живота своего, до последней капли крови». Интересно, что некоторые положения его не утратили значения и в наши дни. Например, врагам надлежало «телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, в партиях, осадах и штурмах и прочих воинских случаях — храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем споспешествовать, что к... верной службе в пользе государственной во всяких случаях касаться может.

О ущербе же Его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не только заблаговременно, но и всякими мерами отвращать и не допускать потщуся (порчи), и всякую вверенную мне тайность крепко хранить буду».

Присяга обязывала подчиняться старшим командирам: «А пред поставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе государственной касаться будет, надлежащим образом чинить послушание, и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать».

Присяга заканчивалась словами: «И во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному воину надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий!

В заключение же сей моей клятвы, целуя слова и крест Спасителя моего. Аминь». При этом присягающий целовал находившийся перед ним крест и Евангелие.

Возникает вполне закономерный вопрос: а как Русская Православная Церковь относилась к обязанностям воина? Ведь Церковь, как и «царство Божье», не ведает ни войн, ни воинов в том смысле, как эти понятия существуют в человеческом обществе. Поскольку «христолоубивое воинство» сражается не против одной «крови и плоти», но и против врагов веры и «Церкви Христовой», то и воинов-христиан Церковь почитает своими членами, и тем лучшими и почетнейшими членами, чем лучше и достойнее они выполняют свой

Присяга — совесть воина

долг. Сама Церковь, пока она на земле, есть именно «воинствующая церковь», и «оружия ее воинствования сильны Богом на разрушение твердынь». К Церкви обращались, когда нужно было привести новобранца к присяге, освятить знамена, оружие и доспехи, перед началом, по окончании военных действий и т. д.

Русская Православная Церковь утверждала, что согласно учению слова Божия между воином и Церковью нет границ, которые представляются с первого взгляда, между ними — тесная связь. Воин должен строго и точно, по долгу совести и присяги исполнять обязанности своего звания — и тогда он становится самым верным, самым благонадежным сыном Церкви святой. Если воин не отвращает своего слуха от материнских наставлений Церкви — он становится самым преданным и послушным слугой Царя и Отечества. В свое время Иоанн Креститель на вопрос воинов: что им делать, чтобы наследовать «Царство Небесное» — не укорял и не обличал их, как недостойных этого царства, но прямо указывал им на их нравственные обязанности, как на лучшее средство обрести его. Известно, что Сам Иисус Христос не только не отвергал просьбы боголюбивого сотника римского, но даже поставил его веру выше веры самых признанных «сынов Царствия». Исходя из этого, апостолы, а за ними и вся христианская Церковь общим правилом для верующих постановили: «В каком звании кто призван, в том каждый и оставайся» перед Богом, то есть, не переставая быть гражданином-воином, в то же время будь истинно добрым и доблестным христианином, и тогда при каждом звании не перестанешь быть более близким, чем иные ближайšie слуги Церкви, сыном Церкви и наследником вверенных ей обетований. В «Своде военных установлений» говорилось уже конкретнее: «Дурной сын Церкви не может быть добрым сыном своего Отечества. А потому солдат всею душою, всем сердцем должен утвердиться в законе Божиим, в святой вере христианской и в словах царского устава».

Воин, принявший присягу, должен всегда оставаться верным своему знамени и своей части, дорожить своей частью, как своей родной семьей. «Верный в малом — говорит Священное Писание — верен и во многом»; тот, кто хранит верность своему, даже маленькому коллективу, верен и всему российскому воинству, верен Церкви и Отечеству. А тот, кто не верен в малом, тот будет неверен и в большом. Испокон века в России считалось преступлением в мирное время своеволие и трусость, а в военное — второе клятвopреступление, вторая измена.

В армии обязанности воина настолько сложны и разнообразны, что никакой устав или инструкции, правила или предписания командования не могут точно и на все случаи жизни расписать, что и как должен делать воин в той или иной обстановке. Кроме того, у каждого воина, как человека, семьянина, гражданина и христианина есть еще и множество других обязанностей, от исполнения которых он также не может уклониться, как и от исполнения своего служебного долга. Чем надлежит руководствоваться воину в таких случаях? Он должен всегда придерживаться смысла данной им присяги, во всем руководствоваться правилами воинской честности, верности, послушания, храб-

рости и расторопности. В делах чисто служебных воин-христианин должен вопрошать собственную совесть, если не имеет на сей счет определенного закона или приказа командира. Именно совесть подскажет, как поступить в том или ином случае.

Сохранились сведения, что когда Петр I, вопреки собственному распоряжению, захотел в неположенное время войти в Петропавловскую крепость, часовой не пропустил его. Только когда царь объяснил солдату, что ему нужно пушечными выстрелами возвестить народ о рождении наследника, тот ответил: «А когда так, что за беда! Пусть хоть расстреляют меня завтра: поди и обрадуй народ этой вестью».

Другой, явно нехарактерный для воина случай. Егерь 8-го Егерского полка Рябинин (в 1805 г.), отстав от товарищей, увидел в болоте трех погибающих французов и спас их. Оказавшись в безопасности, они бросились на своего спасителя. В схватке Рябинин двоих ранил, а третьего швырнул в болото, но потом пожалев, вытащил снова. Всех трех французов сдал наскочившему на него неприятельскому пикету.

В обоих случаях войны действовали не по уставу, а по совести и воинской чести. В первом случае солдат был произведен самим государем в сержанты, а во втором — с честью неприятелем отпущен в свою часть. Воин должен оставаться верен присяге даже тогда, когда рядом не окажется товарищей и командиров. В 1812 г. случилось так, что раненого в бою гусара Елизаветградского полка Федора Потапова укрыли и вылечили крестьяне. Когда рана зажила, он организовал из крестьян дружину и привел ее к присяге: «Бороться до смерти за Веру, Государя и землю Русскую и быть во всем послушно избранному начальнику». Около двухсот человек оделись в латы крестьянских кирасиров, чтобы успешнее бить врага. В общей сложности отряд Потапова, верный своей присяге, уничтожил несколько тысяч французов.

Церковь учит православного воина и в обществе и в семье быть честным и верным, кротким и послушным, но когда требуется — храбрым и расторопным человеком. В доме или в отведенном ему месте всегда соблюдать чистоту и порядок, в пище быть невзыскательным и умеренным, в одежде аккуратным. Для жены оставаться преданным мужем, родителям — покорным и услужливым сыном, детям — нежным и заботливым отцом. К старшим по званию относиться почтительно, к равным — предупредительно, к младшим — справедливо и заботливо, к лицам других частей и разного звания учтиво и уважительно. Вступаясь за слабых и беззащитных, воин-христианин не должен быть гордым, обидчивым или мстительным, а строгим и решительным. К Церкви Божией, ее правилам и уставам относиться благоговейно. И конечно, такой воин должен быть правдивым, терпеливым, бескорыстным и никогда не поступать своими убеждениями. Всеми этими нравственными качествами должен обладать воин потому, что к этому его обязывает общий дух службы и воинской чести — если воин дал присягу, то значит он клялся всегда и во всем быть честным и верным воином-христианином.

Воинскую службу можно сравнить с подвижничеством монаха. Многие трудности ожидают воина на жизненном пути, и чем больше сил он тратит на

Присяга — совесть воина

*Суворов на часах
в Монплеэре.
Рис. Тимма.
Из книги
Ф. Булгарина
«Суворов».*

их преодоление, тем крепче, сильнее, выносливее он становится. Жизнь и служба прославленного полководца России Александра Васильевича Суворова — пример тому. В полк он попал пятнадцати лет от роду. В отличие от многих молодых дворян Александр не искал для себя каких-либо послаблений по службе: напрашивался на самые трудные дела. Начав службу простым рядовым, он вскоре дослужился до капрала, а затем и до сержанта; сознательно отказывался от развлечений и большую часть свободного от службы времени проводил с солдатами в казарме. Деньги, присылаемые из дома, тратил на помощь солдатам, книги и учителей; аккуратно ходил на занятия в классы сухопутного кадетского корпуса, где постигал военную науку.

В отличие от сверстников он никогда не нанимал за себя для исполнения своих обязанностей солдат или унтер-офицеров — дурной обычай того времени — а наоборот, сам с охотой ходил в караул за других. Казалось, для него было забавой стоять на часах в ненастье или стужу, есть солдатскую пищу, чистить свое ружье или амуницию. Не было солдата исправнее Суворова, как позже не было более требовательного унтер-офицера.

Однажды, когда молодой Суворов стоял на часах у одного из дворцов в Петергофе, к нему подошла императрица. Он, как положено, отдал ей честь. Государыня спросила имя часового и пожаловала ему рубль серебром.

— Всемиловейшая государыня! Закон запрещает солдату принимать деньги, стоя на часах.

— Ай, молодец! — похвалила государыня. — Ты знаешь службу. Я положу деньги на землю — возьми, когда сменяешься!

На следующий день Суворов вне очереди был произведен в капралы.

Изучение ратного искусства помогло Петру I создать регулярную боеспособную армию. С малых лет он видел удовольствие в преодолении трудностей сурового быта. Ему было всего десять лет, когда он учредил в Москве роту из молодых дворян — с ней он стоял лагерем, нес положенную службу и необходимые работы — и делал это каждый день. И вот любопытная подробность — он не пожелал стать капитаном этой роты, первой регулярной роты в России, даже наоборот, царевич решил пройти все ступени воинской службы, начиная с нижней, чтобы познать тонкости военного искусства. Несколько лет служил рядовым солдатом, нес караул, спал вместе

*Императрица
Елизавета
Петровна
жалует
Суворову
серебряный
рубль.
С рис. Шев-
ченка. Из соч.
Полевого
«История кн.
Итал. гр. Сув.-
Рымникого».
С.-П.-Б.*

со сверстниками в палатке или в караульне на лавке; днем и ночью стоял на часах, ел вместе со всеми простую солдатскую пищу. При закладке крепости для забавы или воинского учения возил землю в тележке, которую изготовил собственными руками. Молодой царь преодолевал воинские трудности и подавал собой пример другим.

Кстати, будущий создатель российского военного флота и службу на море начал простым матросом. При смотре корабля «Петр и Павел», в закладке которого он участвовал еще в 1697 г., государь обратился к капитану Мусу:

— Ну, брат, в войске сухопутном я прошел все чины, позволь же мне иметь счастье быть под твоей командой.

Капитан растерялся.

— Что же вы, господин капитан, не достаиваете меня своим приказом! С какой должности обыкновенно начинают морскую службу?

Присяга — совесть воина

— С каютного юнга! — ответил капитан.

— Хорошо! Теперь я заступаю на его место.

— Помилуйте, Ваше Величество...

— Я теперь здесь не Ваше Величество, а начинающий морскую службу, в звании каютного юнга!..

Полагая, что государь шутит, капитан решил подыграть ему:

— Ну, так полезай на мачту и развяжи парус!

Не смущаясь, Петр I через несколько минут оказался на топе мачты. Все замерли, ведь у царя не было опыта в деле, которое и для опытного матроса считалось сложным. Вскоре, однако, снасти были отданы, и парус оказался на палубе. Капитан остался доволен и, входя дальше в роль, приказал новому юнге раскурить для него трубку. Петр беспрекословно повиновался. Надо сказать, что капитан-голландец служил матросом во время пребывания русского посольства в Амстердаме и еще тогда понравился русскому царю. Последовало следующее приказание: принести бутылку вина из каюты. Петр мигом появился с бутылкой и стаканом в руках и застыл в ожидании. Капитан взял в одну руку стакан с вином, а другой подбросил свою шапку вверх:

— Да здравствует величайший из царей! Громкое «ура» раздалось ему в ответ. Так матросы поддерживали русского царя, который полагал, что хорошо может командовать лишь тот, кто умеет хорошо повиноваться.

Петр Великий дослужился до контр-адмиральского чина, уступая по справедливости адмиральские и контр-адмиральские звания тем, кто на флоте превосходил его по службе. Когда освободилось адмиральское место, контр-адмирал Петр Алексеев подал положенным порядком челобитную на рассмотрение в адмиральскую коллегию и получил ответ: признавая заслуги государя, коллегия будет иметь в виду его возможное перемещение, а пока, не имея возможности пойти против справедливости, сочла возможным предоставить место другому морскому офицеру, который «должен прослужил на море и там же многократно отличился».

Петр остался доволен таким решением: «Члены коллегии справедливо судили и поступили по надлежащему. Если бы они были столь раболепны, чтобы из ласкательства предпочли бы меня своему сверстнику, то действительно я заставил бы их в том раскаяться».

Люди, верные присяге, всегда были надежной опорой Отечества. В Священном Писании есть пример истинно христианского подвижничества. Апостол Павел завещал ученику Тимофею воинствовать как доброму воину, имея веру и совесть, переносить страдания, как воину Иисуса Христа. Никакой воин не должен связывать себя заботами житейскими, чтобы угодить военачальнику. В своем высшем проявлении подвиги воинские сродни подвигам христианским и когда они сходятся воедино — от такого воина самая большая польза для службы Отечеству.

Армия требует дисциплины, церковь — послушания. Для военного эти два понятия сливаются воедино и выражаются одним словом — повиновение. Оно состоит в точном и беспрекословном исполнении воли начальников, как

бы порой эта воля ни казалась неудобноисполнимой, и в строгом, неуклонном выполнении своих обязанностей, как бы они не были сложны и опасны. Без этого всего немыслима ни военная служба, ни само войско.

Короткое слово «есть» означает тоже самое, что и «повинуюсь». Воин обязан переспросить командира, если не понял приказа, но уклониться от исполнения не имеет права, поскольку за последствия своих действий отвечает уже не сам воин, а отдавший приказание начальник. Долг воина выполнить волю командира.

Исключением из правила могут быть только такие приказы, которые преступны или явно противоречат совести и требованиям присяги. Но в отечественной истории такие случаи крайне редки, так как исполнительность православного воина основана не на страхе или каких-либо житейских выгодах или расчетах, а прежде всего на страхе Божиим, твердой уверенности, что «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены», и посему противившиеся власти Божией навлекут на себя осуждение. Русский воин был твердо убежден, что следует повиноваться по совести, причем не только «благим и кротким» властям, «но и суровым». «Ибо, — говорит Апостол, — то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби страдания несправедливо. Ибо мы к тому и призваны; потому что и Христос пострадал, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (Петр.2, 19, 20).

В присяге воплощалась воля Церкви и государства, и невыполнение ее требований грозило воину наказанием как от главы Церкви, Самого Бога, Всемогущего и Всеведущего, так и от главы государства. Присяга становилась для него как бы вторым Символом его веры, вторым Десятисловием, и невыполнение требований уставов означало для воина нарушение своих главных обязанностей, как бы пренебрежение вечным спасением.

Евангелие не позволяет «противиться злему», то есть за причиненное зло воздавать злом, и это правило следует помнить всякому христианину, когда он осуществляет личную защиту от напавших на него врагов. Но при защите своих ближних Евангелие не запрещает силе противопоставлять силу. «Ибо, — писал святой митрополит Московский Филарет (Дроздов), — иное право частного лица, и иное — слуги и деятеля общественного. Своим послаблением власти последний только бы нарушил свой долг, как «Божия слуги», не только уполномоченного, но и вооруженного на защиту добрых и наказание злых людей» (Рим.13, 4). Сам Иисус Христос не раз некоторыми внешними мерами водворял порядок в доме Божиим, когда замечал, что дом этот люди нечестивые превращают в «дом торговли» или в «вертеп разбойников» (Мф. 21, 12—13 и Иоанн 2, 15). Сам Господь, Св. Апостолы и первые христиане считали совместимым с истинной верой воинское звание, как это следует из истории известных «сотников», от которых не требовалось покинуть службу, когда они стали христианами. Достаточно вспомнить жизнь и деяния св. Георгия великомученика, св. Маврикия и других воинов, ставших мучениками во время последнего, самого жестокого гонения на христиан. Известно, что печальник земли Русской святой Сергей Радонежский не только благословил Великого князя

Присяга — совесть воина

Дмитрия Донского на борьбу с врагами, но еще дал ему двух благочестивых иноков, которые кровью запечатлели свою Веру и Верность Отечеству.

В Слове Божиим и в Церкви война всегда считалась злом, но злом неизбежным, — великим народным бедствием, но бедствием неотвратимым для человечества (Мф. 10, 44), и поэтому, не отвергая самой войны, христианство старается только по возможности сократить или уменьшить ее бедствия. Храбрость воинскую оно проявляет не в жестокости по отношению к врагу, а в совершенно спокойной смелости и неустрашимости перед ним. Целью войны считается не возможно большее нанесение вреда неприятелю, с возможно меньшими потерями своих сил, а возможно быстрое и надежное усмирение врага с минимальными потерями, как для себя, так и для него. Поэтому у христианских народов выработалось определенное отношение к войне:

— не начинать войну без крайней необходимости, то есть без явного и неодолимого вызова;

— не нападать во время войны на тех, кто не имеет оружия (к примеру на мирных жителей, на пленных и раненых, на священников, врачей и медицинских сестер);

— не применять во время боя каких-либо средств, причиняющих излишнее страдание;

— не грабить и не осквернять храмов, не мародерствовать и не оскорблять народной нравственности.

Кроме того православный воин должен помнить, что после боя враг — уже не враг, а нередко в определенных пределах друг и товарищ своему сопернику. Слова сотника Белоусовича к раненому им турку, от которого он и сам получил рану под Шумлой в 1829 г., яркий пример тому. «Бил я тебя по службе, а дарю по дружбе!» — говорил он, вручая турку подавание на перевязочном пункте.

Вся военная история России пронизана великодушием к поверженному противнику, и оно всегда и везде было признаком проявления истинной храбрости. Храбрость и великодушие можно в себе сочетать православному воину лишь тогда, когда он научится самоотверженно с готовностью идти на самопожертвование, то есть быть готовым в зависимости от обстоятельств «душу свою (не врагов своих) положить за друзей». Пожалуй, лучше не найти этому примера, как храбрость и самоотвержение императора Петра Великого! Всем известна его способность к самопожертвованию, а храбрость была равна великодушию! Взяв город Азов и не желая проливать кровь своих подданных и даже врагов, он разрешил всему турецкому гарнизону вместе с женами, имуществом и детьми выйти из города и переправиться на свои суда. Жители Азова были изумлены поступком государя: «Благодарим Бога, что ты поступил с нами правдиво и милостиво, пожаловав нас не смертью, а животом, за которую правду твою и впредь, куда не пойдешь войною, да управит Бог путь твой благополучно и победоносно». Какая победа может быть более нравственной, чем эта? За такие победы не только славят люди, но и сам Бог благославляет воинов-победителей!

Присяга — совесть воина

Главной же обязанностью воина-христианина является его отношение к вахте или боевому дежурству. Особая важность их состоит в том, что воин на них, хотя и короткое время, освобожден от подчинения всем, даже старшим своим начальникам (кроме тех, кому он подчинен во время исполнения этих обязанностей) и по сути дела представлен суду собственной совести. В это время он облечен особым доверием и правами — от правильного исполнения обязанностей дежурства или вахты нередко зависят безопасность и жизнь многих людей. Видимо, поэтому-то и считается в мирное время караул, вахта и дежурство — главной и почти единственной проверкой честности, бдительности и мужества воина, главным мерилom его Веры и Верности.

Воин, находящийся на дежурстве, должен быть особенно строг и требователен к себе и, как показывает опыт Российских Вооруженных Сил — ни голод, ни холод, ни огонь, ни вода, ни просьбы друзей, ни угрозы врагов — ничто не в состоянии отвлечь его от исполнения порученного ему долга. На все соблазны и страхи у него один ответ: «А Бог! А присяга!». На все соблазны — всегда одно неизменное решение — пусть даже смерть, но все буду делать так, как доверено.

В 1806 г. от удара молнии в городе Судоге возник пожар, при этом опасность стала угрожать собственному дому стоявшего от него неподалеку часового рядового Пичугина. Несмотря на зов знакомых и родных: все бросить и

Молебен после
присяги

спасать свое жилище и имущество, он ответил: «Если не спасут их Бог и добрые люди, пусть горят, а я не оставлю своего поста». Нечто подобное произошло и в 1834 г., когда в Санкт-Петербурге загорелся сарай артиллерийской лаборатории, возле которой на часах стоял рядовой Кулябин. Он был снят с поста караульным офицером лишь тогда, когда загорелась его будка.

В Санкт-Петербурге во время наводнения 1824 г. много часовых было найдено по пояс в воде, где они продолжали оставаться на своих постах. Вызывает уважение поведение целого караула Финляндского полка, который будучи наполовину искалечен взрывом в Зимнем дворце, не растерялся и не покинул своего рокового поста.

Итак, находясь на вахте, в дежурстве или карауле, и на более ответственной «божественной страже», старайся по возможности бодрствовать (Аввак. 2, 1). Наблюдая за происходящими вокруг тебя явлениями, проникай в их внутренний смысл и значение, задумайся о возможных последствиях их. Ищи во всем не простого, случайного стечения обстоятельств, но преимущественно — той или иной воли Провидения! В конце концов, молись, и молись постоянно — благо на службе это не возбраняется — и, что бы ни происходило, будь тверд и спокоен на своем посту. «Бодрствуйте, — говорил Сам Спаситель стоявшим на страже своим ученикам, — бодрствуйте и молитесь, да не войдете в напасть. (Мф. 26, 40).» К этому призывали свою паству и военные священники.

Со времен принятия христианства на Руси в основу присяги было положено религиозное чувство верующего. Все тексты присяг старой русской армии роднит несомненно одно — стремление воздействовать на душу православного воина, в них отсутствует прямое указание на ответственность за нарушение присяги.

Весьма любопытен один из первых документов Временного правительства с формой присяги или клятвенного обещания на верность службы Российскому государству, вынесенный постановлением от 7 марта 1917 г.

Текст присяги гласил: «Клянусь честью офицера (солдата) и гражданина и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству, как своему отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Русского Государства...

Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно пользу государства и не щадя жизни ради блага отечества.

Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг офицера (солдата) и гражданина перед отечеством.

Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером (солдатом) и не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды. В заключение данной мною клятвы осеменяю себя крестным знамением и нижеподписуюсь».

Присяга — совесть воина

Эта присяга уже предусматривала в скрытой форме и неисполнение преступного приказа, то есть «выполнять приказ в тех случаях, когда это требует долг офицера (солдата) и гражданина перед отечеством». Из примечаний к присяге явствовало, что приведенный выше текст касался лиц православного и римско-католического вероисповедания. Для воинов лютеранского вероисповедания, иудеев и язычников из присяги выпускались слова «осеняю себя крестным знамением». Для магометан присяга заканчивалась словами «Заканчаю сию мою клятву словами преславного корана и нижеподписуюсь». Для язычников и других инаковерующих, в соответствии с их учением, начальная фраза присяги читалась так: «Честью офицера (солдата) и гражданина обещаю перед своею совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему отечеству».

В этой присяге уже полностью воплотился закон о свободе совести, который был принят в 1913 г. Смысл его состоял в том, что гражданин Российской империи мог исповедовать любую веру, но в своих молитвах должен был обязательно молиться за Россию. Жизнь подтвердила мудрость этого решения: в годы гражданской войны верующие разных исповеданий сражались под одним знаменем — Белым.

После Октябрьского переворота большевистское правительство очень скоро пришло к необходимости приведения вновь формируемых частей Красной Армии к присяге. Причем на первых порах не было единого текста присяги. В ходе решения вопросов военного строительства Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) была утверждена 22 апреля 1918 г. «Формула торжественного обещания». Каждый доброволец, вступая в Красную Армию, давал обязательство прослужить в войсках не менее шести месяцев. «Формула» была напечатана в «Служебной книжке красноармейца» и тем самым обрела значение государственного документа. Она включала задачи, которые стояли перед любой армией, только теперь они облекались в словесную форму атеистической модели воспитания воинов. В отличие от присяги прежней русской армии в текст новой был положен классовый принцип и содержал прямую угрозу: «Если по злему умыслу отступлю от моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

В первые годы Советской власти в армию призывались люди, которые прошли через религиозное воспитание и отношение к присяге у них сохранилось традиционным. Надо иметь в виду, что в народе со времен Петра Великого присяга была понятием святым и те, кто ее давал, были носителями христианской нравственности. И еще следует учесть немаловажный факт: нравственные качества воспитываются в течение довольно продолжительного времени (исходя из опыта русской армии за основу можно взять период в 40—60 лет и приблизительно столько же времени требуется для их «уничтожения»). Кстати, святое отношение к воинской присяге, сохранившееся у советских воинов накануне Великой Отечественной войны, еще и удерживалось жестокостью сложившейся командно-административной системы управления в государстве.

В современной обстановке присяга, данная на Веру и Верность в присутствии священника, накладывает на воина обязанности еще и христианина, и как бы осуществляет незримую преемственность боевой славы отцов и дедов, служивших Верой и Верностью Отечеству.

Священное Писание и Предания Церкви несут в себе мудрость святых отцов о военной службе:

— Не похвально искать начальства, не научась быть начальником над самим собой.

— Надобно прежде научиться управлять собою, а потом уже другими (Св. Тихон. Задонский).

— Чем обширнее влияние примера нашего на других, тем хуже для нас от наших грехов (Филарет Архиепископ Черниговский).

— Обращайтесь с подчиненными вашими так, как бы вы желали, чтобы ваш начальник обращался с вами (Амвр. Рандю).

— Не взывай строго за малые проступки, как будто сам ты совершенно праведен, и не часто обличай, ибо это тягостно, и привычка к обличениям приводит в бесчувствие и небрежение (Авва Дорофей).

— Лучше, чтобы подчиненные любили тебя, нежели боялись, потому что от боязни рождается ложь и лицемерие, а от любви — истина и усердие. (св. Димитрий Ростовский).

— Доброта без твердости есть слабость.

— Исполнение одной обязанности не дает права пренебрегать другою. (князь Долгоруков).

— Старайся над самим собой властвовать, а воле начальника своего повиноваться.

— Сыны мира и с немирным начальником умеют сохранять свой мир с терпением. (св. Филарет Московский).

— Не слушающий вразумлений и советов своего начальника, не исполняющий или худо исполняющий приказание его, не может и сам быть хорошим начальником.

Эти истины просты, но как же трудно следовать им изо дня в день. А ведь успех военной службы зависит от того, насколько точно придержишься их.

Молитва в красках

Икона приравнивается Русской Православной Церковью к Священному Писанию и Кресту как одна из форм Откровения и Богопознания. Через богослужение и икону Откровение становится достоянием и жизненным заданием верующих людей. Таинство действующее и таинство изображенное едины как внутренне, по своему смыслу, так и внешне, по той символике, которая этот смысл выражает. Поэтому православный образ, икона, определяется не как искусство той или иной исторической эпохи или как выражение национальных особенностей того или иного народа, а исключительно соответствием своему назначению, определяемым самой сущностью образа и его ролью в Церкви. Икона сочетает в себе две реальности: реальность историческую земную и реальность всеосвящающей благодати Духа Святого. Смысл церковного искусства, и в частности иконы, заключается именно в том, что она передает исторический факт, событие Священной истории или изображает историческое лицо в его реальном, телесном облике и так же, как и Священное Писание, указывает на вневременное Откровение, содержащееся в данной исторической деятельности. Таким образом, верующий человек через икону, так же как и через Священное Писание, не только узнает о Боге, но и познает Бога.

Пожалуй, ни в одной стране икона не играла такой большой роли, как на Руси. Сами по себе русские иконы стали заметным явлением мирового искусства, частью наследия русской национальной культуры и одним из ярчайших проявлений духовного и художественного гения народа.

На Руси иконы появились в X в., когда получило распространение христианство. Провозвестницей христианизации была бабушка князя Владимира Красное Солнышко псковитянка княгиня Ольга, — «мудрейши всех человек». Она издавна входит в сонм святых. После убийства древлянами ее мужа князя Игоря она отправилась в Царьград, где приняла крещение, получив тем в союзники богатого и сильного соседа — Византию. По всей вероятности,

первой иконой на Руси была икона Богородицы — ведь не случайно именно в ее честь Владимир заложил в Киеве первый каменный храм, знаменитую Десятинную церковь.

Со временем на русской земле появлялось все больше и больше храмов, и каждый из них украшался иконами с изображением библейских сюжетов из жизни Христа, Богоматери, апостолов и многочисленных последователей христианского учения — проповедников, святителей, преподобных, аскетов и мучеников за веру, а немного позже князей-военачальников и воинов, отдавших жизнь за Отечество. Но что примечательно, все иконы нередко объединяли в системе своих духовных ценностей основы бытия с национальным патриотизмом и любовью к реальному земному Отечеству. На Руси система духовных ценностей целенаправленно способствовала и собиранию сил для отпора золотоордынским завоевателям, и укреплению воинского духа. В 300-летней борьбе с Ордой Россия к XVI в. достигла положения могущественной державы, благодаря православной вере, возрастив к тому времени единство национального самосознания и, вместе с тем, создав богатейшую художественную культуру.

Православная церковь с древнейших времен уделяла постоянное внимание символике, в особенности иконописи. Церковь и вера всегда воспринимали образ-икону как святыню, в которой таинственно присутствует тот, кого она изображает. Ведь икона есть то, чем мы должны быть, т. е. изображает не плотский физический образ, а одухотворенный, уже святой. Икона передает не то, что обычно человек видит своими глазами в реальной действительности, а что видит он духовным, внутренним взором. Икона призвана к тому, чтобы возвести видящего ее зрителя от образа к первообразу, от художественной реальности изображения — к примеру, земного признанного князя — к духовному, или, как говорили в древности, к небесному смыслу этого изображения — безгрешному.

Жизнь без икон на Руси была просто невозможна. Никакое действие без них не обходилось. Иконы были непременной принадлежностью каждого храма, общественного или простого жилого дома. Их брали с собой, отправляясь в дальний путь, и конечно же без икон не ходили в военные походы. С молитвы перед иконой начиналось любое дело. Насколько были распространены в древности на Руси иконы говорит тот факт, что лишь в хранилище царя Алексея Михайловича в середине XVII в. находилось около девяти тысяч икон, а в некоторых соборах Москвы их количество достигало до трех тысяч в каждом.

Древнерусские иконы писались на дереве по меловому грунту темперой — минеральными и растительными красками на яичной эмульсии и потом покрывались олифой для закрепления цвета и предохранения от разрушения красочного слоя. И характерно то, что при написании иконы древнерусским мастером неизменно усматривался внутренний духовный смысл, отраженный специальным молитвенным освящением и очищением всего творческого процесса — освящались не только доска, краски, олифа, но использовалась даже святая вода и святые мощи.

Молитва в красках

Сретение
Владимирской
иконы Божией
Матери в 1395 г.
на Кучковом поле

Непременным условием творчества ставилась личная духовная чистота самого иконописца, так как считалось, что только такой мастер мог передать в иконе всю безмерность и красоту умозрительного мира духовных ценностей. Из этого следует, что иконописец и создаваемые им иконы являлись носителями глубоко нравственных идей и понятий, столетиями возвышавших душу народа среди всех разрух и бед, насилий и войн, которыми так богата история многострадальной земли русской.

Из всех икон самой чтимой среди христоролюбивого русского воинства была икона Пресвятой Богородицы. Ей поклонялись князья, воины, иноки... Почитание Богородицы было всенародным. В настоящее время Русская Православная Церковь чтит одних только известных чудотворных икон Божьей Матери числом около 190, а в календаре Русской церкви насчитывается 262 праздника в честь икон Богоматери. Многие образы Богородицы считаются заступницами и покровительницами отдельных местностей. А ныне иконы Пресвятой Богородицы, почитаемые особо, считаются чудотворными.

Почему именно эта икона была любима воинами, становится понятно, если обратиться к дошедшим до нас преданиям. В 1170 г. Великий Новгород подвергся страшному нападению суздальцев с их многочисленными союзниками. Архиепископ Иоанн обратился к иконе Божьей Матери: «О пречистая Мати, Упование наше! Грешные мы молимся Тебе со слезами — не предай

Владимирская
Богоматерь.
Первая треть
XII в. Третьяков-
ская галерея,
Москва

нас!» Икону перенесли на городскую стену в тот момент, когда осаждавшие выпустили целую тучу стрел на город. Одна из них попала в икону, и та повернулась ликом к городу. На суздальцев внезапно напал страх и они в суматохе стали бить друг друга, чем не замедлили воспользоваться новгородцы и стремительным ударом завоевали победу.

В 1380 г. в праздник Рождества Богородицы проходила битва Дмитрия Донского с Мамаем. Среди полков находилась икона Успения Богородицы, которую принесли с собой участвовавшие в битве казаки. Победу над золотоордынцами приписывают заступничеству Богоматери. Куликовская битва, за которую народ назвал Дмитрия Донским, стала первым общерусским национальным подвигом, сплотившим вокруг Москвы духовные силы народа. С тех пор почитание Богородицы стало по сути дела знаменем, под которым усилилась борьба за освобождение русских земель. И действительно, цепь удивительных совпадений — памят-

ных событий в борьбе с золотоордынцами связана с праздниками Богородицы. На Успенский пост 1378 г. — в битве с Бегичем на Воже; на Успенев день 15 августа — сбор в Коломне русских полков, вышедших на встречу с Мамаем; в праздник Покрова Богородицы 1 октября 1380 г. — торжественное выступление войска Дмитрия Донского, возвратившегося победителем с Куликова поля.

С образом Богородицы связана одна из малоизвестных страничек обороны героического Порт-Артура. Ярким свидетельством предательства Церкви за Русскую землю была икона Пресвятой Богородицы «Порт-Артурской». Написанная в Киеве на пожертвования верующих «в благословение и знамение торжества христоробивому воинству Дальней России,» она была привезена в Санкт-Петербург на страстной Седмице 1904 г. По преданию, Божия Матерь обещала победу русскому оружию, если икона будет доставлена в Порт-Артур. Выполнение этой задачи было возложено на адмирала Н. И. Скрыдлова.

Но вопреки воле Царицы Небесной образ оставался во Владивостокском соборе, а в осажденный Порт-Артур пытались, да и то безуспешно, переправить лишь копии иконы. Только в конце года отставной ротмистр лейб-гвардии уланского полка Н. Н. Федоров вызвался доставить икону по назначе-

Молитва в красках

нию. 24 ноября он направился в Порт-Артур на норвежском судне через Шанхай в Чифу. В письме из Чифу он сообщил: «20-го [декабря] утром пришли четыре миноносца, и я рассчитывал, что на одном из них дойду до Порт-Артура. Какова же моя скорбь, когда я узнал на миноносце «Сердитом», что... крепость сдается. Неисповедимы пути Божии... если я не попал в Порт-Артур, то ясно, что на это не было воли Божией». Икону поместили в походной церкви главнокомандующего русскими войсками.

Из множества образов Божьей Матери по крайней мере шесть можно причислить к наиболее почитаемым христоролюбивым воинством.

Тихвинская икона хранит и благословляет северные пределы Отечества. Иверская — южные.

Почаевская и Смоленская ограждают Россию с запада.

С восточного направления русские земли оберегает Казанская икона Божьей Матери.

В центре России сияет многоцветием красок образ Божьей Матери Владимирской, написанной по преданию евангелистом Лукой на доске от стола, за которым трапезовало Святое Семейство.

Икона святителя и чудотворца Николая Мирликийского, хотя и стояла вроде бы в тени после выдвигания на первый план икон Богородицы, Михаила Архангела, Спаса Нерукотворного, но в период золотоордынского ига поклонение иконе Николы обрело ярко выраженную любовь у защитников Отечества. Известной стала икона Николы Можайского, где святой изображен с мечом в одной руке и храмом — символом города — в другой. Широкая популярность святого стала одной из причин почитания иконы святителя с его образом для подъема духа русских воинов. По преданию, Николо-Угрешский монастырь был основан Дмитрием Донским в честь Николы, образ которого явился ему по пути на Куликово поле. Прославленные и чтимые Ни-

Богоматерь
Казанская

Тихвинская икона
Божией Матери

кольские храмы и монастыри есть в Киеве, Смоленске, Пскове, Архангельске, Велико Устюге и т. д. Москва славилась несколькими десятками храмов, посвященных святителю, три Никольских монастыря находились в Московской епархии: Николо-Греческий (Старый) — в Китай-городе, Николо-Перервинский и Николо-Угрешский. Одна из главных башен Московского Кремля называется Никольской. Чаще всего ставились храмы святителю на торговых площадях русскими купцами, мореходами и землепроходцами, почитавшими чудотворца Николая покровителем всех странствующих на суше и на море. Иногда они получали в народе именование «Николы Мокрого» или «Николы Морского». На кораблях русского флота икона Николая Мирликийского располагалась на шанцах при входе под полуют.

С иконой Николая Мирликийского связан подвиг одного из матросов в русско-японской войне... 14 мая 1905 г. при гибели транспорта «Иртыш» во время боя с японскими кораблями, матрос Григорий Горбун, движимый чувством веры, спас судовую икону Николая Чудотворца. Так уж случилось, что матрос попал в плен, но и там ему удалось не расставаться с иконой... объявив ее своей собственностью. Через два года он привез ее в Россию и первым делом представил сбереженную икону начальству. Впоследствии, по просьбе оставшихся в живых членов экипажа «Иртыша», эта икона была размещена в 9-м флотском экипаже, в который входила команда транспорта (Санкт-Петербург).

Благословляя распространение на Руси общеизвестных икон из Византии, духовная иерархия немало внимания уделяла и идейному наследию, оставшемуся от Киевской Руси. Не без этого влияния в московских землях стал почитаться образ киевского князя Владимира, который принял при крещении имя Василия и олицетворял государственное начало, единство и могущество Русской земли. Особое, даже государственное почитание иконы князя Владимира

Почаевская
Богоматерь

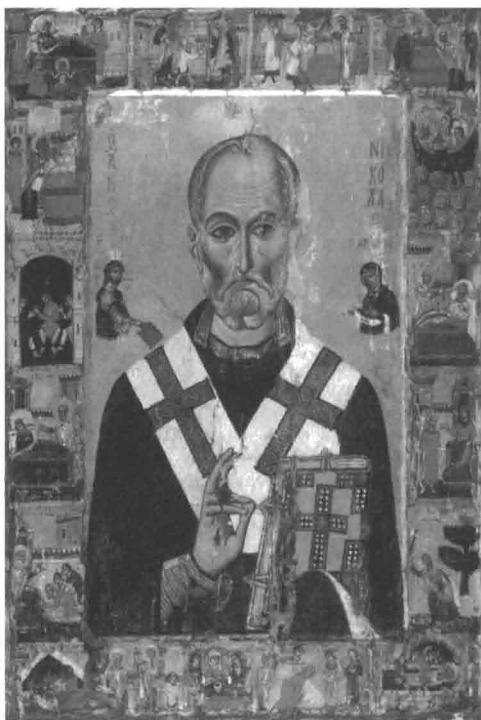
Смоленская
Богоматерь

Молитва в красках

Св. Николай Мирликийский (Чудотворец) с житием. Первая половина XIII в. Монастырь Св. Екатерины на горе Синай

запечатлено в церковной службе в честь святого: «Светло придите и достойно возгласите, сынове рустии, к вашему отцю Володимиру, и память его верно все да празднуим»; «въсписует ти вся Русь, Василие, и имеет тя начальника и заступника»; «людие мудрии русьтии, придите вси, снидетесь к честной церкви Володимира Святого.»

После Николая Мирликийского среди русского воинства наиболее чтим был образ Георгия Победоносца, или великомученика Георгия. Согласно «Житиям святых», Георгий служил в армии императора Диоклетиана, где за воинскую доблесть имел довольно крупный воинский чин. На военном совете у императора во время обсуждения очередных мер против христиан Георгий, будучи верующим, открыто выступил в защиту веры Христовой. За это его взяли под стражу и подвергли пыткам, которые длились семь лет. Вероятно, на долю святого выпало самое большое количество мучений — его кололи копьем, колесовали, сажали на трое суток в яму с негашеной известью, надевали на ноги сапоги из железа с раскаленными шипами, давали пить смертельный яд... Но из всех пыток Георгий Божией силой выходил целым и невредимым. Более того, своей стойкостью в вере он обратил в христианство жену императора Диоклетиана — Александру и множество простого люда.

В Киевской Руси святой Георгий считался патроном великих князей и небесным покровителем русского воинства. В его честь воздвигались храмы, его изображения чеканили на монетах и рисовали на гербах князей и военачальников.

Ставшее традиционным изображение Георгия верхом на коне, поражающим дракона, было гербом Московского государства до царя Ивана III, который заменил его на двуглавого орла. Но и позже, на новом гербе, осталось небольшое изображение святого Георгия.

С именем святого Георгия в России связано учреждение боевого ордена, предназначенного для награждения офицеров и генералов за подвиги на поле брани. Статут ордена святого Георгия Победоносца в частности гласил: «Ни высокая порода, ни полученные перед неприятелем раны не дают права быть пожалованным сим орденом, но дается оный тем, кто не только должности свои исполнял по присяге, чести и долгу, но сверх того отличил еще себя особливим каким мужественным поступком или подал мудрые и для военной службы полезные советы.»

Учрежденный императрицей Екатериной II в 1769 г. орден имел четыре сте-

Св. Георгий.
XI в. Успенский
собор Москов-
ского Кремля,
Москва

пени и девиз «За службу и храбрость». К орденам 1-й и 2-й степени полагались звезды. Знак ордена был золотым, покрытым белой эмалью крестом, в центре которого в круге помещалось изображение святого Георгия Победоносца на коне. Лента ордена имела три черные полосы, чередующиеся с желтыми.

Самый первый кавалер Военного ордена Георгия — полковник Ф. И. Фабрициан. Императрица Екатерина II наградила его «по статуту» сразу орденом 3-й степени (8 декабря 1769 г.) за успешный бой с превосходящими силами турок близ города Галац на Дунае. Но не только орден носил имя святого Георгия — в честь этого святого были также учреждены такие воинские награды, как золотое георгиевское оружие, серебряные георгиевские трубы и георгиевские знамена.

В 1807 г. награда имени святого Георгия была учреждена и для нижних чинов — это так называемый знак отличия Военного ордена. Он представлял собой серебряный крест, на лицевой стороне которого изображался Георгий Победоносец на коне. Знаком отличия награждали рядовых и унтер-офицеров за спасение офицера, взятие в плен вражеских солдат и офицеров, взятие пушек как трофеев, организацию отпора врагу при отступлении, за спасение своего знамени: «Кто в бою своевременно отнимет неприятельское знамя или штандарт или собственноручно исторгнет наше знамя или штандарт неприятелем захваченный и доставит в распоряжение своего начальства». В 1913 г. знак отличия Военного ордена стал именоваться Георгиевским крестом.

Звезда ордена
св. Георгия

Образы князей Бориса и Глеба связываются с идеей братолюбия и единения русских князей. Их житие нередко читалось духовенством в назидание при раздорах и несогласиях князей. Борис и Глеб стали почитаться как небесные заступники тех, кто защищает Отечество.

Редко в каком храме русских воинов не было образов святых апостолов Петра и Павла. В их честь называли города, крепости, корабли и храмы. Согласно Евангелию от Матфея Петр был простым рыбаком (это сделало Петра весьма почитаемым среди моряков). По вознесении Иисуса Христа и после чудесного явления Господа и восстановления в апос-

Молитва в красках

Апостолы Петр и Павел. XI в. Историко-архитектурный музей-заповедник, Новгород

тольском служении и Петру было суждено стать первым учителем и проповедником христианской веры. Как проповедник он совершал длительные путешествия — по этой причине многие люди, отправляясь в дальнюю дорогу или плавание, брали с собой образ святого Петра.

Апостол Павел, по преданию, прежде был врагом Церкви, преследователем ее, потом стал проповедником ее, апостолом. В один день 12 июля совершают память страданиям обоих Апостолов, ибо хотя они пострадали в разные дни, по духу и по близости страданий своих они составляют одно.

С именем святого великомученика Димитрия Солунского связаны первые же страницы русской летописи. Когда Вещий Олег разгромил греков под Константинополем (907), как сообщает летопись, «...убоялись греки и говорили: это не Олег, но святой Димитрий послал на нас от Бога». Русские воины всегда верили, что они находятся под особым покровительством святого великомученика Димитрия. Более того, в старинных русских былинах великомученик Димитрий изображается русским по происхождению — так сливался этот образ с душой русского народа. Да и греки считали святого Димитрия по преимуществу славянским святым.

Церковное почитание святого великомученика Димитрия началось сразу после крещения Руси. К началу 70-х годов XI в. относится основание Димитровского монастыря в Киеве, известного впоследствии как Михайлов-Златоверхий. Обитель была построена сыном Ярослава Мудрого, великим князем Изяславом. Мозаичная икона Димитрия Солунского из собора Димитровского монастыря сохранилась до наших дней и находится в Государственной Третьяковской галерее. В 1194—1197 гг. великий князь Владимирский Всеволод III Большое Гнездо, в крещении Димитрий, «создал церковь прекрасную на дворе своем, святого мученика Димитрия, и украсил ее дивно иконами и писанием» (т. е. фресками). Димитриевский собор и доныне является украшением древнего Владимира. Чудотворная икона святого Димитрия Солунского из иконостаса собора также ныне находится в Москве в Третьяковской галерее. Она написана на доске от гроба святого Димитрия, принесенной в 1197 г. из Солуни во Владимир.

Память святого Димитрия Солунского издревле связывалась на Руси с воинским подвигом, патриотизмом и защи-

Св. Дмитрий
Солунский.
Около 1212 г.
Третьяковская
галерея, Москва

той Отечества. Святой изображается на иконах в виде воина в пернатых доспехах, с копьем и мечем в руках. Великим почитателем святого был князь Дмитрий Донской. В 1380 г., накануне Куликовской битвы, он торжественно перенес из Владимира в Москву главную святыню Владимирского Дмитриевского собора — икону великомученика Дмитрия Солунского. В Московском Успенском соборе был устроен придел во имя великомученика Дмитрия. В память воинов, павших в Куликовской битве, установлена была для общецерковного поминовения Дмитриевская родительская суббота. В первый раз эта панихида была совершена в Троице-Сергиевом монастыре 20 октября 1380 г. преподобным Сергием, игуменом Радонежским, в присутствии великого князя Дмитрия Донского. С тех пор она ежегодно совершается в обители с торжественным поминанием героев Куликовской битвы, в том числе схимонахов-воинов Александра (Пересвета) и Андрея (Осляби).

Одной из почитаемых икон русского воинства была икона с образом Иисуса Христа, или Спасителя, являющегося строгим, но справедливым Судьей, исполненным вселенской мощи и одновременно всеобъемлющей божественной любви к страждущему человечеству. Икон с изображением Иисуса Христа в Православной церкви существует множество, но образ Нерукотворного Спаса нашего Иисуса Христа отмечается отдельным общецерковным праздником, в память перенесения этой иконы из города Едессы в Константинополь. Среди православных верующих этот праздник больше известен как Третий Спас, или Спас на убрусе (полотне). Отмечается этот один из наиболее древних праздников в честь иконы 16 августа. Предание так рассказывает об этом событии. В городе Едессе (Месопотамия) жил князь Авгарь (I в. по Р. Х.), который болел проказой. Узнав о чудесных исцелениях, которые творил Иисус Христос, Авгарь отправил к нему гонца с просьбой приехать в Едессу и излечить его. Иисус ответил гонцу, что не может этого сделать, но по совершении своего дела он пришлет Авгарю одного из своих учеников и тот исцелит князя. Во время разговора Иисус умыл лицо и, когда утерся полотенцем, на полотне отобразился его лик.

Гонец доставил ответ Иисуса Христа и полотенце Авгарю. Когда Авгарь утирался им, то получал облегчение. После вознесения Иисуса Христа на небо один из семидесяти апостолов — Фадей, как и обещал Христос, пришел в Едессу и исцелил Авгаря. После совершения чуда жители Едессы вместе со

Молитва в красках

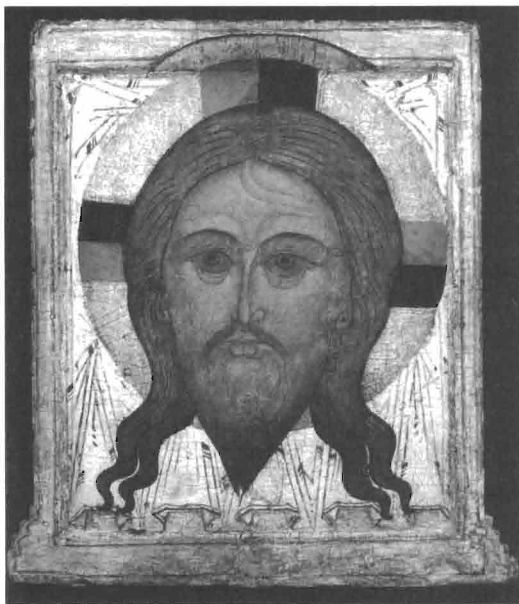
своим князем приняли христианство, а чудесный убрus (икону на полотне) поместили в стене над главными воротами города для всеобщего поклонения.

В Едессе убрus хранился достаточно долго, пока его не увезли мусульмане, разграбившие город. В 944 г. византийские императоры выкупили икону у мусульман. Она была доставлена в Константинополь и 16 августа торжественно помещена в храм. В XIII в. изображение Спаса Нерукотворного появилось на русских боевых знаменах, и со временем стало отличительным знаком великого князя.

Но, пожалуй, самым почитаемым святым на Руси среди воинов был конечно преподобный Сергей Радонежский, которого канонизировали через тридцать лет после смерти. Русские артиллеристы считали преподобного Сергея «небесным сподвижником в их ратном деле». На торжественном молебне, посвященном 500-летию отечественной артиллерии, 8 ноября 1889 г. был присоединен и канон преподобному Сергию. Сам Петр Великий во всех походах не расставался с изображением Сергея Радонежского, писанным на обыкновенной радонежской доске.

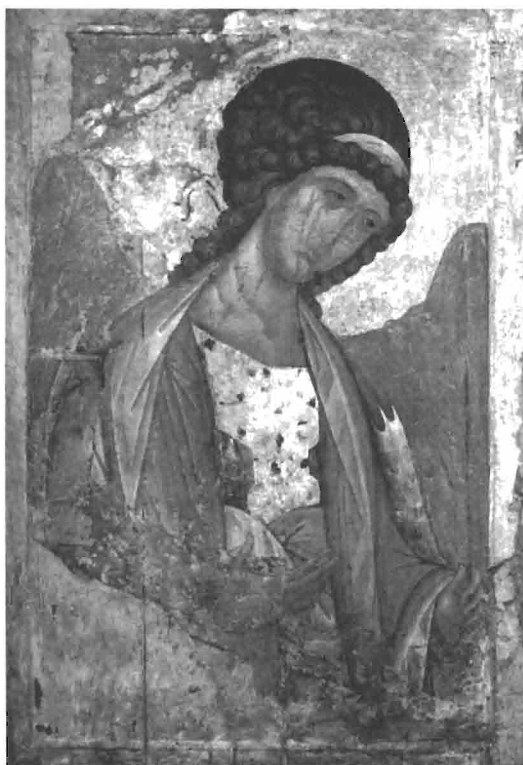
Великомученик Федор Стратилат был небесным покровителем многих русских военачальников и флотоводцев, в том числе прославленного адмирала Федора Федоровича Ушакова. Из жития святых известно, что Бог просветил великомученика Федора совершенным познанием христианской истины. Храбрость святого воина стала известна многим после того, как он с помощью Божией убил громадного змея, жившего в окрестностях города Евхаита. Змей пожирал людей и животных, держа в страхе всю округу. Святой Федор, вооружившись мечом и молитвой к Господу, победил его, прославив среди людей Имя Христово. За отвагу святой Федор был назначен военачальником (стра-

Спас Нерукотворный.
Икона XVI в.

тилатом) в городе Гераклее, где он нес как бы двойное послушание, сочетая воинское служение с апостольской проповедью Евангелия среди подчиненных ему язычников. В короткое время почти вся Гераклея обратилась к христианскому учению. Желая обезглавить новую общину верующих, император Ликиний обрушил преследования на просвященных поборников христианства, в которых не без основания видел угрозу для умирающего язычества. В их числе оказался и святой Федор. Святой сам пригласил Ликиния в Гераклею, пообещав принести жертву языческим богам. Для совершения этой пышной церемонии он пожелал собрать в своем доме все золотые и серебряные изваяния богов, которые имелись в Гераклее.

Однако ожидания Ликиния были обмануты: завладев истуканами, святой Федор разбил их на куски и раздал нищим. Так он посрамил суетную веру в бездушных идолов и буквально на обломках язычества показал законы христианского милосердия. Стратилата схватили и по приказу императора подвергли пыткам. Истерзанное тело еще живого военачальника было подвешено на кресте. Утром императорские воины застали святого Федора живым и невредимым. Пораженные чудом, они уверовали в святое крещение. А Стратилат, желая принять мученическую смерть за Христа, сам предался в руки Ликиния, по приказу которого и был обезглавлен.

Андрей
Рублев (?)
Денсусный
чин: Архангел
Михаил.
Около 1400 г.
Третьяковская
галерея,
Москва

времен Архангел Михаил был прославлен своими чудесами на Руси. Сохранился рассказ Пафнутия Боровского о чудесном спасении Новгорода Великого, когда архистратиг не допустил Батю к городу.

История Русской Православной Церкви повествует, что архистратиг Михаила вступался за русские города и появлялся со своим воинством, сопровождая Пречистую Богородицу. Архистратига Михаила почитали среди русских христиан. Весомое тому доказательство — большое количество монастырей, соборных и дворцовых храмов, сооруженных в его честь. В Древнем Киеве вскоре после принятия христианства был сооружен Архангельский монастырь. Архангельские соборы стоят в Смоленске, Нижнем Новгороде и других городах. Один из главнейших храмов Московского Кремля — храм-

Среди почитаемых воинами икон есть изображения бесплотных существ или ангелов. В переводе с греческого слово «ангел» означает вестник. Среди ангелов наиболее известными являются: архистратиг Михаил (вождь небесных сил), архангел Гавриил (вестник тайн божьих), Рафаил (целитель недугов), Уриил (просветитель душ), Салафаил (молитвенник перед Богом), Иегудиил (славитель Господа), Варахиил (вестник благословений Божьих), Иеремил (внушитель благих помыслов, возносящих душу к Богу). В русском флоте в их честь были названы многие корабли.

Изображения архистратига Михаила и архангела Гавриила наиболее часто можно было встретить в военных церквях. Архистратиг Михаил, по преданию, был поставлен Богом начальником над всеми ангельскими силами и принимал участие во многих ветхозаветных событиях. С древних

Молитва в красках

усыпальница — посвящен Архистратигу Михаилу. Многочисленны и прекрасны иконы Чиноподобия Высших Сил. Одна из них — «благословенное воинство» — написана для Успенского собора Кремля, на которой святые воины, русские князья изображены под предводительством Архистратига Михаила. На иконах его легко отличишь — он попирает ногами дьявола, в левой руке держит зеленую ветвь, в правой — копье с белой хоругвью (иногда пламенный меч), на котором начертан червлёный крест.

Из Евангелия известно, что архангел Гавриил принес Деве Марии весть о предстоящем зачатии Ею Сына Божьего Иисуса Христа и был провозвестником последующих евангельских событий. Русские воины чтили его и как ревностного исполнителя служебного долга, его считали своим прямым покровителем гонимых, связисты и летчики. На иконах архангел Гавриил изображался с райской ветвью или светящимся фонарем в правой руке и зеркалом из яписа в левой.

Русская Православная Церковь на протяжении многих веков проповедует, что крест — это не только символ спасения, но и знамение победы христианской веры, и поклонение кресту существует в память мученической смерти Иисуса Христа. Крест прочно вошел в религиозную жизнь христианской церкви. Все купола соборов, церквей, часовен, ворота церковных оград и монастырей увенчаны крестами. Холмы христианских могил также завершаются (отмечаются) крестами. На церковной утвари и книгах обязательно изображается крест. Облачение священнослужителей — от риз до головного убора — нельзя себе представить без неизменного креста.

По учению Православной церкви крест обладает особой силой, могущей оградить человека от всех происков нечистой силы. Поэтому и русские воины, как и положено верующим, обязательно носили нательный крест.

Издревле существовал обычай у русских воинов освящать оружие и боевую технику перед боем. В определенных случаях воины давали клятву на кресте или целовали крест, причем такая клятва имела юридическую силу. Примечательно, что самый распространенный и почетный орден в царской России — орден Георгия Победоносца имел форму креста.

Жизнь православного человека неотделима от церковной жизни. Тем более воин и защитник отечества, выполняющий свой христианский долг перед своим народом и перед Богом не сможет этого сделать без благостной помощи Божией. Испрашивая себе помощь в ратном деле от небесных покровителей, воины имели особую необходимость всегда держать при себе в боевых походах не только личные иконы, но они нуждались и в самой церкви.

Известно, что появление в XV—XVI вв. на Руси большого количества икон привело к появлению так называемого иконостаса или целой стены из пяти-шести рядов икон, отделявших основную часть храма от алтаря. Отправляясь в поход, воины брали с собой так называемую «походную церковь», в которой также было некоторое подобие такого иконостаса. До наших времен сохранилась походная церковь Ивана Грозного размером 143,3х56,4 см. В 1744 г. для нужд войск была создана образцовая полевая церковь. На ко-

раблях I и II ранга были специальные судовые церкви, которые, как правило, разворачивались по необходимости в шпилевом помещении.

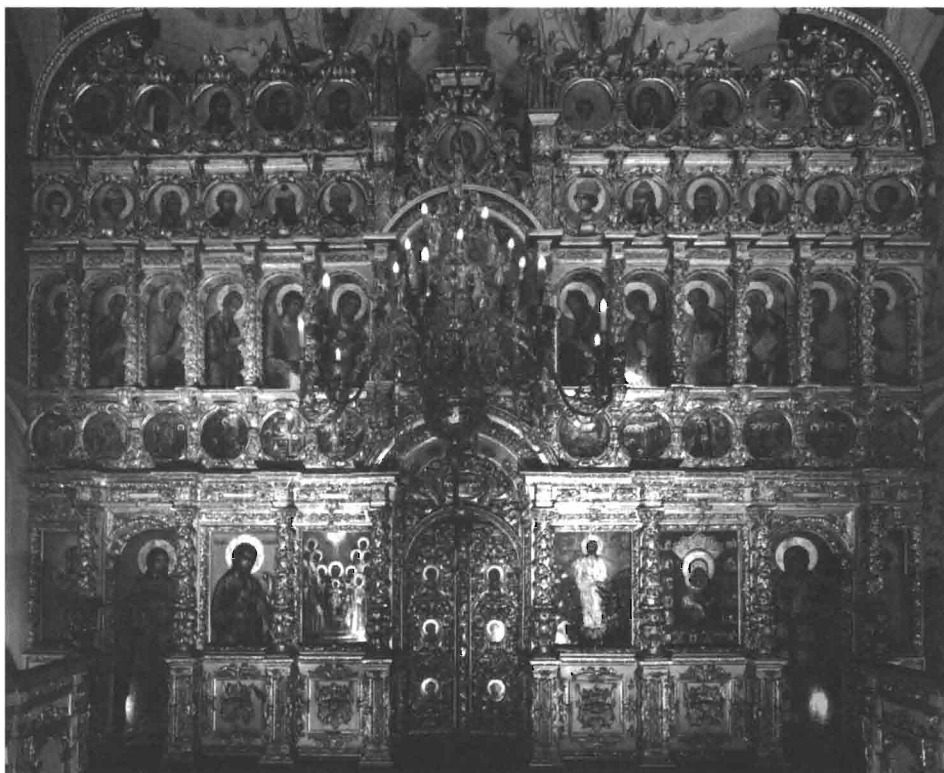
Иконостас русского православного храма, как он сложился к XV в., имеет символическое композиционное значение. Благодатная сила, явлением которой стала икона, распространяется в чинах (рядах) иконостаса в строгом согласии с духовной иерархией тварного мира.

Классический иконостас состоит из пяти чинов, увенчанных крестом. В верхнем чине, праотеческом, символизирующем церковь от Адама до Моисея, находятся иконы ветхозаветных праотцев, симметрично обращенных к Пресвятой Троице как средоточию духовной жизни. Церковь от Моисея до Христа представлена пророческим чином, вторым сверху. Ветхозаветные пророки, держащие, как и праотцы, свитки с соответствующими текстами из Священного Писания, обращены к образу Богоматери, через Которую вошел в мир Спаситель, чье рождение предвещали пророки.

Следующий чин — праздничный, с изображением главных событий Священной истории, которые отражены в основных праздниках Православной Церкви.

Важнейшим чином иконостаса является Деисис (иногда его называют деисусным), что значит моление. Иконы Деисиса обычно превосходят все прочие размерами. В центре чина — Спаситель на престоле. К Нему в молитвен-

Иконостас
церкви
Воскресения
Христово
(Воскресения
Словущего) в
Верхоспасском
соборе

Молитва в красках

ной позе склоняются Богоматерь и Иоанн Предтеча, затем следуют святые Архангелы Михаил и Гавриил, Апостолы Петр и Павел, далее другие святые. В этот же чин моления как бы включены все те, кто стоят, грешные и кающиеся, на богослужении в храме. Каждый из молящихся стоит в этом ряду склоненный к Христу, но далее, гораздо далее, чем великие святые у престола Его, и не в просветленном, как они, теле: каждый стоит, сознавая свое недостойнство и лишь уповая на Его неизреченную любовь ко всякой твари.

Нижний чин иконостаса — местный. В нем обязательно присутствуют изображения Спасителя и Богоматери с Младенцем. Здесь располагается икона, связанная с посвящением храма (обычно вторая справа), иконы местночтимые.

В иконостасе имеются трое врат (дверей), через которые священнослужители проходят в алтарь. На боковых вратах изображаются Архангелы, стражи-хранители горнего мира. Центральные врата, именуемые «Царскими», отмечены изображениями святых евангелистов, запечатлевших благую весть о Христе и тем как бы открывших человечеству врата Царствия Небесного. На Царских вратах изображается также Благовещение, являющее начальный момент спасения человечества, без чего врата Царства остались бы навечно закрытыми.

Так в иконостасе верующему человеку открывается в едином взоре вся сакральная история Церкви и соединения с нею человека. Сверху вниз направлена сила Божественного откровения и спасения. От неба к человеку. Так в иконостасе разуму и душе человека раскрывается богословие христианства.

По мере развития морского военного духовенства, а позднее и военного, начали строить первые церкви, принадлежащие этим ведомствам. Как правило, и в морских и в военных церквях находились иконы Пресвятой Богородицы, Спаса Нерукотворного, Архангела Михаила, Николая Чудотворца, Феодосия Печерского, Дмитрия Солунского, Апостолов Петра, Павла, князя Владимира, Иоанна Предтечи, Андрея Первозванного, Александра Невского, Святого Георгия, Сергия Радонежского, Святой Троицы, а также иконы местных покровителей.

В русском флоте день спуска корабля определял его небесного покровителя согласно месящеслову. Если на день приходилось несколько святых, то и икон на корабле было несколько. В сухопутных полках небесный покровитель и дата полкового праздника также выбирались по месящеслову.

Со временем, когда русская армия получала новое оружие, то появлялись и новые образа. Так, в 1912 г. на Балтике была оборудована первая авиационная станция морского ведомства на острове Гутуй в Санкт-Петербурге, и сразу же встал вопрос о ее освящении: а какому образу следует быть на ней? Создатель морской авиации Балтийского флота контр-адмирал Б. П. Дудоров вспоминал в эмиграции: «Было предложено избрать патроном нашей авиации пророка Илию, как «первого достоверно известного лица, летавшего на аппарате тяжелее воздуха». (Кстати, «сухопутные» летчики так и считали Илию своим небесным покровителем. — А. Г.). Но считая это кощунством, решили в конце концов остановиться на образе Спасителя, идущего по волнам... Ху-

дожник Эмме, которому был заказан образ, изобразил на фоне неба эскадрилью аэропланов, повергнув меня такой вольностью в большое смущение. Но протопресвитер о. Ставровский (Александр Александрович, служил в Адмиралтейском соборе в Петербурге. — А. Г.) вполне одобрил образ и освятил его для нас, высказав глубокую мысль:

— Все от Бога. И если человеку суждено летать, то в Божием смотреии уже тысячи лет тому назад это был предвидено. Поэтому в символике образа не имеет значения исторический материализм.

Конечно, не такими точно словами была высказана эта мысль, которую восстанавливаю по памяти, но красота ее запечатлелась до сего дня.»

Духовное и художественное значение русских икон признано во всем мире. Общеизвестное выражение «Красота спасет мир» в полной мере можно отнести и к ним...

Символы воинской чести

Принятые в Вооруженных Силах торжественные праздники (события) и церемонии покоятся на традициях и обычаях русской армии и по-прежнему создают обстановку, в которой человек внутренне подтягивается, стараясь стать лучше. Церемонии и праздники — это цемент воинской дисциплины, а традиции ее — фундамент, поскольку только на дисциплине основана подлинная воинская служба.

В давние времена обычай трактовался как «вкоренившееся повторение того же самого акта или обряда, не являющегося необходимостью, и всегда по тому образцу». Обычай является преддверием закона и создается самой жизнью, переходя в привычку, которая со временем становится необходимостью и, позднее, законом. Так, к примеру, приветствие рыцарей друг друга правой рукой без оружия стало законом.

Понятие «традиция» — означает передачу обычаев и практики их выполнения по наследству от одного поколения к другому на словах, без какой-либо записи.

Главнейшей традицией русских и советских воинов стала «традиция победы». Воспитание на победах прошлого и преумножения их в будущем легло в основу воспитания защитников Отечества — яркое тому подтверждение обычай «Погибаю, но не сдаюсь», «Сам погибай, а товарища защищай» и другие. Традиции — это живая, неразрывная связь прошлого с настоящим.

Воинские церемонии и события призваны воспитывать у воинов уважение к военной форме и благоговение перед флагом, символом мощи государства. А флаг каждого государства — это переданная цветами или символами история этого государства и принципы его управления. Для того, чтобы понимать язык флагов Отечества, нужно знать его историю...

Взаимосвязь обычая, традиции и закона очень хорошо прослеживается на истории знамени, без которого не представляется существование каких-либо вооруженных сил. Знамя, как эмблема Родины и символ воинской доблести, возникло, по-видимому, еще у восточных славян. В те далекие времена оно

являлось признаком объединения людей, связанных между собой родовыми, племенными или другими общими интересами. Военные знамена наших далеких предков представляли собой шест с каким-либо отличительным знаком и именовались стягами (стяг на древнеславянском языке означает жердь, шест).

Сначала появился обычай — оказалось, что под стягом удобно собирать воинов и им можно управлять действиями людей. Постепенно использование стяга стало традицией, которая передавалась от поколения к поколению. Постепенно роль стяга стал исполнять клин материи яркого цвета, крепившийся чуть ниже железного навершия копья (острожника). Затем на этих полотнищах появились изображения различных фигур или символов; во времена язычества — особо почитаемых богов и чудовищ, а после принятия христианства — крестов и ликов святых.

В Древней Руси стяги устанавливались на месте сбора дружинников, о чем есть упоминания в старинных летописях. Понятия «поставить стяг», «наволочить стяг» означали начало подготовки дружины к боевым действиям, построение и изготовление к бою.

Сохранившиеся исторические документы дают основание полагать, что в Древней Руси уже сложилась традиция почитания «бранного стяга» (знамени, хоругви, прапора), как воинской святыни. Так, в «Повести об азовском осадном сидении» автор, подчеркивая значение этой реликвии, говорит: «Мы вынесли большое знамя на вылазке». Знамена врагов были для славян самой желанной военной добычей, в них видели предмет славы и гордости победителей.

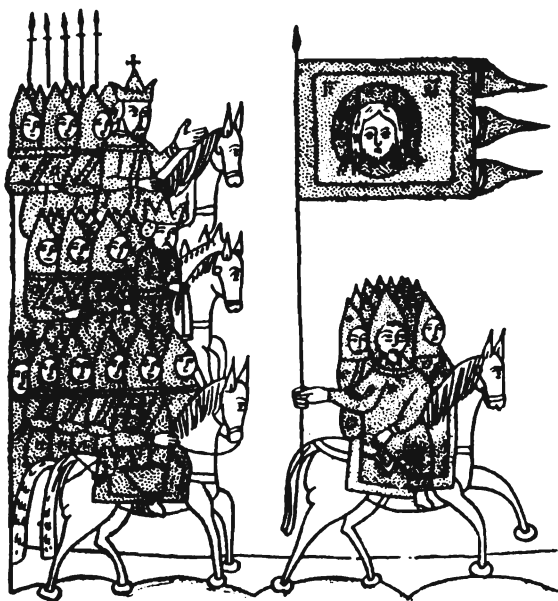
Известные нам сейчас знамена войсковых частей свой современный вид обрели на протяжении почти нескольких столетий. В начале XX в. знамя было устроено так: полотнище — отрез ткани той или иной формы государственного или полковых цветов, на которых размещались тканые или накладные надписи, изображения или символы. Сбоку полотнища был так называемый «запас», который использовался для наворачивания или надевания полотнища на древко. Навершие — это, как правило, металлический наконечник в виде копья, либо какой-нибудь символической фигуры. Древко представляло собой металлический шест или деревянную палку, на которую сверху надевалось навершие и к верхней части прикреплялось полотнище. На нижнюю часть знамени надевался металлический башмак, называемый «подтоком». Древко обычно имело цилиндрическую форму, но могло быть с выбранными желобками или иной формы. Знаменная скоба — плоское металлическое кольцо с надписями, которое надевалось на древко. Кроме того атрибутами знамени могли являться кисти на лентах, шнурах или тесьме, особые орденские знаки или медали, прикрепляемые обычно у основания навершия. Для хранения знамени используется специальный чехол, а для удобства знаменщика служит панталер — особая, имеющая цвета какого-либо ордена или просто украшенная перевязь через плечо с бушматом для упора нижнего конца древка.

В древности знамена были не только прерогативой военных — они различались, как государственные, народные, областные, городские, крепостные, церковные, отдельных племен, общин, родов и других общественных групп.

Символы воинской чести

Московское
войско.
Рисунок
из русской
летописи

Кроме того был обширный круг личных знамен у императоров, королей, отдельных властителей, вождей и представителей военной, церковной, государственной и общественной иерархии.

С XII—XIII вв. на стягах появилась духовная символика, и поэтому они стали считаться святыней для воинов наравне с иконами, а назначение в «стяговщики» (знаменщики) было для воинов великой честью и доверием. Русские летописцы упоминают о «великих стягах» (великокняжеских), которые находились на почетных местах под охраной княжеской дружины — отборнейшей частью русского войска. Кроме того еще различались княжеские и воеводские стяги, которые служили знаменами для составных частей русской рати.

Русские стяги отличались своей красотой, и каждый из них представлял собой подлинный шедевр искусства древних мастеров. Так, например, великокняжеский стяг Дмитрия Донского был красного цвета с образом Христа Спасителя — кстати, изображение Спаса было на Руси символом только великого князя. В конце XV в. на смену стягу пришло знамя. В XVI—XVII вв. на русских знаменах кроме ликов святых изображались орлы, солнце, звезды, единороги. По краям знамена имели широкую кайму, расписанную или расшитую серебряными или золотыми нитями. Великий стяг Ивана Грозного представлял из себя полотнище площадью почти двенадцать квадратных метров, на котором размещалась богатая духовная символика. На малиновом знамени князя Дмитрия Пожарского были вышиты образа архангела Михаила и Вседержителя.

Знамена того периода различались на большое, или царское (с ним царь ходил в походы), малое царское — знамя принадлежало царскому полку; зна-

мя воеводское — как правило носило название полка, бывшего под его началом, и, наконец, существовали еще малые сотенные (дружинные) знамена.

Образованным в 1550 г. стрелецким полкам стали выдавать знамена юльшого размера по одному на полк и по одному малого размера на каждую сотню. Полк, потерявший знамя в бою, подлежал расформированию. Воинам, захватившим в бою знамена противника, полагались особые награды. У стрельцов цвет знамен соответствовал цвету их кафтанов, и, как правило, на них было изображение креста — символа православной веры.

Немецкий путешественник Адам Элеарий, автор известного «Описания путешествия в Московию», побывавший в 30-е годы XVII в. в России, обратил внимание на красочность рус-

Знамя Князя
Пожарского
1612 г.

ских знамен с выразительными эмблемами на полотнищах. Вид их произвел на Олеария впечатление, но тем не менее в своем труде он не преминул заметить, что эти остроумные знаки выполнены, конечно же, по указанию немецких офицеров, служивших тогда при русской армии. «Русские не горазды на подобные изобретения», — с высокомерием писал немец. Тут Олеарий явно погрешил против истины — история сохранила немало материальных свидетельств искусного исполнения знамен и прапоров с изображением сложных эмблем, блестяще сработанных русскими мастерами. Но справедливости ради следует заметить, что первые знамена, не похожие на старинные образцы, появились на Руси во времена Михаила Федоровича и на самом деле принадлежали полкам иноземного строя. Командирам этих полков было дано право делать знамена по своим обычаям, «как ротмистр укажет сам». Их эмблемами служили изображения орлов, грифов, химер, змей, надписи делались на латинском языке, но все это было сработано русскими руками.

Знамя времен
царя Алексея
Михайловича,
1645—1676 гг.

В архиве московской Оружейной палаты сохранились сведения о большом знамени царя Алексея Михайловича, представляющем собой подлинное произведение искусства старых мастеров. Автором этого шедевра был живописец Станислав Лопуцкий с учениками Иваном Безминовым и Дорофеем Ермолаевым. Вот его описание: «Знамя гербовное Алексея Михайловича, 1666—1678. Середина и откос из тафты белого цвета, кайма кругом знамени из малиновой тафты; в середине и в кругу изображен двуглавый орел, коронованный двумя коронами и держащий в правой руке скипетр, а в левой державу; в середине орла царь на коне колет копием змея. По правую сторону орла в клеймах гербы: новгородский, под ним — владимирский, по левую — казанский, под ним киевский, под орлом вид Кремля со стороны Красной площади, под ним надпись «Москва».

СИМВОЛЫ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ

Под ним в правом углу — астраханский, в левом — сибирский. На кайме у древка, в клеймах написаны красками гербы: псковский, смоленский, тверской; по нижней кайме: пермский и вятский; в кайме откоса: болгарский, нижегородский, рязанский, ростовский; под клеймами, в которых нарисованы гербы, сделаны другие клейма — поменьше». Если приглядеться, то можно увидеть следы рисунков, напоминающих изображения городов.

«Строились» (так в старые времена назывался процесс изготовления знамен) полковые святыни обычно в Оружейной палате. Со времени царя Алексея Михайловича на Руси вошло в обычай до передачи знамени полку представлять его «пред царские очи». Прослужившие в походах знамена по возвращении войска сдавались в Оружейную палату за исключением знамен стрельцов, солдат иноземных и пограничных войск.

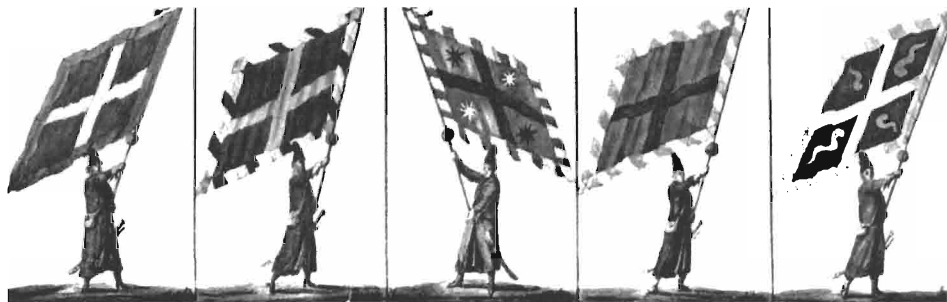
Если знамена, бывшие в Киевской Руси и у московских князей до XV в., не уцелели, то знамена XVI и XVII вв. дошли до нас и дают полное представление о том, под какими боевыми символами сражались русские воины с татарами, шведами и ливонцами.

Знамена стрелецких полков в конце XVII в. имели вид прямоугольника и состояли из каймы, середины и креста. Полотно знамен изготавливали из камки, тафты, кумача, холста. Знамена имели древки, расписанные цветами и украшенные наверху особым «копьемцом» или «яблоком».

Цвета знамен в каждом полку были свои. Так, к примеру, в 1-м стрелецком полку Егора Лутозина кайма знамени была желтая, середина — малиновая, крест — белый. В 11-м полку Дениса Воронцова кайма знамени имела белый цвет с голубым и желтыми наугольниками, середина — малиновая, крест — черный. В 13-м полку Лаговкина кайма у знамени была белой, с зелеными наугольниками, середина — брусничная, с украшениями в виде белых змеек, крест — лазоревый. Все знамена хранились в специальных чехлах.

Знамена были непременными атрибутами торжественных событий на Руси — чаще всего это были церковные праздники. Так, сохранилось описание одного из торжественных шествий государственных чинов и воинства 10 февраля 1655 г. Очевидец, иностранец архидиакон Павел Алеппский, в тот день записал: «Сначала несли знамя и подле него два барабана, в которые били, за ними шло войско в три ровных ряда, в ознаменование св. Троицы. Если знамя было белое, то все ратники, за ним следовавшие, были в белом,

Знамена
стрелецких
полков. Рисунок
из альбома
Э. Пальмквиста.
1674 г.
Фрагмент

Знаменщик и
стрелец
Московского
Стрельцкого
Левшина полка,
в 1674 г.

если синее, то все ратники за ним в синем, и точно так же, если оно было красное, зеленое, розовое и всяких других цветов. Порядок был удивительный: все, как пешие, так и конные, двигались в три ряда, в честь св. Троицы. Все знамена были новые, сделанные царем перед отправлением в поход. Эти чудесные,

Символы воинской чести

огромные знамена приводят в удивление зрителя своею красотою, исполнением изображений на них и позолотой. Первое знамя имеет изображение Успения Владычицы, ибо великая церковь этого города, она же патриаршая, освящена во имя Успения Богородицы; изображение сделано с двух сторон, это хоругвь той церкви, и за ней следовали ее ратники. Второе знамя с изображением Нерукотворного образа, в честь хитона Господа нашего Иисуса Христа, который находится у них. На прочих знаменах — на одних был написан образ св. Георгия и св. Дмитрия и прочих мучеников и храбрых князей, на других — образ св. Михаила Архангела или херувим с пламенным копьем, или изображение печати царя — двухглавый орел, или военные кони, земные и морские, для украшения, большие и малые кресты и пр. Более всего поражали нас одежда и стройный порядок ратников, которые ровными рядами шли вслед за своим знаменем. Все они, как только увидят икону над дверями церкви или монастыря или крест, снимали свои колпаки, оборачивались к ней и молились, несмотря на ужасный холод, какой был в тот день. Сотники, т. е. юзбаши, с секирами в руках, также шли подле знамени».

В 1708 г. Россия была разделена на восемь губерний с приписанными к ним городами. Внутри губерний полки размещались по городам и почти все получили названия своих городов, а некоторые и губерний. Вместе с названиями полки получили на свои знамена эмблемы городов и губерний.

С появлением в России регулярной армии изменился не только внешний вид знамен, но и значение их. В годы правления Петра I знамя совершило свой эволюционный путь от обычая и традиции до закона. В «Уставе воинском» 1716 г. уже было сказано, что прапорщик должен оборонять знамя «даже до смерти», и предусматривалась ответственность солдат, утративших свое знамя — «без процессу на первом дереве, если случится, повешены будут». Само знамя и его постройка относились к «прочим полковым припасам», и табелью 1711 г. был установлен срок службы полкового знамени — пять лет, а для ротного три года.

Специальных законов о знамени при Петре I не издавалось, но в 1700 г. каждый полк получил по 10 знамен, то есть по одному на роту. Знамя первой роты называлось полковым и имело белый цвет, у остальных рот они были цветными. Размеры знаменного полотна в то время были 2,5 м в длину и более 2 м в ширину; оно крепилось к древку высотой более 3,5 м. Древки знамен в пехоте окрашивались в красный цвет, в кавалерии — в синий. В отличие от полевых войск в гарнизонные части знамя выдавалось на десять лет.

С 1712 по 1725 г. на белых знаменах (цвет православной веры) изображался золотом царский вензель, а по сторонам его ветви, написанные золотом или серебром. На цветных знаменах часто помещали гербы тех полков или провинций, название которых носили полки.

В Центральном Военно-Морском музее в Санкт-Петербурге сохранилось прямоугольное двухстороннее ротное знамя лейб-гвардии Преображенского полка. Символика его сильно отличается от знамен поместного войска в России. В центре под короной на втором плане изображена плывущая в воде лодка, в которой Сатурн учит грести веслом юношу, олицетворяющего Рос-

Знамя
1645–1676 гг.

сию; вдали с левой стороны видна пылающая крепость, с правой — корабельная верфь и строящиеся на ней корабли; над крепостью и над верфью — густые облака и между ними «всевидящее око», над которым — обнаженный меч, опирающийся острием на водную поверхность. На переднем плане изображены: слева — Марс с военными доспехами, справа — Нептун с морскими атрибутами; между ними на белой ленте золотом написано: «1695» — год, когда полк из «Потешного» был преобразован в Преображенский.

С 1712 г. все знамена для полков изготавливались только в Оружейной палате и оттуда рассылались в полки. В этом же году для военных целей был составлен специальный гербовник.

В 1727 г. по высочайшему повелению пехотные полки должны были иметь «первое знамя» — белое с написанным с двух сторон Российским гер-

Символы воинской чести

бом (коричневого цвета), имеющим на груди московский герб, окруженный серебряной цепью с голубым андреевским крестом.

В 1731 г. знамена разделились на знамена и штандарты: первые были у пехоты и драгун, вторые — у кирасир.

В 1735 г. было установлено принимать присягу всех военных чинов под распущенными знаменами; все взятые в бою неприятельские знамена считались государственными трофеями, их следовало представлять по начальству под страхом наказания за присвоение.

Ротные знамена просуществовали с 1798 г. пять лет и затем были заменены на ротные значки.

Официально регалиями воинские знамена стали при Павле I, когда отменили выдачу знамени на короткие табельные сроки наравне с разными предметами вещевого довольствия. Именно тогда была установлена неотъемлемость знамени от полка, освящение и церемониал его выдачи, сопровождаемые высочайшим рескриптом и присягой под знаменем. Полковое знамя выдавалось царем в его резиденциях воинским начальникам собственноручно.

Для современного человека представляет интерес, как сама Русская Православная Церковь трактовала символику знамен русской армии. До наших дней дошло поучение перед освящением Георгиевского знамени, которое было вручено 28-му Восточно-Сибирскому полку по случаю пятилетнего юбилея участия полка в русско-японской войне.

«Всмотритесь в самое знамя. На одной стороне его красуется Нерукотворный образ Христа Спасителя. На другой стороне знамени помещены: вензель Государя императора и государственный герб. И Георгиевским крестом в копье украшена верхушка знамени древка.

Все эти изображения выражают существенный смысл воинского знамени, и указывают на его назначение.

Знамя XVII
столетия

Изображение на знамени Нерукотворного лика Спасителя указывает на то, что задачи и цели православного русского воина должны стоять в тесной связи с учением Православной веры.

...Что касается появления на воинских знаменах символов христианских, то об этом скажем в немногих словах. В 312 г. римский император Константин Великий, за свою ревность в христианской вере причисленный Церковью к лику святых, вел войну против своего соперника по управлению греко-римской империи Максентия, жестоко преследовавшего христиан за их веру. Не полагаясь исключительно на свою военную силу, благочестивый царь Константин, пред самым сражением с Максентием, обратился с усердною мо-

литвою к Богу и просил помощи в предстоящем сражении. И вот, перед самою битвой, когда солнце началось уже склоняться к западу, царь Константин видит «составившиеся из света и лежавшее на солнце знамение Креста» с надписью: «Сим побеждай!» После этого чудесного видения царь Констан-

тин повелел устроить воинское знамя с крестом из золота и драгоценных камней. Под сенью этого знамени он победил Максентия.

...Обычай иметь воинские знамена существовал как на Востоке — у монгольских племен, так и на западе — у древних римлян — еще задолго до Рождества Христова. В войсках римского полководца Цезаря на знаменах изображали парящего орла, утвержденного в круге, вероятно символизировавшем вселенную, а круг был прикреплен к высокому древку. Знамя во время боя всегда находилось среди старых, закаленных в боях воинов, как надежных его охранителей. Кроме военного знамени, со знаменем у каждого

Знамя
царствования
Царя Петра
Алексеевича.
1696–1699 гг.

народа соединялось выражение их религиозных верований. Так на знамени магометан у турок изображался полумесяц (луна); у китайцев — дракон; у японцев — солнце и т. д. У христианских народов, и в частности у нас, русских, на знамени изображается Нерукотворный лик Спасителя. С таким священным изображением воинское знамя становится для полка великою святынею, — священной хоругвью, призывающей полк до последней капли крови стоять за Веру и Отечество и напоминающей ему о высшей небесной помощи, подаваемой от Бога верным воинам в трудную минуту борьбы с врагом.

Помните же, христоролюбивые воины, что знамя — это великая святыня, — что Сам Христос Спаситель, лик которого красуется на знамени, не оставит своею помощью тех, кто Ему молится, Его любит больше всего и готов за него положить свою жизнь. «С нами Бог!» — написано на воинском знамени. О, если бы Бог был всегда с нами! Какой враг был бы тогда нам страшен? Будем искренно, всею душою, всем сердцем верить в Бога; будем горячо молиться Ему — и Он будет с нами...

На другой стороне знамени начертаны вензель Государя императора и государственный герб на всех четырех углах.

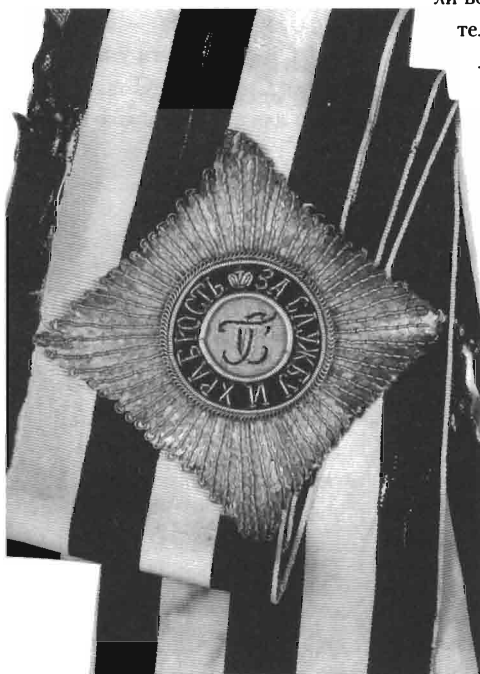
Что означает на воинском знамени начальная буква имени Государя Императора?

Это означает, что полк, имеющий знамя, принадлежит к войску Государя Императора, — что он служит не кому другому, а русскому Царю, имя которого начертано на знамени, — что полк несет службу в полном согласии с во-

Символы воинской чести

Звезда и лента
ордена св. Георгия
1-й степени,
принадлежавшие
А. В. Суворову.
Награда получена
за победу при
Рымнике в 1789 г.

люю Государя, которая для него священна. Давая армии свои повеления, Государь знает, что слово Его священо будет для каждого полка.

У нас, на Руси, Государь неотделим от государства. Кто служит Царю, — тот служит и Отечеству. Мы дети своего Царя, а он — наш Отец! Так было раньше — так и теперь! Поэтому, когда мы служим Царю, то служим и Отечеству...

Вот почему на воинском знамени изображается еще и герб всей Русской империи. Сочетание вензеля Государя Императора с гербом государственным на воинском знамени красноречивее всяких слов убеждает нас в тесном союзе царя и народа...

Воинское знамя своими изображениями указывает на три основных начала государственной жизни, на которых сложилось, выросло и окрепло русское государство: Вера, Царь и Отечество! Православие, Самодержавие и народность! Защищать Веру православную, охранять самодержавного русского Царя, защищать Отечество от врагов внутренних и внешних, — есть главная задача миллионной русской армии, смысл коей наглядно выражен в воинском знамени».

Так понимали смысл знамени в русской армии.

В более поздний период в Российской империи стали считать святого Георгия покровителем армии, государства и трона.

В 1769 г. императрицей Екатериной II была установлена офицерская награда — орден Георгия четырех степеней. Особенно широко святого почитали во время военных действий России. Это обстоятельство в немалой степени способствовало появлению и других наград, связанных с именем Георгия — медалей, труб, оружия и знамен.

Первые георгиевские знамена были пожалованы 13 июня 1806 г. Киевскому гренадерскому полку за сражение под Шенграбеном. От простых знамен георгиевские отличались тем, что на навершии было изображение Георгиевского креста, вдоль краев полотнища шла надпись с отличиями и на груди орла изображался медальон со святым Георгием. Кроме того к такому знамени полагались георгиевские ленты и кисти.

При императоре Николае I полкам выдавались за отличия обыкновенные знамена, но с надписями за отличия. Подобное знамя было выдано в 1828 г. 42-му егерскому полку за оборону Шуши в 1826 г.

25 июня 1838 г. были установлены новые знаки отличия на знамена. Для всех частей были изготовлены особые вызолото-

Знамя
л.-гв. Пре-
ображенского
полка, 1700 г.

ченные скобы на древко под полотнищем, на которых гравировались: вензель государя, при котором полк формировался, год основания и первое название части, текст надписи за отличие, как и на полотнище знамени, и действующее название полка или батальона.

Для воинских частей, насчитывающих сто и более ста лет, начиная с лейб-гвардии Преображенского полка, были учреждены особые юбилейные орденские ленты на старые знамена всех полков: для гвардии — Андреевские (голубые), для армии и гарнизона — Александровские (красные). На ленте вышивались серебром или золотом год основания, первое и последнее название части, год и надпись отличий, а также изображения государя-основателя, государя, пожаловавшего отличия, и государственного герба. Сверху прикреплялся бант с вышитой надписью о пожаловании ленты.

Первые юбилейные знамена были пожалованы в 1842 г. Эриванскому карабинерскому и Кременчугскому полкам с датами 1642—1842. С этого времени юбилеи 100- и 200-летней беспорочной службы войсковых частей и других знаменательных событий стали отмечаться особыми юбилейными торжествами. На пожалованных знаменах, кроме юбилейных дат в среднем круге полотнища, под орлом изображались голубые ленты с юбилейными датами. При Николае I вид знамен не изменился, но зато был окончательно утвержден их статус в качестве войсковых регалий. Так, на обычные для предыдущих царствований просьбы войсковых частей о замене знамен, пришедших в ветхое состояние, на новые, Николай I ответил, что «жалуемые полкам знамена в

Символы воинской чести

знак мужества и в память отличных в войнах подвигов присвоятся уже навсегда полкам, как отличительные воинские доспехи, свидетельствующие о храбрости и доблести под оны служивших. Почему каждый полк обязан с особым попечением охранять свои знамена от ветхости и в самой древности их находить лестнейшее удостоверение в достоинствах и заслугах тех воинов, которыми приобретены оные». Этот царский приказ позже обрел силу законов в Своде военных постановлений.

Император Александр III установил в 1883 г. новый образец знамени, отличавшийся от образцов 1796—1883 гг. тем, что напоминал русские стяги. Первые знамена такого образца были пожалованы лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам 23 мая 1883 г. Эти «новомодные» знамена оказались очень неудобными из-за своей тяжести, непрочными и очень дорогими в изготовлении. Для экономии пошли на то, чтобы вышивки серебром и золотом заменить на шелковые, и 21 апреля 1900 г. был утвержден единый образец цельнотканого полотнища с одинаковым для всех частей рисунком: образ Спаса Нерукотворного и надпись над ним «С нами Бог». Эти полотнища стали намного легче, прочнее и дешевле, но у них оказался недостаток — на них нельзя было изображать отличия георгиевских знамен. 11 июня 1912 г. на георгиевские знамена восстановили их традиционное отличие: тесьму с серебряными кистями, а надписи с отличиями стали делать на широкой георгиевской ленте под иконой.

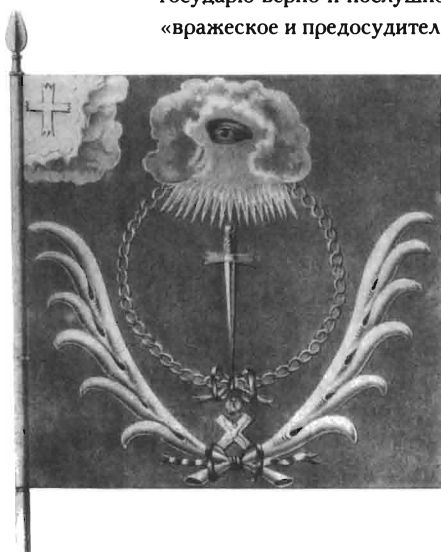
В таком виде знамена просуществовали до самого конца белого движения, получившего это название из-за белого цвета знамен.

При Петре I впервые в России появился образец воинской присяги, которую стали принимать в торжественной обстановке под развернутым знаменем. И само собой разумеется, что без священника при этом не обходились... Солдаты клялись не только защищать государство «телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем», но и «служить всепресветлейшему... царю-государю верно и послушно», защищать интересы царя, если будет действие «вражеское и предосудительное против персоны его величества или его войск, также же его государства людей или интересу государственного».

Русская военная история знает немало примеров доблестного поведения воинов у знамени. Традиция быть верному знамени и воспитывать воинов в духе безграничного почитания полковой святости сохранилась и до нашего времени.

Во время героической обороны Севастополя в 1854 г. батальону Минского полка под командой подполковника Раковича пришлось вступить в бой с целой дивизией зуавов. Русские дрались отчаянно и поднялись в едином порыве в атаку, имея перед собой до двух десятков неприятелей на одного русского. Чис-

Знамя
л.-гв. Семеновского полка,
1706 г.

ленное преимущество позволило зуавам захватить знамя батальона. Русские было дрогнули, но подполковник Ракович, увидев знамя в чужих руках, не смотря на полученные раны, стал пробиваться к торжествующему зуаву, захватившему батальонную святыню. Ударом шашки он сразил врага и вернул знамя. Русские, собравшись под отбитым знаменем, с удвоенной энергией ударили в штыки...

Во время одного из походов во время русско-турецкой войны 1873—1876 гг. разнеслась весть, что в знаменитом Апшеронском полку утрачено одно из батальонных знамен. В редут, обороняемый апшеронцами, ворвался сильный неприятельский отряд. Завязалась отчаянная схватка. Солдаты окружили свое знамя и отбивались штыками. У знамени пал командир батальона подполковник Магалов. Знаменщик унтер-офицер Захаров получил восемь ран. Вокруг знамени кипел бой. Постепенно остатки батальона были вытеснены из редута в поле, но люди еще продолжали драться. Последний апшеронец, державший знамя, упал, и оборонять его стало некому...

Бой перекинулся к первой линии траншей, где оборонялись русские. Заметив происходящее, солдаты не решались стрелять, видев среди неприятеля своих. Но апшеронцы о себе не думали: «Стреляйте, братцы, стреляйте скорее, нас тут мало! Все враги!»

Вылазка противника была отбита, но какой ценой для батальона апшеронцев! У знамени полегла почти вся 14-я рота, от нее осталось 19 человек, да и те раненые. Оставшиеся в живых не могли смотреть в глаза друг другу.

Через несколько дней батальон послали идти на неприятеля во главе штурмующей группы. Апшеронцы обрадовались — судьба дала им шанс вернуть утраченное знамя.

И в самом деле, знамя батальона было возвращено подпоручиком Ворпановым. Оно было в крепости под охраной нескольких десятков врагов. Офицер бросился вперед со своими солдатами, и вскоре с охраной было покончено. Солдаты, увидев свое знамя, бросились к нему, плакали от радости и целовали свою святыню.

Знамя
л.-гв. Пре-
ображенского
полка, 1707 г.

Знамя полков
л.-г в. Пре-
ображенского и
Семеновского
25 февраля
1711 г.

Символы воинской чести

Понятие о полковой святыне очень точно сформулировал в конце XIX в. известный военный теоретик генерал Михаил Иванович Драгомиров: «В порядочной части все может умереть для войсковой жизни. Одно остается неизменным и вечным, насколько вечны создания человека: дух и знамя — его вещественный представитель... Всякий согласится, что кусок материи, который соединяет около себя тысячи человек, сохранение которого стоило жизни сотням, а может быть тысячам людей, входящих в состав полка в продолжении его великого существования, — что такой кусок материи есть святыня... что из всех трофеев это именно тот, который более всего свидетельствует о нравственной победе над врагом».

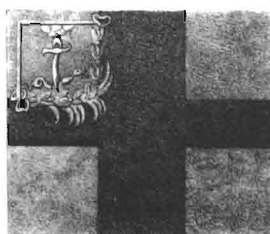
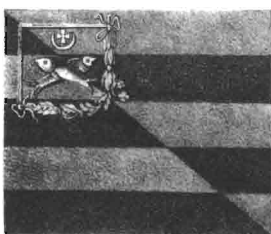
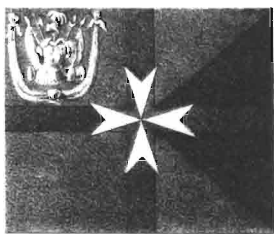
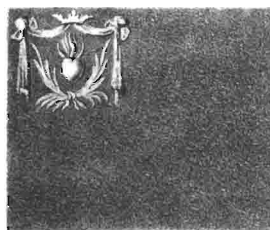
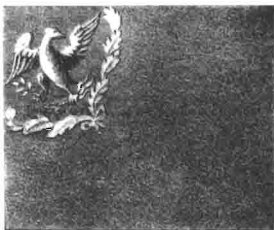
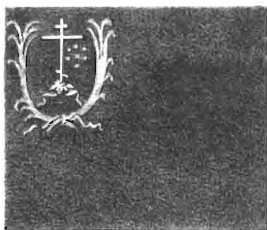
Флаг — так называют полотнище установленных цветов, иногда с изображением на нем государственной эмблемы. Флаг является знаком принадлежности военного корабля к какому-либо государству. Появившись первоначально на флоте, флаги со временем перешли на сушу и стали символом суверенитета того или иного государства. Государственному флагу и в наше время во всех странах придается большое значение. Так, утверждение власти государства на какой-либо территории символизируется актом подъема на ней государственного флага.

В России появление флагов также оказалось неразрывно связано с созданием военно-морского флота. Специфика флота такова, что без флагов на кораблях и судах не обойтись, — флаг обозначает национальную принадлежность судна, показывает его назначение (военное или коммерческое), ранг командира или капитана, служит для подачи знаков или переговоров. Короче говоря, флаг на военных судах служил знаменем: спуск флага означал приветствие, а то же самое во время боя — сдачу в плен.

14 ноября 1667 г. в селе Дединово на реке Оке был заложен первый русский корабль «Орел». Командиром его назначили голландца капитана Давида Бутлера. Кстати, все необходимое для постройки этого корабля было выписано из Голландии.

Когда постройка корабля близилась к концу, капитан Бутлер обратился к Боярской думе с просьбой узнать у царя: какой на «Орле» поднимать флаг? Царь этот вопрос задал Дворцовому приказу и получил ответ, что знамена и хоругви для войсковых частей и воевод делает Оружейная палата. Тогда царь обратился к самому Бутлеру: как поступить в данном случае. Бутлер ответил, что в его стране сшивают полотнища из алой, белой и синей материи, и это означает принадлежность судна к Голландии. Царь после совета с думными боярами приказал вывесить на «Орле» бело-сине-красный флаг с нашитым на него двуглавым орлом. История создания этого флага уже геральдическая. Белого всадника в синем плаще на красном поле изображал московский герб — именно эти цвета и легли в основу первого русского военно-морского флага.

Из переписки между царем и Сибирским приказом видно, что для «Орла» было изготовлено три знамени (в то время понятия «флаг» еще не было, на Руси оно появилось позднее): «Знамя, что живет на корме, знамя на лежащее дерево, что на носу, и долгое узкое знамя».

Знамена
армейских
полков,
1712–1727 гг.

Спущенный на воду в мае 1668 г. «Орел» в следующем году перешел в Астрахань, где в 1670 г. во время восстания Степана Разина был захвачен казаками и сожжен, так и не совершив ни одного выхода в Каспийское море.

Дальнейшая история русского военно-морского флага тесно связана с деятельностью царя-реформатора Петра Великого, создателя русского флота. Вначале царь утвердил свой личный флаг — морской штандарт, представлявший собой прямоугольное полотнище из трех цветных полос: белой (верхней), синей и красной, в центре — золотой двуглавый орел с тремя коронами, держащий в лапах скипетр и державу: на груди орла изображен щит с гербом Москвы — на красном поле Георгий Победоносец поражает копьем зеленого дракона.

Штандарт — слово немецкого происхождения, означает знамя, флаг. В русский язык это понятие пришло во времена Петра I. Штандартом называлось знамя в кавалерийских полках русской армии, и от обычного воинского знамени он отличался формой, которая чаще была квадратной и, реже, треугольной. Древяшко штандарта имело приспособление в виде ремней для надежного крепления к стремени. Штандарт нес специально назначенный для этого офицер (корнет). В русской армии штандарт появился в 1731 г. и просуществовал до 1917-го.

Но штандарты были и в советское время. Так назывались знамена сводных полков фронтов, Военно-Морского флота и Наркомата обороны, которые участвовали в Параде Победы. Советские штандарты были изготовлены в виде прямоугольных алых бархатных полотнищ, окаймленных золотой узорчатой вязью, с вышитыми на них соответствующими наименованиями и спадающими по сторонам золочеными шнурами с кистями. Полотнища подвешивали на горизонтальные древяшки, которые прикреплялись к вертикальным на-

СИМВОЛЫ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ

вершиям в виде серебряного венка, обрамлявшего золотую пятиконечную звезду. Эти знамена в настоящее время хранятся в Центральном музее Вооруженных Сил.

Штандартом также назывался флаг главы государства, который вывешивался в месте пребывания последнего — этот обычай в нашей стране возник в середине XVIII в. В России штандарт, изготовленный из золотистого шелка с изображением двуглавого черного орла и морских карт, поднимался на кораблях при прибытии на них государей.

В нашей стране довольно широко распространено мнение, что двуглавый орел являлся символом царской династии Романовых. На самом деле он пришел в Россию в качестве первого государственного герба на правах престолонаследия благодаря браку Ивана III (Васильевича) с наследницей византийского престола царевной Софьей Палеолог, доведившейся племянницей последнему византийскому императору Константину XI. Возраст этого герба измерялся веками — с 395 г. он был вначале символом римского государства, потом византийского. В России двуглавый орел появился на печати Ивана III в 1497 г.

Приблизительно в то же время в ознаменование победы над татарами двуглавого орла водрузили на шпиль Спасской башни Московского Кремля. Позднее такие же гербы были установлены на Никольской, Троицкой и Боровицкой башнях.

Октябрьская революция решила участь этого символа, поскольку его сочли принадлежавшим царской династии, хотя Романовы имели свой родовой герб, на котором изображался геральдический грифон.

В допетровские времена изображение двуглавого орла, как правило, было золотым. Золотой двуглавый орел на красном поле был в свое время гербом Палеологов — последней византийской императорской фамилии. С XV в. черный двуглавый орел на золотом поле был гербом священной Римской империи.

Морской штандарт Петра I, получивший название «флаг царя московского» был поднят в 1693 г. на 12-пушечной яхте «Святой Петр», на которой царь вышел из Архангельска для сопровождения в Белом море судов иностранных купцов. Петр I этот флаг подарил на память архиепископу Архангельскому Афанасию в августе того же года. В 1910 г. «флаг царя московского» был доставлен из Архангельска и передан в Военно-Морской Музей в Санкт-Петербурге, где и хранится, как драгоценная святыня.

В 1699—1700 гг. цвет морского штандарта Петра I изменился: вместо бело-сине-красного он стал желтым с черным двуглавым орлом в центре, в клюв и когти которого были вложены три морские белые карты, а с 1703 г. — четыре. В том, что в штандарте были желтый, черный и белый цвета, нет ничего удивительного — это геральдические цвета Романовых. Но Петр I думал и о создании морского флага для своего любимого детища — военного флота...

21 июля 1694 г. в Архангельск прибыло из Голландии первое русское военное судно — 44-пушечный фрегат «Санта Пропетия», построенный по заказу русского царя. В тот же день на фрегате был поднят сине-бело-красный

флаг. Видимо, из чувства благодарности к голландцам как учителям Петр принял цвета их флага, изменив их порядок расположения. Но сами русские моряки были недовольны этим флагом — на «морском языке» он обозначал «голландца, терпящего бедствие» или сдающегося в плен. Тогда Петр на белое полотнище добавил черного двуглавого орла, но и в таком виде флаг не смотрелся издали — орел казался дырой в полотнище. Так было положено начало созданию целого ряда флагов, так называемого «промежуточного рисунка», пока в 1697 г. царь не ввел бело-сине-красный флаг, подобный тому, что был на «Орле», в качестве кормового для военных кораблей. В этой роли трехцветный флаг просуществовал около трех лет. С 1700 по 1845 г. он поднимался только на ластовых (грузовых) судах русского флота и назывался «провиантским». С 1705 г. его стали носить и торговые суда России. Но на этом история трехцветного флага не закончилась...

Символом боевой мощи и славы российского флота было суждено стать Андреевскому флагу. В 1698 г. (по другим сведениям 10 марта 1699 г.) во имя святого апостола Андрея, просветившего христианским крещением пределы русского государства, Петр I учредил первый в нашей стране наградной орден. По преданию, святой апостол Андрей, брат святого апостола Петра, проповедовал христианское учение вблизи нынешнего Киева, где водрузил крест, и даже доходил до Новгорода и села Грузина, где также водрузил свой посох. Смертный час он встретил, будучи пригвожден к кресту, брусья которого были заделаны вкось. Петр I жаловал этой наградой — высшим воинским орденом империи — крайне редко за какие-либо серьезные заслуги.

Андреевский крест, ставший олицетворением верности, впервые окончательно утвердился на кормовых флагах русских кораблей в 1700 г. До наших дней дошло предание, что видение такого креста было Дмитрию Донскому в битве с татарами. В 1712 г. в русском флоте был введен белый Андреевский флаг с голубым диагональным крестом, просуществовавший до 1917 г. В 1992 г. над боевыми кораблями российского флота вновь взвился Андреевский флаг. На рисунке этого флага, сделанного собственноручно Петром I, было написано «Зане Св. Апостол Первозванный землю Русскую светом Христова учения просвети». Девизом нового боевого флага русских кораблей стало: «Вера и верность».

Сохранилась легенда о том, как Петр I придумал этот флаг.

Однажды глубокой ночью, сидя за своим рабочим столом, стоявшим у окна, царь задремал, уронив голову на чистый лист бумаги. Его разбудило солнце, лучи которого пробилась сквозь замерзшее слюдяное окно. Подняв голову, он увидел на бумаге тень от оконного переплета в виде двух пересекающихся диагоналей. Царь сразу набросал рисунок нового флага.

Боевой опыт молодого русского флота воплотился в Морском уставе, изданном в России в 1720 г. Впоследствии он неоднократно изменялся и дополнялся, но ряд его положений сохранился и до наших дней: «Ни в коем случае под потеряннем живота и чести не допускать сдачи корабля врагу», «все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги, вымпелы и марсели». Эти положения, свято следуя славным традициям русских вои-

Символы воинской чести

нов, стали нравственным законом и для советских моряков. Положения петровского Морского устава нашли свое отражение и в «Корабельном уставе Военно-Морского Флота СССР», статья 609 которого гласила: «Корабли Военно-Морского Флота СССР ни при каких обстоятельствах не спускают своего флага перед противником, предпочитая гибель сдаче врагам Советского Союза».

Вот лишь некоторые примеры мужества и отваги русских моряков из боевой летописи русского флота...

17 декабря 1806 г. в неравный бой с пятью французскими кораблями вступил русский бриг «Александр». Командир корабля лейтенант Скаловский обратился к экипажу со словами:

— Помните, что мы русские. Я уверен, что экипаж «Александра» высоко будет держать честь своего флага...

Трижды пытались французы взять на бордаж русский бриг, но безуспешно. Артиллерийским огнем «Александр» уничтожил два неприятельских корабля, третий спустил флаг, а остальные вышли из боя.

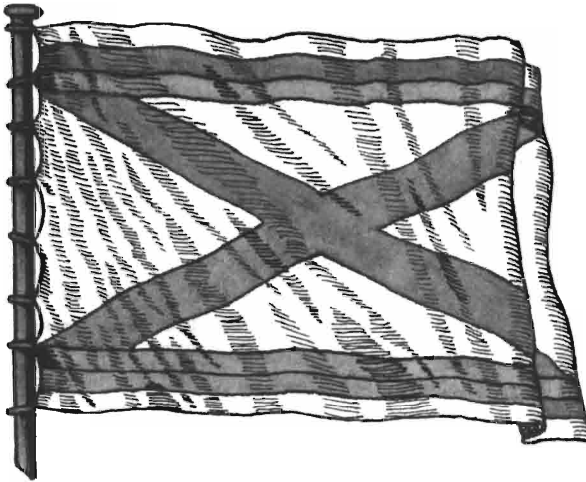
Французы в этом бою потеряли убитыми 217 человек, в то время как на бриге было убито четыре и ранено семь человек.

...27 января 1904 г. русский крейсер «Варяг» принял бой с целой вражеской эскадрой. Японцы предложили русским морякам сдаться. Но экипажи крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» это предложение отвергли. Они отважились на прорыв, несмотря на огромное преимущество японцев в силе: два русских корабля против четырнадцати неприятельских!

В день боя, как предписано уставом, был соблюден утренний ритуал подъема андреевского флага. Отдав необходимые распоряжения по подготовке корабля к бою и походу, командир крейсера капитан I ранга Всеволод Федорович Руднев приказал:

— Поставьте у флага лучших и дайте им наказ: если флаг будет сбит, немедленно заменить его другим, чтобы японцы ни на секунду не могли предположить, что перед ними спущен флаг.

Андреевский
флаг

Бой был жестоким, и хотя русские моряки бились самоотверженно и сумели уничтожить вражеский эсминец и повредить два крейсера, «Варяг» и «Кореец» вышли из боя со значительными повреждениями, но над ними реяли бело-голубые андреевские флаги.

Исчерпав все возможности продолжить бой, командиры русских кораблей приняли решение: уничтожить свои корабли. Последним с «Варяга» по флотской традиции сошел командир крейсера.

Уже с затопленного крейсера флаг был спасен тяжело раненым матросом Приленским и французским моряком с крейсера «Паскаль» Саломом. И этот флаг сохранился до наших дней — он занимает почетное место в Центральном Военно-Морском Музее в Санкт-Петербурге.

По международной традиции военные корабли имели и поныне имеют особый флаг, в то время как торговый флаг одновременно является национальным или государственным. К сожалению, так случилось, что в России корабли носили трехцветный

флаг как национальный, но законодательным актом это нигде не было проведено, т. е. это была традиция. Именно бело-сине-красный флаг, дополненный изображением государственного герба в центре, развевался над русской Америкой, так как был утвержден в качестве флага Российско-Американской компании.

В 1850-х годах под руководством известного геральдиста барона В. Б. Коне была осуществлена реформа русской государственной геральдики, в результате чего был изменен рисунок государственного герба, созданы гербы для членов императорской фамилии и создан новый флаг, названный «Гербовым народным флагом», который был утвержден 2 июля 1858 г. императором Александром II. Символика черно-желто- (золотого)-белого (серебряного) полосатого флага объяснялась следующим образом: «Первые полосы соответствуют черному государственному орлу в желтом или золотом поле, и кокарда из сих цветов была основана императором Павлом I: между тем как знамена и другие украшения из сих цветов употреблялись уже во времена царствования императрицы Анны Иоанновны. Нижняя полоса белая или серебряная соответствует кокарде Петра Великого и императрицы Екатерины II. Император же Александр I после взятия Парижа в 1814 г. соединил правильную гербовую кокарду с древнею Петра Великого, которая соответствует белому или серебряному (св. Георгию) в Московском гербе».

В 1883 г. бело-сине-красный флаг стал первым государственным флагом в России. Произошло это при следующих обстоятельствах: во время коронации император Александр III обратил внимание, что Кремль в Москве и вся процессия на торжестве украшены бело-желто-черными цветами, а по всему городу почему-то развешаны бело-сине-красные флаги. По этому случаю была назначена специальная комиссия под председательством генерал-адъютанта К. Н. Посьета. В результате проделанной работы комиссия пришла к следующему выводу: трехцветный флаг, учрежденный императором Петром Великим имеет за собой почти 200-летнюю давность и в нем содержатся геральдические данные герба Москвы. Комиссия подчеркивала, что подтверж-

Символы воинской чести

дением давности этого факта служат действующие флаги русского флота, в котором первая дивизия обозначена красным, вторая — синим и третья — белыми флагами с Андреевским крестом в крыже, и что даже гюйс (крепостной флаг) составлен также из этих цветов. Комиссия также отметила, что бело-желто-черный цвета под собой ни исторических, ни геральдических оснований не имеют. В качестве национального был утвержден бело-сине-красный флаг, который современники также называли «Вера-Надежда-Любовь».

28 апреля 1883 г. Император Александр III поручил министру внутренних дел объявить повеление «О флагах для украшения зданий в торжественных случаях». В этом документе говорилось, что «в тех торжественных случаях, когда признается возможным дозволить украшение зданий флагами, был употребляем исключительно русский флаг, состоявший из трех полос: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цветов».

Вопрос о государственном флаге России и после коронации Александра III, и после завершения работы комиссии под руководством Посыета, и в более позднее время явился основой для целого ряда полемики. Особой остроты они достигли в 1916 г. По приказу Николая II была создана очередная комиссия, которой было предложено подтвердить геральдическое обоснование трехцветного флага. В состав комиссии вошли историки, археологи, юристы, офицеры армии и флота, художники и другие — всего сорок человек во главе с сенатором С. Н. Трегубовым. Комиссия добросовестно отнеслась к полученному заданию, но в конце работы мнения членов комиссии разделились. Меньшинство считало, что флаг должен быть бело-желто-черным (так называемые «романовские цвета»), а большинство полагало, что нужно оставить традиционную расцветку, так как:

— белая полоса — символизировала необозримые пространства России под белым снегом, это чистота сердца и нравственная белизна души русского народа и, наконец, белый цвет — это символ Православной Руси;

— синяя полоса — это небо над Русской землей, это моря, океаны, омывающие ее, и наконец, синий цвет — это традиционное в геральдике обозначение силы и мощи государства;

— красная полоса — отождествлялась с беззаветной любовью к своей отчизне, это кровь, которую пролили наши предки в борьбе за свою Родину, и наконец, под красными стягами выступали русские князья против незваных гостей.

Сенатору Трегубову не удалось соединить воедино эти диаметрально противоположные мнения, и поэтому царю были доложены обе точки зрения.

На докладе царь наложил резолюцию: «После войны российскому национальному флагу быть бело-сине-красным, но на белой полосе в верхнем углу около древка иметь оранжевый квадрат определенного размера, а на нем изображение Государственного орла». Так Николай II сумел найти выход из давнего спора и примирить обе стороны. Но этому решению не было суждено осуществиться.

После Февральской революции бесспорный приоритет оказался у бело-сине-красного флага. В протоколе заседания Юридического совещания при

Временном правительстве 25 апреля 1917 г. было сказано, что, поскольку в нем не содержится династических признаков или монархических эмблем, то предлагается сохранить его и почитать как национальный.

После Октябрьских событий было взято Красное Знамя, как символ борьбы трудящихся за светлое будущее, Красное Знамя, означавшее готовность сражаться до конца. Первый флаг нового государства был утвержден ВЦИК РСФСР 14 апреля 1918 г. и представлял собой красное полотнище с золотистыми буквами РСФСР в крыже в прямоугольной золотистой рамке. В течение года расположение этих букв дважды менялось.

И в том, что выбор пал на красный цвет, нет ничего удивительного. Этот цвет был издавна почитаем не только на Руси. Как это ни странно покажется нашему современнику, красный флаг ведет свое начало от рыцарей-тамплиеров, которые поднимали его в крайних случаях, когда бой приобретал самый отчаянный и смертельный характер. Известно, что стяги князя Владимира, Александра Невского и Дмитрия Донского были красными... Впрочем из восьми орденов Российской империи — четыре были на красной ленте и с красными звездами.

В России красный флаг появился на флоте по инициативе Петра Великого вначале как сигнальный, позднее он использовался для обозначения начала боя и для производства практических артиллерийских стрельб.

Как символ борьбы с самодержавием, красный флаг впервые был поднят крестьянами Пензенской губернии в 1861 г. Под этим флагом позже проходило много выступлений в армии и на флоте.

12 ноября 1923 г. был утвержден новый государственный флаг СССР — красное полотнище с изображением в крыже золотистой пятиконечной звездочки и серпа с молотом под ней. Этот флаг являлся государственным до недавних пор.

В 1918 г. декрет ВЦИК положил начало награждению воинских частей почетными революционными знаменами воинских частей и соединений, а также кораблей и бронепоездов, которые отличились в ходе гражданской войны.

Почетное революционное знамя является первой по времени учреждения правительственной наградой. До конца 1919 г. не существовало единого образца почетного революционного Красного знамени. Эти знамена были разных размеров и с разнообразными революционными и военными эмблемами. Общим для всех знамен была лишь надпись: «От Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета». К концу 1919 г. был разработан единый образец знамени, и 17 мая следующего года он был утвержден приказом Реввоенсовета Республики, которому было предоставлено право от имени ВЦИКа награждать воинские части.

Почетное революционное знамя представляло собой красное шелковое или бархатное полотнище со стороной примерно 129 см, три кромки которого обшивались золотистой бахромой и шнуром. На лицевой стороне изображался герб РСФСР в виде круга, в нижней части которого — восходящее солнце с тремя пучками лучей; в центре круга на лучах нашиты крестообразно пересекающиеся серп и молот; с обеих сторон круг обрамлен венком из стилизованных

Символы воинской чести

колосьев, соединенных внизу тесьмой; над гербом надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», вверху в левом углу полотнища — «РСФСР». На оборотной стороне в центре изображена красная звезда на фоне солнца; на звезде в центре нашиты пересекающиеся плуг и молот; между вершинами звезды от изображения солнца исходят пять пучков лучей; над звездой полукругом надпись: «От ВЦИК»; внизу под звездой в одну или две строки давалось наименование части, которой вручалось знамя.

23 ноября 1926 г. был утвержден новый образец Почетного революционного Красного знамени, которое представляло собой красное шелковое или бархатное полотнище со стороной 125 см, обшитое голубой каймой с изображением на ней орнамента из перекрещенных серпа и молота, по четырем углам на кайме нашиты красные пятиконечные звезды. На лицевой стороне в центре изображался государственный герб СССР, над которым в две строки вышита надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» По четырем углам полотнища нашиты красные пятиконечные звезды, переплетенные со скрещивающимися серпом и молотом. На оборотной стороне в левом верхнем углу помещается пятиконечная красная звезда, между вершинами которой расходятся пять серебристых пучков лучей; в нижнем правом углу апплицирована часть земного шара, на котором нашиты перекрещенные серп, молот и штык; над изображением земного шара — название воинской части; в правом верхнем углу — надпись в три строки «Центральный исполнительный Комитет Союза ССР».

В годы мирного строительства воинскую часть таким знаменем могли удостоить и за успехи в боевой подготовке.

В 1926 г. для воинских частей Красной Армии был установлен единый образец Красного Знамени. Оно представляло собой прямоугольное полотнище из красного шелкового репса, размером 142х115 см.

На лицевой стороне изображался герб Советского Союза, вверху надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», внизу номер и наименование воинской части. На оборотной стороне в центре апплицирована красная пятиконечная звезда и вокруг нее — надпись — «ЦИК СССР». Некоторые образцы этого знамени отличались между собой обшитым с двух сторон орнаментом из пятиконечных звездочек, а на апплицированной в центре оборотной стороны красной звезды нашиты перекрещенные серп и молот. Под такими знаменами Красная Армия вступила в 1941 г. в войну — под ними было совершено множество подвигов.

В самый тяжелый период Великой Отечественной войны родилась советская гвардия. Днем ее рождения считается 18 сентября 1941 г., когда в соответствии с решением Ставки Верховного Главнокомандующего за массовый героизм, мужество личного состава и высокое воинское мастерство приказом наркома обороны СССР за № 308 были объявлены гвардейскими 100, 127, 153 и 161-я стрелковые дивизии. Указанным дивизиям вручались особые гвардейские знамена, которые были не только боевыми знаменами, но и знаком боевого отличия. Знамена советской гвардии отличались от обычных тем, что в центре полотнища размещался образ В. И. Ленина и лозунги «За нашу Советскую Родину СССР!» и «Смерть немецким оккупантам!»

11 июля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил образцы Красных знамен для гвардейской армии и гвардейского корпуса.

Красное знамя гвардейской армии — двухстороннее, прямоугольное, из красного шелкового фая; по краям полотнища с трех сторон вышит золотистым шелком фигурный узор с пятиконечными звездочками и эмблемами «Серп и Молот» и, кроме того, оно обшито золотистой шелковой бахромой; к знамени у шкаторины крепится красная шелковая лента с бантом, обшитая золотистым шелком, с двумя вышитыми пятиконечными звездочками на концах и пришитыми золотистыми шелковыми кистями. На лицевой стороне полотнища в центре апплицирован и вышит темно-золотистым шелком портрет Ленина; над портретом золотистым шелком вышит лозунг: «За нашу Советскую Родину!», под портретом «СССР». На оборотной стороне в центре апплицирован и вышит шелком нагрудный значок Гвардии, вокруг которого — венок из дубовых листьев; над значком — лозунг «Смерть фашистским захватчикам!» (в годы Великой Отечественной войны), под значком — номер и наименование армии.

Рисунок Красного Знамени для гвардейского корпуса отличался от вышеописанного лишь тем, что вокруг гвардейского знака отсутствовал венок из дубовых листьев.

21 декабря 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил новый образец Красного знамени, который вручался при формировании частям Советской Армии.

Это было двухстороннее знамя, прямоугольное, из красного шелкового фая; три кромки обшиты золотистой шелковой бахромой, шнур знамени — крученный из золотистого шелка с двумя кистями. На лицевой стороне в центре из цветного шелка апплицирован серп и молот; над ним и под ним вышит золотистым шелком лозунг: «За нашу Советскую Родину!» На оборотной стороне в центре из шелка бордо апплицирована пятиконечная звезда с вышивкой золотистым шелком по краям и цветным шелком в виде лучей — по поверхности звезды; под звездой золотистым шелком вышиты номер и наименование воинской части.

Остановимся на некоторых славных делах воинов, которые не щадя жизни дрались за спасение своего знамени.

В историю 5-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва Резерва Главного Командования навечно вписано имя командира 254-го гвардейского минометного полка гвардии майора И. И. Янушковского. 19 сентября 1944 г. в районе г. Липово в Румынии он с небольшой группой автоматчиков принял неравный бой с двумя ротам противника, пытавшегося захватить знамя полка. Майор лично уничтожил из автомата трех офицеров и до двух десятков солдат.

1 апреля 1944 г. подразделения 14-го гвардейского воздушно-десантного полка вели тяжелые бои в районе молдавской деревни Чакалтенъ. Противнику удалось вклиниться в расположение штаба части. Гвардейцы заняли круговую оборону и дрались с величайшим упорством. Многие из них погибли. Отделение гвардии старшины Ш. Г. Казанбаева, в руках которого было знамя части, сдерживало наступление фашистов. Вскоре в живых остался один Казанбаев. Видя, что положение критическое, он снял знамя с дерева и закопал его в зем-

Символы воинской чести

лю. Тяжело раненый, он потерял сознание, а когда пришел в себя, увидел, что вокруг него стоят советские солдаты. Им он и рассказал о спасенном знамени.

14 июля 1944 г. вырвавшийся вперед 403-й стрелковый полк 145-й стрелковой дивизии с ходу форсировал реку Оникшты. На следующее утро пехота противника, при поддержке артиллерией и танками, перешла в контратаку. Подразделение, в котором находилось знамя части, попало во вражеское кольцо. Когда фашисты подошли совсем близко, знаменосец красноармеец А. В. Шагалов снял знамя с древка, обернул вокруг тела под гимнастеркой и вел бой, пока его не сразило осколком снаряда. Товарищи, сняв с тела павшего воина залитое кровью знамя, пошли с ним на врага. Знамя словно вдохнуло в них новые силы. Прорвав окружение, воины разгромили врага. Полк под спасенным знаменем дошел до Берлина...

Особый героизм проявил при спасении Боевого знамени командир 902-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии подполковник Г. М. Ленев. 2 февраля 1945 г. в г. Гросс-Нойендорф (Восточная Пруссия) штаб полка попал в окружение. 16 воинов во главе с подполковником вступили в бой с вражеским батальоном. В самый напряженный момент подполковник, опасаясь, что знамя может попасть в руки противника, связался по радио с командным пунктом дивизии и вызвал огонь на себя. Полчаса работала тяжелая артиллерия. Гитлеровцы были уничтожены. Полк со спасенным знаменем дошел до Берлина.

Все рассказы о спасении знамен связывает одно — гвардии майор И. И. Янушковский, подполковник Г. М. Ленев, старшина Ш. Г. Казанбаев и рядовой А. В. Шагалов за спасение знамени были удостоены звания Герой Советского Союза.

После Октябрьской революции изменились флаги и на флоте. Первый советский военно-морской флаг был учрежден 10 мая 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов. Он представлял собой прямоугольное полотнище красного цвета с соотношением 2:1. В левом верхнем углу, в крыже, были помещены золотые буквы «РСФСР», а до этого времени по постановлению Центробалта от 18 ноября 1917 г. все военные корабли носили красные флаги без каких-либо надписей или эмблем.

29 сентября 1920 г. был утвержден новый рисунок военно-морского флага. Он состоял из прямоугольного полотнища красного цвета, заканчивающегося двумя косицами; в центре изображение синего адмиралтейского якоря (рым наверху), на веретене его — окантованная белой полоской красная пятиконечная звезда с синим серпом и молотом посередине; на штоке якоря — белые буквы РСФСР. Характерно, что на первом советском военно-морском флаге сохранились цвета первого русского флага, поднятого на «Орле».

24 августа 1923 г. в советском флоте был введен новый военно-морской флаг, представлявший собой красное полотнище, в центре которого находился белый круг с расходящимися от него по диагоналям и поперечникам восемью белыми лучами; в круге — красная пятиконечная звезда с белым серпом и молотом.

Парад на
Красной
площади

27 мая 1935 г. был утвержден новый рисунок военно-морского флага, который имеет белое полотнище, в левой половине его изображена красная звезда, а в правой — перекрещенные красные серп и молот; вдоль нижнего края идет синяя полоса. Характерно, что и на этом флаге присутствуют традиционные цвета: белый, синий, красный — цвета герба покровителя Москвы Георгия Победоносца. Этот флаг также с честью прошел через горнило ожесточенных боев и на море и на суше. Всего лишь один пример из множества...

10 августа 1941 г. сторожевой корабль «Туман» находился в дозоре у острова Кильдин, когда его атаковали три гитлеровских эскадренных миноносца. С корабля не успели сообщить в базу о появлении противника — осколки снаряда перебили антенну. Экипаж сторожевика открыл огонь из двух 45-миллиметровых пушек, которыми был вооружен корабль. На «Тумане» от прямых попаданий вражеских снарядов вышло

из строя рулевое управление, получила повреждения машина, во многих местах был пробит борт, а на верхней палубе бушевали пожары. Но сторожевик продолжал вести огонь по противнику, пока его не накрыла вода.

Образцом мужества для всего экипажа в этом бою были командир корабля старший лейтенант Л. А. Шестаков, военком политрук П. Н. Стрельник, помощник командира лейтенант Л. А. Рыбаков. Все моряки «Тумана» действовали четко и слажено, проявляя смелость и выдержку... В ходе боя немецкий снаряд сбил флаг корабля. К нему бросился раненый рулевой К. Семенов и поднял его над головой. Когда краснофлотец был ранен вторично, к нему на помощь пришел радист Блинов. Военно-морской флаг до последнего развевался на гибнущем сторожевике.

19 июня 1942 г. были утверждены гвардейский военно-морской флаг и краснознаменный гвардейский военно-морской флаг. Гвардейский отличался от обычного наличием над голубой каймой изображения гвардейской ленты, состоящей из чередующихся трех черных и двух оранжевых полос. Лента в середине завязана бантом, концы ее развеваются в стороны. Эти флаги вручались кораблям и соединениям Военно-Морского Флота СССР, особо отличившимся в боях.

СИМВОЛЫ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ

Гвардейские корабли и соединения, награжденные орденом Красного знамени, носят краснознаменные гвардейские военно-морские флаги. Они отличаются от краснознаменных флагов наличием гвардейской ленты такого же рисунка, как и на гвардейском флаге.

Знамена, штандарты, прапоры, хоругви имеют нравственные понятия и являются символами воинской чести. В «Военной энциклопедии» говорится: «Честь воинская, внутренние нравственные качества и принципы воина (воинского коллектива), характеризующие его поведение, отношение к выполнению воинского долга, одна из категорий воинской этики». Представления о воинской чести менялись в различные исторические эпохи в зависимости от классовой природы и назначения вооруженных сил, господствующей идеологии и морали.

Следует признать, что трактовка воинской чести в этом издании несколько поблекла и не совсем точно выражает внутреннюю его сущность. Фельдмаршал Петр Александрович Румянцев (Задунайский), авторитет которого в русской военной истории исключительно высок, понятие чести сделал девизом военного человека: «Честь — это стремление быть благородным, высшим существом по внутренним достоинствам, совершать поступки достойные славы, без всякого принуждения извне и без всякого другого вознаграждения, кроме одобрения собственной совести». Может, это определение звучит не совсем современно, но по сути своей исключительно емкое и точное!

«Честь, — не устаю повторять полководец, — из всех деяний человеческих должна быть первым подвигом и живым образом всех достоинств... Те, которые свою должность на ряду исправляют — обыкновенную плату, а не похвалу заслуживают». Девиз Румянцева в свое время был воспринят всеми служивыми людьми. И блестящие победы русского оружия в XVIII в. в известной степени зависели от боевых качеств русских офицеров и стремления их к героизму. В свою очередь качественный рост офицерства сказался и на укреплении воинского духа у рядовых воинов.

Говоря об офицерской чести, следует отметить, что это понятие в равной степени относится и к рядовому воину. Еще Александр Васильевич Суворов постоянно напоминал солдатам, что только «победа принесет им честь и славу». Известно также высказывание героя Отечественной войны 1812 г. генерала Я. П. Кульнева, что следует «иметь всегда в памяти неоднократно повторяемые слова: честная смерть лучше бесчестной жизни».

Утрата знамени или флага — понятие равнозначное утрате воинской чести. И, пожалуй, страшным наказанием были не годы тюрьмы или даже смертная казнь, а публичное лишение всего того, что связано с воинской честью. Были в русской истории примеры, когда знамена и флаги попадали в руки противника...

Это случилось 11 мая 1829 г. Находившийся в крейсерском плавании фрегат «Рафаил» под командой капитана 2-го ранга Стройникова у Босфора встретился с турецкой эскадрой в составе шести линейных кораблей, двух фрегат, шести корветов и двух бригаов и ввиду явного преимущества противника

сдался в плен. Гнев Николая I при получении этого известия был настолько силен, что по его приказу командир и его офицеры были разжалованы в матросы. Стройникова ждало еще более сильное наказание, чем смерть... Царь запретил Стройникову жениться, чтобы не было в России «потомства изменника и труса».

К сожалению, и в советское время были случаи добровольной сдачи с плен. Так в декабре 1918 г. в руки англичан попал эсминец «Спартак», старшим на котором был Ф. Ф. Раскольников. Некоторые историки делают из него «замечательного полководца» гражданской войны, хотя как военный моряк он не может претендовать на звание воина-профессионала высокого ранга и творческого полета. Покровительство Троцкого избавило его от наказания. Раскольников смалодушничал: чтобы избежать ответственности, он переделался в матросское обмундирование. Как далек этот псевдогерой гражданской войны от тех, кто был готов отдать свою жизнь за флаг или знамя!

Так уж повелось в истории — одним достается слава, другим презрение потомков. Но верность своему знамени — это одна из вечных воинских нравственных ценностей!

Петр по-гречески значит «камень»

июля 1304 г.

скончался великий князь Владимирский Андрей Городецкий, последний из оставшихся в живых сыновей Александра Невского. В его правление, которое мудрым не назовешь, ожесточенные и бессмысленные междоусобные войны с братьями и племянниками привели многострадальную владимирскую землю к полному разорению. Политический центр русских земель сместился далеко на запад. Там о себе достаточно громко заявила Тверь, которая, выстояв против «поганых», в конце XIII в. стала привлекать к себе людей. Ярким свидетельством возросшего могущества Твери стало возведение в 1285—1290 гг. белокаменного Спасо-Преображенского собора — первого храма, построенного в Северо-Восточной Руси после нашествия Батыя. Стал он главной святыней города, олицетворением патриотизма его жителей и местом вечного упокоения князей и епископов. Факт строительства храма по своей сути явился серьезной заявкой правителей Твери на великое княжение.

Осенью 1305 г. великим князем Владимирским стал племянник Александра Невского Михаил Ярославич Тверской. Но Орда, не заинтересованная в усилении этого княжества, на сей раз по принципу «разделяй и властвуй», оказала поддержку его соперникам — сыновьям умершего князя Даниила Московского — внукам Александра Невского.

Вспыльчивый и самонадеянный Юрий Данилович Московский пытался оспорить право Михаила Тверского в Орде. Дважды (в 1305 и 1307 гг.) он воевал с ним, но сила и везение были на стороне Михаила. В 1305 г. тверской князь сумел вернуть Переяславль-Залесский, захваченный москвичами. За пять лет княжения Михаил, казалось, полностью утвердился на новгородском престоле, однако в Северо-Восточной Руси появился никому дотоле неизвестный старец в белом клобуке — митрополит Петр.

В 1299 г. южные князья обратились к патриарху Константинопольскому с просьбой учредить митрополию для южных областей Руси. Это поручение было дано игумену Ратского монастыря на Волыни Петру, которого князья, в

тайне от него, просили рукоположить на южную митрополию. Это нарушило планы князя Михаила Тверского. Он намеревался на эту кафедру поставить своего представителя, так как это дало бы ему определенные преимущества перед другими князьями, а потому нового митрополита он встретил враждебно.

Воистину великий среди святителей, святой митрополит Петр с ранних детских лет вступил на путь подвижничества. В двенадцать лет он познал суровую монастырскую жизнь и был образцом в исполнении послушаний, молитве и посте. Удостоенный сана пресвитерского, он начал учиться иконному писанию, и в этом преуспел изрядно. После многолетних иноческих подвигов святой Петр сам основал монастырь на избранном им самим месте близ реки Рати, где создал церковь во имя Спасителя и, собрав немалое количество братьев, словом и делом поучал их жизни по Богу. Люди тянулись к игумену: он был кроток в назидании, безгневен в обличении согрешающих, щедр и милостив в призрении убогих; если у него ничего не оставалось другого, отдавал требующим свои иконы, а нуждающимся власяницу.

Уйдя из мирной обители на святительскую кафедру, Петр пережил немало огорчений. Видел набег золотоордынцев в Брянске и сам вынужден был спастись в храме; довольно холодно был принят северными князьями, совершенно не знавшими его; и, наконец, он подвергся клевете, от которой был вынужден оправдываться на Соборе. Когда истина восторжествовала, Собор захотел узнать автора доноса — им оказался епископ Тверской Андрей. Присутствующие обратились к нему со словами укоризны и посрамления. Один только смиренный святитель Петр взял епископа Андрея под защиту:

— Мир тебе, чадо. Не ты сие сотворил (Надо полагать, здесь не обошлось без Михаила Тверского. — А. Г.), но древний завистник рода человеческого, диавол. Отныне блюдись лжи, а прошедшее да простит тебе Господь.

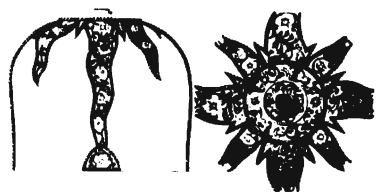
Согласно летописи, в 1311 г. князь Дмитрий Михайлович Тверской, собрав большое войско, хотел идти на Нижний Новгород, на Юрия. И не благословил его святитель. Тот же, простояв три недели во Владимире, распустил войска. Вероятно, это был один из тех случаев, когда слово владыки не допустило пролития братской крови, и была сорвана важнейшая акция Твери, направленная против Москвы. После смерти молодого городецкого и нижегородского князя Михаила Андреевича, не оставившего после себя наследников, его владения захватили московские князья. Но великий князь Михаил Ярославич Тверской рассматривал нижегородскую землю как часть своей вотчины, и, чтобы вернуть ее, собрал войско, во главе которого встал его двенадцатилетний сын Дмитрий.

Постоянные угрозы Киеву заставили митрополита по примеру своего предшественника перебраться во Владимир. Надо отметить, что в то время пребывание митрополита в городе придавало ему статус столицы всей Руси, поскольку единство ее, по свидетельству Сергея Михайловича Соловьева, поддерживалось единым митрополитом.

В Залесье сложилась далеко не простая обстановка, ведь будущее Северо-Восточной Руси многими связывалось с быстро возрастающим военным и политическим могуществом Руси. Ее возвышение явилось результатом слож-

На обороте:
изображение
св. Петра,
митрополита
всей Руси.
Миниатюра
рукописи
XVIII в.

Богослужеб-
ные предметы
митрополита
Петра

ния ряда благоприятных обстоятельств. В частности, тверские земли находились в стороне от обычных маршрутов золотоордынских набегов, а с самого опасного направления — юго-востока она была прикрыта владениями ростовских и ярославских князей, друживших с Ордой. Естественной защитой тверского края были густые леса и непроходимые болота, тянувшиеся вдоль его границ. Кроме того, столица княжества находилась на оживленном торговом перекрестке, где от великого волжского пути пролегала древняя дорога на Новгород.

И судьба распорядилась так, что на тверском княжении все время оказывались энергичные и авторитетные князья, первым из которых был Александр Невский, получивший тверской удел в 1247 г. по завещанию отца. Тверь была своего рода оплотом непокорности золотоордынцам. Так, в 1293 г. во время нашествия печально известной «дюденевой рати», когда ордынцы разграбили и сожгли 14 русских городов, жители Твери в отсутствие князя приняли решение «сесть в осаду» и защищать свой город с оружием в руках. По мере своих сил и возможностей митрополит Петр старался уменьшить противостояние князей Твери и Москвы, которые даже толком не понимали, во имя чего они обнажают свои мечи. Борьба эта, в конечном итоге, закончилась трагически: тверской князь Михаил Ярославич был вызван в Орду и там убит. В свою очередь его сын убил князя Юрия Даниловича... Московский престол занял Иван Данилович Калита, продолживший уособицу с Тверью.

В 1327 г. в Тверь был послан двоюродный брат ордынского хана Чол-хан (в русских летописях назван Щелканом Дюдентьевичем). Появление в столице Твери родственника хана со значительным отрядом было вызвано недоверием

Великий Князь
Иван
Данилович
Калита.
Миниатюра
Титулярника
1672 г.

Успение
святого Петра,
митрополита
Московского.
Роспись в церкви
Георгия на
Псковской горке

ордынцев тверскому князю и опасением его усиления. Ордынцы вели себя как завоеватели: насильничали, грабили и даже прогнали великого князя с его подворья. Своими поступками ордынцы так накалили обстановку, что достаточно было малейшей искры, чтобы поднялся бунт. И это случилось в один из праздничных дней в августе 1327 г., когда на торг собралось много людей. Под звуки набата тверичи набросились на ордынцев и стали их избивать. В числе погибших оказался и Чол-хан, лишь немногим из иноземцев удалось убежать в Орду.

Иван Калита очень умело использовал сложившуюся ситуацию, чтобы усилить свое княжество. Тверь подверглась разгрому, сам Александр Михайлович Тверской бежал... С 1328 г. Иван Калита занял великое княжение. Ум, энергия, ре-

шительность сочетались в московском князе с осторожностью, предусмотрительностью, расчетливостью и настойчивостью в достижении цели. Он добился больших успехов не столько военными действиями на поле брани, сколько умелой, осторожной политикой.

На рубеже XIII и XIV вв. в развитии Руси четко наметилась линия грядущих перемен. Галицко-Волынская, а вслед за ней и Киевская земля медленно переходят под власть Венгрии, Польши и Литвы. Развитие русской государственности продолжается, в основном, на северо-востоке страны, где на смену разоренным ордынцами старым политическим центрам — Владимиру, Суздалью, Переяславлю, стали возникать новые — Тверь, Москва, Нижний Новгород. Укреплялись и входили в полосу своего расцвета Новгородская фео-

**Петр
по-гречески
значит
«камень»**

дальняя республика и ее «младший брат» Псков. И многое в будущем Руси зависело от того, насколько церковные иерархи могли влиять на умы князей и нравы народные.

Исторические материалы свидетельствуют, что митрополит Киевский и Всея Руси Петр сыграл исключительную роль в становлении будущего Московского государства. И пожалуй, самым важным из его дел было переселение в Москву. Жизнеописатель святого Петра повествует, что в Москву святителя привела его любовь к князю Иоанну Даниловичу, известному своим миролюбием, набожностью и щедростью к бедным. Иван Калита послушно выполнял требования Орды, исправно платил «выход» и пользовался доверием хана, который видел в нем надежного посредника в сношениях с русскими землями. Русский князь умело пользовался ханской властью для достижения своих политических целей. Он мог освободиться от любого из опаснейших соперников и одолевал всякое препятствие, возникающее на успешном шествии укрепления во власти. Сам не захватывал уделов, но незаметным образом поворачивал власть ордынцев на служение его собственным интересам. По существу Иван Калита усиливал Московское княжество руками золотоордынцев, и это княжество со временем окажется способным вступить в открытую борьбу с иноземцами.

Иван Калита также прекрасно понимал, какую положительную роль может сыграть церковь в его дальновидной политике «сбора» Руси. Митрополит безусловно это провидел и благословил Москву как будущую столицу родного Отечества. По желанию и совету митрополита Иван Калита заложил 4 августа 1326 г. в Москве на площади первую церковь из камня в память Успения Пресвятой Богородицы: «Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой Богородицы построишь, и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья и внуки твои, и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города».

Владыка Петр участвовал в закладке этого собора, но осенью занемог и ему не удалось увидеть окончание строительства. Он, правда, успел заложить себе каменный гроб в новой церкви, но не освятил ее. Незадолго до кончины первосвященника Петра Иван Калита видел сон: высокую гору, на вершине которой был снег, который вдруг растаял и исчез. Митрополит так растолковал его: «Гора высокая — это ты, князь; а снег — это я, смиренный. Мне прежде тебя должно отойти из сей жизни в вечную». Вскоре митрополит Петр почувствовал приближение кончины. Иван Калита в Москве тогда отсутствовал, и святой Петр призвал к себе тысяцкого Протасия Вельяминова: «Чадо, я отхожу от жития сего; оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, милость, мир и благословение от Бога ему и семени его до века. За то, что сын мой успокоил меня в старости, воздаст ему Господь сторицею в мире сем и дарует ему живот вечный, и не оскудеет от семени его обладающие местом его, и память его прославится». 21 декабря 1326 г. гроб с мощами митрополита Петра был помещен в усыпальнице достраивающегося Успенского собора. Впоследствии этому собору было суждено стать главной святыней Московского Великого княжества.

Московский Успенский собор 1327 г. отличался по своему времени большими размерами и, по всей вероятности, наследовал архитектурные формы владимирско-суздальских храмов. К сожалению, через полтора столетия собор обветшал, дал трещины и был разобран. Символично, что на том же самом месте в 1475 г. был возведен новый Успенский собор, ставший архитектурным олицетворением единого Российского государства.

Есть основания полагать, что Иван Калита хотел видеть преемником покойного митрополита Петра архимандрита Феодора, но эта кандидатура была отвергнута в Константинополе. Византийцы не без основания полагали, что митрополит из русских мог оказаться на самом острие политических событий, что по их взглядам шло вразрез с линией поведения митрополита Киевского и всея Руси. К тому же, патриарх не желал назначать митрополита из русских, чтобы не создавать определенной традиции. Историки положительно оценивают деятельность нового митрополита при Иване Калите: «В 1328 г. на Русь из Константинополя прибыл преемник святителя Петра митрополит Феогност. С глубоким пониманием отнесся он к деятельности великого князя Ивана Калиты, направленной на создание централизованного государства. Митрополит Феогност справедливо усматривал в этом залог общенародного блага и порядка, успешного развития духовного просвещения и культуры».

Годы правления Ивана Калиты были весьма жестоки, и Феогносту зачастую приходилось искать выход из сложных политических ситуаций.

1329 год. По воле хана Узбека Иван Калита вместе с другими князьями должен был выступить против псковитян, которые не хотели выдать своего князя Александра Тверского, меж тем как Орда требовала его на суд. Пско-

Успенский собор при Иване Калите и его преемниках.
Худ. А. М. Васнецов

**Петр
по-гречески
значит
«камень»**

витяне, не боявшиеся никого, «кроме Бога и Святой Троицы», да к тому же укрепившие город еще одним поясом каменных стен, были готовы к открытой борьбе против посланных на них москвичей и новгородцев. Казалось, что кровопролитие неизбежно... И вот здесь Калита склонил митрополита Феогноста «наложить клятву церковную» на Александра и на всех псковитян, если они не покорятся. Своей властью митрополит Феогност запретил церковную службу до тех пор, пока жители города не перестанут поддерживать тверского князя. Александр созвал вече, где произнес: «Да не будет проклятия на друзьях и братьях моих ради меня», после чего удалился в Литву. В этом поступке владыки просматривается преемственность линии поведения митрополита Петра.

20 сентября 1333 г. владыка участвовал в освящении Архангельского собора в Кремле — событие вполне обычное для жизни иерарха. Но постараемся поглубже разобраться в его значении. В литературе можно встретить упреки, а порой и обвинения в адрес православной церкви: она де ладила с ордынцами и даже молилась за них. Так ли это было на самом деле? Следует учесть, что ордынцы вряд ли хорошо разбирались в тех процессах, которые происходили внутри Руси. Их больше волновало, исправно ли русские платят дань. Духовенство в храмах исподволь поднимало дух патриотизма русского народа, и прежде всего это достигалось тем, что публично чтилась память погибших за Отечество.

Храм во имя предводителя небесного воинства был освящен Феогностом в день памяти князя-мученика Михаила Черниговского, казненного в 1246 г. в ставке Батыея по приказу хана. По преданию, Михаил Черниговский был посажен на княжение в Киев, пока туда не пришли послы от Батыея. Их условия оказались неприемлемыми для князя, и посланников убили — у монголов это считалось одним из тяжких проступков. Сам князь бежал из Киева в Венгрию, где надеялся с помощью мадьяр выступить против ордынцев. Затея эта не удалась, поэтому князь был вынужден скитаться по городам и весям, опасаясь мести Орды. Через некоторое время князь Михаил вернулся в Чернигов.

После похода в Венгрию Батый пожелал получить от русских князей признание своей власти. Каждому из них предстояло побывать в ханской ставке, пройти через освящение огнем, поклониться хану и выполнить другие унижительные требования, невыполнение которых было чревато немедленной и жестокой смертью.

Князь Михаил решил покориться. Получив благословение духовного отца Иоанна, он вместе с юным внуком Борисом отправился в путь. В Орде князь Михаил согласился поклониться хану, «ибо небо вручило ему судьбу государств земных; но христианин не должен служить ни огню, ни глухим идолам». Хану передали слова князя, но тем не менее он потребовал, чтобы Михаил выполнил все, предписываемое жрецами. Внук и бояре упрасивали князя покориться хану, причем бояре обещали взять на себя вину за происшествие в Киеве, но Михаил твердо стоял на своем: «Не хошу только именем зватися христианин, а дела творити поганых». Готовясь к смерти, Михаил причастился Святых Таинств со своим любимым боярином Феодором, по данному знаку убийцы бросились на него, били его в сердце и топтали ногами; бояре россий-

Архангельский
собор

ские безмолствовали от ужаса. Один Феодор стоял спокойно и ободрял терзаемого князя. Желая, может быть, прекратить михайлово страдание, какой-то отступник веры христианской именем Доман, житель Путивля, отсек ему голову. Батый подивился твердости князя Михаила, назвав его великим мужем. Боярина Феодора постигла та же участь: раздираемый на части варварами, он славил Бога за Его милость к себе, что сподобился венца мученика. Тела князя и боярина, брошенные на съедение псам, были сохранены усилиями россиян. Михаила Черниговского чтили как в Юго-Западной, так и в Северо-Восточной Руси. Своеобразными центрами почитания страстотерпцев были Чернигов, Брянск и Ростов, где жили потомки князя.

Имя князя Михаила Черниговского стало в народе символом готовности к самопожертвованию (не отправься он в Орду, то его княжество подверглось бы избиению и разорению. — А. Г.), непокорности владычеству ордынского

**Петр
по-гречески
значит
«камень»**

хана — так что выбор даты для освящения Архангельского собора не был случаен — духовная иерархия, хранящая дух митрополита Петра, поддерживала идею собирания Руси и сопротивления ордынцам. Иван Калита и митрополит Феогност стали единомышленниками в проведении московской политики, и вся их энергия была направлена на единение русских княжеств.

Разумеется, что политическая деятельность московского князя вряд ли была бы результативной, если бы он не располагал значительной военной силой. Сам факт существования этой силы служил залогом дальнейшего развития княжества. Из опыта многолетней борьбы с ордынцами Иван Калита знал, что наиболее верным средством защиты против них служат мощные крепости. В 1329 г. после смерти своего соперника князя Александра Тверского он стал на Руси полным хозяином положения. В 1331 г. после пожара князь в первую очередь укрепил московский кремль, а к зиме 1340 г. Москву уже окружали крепкие дубовые стены. 25 ноября 1339 г. в день памяти святителя Климента заложили новый кремль. Один из первых христианских епископов Климент был сослан в Крым, где трудился в херсонесских каменоломнях. Почитание этого святого было тесно связано с традициями Киевской Руси. В свое время князь Владимир, креститель Руси, перенес мощи Климента из Херсонеса (Корсунь) в Киев и поместил их в Десятинной церкви. Закладка московской крепости в день памяти Климента явилась актом исторической преемственности Москвы от Киева.

Постройка новой московской крепости была последним делом Ивана Калиты, внука Александра Невского по крови и духу. На его долю выпала черновая работа по закладке фундамента будущего могучего русского государства.

Правление Ивана Калиты можно оценивать по-разному, тем более, что в его биографии есть дела, которые добрыми назвать трудно. Но то, что он был человеком идеи — отрицать просто невозможно. Своим умом он понял и практически начал воплощать в жизнь духовные начала, которые цементировали стены и своды возводимого здания русской государственности. Таким наиболее сильным духовным субстратом в то время оказалась сильная вера в богоизбранность Москвы. Кстати, и свою собственную жизнь Иван Калита привел в соответствие с христианской моралью. Летопись рассказывает, что он стал «ревнителем иноческого жития», и ни дня, ни ночи, ни «единого часа не мог оставаться без божественных словес». Своих наследников князь заклинал жить в мире и согласии...

Пораженный внезапно тяжелой болезнью, Иван Калита принял пострижение в схиму и скончался 31 марта 1340 г. Погребение проходило в Архангельском соборе при стечении большого числа москвичей, которые называли его не иначе как «собирателем» земли Русской и государем-отцом.

По мнению Льва Николаевича Гумилева (и с ним трудно не согласиться) основная заслуга Калиты до сих пор не оценена по достоинству традиционной историографией... А ведь именно при Калите получил свое окончательное завершение новый принцип строительства государства — принцип этнической терпимости. В отличие от Литвы, где предпочтение отдавалось католикам, или от Орды, где со временем стало преобладать магометанство, в Москве подбор

служилых людей осуществлялся исключительно по деловым качествам. Калита и его наследники принимали на службу иноверцев, которые по разным причинам не могли жить у себя на родине, а все богатство их заключалось в коне да сабле. У московского князя они находили свое место на государственной службе, где за выполнение обязанностей они получали вознаграждение в виде «орма» — небольшой деревеньки. Силой, которая связывала всех таких новых служителей, стала православная вера. Со временем обязательным условием для поступления на службу стало добровольное крещение. Креститься также было необходимо и для заключения брака. Множество выходцев из Золотой Орды женились на русских красавицах, а русские — на женщинах из Орды... Стоит ли удивляться тому, что среди русских дворян весьма распространены ордынские фамилии!

В свою очередь те, кто не признавал Православие, должны были искать себе место на стороне, что в свою очередь способствовало оттоку антихристианских сил. Русские православные люди считали своим главой духовного владыку — митрополита, и потому лейтмотивом у возникающей этнической целостности стало действенное православие. Именно в XIV в. Русь получает определение «Святая».

Сын Ивана Калиты — Семен Гордый оказался достойным продолжателем дел отца. Правда, с митрополитом Феогностом у него сложились достаточно сложные отношения. Старого митрополита было за что уважать: твердый характером, он был легок на подъем и для него, как говорится, «тысяча верст не была кругом». Он без всякого страха, вверяя себя Богу, пускался в дальние путешествия. Свою жизнь он полностью подчинил раз и навсегда выбранному делу. Митрополит Феогност преднамеренно уклонялся от участия в политической борьбе московских князей. В известной степени поведение грека-святого соответствовало заповеди врачей «не навреди». Святой заботился о сохранении единства митрополии, раскол которой мог помешать объединению Руси. Он предвидел, что после его смерти в Константинополь устремятся кандидаты на кафедру — победа одного из них также станет помехой в становящейся традиционной политике сбора русских земель.

Житейская мудрость подсказала Феогносту решение предложить своего кандидата во преемники. Не желая оставлять престол на волю случая, он присмотрел среди русских монахов такого, кто при поддержке Москвы мог быть признан в других местах митрополии. Этому избраннику Феогноста выпала судьба сыграть исключительную роль в жизни московского государства. Речь идет об Алексии, будущем митрополите Киевском и всея Руси, достойном продолжателе дел святого Петра...

Под Золотой Ордой

1204 г. под ударами крестоносцев пала древняя Византия, ее столица — блистательный Константинополь — подверглась разграблению. На развалинах Византийской империи появились небольшие государства под громкими названиями — Трапезундская империя, Никейская империя, Эпирский деспотат... Лишь во второй половине XIII в. было восстановлено единое Византийское государство. Русь внимательно следила за этими событиями.

Крестоносцы представляли реальную угрозу северо-западным границам Руси, когда в 1202 г. появился орден меченосцев, поставивший перед собой цель завоевать Прибалтику и насильно христианизировать ее население. Рыцари, вдохновляемые католической церковью, материально поддерживались немецкими купцами. Вскоре к меченосцам присоединились датские феодалы, и в землях ливов и эстов начались боевые действия, постепенно приближаясь к русским границам.

Однако новая, более грозная опасность для русских зарождалась далеко на востоке, среди бескрайних степей Центральной Азии... В 1206 г. на берегах реки Онон в южной части Забайкалья состоялся съезд кочевой монгольской знати, избравшей великим ханом «всех живущих за войлочными стенами» прославленного воина по имени Темучин. Впоследствии поименовал он себя Чингисханом, что означало «посланный небом».

Возвышение Темучина стало возможным не только из-за его выдающихся воинских качеств — исключительной целеустремленности, хитрости и военного таланта. Родовой монгольской знати в этот период понадобилась сильная личность, чтобы закрепить свое господство и увеличить богатство путем захвата соседних земель. Своим авторитетом Темучин сумел убедить соплеменников, что его «девятибунчужное знамя» принесет им господство над миром. Сосредоточив в своих руках громадную власть, Чингисхан привел в действие колоссальный маховик войны, который вращался более половины века.

В первый раз о монголах русская земля услышала в 1223 г. В летописях сохранились подробности народных преданий... Казалось, сама природа предчувствовала что-то страшное. На западе появилась комета необыкновенной величины с хвостом, обращенным на юго-восток, наподобие копья. В то же лето была необыкновенная засуха, в лесах и болотах начались пожары. Густые облака дыма застилали солнечный свет, мгла тяготила воздух, и птицы, к ужасу людей, падали мертвыми на землю.

Из глубин Средней Азии нахлынули полчища монголов, подвергая опустошительным набегам половецкие земли. Половцы и принесли в Киев весть о новом страшном враге. Известно о неудачном первом сражении русских с монголами, которое произошло на реке Калке в 1223 г. Победители шли за бегущими остатками русского воинства до самого Днепра, истребляя все на своем пути. Южная Русь трепетала от страха, но новые завоеватели неожиданно повернули на восток и ушли в Бунгарию.

После смерти Чингисхана (1227) его сыновья и внуки продолжали завоевательные походы. По пути завоеватели уводили с собой побежденных жителей. Так в составе полчищ Батыея оказались половцы и тюрки. Общая численность полчищ Батыея не поддавалась счету, настолько она была велика. Один из мусульманских писателей дал красочное описание этого похода: «От множества воинов земля стонала. От громады войска обезумели дикие звери и птицы».

В начале зимы 1237 г. монгольские завоеватели прошли через лесистые земли мордвы и вошли в Рязанское княжество. Они потребовали от рязанских князей дань в размере десятины с людей, коней и разного имущества. Владетели рязанские ответили достойно: «Коли нас не будет, то все ваше будет». В то же время они послали гонцов за помощью к другим князьям и к великому князю Юрию Всеволодовичу во Владимир. И вот здесь-то и сказались русские междоусобицы... Великий князь не помог, так как поражение рязанцев укрепило бы его Владимирское княжество. По выражению летописца, Юрий Всеволодович «хотел сам особь сотворити брань».

Батый взял город приступом после пятидневной кровавой осады. Князь рязанский Юрий Ингорович с семейством и множество народа погибло. Завоеватели распинали пленников, оскверняли храмы, насиловали женщин... Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел. Рязань пострадала настолько сильно, что на прежнем месте ее не стали восстанавливать.

Тем временем великий князь Юрий Всеволодович, оставив свою столицу Владимир и семью, уехал на Волгу, где стал лагерем в ожидании помощи от других князей и братьев. Действовал Юрий нерешительно и, вместо того, чтобы собрать русские силы в одну рать, распылил их и тем самым обрек себя на поражение.

«Батый» в переводе с монгольского означает «сильный», «крепкий», и предводитель монгольского войска и в самом деле оправдывал свое имя. Но и для него русские оказались крепким орешком — борьба с ними порядком истощала его силы. История сохранила немало эпизодов, когда русские воины показывали прекрасные боевые качества... Вот только один яркий эпизод —

Под Золотой Ордой

оборона Козельска. Здесь правил один из Ольговичей, молодой князь Василий. Горожане решили биться до последнего: «Хотя князь наш и молод, — говорили они, — но положим живот свой за него: и здесь славу, и там небесные венцы от Христа Бога получим». Около двух месяцев осаждал Батый город и не мог взять. Только после того, как подошло подкрепление, захватчики, разбив городские стены, ворвались в город. Но и тут их ждало упорное сопротивление: одни горожане дрались в рукопашную, другие сделали вылазку из города, напали на чужие полки и бились до тех пор, пока все не погубили, сумев положить около 4 тыс. захватчиков.

После народной войны 1812 г. Российская Императорская Академия Наук дважды объявляла с трехлетним промежутком конкурс на всех языках на тему «Влияние монгольского ига на Россию». Но на конкурс было представлено всего лишь одно сочинение, да и то на немецком языке — русские историки отмолчались. В дореволюционных официальных изданиях вопрос о влиянии монгольского ига на Россию подробно не разбирался, да и то, что писалось в них, не выдерживает серьезного анализа.

Многочисленные русские княжества фактически не представляли единого государства и в сумме еще не составляли единого русского народа. Монгольское владычество, эта великая беда, повлияла на сближение русских княжеств, привела к образованию вначале Московского, а потом и Великоорусского государства..

«Раздиравшие древнюю Россию усобицы князей затихли под влиянием еще горшего бедствия, — писал историк Г. Лэм, имея в виду Батыево нашествие на Русь. — Когда же монгольская волна отхлынула, случилось нечто неожиданное, хотя вполне естественное. На развалинах враждующих русских княжеств возникло царство Ивана Великого».

Завоеватели способствовали единению Руси, ставшей одним из вассалов громаднейшего монгольского государства. Правда, делали они это не для блага русского народа и не для возвеличивания Московского государства, а для удобства управления громадной страной. Монголы просто не хотели терпеть в ней обилия мелких правителей, подрывавших многочисленными распрями экономическое состояние подданных. Монголов вполне устраивала сильная власть московского великого князя, который мог бы держать в повиновении удельных князей и даже расширять свои владения за их счет. Монголы считали, что принцип укрепления единовластия на русских территориях более приемлем, чем принцип «Разделяй и властвуй».

Вот почему монголы сделали все, что было в их силах, для наведения порядка, законности и благосостояния на покоренных землях. Именно монголы заложили будущие основы московской государственности: самодержавие, централизм, крепостничество. Они провели ряд административных мероприятий: соорудили почтовые тракты, установили ямскую повинность населения (этим была улучшена связь между обширными пространствами Восточно-Европейской равнины), произвели перепись населения, ввели однообразное военно-административное устройство и податное обложение по принятой у них

Чингисхан

десятичной системе, а также установили общую для всех русских областей монету — серебряный рубль, разделенный на 216 копеек.

Дань хану от податного населения должна была вноситься в размере 1/10 части дохода каждого хозяйства. Население должно было направлять в ханское войско каждого десятого человека.

Феодальная раздробленность Руси в известной степени сказалась и на устройстве Православной Церкви — многие из князей старались иметь на местах духовных лиц в подчинении. Объединение церкви произошло гораздо раньше, чем объединение русского государства — объясняется это политикой монголов в отношении церкви. Можно без преувеличения сказать, что Православная Церковь свободно вздохнула в период владычества монголов. Ханы выдавали русским митрополитам золотые ярлыки, ставившие церковь в совершенно независимое от княжеской власти положение. Суд, доходы — это все находилось в ведении митрополитов, и не раздираемая усобицами, не обираемая князьями, постоянно испытывающими нужду в день-

гах на свои войны, церковь быстро приобрела материальные средства и земельную собственность, а главное — такую значимость в государстве, что даже могла позволить себе предоставить убежище многочисленному люду от княжеского произвола. Конечно, по сравнению с европейской историей, факт предоставления монголами, тогда еще язычниками, почета и покровительства русским священникам кажется невероятным событием — ведь в Европе пылали костры альбигойцев и тамплиеров и считалось богоугодным делом избивать иноверцев.

Об отношении монголов к чужим религиям достаточно убедительно говорит один из указов Чингисхана, данный им на имя главы таосского религиозного учения Чан Чуна (духовное имя Цю Шен Сян): «Святейшее повеление царя Чингиса, повеление начальникам всех мест. Какие есть у Цю Шен Сян скиты и дома подвижничества, в них ежедневно читающие священные книги и молящиеся небу пусть молятся о долгоденствии царя на многие лета: они да будут избавлены от всех больших и малых повинностей, оброков и податей, скиты и дома монахов, принадлежащих Цю Шен Сяню во всех местах, да будут избавлены от повинностей, податей и оброков; вне сего, кто будет ложно называть себя монахом, под незаконным предлогом отказываться от повинностей, того доносить властям и наказывать по усмотрению и по получению настоящего повеления, да осмелится изменить и противится оному. Для чего и дано сие свидетельство». Сие послание вручено было Шен Сяню для хране-

Под Золотой Ордой

ния. Свидетельство местной власти: «принадлежащие Цю Шен Сяню монахи и усердно и строго пребывающие в скитах люди равно избавляются от податей, повинностей и оброков. Да сообразуется с ним».

Наследники Чингисхана относились к другим религиям точно так же. Так в 1270 г. хан Менгу-Тимур издал такой указ: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев и т. д.

Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства.

Все это принадлежит Богу и сами они Божьи. Да помолятся они о нас».

Хан Узбек пошел еще дальше в предоставлении привилегий церкви: «Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорбить церковь, монастырь, часовню — тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога».

Предоставляя Православной Церкви на Руси значительные привилегии, правители Золотой Орды преследовали вполне реальные политические цели, что, впрочем, не исключало враждебных действий к конкретным церковным иерархам. Прекрасно отдавая себе отчет в том, каким большим влиянием пользуется митрополит Киевский и всея Руси, Орда внимательно наблюдала за его деятельностью.

Ордынцы осознавали, что единство веры рано или поздно приведет к национальному объединению, и старались не допустить этого. Они пошли по пути потворства другим религиозным течениям. И русскому духовенству пришлось отстаивать свои духовные позиции в противоборстве с ними. Православная Церковь выступила хранительницей всего, что было связано с христианской верой. При митрополичьей кафедре, а возможно и при Успенском соборе во Владимире не прекращалось летописание. Наиболее выдающиеся деятели, такие как владимирский епископ Серапион (1274—1275) и другие, в обращениях стремились ободрить людей и вернуть веру в свои силы. Важность таких проповедей отметил выдающийся историк Василий Осипович Ключевский, так как нашествие Батые оставило впечатление ужаса: «Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли бодрость и упругость».

Летописцы отмечали испытываемое нацией всеобщее психологическое оцепенение, вызванное систематическими набегами ордынцев, когда люди от страха «и сами не ведали, кто куда бежит». После кровавых расправ русским людям было настолько страшно, что и хлеб не шел в уста. Приступы непреодолимого страха проявлялись и в более поздние времена, когда Русь стала набирать силу и научилась побеждать ордынцев на поле брани. При нашествии

Успенский
собор
во Владимире

хана Едигея на московские земли в 1408 г. летописец писал: «А еще явится где один татарин, то многие наши не смеют противиться ему, еще два или три, то многие русские, бросая жен и детей, на бег обращаются. Вот так, наказывая нас, низложил Господь гордыню нашу».

Само собой разумеется, что только свободная церковь могла создать высокую нравственность. Русские священники постоянно в своих проповедях укрепляли дух прихожан, воспитывая их в соответствии с христианской моралью. Путь к нравственному возрождению владимирский епископ Серапион видел прежде всего в покаянии и очищении от злых помыслов: «Любите друг друга, милость имейте ко всякому человеку... Не возгордитесь, не воздайте злом за зло». Тем же, кто в час народного горя предавался злу и корысти, доставалось от владыки: «Даже язычники, божьего слова не зная, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют, не клеветают, не крадут, не зарятся на чужое...

Мы же считаем себя православными, во имя Божье крещенными и, заповедь Божью зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердия; братьев своих мы грабим и убиваем, язычникам их продаем; доносами, завистью, если бы можно, так съели б друг друга — но Бог сохраняет! Вельможа или простой человек — каждый добычи желает, ищет, как бы одиеть кого. Окаянный, кого поедает? Не такого ли человека, как ты сам».

Церковь оказала значительное влияние на быт и нравы русского общества в первые столетия его христианской жизни. Еще в XI в. русский митрополит-грек Иоанн II дал такое наставление в своих церковных правилах духовному лицу, которое обратилось к нему с разными вопросами из церковной практики: «Прилежи паче закону, неже обычаю земли». Церковь не пыталась перестраивать ни форм, ни основ государственной власти на Руси. Иерархи церкви стремились по мере возможности устранить или ослабить некоторые беспорядки (к примеру междоусобицы), объясняя князьям основные направления их деятельности и указывая способы достижения целей наиболее пригодные и чистые с точки зрения совести.

Почтения отцов церкви внесли в сознание князей-правителей, в их законодательную практику нравственные понятия об управлении обществом, о законах, правах и ответственности, о следствии и судебном процессе, письмен-

Под Золотой Ордой

Борис и Глеб.
Икона второй
половины XV в.
Псков

ном производстве. Но при существующем тогда низком уровне нравственности и понятий о гражданстве у русских князей православие могло оказывать скорее увещательное влияние на политическое управление обществом. К примеру, когда между князьями происходила ссора, митрополит по поручению старейшего города Киева мог обратиться к враждующим князьям с такой речью: «Молим вас, не погубите Русской земли: если будете воевать между собою, поганые обрадуются и возьмут землю нашу, которую отцы и деды наши стяжали трудом своим и мужеством; поборая на Русской земле, они чужие земли приискивали, а вы и свою погубить хотите». Но редко, когда у князей совесть и дела соединялись воедино, и на порядки в обществе не влияли.

До нас дошло берущее за душу «Слово о князьях», произнесенное еще в XII в. одним из проповедников в память первых русских святых князей Бориса и Глеба. Главная цель этого выступления — положить конец междуусобицам на Руси, которые разъедает булат: «Слышите, князья противящиеся старшей братии и рать поднимающие и поганых наводящие на свою братию! Не обличит ли вас Бог на Страшном суде? Святые Борис и Глеб попустили брату своему

отнять у них не только власть, но и жизнь. А вы одного слова стерпеть не можете и за малую обиду смертоносную вражду поднимаете, призываете поганых на помощь против своей братии. Как вам не стыдно враждовать со своими братией и единоверными своими».

Сыновья Киевского князя Владимира Борис и Глеб — реальные исторические личности. Они стали первыми святыми, канонизированными Русской Церковью, и признаны чудотворцами и небесными молитвенниками «за новые люди христианские». Как гласит их житие, они «отняли поношение от сынов русских», столь долго косневших в язычестве.

Канонизация этих святых была произведена не сразу. Высшая иерархия, состоявшая из греков-митрополитов, не питала доверия к святости русских чудотворцев. Да вообще это все было ни к чему греческим проповедникам, пришельцам из чужой земли, равнодушным к происходящему и заботившимся о том, чтобы как можно больше выслать в Византию денег. Этим кольнул им в глаза новгородский владыка XII в. в поучении своему духовенству: «Уже в то время слово грек имело у нас недоброе значение плаута, таил он в себе обман, потому что он был грек», — записано в одной из русских летописей.

Черноризец Иаков описывает смертный подвиг князей-братьев в «Сказаниях, страстях и похвалах святых мучеников Бориса и Глеба». Смерть отца — князя Владимира (1015) застала Бориса в походе на печенегов. Так и не вступив с ними в боевые действия, он направился в Киев и по дороге узнал о намерении своего брата Святополка убить его. Несмотря на уговоры дружины, он решил не противиться намерениям брата и отпустил дружину. На реке Альте князя Бориса настигли убийцы, посланные Святополком. Борис в своем шатре провел ночь в молитвах, ожидая своей участи. Убийцы вошли в шатер и пронзили князя копьями — это произошло 24 июля. Верный слуга князя угр (венгр) Георгий пытался защитить его собой, но пал, сраженный убийцами. Завернув в полотно шатра тело князя, убийцы повезли его на телеге в Киев. Неподалеку от города они заметили, что князь еще дышит, тогда двое варягов прикончили его мечами. Похоронили князя в Вышгороде у церкви святого Василия.

Князя Глеба смерть настигла на Днепре у Смоленска, в устье Медыни. Он шел водным путем по Волге и Днепру из своей волости (Мурома) по обманному вызову Святополка. Не поверил Глеб предупреждению брата Ярослава о грозящей опасности. Люди Святополка настигли ладью Глеба, который тщетно умолял их о сострадании. По приказу убийцы повар князя перерезал горло Глеба — это случилось 5 сентября. Окровавленное тело бросили на берегу, и только через несколько лет его нашел Ярослав и захоронил рядом с Борисом.

Память святых Бориса и Глеба явилась голосом пробуждающейся народной совести, звучала протестом против княжеских междоусобиц и пролития братской крови. Самым примечательным в прославлении князей Бориса и Глеба является то, что они — святые непротивленцы по смерти стали во главе небесных сил, обороняющих русскую землю от врагов.

Общая беда, постигшая свободолюбивых русов — монгольское нашествие, пробудило в народе чувство покаяния. Люди, осознавая себя христианами, постепенно утвердились в превосходстве православного учения (монголы — новые властители — были тогда еще язычниками!). Их вера ободряла в скорбях, в трудах самых тяжелых; выполнение заповедей Божьих спланивало народ — в людях удержалась любовь к разоренной родине, и он не перенял хищные повадки от монголов.

Монгольский период — время становления нашего Отечества как монолитного государства. Разрозненные военные силы, не способные противостоять сильному врагу, начинают формироваться внутренне. Организация дружин княжеских и войска осуществляются по примеру или образцу войска духовного, т. е. духовной иерархии. В самом деле: как много общего между церковью и вооруженными силами! Их сближает одинаковая иерархическая пирамида, четкая организация жизни по строгим канонам и регламенту уставов; безусловное выполнение возлагаемых обязанностей — послушания или исполнения долга (без послушания — нет церкви, а без дисциплины — армии). Как в церкви, так и в армии главным принципом воспитания служит личный пример (иерархические системы эффективны лишь тогда, когда стоящий

Под Золотой Ордой

во главе их обладает необходимыми качествами и может привить их другим). Средствами воспитания являются таинства, добрые традиции, законы, форма одежды, наличие знаков различия и отличия, обычаи. Кроме того, церковь учит воинов быть милосердными к поверженному врагу и благословляет их, чтобы остановить зло.

Некоторые историки рассматривают получение митрополитами ярлыков от ханов, «как союз православной церкви и татарского хана», и расценивают это как своего рода измену национальным интересам или, по меньшей мере, беззастенчивую торговлю духовенства своим авторитетом. Напрашивается вполне закономерный вопрос: могли ли высшие иерархи церкви отказаться от предоставляемых им льгот и выполнения принятых обязательств? Такое вполне могло случиться, но к чему бы это привело? В сложившейся ситуации сохранение мирных отношений с Монгольской империей было единственным путем к возрождению Руси. Именно им будут следовать Александр Невский и Иван Калита, которых никто не может упрекнуть за то, что они получали ярлыки на княжение из рук ханов. Всеми средствами они старались избежать осложнений с Ордой и, как следствие этого, новых кровопролитий.

В один из самых тяжелых периодов владычества монголов православную церковь на Руси возглавлял митрополит Кирилл II — фигура в некоторой степени загадочная. О нем сохранилось мало сведений, и биография отслеживается лишь в общих чертах. Жил он долго и был свидетелем многих событий. Есть сведения, что Кирилл служил у могущественного и храброго князя Даниила Галицкого печатником, т. е. хранителем всей княжеской канцелярии.

В 1246 г. князь Даниил направил архимандрита Кирилла в Малую Азию в Никею к Константинопольскому патриарху. И вскоре тот стал первым из русских митрополитов, утвержденным патриархом. По возвращении на родину митрополит Кирилл поехал в Северо-Восточную Русь, где при его содействии наметилось сближение двух оппозиционно настроенных по отношению к монголам князей — Даниила Галицкого и великого князя Владимирского Андрея Ярославича. В 1250 г. Андрей женился на дочери Даниила, венчание во владимирском Успенском соборе совершил сам митрополит Кирилл II.

К сожалению, идея антиордынского союза оказалась несколько преждевременной и грозила русскому народу новыми неисчислимыми бедствиями. Андрей не смог удержаться на княжении во Владимире, монголы разбили его рать под Переяславлем. Новгород не принял князя, и ему пришлось бежать в Швецию. В результате Переяславль был опустошен — за вину князя расплачивалась вся его земля.

На великом княжении утвердился брат Андрея князь Александр, которому судьба нарекла называться Невским. Установившееся взаимопонимание между митрополитом Кириллом II и князем Александром Ярославичем благотворно сказалось на будущем Руси. Именно им выпала нелегкая политическая задача: поставить Русь по возможности в такое положение среди наседавших на нее с запада и востока врагов, чтобы она могла существовать и дальше.

Александр Ярославич родился 30 мая 1220 г. В шестнадцать лет он получил в удел новгородское княжение, а через два года Новгород отпраздновал

свадьбу молодого князя с дочерью князя Брячислава Полоцкого. Александр был высокого роста, красив собой, а голос его, по выражению одного из современников, «гремел перед народом, как труба». Следует отметить и еще одну подробность: с ранних лет он отличался глубокой верой в Бога и ответственностью в исполнении долга. Любое дело или обязанность старался выполнить «преподобне и праведне» и «яко верный раб благоуготови себе во благих угодити Господу своему». Любимым его занятием, кроме чтения церковных книг, было церковное песнопение. На формирование характера князя безусловно повлияла и боевая подготовка, которая по обычаям того времени проводилась с

Александр
Невский.
Худ. П. Корин.

малых лет. Не случайно говорится о религиозности князя Александра Невского — вера воспитала в нем необходимые нравственные качества. Следует упомянуть о том, что Русь в самые трудные периоды истории от всяких неурядиц спасали именно нравственные люди, воспитанные церковью.

Новгороду и до князя Александра приходилось иметь столкновения с западными рыцарями — немцы пытались насильно крестить чудские племена, обитавшие в землях, принадлежавших новгородцам. Также случались стычки новгородцев с католической Швецией из-за Финляндии.

Римский папа покровительствовал как немцам, так и шведам в их политике покорения Северной Руси. Шведы, получив папскую буллу, выступили походом на Новгород. Биргер, близкий родственник шведского короля, прислал Александру вызов: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться. Я уже здесь и пленю твою землю».

Для новгородцев война со шведами сразу приняла религиозный характер — дело шло о защите православия, на которое ополчился сам римский папа. Александр вознес молитву в церкви Святой Софии и выступил со своей ратью.

Под Золотой Ордой

Хан Батый.
Старинный
китайский
рисунок

У новгородцев была организована постоянная приморская стража, которая наблюдала за входом в Неву с моря. Ее начальником был верный слуга князя волжанин Пелгусий (из племени воль), получивший при крещении имя Филиппа. Ему удалось выследить расположение неприятельских сил и вовремя сообщить об этом Александру. Но Пелгусий открыл князю и еще нечто важное... Он отличался благочестием, соблюдал посты и обладал способностью к внутреннему видению. Всю ночь он провел без сна, наблюдая за врагом, а на восходе солнца ему было видение — явились святые братья Борис и Глеб в ладье посреди гребцов, «одетых мглой», положив руки на плечи друг другу... «Брате Глебе, — сказал Борис, — вели грести, да поможем сроднику нашему Александру». Об этом он также сообщил князю — Александр уверился в Божьей помощи, поскольку Борис и Глеб олицетворяли образы доброго воинства. Так об этом событии доносит до нас предание.

15 июля 1241 г. — в день смерти пращура своего князя Владимира Ясного Солнышко, Александр со своим воинством одержал победу над шведами на берегу Невы, неподалеку от устья Ижоры. В этом сражении он ранил копьем шведского полководца Биргера. Велика была радость новгородцев по этому случаю, но не поладил вскоре с ними Александр и ушел в Переяславль.

Через некоторое время враги Новгорода снова появились в его землях, и жители были вынуждены обратиться за помощью к князю Александру. Горожане правильно рассудили, что только он может им помочь. С дипломатической миссией к князю направился владыка Спиридон. Александр был натурой сложной и разнообразной в своих проявлениях, поскольку дело касалось Руси, то он не стал вспоминать обиды, принял предложение новгородцев и в короткое время очистил новгородские земли от врага. Будучи милостив с пленными, Александр тем не менее перевешал в городе всех изменников. Он дошел до Пскова, освободил его от немцев, а двух немецких наместников в оковах отправил в Новгород.

Александр Невский ожидал очередного появления немецких рыцарей, справедливо полагая, что они захотят взять реванш. И точно, в первых числах апреля пришло известие о приближении немецкого воинства. «Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом» — произнес князь. 5 апреля 1242 г. на восходе солнца противники встретились. Немцы оставили на поле боя четыре сотни ливонских рыцарей. Магистр ордена в страхе поджидал русских под стенами Риги...

Две убедительных победы русских (над шведами и немцами) дали понять Западу, что покорить русских трудно, и, скорее всего, невозможно. Даже папа римский пересмотрел свою политику — стал на путь убеждений, которые, как показало время, оказались также бесплодными.

В 1251 г. папа Иннокентий послал к Александру двух кардиналов, которые утверждали, что его отец якобы когда-то обещал монаху Плато Карпини принять покровительство римского престола и что только смерть помешала осуществить это намерение. Александр, твердый в православной вере, не поддался на уговоры, хотя Рим и сулил военную помощь в борьбе с монгольской империей.

Александр понимал, что силой оружия он может противостоять военной угрозе с запада, но против восточного противника — монголов, которые завоевали пространство от Тихого океана до Венгрии и Чехословакии, он воевать не в состоянии. При малочисленности русского воинства, нищете и разрозненности князей об этом нечего было и думать. Именно тогда проявились не только полководческий дар, но и мудрость государственного мужа и тонкого политика. В его личной храбрости и мужестве сомневаться не приходится — перед собой он видел единственный путь к будущему Руси — путь покорности монгольским правителям, и союз с Востоком потребовал от князя проявления громадной духовной силы. Александр сумел найти ту единственную грань во взаимоотношении с Золотой Ордой, которая позволила со временем сделать Русь великой.

Грозный Батый повелел князю Александру явиться к нему: «Мне покорила Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь сохранить за собой землю свою, приходи ко мне: увидишь честь и славу царства моего». Отец Александра Ярослав отправился в Орду и не вернулся оттуда — там решался вопрос: кому быть старшим князем. Александр поехал в Орду (1247), где он детально ознакомился с бытом монголов и особенностями их вооруженных сил. Их воинов отличала великолепная сплоченность, безусловное подчинение младших старшим, чрезвычайная выносливость — именно эти качества и позволили монголам совершить свои завоевания. Русским, готовым умереть за свою свободу, не хватало лишь одного — быть едиными в деле защиты Отчизны. И еще немаловажный вывод сделал из своей поездки князь Александр — из «покорности» Орде можно извлечь нечто полезное для объединения русских земель.

По воле Орды князь Александр стал на Руси старшим. Осев во Владимире, он начал восстанавливать разрушенные церкви и жилища. Поддержка Орды позволила князю увереннее проводить собственную политику, в частности по отношению к Новгороду. На новгородское княжение он посадил своего сына Василия, но строптивые новгородцы его невзлюбили и прогнали, пригласив другого князя. Дело по тому времени вполне обычное — вспомним, что и сам Александр не раз уходил из города и вновь мирился с его жителями. Но на этот раз новгородской вольнице противостояла сила князя Александра. Он наказал новгородцев и дружину князя Василия, приказав выколоть им глаза за то, что те не смогли защитить своего князя. Правда, до кровопролития дело не дошло, но этот случай надолго остался в памяти русичей. Порядок был восстановлен — князь Василий снова оказался на Новгороде.

Неожиданно в Орде произошел переворот. Батый умер, а его сын был убит дядей Берке, который и объявил себя ханом. Александр поспешил

Под Золотой Ордой

в Орду, чтобы быть в курсе возможных перемен. Но умиловить хана не успел — на Русь нагрянули чиновники из Орды, переписали все население, кроме духовенства, и обложили его поголовной данью. Ханский наместник Улавчий потребовал, чтобы дань платил и Новгород, который до сих пор не был покорен ордынцами. Понимая, что стоит за этим требованием Орды, князь Александр решил пожертвовать свободой Новгорода ради сохранения Руси от разорения.

Жители Новгорода взбунтовались, их поддержал князь Василий. В ответ Александр заключил непокорного сына под стражу, а его единомышленников бояр казнил. Зимой 1259 г. в Новгород пришло известие о приближающейся ордынской рати. Тревога за судьбу города заставила новгородцев покориться воле Александра Невского и принять на княжение его сына Дмитрия.

В 1262 г. по Руси прокатилась волна выступлений против ордынцев — сборщиков налогов. Князь снова отправляется на Волгу в Сарай, чтобы задобрить хана, а главное чтобы не посылать русское воинство на войну монголов с другими народами. Долго пришлось пробыть в Орде, пока не представилась возможность возвратиться на родину. По пути Александр заболел. Предчувствуя скорый конец, он принял схиму. 14 ноября 1263 г. Александр Невский скончался.

Тело князя было погребено во Владимире в монастыре Рождества Богоматери. Боевая слава князя, как свидетельствуют летописи, привлекла в его дружину многих славных рыцарей из чужих земель, среди них Ратша и Гавриил из Германии, Михаил из Пруссии. Наследником Александра стал его брат Ярослав. Известие о смерти Александра Невского взволновало митрополита Кирилла: «Зашло солнце земли русской», — воскликнул он.

После смерти князя Александра митрополит Кирилл II свои отношения с ордынцами строил очень осторожно, и в 1267 г. хан Менгу-Тимур прислал ему ярлык, подтверждающий привилегии русской церкви. Известно, что сам митрополит не ездил в Сарай с дарами и поклонами. Он неприязненно относился к тем, кто слыл «ордынскими угодниками», и всячески поддерживал тех священников, кто собирал духовные силы народа. Дошедшие до нас произведения Кирилла II и по духу, и по стилю удивительно созвучны проповедям Серрапиона Владимирского, который активно ратовал за объединение русских.

Митрополит Максим, выходец из Греции, сменивший Кирилла II, скользнул по истории бледной тенью — он не разделял патриотических настроений лучшей части русского духовенства, которые подобно искрам под пеплом только и ждали свежего ветра перемен.

За свои подвиги, как ратные, так и христианские, князь Александр был причислен к сонму русских святых. Произошло это при следующих обстоятельствах. Во Владимире в обители Рождества Богородицы, в тиши ночного уединения близ гроба Александра с 7 на 8 сентября 1380 г. один благочестивый отшельник вознес пламенную молитву Богу и попросил заступничества у благоверного князя в борьбе с притеснителями Отечества. И молитва была услышана: внезапно зажглись свечи у гробницы князя. Из алтаря появились

Звезда ордена
св. Александра
Невского

Знак (крест)
ордена
св. Александра
Невского

два старца, озаренные небесным сиянием, и тихо приблизились к гробнице. Инок явственно услышал голос старцев: «Возстани, Александре, ускори на помощь сроднику своему великому князю Дмитрию, одолеваему существу от иноплеменика». И вдруг князь восстал из гроба, как живой. Это видение произошло как раз в ту достопамятную ночь, когда князь Дмитрий готовился на бой с полчищами Мамай. Инок хотел было умолчать о видении, но узнав о времени битвы и ее благополучном исходе, обо всем поведал митрополиту. Святитель с освященным собором немедленно отправился во Владимир. Могила князя была раскопана — тело Александра после 117 лет погребения оказалось нетленным. Мощи святого были положены в раке поверх земли. Возле нее слепые получали зрение, хромы исцелялись, к слабым возвращались силы...

Память о князе Александре глубоко почиталась на Руси. В его честь по повелению Петра I на берегах Невы был сооружен монастырь, куда перевезли из Владимира мощи благоверного князя. Царским указом устанавливалось празднование памяти князя 30 августа — в день заключения со Швецией Ништадтского мира. Православная церковь отмечает память Александра Невского 23 ноября, день погребения его во Владимире.

Следует отметить, что монастырь был построен на том самом месте, где 15 июля 1241 г. Александр Невский раз-

бил шведов. В 1710 г. последовал царский указ воздвигнуть монастырь во имя св. Троицы и святого Александра, а хутынский архимандрит Феодосий на том месте водрузил крест с надписью: «На сем месте созиждется монастырь». В 1717 г. архитектором монастыря был утвержден Андре Трезини.

По заключении Ништадтского мира Петр I направил во Владимир комиссию из духовных и светских лиц «подъять святые мощи с теми же образами, с коими были перенесены мощи святого Филиппа из Соловецка в Москву и доставлены до Новгорода сухим путем». Мощи святого Александра были поставлены на яхту и по воде проследовали по Волхову, Ладожскому озеру и

Под Золотой Ордой

Неве. У села Усть-Ижора царь встретил шествие, перенес мощи святого Александра к себе в лодку, в которой встал у руля. В Петербурге эту лодку первым встретил знаменитый ботик, «дедушка русского флота», под императорским штандартом. Царь с приближенными поднял святыню и под богато отделанным балдахином перенес в только что освященную Александровскую церковь, где мощи пребывали до постройки главного собора. Перенесение мощей в Александро-Невскую лавру символизировало рождение новой столицы русского государства, которое обрело выход в море. Так Александр Невский стал ангелом-хранителем Петербурга, города, в который никогда не входил неприятель.

Имя князя было весьма популярно на Руси — достаточно сказать, что его носили три императора. Более того, этим именем стали отмечать заслуги государственных мужей. При подготовке похода на Персию Петр Великий успел разработать основные положения статуса ордена Александра Невского. Орден Петр предполагал учредить в «награждение подвигов», т. е. исключительно за ратные заслуги. Но в жизни получилось иначе: впервые этот орден был пожалован в мае 1725 г. мужу дочери Петра I Анны герцогу Голштейн-Готторпскому Карлу Фридриху. Это обстоятельство в известной степени повлияло на то, что орден стал не только военным, а давался и «в награду трудов, за отечество подъемливых», т. е. за заслуги на гражданской службе. Тем не менее он считался высокой наградой и давался крайне редко. Любопытно, что звезда и лента ордена сохранили цвет стяга Александра Невского — красный.

Императрица Елизавета распорядилась соорудить в 1753 г. раку для мощей св. Александра Невского из первого серебра, добытого в ее царствование из рудников. При Екатерине II 30 августа 1790 г. мощи святого угодника были в присутствии императрицы перенесены Александровскими кавалерами в освященную большую соборную Троицкую церковь.

К памяти князя Александра Невского обратились и в годы Великой Отечественной войны, когда положение на фронтах было очень тяжелым. 29 июля 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был вновь учрежден орден Александра Невского, предназначенный для награждения командного состава Советской Армии «За выдающиеся заслуги в организации и руководстве боевыми действиями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину». Таким образом была исправлена историческая оплошность Екатерины I — орден стал исключительно боевым.

Первыми кавалерами нового ордена стали офицеры В. Ф. Котов, П. Н. Рубан, С. П. Цыбулин и др. Всего за боевые подвиги и заслуги в период войны было награждено свыше 42 тыс. человек. В числе награжденных более 1470 воинских частей и соединений Советской Армии и Военно-Морского Флота.

1990 год в нашей стране был годом памяти Александра Невского и 750-летия битвы на Неве. Общественность широко отметила это событие русской истории. По инициативе патриарха Алексия II на месте битвы в устье Ижоры была взята земля, освящена и в специальном ларце в сопровождении

военного эскорта доставлена в Лавру и помещена в Свято-Троицком соборе. Так была исправлена еще одна историческая ошибка: битва со шведами происходила в устье реки Ижоры, а не Черной, как указал Петр.

Оценивая личность Александра Невского, нельзя не разделить точку зрения Льва Николаевича Гумилева: «Какую Русь представлял Александр Ярославич Невский? Был ли он последним крупным удельным князем Древней Руси или же первым князем будущей Великороссии? Можно ли его поставить в один ряд с Владимиром Мономахом или следует сравнить с Дмитрием Донским?»

Полагаю, что князь Александр, так же как его соратники, принадлежал к поколению новых людей, поднявших Русь на недостижимую высоту. Для такого вывода есть весомые основания. Жертвенное поведение Александра Ярославича и его соратников слишком разительно отличается от нравов древнерусских удельных князей. Сформулированная Александром доминанта поведения — альтруистический патриотизм — на несколько столетий вперед определила принципы устройства Руси. Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях. И наконец, именно потомками Александра Ярославича Невского строилась в XIV в. на развалинах древней Киевской Руси новая Русь. Сначала она называлась Московской, а с конца XV в. стала называться Россией».

Русь поднимается

Возвышение Москвы, начало которому было положено во времена Ивана Калиты, происходило особенно быстро. Оно продолжалось и при его преемниках — сыновьях Симеоне Гордом и Иване Красном. Но после смерти Ивана Красного в 1359 г. во главе русских княжеств фактически стал митрополит Алексей. По завещанию князя митрополит назначался регентом над его малолетним наследником Дмитрием Ивановичем. И в этом положении митрополит Алексей показал себя ревностным рачителем интересов московской государственной власти. И вот знаменательный факт — святитель оказался по сути главой Боярской думы — и с этим делом справился. И не удивительно...

Известно, что Алексей, митрополит Киевский и всея Руси, родился в Москве в 1292 г. в семье боярина Феодора Бяконта, который был крестником самого Ивана Калиты. Феодор крестил своего сына Елевферием — в быту это имя произносилось проще — Алферий, Алфер. Феодор Бяконт входил в первую десятку знатнейших бояр Москвы, которые составляли своего рода правительство, главой которого был князь. Сохранились сведения, что князья настолько доверяли Феодору, что даже оставляли его московским наместником на время своих отлучек. Казалось, что перед боярским сыном прямая дорога — ратная служба, тем более что по обыкновению того времени обучение ратному делу начинали с малых лет. Однако Алферий избрал себе другое поприще — в девятнадцать лет он стал иноком и получил монашеское имя — Алексей. По принятой традиции первые буквы мирского и монашеского имени совпали.

Митрополит Феогност приметил хорошо образованного инока и в 1340 г. назначил его своим наместником во Владимире. Через десять лет Алексей стал епископом во Владимире на Клязьме, а еще через четыре года — митрополитом Киевским и всея Руси. Особенно деятельное участие пришлось принимать Алексею в борьбе Москвы с потомками когда-то великих тверских князей. Его властное пастырское вмешательство направляло ход дела в пользу

московского князя в самые трудные моменты этой борьбы. Он сумел предотвратить усобицу между тверскими князьями и оказал Отечеству важную услугу — предотвратил нашествие ордынцев, исцелив глазную болезнь у жены хана Джанибека. Сам хан обратился к князю Иоанну с просьбой: «Мы слышали, что есть у вас служитель Божий Алексей, которого Бог слушает, когда он о чем попросит. Отпустите его к нам; если его молитвами исцелит моя царица, то дарую вам мир; если же не отпустите его, пойду опустошать вашу землю».

В 1357 г. Алексей совершил еще одну поездку в Орду, где получил ярлык от хана Бердибека. Этим Орда подтверждала привилегии Русской Церкви, которыми она пользовалась раньше при ханах Тохте и Узбеке. В начале 1358 г. Алексей отправляется в Киев, чтобы восстановить единство митрополии. И эта поездка чуть не стоила ему жизни — по приказу литовского князя Ольгерда владыку схватили и ввергли в узилище, где он провел два года. Только в первой половине 1360 г. при помощи своих тайных друзей Алексей сумел бежать из литовского плена.

На Руси он оказался в самой гуще политических событий. Орду лихорадили жестокие усобицы, и, как следствие этого, быстро усиливалось княжество Литовское. И что самое главное — Москва сама переживала внутренние неурядицы — дело дошло до политических убийств. В создавшемся положении перед митрополитом было два пути: либо находиться в стороне от политики и терпеливо наблюдать за тем, как будут разворачиваться события, либо активно поддержать московского князя. Сказалась боярская кровь — митрополит выбрал второй путь... Нет сомнения, что на выбор пути Алексея повлияли уже отчетливо проявившиеся черты его характера — решительность, вера в собственные силы и предназначение, умение привлекать к себе людей. Митрополит Алексей был причастен практически к решению всех задач московской политики. Уже в 1362 г. удача посетила московское княжество — Орда выдала ярлык на великое княжение Владимирское 12-летнему Дмитрию Московскому. Рать, посланная Москвой, выбила Дмитрия Суздальского из Владимира. В 1363 г. Дмитрий Суздальский при помощи отряда ордынцев снова захватил этот город, но через неделю был вновь изгнан москвичами. В конце концов он уступил силе и отказался от претензий на Владимир.

В том же 1363 г. митрополит Алексей погасил усобицу между Дмитрием Суздальским и его братом Борисом, незаконно завладевшим Нижним Новгородом. Осенью Алексей направил к князю Борису своих послов — архимандрита Павла и игумена Герасима, чтобы вызвать его в Москву на суд. Борис отказался явиться, и тогда послы воспользовались «мечом духовным» — запретили церковную службу в Нижнем Новгороде. После этого князь Борис пошел на мировую и направил в Москву своих бояр для переговоров.

Через год митрополит Алексей снова направил к строптивым нижегородцам своего представителя, на этот раз игумена Сергия Радонежского. И когда Борис отказался явиться в Москву для разбирательства спора, Сергей именем митрополита затворил все церкви в городе. Духовная мера, однако, не принесла ожидаемого результата, и спор стали решать оружием. В помощь Дмитрию Суздальскому из Москвы выслали рать. В конечном итоге князь Борис отсту-

Русь поднимается

пил, оставив старшему брату Нижний Новгород. Наблюдая за усилением Москвы, Дмитрий Суздальский в 1364 г. по своей воле отказался от присланного ему из Орды ярлыка на великое княжение Владимирское и заключил с Москвой политический союз, отдав свою дочь за московского князя Дмитрия Ивановича.

Был у Москвы враг пострашнее ордынского нашествия — пожары, которые на протяжении ряда лет изничтожили город. Будущей столице довелось пережить шесть пожаров, о последнем из них сохранилось такое описание: «Загорелся город Москва от (церкви) Всех Святых с верху (реки Москвы) от Чарторьи и погоре Посад весь и Кремль и Заречье». Страшным было то лето — пожар сопровождался сильной бурей и вихрем, которые относили головни и горящие бревна за десять дворов, и погасить такой пожар было невозможно — за два часа город выгорел.

И вот здесь митрополит Алексий выступил с инициативой: вместо обгоревшего дубового построить каменный Кремль. С его благословения стали резать камень в подмосковных каменоломнях. Зимой 1366 г. камень завезли в город, а весной следующего заложили фундамент и начали строительство, которое вели быстрыми темпами. Для этого отовсюду собирали мастеров каменного дела. Стремительность, с которой возводились каменные стены, была оправдана, так как из враждебной Тулы получили недобрые вести. В 1368 г. литовский князь Ольгерд, подстрекаемый тверским князем, внезапно появился со своими полками у московских стен. Москва успела выжечь свой посад, чтобы не дать противнику соорудить из бревен примет (своеобразное укрытие для подступа к стенам крепости). Разорительные намерения литовцев разбились о новопостроенные твердыни московского Кремля.

Через два года, опять-таки с подачи тверского князя, Ольгерд снова появился у стен Москвы. 6 декабря 1370 г. он осадил крепость и, простояв под ее стенами восемь дней без какого-либо результата, стал просить перемирия, получив его до Петрова дня будущего года. Так, одетая в камень, крепость помогла московскому князю удержать власть в своих руках.

Каменный кремль в известной степени способствовал политическому возвышению Москвы. Ее жители уверились в собственных силах и укрепились в вере в своего князя, считая его непобедимым. Да и сам Дмитрий упрочился в политике «собрания Руси». Каменные стены стали той вехой в истории Отечества, которая обозначила прямой поворот к идее государственного единения. Через десяток лет в каменной Москве со всех концов Руси собрались полки для похода на Куликово поле. Но еще раньше, в 1375 г., под предводительством московского князя собрались все удельные князья на «тверского ослушника», которому не помогло заступничество Золотой Орды.

Когда тверской князь Михаил получил из Орды ярлык на великое княжение, Дмитрий Московский просто не пустил его во Владимир, а сопровождающему его татарскому послу велел передать: «К ярлыку не иду, а в землю на княжение Владимирское не пушу, а тебе, послу, путь чист». Когда же тверскому князю через несколько лет вновь был дан ярлык на великое княжение, Дмитрий направился к Твери во главе большого ополчения, в котором было

Икона,
изображающая
св. Алексия,
митрополита, на
фоне Москвы

СВЯТЫЙ
АПОСТОЛ

іс хс

Русь поднимается

*Возвращение
св. Алексия,
митрополита
Московского из
Орды.
Худ. В. Муйжель*

семнадцать русских князей, в том числе и тверские. Это было первое крупное наступление объединенных сил русских земель под предводительством московского князя. Причиной общего возмущения русских стал союз тверского князя с Литвой и Ордой. «Сколько раз он (тверской князь), — говорили они, — проводил с ратью зятя своего великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича, сколько зла учинил христианам! А ныне вошел в согласие с Мамаем и со всей Мамаевой Ордой, а Мамай яростью дышит на всех нас; если теперь допустим им соединиться, победят всех нас».

Воочию убедившись, что «вся Русская земля восстала на него», тверской князь счел за благо заключить мир с Дмитрием Ивановичем, признав его «своим братом старейшим», отрекся от союза с Литвой и ордынцами и обещал в случае их нападения оказать Москве ратную помощь. Так Москва заняла главенствующее положение на Руси. И вот в это-то время наиболее горячие воеводы стали решаться на открытый бой с золотоордынцами. Но митрополит Алексей был против этого выступления — по его мнению, мог образоваться противный Москве союз между Ольгердом, Мамаем и Михаилом Тверским. Его решение было плодом взвешенной политики, проявлением мудрой осмотрительности. 15 июня 1371 г. Дмитрий отправился в Орду. Митрополит Алексей «проводил князя Великого до Оки. И молитву сотворив, благословил его и отпустил с миром. И его бояр, и его воинов, и всех прочих благословил, а сам возвратился назад». Поездка Дмитрия Московского оказалась удачной — он

получил ярлык от правителя на княжение во Владимире. Одновременно хан отправил послание Михаилу Тверскому: «Мы дали тебе княжение великое, и давали тебе рать, а ты не понял, сказал: «Своей силой сяду». Вот и садись с кем тебе любо».

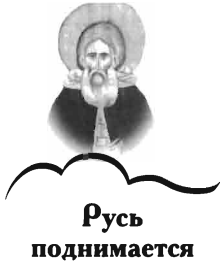
По мере увеличения Дмитрием Московским военной силы он чувствовал себя все более уверенно в политике единения русских земель.

В число заслуг перед Отечеством митрополита Алексия следует отнести проведенную им в жизнь идею создания на Руси сети общежитийных монастырей — энергичных, экономически самостоятельных общин подвижников. Монастыри впоследствии будут играть двойную роль: способствовать объединению накрест лежащих земель — станут по своей сути сторожевыми постами; и во-вторых, в них появится непоборимая стена, духовное забрало венценосных «старцев», которым суждено будет сыграть исключительную роль в пробуждении духа народного патриотизма.

Сподвижником митрополита Алексия был один из святых старцев, преподобный Сергей Радонежский, внесший громадный вклад в формирование духовного мировоззрения защитников Отечества. По мнению историка Николая Ивановича Костомарова, он «ранее всех и более всех святых, явившихся в московской земле, приобрел народное уважение всей Руси». Преподобный Сергей, основатель Троице-Сергиевой Лавры, в глазах великорусского народа стал олицетворением покровителя, заступника и охранителя государства и церкви. Личность Сергея Радонежского представляется исторически важной и потому, что он был отцом многих обителей и монастырей, поскольку часть из них была построена его сподвижниками или же учениками, а еще больше после смерти — духовными детьми или учениками его учеников.

Сергей Радонежский родился в 1314 г. в семье ростовского боярина и был наречен Варфоломеем. Оставив младшему брату Петру отцовское наследство, Варфоломей с овдовевшим старшим братом, принявшим иноческий чин, в 1337 г. срубил церковь в лесу в десяти верстах от Радонежа (на этом месте сейчас находится Лавра). Старший брат недолго смог вести подвижнический образ жизни и перебрался в один из московских монастырей. Варфоломей же был пострижен в монахи с именем Сергей в возрасте двадцати трех лет и продолжал жить в лесу, вознося молитвы к Богу, пребывая в бесстрашии среди лесного безмолвия и зверей. К келье Сергея приходил большой медведь, которого отшельник кормил из рук. Постепенно, прослышав о подвижнике, к нему стали приходиться иноки из других монастырей. Впоследствии, по общему мнению братии, Сергей был избран игуменом и посвящен в этот сан в Переяславле Афанасием Вольнским, который по случаю отъезда в Константинополь владыки Алексия правил русской церковью.

Ожидая в Константинополе рукоположения в сан митрополита, Алексий заинтересовал Вселенского патриарха рассказами о духовных подвигах Сергея. Патриарх Филофей направил Сергию грамоту с благословением и советом ввести в монастыре общежитийный устав по образцу византийских киновий. В знак своего особого расположения патриарх послал Троицкому игумену золотой нагрудный крест-мощевик. Надо заметить, что подлинная любовь

Русь поднимается

соединяла двух угодников Божиих — святителя Алексея и пустынножителя Сергия. Не раз преподобный Сергий покидал свою монашескую келью, чтобы выполнить сложные дипломатические поручения московских правителей. В покрытой дорожной пылью и ветхой монашеской одежде он входил в княжеские покои и своей тихой, размеренной речью, неотступным взглядом пробуждал к раскаянию даже самых дерзких и своенравных князей. Внешний вид старца, его уверенность в правоте своего дела производили неизгладимое впечатление на тех, кто с ним разговаривал — может быть, они видели, что за его плечами стоит московская рать, проклятье митрополита, а может быть еще что-то неведомое, непознаваемое, чего князья не могли понять и потому боялись пуще всего. Современники не сомневались в том, что Сергию в церкви прислуживают ангелы, и что его воле и слову послушны звери и птицы.

Сергий Радонежский был прост и доступен в общении с людьми. Речь его была полна бесхитростной евангельской мудрости. В своей обители по глубокому смирению он управлял только посредством личного примера: строил кельи, рубил дрова, молот жерновом рожь, пек хлебы, варил пищу, носил воду на гору в водоносах и ставил у кельи каждого. С его ладоней никогда не сходили мозоли от топора и лопаты.

Предчувствуя приближение своей кончины, митрополит Алексей счел необходимым еще при жизни избрать себе достойного преемника. Он призвал преподобного игумена Сергия и повелел для него принести золотой крест. Святитель объявил Богоносному пустыннику о своем намерении посвятить его в сан епископа и назначить своим преемником. Преподобный Сергий не только с глубоким смирением, но и с живою скорбью отрекся от столь высокого назначения: «Владыко святой! Если не хочешь прогнать нищету мою от твоей святости, не говори о таком тяжком бремени моему недостоинству». Поняв, что дальнейшие настояния могут привести к тому, что Сергий удалится в безвестную пустыню, прозорливый святитель отпустил его обратно в монастырь. Очень точно разговор между св. Алексием и преподобным Сергием выразил митрополит московский: «Один старался одержать победу над другим, а сей другой старался одержать победу над самим собою — и оба остались победителями! Один дал верх и торжество своему смиренномудрию, другой, уступая изволению Духа Божия, управляющего сердцами праведников, как бы возложил венец славы на смиренного сподвижника! Редкая вещь! Чего другие, подстрекаемые честолюбием, всеми мерами ищут, того всемерно отрицает и избегает праведник! Но не позволим себе думать, будто Сергий в сем случае воспротивился призыванию Божию. Нет, он исполнен был Святого Духа, Который управлял его душою, и располагал ее к тому, чего требовала его добродетель и польза других».

Так уж на Руси повелось с тех пор — во времена общественных потрясений всегда прибегали к образу преподобного Сергия. История ему отвела ответственную роль — поднять дух русских на борьбу с золотоордынцами. Народ, привыкший вздрагивать при одном упоминании имени ордынца, собрался с духом и мужественно пошел искать супостатов в открытой степи и там навалился на врагов несокрушимой стеной. Как такое могло произойти? Как вос-

Преподобный
Сергий
Радонежский.
Миниатюра
XIX в.

питывались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и думать их деды и прадеды? Мы знаем одно: преподобный Сергий благословил на этот подвиг Дмитрия Московского, который был человеком поколения, возмужавшего на глазах святого Сергия под благодатным опекунством святого Алексия, русского митрополита.

На путь решительной борьбы с ордынцами Дмитрий Московский вступил не сразу. В 1376 г. состоялся поход русских на Волжскую Булгарию. Русские осадили болгар и, несмотря на наличие у его защитников пушек — оружия по тому времени невиданного, принудили к сдаче. Это был заметный успех Москвы и, собственно говоря, первая победа в борьбе с ордынцами.

Возросшая мощь московского княжества позволила Дмитрию не только предпринять несколько успешных походов против поработителей, но и собрать значительную военную силу для решительной борьбы с ними. В известной степени влияние на решение Дмитрия оказало сражение с крупными силами ордынцев на реке Воже в 1378 г., когда русские воины разгромили превосходящие силы врага. Эта победа вызвала ярость у Мамай, стоявшего во главе Золотой Орды. Он сразу приступил к подготовке большого похода на Русь, причем ему удалось привлечь на свою сторону литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега.

Через хорошо организованную разведку князь Дмитрий знал о том, что предпринимают ордынцы — Мамай, не желая напрасного риска (битва на Воже его кое-чему научила!), копил силы, подыскивал союзников и вербовал наемников. Русский князь тоже стремился как можно больше собрать княжеств под единую руку, и вот здесь для укрепления единства Руси, для воодушевления ее боевой рати ведущую роль сыграла связующая сила в лице Сергия Радонежского.

В «Житии преподобного Сергия» рассказывается о чудесных явлениях, происходивших с ним в разное время. Любопытно, что никто из историков не отвергает духовного видения святого Сергия. Георгий Федотов, автор замечательной книги «Святые Древней Руси», так пишет о преподобном: «В этом древнем лике русского святого мы можем разглядеть и новые черты... Сергиева «простота без пестроты» лишь подготавливает к таинственной глубине, повесть о которой бессилен его биограф, но которая говорит о себе еще не слыханными на Руси видениями. Древние русские святые чаще имели видения тем-

Русь поднимается

ных сил, которые не пощадили и преподобного Сергия. Но только с Сергием говорили горние силы — на языке огня и света. Этим видениям были причастны и некоторые из учеников святого, которые составляли мистическую группу вокруг него: Симон, Исаакий и Михей. Однажды, когда преподобный Сергий совершал литургию в сослужении двух священников, Исаакий и другой ученик увидели сослужившего ему четвертого — светящегося мужа в блистающих ризах. На настойчивые просьбы учеников Сергий открывает свою тайну: «О чада любимаа, аще Господь Бог вам откры, аз ли могу се утаити? Его же видесте, — ангел Господень есть, и не токмо ныне днесь, но и всегда посещением Божиим служащу ми недостойному с ним; вы же его видесте, никому же поведайте, дондеже есмь в жизни сей». Тот же Исаакий просил у Сергия благословения на вечное молчание. При благословении ученик увидел «велик пламень, изшедше от руку его» и окружающий всего Исаакия. Симон же, епископ, рассказывал: «Служащу бо, рече святому, видал огонь, ходящий по жертвеннику, осеняюще олтарь, и окрест святые трапезы окружая; и когда святой хотя причаститься, тогда божественный огонь свится, яко же некая плащаница, и вниде во святой потирь и тако преподобный причастился».

Видимо, в лице преподобного Сергия мы имеем первого русского святого, которого, в православном смысле этого слова, можно назвать мистиком, т. е. носителем особой таинственной духовной жизни, не исчерпываемой только подвигом любви, аскезой и неотступностью молитвы. Тайны духовной жизни преподобного Сергия остались скрытыми для нас. А его видения суть знаки или знамения, отмечающие неведомое.

*Сергий
Радонежский
благославляет
Дмитрия
Донского на
битву*

Подвиг перед Отечеством святого Сергия заключается прежде всего в том, что он свое духовное благо положил для братьев своих, для Русской земли. Прямое участие в судьбе молодого Московского государства, благословения им национального дела и стало причиной того, почему вначале Москва, а позже и вся Русь чтит в преподобном Сергии своего телесного покровителя. В сознании русских людей он занял место рядом с князьями Борисом и Глебом, почитавшимися как национальные заступники Руси и христианского мира. Следует отметить, что 1992 г. был объявлен ЮНЕСКО годом преподобного Сергия Радонежского.

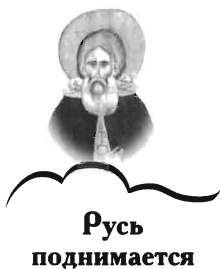
Преподобный Сергий представляется нашему современнику гармоничским идеалом святости — причем в нем очень необычно слились два полюса — духовный и политический. Несколько подробнее остановимся на вершине деятельности преподобного Сергия — о благословении Руси на борьбу против Золотой Орды. До наших дней сохранился шитый в конце XIV — начале XV в. покров с изображением преподобного Сергия. Предполагается, что на нем достоверно передана внешность радонежского игумена. Необычайно выразительное скуластое лицо, обрамленное копной густых рыжеватых волос и широкой бородой, изрядно тронутых сединой. Древний мастер сумел передать и устремленный «внутрь себя» взгляд слегка раскосых глаз. Аскетизм преподобного Сергия подчеркивает длинная коричневая мантия, скрадывающая очертания фигуры старца. Преподобный Сергий был человеком огромной внутренней силы и вместе с тем очень смиренномудрый.

Произошло так, что в период подготовки к выступлению против Мамаю на Руси не было митрополита: Алексей умер, а нового, Киприана, московский князь не принял. Дмитрий обратился за благословением к преподобному Сергию перед тем, как выступить против ордынцев со своим воинством.

В августе, на второй день Успения, когда вокруг Москвы собирались ополчения на зов великого князя, Дмитрий с малой дружиной направился в Троицкий монастырь. После литургии преподобный Сергий встретился с князем, которого сразу же благословил идти на бой, уповая на Бога, и обещал помощь свыше. Игумен предсказывал победу русскому воинству, говорил о венцах, уготованных многим православным воинам в предстоящем сражении, и о том, что сам князь избежит смерти.

20 августа коломенский епископ Герасим благословил Дмитрия идти против «окаянного сыроядца Мамаю, нечестивого Ягелло и отступника Олега». 27 августа русские полки шли по рязанской земле, когда к князю подсказал гонец от преподобного Сергия с благословенной грамотой: «Иди, господин, — писал смиренный игумен, — иди вперед, Бог и Св. Троица помогут тебе».

7 сентября, накануне праздника Рождества Богородицы, русские полки перешли через Дон. Великий князь произнес вдохновенную речь, которая была наполнена глубоким религиозным переживанием по поводу предстоящего сражения и смирением православной души: «Пришло, братья, время брани нашей и настал праздник Царицы Марии, Матери Божьей Богородицы и всех небесных чинов, Госпожи всяя вселенной и святого Ее Рождества. Если останемся живы — ради Господа, если умрем за мир сей — ради Господа!»

Наутро в день битвы до полудня на Куликовом поле стоял туман, а когда он поднялся, то обнаружилось, что обе рати стоят друг против друга. О русском воинстве летописец писал: «Татарская бяше сила видети мрачна потемнена, а Русская сила видети в светлых доспехах, аки некая река лиющесея, или море колеблющесея, и аки светилници издалуче зряхуса». В центре русской рати развевался алый великокняжеский стяг с изображением Нерукотворного Спаса. Перед боем князь Дмитрий обратился к своим воинам со словами: «Отцы и братья мои. Господа ради нашего сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос Бог и Спаситель душ наших».

Начало битвы было предворено молитвой великого князя перед образом Нерукотворного Спаса, вышитым на стяге. С именем Пресвятой Троицы и Божией Матери на устах, с верой в заступничество преподобного Сергия воины вступили в бой: «И была сеча лютая и великая, и битва жестокая, и грохот страшный. От сотворения мира не было такой битвы у русских великих князей, как при Великом князе всея Руси».

Преподобный Сергий во время битвы, стоя с учениками на молитве, говорил об успешном ходе сражения и о решительной победе над врагами; он даже называл имена павших на поле брани и возносил за них молитву.

Летописец сообщает, что наиболее чувствительным воинам открылось духовное существо происходящего. Видели ангелов, помогающих христианам — во главе «трисолнечного» полка стоял архистратиг Михаил, по небесам шествовали рати святых мучеников и с ними святые воины: Георгий Победоносец, Дмитрий Солунский, князья Борис и Глеб; от небесных воинов на ордынцев летели тучи огненных стрел. Также наблюдали следующее видение: над русским войском было облако, из которого на головы православных воинов опустилось множество венцов.

Куликовская битва дорого обошлась русскому народу. С одной стороны, победа в ней явилась торжеством русского духа, с другой — «была и печаль великая» по убитым от Мамаю. Эта славная битва еще не освободила Русской земли от зависимости от ордынцев и даже не прекратила варварских нашествий, но возвестила возрождение сил Руси и явилась предвестником ее свободы и независимости.

Молитвенное участие в поражении Мамаю было не последним подвигом любви к Отечеству в жизни преподобного Сергия. В 1385 г. он ходил в Рязань, чтобы примирить великого князя с коварным Олегом. Богомудрый игумен сумел смягчить сердце вероломного князя, и тот заключил с Дмитрием искренний союз, скрепленный позже и родственной связью. Любовь и вера Донского героя к основателю Троицкой Лавры была настолько велика, что он имел преподобного Сергия восприемником детей своих от святой купели и свидетелем при своем духовном завещании.

В этот исторический период весьма заметно было влияние христианского учения на русский народ. По меткому выражению одного из историков, христианство «не клином врезалось в народное мирозерцание и стало в нем

Явление иконы
святителя
Николая на
Угреше князю
Димитрию
Донскому в
1380 г. Икона

Священного писания. То, что повести, сказки, былины и песни той эпохи явно носят религиозный характер, не требует особого доказательства. Хотя в народе еще и сквозили некоторые пережитки язычества в виде различного рода суеверий — это явление не носило сознательного характера, а было скорее силой привычки или сохранением традиций. В действительной жизни еще имели место необузданные страсти и пороки, была заметна разнища между словами и делами. Но опять-таки, следует иметь ввиду, что слова обретают силу, когда их часто повторяют с верой в их истинность, тем более, когда эти слова не сходят с уст князей, священников и простого народа.

Хотя жизнь в это время еще и была далека от высоких требований христианства, но в духовной сфере христианское начало присутствовало безусловно, придавая удивительную целостность мировоззрению людей того времени, и наиболее восприимчивые с пламенным усердием отдавали себя служению христианским идеалам. Такова была среда, в которой росли и воспитывались русские люди, среда, породившая на Руси митрополита Алексия, игумена Сергия Радонежского, князя Дмитрия Донского...

Эта эпоха несет в себе отличительные особенности. Во-первых, церковь, свободная от власти мирских правителей, порождает в своих недрах необыкновенно высокую нравственность; во-вторых, именно высококонравственные люди вошли в политику, что благотворно сказалось на развитии государственности. И в-третьих, Русская Церковь объединилась ранее будущего Московского государства и в тяжелые для Отечества времена всегда будет приходить ему на помощь.

особняком, а привилось к народу после продолжительного процесса переработки народных воззрений, усвоилось народом, сделалось неотъемлемою и, пожалуй, существенною частью его духовной природы». Христианство давало людям ответы на все вопросы их совести, определяло все многообразие жизни христианина и мало-помалу внедряло новые нравственные начала в глубину семейного, государственного и военного быта. Не будет преувеличением сказать, что вся жизнь древнего русского общества была проникнута духом евангельского учения. Что ни возьми из того периода — думы, убеждения, идеалы и чаяния — все носило на себе отпечаток христианства. Летописи, сочинения и письма светских лиц — все наполнено христианским настроением и выдержками из

За Веру, Царя и Отечество!

Правление Дмитрия Донского, отмеченное значительными успехами в борьбе с ордынцами, сменилось кровавыми княжескими усобицами, затянувшимися почти на четверть века. В ходе феодальной войны удельные князья сумели захватить князя Василия II и даже ослепили его (отсюда и прозвище «Темный»). С большим трудом ему удалось вернуть себе московский трон. Силы, пытавшиеся сохранить удельные порядки, были разгромлены, а победа великого князя укрепила единство русского народа под главенством Москвы.

2 апреля 1437 г. в Москву прибыл новый митрополит грек Исидор — так уж получилось, что митрополичий стол на Руси оказался свободным. Прекрасно образованный Исидор отличался красноречием и изрядно поднаторел в искусстве дипломатии. Посылая нового митрополита, византийский патриарх и император надеялись укрепить связь Руси с Западной Европой и получить помощь в борьбе с турками. В июле 1439 г. Исидор подписал во Флоренции унию, инициатором которой сам же и был. За оказанные католичеству услуги римский папа возвел Исидора в сан кардинала-пресвитера. На Руси поступок Исидора, не без оснований, расценили как прямую измену русскому православию — здесь хорошо помнили попытки католиков с мечом и крестом завоевать русские земли.

Чувствуя свою вину, Исидор отнюдь не спешил возвращаться на Русь, и в Москве появился только через два года. Перед митрополитом-униатом несли католический крест. Во время торжественной службы в Успенском соборе Исидор, в полном соответствии с условиями унии, вместо своего патриарха стал поминать римского Евгения. Великий князь обличил «латинского злого прелестника» и отдал распоряжение заточить вероотступника в монастырь. Василий II обратился к патриарху с резким осуждением флорентийской унии, попросив избрать нового митрополита непременно из русских. Это действие князя предreshало вопрос о самостоятельности русской церкви. Отказ же патриарха позволил бы князю порвать отношения с византийской патриархией.

Но затянувшаяся феодальная война не дала возможности быстро решить давно назревший вопрос, да и захват турками в 1453 г. Константинополя прервал связь русской церкви с патриархом. По сути своей Василий II Темный заложил основы для развития автокефальной Русской Церкви, что в известной степени способствовало росту национального самосознания русских.

Несмотря на сложные отношения между Церковью и князем, духовенство поддерживало идею московских князей о «сборе» русских земель. И самый захват турками Царьграда был истолкован книжниками как наказание свыше за подписание унии с западной церковью. «Разумейте, дети, — писал по этому поводу много позже митрополит Московский Филипп в своей увещательной грамоте новгородцам, — царствующий град Константинополь и церкви Божии непоколебимо стояли, пока благочестие в нем сияло, как солнце. А как оставил истину, да соединился царь и патриарх Иосиф с латиною, да подписале папе золота ради, так и скончал безгодно свой живот патриарх, и Царьград впал в руки поганых турок».

Падение Константинополя открыло перед московскими богословами новые перспективы. Они не без основания полагали, что Москва имеет достаточно заслуг перед православной верой и ей не будет в тягость духовное наследие Константинополя.

Вместо скомпрометировавшего себя Исидора на митрополичий престол через семь лет встал рязанский епископ Иона, первый в истории Русской Церкви выборный митрополит. Это было трудное время для московского княжеского дома. Тридцатилетний Василий II не обладал талантом организатора, слыл неудачником, а недостатки своего правления пытался компенсировать хитростью и жестокостью. И митрополит фактически стал главой московского боярского правительства.

Свое служение митрополит Иона начал с канонизации святителя Алексия, чья жизнь была ему примером для подражания, на чей авторитет он опирался, чьим духовным заветам следовал. По прямому указанию владыки приступили к написанию жития и церковной службы в его честь. Память о святом было решено отмечать два раза в году — 12 февраля (день кончины) и 20 мая (день обретения мощей). Канонизация митрополита Алексия как бы внедряла в жизнь заветы святого к единению.

Первый московский автокефальный митрополит оказался на деле достойным преемником святого Алексия, у которого церковное служение преобладало над государственным. И видимо, митрополит Иона не стал бы заниматься государственной деятельностью, если бы не тяжелые раздоры в княжеской семье.

Митрополит, следует отметить, был человеком мужественным. Летом 1451 г. великий князь отъехал из Москвы, доверив город митрополиту Ионе и боярам. Это событие совпало с осадой города полчищами ногайского хана. Митрополит Иона, готовый положить жизнь за своих пасомых, словом укреплял боевой дух защитников Кремля. Под сильным зноем пожара, в облаках дыма, обволакивающих Кремль, он совершал крестные ходы по стенам его.

За Веру, Царя и Отечество!

Сверху падали вражеские стрелы. Один из иноков Чудова монастыря Антоний, уважаемый митрополитом за строгость жизни, едва успел сказать, что Господь за молитвы святительские спасет город, как тут же пал, пронзенный стрелой. Вечером того же дня осажденные сделали вылазку и бились с неприятелем ночью. И на следующий день ногайцев уже под стенами Кремля не было — они бежали, оставив свою добычу и запасы осажденным.

Митрополит Иона сам принял участие в погребении инока Антония и в память милости Божией поставил Церковь на своем дворе в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы. После другого нашествия ногайских татар, которые по выражению летописца, приходили «похваляясь на Русь» и были прогнаны юным сыном великого князя Иоанном, митрополит устроил в Успенском соборе придел в «похвалу Божией Матери».

Будучи молитвенником за землю Русскую, престарелый митрополит, как радетель за Отечество, разделял с великим князем важнейшие государственные заботы, благодаря которым подготавливалось самодержавие государей Московских. Своим благословением он утверждал все договоры Василия с удельными князьями, старался последних увещевать в подчинении князю и в согласии с ним. Так, к примеру, когда жители Вятки, возмущенные действиями князя галицкого Дмитрия Шемяки, долго не покорялись великому князю, святой Иона отправил игумена со своим посланием к воеводам и прочим земским начальникам, в котором корил их за своеволие и грабеж и предлагал раскаяться перед великим князем в своих несправедных делах, и в то же время священникам предписывалось в обязанность строже наблюдать за поведением своих духовных детей. Из этого случая наглядно явствует, как власть духовная вспоможествовала власти мирской.

К слову сказать, деятельность митрополита Ионы вызвала неудовольствие самого папы Пия II, который повелел в своей булле «поймать и сковать нечестивого отступника Иону». Но святой Иона, внушая всем твердо стоять в Православии, писал: «Если бы кому пришлось и умереть за свое исповедание, верую Христу, моему Владыке, причтен будет пострадавший к лику мучеников».

К неудовольствию папы, святой Иона снискал непререкаемый авторитет митрополитчьеи власти и фактически укрепил русскую автокефалию.

В конце XV — начале XVI в. в Западной Европе уже сложились крупные национальные государства. Ближайшие западные соседи русских земель — Литва и Польша были вновь объединены при Казимире IV (1447—1492). Но важнейшим политическим событием того времени стало образование русского национального государства, изменившее в корне политическую обстановку на востоке Европы. Вряд ли в истории средневековой Европы найдется подобный пример столь быстрого образования могущественной державы у народа, который два с половиной столетия разорялся княжескими междоусобицами и терпел притеснения от ордынцев.

Уже в середине XV в. Московское княжество занимало довольно выгодное политическое и экономическое положение по отношению к тем русским

землям, которые частично или полностью сохраняли самостоятельность. Борьба за ликвидацию последних удельных княжеств соответствовала интересам экономического общения между отдельными частями Северо-Восточной Руси и национально-политическим интересам русского населения. Объединение было также жизненно необходимо из-за нависшей еще реальной угрозы ордынского разорения, нападений ливонских рыцарей на псковские и новгородские владения и начинающейся борьбы с Польшей и Литвой за украинские и белорусские земли.

Св. Иона,
митрополит
Московский.
Покров на раку
святого

После двух тяжелых столетий внешнего порабощения и внутреннего неустойчивости на престоле обширной Русской державы появился Иоанн III, сын Василия II Темного. Он установил независимость от Орды, уничтожил уделы, подчинил себе Нижний Новгород, водворил самодержавие и стал одним из

наиболее твердых поборников и стражей православной веры в пределах Западной Руси.

Державный Иоанн совершил на русской земле то, что его современники-венценосцы сделали в Западной Европе: он учредил единовластие и стал первым самодержцем России, при этом сумев внушить народу беспредельную покорность монаршей воле. Он первый завел сильное многочисленное войско и нашел смелых воевод, хотя по своей натуре был осторожным воином и не шел на войну без крайней необходимости. При Иоанне лили пушки, чеканили монету, строили великолепные здания. Брак с греческой царевной Софией Палеолог обратил на себя внимание Европы. Русский князь не уступал в первенстве ни западным императорам, ни гордым султанам, избирал союзы только на пользу России, искал средства для реализации своих замыслов и в то же время сам ни для кого не был средством достижения цели. При нем Россия, как держава независимая, величественно подняла голову, не опасаясь врагов.

Естественно, самостоятельная политика Московского княжества обострила отношения с соседями, и в первую очередь с вольной Новгородской боярской республикой. Общественный строй Новгорода был ближе всего к те-

За Веру, Царя и Отечество!

Иван III.
Гравюра на
«Космографии».
А. Теве. 1584 г.

ократии, при которой глава церкви и духовенство полностью осуществляли функции светской власти. Грамоты писались именем святой Софии, на владычном дворе собиралось правительство города, председателем которого был архиепископ. Его хозяйство, «дом святой Софии», было не только церковным, но и государственным хозяйством; его войско «владычный полк» являлось частью новгородской рати. Избираемый всенародно посредством жребия (который считался выражением воли Божьей), архиепископ появлялся на вече в дни гражданских смут, примирял враждующие партии или с крестом в руках на мосту останавливал кровопролитие.

Усмиряя страсти, кипевшие внутри города, архиепископ был и его защитником от московских и владимирских князей на дипломатическом и даже военном поприще. Летописи сохранили сведения о святом Иоанне, первом архиепископе новгородском, которого почитали как главного покровителя города. Речь идет о чуде Знамения Божией Матери, спасшей Новгород в 1170 г. от осады войсками Андрея Боголюбского. После военной неудачи на Белом озере он сумел собрать огромную рать, в которой находилось семьдесят два князя, и осадил город. Граждане в скорби и «недоумении» уже перестали надеяться на какую-либо помощь. Тогда Иоанн на молитве услышал голос, который повелел ему взять образ Пресвятой Богородицы в одной из церквей и поднять ее на «забрала города». Икону подняли на стену, осыпаемую стрелами противника. И тут владыка увидел, что лицо Богоматери обратилось к новгородцам и «ее очи источают слезы, которые он принял в свою фелонь. И разгневался

Господь на супротивных: и в той час покры их тьма; и начаща друг друга сещи и на смерть предавати».

Сохранились также сведения об участии в жизни города владык Евфимия и Ионы. Евфимий еще до поставления в епископы участвовал в новгородском посольстве к Витовту Литовскому, воевавшему против новгородской земли, и «укротил» князя молитвами и серебром. Как дипломат и смиритель Евфимий выступил и перед московским князем Василием Темным, которого пришлось «укрощать тяжестью серебра» и одновременно увещевать граждан «мировати к князю своему».

По мере приближения независимости Новгородской республики местный владыка стал все чаще выступать в роли посредника в переговорах. Но союз с иноверцами-литовцами, к которому была склонна часть граждан, был непри-

*Покорение
Новгорода
Иваном III
в 1478 г.
Высылка
знатных
новгородцев в
Москву*

емлем для епископа. В мольбах за город святой Иона умел постоять за достоинство граждан и просил не милости, а справедливости. Беседы с Василием II, сохранившиеся в Житиях, полны патриотических настроений и исполнены трагизма. Любопытно, что владыка Иона предвидел неизбежный конец Новгородского государства.

Добрый пастырь, готовый «душу положить за овцы своя», едет в Москву, где великий князь стал жаловаться на Новгород. На что владыка «отвещаше за град» утешительными словами. Когда же князь вошел во гнев, то старец предсказал, что если Василий поднимет руку на непослушных ему людей, то в своих собственных детях увидит «зависти око» и разделение. Наследнику и в будущем объединителю Руси он обещал свободу от Ордынского хана и расширение его власти на многие страны, если «точию благочестивее поживет и тихими очима владомых смотреть будет».

Заключение договора между Новгородом и польским королем Казимиром послужило причиной нового похода. Весной 1471 г. Иван III созвал совет, на котором присутствовали братья, удельные князья, бояре, воеводы, мелкие служилые люди и духовенство. Этот совет с представителями основных групп господствующего класса следует считать зародышем будущих земских соборов. На нем было решено идти на Новгород летом, не дожидаясь морозов, хотя лето обещало быть засушливым.

**За Веру,
Царя и
Отечество!**

Новгород тщательно готовился к обороне. Городское ополчение насчитывало около 40 тыс. человек и имело в своем составе плотников, гончаров и других ремесленников, которые были весьма далеки от ратных дел. На стороне москвичей была лучшая организация, крепкая дисциплина и более высокий уровень боевой подготовки.

Главным же недостатком новгородцев было и то, что их дружины не были объединены — каждая из них подчинялась только своему боярину. «Молодшие» люди, втайне сочувствующие Москве, не хотели с ней воевать. Полк новгородского епископа заявил, что не желает сражаться, не получив приказа епископа. Владыка Феофил все-таки отправил свой полк на войну, но приказал действовать исключительно против псковичей, выступивших союзниками Москвы. В битве на реке Шелони новгородское ополчение потерпело сокрушительное поражение, и Новгород навсегда подчинился Москве. Иван III стал называть Новгород своей «отчиной».

Вслед за Новгородом к Москве были присоединены Вятские земли и Тверское княжество.

Несмотря на определенные успехи Ивана III в деле собирания Руси, его отношения с иерархами церкви нельзя назвать безоблачными — именно в годы его правления проявились две тенденции, прямо противоположные друг другу — одна за усиление власти царя, и другая — возвышение власти церкви над царем. В любом случае следовало бы досконально разобраться: какой власти должен быть отдан приоритет.

И среди святителей нашелся человек, который первым задумался о соотношении мирской и духовной властей — это преподобный Иосиф Волоцкий. Жизнь его известна, пожалуй, лучше любого из русских святых. Двадцатилетним юношей он пришел в Боровск, где знаменитый старец Пафнутий взял его к себе в келью и воспитывал в своей суровой школе «послушания без рассуждения». Впрочем, это было то самое, к чему Иосиф стремился с детства. Иван Санин (его мирское имя) был родом из волоколамских дворян, и что характерно для этого рода — он дал восемнадцать монашеских имен и только одно мирское. В семь лет Иван выучил псалтирь, а в восемь уже читал «все божественные книги».

Старец Пафнутий по достоинству оценил книжные способности юноши, его «крепкий и непоколебимый ум». После смерти Пафнутия Иосиф стал игуменом, причем он умел вести за собой монахов как дисциплиной устава, так и своим покаянным горением. Любопытно, что в Житиях святых есть факт, проливающий свет на физическую подготовку монахов, — одно из молитвенных правил: «Он пансырь ношаше на нагом теле под свиткою, а ин железа тяжки и поклоны кладуци, ин 1000, ин 2000, ин 3000, а ин седя сна вкушая».

Признания самого Иосифа об избранном им духовном пути можно найти в его посланиях и особенно в объемистом «Уставе», именуемом «Духовной грамотой».

Будучи большим ревнителем за землю свою и ее святыни, преподобный Иосиф во многом содействовал развитию не только политического сознания московского князя, но и православного: «Царь естеством подобен всем чело-

Преподобный
Иосиф

векам, властью же подобен высшему Богу». Он считал, что в самодержавии могут найти удовлетворение потребность социальной дисциплины и Богом данной власти. В церковных делах слово Иосифа было решающим. Это он на Соборе 1503 г. отстаивал неприкосновенность монастырского землевладения. В течение тридцати лет он писал и действовал против еретиков «жидовствующих» и их заступников.

Именно Иосиф отказался от идеи превосходства духовной власти над светской и стал развивать мысль о том, что самодержавная власть божественного происхождения, которая должна действовать в тесном союзе с Православной Церковью и блюсти ее интересы.

Разработанное преподобным Иосифом учение о самодержцѣ, как «земном боге» укоренилось в сознании народа и правителей государства вскоре после смерти Иосифа Волоцкого, и стало теоретической основой сотрудничества Государства и Церкви. Позже это учение воплотилось в девизе «За Веру, Царя и Отечество!»

К середине XV в. некогда могущественная Золотая Орда распалась, и от нее осталась малая ее часть под громким названием «Большая Орда». Ордынцы перестали появляться у Москвы и ограничивались грабежами южных окраин Московского княжества. Лишь изредка они подходили к Оке. Помня обет, данный двум святителям, новгородскому и московскому, Иван III не платил дани хану девять лет и в 1480 г. решил торжественно объявить независимость Русского государства. Хан Ахмат попытался восстановить прежнее положение, но его затея закончилась полным провалом. Имея договоренность с польским королем Казимиром, Ахмат со своим воинством весной 1480 г. двинулся к Оке и стал на берегу Угры, неподалеку от Калуги. На противоположном берегу встала московская рать. Это противостояние затянулось до глубокой осени.

Церковь заняла очень решительную позицию, твердо настаивая на окончательном разгроме ордынцев, и эта поддержка была реальной помощью Ивану III. Ожесточенные стычки на переправах через Угру показали противнику, что русское воинство способно оказать им достойный отпор, и генеральное сражение вряд ли принесет победу. Сам Иван III не хотел такого сражения и предпочел взять противника «на измор».

Когда Угра покрылась льдом, Иван III отвел свои войска с тем, чтобы дать сражение в более выгодных условиях. Ахмат не отважился идти в наступление, поскольку не получил обещанной помощи от короля Казимира. Иван III сумел воспользоваться враждой между крымским ханом Менги-Гиреем,

За Веру, Царя и Отечество!

*Иоанн III
разрывает
ханскую
грамоту перед
татарскими
послами. Худ.
Н. С. Шустов.*

польским королем и ханом Ахматом. Крымские татары напали на южную окраину польских владений и вознамерились разорить владения Ахмата на Нижней Волге.

Ахмат отошел от Угры в степи, разорив в отместку двенадцать городов в Литве за то, что Казимир не дал ему помощи. Таким образом, Иван III сумел без потерь одержать полную победу над опаснейшим врагом русского народа, в результате чего была окончательно ликвидирована зависимость русских земель от Большой Орды.

В этой победе выдающуюся роль сыграл ростовский владыка Вассиан, который не только выступил посредником между великим князем и его мятежными братьями Андреем и Борисом, но и в период событий на Угре воодушевлял и крепил дух Ивана III и его воинства. В своем известном «Послании на Угру» он писал Ивану III: «Поревнуй предкам своим: они не только землю русскую хранили, но и многие другие страны покоряли; вспомни Игора, Святослава, Владимира, коих данниками были цари греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для половцев. А прадед твой, великий, достославный Дмитрий, не сих ли неверных татар победил за Доном? Презирая опасность, сражался впереди и не думал: «Имею жену, детей и богатство; когда возьмут землю мою, вселюся инде», — но стал в лице Мамаю и Бог осенил главу его в

день брани. По какому святому закону ты, государь православный, обязан уважать его, злочестивого самозванца, который силой поработил наших отцов за их малодушие и воцарился, не будучи ни царем, ни племени царского? То было действием гнева Небесного; но Бог есть Отец чадолюбивый: наказует и милует... Ангелы снидут с небес в помощь твою, Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы, и одолеешь врагов, и смятутся, и погибнут. А мы Соборами святительскими день и ночь молим Его, да рассыплются племена нечестивые, хотящие брани; да будут обращены молнией небесной и, как псы голодные, да лижут землю языками своими».

Мы видим, что церковь сыграла консолидирующую роль в освобождении от Большой Орды. Трудно сказать, что могло бы произойти, если бы ростовский владыка не выразил твердую и независимую политическую позицию церкви и не будь Вассиан строгим наставником, именно наставником, а не «потаковником», желающем угодить великому миру сего подтверждением его собственных мыслей.

К началу XVI в. процесс сбора русских земель вокруг Москвы завершился. На территории множества великих и удельных княжеств и боярских республик (Новгород, Псков) образовалось единое Русское государство. При Иване III и сменившем его Василии III стали образовываться новые формы государства, строившегося на началах централизации и усиления верховной власти. И этому новому государству еще предстояла борьба с вражескими нашествиями со стороны Крымского ханства, Польши, Литвы, Швеции... Русская Православная Церковь от этой борьбы в стороне не оставалась.

Под властью опричнины

Чередная страница истории русского государства — полные драматизма годы правления Ивана IV (Грозного). Ему исполнилось всего три года, когда он взошел на трон. Юный государь стал свидетелем жестокостей бояр, которые боролись за ведущую роль при дворе, за собственную власть, и это в известной степени отразилось на его характере. К тому же есть основания полагать, что князь страдал психическим заболеванием.

Личность Ивана Грозного представляет большой интерес. Он слыл одним из величайших и противоречивых государственных деятелей России. Человек отнюдь не заурядный, Иван IV хорошо владел пером, любил книги, даже вмешивался в писание летописей (впрочем, неожиданно бросил это занятие), был весьма сведущ в вопросах богословия, вникал в тонкости монастырского устава, подумывал об отречении от престола и монашеском постриге. Подчас, любое принимаемое государственное решение Иван Грозный осмысливал как проявление Промысла Божия, как действие Божие в истории.

Его любимыми духовными образами были Михаил Черниговский и святой Феодор Черный, благоверный князь Феодор Смоленский и Ярославский, прославившийся своими воинскими подвигами, попал даже в китайскую летопись, а в русском народе о нем слагали песни. Брак князя с дочерью хана Менгу-Тимура, принявшей христианство, имел большое политическое значение и в известной степени вызывал интерес у азиатов к православной вере.

Кровавые преступления мучили совесть царя, которую он готов был успокоить страстным исполнением религиозных обрядов и пострижением в монашество. Гордый самодержец припал к ногам настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря и просил игумена о благословении. Всю оставшуюся жизнь, как выразился сам Иван Грозный, «мнится мне, окаянному, что наполовину я уже чернец». Вероятно и не случилось бы на Руси столько несправедливо пролитой крови, если бы Иван IV и в самом деле принял постриг.

Опричнина была организована Грозным по образцу монашеского братства: после дел ратных опричникам надлежало передеваться в иноческие одежды и идти к церковной службе, которая справлялась точно по уставу от 4 до 10 часов утра. На тех, кто отсутствовал к началу молебна, царь — самозванный игумен — накладывал епитимию. Вместе с сыновьями он усердно читал молитву и даже пел в церковном хоре. Из церкви опричники следовали в трапезную, сам же царь находился возле них. Оставшиеся яства со стола опричники раздавали нищим. Слезами покаяния Иван Грозный хотел замолить свои грехи, будучи совершенно уверен, что страшные по жестокости дела вершатся при нем во благо России и торжества Православной Церкви. Порой прозревая от своего недуга, царь пытался что-то делать, чтобы умилостивить Бога. Так, по его указанию незадолго до смерти были составлены списки убиенных по его воле людей и разосланы по всем русским монастырям. Надо отдать должное Ивану Грозному — весь грех перед народом он взял на себя и просил святых старцев молить Бога о прощении его души.

При Иване IV сменилось несколько митрополитов. Митрополит Макарий, оставивший объемные труды по богословию, по всей вероятности знал, как подойти к изломанной душе царя, и оказывал на нее доброе влияние. После его смерти на престол заступил инок Чудова монастыря Афанасий, известный до пострижения, как Андрей Протопопов. Он долгие годы был духовником царя и пользовался полным доверием. Как и митрополит Макарий, игумен Афанасий выступал против казней, на которые так щедр оказался Иван Грозный.

В январе 1565 г. Грозный переехал из Москвы в Александровскую слободу, откуда прислал митрополиту Афанасию грамоту, в которой объявил опалу на всех епископов и архиереев, на бояр, приказных и детей боярских и о своем отречении от престола.

Все переговоры с Боярской думой и приказными царь вел через духовенство — и в конечном итоге сумел освободиться от мешавшей ему думы через печально известную опричнину. Иван Грозный сетовал на то, что не может наказать своих изменников, за которых вступаются митрополит, бояре и прочие чины. Лишенный царем права печалования, Афанасий без ведома и согласия Грозного оставил митрополию и удалился в монастырь в знак несогласия с опричниной.

На митрополичий престол по выбору царя был назначен Герман Полев, получивший сан архиепископа Казанского. Странник митрополита Макария, он не скрывал своего отрицательного отношения к опричнине, поэтому вскоре был вынужден покинуть митрополичий двор, освободив место игумену Соловецкого монастыря Филиппу, в миру Феодору. Его отец боярин Степан Иванович Колычев, «муж просвещенный и исполненный ратного духа», занимал заметное место при дворе московских государей. Полагаясь на обычай своего времени, отец приучал сына сызмальства владеть оружием, вести жизнь воина, но судьба уготовила юному Феодору другую участь — служение Богу. У него рано пробудился интерес к книгам, на которых жаждалось старинное русское просвещение. Василий III приметил отрока-книжника и приблизил его

Под властью опричнины

Макарий,
митрополит
Московский

ко двору, но придворная жизнь тяготила Феодора. Желание стать иноком получило свое завершение — вскоре он попал в Соловецкий монастырь, где исполнял самые трудные послушания: рубил дрова, копал землю, работал на мельнице. Молитву он подкреплял усердным трудом в монастырской кузнице, не избегал работ и в хлебопекарне. Через полгода послушничества Филиппу было видение Богородицы.

В 1546 г. он был посвящен в игумены Соловецкой обители. Здесь Филипп начал собирать исторические реликвии монастыря. Ему удалось разыскать образ Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы), принесенный на остров основателем монастыря Савватием, и найти крест, стоявший перед его кельей, а также псалтырь и ризы, принадлежавшие первому игумену Соловецкому преподобному Зосиме. Надо отдать должное организаторскому таланту игумена Филиппа — он сумел наладить хозяйственную жизнь монастыря, который буквально возродился, — свидетельство тому сооружение двух каменных величественных храмов — Трапезного во имя храм Успения Божьей Матери, освященный в 1557 г., и Преображения Господня. Интересная деталь: игумен работал, как простой каменщик, помогая выкладывать стены Преображенского собора. Под северной папертью его он выкопал себе могилу рядом с местом вечного покоя своего любимого наставника старца Ионы.

Судьба уготовила игумену Филиппу трудное испытание — о нем вспомнил Иван Грозный. Царь надеялся найти в нем помощника, советника и духовника, который в силу монастырского воспитания не вступит в сговор с мятежным боярством. Духовные лица и бояре единогласно считали, что нет человека

более достойного, чем соловецкий игумен. При первом представлении царю Филипп стал проситься обратно в Соловки — впрочем, это был традиционный обычай смирения. Филиппа уговорили, и тут неожиданно для царя он выступил против епископов, которые молча взирали на жестокости царя: «Не смотрите на то, что бояре молчат; они связаны житейскими выгодами, а нас Господь для того и отрешил от мира, чтоб мы служили истине, хотя бы и души наши пришлось положить на паству, иначе вы будете истязаемы за истину в День Судный».

Игумен Филипп оказался единственным, кто осмелился сказать правду царю. Иван Грозный, привыкший к раболепию подчиненных, потребовал от него выполнить царскую волю.

«Я повинуюсь твоей воле, но оставь опричнину, иначе мне быть в митрополи-

Митрополит
Филипп
Кольчев

Немало сил было потрачено на то, чтобы Филипп дал согласие. Видимо, царь подал надежду на возможные перемены к лучшему. 25 июля 1566 г. Филипп был поставлен в митрополиты. Грозный некоторое время как-будто воздерживался от свойственных ему жестокостей, но потом вновь начались казни, пытки, насилия. Митрополит вступился за опальных и старался укротить свирепость царя своими наставлениями:

— Наше молчание ведет тебя к греху и всенародной гибели. Господь заповедал нам душу свою полагать за други свои.

— Не прекословь державе нашей, — пригрозил царь, — а не то гнев мой постигнет тебя, или оставь свой сан!

— Я не просил тебя о сани, не посылал к тебе ходатаев, никого не подкупал; зачем сам взял меня из пустыни? Если ты дерзаешь поступать против закона, — твори, как хочешь, а я не буду слабеть, когда приходит время подвига.

Грозный не любил митрополита за неуступчивость и прекратил с ним встречи. Окружение царя еще больше возненавидело его. Гроза разразилась в один из воскресных дней марта 1568 г.

В тот день царь с опричниками приехал к обедне в Успенский собор — все были одеты в черные рясы и высокие монашеские шапки. После обедни царь подошел к Филиппу и по обыкновению обратился за благословением, но митрополит как будто не замечал Грозного. Воцарилось молчание. «Святой

тах невозможно. Твое дело не Богоугодное; сам Господь сказал: еще царство разделится, запустеет! На такое дело нет и не будет тебе нашего благословения.

— Отче святой, — сказал царь, — восташа на меня «мнози», мои же меня хотят поглотить.

— Никто не замышляет против твоей державы, поверь мне. Свидетель нам всевидящее око Божие; мы все приняли от отцов наших заповедь чтить царя. Показывай нам пример добрыми делами. Наш общий владыка Христос повелел любить Бога и любить ближнего как самого себя: в этом весь закон».

Ивана Грозного возмутили слова Филиппа, но твердый в вере владыка увещевал царя:

— Если меня и поставят, то все-таки мне скоро потерять митрополию и пусть не будет опричнины, соедини всю землю воедино, как прежде было.

Под властью опричины

владыка, царь Иван Васильевич требует благословения от тебя», — обратился к архипастырю один из бояр. Вот только тогда Филипп обратил внимание на царя:

— Кому ты думаешь угодить, изменивши таким образом благолепие лица своего? Побойся Бога, постыдись своей багряницы. С тех пор, как солнце на небесах сияет, не было слышно, чтобы благочестивые цари возмущали так свою державу. Мы здесь приносим бескровную жертву, а ты проливаешь христианскую кровь твоих верных подданных. Доколе земле русской будет господствовать беззаконие? У всех народов, и у татар, и у язычников есть закон и правда, и только на Руси их нет. Во всем свете есть защита от злых и милосердие, только на Руси не милуют невинных и праведных людей. Опомнись: хотя Бог и возвысил тебя в этом мире, но и ты смертный человек. Выщется от рук твоих невинная кровь. Если будут молчать живые души, то камни возопиют под твоими ногами и принесут тебе суд.

Царь еле сдерживал свой гнев:

— Филипп, ты испытываешь наше благодушие. Ты хочешь противиться нашей державе; я слишком долго был кроток к тебе, щадил вас, мятежников, теперь я заставлю вас раскаяться.

— Не могу, — возразил ему митрополит, — повиноваться твоему повелению паче Божьего повеления. Я пришелец на земле и пресельник, как и все отцы мои. Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять и лютую смерть.

Резкая отповедь митрополита в храме, заполненном народом, привела Грозного в неистовство — с тех пор опричина пустилась в необузданный разгул. В июле 1569 г. царь с пьяной толпой опричников приехал в Новодевичий монастырь, где был храмовый праздник и совершался крестный ход. Службу вел митрополит. Когда, читая Евангелие, митрополит обернулся, чтобы сказать «Мир всем!», он увидел, что один из опричников стоял в шапке тафье. Владыка обратился к царю:

— Царь, разве прилично богочестивому держать агарянский закон?

— Как? Что? Кто? — воскликнул царь.

— Один из ополчения твоего, из лика сатанинского, — громко ответил митрополит.

Опричник поспешил спрятать свою тафью. Вернувшись домой, царь собрал духовных лиц, чтобы найти какой-либо повод для отстранения неуступчивого митрополита. Среди духовенства нашлись слабые и завистливые, готовые лжесвидетельствовать против владыки. Собрался Собор, на котором митрополит Филипп, не дожидаясь суда, выступил с пастырским словом:

— Ты думаешь, царь, что я боюсь смерти за правое дело? Мне уже шестьдесят лет; я жил честно и беспорочно, так хочу и душу мою предать Богу, судье твоему и моему. Лучше мне принять безвинно мучение и смерть, нежели быть митрополитом при таких мучительствах и беззакониях! Я творю тебе удобное — вот мой жезл, белый клубок, мантия! Я более не митрополит. А вам, архиепископы, архимандриты, иереи и все духовные отцы, оставляю повеление: пасите стадо ваше, помните, что вы за него отвечаете перед Богом;

Иван Грозный.
Фрагмент картины.
Худ.
С. А. Кириллов

Под властью опричины

Последние
минуты жизни
митрополита
Филиппа

бойтесь убивающих душу более, чем убивающих тело! Предаю себя и душу в руки Господа! — с этими словами он вознамерился уйти, но его остановил Грозный:

— Ты хитро хочешь избегнуть суда; нет, не тебе судить самого себя; дождись суда других и осуждения; надевай снова одежду, ты будешь служить на Михайлов день обедню.

Митрополит повиновался. В день архангела Михаила митрополит в полном облачении готовился начать обедню, как вдруг вошли опричники. Богослужение прервалось — и здесь всенародно был прочитан приговор Собора о лишении митрополита пастырского сана. В алтарь вошли воины, сняли с владыки митру и облачение, одели в рваную монашескую рясу и увезли в Богоявленский монастырь.

Позже Филиппу зачитали окончательный приговор, в котором он обвинялся в волшебстве. Это грозило ему вечным заключением. Но Филипп не стал оправдываться:

— Государь, перестань творить богопротивные дела. Вспомни прежде прежних царей. Те, которые творили добро — и по смерти славятся, а те, которые дурно правили своим царством, и теперь вспоминаются недобрым словом. Смерть не побоятся твоего высокого сана; опомнись, и прежде ее немилостивого пришествия принеси плоды добродетели и собери сокровище себе на небесах, потому что все собранное тобою в этом мире здесь и останется.

Филиппа увели. По приказу Грозного его посадили в узилище, ноги забили в деревянные колоды, на руки надели железные кандалы. В заточении святителя отвезли в Тверской Отрочь монастырь. Там 23 декабря 1569 г. святитель принял смерть от рук царского любимца опричника Малюты Скуратова. Есть свидетельства, что за три дня он предвидел такую кончину.

Подвиг святителя, не побоявшегося сказать нелицеприятную правду грозному царю, не остался забытым в народе. Тело святителя было предано земле в том монастыре, где он отбывал заключение. После смерти Ивана Грозного гроб владыки Филиппа перевезли на Соловки, где он был особо почитаем. В 1652 г., при царе Алексее Михайловиче святитель Филипп был причислен к лику святых и открытые мощи его были поставлены в московском Успенском соборе, где находятся и по сей день.

Иван Грозный, будучи безжалостным в политической борьбе, проявлял достаточную терпимость в вопросах веры. Узнав о массовом избении гугенотов, устроенном французскими католиками в Варфоломеевскую ночь 1572 г., он отписал императору Максимилиану II: «Христианским государем пригоже скорбеть, что такое бесчеловечие французский король над стольким народом учинил и столько крови без ума пролил».

Сам Иван IV не считал карающую власть единственным средством твердой политики: «И повсегда убо царем подобно его зрительным (предусмотрительным) быти, — писал он князю Курбскому, — овогда (иногда) кротчайшим, овогда же ярим». В завещании сыновьям он советовал поступать по отношению к людям справедливо, не делать необдуманных поступков под

Под властью опричнины

Житие
св. Филиппа,
митрополита
Московского.
Заставка и лицевое
изображение
святытеля

влиянием настроения: «А людей бы есте, которые вам прямо служат, жаловали и любили их, ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было и они прямее служат; а которые лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по рассуждению, не яростию».

Имя Ивана Грозного оставило после себя недобрую память, поэтому он оказался последним Иваном на престоле русских царей.

Сложный и противоречивый характер Ивана Грозного отразился на всех его делах, как на духовных, так и на материальных.

При крещении в Троице-Сергиевой лавре он был положен в раку преподобного Сергия Радонежского. Эта обитель была объектом пристального внимания царя. К молитвам святого Сергия он обращался, когда шел с ратью против врагов. После падения Казани первое, что сделал Иван Грозный — основал в ней обитель в память Сергия. Но еще раньше до взятия Казани была заложена крепость Свияжск. Взятые в плен черемисы говорили, что часто слышали звон и пение на безлюдном месте и видели некоего светлого старца. В него не раз стреляли из лука, но стрелы не брали его. Старец ходил и измерял место для будущей крепости. Этому же старца видели на стенах Казанской крепости. Среди русских воинов существовало поверье, что старец никто иной, как преподобный Сергий Радонежский, поборник Отечества. В Свияжске был основан монастырь в честь преподобного Сергия. Вернувшись из казанского похода, царь в торжественной обстановке заложил в Троице-Сергиевой лавре каменную церковь Сошествия Святого Духа. После же этого похода он тяжело заболел и по выздоровлении дал обет побывать в Кирилло-Белозерском монастыре. В Троицкой обители к Грозному обратился старец Максим, известный книжник-богослов, с просьбой об оказании помощи вдовам и детям воинов, погибших в битве за Казань.

— Если ты и дал обещание ехать в Кириллов монастырь, чтобы подвигнуть святого Кирилла на молитву к Богу, то обеты такие с разумом несогласны, и вот почему: во время казанской осады пало много воинов христианских; вдовы их, сироты, матери обесчадевшие в слезах и скорби пребывают; так гораздо тебе лучше пожаловать их и устроить, утешить их в беде, собравши в свой царствующий город, чем исполнить неразумное обещание. Бог вездесущ, все исполняет и всюду зрит недремляющим оком; также и святые не на известных местах молитвам нашим внимают, не по доброй нашей воле и по власти над собою. Если послушаешься меня, то будешь здоров и многолетен с женою и ребенком.

Но Иван Грозный не захотел нарушать взятого обета. Тогда святой Максим Грек через приближенных к царю людей велел передать государю следующее: «Если не послушаешься меня, по Боге тебе советующего, забудешь кровь мучеников, избитых погаными за христианство, презришь слезы сирот и вдовиц и поедешь с упрямством, то знай, что сын твой умрет по дороге».

Не внял этому предостережению Грозный, не отказался от своего намерения. По пути он заехал в Песношский монастырь, где встретился с другим монахом, епископом Вассианом Топорковым, которого весьма уважал отец Грозного. У монаха царь попросил совета, как царствовать, чтоб вельмож держать в послушании. На что получил ответ: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех; если так будешь поступать, то будешь тверд на царстве и все будешь иметь в руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им».

Грозный оценил совет по достоинству: «Если бы и мой отец был жив, то и он такого полезного совета не подал бы мне!» Встреча с епископом так или иначе повлияла на характер и поведение самодержца. Сбылось и пророчество Максима Грека — умер царевич, что еще больше травмировало психику царя. После этих событий и появилась печально известная опричнина, принесшая много бед на Руси.

Опричнина, направленная против консервативного боярства, предполагала ликвидировать значительную часть привилегированного землевладения. Отобранные вотчины царь обращал или в дворцовые земли, или в поместья, которые раздавал опричникам или другим дворянам. Конфискация боярских земель сопровождалась роспуском их военных слуг, составлявших особое феодалное войско. Крупный землевладелец лишался не только материальных средств, но и военной опоры, находившейся в его власти. В свою очередь это позволило обеспечить землей и крестьянами мелких служивых людей, что вызвало быстрый рост служилого дворянства. Закон об обязательной службе всех землевладельцев, и с вотчин и с поместий, стал основой политического порядка. Один из современников писал о Грозном: «Нынешний великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе одна вера, один вес, одна мера. Только он один и правит. Все, что ни прикажет он, исполняется, и все, что запретит, действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне».

Под властью опричнины

Опричнина повлияла и на устройство армии — в ней не стало отрядов отдельных феодалов. При Иване IV было введено новшество — единая форма одежды для стрельцов, которые одновременно с несением военных обязанностей занимались разными промыслами и торговлей.

Большие успехи были достигнуты в развитии артиллерии, или «огненного боя». Россия при Иване IV имела около 2 тыс. орудий разного калибра. Артиллерийский парк русского воинства в походах составлял до двухсот и более орудий. Предметом особой гордости были тяжелые пушки, сработанные отечественными мастерами. Так медная пищаль «Инрог» (Единорог) работы знаменитого литейщика Андрея Чохова весила без лафета 454 пуда и могла бросать ядра в 1 пуд 30 фунтов. В 1586 г. Чохов отлил «Царь-пушку» весом в 2400 пудов. Орудия обслуживались особо обученными пушкарями, и, что примечательно, ежегодно в присутствии царя проводились учебные стрельбы из пушек.

При осаде ливонских и литовских городов оборонительные сооружения не выдерживали огня тяжелой русской артиллерии, поэтому их гарнизоны предпочитали сдаваться еще до начала штурма. Искусство русских пушкарейнискало всеобщее уважение, равно как и упорство, с которым они сражались возле своих орудий. Примером беспредельного мужества русских пушкарей стала осада Вендена в 1578 г. На выручку осажденного русскими города подошли крупные силы шведов и литовцев. После неудачного боя русские ночью отошли от города, а тяжелые пушки остались на месте, и пушкари орудий своих не оставили. Они встретили врага с оружием в руках и первый приступ был отбит. Когда же на следующий день шведы и литовцы возобновили наступление и ворвались в расположение русских, артиллеристы на глазах противника повесились на своих орудиях.

В армии Ивана Грозного получили распространение миновзрывательные работы. Дисциплина в русских войсках в XVI в. была, видимо, лучшей, чем в иностранных армиях, где вполне обычным делом были отказ от физических работ, грабеж, драки, невыполнение боевых приказов, самовольное оставление поля боя. Иностранцев поражала стойкость русских воинов. Англичанин Ченслер, вспоминая, как на его родине вельможи откупались от военной службы, писал: «Нет, нет, это невозможно в здешней стороне (в России), где каждый считает за большую для себя честь участвовать в войне».

Балтазар Руссов, автор немецкой хроники Ливонии XVI в., так характеризовал русских воинов: «Русский, в случае надобности, неутомим во всякой опасности и тяжелой работе днем и ночью. В чужой земле они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю; немцу же решительно все равно, где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наесться и напиться».

Князь Андрей Курбский, будучи участником казанского похода, так писал о победе русского воинства: «С помощью Божиею против супостатов возмогло воинство христианское. И против каких супостатов? Против великого и грозного измаильянского языка, которого некогда вся вселенная трепетала,

но и опустошена была; и не против одного царя воинство христианское ополчилось, но зараз против трех великих и сильных, то есть против перекопского царя, казанского и против княжат ногайских. С помощью Христа Бога с этого времени отражало оно нападения всех троих и преславными победами украшалось, и в небольшое число лет пределы христианские расширились: где прежде в опустошенных краях русских были зимовища татарские, там города соорудились; и не только кони русских сынов из текущих в Азии рек напились, но и города там поставились».

Во Смутные времена

причина, непосредственно предшествующая Смутному времени, в значительной степени сказалась на нравственности русского общества. Историк Николай Иванович Костомаров в своем труде «Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей» пишет: «Создавши опричнину, Иван вооружил русских людей одних против других, указал им путь искать милостей или спасения в гибели своих ближних, казнями за явно вымышленные преступления приучил к ложным доносам, и совершая для одной потехи бесчеловеческое зло, воспитал в окружающей его среде бессердечие и жестокость. Исчезло уважение к правде и нравственности, после того, как царь, который по народному идеалу должен быть блюстителем и того и другого, устраивал в виду своих подданных такие зрелища, как травля невинных людей медведями или всенародные истязания обнаженных девушек, и в тоже время соблюдал самые строгие правила монашеского благочестия. В минуты собственной опасности всякий человек думает только о себе; но когда такие минуты для русских продолжались целые десятилетия, понятно, что должно было вырасти поколение своекорыстных и жестокосердных себялюбцев, у которых все помыслы, все стремления клонились только к собственной охране; поколение, для которого, при наружном соблюдении обычных норм благочестия, законности и нравственности, не оставалось никакой внутренней правды. Кто был умнее других, тот должен был сделаться образцом лживости; то была эпоха, когда ум, закованный исключительно в узкие рамки своекорыстных побуждений, присущих всей современной жизненной среде, мог проявить свою деятельность только в искусстве посредством обмана достигать личных целей. Тяжелая болезнь людских обществ, подобно физическим болезням, излечиваются нескоро, особенно когда дальнейшие условия жизни способствуют не прекращению, а продолжению болезненного состояния; только этим объясняются те ужасные явления смутного времени, которые можно сказать, были выступлением в наружу испорченных соков, накопившихся в страшную эпоху Ивановых мучительств».

Метко подметил Николай Костомаров страшные последствия опричнины, и к этому еще следует добавить, что падение нравственности всегда предшествует социальным катаклизмам, войнам и революциям. Это явление стало провозвестником народных страданий.

В царствование Ивана IV сильно возросло значение Русского государства на международной арене, и в нем православие укрепилось настолько, что стало претендовать на главенствующую роль по отношению к Византийской империи, находившейся под властью турецких завоевателей.

После Ивана Грозного престол перешел к его сыну Федору, который по своим деловым качествам никак не подходил на роль самодержца. Но тем не менее в годы его правления произошло событие, оказавшее в дальнейшем большое влияние на политическую жизнь Руси — учреждение патриаршего престола.

Церковь, освящавшая власть московских государей, играла важную роль во внутривластной жизни страны. Однако в международной жизни она как бы находилась в зависимости от византийского патриарха, несмотря на свою политическую и экономическую силу. Сложилась парадоксальная ситуация: восточные иерархи ездили в Москву за «милостыней» (так назывались в те времена денежные поддержки, или вспомоществования), у московского же царя искали защиты от «агарянских» (т. е. турецких) властей — столица русского государства была всего лишь митрополией, тогда как на востоке — патриархии, среди которых была на первом месте именно константинопольская. Русские решили упразднить ставшую уже чисто формальной зависимость от Константинополя. Кроме того, учреждение собственного патриаршества диктовалось нависшей угрозой со стороны католичества над Юго-Западной Русью, входившей в состав Польско-Литовского государства. С учреждением в России патриаршества киевская митрополия подпадала под духовную эгиду русской православной церкви и обрела в ее лице защитника.

Переговоры с православным Востоком об установлении на Руси патриаршества носили затяжной характер. Сдвинуть с места решение вопроса удалось только в 1586 г., когда в Москву приехал Антиохийский патриарх Иоаким, чтобы попросить 8 тыс. рублей на покрытие долгов своей Церкви. Московское правительство решило прозондировать мнение Иоакима о возможном учреждении в России патриаршества.

Борис Годунов был уполномочен царем провести переговоры с греком. По всей вероятности, Иоакиму предложили, вопреки церковным правилам, либо своей волей поставить одного из русских святителей на патриаршество, либо самому занять этот престол, как позднее было предложено патриарху Иеремии. Но Иоаким, опасаясь отрицательной реакции Константинополя, отказался, сославшись на то, что этот акт является делом «всего священного собора». При этом Иоаким согласился помогать московскому правительству в учреждении патриархии и передать эту просьбу другим восточным патриархам.

Через три года задача по учреждению патриаршества на Руси была решена. Первым патриархом стал митрополит Иов. В то же время была составлена грамота «Соборного уложения», согласно которой русских патриархов надле-

Во смутные времена

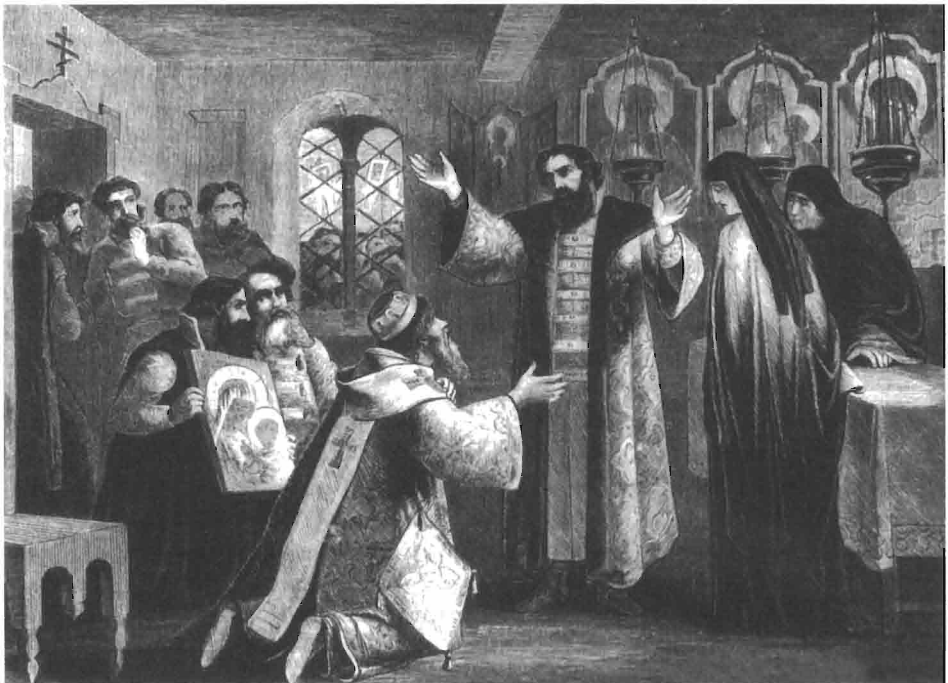
жало избирать собором русского духовенства. Но вот что интересно: выбранный патриарх утверждался обязательно царем (вот оно начало подчинения церкви государству! — А. Г.). Русский патриарх, ровно как и другие патриархи, получил право поставлять в митрополиты, архиепископы и епископы. Красной нитью через весь документ прошел принцип самостоятельности русской церкви по отношению к константинопольскому патриарху.

Сохранившиеся источники о первом русском патриархе пишут разное, но ни один из них не отрицает того, что он был патриотом. Патриарх Иов связал свою судьбу с Борисом Годуновым и во всем поддерживал его политику. Весьма значительной была роль патриарха в организации крестного хода московского населения и духовенства к Новодевичьему монастырю, чтобы упросить Бориса Годунова, после смерти царя Федора Ивановича, стать на престол. Нельзя преуменьшить роль и влияние патриарха на ход земского собора 1598 г., который избрал Годунова на царство, в составлении избирательной грамоты. На ее основании Годунов стал преемником Рюриковичей, чья ветвь оборвалась на царе Федоре. Патриарх Иов совершил торжественный чин венчания Бориса на царство в Успенском соборе.

Учреждение патриаршества на Руси знаменовало важный этап в истории самой Русской Церкви внутри страны и на международной арене, среди других православных церквей.

Деятельность патриарха Иова совпала с эпохой, известной в истории русской церкви и государства, как «Смутное время». Несмотря на некоторые не-

Борис Годунов
принимает
царский сан

Патриарх Иов

рия, открыла самозванцу дорогу в столицу, где они поспешили присягнуть ему в верности. Патриарх Иов себя изменой не запятнал. Странники нового самодержца поспешили расправиться с патриархом. Они ворвались в Успенский собор и, не дав закончить литургию, выволокли патриарха из алтаря. Святитель сам снял с себя панагию и, положив ее перед чудотворной иконой Богоматери, произнес перед присутствующими: «Владычице Богородице! Здесь положена на меня панагия святительская, с нею я исправлял слово Сына Твоего и хранил целостность святой веры. Ныне, ради грехов наших бедствует царство, обман и ереси торжествуют. Спаси и утверди православие». Молитва святителя еще больше озлобила изменников — надев на него рясу и клобук простого монаха, его с позором таскали по церкви. Затем святителя вывели на лобное место, посадили на телегу и отправили в Старицкий монастырь, где в 1607 г. он и скончался. За свою непоколебимую твердость, за сохранение русской гражданственности и православия патриарх Иов вполне заслужил имя истинного патриота России.

Известить народ о восшествии на престол нового царя надлежало патриарху. Первым торжественно признал Лжедмитрия рязанский архиепископ Игнатий (Это впрочем и неудивительно, так как он был родом из греков!), к его епархии относилась Тула, где и произошла их встреча. Игнатий за предательство был возведен в патриархи. Он немедленно разослал по всем областям грамоты о восшествии Дмитрия на престол и возведении его самого в патриаршее достоинство. С приходом к власти Василия Шуйского, Игнатий был сразу же свергнут с патриаршего престола, «как потаковник Лжедмитриев». На смену судьба дала России другого святителя, Гермогена, выполнившего до конца свой долг перед Отечеством в самое тяжелое время.

приятные черты в характере нового правителя, патриарх старался всеми мерами поддерживать Бориса, как законного государя, являющегося олицетворением гражданского порядка, а стремившегося к московскому престолу Лжедмитрия всенародно предал анафеме. Он понимал, что с воцарением самозванца возникнет прямая угроза русской государственности и духовной культуре, поскольку Лжедмитрий обещал полякам искоренить православие и утвердить католичество. Патриарх Иов рассыла грамоты, призывая народ и духовенство молиться об успехах воинства Бориса Годунова в сражении против самозванца. К сожалению, его усилия пробудить патриотизм среди бояр и в народе не увенчались успехом. Прямая измена бояр и воевод, переметнувшихся на сторону Лжедмитрия,

Во смутные времена

Патриарх
Гермоген

Семидесятилетний святитель отличался твердым характером и строгостью, которая по мнению некоторых его современников могла доходить до жестокости. К тому же святитель Гермоген отличался бесстрашием — видимо это качество осталась у него с тех времен, когда он был донским казаком. Позднее он служил священником в одной из Казанских церквей — о его деятельности сохранились некоторые свидетельства. В частности, он проявлял большое внимание к памяти воинов, павших при взятии Казани. Еще 9 января 1592 г. он отправил патриарху Иову письмо, в котором извещал о том, что в Казани не совершается особое поминовение православных воинов, жизнь положивших за веру и Отечество под Казанью и просил установить определенный день памяти для них. Кроме того, Гермоген просил внести в синодик, читаемый в неделю Православия, имена трех мучеников, пострадавших в Казани за веру, один из них был русский, два других новообращенных — татары. Неудивительна его забота о павших воинах, ведь и сам святитель в миру был воином!

Патриарх ответил, что «по всем православным войнам, убитым под Казанью и в пределах Казанских, совершать в Казани и по всей казанской митрополии панихиду в субботний день после Покрова Пресвятой Богородицы и вписать их в большой синодик, читаемый в Неделю Православия», в тот же синодик предписывалось включить и трех мучеников казанских, а день их памяти должен был установить сам Гермоген.

За твердость в вере и выдающиеся архипастырские качества Гермоген был избран на первосвятительскую кафедру. И, пожалуй, он был единственным, кто не побоялся открыто осудить брак Лжедмитрия I с католичкой Мариной Мнишек, за что был сослан — в борьбе за веру он не признавал компромиссов.

В начале 1607 г., несмотря на некоторые успехи оружия Василия Шуйского, общее положение законного царя было не блестящим, поскольку южные области поддерживали самозванца. Тогда, кроме материального воздействия на население южных областей, было решено использовать и духовное. 3 февраля царь Василий Шуйский приказал прибыть ко двору патриарха Гермогена с лучшими представителями духовенства и послал в Старицкий монастырь за бывшим патриархом Иовом.

Патриарх Гермоген и бывший патриарх Иов составили грамоту за двумя подписями, в которой довольно резко осудили самозванца и призвали народ к верности законному правителю России. Разосланная по городам и весям грамота пробудила у населения патриотические чувства.

Недовольное Василием Шуйским боярство не раз пыталось свергнуть негодного им царя, но патриарх Гермоген твердо поддерживал законного государя и призывал других к тому же.

Внутренними неурядицами в России не замедлили воспользоваться внешние враги. На ослабленную смутой страну напали польско-литовские захватчики — и вот в это роковое для России время Русская Православная Церковь явилась силой, объединившей все слои общества против интервентов. Василий Шуйский был свергнут боярами-заговорщиками, и власть перешла в руки так называемой «семибоярщины» (боярской комиссии из семи человек). Бояре спешили возвести на московский трон польского королевича Владислава, так как боялись народного гнева и укрепления позиций Лжедмитрия I. «Семибоярщина» приняла предложение поляков об избрании на трон Владислава. После утверждения договора королем Польши Сигизмундом бояре собрали жителей Москвы у стен Новодевичьего монастыря, где присутствовал и патриарх Гермоген. Странники самозванца поспешили к нему за благословением, но получили от патриарха отповедь: «Если вы пришли правдою, а не лестию и в вашем умысле не будет нарушения православной вере, то будь на вас благословение от всего вселенского собора и от меня грешного, если же вы пришли с лестию, с злым умыслом против веры, то будьте прокляты».

Народ потребовал от бояр, чтобы новый царь принял православие. Польский королевич не спешил с принятием новой веры, и на политической сцене появился очередной самозванец Лжедмитрий II. В народе считали, что лучше быть под рукой православного царя Дмитрия, чем литовского царевича-иноверца. С этого момента народное движение в Московском государстве принимает религиозный характер.

Бояре в страхе перед вспышками народного гнева впустили поляков в Москву. Но до этого произошло событие, которое ярко высветило непреклонный характер патриарха Гермогена. Москвичи внимательно наблюдали за действиями поляков, и когда гетман Жолкевский послал квартиреров определить места постоя, то один из монахов ударил в набат. Убоявшись волнений в столице, бояре упростили поляков подождать три дня. И... согласились на их требование отвести для постоя Новодевичий монастырь и слободы.

Но тут воспротивился патриарх. Не следовало быть полякам вместе с монахинями, возразил он, как негоже, впрочем, и выселять их из своей обители. Вокруг него сплотились дворяне, торговые и посадские люди, стрельцы. Патриарх дважды приглашал к себе бояр для переговоров, но безрезультатно. Только лишь когда Гермоген пригрозил боярам, что сам пойдет к ним, но уж не один, а со всем народом, те поспешили к нему. Патриарх предупредил бояр, что поляки не собираются воевать против Лжедмитрия II, русские полки направляют против шведов, а сами намерены взять Москву. Бояре опасались, что если не пустить поляков в город, то чернь сдаст его самозванцу. Иван же Романов прямо заявил патриарху, что если поляки отойдут от Москвы, то всем боярам придется идти вслед за ними, чтобы спасти свои жизни, и если Москва достанется самозванцу, то вся ответственность за это падет на патриарха.

Во смутные времена

Узнав о встрече патриарха с боярами, поляки пообещали выступить против самозванца немедленно, как только будут готовы русские полки. Это обстоятельство придало боярам перевес в споре с патриархом. Ночью с 20 на 21 сентября поляки тихо вошли в город. Если поначалу они соблюдали свой устав, который был довольно жестким, то вскоре нарушение его требований стало обычным делом. Королевич Владислав в Москве не появился, так как сам король пожелал взойти на русский престол.

Во избежание возможных неприятностей, бояре решили отдать Россию полякам и 30 ноября обратились к патриарху за благословением на присягу королю, и вот тут патриарх воспротивился. В одной из грамот так писалось: «А у нас святейший Гермоген патриарх прям, как сам пастырь, душу свою за веру христианскую полагает неизменно, и ему все христиане православные последуют, только неясвенно стоят».

Патриоты, поднявшиеся на восстание в ряде мест России, клялись: «Стоять за православную веру и за Московское государство, королю польскому креста не целовать, не служить ему и не прямить, Московское государство от польских и литовских людей очищать, королем и с королевичем, с польскими и литовскими людьми, и кто с ними против Московского государства станет, против них биться неослабно; с королем, поляками и русскими людьми, которые королю прямят, никак не ссылатся; друг с другом междуусобия никакого не начинать. А кого нам на Московское государство и на все государства Российского царствия государем Бог даст, то тому нам служить и прямить и добра хотеть во всем вправду, по сему крестному целованию. А будет по кого с Москвы пошлют бояре, велят схватить и привести в Москву или отослать в какие-нибудь города, или пеню и казнь велят учинить, от нам за этих людей стоять друг за друга всем единомышленно и их не выдавать, пока Бог нам даст на Московское государство государя. А если король не даст сына своего на Московское государство и польских и литовских людей из Москвы и из всех московских и украинских городов не выведет и из под Смоленска сам не отступит и воинских людей не ответит, то нам биться до смерти».

А вот и другая грамота, отписанная ярославцами в Казань, в которой достаточно ярко показана роль патриарха в период смуты: «Совершилось нечаемое: святейший патриарх Гермоген стал за православную веру неизменно и, не убоясь смерти, призвавши всех православных христиан, говорил и укрепил, за православную веру всем велел стоять и помереть, а еретиков при всех людях обличал, и если б он не от Бога был послан, то такого дела не совершил бы, и тогда кто бы начал стоять? Если б не только веру попрали, если бы даже на всех хохлы поделали, то и тогда никто слова не смел бы молвить, боясь множества литовских людей и русских злодеев, которые, отступя от Бога, с ними сложились. И в города патриарх приказал, чтобы за православную веру стояли, а кто умрет, будут новые страстотерпцы: и слыша это от патриарха и видя своими глазами, города... пошли к Москве».

Повсюду рассылались грамоты от патриарха Гермогена, который по сути дела возглавил патриотическое движение: «Не достает мне слов, душа болит, болит сердце. Посмотрите на Отечество свое, как расширяется и разоряется

оно иноплеменниками... как льется неповинная кровь». Изменников Отечества святитель корил, пытаясь пробудить в них голос совести: «Помилуйте, пощадите свои души и родителей ваших. Остановитесь, вразумитесь, возвратитесь. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: на Бога, создавшего вас, на братьев своих единоплеменных, — свое Отечество разоряете».

Постепенно русские поднимались на восстание. Прослышав про грамоты святителя, бояре потребовали, чтобы ратные люди не шли к Москве, а возвратились назад. «Напишу, — ответил святитель боярину Салтыкову-Морозову, — если ты, изменник, вместе с литовскими людьми выйдешь вон из Москвы; если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру, вижу ей поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть». Патриарха взяли под стражу, и к нему никого не допускали.

Патриарх
Гермоген перед
кончиной.
Худ.
П. П. Чистяков

Весть о продвижении народного ополчения к Москве святитель принял с радостью: «Да будет над нами милость Божия и мое благословение — на вас

Во смутные времена

Монастырский
служба на страже

же (завоевателей) да изльется гнев Господень. Наша Русь святая была свободна и могущественна, пока вы не протянули алчные руки ваши... Но близок день, когда придется собирать вам кровавую жатву с посеянных вами семян. Прямо и открыто противлюсь я вашему господству; я разрешаю всех от данной королевичу присяги, и пока мой язык слушается меня, я буду взывать к сынам Руси Православной, буду призывать их на бой за веру... и Отечество, и буду благославлять тех, кто жизнь свою на брани положит».

И хотя святитель находился в кремлевском узилище, но грамоты от него по-прежнему рассылались по Руси. Они шли от Троице-Сергиевского монастыря — от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына. Надо заметить, что русские монастыри в ту суровую пору были оплотами всех русских патриотов. Грамоты из Троицы призывали во имя веры, церкви и гражданского порядка поднять оружие на врагов Отечества: «Покажите подвиг вашего сострадания. Молите сослуживых людей без промедления спешить к Москве... Если же есть недовольство между вами, то Бога ради, отложите все сие, чтобы всем единодушно послужить для защиты Православной веры и Отечества... Покажем милость свою.

Сколько есть у нас хлеба ржаного и пшеничного и сколь есть в погребе кваса, все будем хранить для ратных людей. Сами же будем иметь на трапезе хлеб овсяный с водой».

Монастыри в смутные времена оказывали Отечеству помощь не только духовную, но и материальную. Спасо-Прилуцкий монастырь отдал все свои сбережения в государственную казну; Соловецкий — более 17 тыс. рублей; Троице-Сергиева Лавра — 65 тыс. рублей. Кроме того, монастыри были своего рода приютами для людей, разоренных и разграбленных шайками мятежников. В монастырях спешили укрыться все, кто хотел быть верным долгу и объединиться с себе подобными, там они вместе с иноками героически отстаивали с оружием в руках свои обители от мятежников и захватчиков, свои твердыни — оплот государственности. Так целых пять лет отражал нападения врагов Кирилло-Белозерский монастырь...

Конечно, для поляков и бояр-изменников присутствие на патриаршем престоле человека с непреклонной волей

было бельмом на глазу. И уж, конечно, они принимали все меры к тому, чтобы сместить неугодного патриарха, пытались осудить его, но переизбрать патриарха мог только собор, а духовенство в целом поддерживало патриарха. Тогда святейшего изгнали с патриаршего двора, при этом с него содрали святительские одежды и в простом монашеском платье отвезли в Китай-город. К опальному патриарху приставили стражу из трех десятков стрельцов.

Меж тем обстановка в стране еще больше осложнилась нападением Карла IX — 16 июля шведы вторглись в Новгород и захватили один из посадов. Воевода и служилые не стали запираяться в Кремле, а объявили о создании Новгородского государства и подписали со шведами договор об избрании своим царем сына Карла IX. Это предательство дорого обошлось России — в руки шведов одна за другой стали переходить крепости, прикрывавшие северные рубежи страны.

В глазах всего народа патриарх Гермоген оставался единственным законным пастырем русской церкви, несмотря на гонения и притеснения со стороны захватчиков. В книгах Разрядного приказа сохранилась запись о том, что к Гермогену были направлены посланцы от бояр и поляков с поручением: «Патриарху говорить и бить челом, чтобы он в полки к московским людям отписал и велел им с полками от города отступить, а они (власти) пошлют к королю послов, чтобы он по прежнему договору королевича на Московское государство дал вскоре». В адрес престарелого патриарха пошли угрозы, но он оставался непреклонным: «Что-де вы мне угрожаете, — ответил заточенный патриарх, — единого-де я Бога боюся, будет вы поидете, все литовские люди из Московского государства, и яз их (воинов русских в ополчениях) благословляю отойти прочь; а будет вам стояти в Московском государстве, и яз их благословляю всех против стояти, помереть за православную веру». Так ничего они и не добились от Гермогена, который не только отверг их предложения, но и потребовал вывода чужеземных войск из России, пригрозив изменникам проклятием: «Им Гермоген в том отказал и говорил, что он их (земских людей) благословляет за Московское государство пострадать не токмо крови, и до смерти, а их треклятых проклиняет».

В начале 1612 г. руководители народного ополчения Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский известили города о начале похода на Москву. Это известие встревожило польское командование. Полковник Гонсевский потребовал от опального патриарха не благословлять ополчения на Москву. В летописи сохранилась такая запись: «Литовские ж люди слышаху на Москве, что собрание в Нижнем ратным людям, и посылаху к патриарху, чтобы он писал, чтоб не ходили под Московское государство». Гермоген оставался непоколебим: «Да будут те благословени, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные московские изменники, будете прокляты». Восьмидесятилетний старец был свергнут в подземную темницу Чудова монастыря и «начаша его морити голодом и умориша его гладною смертию... в лето 7120 (1612) г., месяца февраля в 17 день».

«Семибоярщина» пыталась скрыть от населения смерть Святейшего — только через два месяца в Троице-Сергиевой Лавре узнали о его смерти.

Во смутные времена

Патриарх Гермоген умер, не поступившись своими убеждениями. Но его жизнь была возложена на алтарь освобождения Отчины от врагов, а начатое им дело завершил народ, поднятый святителем на священную войну. Тело патриарха Гермогена было погребено в Чудовом монастыре, а в 1654 г. перенесено в Московский Успенский собор. Русская Православная Церковь причислила священномученика патриарха Гермогена к лику святых 12 мая 1913 г.

Последнее его послание было адресовано нижегородцам и, по сути, явилось духовным завещанием. И не случайно — во время Смуты жители Нижнего Новгорода проявили удивительную стойкость — они полностью игнорировали самозванцев и не изменили присяге, данной Василию Шуйскому. Патриарх просил нижегородцев обратиться в Вологду и Казань, чтобы эти города не присягали сыну Марины Мнишек и Лжедмитрия I: «А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и будущем, что стоите за веру неподвижно, а я должен за вас Бога молить».

Гермоген не ошибся в нижегородцах — в августе 1611 г. они получили грамоту от патриарха, а через несколько месяцев в Нижнем, по почину земского старосты и великого гражданина Кузьмы Минина, была собрана рать для освобождения Москвы от врагов. Грамота Гермогена заставила его собрать представителей от торговой общины для решения вопроса о сборе денег на новое ополчение. По общему решению горожане сделали сбор «пятой деньги», — пятой части имущества каждого, и казначеем единогласно избрали Минина. Кроме того нижегородцы постановили во всем слушаться Кузьму и «приговор ему на себя дали». Так было положено начало великому делу очищения Руси от врагов.

Через два месяца пришла в Нижний грамота из Троице-Сергиева монастыря, в которой архимандрит с братией умоляли поспешить на спасение Москвы. Грамоту Дионисия торжественно прочитал протопоп Савва в Спасском соборе и призвал верующих идти на «заступление многоцелебных мощей московских чудотворцев». После молебствия, когда люди выходили из собора, к ним обратился со своей знаменитой речью Минин. Он говорил о том, что если понадобится, то русские люди продадут свои пожитки и дворы, заложат жен и детей своих для Спасения Отечества. После речи Минина народ стал молиться во главе с архимандритом Печерского монастыря Феодосием, и все молитвы сливались в одну: «Да спасет Господь царство русское».

Руководить ополчением поручили князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, который преданно служил законному царю Шуйскому, а потом сражался в ополчении Ляпунова. Предложение возглавить ополчение он принял со словами: «Рад страдать до смерти за веру православную».

В начале марта Пожарский с ополчением начал поход на Москву, но двинулся в столицу не прямо, а через Юрьевец-Подольский, Кинешму и Кострому на Ярославль, чтобы присоединить к себе ополченцев из этих городов и очистить от супостата среднее Поволжье. В Ярославле земское ополчение ненадолго задержалось для формирования войска и создания совета всей земли — ведь в государстве практически отсутствовало таковое.

Войско продолжило свой поход после прибытия в Ярославль келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, который от имени архимандрита и братии просил поспешить к Москве. Под столицей находилась часть казаков, готовых сражаться за Россию, но Пожарский им не доверял, поскольку ранее они выступали за самозванцев. Обстановка под Москвой складывалась тяжелая — к полякам на помощь шел литовский гетман Ходкевич. Земское ополчение мужественно вступило в бой, но перевес явно был на стороне лучше вооруженных поляков. Исход битвы мог быть печальным, если бы не Минин, врубившийся с конным полком нижегородцев в ряды поляков, и казаки, которые вначале безучастно взирали на битву, под влиянием увещеваний келаря Авраамия Палицына, с криками «Сергий Преподобный!» бросившиеся на врагов. Поляки покинули поле боя, оставив обоз, а на следующий день вовсе ушли от Москвы.

Настало время отвечать за свои дела полякам, засевшим в столице. 16 сентября 1612 г. князь Пожарский потребовал прекратить сопротивление. В ответ получил письмо от поляков довольно дерзкого содержания. 22 октября русские взяли Китай-город, а через четыре дня и сам Кремль.

Когда русское воинство подошло к Лобному месту, из Кремля вышел крестный ход, впереди епископ нес Владимирскую икону Божией Матери. По

Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий в стане Трубецкого

Во смутные времена

свидетельству современника, воины «слез источники источиша и облобызаху Святую икону сию». После молебствия на Лобном месте князья Пожарский и Трубецкой вместе с ополчением вошли в Кремль, в котором царило полное разорение. Поляки осквернили церкви, изуродовали образа Христа и Богоматери, перевернули престолы.

Как только были приведены в порядок кремлевские святыни, перед русскими встал вопрос о выборе нового царя. Подготовку выборов государя начали благоговейно: в города было послано от священного собора предложение всем православным поститься три дня и молить Бога даровать России царя и благополучие и мир всему государству. В столицу из всех городов следовало прислать «выборных, лучших, крепких и разумных людей для земского совета и для царского избрания».

В начале 1613 г. в Москве собрался Великий Земский Собор, вобравший представителей от всех сословий. Он постановил избрать одного из знатных боярских родов. Жители Москвы и выборные от других городов после долгого рассуждения решили: быть царем двоюродному племяннику последнего государя из дома Рюрика Михаилу Федоровичу Романову.

Окончательное избрание отложили на две недели, чтобы известить ближайшие к Москве города о том, кого желает народ в государя из возможных претендентов. Через две недели вернулись посланцы и доложили: быть царем Михаилу Романову.

В неделю Православия 21 февраля, в Успенском соборе московского Кремля после торжественного молебна все выборные люди, от знатного боярина до простого крестьянина и казака, единогласно избрали на престол Михаила Романова. В избирательной грамоте, подписанной участниками собора, ставшей своего рода программой действий для царя Михаила, говорилось: «Да примет он скипетр Российского царства для утверждения истинныя нашея православныя веры, и чтобы Господь Бог Его Государским призрением во всем Московском Государстве расточенные и разоренные исправил и во едино благочестие совокупил и междоусобие утоли и вся благая Московскому Государству устроил». В Успенском соборе выборные принесли присягу новому царю — целовали крест.

Михаилу Романову досталось государство, порядком расстроенное его предшественниками. Чуть ли не половина земель была разорена войной, в царской казне — ни рубля! В Новгороде находились шведы, поляки хозяйничали на Днестре и Десне и продолжали угрожать Москве, а в южных областях разбойничали татары. Русская земля, еще не оправившаяся от бед смутного времени, просто не имела сил для борьбы со всеми врагами. Единственным выходом для Москвы было заключение мира, с кем возможно.

Проще всего было заключить мир со шведами, поскольку в их планы не входил дальнейший захват русских земель. Они обосновались в нескольких городах на побережье Балтики, на Неве и Ладоге, исконно принадлежавших русским. Такой договор был заключен в 1617 г. — Россия оказалась отрезанной от моря, чего по мысли скандинавов было вполне достаточно для того, чтобы она не встала на ноги и не разбогатела. В свое время рост могущества Рос-

Лицевое изображение Филарета, патриарха Московского. Титулярник 1672 г.

сии при Иване Грозном всерьез обеспокоил Швецию, и она не преминула воспользоваться ее слабостью во времена смуты.

Шведский король Густав-Адольф был доволен этим договором: «Теперь этот враг (Россия — А. Г.) не может без нашего дозволения ни донного корабля спустить в Балтийское море. Большие озера, болота и сильные крепости отделяют нас от него. У России отнято море, и теперь, Бог даст, русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек».

Во смутные времена

Другая, более сильная угроза — поляки, — королевич Владислав со своими войсками стоял под стенами Москвы и требовал признания его русским царем. С известным напряжением сил москвичи отбили приступы польской рати, и в конце концов, истомленные долгой войной поляки в 1618 г. пошли на заключение перемирия сроком на 14,5 лет.

Среди неотложных государственных вопросов на первое место вышло создание вооруженных сил России, которые бы соответствовали современному уровню развития военного искусства.

Русское воинство во времена московских царей комплектовалось лишь при военной необходимости. Государство в мирное время не имело денег для содержания постоянного войска, поэтому служилые люди вместо жалования получали от казны землю — поместья, а жившие на ней крестьяне становились крепостными. При необходимости служилые собирались по сигналу в определенном месте «конны, людны и оружны». Это означало: на конях, со своим оружием, со своими съестными припасами и с вооруженными за свой счет людьми. По окончании боевых действий дворяне, или боярские люди, разъезжались по своим поместьям.

Была на Руси и пехота — стрельцы, которых набирали из вольных людей. За счет казны их одевали и вооружали, сводили в полки. Каждый полк селили отдельной деревней — слободой. Стрелец имел свою избу, огород, иногда участок пахотной земли. По сути дела стрельцы жили, как мелкие мещане, только под надзором полковника и офицеров, назначаемых в стрельцкие полки из дворян. Стрельцы обходились казне довольно дорого, но зато их полки всегда были под рукой на случай войны. Кроме того, в городах они несли полицейские функции.

Войны смутного времени со всей очевидностью показали, что русские войска во многом уступали в военном искусстве шведам и полякам — главная причина слабости русских крылась в том, что иноземцы имели регулярные армии, занимающиеся постоянной боевой подготовкой, в отличие от поместного воинства России.

После заключения мира с Польшей из плена вернулся митрополит Филарет, отец юного царя, в миру боярин Федор Никитич Романов и, как писал Николай Костомаров: «выказывался дарованиями и умом, и отличался приветливым обращением. Он был любознателен, научился даже по латыни. Никто лучше него не умел ездить верхом; не было в Москве красивее и щеголеватее мужчины. Современник голландец говорил, что если портной, сделавши кому-нибудь платье и примерив, хотел похвалить, то говорил своему заказчику: теперь ты совершенный Федор Никитич. Этого-то первого московского щеголя насильно постригли в Сийском монастыре под именем Филарета».

Волей судьбы во главе верховной власти фактически оказался митрополит Филарет, вскоре ставший патриархом. В общем на Руси было как бы два государя. Хотя имя царя Михаила Романова писали впереди отца, но фактическая власть находилась в руках святителя. Все дела докладывались царю и патриарху. По свидетельству современника, патриарх Филарет «всеми царскими делами и ратными владел».

Предвидя тяжелую, затяжную войну, царь и патриарх отважились на нечто новое — было решено нанять на службу несколько немецких полков и выписать из Швеции и Англии опытных офицеров, которые бы обучили русских воинов всем тонкостям военного строя иноземных армий. Из этих же стран было выписано 10 тыс. ружей. Вначале дело как будто пошло хорошо — на высокое жалование иностранцы потянулись с удовольствием. Из мелких, обедневших помещиков набрали несколько полков, дали им купленное оружие и обучили их иноземному искусству. Новые полки получили названия: рейтаров, драгун и солдат — офицеры в этих полках пока были из иностранцев. Когда истек срок перемирия с поляками, половина посланного против них воинства состояла из полков иноземного строя.

Время показало, что такие полки в целом себя не оправдали, хотя надобность в них несомненно была. Иностранцы, которые казались с виду опытными и надежными, на самом деле этими качествами не обладали. Совсем не заинтересованные в обороне русских земель, наемники искали того, кто им больше заплатит, а потому измена для наемников была делом обычным. И главное, что выяснилось в результате опыта найма чужестранцев — те, кто служит ради денег, не отличаются храбростью в бою.

Причина неудачи русских войск в действиях против поляков крылась еще и в неумелом руководстве ими воеводой М. Б. Шеиным. Не с лучшей стороны показал себя и поместное воинство — часть дворян, когда война коснулась их поместий, ушла защищать их вместе со своими людьми.

Правда, в войне с поляками не все было плохо: так, их наступление остановила небольшая крепость Белый с гарнизоном менее тысячи человек. На предложение противника сдать крепость ее защитники ответили, что они «сели на смерть», т. е. решили обороняться до последнего живого воина. Поляки так и не смогли овладеть крепостью.

Война с Польшей окончилась мирным договором, по которому она сохранила свои завоевания. Король Владислав отказался от притязаний на московский престол, получив за это в качестве компенсации 20.000 рублей. Но истинная причина, почему Польша пошла на мирный договор, крылась в другом: у русских было еще много возможностей продолжать войну, когда противник был уже на грани истощения.

Война выявила слабые стороны в обороне на южной окраине. Меры по повышению ее устойчивости были приняты: кроме крепких оборонительных сооружений, русское государство стало использовать донское казачество и казаков окраин. Со временем они заняли прочное место в структуре вооруженных сил России.

Русь понемногу крепла и копила боевую силу — православная вера собирала единоверцев под знамена Москвы: царский Кремль, Троице-Сергиева обитель и Соловецкий монастырь стали своеобразными центрами, к которым тянулись русские люди со всех необозримых равнин Европы и Азии.

Проблему создания постоянного русского войска, поставленную патриархом Филаретом, удастся благополучно разрешить лишь его правнуку, известному в истории под именем Петра Великого.

Каменная летопись Отечества

ак уж случилось, что многие понятия, знакомые нашим дедам и прадедам с измальства, мы забыли и теперь заново открываем для себя.

Например, слово «монастырь», которое в переводе с греческого означает «место уединения». Монастыри образовывались на отшибах, удаленных от бурной мирской жизни, где находили пристанище люди, желающие, не рассеиваясь умом, служить всем своим существом Богу. Это желание объединяло всех приходящих за монастырские стены, где был свой устав, где давались обеты (обещания, присяга) верно хранить идеал христианского совершенствования. Здесь строились церкви, келии для жилья, хозяйские постройки, хранилища для продовольствия. Все это ограждалось стенами с башнями.

В отечественной литературе сложился определенный стереотип: монастыри обычно рассматривались как церковно-духовные центры, которые приобретали особое значение в связи с освоением земель Севера, усилившегося в XV — начале XVI в. А ведь некоторые монастыри имели военно-оборонительное значение и вписали замечательные страницы в историю защиты Отечества.

После прохождения по русским землям ордынских захватчиков в пепел обратились русские города и села. Но из многолетних столкновений с татарским воинством русские люди поняли пользу оборонительных сооружений. Так татары не смогли взять город-крепость Кременец, защитники его сумели организовать грамотную оборону. Кроме того, каменные церкви позволяли в ряде случаев укрыться от врагов и отсидеться за крепкими запорами, когда у ордынцев не было под рукой осадной техники.

Удаленные в глухие «пустыни» монастыри были оплотом молитвы. Впоследствии эти места стали заселяться людьми, желавшим уединения. Далее к монастырям тянулись люди, ищущие успокоения, не имеющие «ни кола, ни двора», ремесленники, кузнецы, — так образовывались посады. Преподобный Сергей Радонежский, печальник земли русской, основатель Троицкого

монастыря, возможно, и не предполагал, что выбранное им место для молитвы и прославления Бога будет впоследствии играть особую роль в жизни Отечества.

Пожалуй, самым крупным событием в обороне монастырей является осада Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг., вошедшая в историю Московской Руси как ярчайший эпизод борьбы за самостоятельность и единство русского государства. Именно этому монастырю на Руси придавалось особое значение — недаром Священный собор предупредил Василия Шуйского, что падение Троице-Сергиевского монастыря будет означать гибель Московского государства.

Войска Лжедмитрия II осадили Москву. Разграблены северные земли, захвачен Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Углич, Суздаль, Нижний Новгород и другие города — и вот в такой обстановке полной изоляции и без какой-либо надежды на помощь, хорошо вооруженному войску польско-литовских интервентов мужественно противостоял гарнизон Троицкого монастыря. Ни внушительное превосходство сил противника, ни угрозы «порубать» всех, если монастырь не сдастся добровольно, не испугали его защитников, среди которых были монахи и жители окрестных деревень, укрывшиеся там со своими семьями и скарбом.

Не сумев взять монастырь с хода — штурмом, интервенты перешли к планомерной осаде его по всем правилам военного искусства. Они оборудовали два специально укрепленных лагеря («табора») для размещения войск, перекрыли все дороги заставами, а на высотах с запада и юга установили девять артиллерийских батарей из шестидесяти орудий. С восточной равнинной стороны перед монастырскими стенами поляки отрыли множество траншей и ям, а под юго-восточную угловую башню подвели подземный подкоп для ее взрыва.

Но и осажденные в свою очередь сделали все возможное для обороны. Прежде всего они сожгли селения вокруг монастыря, «дабы врагу не было пристанища». Разбив свои силы на отряды, они распределили оборону стен и башен по участкам, не забыв об организации вылазок и резерве. В подошвенном бое крепостных стен и по башням расставили артиллерийский наряд. На высокой звоннице Духовской церкви располагался постоянный дозор, следивший за обстановкой у противника. В случае опасности били в колокола, один из которых так и назывался «вполошным». Запасы продовольствия были взяты на строжайший учет, а «питие» в погребах запечатано и выдавалось «из под печати» только больным и раненым.

Шестнадцать месяцев — с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г. длилась эта героическая в истории Руси оборона. До нас дошли документы и подробное описание осады, составленное непосредственным участником обороны келарем монастыря Авраамием Палицыным. Все русские люди следили с напряженным вниманием за схваткой небольшой группы храбрецов с отборными отрядами Сапеги и Лисовского, наводившими ужас на всю Северо-Восточную Русь.

Каменная летопись Отечества

Ни непрерывная канонада из шестидесяти трех орудий и многочисленные штурмы, ни подкопы и лишение осажденных воды, ни засылка шпионов с целью посеять измену — ничто не смогло поколебать крепкого духа защитников крепости. Мощный огонь крепостной артиллерии не давал противнику приблизиться к стенам монастыря лестницы и «стенобитные хитрости» — рубленые щиты с амбразурами и специальные башни, возимые на санях или на колесах («туры» или «турусы»). Тех же, кто рисковал приблизиться к стенам, поражали сверху, используя для этого камни и кирпичи, кипящую смолу и кипяток, известь и серу. И хотя штурмы порой продолжались по несколько суток, враг ни разу так и не смог забраться на стены, хотя сами поляки считали, что монастырь «некрепок» и «низкостенен».

Интересно, что, несмотря на голод и известную тесноту, защитники монастыря не только оборонялись, но систематически сами нападали во время вылазок на противника, нанося ему при этом значительный ущерб. Польские источники отмечают, что под одним Троицким монастырем Лисовский «претерпел более, чем во всех обширных провинциях и городах, им покоренных и разоренных». Под огнем противника защитники сделали ров вдоль восточной стены, а когда чудесным образом провели о подкопе под Пятницкую башню, они сделали против нее на территории монастыря другую стену, и была предпринята вылазка, где в пылу схватки взорвали подкоп два монаха, вбежав в него с бочкой пороха.

Положение осажденных сильно усугубила наступившая зима. Не было дров, и тогда пришлось разбирать деревянные здания; от скученности, недостатка свежей воды и продуктов началось «моровое поветрие» — ежедневно умирало по несколько десятков человек.

Но гарнизон монастыря продолжал держаться до тех пор, пока к нему не подоспела помощь. Вначале пробился небольшой отряд из Москвы, затем подкрепление от войска воеводы Скопина-Шуйского. Потерпев ряд неудач, интервенты ушли из под стен монастыря.

Боевые испытания героических стен Троицкого монастыря на этом не закончились — вскоре ему было суждено оказаться в самой гуще военных событий. Пытаясь взять реванш, очередной претендент на русский престол — королевич Владислав, после безуспешной попытки овладеть Москвой в 1618 г., появился со своим воинством у монастырских стен, рассчитывая захватить его богатства и в какой-то степени сгладить горечь поражения.

И хотя еще не полностью были залечены раны перенесенной осады, монастырь не застигли врасплох — врага встретил хорошо организованный артиллерийский огонь. Это сразу отрезвило поляков — они стали изыскивать возможность как можно скорее закончить свой бесславный поход. В Троицкий монастырь были вызваны царские послы и 4 декабря 1618 г. в подмосковном селе Деулино состоялось подписание перемирия между Россией и Польшей. В память об этом событии силами Троицкого монастыря в Деулино была сооружена церковь Сергия Радонежского (сгорела в 1680 г.), а само село долгое время называлось Мирным.

Троице-Сергиев монастырь выдержал шестнадцатимесячную осаду благодаря первоклассным оборонительным сооружениям, которые пострадали лишь частично от многочисленных бомбардировок, так как в них участвовало около ста орудий неприятеля.

Такой же героической и успешной была защита Кирилло-Белозерского монастыря, который почти одновременно с осадой Троице-Сергиева монастыря сумел отразить штурм «воровских литовских людей». Заметный след в истории Отечества оставила оборона Тихвинского монастыря против шведов в 1613 г. Хотя его стены были деревянными и в нем отсутствовала артиллерия, гарнизон выдержал жестокую осаду и неоднократные штурмы. Подвиг защитников монастыря из-за его отдаленности от центра не получил должной оценки у современников.

Времена смуты со всей очевидностью показали, насколько дальновидной была политика русских государей, осуществляющих широкое строительство монастырей-крепостей. Наиболее напряженно московские великие князья и цари охраняли родовую свою вотчину — Москву. Кремль уже в XIV в. был обнесен стенами, к концу XV в. относится современная его ограда; в первой половине XVI в. построены каменные стены Китай-города, в конце века — ныне не существующие каменные стены Белого города (по линии бульваров) и деревянные стены, окружавшие 14-верстным кольцом Земляной город (он был сожжен в годы смуты). Одновременно московское правительство создавало и надежные крепостные форпосты, вынесенные далеко за пределы города. Этими форпостами являлись монастыри, опоясывающие Москву полукольцом с южной стороны, откуда грозила наибольшая опасность. Начиная с юго-востока, они идут в следующем порядке: самым восточным является Спасо-Андроников монастырь; далее, близ Москвы-реки, на левом берегу стоят Новоспасский и Симонов; на правом берегу реки — Данилов монастырь; далее Донской и самый западный — Новодевичий.

Симонов монастырь за свое долгое существование не раз принимал на себя натиск врагов, и не только татар, но и литовских и польских завоевателей, а в Лихолетье (1610—1612) был сожжен и разрушен до основания.

Основателем Симоновской обители был племянник и ученик преподобного Сергия Федор. Место будущего монастыря, сообразно стратегическим целям, указал сам великий князь Дмитрий Иванович, и его строительство благословил митрополит Алексей, а преподобный Сергей дал туда настоятеля. Дмитрий Донской любил посещать симоновского игумена Федора, своего духовника, беседовать с ним. Св. Сергей считал Симонов монастырь отраслью своей Троицкой обители и всегда останавливался в нем, когда приходилось ему бывать в Москве. Симонов монастырь воспитал в стенах своих целый сонм подвижников, которые разошлись по всей Руси и создали новые очаги духовной и материальной культуры.

На прямой татарской дороге из степи к Москве, по которой пришел в 1591 г. из Крыма хан Казы-Гирей (теперь Донская улица) возвышаются массивные красные стены с бойницами, окаймленные поверху белокаменными зубцами. По углам стоят громадные круглые башни, покрытые узорчатой ар-

Каменная летопись Отечества

Симонов
монастырь

катурой. Это Донской мужской монастырь, основанный царем Федором Ивановичем в 1592—1593 гг. в память отражения от Москвы упомянутого уже Казы-Гирея. Монастырь построен на том самом месте, где стояли русские полки и где в особо устроенной палатке-церкви находилась в те дни икона Донской Божьей Матери, та самая, которая была с Дмитрием Донским на Куликовом поле. Построение монастыря было вызвано и военной необходимостью: при взгляде на план Москвы мы замечаем, что здесь как раз был большой открытый пролет в обороне между далеко отстоявшими друг от друга Даниловым и Новодевичьим монастырями.

Военная роль Донского монастыря закончилась в XVII в. Донская икона в народном сознании настолько связана была с борьбой против татар, что в 1687 и 1689 гг. ее брал с собой в крымские походы фаворит Софьи князь Василий Васильевич Голицын.

На старой большой дороге в Смоленск и Литву, за широким Девичьим Полем донныне стоит страж против неприятелей западного рубежа — Новодевичий монастырь. В 1514 г. великий князь Василий Иванович, сын Ивана III, вернул Руси Смоленск и дал обет построить в честь победы монастырь. Новая обитель была основана в 1524 г. во имя Смоленской иконы Божьей Матери,

Донской
монастырь

которая имеет длинную историю. По преданию, она писана евангелистом Лукою и привезена на Русь в Киев греческой царевной Анной, супругой Владимира Святого. При Владимире Мономахе икона была перенесена в Смоленск, где и хранилась в соборе и называлась Одигитрией, или Путеводительницей.

С самого своего основания Новодевичий монастырь занял первостепенное место среди других московских обителей. В 1812 г. обитель посетил Наполеон, и больше того, с разрешения французов, в монастыре все время совершалась служба, отпускалось даже необходимое для богослужбных целей вино. Лишь накануне отхода французов из Москвы отдан был приказ взорвать монастырь. В особые окопы были помещены бочки с порохом, и монастырь не взлетел на воздух лишь благодаря находчивости казначея Сарры, которая успела вовремя загасить фитили. Игуменья в монастыре в то время не было — она заранее выехала в Вологду с наиболее ценными монастырскими вещами.

Названные монастыри были не единственными в Москве. Помимо их и монастырей кремлевских, исключительных по своему значению, можно указать на своеобразную линию монастырей, расположенных на протяжении стен Белого города, по соседству с прежними воротами в этих стенах. У Всесвятских ворот стоял Алексеевский монастырь (в 1837 г. перенесен на Красносельскую ул.), близ Арбатских ворот — Воздвиженский, на Никитской, ближе к Кремлю — Никитский, далее — Страстной (у Тверских ворот), Петровский, Рождественский, Сретенский. Строительство монастырей вдоль стен Белого города было вызвано не военными причинами, а вполне мирными. Когда Москва начала собирать Русь, одним из показателей ее нового значения было, как известно, перенесение сюда из Владимира митрополии (при Иване Калите). Москва стала не только политическим, но и религиозным центром Руси, собирая в себя и русские святыни. Это вызвало прилив богомольцев, и вот когда они по различным дорогам вступали в Москву с севера, у самых ворот их встречали гостеприимные обители...

Каменная летопись Отечества

Поскольку к северу от Москвы было совсем немного укрепленных городов, то это обстоятельство могло пагубно сказаться на всем ходе боевых действий в начале XVII в. Но наличие небольших, хорошо защищенных артиллерией монастырей в Северном крае дало возможность пресечь неоднократные попытки Польши и Швеции захватить эти земли. Яркое тому подтверждение — разгром поляков и литовцев Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским под стенами Макарьевского монастыря возле Калязина.

Монастыри были и своеобразными духовными центрами, где воспитывались проповедники-иноки, которые расходились потом по земле русской, призывая в своих проповедях к единению всех сил русского народа на борьбу с захватчиками, к прекращению братоубийственных междуусобиц, укрепляли людскую веру и твердость духа. Вслед за монахами шли московские воеводы, служилые люди и гости-купцы, прибывшие за богатствами в северо-восточную Русь.

Постепенно дело духовного единения русских слилось с мирским, направленным на усиление Москвы и обороны ее рубежей. Каждый вновь созданный монастырь почти сразу превращали в укрепленный пункт, окруженный высоким тыном, за которым можно было «отсидеться» на случай прихода неожиданных гостей.

Вначале многие монастыри-крепости создавались под стенами городов, напоминая систему оборонительного монастырского пояса, построенного вокруг Москвы. Так у Звенигорода появился Саввино-Сторожевский монастырь, у Боровска — Пафнугтев, у Коломны — Голутвинский и Бобреневский, у Можайска — Лужецкий, у Серпухова — Владычин и т. д. Для таких монастырей как Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Спас-Каменный, Сийский, Соловецкий связь с дальними городами в те времена была затруднена, и это обстоятельство делало их более самостоятельными в своей деятельности. В безбрежном лесном пространстве северо-восточной Руси такие монастыри по сути дела были опорными пунктами государства.

Если в XIV и XV вв. основание и распространение монастырей носило стихийный характер или диктовалось местными условиями (пригородные монастыри), или особым откровением свыше (Кирилло-Белозерский монастырь был основан по откровению, услышанному преподобным Кириллом из уст Божией Матери), то с середины XV в., и в особенности в XVI в., строительство новых монастырей стало более продуманным и планомерным. Это особенно четко прослеживается на примере Поволжья, карта которого пестрит множеством монастырей, и роль их в защите от возможных восстаний и набегов ногайской орды совершенно очевидна. Результаты продуманной постройки оборонительных укреплений-монастырей сказались в первых же крупных столкновениях Московского государства с его беспокойными соседями. Быстро развивающаяся техника осады и тактика повлияли на характер укреплений конца XVI — начала XVII в., но и монастыри не утратили своего оборонительного значения в войнах. Поражение польских войск Стефана Батория под Псковом в 1580—1582 гг. в известной степени было обусловлено тем, что у них в тылу оказался Псковско-Печерский монастырь. Гарнизон

Даниловский
монастырь

монастыря не только успешно оборонялся, но в ряде схваток сумел причинить врагу большой урон в живой силе. Все время под угрозой захвата были обозы поляков с продовольствием, оружием и боевыми припасами. Во время осады Пскова противник испытывал раздражение и тревогу по поводу дерзких действий защитников монастыря. Более того, русские сумели объединить в со-

Каменная летопись Отечества

вместных действиях гарнизоны двух осажденных крепостей — Пскова и Псковско-Печерского монастыря, что заставило поляков делить свои силы на две части и в конечном итоге привело к сведению на нет планов Батория.

Подобная же картина сложилась и в Волоколамске во время Смутного времени — поляки так и не смогли взять город, поскольку оказались между городскими укреплениями и Возмищенским монастырем, расположенным на одном из городских холмов.

Укрепленными форпостами русского государства на протяжении нескольких столетий были монастыри, окруженные оборонительными оградами, которые предназначались первоначально единственно для охраны монастырского достояния, но тем не менее на раз оказывали известное влияние на ход военных действий, а вместе с тем и на оборону государства в целом. Каменные стены монастырских оград, в отношении боевых качеств, имели сходство с городскими, и также состояли из стен с зубчатой стенкой на вершине и с башнями по углам и на сторонах и отличались от них только размерами и меньшим штатом гарнизона.

Например, ограда Троице-Сергиева монастыря, построенная на местности, лежащей между оврагами и высотами, была расположена по сторонам неправильного четырехугольника, периметром в 640 сажень (1 сажень — 2,1 м). Средняя высота стены составляла четыре сажени, но местами из-за неровностей местности достигала до семи сажень. Толщина стены менялась от

Спасо-
Андроников
монастырь

трех до пяти сажений, причем на стене были устроены двухъярусные каморы, приспособленные для обороны. Вершину стен украшали зубцы. По окружности ограды находилось 8 башен и трое ворот. Башни по углам были многоугольными и имели значительный выступ над стенами. Четырехугольные башни, расположенные по сторонам, также имели небольшие выступы. Башни предназначались преимущественно для оружейной обороны. Что касается стен, то орудия в них размещались только для подошвенного боя.

Укрепленные монастыри, подобно городам, имели внутри осадные дворы, которые при военных действиях служили убежищем для окрестных жителей. XVI век — время расцвета военно-оборонительного градостроительства, много нового и принципиального было внесено за этот период в архитектуру каменного зодчества. Если обратить внимание на облик древнерусских городов, то сразу заметны исключительное единство и цельность, которые так характерны для городских и монастырских ансамблей. Правительство и иерархи церкви и в XVII в. продолжали смотреть на монастыри в первую очередь именно, как на военно-оборонительные сооружения. Царская грамота 1621 г. так оценивала боевую значимость монастыря на Соловках: «А город Соловецкий место крайнее и от наших городов удалено и без служилых людей в Соловецком монастыре быть не лзе».

Иностранец Павел Алеппский, побывавший в Москве в середине XVII в., в своих записках привел слова патриарха Никона, который на вопрос о числе монастырей на Руси ответил: «Более 3 тысяч, кроме тех, которые находятся в стране казаков», и прибавил: «В нашей стране есть три очень богатых монастыря — великие царские крепости (в нашем понимании их можно назвать крепостями стратегического значения. — А. Г.). Первый монастырь св. Троицы, он больше и богаче остальных, второй известен у них под именем Кирилло-Белозерского... Третий монастырь Соловецкий».

Усиление роли монастырей как форпостов обороны Руси вполне закономерно — в начале XVI в. практически было завершено объединение русских земель, и молодое русское государство оказалось лицом к лицу против соседей-врагов, обладавших мощной военной техникой. Оборонительные средства, находившиеся ранее в руках удельных князей, были теперь слиты воедино, и это вызвало новое отношение к военно-оборонительному строительству, и монастырей в частности.

Постройка монастырей отличалась от постройки города не столько своими размерами, сколько отсутствием посадов и слобод, вплотную примыкавших к стенам древних русских городов, или даже входивших в систему их оборонительных поясов. Это обстоятельство ставило монастырь как крепость в лучшие условия, так как неприятель находился в прямой видимости у защитников. Меньшие размеры в отличие от городских крепостей или кремлей позволяли сооружать их в больших количествах на отдельных участках границ государства.

К слову сказать, само понятие «крепость» появилось в официальных документах XVII в. и вначале употреблялось в смысле оборонительных сооруже-

Каменная летопись Отечества

ний для усиления укрепленных пунктов. Затем оно постепенно заменило различные названия, которыми в Древней Руси назывались вообще укрепленные пункты. Первые укрепленные пункты на Руси решали частные задачи независимо один от другого — их появление было вызвано разрушительными набегами врагов. Вследствие своего географического положения Русь постоянно должна была сдерживать с разных сторон нападения противников, которые отличались друг от друга уровнем боевой подготовки и техническими возможностями. Расширение земель от центра в стороны заставило Русь выработать соответствующие приемы обороны и создать целую систему взаимосвязанных укрепленных пунктов, целью которых стала оборона границ. Характерно, что в борьбе против татар, литовцев и поляков приходилось прибегать к разным способам обороны. В то время, как татары, цenia фактор времени, большей частью оставляли у себя в тылу укрепленные пункты русских, выскивая русскую дружину, чтобы ее разбить, и стремились к Москве — главной цели всех их предприятий, то поляки и литовцы ограничивались преимущественно осадами укрепленных пунктов, в ближайшей к ним полосе, взятие которых позволяло обладать завоеванной землей или давало материальные средства для дальнейшего ведения войны.

Укрепленные пункты Руси, считавшиеся родоначальниками крепостей и составлявшие вплоть до Петра Великого основу обороны от внешних вторжений, в летописях и официальных документах проходили под названиями городов, городков, острогов и острожков. Что касается монастырей, то до наших дней не сохранилось ни одного, построенного ранее XVI в. В какой-то степени археологические раскопки и исследования могут восстановить в той или иной степени картину военно-оборонительного облика монастыря-крепости XII—XV вв.

Одним из первых документов, воссоздающих облик монастыря XV в., можно назвать «Житие Сергия Радонежского», в котором Елифаный Премудрый и Пахомий Логофет дают следующее описание монастыря: «Келиам же зиждемым и тыном огражденным, не зело пространнейшим, но и вратаря у сущих ту врат пристави». Более реальное представление о следующем этапе роста монастыря можно найти в описании Пахомия: «Егде же рассуднейший пастырь и премудрый мужь монастырь большой воздвиг, келии убо четверообразно сотворити повеле, посреди их церковь во имя живоначальныя Троица, отовсюду видима яко зеркало, трапезу же и ина елика на потребу братиямь». К сожалению, история монастырей России еще серьезно не исследовалась — общие закономерности их композиции почти не затронуты в литературе. Это и понятно, проблема сложна, так как нужно реконструировать не только утраченные формы монастырей, но и то, что было утрачено в обществе и культуре — смысл и ценность, заложенные в эти формы.

Монастырский устав точно отражал сложившуюся модель общества, и композиция монастыря была овеществленной этой моделью. Отклонения от идеала из-за природного ландшафта хорошо просматриваются в монастырях, каменные стены которых возводились в XVI в. (Иосифо-Волоколамский монастырь со стенами 1543—1566 гг. или Кирилло-Белозерский, стены которо-

Новоспасский
монастырь

го сооружены не позднее 1586 г.). Сложная конфигурация стен 1558—1565 гг. и необычно организованное пространство внутри выделяют Псковско-Печерский монастырь, возведенный в исключительной ситуации — на крутых склонах глубокого оврага, вдоль которого течет ручей.

Стремление к геометрической правильности просматривается более определенно в XVII в. И что любопытно, оборонительные качества подобной планировки оказались весьма практичными. Планировка монастыря прямоугольником, близким к квадрату, вначале носила чисто бытовой характер, но с введением огнестрельного оружия и в особенности с развитием артиллерии эта система планировки наилучшим образом соответствовала военным требованиям. Благодаря сравнительно протяженному фронту вытянутых по прямой стен, создавалась возможность вести из многочисленных бойниц верхнего и нижнего «боя» сильный фронтальный огонь по наступающему неприятелю. Развитие артиллерии на Руси, особенно в царствование Ивана III, вызвало распространение подобной планировки не только при строительстве монастырей, но и целых городов, таких как Тула, Зарайск, Буй, Сокол, Туровля, Сусса, Красная, Касьянов и Ситна. Характерно, что русский мастер-горододец не ограничивался уже традиционной схемой простого прямоугольника, построенного по принципам русского храма, т. е. когда длинная сторона его равна диагонали квадрата, основанного на меньшей стороне (Тула, Буй). Он уже варьировал

Каменная летопись Отечества

формами плана, сохраняя одновременно с этим принципы фронтального построения стен с расположенными в их многочисленных казематах-«печурах» пушками. Так и среди вышеуказанных городов есть такие, которые в плане напоминают треугольники, трапеции, полукруги и т. д. Такая планировка распространилась и на монастырское строительство. К примеру Пафнутьев-Боровский монастырь, построенный в 90-х годах XVI в. в плане имеет форму неправильного ромба.

Об «идеальном» городе русских рассказывается в одной из наиболее популярных сказок конца XVI — начала XVII в. о Бове-королевиче: «И нача Бова-королевич подначальнех своих наряжати, чтобы град сей (старый) ломати и скорым временем град сей до подошвы сломали, и Бова-королевич в скором времени сыскав хитростнех мастеров град строить, и поехал Бова-королевич размеривать стены градные нового града. И размерив все четыре стены равны, что первая, то и все мерою как единая по три тысячи сажен стена длиною, расположи широту стены градные мерою две-надесять сажен. И расположи на каждой стене по середине стены по вратам и над воротами поставить по башне и на углах на всех по такую же по башне. А высота новому граду шестьдесят сажен и повеле закладывать град из крепкого камня из дикого и стесанию. И собра много людей и повел камни возити и тесати. И не в скором времени заложили весь град вокруг все четыре стены и все именованные башни, а башни повеле сделать ис белого и синего мрамору для украшения града. Еще не в скором времени поставши град и башни, повеле покрыть железом белым и наверху самых башен повеле поставить для украшения золотые токи, что от солнечного свету далече во страны видеть блестящиеся, аки огонь горящ, паче меры светящиеся. И еще на всех вратах повеле украсить золотом и серебром и повеле написать на вратах свою державу королевскую и лице свое повеле изобразить королевское и прекрасную королеву Дружневну и дитей своих воинских енералов. И украсивши град всякими драгоценными вещами, и бысть град по всей стране славен, что велми прекрасен строением хитрым».

Приведенный отрывок из сказки достаточно ярко иллюстрирует, насколько прочно вошел в сознание народа образ крепости-города, который по плану сродни монастырю. Огромное значение в строительной практике имели пропорции, которые являлись не только художественной стороной отдельных сооружений, но и были основой конструктивного решения зданий. В XVI в. пропорционирование получило распространение в военно-оборонительном строительстве. Иными словами, геометрическая фигура плана крепости зависела не от отвлеченных геометрических фигур или взятых произвольно соотношений отдельных своих частей, а исходила из тех архитектурных пропорциональных положений, которые были распространены среди каменных дел мастеров. Квадрат или прямоугольник Троице-Сергиевой лавры обладал определенными соотношениями своих сторон. Кремль Тулы нам полностью раскрывает основные положения русского мастера-горододедца. Продольная сторона плана Тульского кремля равна диагонали квадрата, основанного на его поперечной стороне. Расстановка башен произведена по этому же принципу. Поперечная стена разделена посредине воротной башней. Диагональ квадра-

та, основанного на этом получившемся отрезке, служит мерой для постановки средней воротной башни на продольной стене, расположенной по стене Тульского кремля, обращенной к суше и т. д. Таким образом, древнейший принцип расстановки башен на расстояние полета стрелы заменился принципом, в основе которого были заложены архитектурно-художественные требования. Это положение является характерной чертой всего русского зодчества XVI в., каким бы практическим потребностям отдельные его здания ни отвечали.

Анализ планировки монастырей показывает, что как оборонительные сооружения они хорошо вписывались в условия местности. Древние мастера в каждом конкретном случае располагали оборонительные укрепления монастырей — стены, башни, рвы, надолбы и т. д. в полном соответствии с конкретными условиями места расположения. Так пятигранник Соловецкого монастыря оказался вытянутой формы потому, что размещался на узкой и продолговатой полосе земли между морем, озером и речкой, вытекавшей из этого озера. Вершина пятигранника с ее башнями не случайно обращена на восток — отсюда наиболее вероятно следовало ожидать неприятеля. То же самое касается и других башен, соответственно выходящих на сушу и к воде. Форма пятигранника Кирилло-Белозерского монастыря («Старого города») также является зависимой от конкретных условий местности — озера и реки Свияги, протекающей через монастырь и питавший гарнизон водой в случае осады.

Среди военно-оборонительных сооружений конца XVI в. можно видеть ряд оригинальных инженерных решений. Одним из них можно назвать своеобразное изменение так называемой отводной стрельницы. Эти отводные стрельницы обычно выстраивались перед воротными башнями. Одним из наиболее ярких примеров является отводная стрельница Спасской башни Москов-

Новодевичий
монастырь

Каменная летопись Отечества

ского кремля. Русские горододелъцы не стали копировать образца, введенного итальянцами, и поскольку оборона главных въездных ворот потребовала сооружения дополнительных средств защиты, то мастера и увеличили отводную стрельницу в ее объеме во внутрь Кремля. Получился крепостной дворик, обнесенный стенами, в глубине которого располагались вторые ворота. Эта оборонительная система пристраивалась к главным воротам так, что прорвавшийся неприятель оказывался в замкнутом со всех сторон дворе, со стен которого его поражали защитники монастыря. Такие крепостные дворики появились в Троице-Сергиевом монастыре и в Макарьевском монастыре в Калязине, где авторами его были отец и сын Шарутины.

Особое место в монастырском крепостном строительстве занимает Пафнутьев-Боровской монастырь близ Калуги, обладавший оригинальной формой плана и расположением своих башен. План монастыря представляет собой вытянутый ромб. Архитектурный анализ башен и стен монастыря и сравнение его с башней «Дуло» Симонова монастыря в Москве позволяют установить тождественность архитектурных приемов — оба памятника строил один и тот же мастер. Дальнейшее сравнение с архитектурными и военно-оборонительными особенностями смоленских стен и башен убеждает, что автором названных монастырских укреплений является Федор Савельевич Конь — государев мастер, строитель Смоленска. Несмотря на свою оригинальную форму, его сооружения также тесно связаны с местностью.

Любопытным новшеством в военно-оборонительном строительстве являются детали укреплений Пафнутьев-Боровского монастыря — его угловатые башни. Они не круглые и не многогранные, что было характерно для крепостного зодчества на Руси, как деревянного и каменного, а ромбовидные. Кроме того, они расположены диагонально по отношению стен. Подобная форма башен и их расстановка были известны лишь в античности. Теоретически она была описана и обоснована у Филона, как наиболее рациональная система крепостной обороны. Автор проекта этого монастыря обладал незаурядными знаниями и талантом.

Военно-оборонительные задачи монастырских укреплений оказались в конечном итоге тесно связанными с архитектурными, породив произведения, значение которых для русского зодчества нельзя недооценивать.

Одним из замечательных монастырей Русского государства считается Соловецкий, в котором был создан... кремль. Самое интересное в этом кремле — необычный строительный материал — природный гранитный валун, из которого выложены его стены. Гранит обладает прекрасными конструктивными и противоударными свойствами.

Применение валуна вовсе не редко в истории русского оборонительного зодчества. Валун использовался в XI в. в Киеве, а также в новгородско-псковском строительстве XIV—XVI вв., но только Соловецкая крепость почти полностью сделана из него. Природный материал позволил обойтись создателям без большого количества дорогостоящего кирпича, и в то же время обеспечил сооружениям большую долговечность.

Соловецкий
монастырь

Соловецкая крепость стала воздвигаться в 1578 г., когда «на Соловки приехал игумен Иаков с Москвы от государя и начат делати на Соловках город каменной». Как и многие оборонные сооружения своего времени, крепость на Соловках вполне соответствовала своему назначению. Ее стены были рассчитаны на круговую оборону, имели прямую трассировку и два яруса боя. Башни, сильно выдвинутые вперед, позволяли вести успешно как фронтальный, так и фланговый огонь.

При разработке плана крепости были учтены особенности ландшафта для усиления обороноспособности крепости. В одном месте из-за узкого участка между бухтой и озером крепость обрела форму пятиугольника, сильно вытянутого с севера на юг. Восточные и западные крепостные стены, огражденные водой, не нуждались в усиленной обороне и потому не отличались ни высотой (шесть-семь метров), ни отвесностью, ни частотой башен. Стены, выходящие в поле, северная и южная, достигают при толщине до шести метров одиннадцатиметровой высоты и снабжены близко стоящими друг к другу башнями.

Для Соловецкой крепости было характерно включение в ее состав существующих на территории монастыря некоторых построек. Характерной особенностью Соловецкой обители, издавна отличавшей ее от многих других монастырей России, была вера в спасительную роль физического труда в жизни человека: «Телесное тружение — Господу служение, обители — слава и украшение..». Трудами монахов и доброхотов-добровольцев, воспринявших это убеждение, были построены не только Преображенский собор и стены Соловецкого кремля, но знаменитая Муксомомская дамба и др. История Соловец-

Каменная летопись Отечества

кого монастыря изобилует примерами того, как богомольцы, прибывшие на остров помолиться на несколько дней, оставались затем год или даже несколько лет, активно включаясь в работу монахов. Не нарушил этой традиции и Петр Великий. На привезенном им голландском станке он сам выточил и вызолотил сень над архимандритовым местом в Преображенском соборе. Петр оставил о себе память и в виде каменного столба, на котором им было выбито: «До Амстердама-града ... верст, до Венеции-града ... верст». На протяжении долгих лет цифры чисел верст стерлись, но очертания букв можно было разобрать и в первые годы советской власти.

Соловецкая крепость приобрела общерусское значение. Уже в описи имущества 1597 г. сказано о 68 пушках, часть которых была «монастырского кования», и большом количестве ручного оружия. Видимо, о мощи этой крепости стало известно не только на Руси, но и за ее границами. Неприятель опасался приближаться к ней. В 1611 г. отряд шведов продвигался по Белому морю, высадился на Кузовских островах, всего в тридцати километрах от Соловков, но повернул назад. Спустя два года монастырский отряд вытеснил с карельского берега «литовских людей» и тушинцев. В 1623 г. Соловецкая крепость оградаила Поморье от нападения со стороны датской военной экспедиции. Цари неоднократно напоминали монастырским властям о необходимости твердо отстаивать вверенные им территории. В середине XVII в. вооружение крепости возросло до 80—90 стволов, и по оснащенности она стала одной из самых мощных. О ее силе древняя хроника говорила следующее: «Круг монастыря устроен город zelo крепок из дикого камня, пятеры ворота проезжия, между ими башни пространные и высокие. Наряду пушечного, всяких пушек и пороховой казны много и свинцу прензобильно».

Иностранцы-путешественники о Соловецком кремле говорили, «что его стены громадны, неприступны, из больших диких камней... что эти святые (Зосима и Савватий) заставили работать дьяволов над сооружением монастырских стен. По той причине они изумительны по своей необыкновенной прочности, и люди описывают их с удивлением».

Самому жестокому испытанию боем крепость подверглась в середине XIX в. Весной 1854 г., в самый разгар Крымской войны, в Соловецкий монастырь прибыл нарочный из Архангельска с известием о возможном вражеском нападении. Было принято решение привести монастырь в готовность к боевым действиям, а церковные драгоценности эвакуировать в Архангельск. Из состава братии, работников и богомольцев сформировался отряд охотников; провели ревизию старого арсенала, в котором кроме старых малопригодных пушек и явно музейных образцов самострелов, пистолетов, пик и бердышей ничего подходящего найти не удалось. Правда, из Архангельска прислали подкрепление в виде восьми пушек с припасами. К середине лета гарнизон Соловков был готов к отражению противника.

6 июля к Соловецкому монастырю подошли два шестидесятипушечных английских фрегата «Бриск» и «Миранда». Англичане попытались вступить в переговоры по флажному семафору с защитниками монастыря, но монахи на эти попытки ответили молчанием. Зато два сигнальных выстрела из пушки

Соловецкий монастырь. Вид гранитной набережной с восточной стороны.

восприняли как начало боевых действий — завязалась артиллерийская перестрелка. Один выстрел из монастыря оказался исключительно метким — английский фрегат получил повреждения, вышел из зоны огня и ушел за мыс. Встреча пушечными ядрами пришлось англичанам явно не по вкусу — они не ожидали сопротивления.

Каменная летопись Отечества

Утро следующего дня началось с переговоров. Командир эскадры заявил, что монастырь, оказав сопротивление английскому флагу, выступил как военная крепость, и потребовал капитуляции крепости и сдачи всего оружия. На что соловецкий игумен с чувством достоинства ответил, что монастырь открыл огонь после выстрелов с кораблей и что «оружия, флагов и других военных снарядов монастырь не имеет и поэтому сдавать нечего..».

Спустя несколько часов пушечные порты английских фрегатов окутались клубами дыма, и в сторону крепости неговорчивых монахов полетели первые ядра. Канонада продолжалась несколько часов, по обители было выпущено в общей сложности 1800 ядер и бомб, которых, по признанию одного из английских капитанов, вполне бы хватило для разрушения нескольких городов. Многократное превосходство англичан в артиллерии оказалось сведенным на нет мощью крепостных стен, мужеством и смекалкой защитников. Яростное сопротивление крепости заставило английские корабли отойти подальше от русского огня.

Когда маленький гарнизон произвел осмотр крепости, то все удивились полному отсутствию человеческих жертв. Более того, не пострадали даже чайки, во множестве обитавшие в монастыре. Слегка были повреждены лишь некоторые постройки. И вот что еще удивительно — одно из последних ядер было найдено невзорвавшимся за иконой Богоматери. Это послужило причиной уверенности защитников в том, что успех в обороне — Промысел Божий. Замечательная оборона в известной степени пробудила интерес к монастырю, куда стали ездить члены императорской фамилии, иностранцы, в числе которых был французский посол в России Талейран.

Была у Соловецкого монастыря и еще одна встреча с противником. Об этом испытании поведал оригинальный памятник, так называемый «Переговорный камень», на гладкой поверхности которого сохранилась выбитая надпись: «Зри сие. Во время войны Турции, Франции, Англии, Сардинии с Россией здесь был переговор настоятеля архим. А. с английским офицером Антоном Н. 22 июня, в среду в 11 час. до полудня по записке начальника неприятельской военной эскадры в Белом море, требовавшего от монастыря быков (записка представлена свят. Синоду). После переговоров, благополучных для обители, настоятель, возвратясь в монастырь в 1 час дня, служил в тот день в Успенском соборе литургию и молебны; служба кончилась в 4 час. В ту неделю 3 дня пост строгий был в обители и скитах и Господь в это лето не допустил воюющих нарушить иноков покой, как без милосердия они поступили в 1854 г. А. А».

«Благополучными переговорами» архимандрит Александр называл прямой отказ снабдить английскую эскадру свежим провиантом, после чего чужие корабли ушли в море.

Остается добавить к истории обороны Соловецкого монастыря, что после отражения нападения английской эскадры архимандритом Александром была поставлена в память этого события часовня в честь Александра Невского.

Представляет интерес вопрос: а какова была боевая организация монастырей? К сожалению, исчерпывающего ответа в литературе не найдешь. По всей вероятности Русская Православная Церковь в XI—XII вв. имела соб-

ственные оборонительные силы. Это было вызвано тем, что государственная власть Древней Руси не могла обеспечить устойчивую защиту церковных владений и монастырей.

Нет точных сведений и о времени организации вооруженных сил Русской Православной Церкви. Правда, в некоторых источниках есть упоминания о том, что Ростовский Архиепископ Федор в XII в. воевал против Андрея Боголюбского, что у перемышльского епископа в 1245 г. был собственный полк. Известно, например, что в период сбора войск Великим Новгородом там постоянно присутствовал «владычий стяг».

Так, в договоре великого князя Московского Василия I (Дмитриевича) с митрополитом Киприаном определены отношения вооруженных сил государя и церкви на случай совместных действий: «Аз сам князь великий на коня всяду, то и боярам твоим на коня всести. Под стягом моим, а под воеводою своим». Перечисленные факты позволяют считать, что вооруженные силы церкви были закреплены обычаем и традицией.

Предполагается, что военная организация Русской Православной Церкви была двухслойной: высший состоял из полугласной дружины типа духовно-рыцарской и так называемых церковных братств или товариществ, выставлявших вооруженные формирования в случае военной опасности. Постоянные устойчивые вооруженные силы церкви дислоцировались при монастырях и были способны вести операции не только оборонительные, но и наступательные. Характерно, что эти силы вовлекались в действие только тогда, когда решалась судьба государства.

Следует отметить еще одно обстоятельство — если в Западной Европе конфликт между государственной и духовной властью стал развиваться в XI в., то в России, напротив, в это время образовался и был закреплен союз между духовной и государственной властью. Монастыри имели своих бояр, которые служили на тех же правах и условиях, как и городские бояре. Кроме того, монастырские крестьяне в случае необходимости привлекались к обороне, а также и все те, кто на период военных действий оказывался под крышей и на содержании монастыря.

За многовековое свое существование монастыри были свидетелями многих событий, пользовались пристальным вниманием государей и народа, великолепно обустроивались и поэтому представляют до сих пор огромный исторический и художественный интерес.

Крест спас Петра Великого

личность Петра Великого довольно противоречива — одни историки его упрекают в том, что он, дескать, нарушил естественный ход истории, заставил ее развиваться по европейскому пути, другие хвалят — им создана великая империя. Но следует заметить, что некоторые обвинения в принципе беспочвенны, так как Петр I продолжил и ускорил именно то, что до него уже было заложено в русской истории и культуре. Европеизация, которую ему приписывают, в России началась еще со Смутного Времени. Россия издавна была связана с Византией, Скандинавией, западно- и южнославянскими странами. По выражению академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, Петру «не пришлось прорубать окно». Он открыл широчайшие двери на северо-запад Европы. Но и здесь он не сделал «открытия». К Англии русские проявляли живой интерес еще в XVI в., а к Голландии — при Алексее Михайловиче. Интерес к Венгрии существовал в России уже в XI—XII вв., и венгерское платье для России не было новшеством. Идеи «просвещенной монархии», «царя-труженика» были известны по стихам Симеона Полоцкого — учителя детей Алексея Михайловича.

Петр I сменил в стране всю знаковую систему (символы, эмблемы, гербы, знамена), познакомил с идеями басен Эзопа, перенес столицу ближе к естественным путям в прибалтийские страны и пр. Но, к слову сказать, смена «знаковой системы» была глубоко подготовлена в России уже в XVII в. И нельзя винить Петра в том, что произошло с Россией: «Его следует понимать, как следует понимать его эпоху и нужды, перед которыми очутилась Россия на грани столетий, — говорил Дмитрий Лихачев. — Можно ли считать Петра типичным для русской истории? Только в той мере, что в огромной России все реформы, все исторические перемены требовали больших усилий и совершались с большим трудом и большими жертвами». А петровские реформы имели крутой и даже фантастический характер и стали вводиться насильственными и жестокими мерами.

Ввиду громадности предстоящих работ Петр считал первым долгом как для себя, так и для своих подданных, «безустанный труд» — физический и умственный, ремесленный и военный. «Молись и трудись», — так говаривал он. — Быть трудолюбивым и честным, — рассуждал царь, — лучшая политика человека, власть имущего; приносит она мало пользы, если не сопутствует ей благословение Божие. Эта идея о воле Божией, всеми управляющей, пронизывает всю общественную деятельность Петра и дает ей христианский оттенок. Обращение царя к Промыслу Божию оживало с особенной силой при радостных и торжественных событиях. Воззвание к Промыслу Божию не было чуждо Петру и при неудачах.

Из Петра выработывался царь такой же грозный, как и Иван IV, с такой же ревностью к своей власти, с болезненной ненавистью к религиозному суеверию. Но от кровавого мучительства Иоанна спасла его высокая задача, которую он поставил целью своей жизни и ради которой трудился, предельно напрягая все духовные и жизненные силы. Задача его была образовать русский народ и посредством образования довести его до возможно высшей степени политического и экономического благосостояния.

Петра Великого нередко упрекают в том, что он чуть ли не единственный виновник грядущих бед Русской Православной Церкви, и в том, что, учредив св. Синод и отменив патриаршество, нанес или желал нанести церкви, как живому организму, отделенному от государства, смертельный удар.

И это обвинение Петра I не соответствует исторической правде. Государь просто завершил то, что десятилетиями накапливалось до него самой жизнью. Как хирург, он оперативным вмешательством остановил то, что привело церковь в состояние паралича. Сущность этого явления, очень болезненного как для церкви, так и для общества, заключалась в подавлении соборного, всенародного и земского начал церковным абсолютизмом. Болезнь эта наиболее ярко проявилась во времена Алексея Михайловича («Тишайшего») в лице патриарха Никона, что ознаменовало торжество централизующей власти церкви над свободой, единодержавия над соборностью, и могло привести восточную церковь к тому, что и западную — к смешению духовного и светского, небесного и земного, т. е. к самой опасной и весьма привлекательной идее Римского папства. Именно вмешательство Петра Великого позволило Русской Православной Церкви сберечь неискаженными заветы Евангельского учения. И то, что царь взял на себя ответственность за грядущую судьбу церкви, — это его христианский подвиг. И нельзя не признать определяющего влияния на проведение государственных и военных реформ личных религиозных понятий царя-самодержца. Они отразились и на формировании офицерского корпуса и военного духовенства на флоте. Офицерский корпус — костяк любой армии; есть офицеры — армия может быть воссоздана при любых условиях, нет офицеров — об армии не может быть и речи. Православная вера, культивируемая опытными пастырями, сильно повлияла на нравственность русского воинства, и не случайно именно русские первыми в мире предложили кодификацию законов войны, внесли предложение о запрещении негуманных видов оружия и даже о разоружении...

Крест спас Петра Великого

Рождение Петра I 30 мая 1672 г. было отмечено торжественным молебном в Успенском соборе Кремля, где по случаю собралось много гостей. Молебен служил митрополит новгородский Питирим с двумя митрополитами, тремя архиепископами и одним епископом.

С новорожденного сняли мерку и на третий день, 1 июня, иконописцу Симону Ушакову была заказана в «меру» Петра икона на кипарисной доске длиной в 11 и шириной в 3 вершка. Художник приступил к написанию образа Троицы и апостола Петра.

29 июня, в день тезоименитства — именин лица царской фамилии, в шестом часу утра, до обедни в церкви святого митрополита Алексия в Чудовом монастыре Кремля над младенцем было совершено таинство крещения. Крестил царский духовник протопоп Благовещенского собора Андрей Савинов; восприемниками от купели были царевич Федор Алексеевич и сестра государя царевна Ирина Михайловна. К крещению царевича выносила назначенная к нему в «мамы», боярыня княгиня Ульяна Гавриловна Голицына. На другой день, в воскресенье 30 июня, после обедни митрополит Питирим с высшим духовенством и игуменами совершил подношения по случаю рождения и крещения царевича.

Как многие сверстники, молодой Петр получил традиционное религиозное образование. По праотеческому примеру он обучался грамоте под руководством дьяка посольского приказа Никиты Зотова. Учился по часослову, псалтыри, евангелию и апостолу всем церковным службам и пению. А затем и русской истории по летописям. Сохраняя личную религиозность и традиционное церковное благочестие, Петр тем не менее обнаружил преобладающий интерес к наукам реалистическим. Его интересовали корабли, пушки, крепостные работы, ремесла — именно то, чем Европа так возвышалась над Россией. Страстное увлечение потешными военными играми привело к тому, что он набрал толпу сверстников, из которых со временем были образованы «потешные полки». Из них были сформированы ставшие в будущем знаменитыми Преображенский и Семеновский полки. В селе Измайловском среди заброшенных вещей на амбарном дворе царевич нашел старый английский бот. Узнав, что на Переяславском озере можно ходить под парусом на просторе, отпросился у матери под предлогом навестить Троицкий монастырь, «а потом уже стал ей просить и явно, чтобы там двор и суды сделать». Кто мог тогда подумать, что из этой петровской забавы со временем вырастет русский флот! И ведь все началось с Троицы...

Патриарх Иоаким в отношении Петра как претендента на престол занимал твердую позицию. 27 апреля 1682 г. скончался царь Федор, не оставив распоряжения о своем преемнике. При обсуждении кандидатуры на царский престол на заседании священного собора и боярской думы патриарх стал на сторону девятилетнего Петра, объявив публично, что шестнадцатилетний царевич Иоанн слаб умом и здоровьем. И хотя большинство из присутствовавших симпатизировало Петру, но на прямой вопрос патриарха «Согласны ли?» ясного ответа не дали. Только после собрания людей всех чинов русской земли, которое высказалось в пользу Петра, патриарх со священным собором и бояр-

Петр I
в Троицко-
Сергиевой лавре.
Август 1689 г.

Крест спас Петра Великого

ской думой объявили на царство Петра Алексеевича. На упрек царевны Софьи, почему патриарх не сделал царевича соправителем, мудрый святитель ответил: «Многоначалие пагубно — да будет один царь, так угодно Богу».

Троицкий монастырь сыграл заметную роль в борьбе за власть между братом и сестрой. Именно за стенами монастыря преподобного Сергия Петр укрылся, когда в ночь на 7 августа 1689 г. взбунтовались стрельцы. Сам факт нахождения Петра в монастыре означал, что духовенство на стороне царя, а в то время это было немаловажно. Патриарх вновь поддержал Петра, а Софья, растеряв преданных ей людей, смирилась и ушла в Новодевичий монастырь.

Рождение печально известного сына Алексея Петр отметил 22 февраля 1690 г. парадом стрельцов в Кремле. Шесть полков входили «на дворец», так называли площадку около церкви Спаса на Бору, по два полка поочередно и выстраивались на ней. Петр смотрел на стрельцов с Каменного крыльца, полки салютовали государю. Поздравительные речи говорили полковники первых полков, «которые стояли против государственного места». По поручению Петра начальник Стрелецкого приказа князь И. Б. Троекуров сказал полкам «похвалу». Венцом церемонии была стрельба из мушкетов. С тех пор это нововведение Петра, равнодушного ко всему, что касалось военного дела, стало обычным в обиходе московского двора.

Впрочем, царь не забывал и «водных потех», но со временем его мыслями и воображением прочно завладело море. Сам Петр искренне оправдывал свое вдохновение к морскому делу религиозным идеалом, считая необходимым «приобретение морского пути» для борьбы против врагов Иисуса Христа. В этом ему помогали выдающиеся представители великорусской иерархии святитель Митрофан Воронежский, Афанасий архиепископ Холмогорский и Иов митрополит Новгородский.

Святой Митрофан Воронежский, помимо своей личной святости, возбудил особые симпатии Петра. Когда на Воронеже и на Дону царь строил речной флот, готовясь к войне с турками и для осады Азова, и строительство кораблей приостановилось из-за недостатка средств, святитель собрал все, что у него было на кафедре и принес государю: «Всякий сын отечества должен от своего достатка помогать нужде государственной; прими же, государь, от моих издержек оставшиеся деньги и употреби их против неверных». Тронутый участием святителя, Петр принял это пособие из рук его, как залог благоволения Божия к его предприятию. И в последующее время святой Митрофан не раз жертвовал на нужды государства. Во время шведской войны военные расходы истощили казну до крайности. В 1700 г. святой Митрофан послал от себя 400 руб. на строительство кораблей в Воронежском адмиралтействе. В следующем году — пожертвовал 3000 руб. на жалование воинам. Когда хоронили старца, государь обратился к мирским чинам: «Нам стыдно будет, если не засвидетельствуем признательности нашей сему благодетельному пастырю отдаaniem последней почести...». С этими словами государь поднял гроб святителя и со старшими военачальниками понес в собор, а затем в усыпальницу. «Не осталось у меня такого святого старца, — буди ему вечная память», — с горечью произнес благодарный царь.

*Царевна Софья
Алексеевна в
Новодевичьем
монастыре в
1682 г.
Худ. И. Репин.*

Митрополит Новгородский Иов не мог не нравиться Петру своей выдающейся просветительной и благотворительной деятельностью. В отличие от других архипастырей, он своей предприимчивостью доказывал Петру, что земельные и экономические имущества церкви не есть «втуне гиблемые богатства». При своей кафедре он построил десять странноприемниц, 15 больниц, дом для подкидышей. Как и святой Митрофан, Иов жертвовал деньги на строительство воронежского флота.

Крест спас Петра Великого

Особенно теплые отношения установились у Петра с архиепископом Новгородским Афанасием. Уроженец Зауралья Тобольской епархии, инок и игумен Далматовского монастыря на реке Исети, переселился в Архангельск и здесь проявил широту и дипломатичность в отношениях с иностранцами, преимущественно англичанами, на фоне оживленной жизни архангельского порта. Петр с доверием относился к холмогорскому архиепископу, так как еще в детстве наблюдал поведение Афанасия в драматические дни стрелецкого бунта, когда на глазах у Петра были зверски растерзаны два родных дяди — Алексей и Иван Нарышкины. Эти события на всю жизнь оставили в Петре вместе с болезненным конвульсивным тиком лица и глубокое отвращение к звериному лику невежественного фанатизма.

Последняя поездка в Переяславль в мае 1693 г. укрепила его в мысли непременно побывать на море. 4 июля царь с большой свитой, в составе которой были священник крестовой церкви Петр Васильев с восемью певчими, отправился в Архангельск.

28 июля Петр достиг Холмогор, где архиепископ Афанасий устроил пышную встречу. При приближении царя к городу «выстрел был из всех пушек и мелкого оружия от обоих полков; также и с государских судов из большого ружья. Пушек на обрубе выкачено тринадцать. Полки... полным строем стояли на площади от Богоявленских ворот до пристани государственой. Как великий государь к пристани подходил, и тогда другой выстрел был из всего оружия и из судов государских; а струг государев к пристани пристал в начале 8 часа дня. Когда великий государь на пристань выступил, тогда третий выстрел был... Когда же великий государь шествовал в городок к соборной церкви, тогда преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский и

Афанасий,
архиепископ
Холмогорский

Важеский, из соборной церкви на встречу великого государя изыде со святыми иконами и со всем освященным чином в облачении малом... Великий государь, вышед из кареты, поклонение творил святым иконам и архиерею. Архиерей великого государя крестом благословил и святою водою кропил, и поздравлял великого государя во благополучном путешествии. По сих великий государь архиерея целовал в рамена и руку, подобне и архиерей великого государя. По сим великий государь со всеми своими чиновными людьми иде в соборную церковь Преображения Господня, а со святыми иконами пред государем шли. Архиерей (шел) с государем...». Посетил Петр и дом архиепископа, где во время обеда вели разговор о морских и речных судах, о дальних путешествиях.

Так уж случилось, что Петр нарушил слово, данное матери — не ходить в море. Желание увидеть корабли оказалось сильнее семейных чувств. Он изменил намерение посетить Соловецкий монастырь, так как в Архангельске стояло несколько английских и голландских судов, решив увидеть, как ходят большие суда по морю. Интересно, что архиепископ Афанасий провожал царя в море на своей шняке — и не здесь ли кроется симпатия Петра к духовному лицу. Прощание с архиереем не обошлось без любимого царем пушечного салюта. 6 августа он впервые увидел море, и свободная стихия захватила его. Царь сопровождал иностранные корабли в Северном море на триста верст.

По возвращении в Архангельск, Петр вновь встретился с полюбившимся ему архиепископом Афанасием — 14 августа в праздник Успения пресвятой Богородицы был на всенощной Литургии. Надо заметить, что молодой царь гениально впитал и отразил в себе дух и мировоззрение новой Европы. Он был достаточно умен и талантлив, чтобы модный и свойственный ему рационализм и утилитаризм могли исказить в нем православное духовное воспитание. Не терпя невежественного темного суеверия, Петр сам любил богослужбное богословие, с увлечением часто читал Апостол, интересовался деталями церковных чинопоследований, по заведенному порядку сопровождал важные государственные события церковными молебствиями.

В январе 1694 г. умерла царица Наталья Кирилловна. Глубоко переживая потерю матери, Петр не принял участия в похоронной процессии, не был он и на третий день после кончины ее в Вознесенском соборе на заупокойной литургии. Как бы стесняясь своих переживаний и назойливых взглядов людей, он по вечерам один, без свиты, посещал могилу матери и 27 января после вечерни в Вознесенском монастыре молился здесь.

Полный энергии, с жадной новизной знаний и дел, образ Петра являл олицетворение новой России, наполненной значительными событиями и резкими переменами. Если старая Россия отражала часто внешнюю сторону богослужения с его обрядовой стороной, предписаниями в придворной жизни при духовном присутствии, то новая обращала внимание на внутреннюю сущность действий и дел человеческих. Вместе с медленно угасавшим братом Петра Иоанном доживали последние годы величественные и чинные церковно-придворные кремлевские церемонии с неизменно повторяющимся обязательным кругом церковных торжеств, с царскими выходами на богослужение в соборы и «походами» в подмосковные монастыри, с крестными ходами и церковными «действиями», с молебными пениями и с многолюдными приемами патриарха и властей, с пожалованием думных и служилых людей именными пирогами, а затем кубками вина и т. д.

1694 год. Петр предпринимает второе путешествие в Архангельск. 1 мая царь выехал в Вологду, в 8-го утром суда снялись с якоря и вышли в плавание. Одинадцатым шло судно с «Великим шкипером», как называли царя. 18 мая суда прибыли в Архангельск, и, как только стали на якорь, Петр немедленно отправился в хорошо ему знакомую церковь Ильи-пророка на Кегострове, где отслужили благодарственный молебен. В Троицын день царь побывал на обедне в той же церкви Ильи-пророка, где литургию служил преосвященный

Крест спас Петра Великого

Афанасий в сослужении духовника царя Петра Васильева. В этот раз пел и «великий государь басом со своими государскими певчими», которых он взял с собой из Москвы.

В ожидании кораблей из Голландии, царь решил исполнить обещание посетить Соловецкий монастырь и поклониться «соловецким чудотворцам». К Соловкам он пошел на яхте «Святой Петр». На борту из духовных лиц находился архиепископ со своим ризничим и иподиаконом и царский духовник. 30 мая в день рождения царя яхта снялась с якоря, но поскольку ветер был слабым, то пришлось стоять в русле реки весь следующий день. В этот день неожиданно скончался любимый доктор царя Захарий фон дер Гульст. Наверное кто-либо другой в смерти доктора углядел бы неблагоприятное знамение, но Петр пошел наперекор судьбе — 1 июня яхта пошла в путь. Дул сильный восточный ветер, а когда яхта проходила мимо Унской губы — перешел в бурю. Положение стало опасным, «все на судах начало сокрушаться, и едва якорями могло сдержаться. Все тогда были в столь великой скорби и печали, что и отчаиваться начали об избавлении своем, чего ради все мольбу ко Господу приносили и преосвященный архиепископ Афанасий молебное пение совершал, а государь принял христианскую исповедь, приобщился Святых Таян пречистого Тела и Крови Христовой из рук преосвященного».

К счастью, лоцман Антип Тимофеев, крестьянин из Сумской волости, принадлежащей Соловецкому монастырю, сумел благополучно провести «Святого Петра» через Унские рога — два ряда далеко выдающихся в море подводных камней, и 2 июня яхта встала на якорь у Пертоминского монастыря. В течение пяти суток, пока буря не унималась, Петр провел в его гостеприимных стенах. 5 июня в монастыре царь совершенно искренне обратился с молитвой к Всевышнему: «На литургии на клиросе пел и послания апостольские читал. В память происшествия и бытия своего в Пертоминской обители всемилоостивейшего Спаса святыи крест деревянный, видением четвероконечный, сам евоими руками содела и нес из монастыря на раменах своих со всем синклитом до места». На кресте царь собственноручно высек: «Этот крест сделал капитан Петр в лето Христово 1694». О своем посещении Соловков он написал брату Ивану: «А которае, государь братец, было завещание прошлого году о поклонении мощей чудотворцев Зосима и Савватия и некаким случаем того обещания не снес, а ныне соизволением Божиим тот залог сдержал и, будучи в обители, и раки их чудотворцевы видеть сподобился, и оттуды во всяком здравии, за их святыми молитвами и поспешением Божиим доехал до города».

В правление царицы Софьи внешнее положение России оставалось тревожным. Страна не искала войны, но судьба не давала ей желанного мира. Царице удалось примириться с Польшей, но на русскую землю надвинулась другая беда — Турция с татарскими ордами предприняла прямое наступление на Польшу и Москву. Россия в союзе с Польшей и Австрией дважды выступала против Турции, и создалась такая обстановка, что не было ни мира, ни войны. Крымские татары совершали обычные грабительские набеги на южную окраину, да донские казаки рубились с азовскими татарами. Петру досталась в наследство от Софьи война с Турцией и союз с Польшей. Боевые действия против Турции и особенно неудачная осада крепости Азов показали, что ни

организация, ни уровень боевой подготовки русского воинства не соответствует требованиям времени. Воочию подтвердил это и злополучный поход против крымских татар в 1689 г. под руководством князя Голицына, когда под Перекопом 15-тысячная конница татар на глазах «300 тысяч служилого люда» поразила целый полк русских.

Невысоко оценивал качество русского воинства конца XVII в. и француз Невиль, состоявший при посольстве при дворе русского царя. Карл XII, вероятно, был прав, называя воинов мужиками, — и в самом деле они не имели надлежащего воинского воспитания и боевой закалки.

Петру I по существу пришлось создать заново систему воинского воспитания, которая стала лучшей для того времени. Вначале для этой цели приглашались иностранцы, хорошо знающие службу в регулярных войсках. Поражения под Азовом, и Нарвой в особенности, изменили взгляды царя на привлечение иноземцев в русскую армию, на систему подготовки и набора солдат. Стремление большей части служивших иностранцев к быстрому обогащению с одной стороны, и недоверие русских воинов к ним — с другой, поставили вопрос о создании русского офицерского корпуса.

С развитием регулярной армии в первую очередь была изменена система подготовки, а также набора офицеров и солдат. При комплектовании регулярной армии Петр использовал старый русский опыт набора «даточных» от населения, придав ему строго определенный порядок. В обязанность населению (крестьянскому и посадскому) вменялось периодически поставлять в армию необходимое число новобранцев-рекрутов. Рекрутские наборы производились по особым указам, и каждый давал армии до 30—40 тыс. молодых воинов.

Преобразовательная деятельность Петра I по укреплению регулярной армии была в основном закончена к 1708 г. Старые стрелецкие полки прежнего «солдатского» строя были расформированы и использованы для пополнения полков новых формирований. Войска получили единую организацию, определенный штатный состав, единообразную строевую и боевую подготовку и переведены на казарменное положение. Было также произведено перевооружение войск и т. д.

Петровская идеология «всеобщего дела» заставила развивать в солдате не механическое, а сознательное исполнение долга. От рядовых и начальников требовалось проявление инициативы в боевых действиях. Строгую ответственность за нарушение дисциплины одинаково несли и солдаты, и высшие воинские начальники, не исключая генералов. В воспитательных целях царь использовал старый, как мир, прием — личный пример! Человек совершенно реального направления, он сам становился солдатом, причем не в шутку, а всерьез. Вместе с нижними чинами он спал в палатке, стоял с ружьем на часах и рыл землю. Он был то простым барабанщиком «потешной роты», то сержантом Преображенского полка, то простым бомбардиром бомбардирской роты. Солдатское ремесло перестало быть зазорным для дворян. В 1684 г. на службу поступило около трехсот дворян, а за четыре года уже набралась их тысяча. Из Преображенского полка Петр сформировал еще новый — Семеновский.

Крест спас Петра Великого

Очевидно, имеет смысл раскрыть историю появления слова «солдат». Оно произошло от золотой монеты «солдо», которой в Италии платили жалование воинам-наемникам. В России солдаты появились во времена правления Михаила Романова, когда были созданы полки «нового строя» или «иноземного». С начала XVIII в. рекруты, прослужившие определенное количество лет, получали звание солдата. Петр для нового войска использовал вошедшее в русский язык понятие «солдат».

История сохранила имя первого русского солдата — Сергея Леонтьевича Бухвостова. В 1683 г. из конюхов его зачислили в Преображенский полк. По воле Петра он вместе с ним участвовал в азовских походах, был тяжело ранен. Дослужился до звания майора артиллерии. По личному распоряжению Петра I скульптор Карло Растрелли отлил бюст «первого русского солдата», который ныне хранится в Эрмитаже.

Согласно «Табелю о рангах» 1722 г. к солдатам относились: рядовой, канонир, казак, ефрейтор, бомбардир-наводчик, приказный (в казачьих войсках), старший и младший унтер-офицеры, фейерверкер, урядник, подпрапорщик, подхорунжий, фельдфебель и вахмистр. После отмены в 1861 г. крепостного права и введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности, термин «солдат» утратил свое сословное значение. За военнслужащими был закреплен новый — «нижние чины», отражавший социальное неравенство. С февральской революцией вновь было введено звание солдат. С июля 1946 г. в Советских Вооруженных Силах в категорию солдат включались лица в званиях рядовой и ефрейтор.

Характерно, что при Петре I солдаты освобождались от крепостной зависимости. Благодаря его реформам, солдат за боевые заслуги мог быть произведен в офицеры. В звании прапорщика он получал дворянство, а штаб-офицерский чин давал потомственное дворянство. Следует заметить, что армия Петра давала возможность представителям всех классов служить в офицерском корпусе, что, конечно, не преминуло сказаться на качестве создаваемой армии.

Первый Азовский поход 1695 г. закончился для Петра неудачей, но он смог извлечь надлежащий урок. В данном случае верна пословица: «У умного полководца поражение — сестра победы!» Азов нужно было отрезать от моря, чтобы турки не могли подвозить в крепость войска, боевые и продовольственные припасы — а для этого нужны были корабли. И Петр отважился на дело, которое многим бы показалось фантастичным, — за несколько месяцев построить флот, способный выдержать бой с турками.

Он привлек к участию во втором походе опытных иностранцев — артиллеристов и минеров. Царь побеспокоился и о средствах воздействия на боевой дух воинства. Боярину А. С. Шеину, получившему официальное назначение главнокомандующим сухопутными войсками, была отпущена «святыня», которой надлежало находиться в Большом полку: знамя с изображением лика Христа, с которым Иван Грозный одержал победу под Казанью. Кроме знамени, для участников похода были отпущены «чудотворный Спасителев образ, святой животворящий крест Господень, в нем же власы Его Спасителявы, которого святого и животворящего креста силой благочестивый царь Кон-

стантин победил нечестивого Максентия...». При Большом полку была также походная церковь с разной утварью, два священника и дьякон.

Второй Азовский поход увенчался успехом. Любопытная подробность: узнав, что положение осажденного города критическое, Петр в честь своих именин (29 июня) предложил туркам сдать город с условием, что гарнизону и жителям будет дано право свободного выхода из Азова с имуществом. В город запустили стрелу с письмом: «Мы, христиане, крови вашей не желаем. Город Азов нам сдайте с ружьем и со всеми припасами без крови, а вам всем и с пожитками даем свободу... А есть ли о каких делах похочете с нами пересылаться, и вы пересылайтесь и договаривайтесь безопасно, а нашему слову перемены не будет». В ответ русские получили лишь выстрелы. При капитуляции русские сдержали слово. Правда, Шеин согласился на уход турок из города при условии — выдать «немчину Якушку», голландца Якова Янсена, бывшего у русских на службе, но при первом походе перебежавшего к туркам. Якушку считали одним из виновников неудачи прошлого похода.

Вопрос о выдаче был для русского царя принципиальным — предательство Петр I считал одним из самых тяжелых смертных грехов. Кстати, выдача изменника вызвала у командования не меньшую радость, чем сдача Азова. 20 июля Шеин отправил письмо в Москву с официальным известием с театра военных действий. В честь победы патриархом Адрианом был отслужен в Успенском соборе молебен. Победа под Азовом вызвала могучий патриотический настрой. Восстановление разрушенного города началось с создания православной церкви. 8 августа государь присутствовал на торжественном освящении церкви во имя «Похвалы Богородицы». Победу над турками торжественно отпраздновала Москва при возвращении русского воинства из похода 30 сентября. Впервые у Каменного моста при въезде из Замоскворечья воздвигли неведомое до сих пор сооружение — Триумфальную арку, в оформлении которой воплотился традиционный характер русского православия. На фронте выбита надпись: «Бог с нами, никто же на ны, никогда же не бываемое». Растянувшаяся на несколько верст процессия представляла собой красочное зрелище. С Большим полком генералиссимуса вслед за оркестром следовало государево знамя с изображением «Нерукотворного Спаса» под охраной солдат с копьями, у знамени верхом стольник и воевода князь Б. С. Львов, за знаменем шестерка лошадей с каретой, в которой два священника и два дьякона в облачениях везли образ «Спаса» и животворящий крест. За каретой также следовала охрана. Шестнадцать трофейных турецких знамен солдаты с карабинами волокли по земле. За Преображенским полком на телеге из четырех лошадей везли изменника Якушку. На телеге возвышался тесовый помост с виселицей и двумя плахами. Процессия с изменником носила скорее воспитательный характер и была организована в назидание тем, кто помышлял изменить Вере и Отечеству.

По возвращении из похода Петр I посетил патриарха Адриана, сочувствовавшего походу против «врагов креста Христова». Вполне возможно, что царь хотел получить патриаршее благословение на будущие дела. Разговор с ним длился в Столовой палате с первого часа ночи до третьего и касался со-

Крест спас Петра Великого

здания регулярного российского флота и возможной поездки за границу — случай, не имевший прецедента в практике московских государей. У православных принято просить благословение у церковнослужителей на большие благие дела, поэтому не случайно 8 октября Петр отправляется в Троицу поклониться мощам великого «печальника земли русской» преподобного Сергия Радонежского.

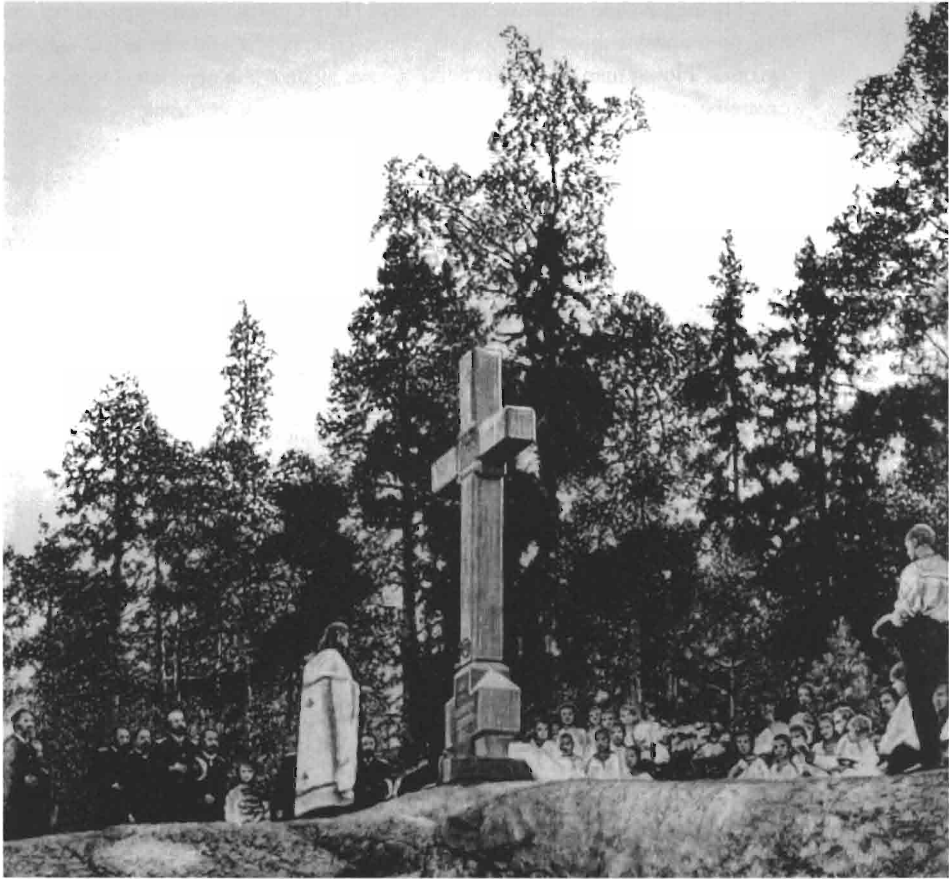
20 октября 1696 г. на заседании боярской думы, которое оказалось важным для будущего России, решался вопрос: быть ли флоту. Дело по значимости и масштабам для страны новое, а главное, требовало больших затрат, и царю следовало заручиться поддержкой бояр. В заранее подготовленной Петром записке, представленной на заседании, рассматривался вопрос о восстановлении крепости Азов, создании в ней сильного гарнизона и флота, без которого крепость нельзя было защищать, «еже воевать морем, понеже зело близко есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем...». Боярская дума в тот день приняла знаменательное решение: «Морским судам быть».

Согласно указу государя, дворянству и духовенству надлежало в складчину строить корабли. Причем, их следовало не только построить, но и держать в должном порядке. Позднее к строительству судов привлекли и купечество, для чего были образованы так называемые «кумпанства» (компании), которые собирались из расчета 8 тыс. или 10 тыс. дворов. Церковь сыграла не последнюю роль в создании петровского флота. Из 52 кораблей 17 построила церковь, в том числе: святейший патриарх — два, митрополит Евфимий Новгородский, Маркел Казанский, Иосиф Ростовский, Тихон Сарский и Подонский (Крутицкий), Иларий Суздальский, Авраамий Белгородский — по одному кораблю; архиепископы — Сергей Тверской, Гавриил Вологодский, епископ Питирим Тамбовский — по одному; Троицкий монастырь — три корабля, и по одному кораблю московский Новодевичий и Саввино-Сторожевский монастыри.

Если вопрос о строительстве флота Петру удалось разрешить благополучно, то впереди нужно было решить проблему более сложную — обучить русских морскому делу, а это можно было сделать только за границей, так как отечественных учителей не было. В начале 1697 г. из Москвы направилось в чужие земли посольство, с которым выехало 35 молодых людей. Им предстояло постигать в иностранных университетах разные науки, в том числе и морскую. Среди них находился и царь под именем Петра Михайлова.

К сожалению, ему пришлось прервать намеченное путешествие из-за бунта стрельцов. Надо заметить, что отъезд государя за границу усложнил отношения с патриархом, который был воспитан в духе неприязни ко всему иностранному. И Петр, исключительно точно, даже во время походов, посещавший богослужения, совершенно перестал ходить на службу, когда ее совершал патриарх, обходился домашней церковью. За пять месяцев 1696—1697 гг. документы не сохранили сведений ни об одном выходе царя ни в один из соборов.

Поведение Петра нравилось далеко не всем, и поступки его были предметом обсуждения и осуждения. Так, «потехи» царя оскорбляли религиозные чувства современников. Многим не нравилась и жестокость царя, выражавшаяся

Ежегодный молебен перед памятником морскому сражению под Гангутом 27 мая 1714 г.

яся в непосредственном его участии в пытках и казнях. Например, старец Авраамий Андреевского монастыря выступил с открытым обличением поведения царя и даже писал в своих «тетрадках»: «В народе тужат многие и болезнуют о том: на кого было надеялись и ждали, как великий государь возмужает и сочтается законным браком, тогда оставя младых лет дела, все исправит на лучшее; но, возмужав и жениась, уклонился в потехи, оставя лучшее, начал творити печальное и плачевное».

Историк Василий Осипович Ключевский, не симпатизировавший Петру, считал, что в то время к церковному обряду и духовенству пренебрежительно относился не только царь, но и народ в целом. И в этом повинно было само духовенство, так как, требуя наружного исполнения церковного порядка, пастыри не умели внушить должного к нему уважения, потому что сами недостаточно его блюли. Но Петр не был бы реформатором, если бы прошел мимо низкой нравственности самого духовенства. Он всерьез задумывался о том, чтобы поднять общеобразовательный уровень духовных лиц, а также сделать преподавание Закона Божьего систематическим в учебных заведениях.

Крест спас Петра Великого

Преподаванию евангельского учения Петр отводил важную роль, так как оно, по его разумению, несет «знание Божеское, которое больше всего надобно людям». Новая школа должна была давать знания для церковной и государственной службы, для воинского дела, инженерного и медицинского искусства. Лица духовного звания должны быть высокообразованными и при необходимости готовыми к решению вопросов мирской власти. Священника следовало вначале обучить и уже потом ставить в чин, так как образованное духовенство нужно не только для «вразумления православных христиан, но и для обращения в христианство других народов, не знающих творца Господа».

Обучение специалистов за границей обходилось дорого казне, поэтому царь решается готовить морских офицеров, артиллеристов, медиков, инженеров у себя в России. Да и зависимость от иностранцев задевала в какой-то степени национальные чувства Петра. Государя возмущало, что для обучения грамматике, диалектике, арифметике, астрономии и другим «свободным наукам», следовало ехать к иноземцам или приглашать в дома, «хотя подчас они русского языка не знали и при обучении малым детям ереси своя знати показывают». Первым светским высшим учебным заведением стала Навигацкая школа, организованная 14 января 1701 г. в Москве.

Царь-христианин начало каждого года встречал торжественным молебствием, принося благодарение Господу за совершенные дела в минувшем году и прося благословение на свои будущие предприятия, о ниспослании щедрот на Россию и на его подданных. Так же отметил Петр в Сумах очередной 1709 год, который принес ему победу над шведами в Полтавской битве.

Весной шведский король Карл XII осадил Полтаву. Маленькая крепость сражалась мужественно, русские отбивали приступы шведов, нанося им большой урон. Карлу советовали отступить, но он не соглашался: «Если бы Ангел Господний велел мне отступить от Полтавы — я и тогда не послушался бы». На выручку крепости пришел русский царь с войском. Шведы и русские встали друг против друга, изготовившись к решительному бою. 27 июня на рассвете перед битвой, Петр обратился к воинам: «Пришел час, который должен решить судьбу отечества. Не помышляйте, что сражаетесь за Петра, но за государство, Богом Петру врученное, за род свой, за веру и Церковь. А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога — только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ея».

Петр лично повел в атаку батальоны второй линии Новгородского пехотного полка. Во время ожесточенной схватки одна пуля пробила шляпу на его голове, другая расплющилась о висевший на груди его крест, третья ударила в седло. Воистину царь по милости Божией остался невредимым. Крест спас Петра. К полудню все было кончено. Шведское войско разбито наголову, а раненого Карла еле успели унести с поля боя.

Замечательную победу ознаменовали благодарственным молебном, сопровождавшимся троекратным залпом из ружей. Над могилою убитых воинов Петр, волнуемый проникновенными молитвословиями о погибших воинах за Отечество, водрузил собственноручно крест с надписью: «Вои-

ны благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся в лето от воплощения Бога Слова 1709». Но подлинное празднование победы под Полтавой состоялось в Киеве. Петр принес торжественное благодарение за победу Господу, посетил все известные святостью храмы и места, а также и начальствующих служителей церкви.

Крест спас Петра Великого

Радость торжества победы над шведами, однако, была омрачена. Турция под влиянием шведского короля Карла XII объявила России войну. Петр, рассчитывая на помощь христианских народов (румын, болгар, сербов), выступил с небольшим войском в Румынию, но на берегу Прута был окружен превосходящими силами противника, так как только черногорцы поднялись на турок. Сознавая безвыходность положения, Петр принимает решение дать последнее сражение, чтобы погибнуть «с мечом в руке». С верным гонимом он отослал в Россию письмо: «Извещаю вам, что я со всем своим войском без вины или погрешности нашей, но единственно только по полученным ложным известиям в семь крат сильнейшую турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я без особливья Божия помощи ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим Царем и Государем, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелению от вас было требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице моем; но если я погибну и вы верные известия получите, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники».

Перед сражением Петр все-таки обратился к туркам с «известием о своей склонности к миру». Испытав на себе мощь русского оружия, противник решил пойти на заключение мира. Петр принял все условия турок, кроме одного — выдать Волошского господаря Кантемира: «Я лучше оставляю туркам землю, простирающуюся до Курска, уступив оную; надежда мне остается паки возвратить: но нарушение данного слова не возвратно. Я не могу онаго преступить и предать князя, оставившего свое владение из любви ко мне. Мы ничего не имеем собственного, кроме чести. Отступить от нее, есть перестать быть государем».

Петр Великий стремился перед началом каждого большого дела в происходящих событиях увидеть благоприятное знамение, означавшее благоволение свыше. Весьма характерно в этом отношении основание новой северной столицы... Первый камень Петр заложил 16 мая 1703 г., в день святой Троицы. По преданию, Петр осматривал Заячий остров, взял у солдата штык, вырезал два куска дерна в виде полос, сложил их крестообразно и произнес: «Здесь быть городу». Затем взял заступ и начал копать ров, когда в воздухе невесть откуда появился орел и стал парить над царем. Как ров достиг двух аршин глубины, в него поставили ящик, высеченный из камня. Священники окропили его святой водой, после чего государь поместил в него золотой ковчег с мощами апостола Андрея Первозванного и накрыл каменной крышкой с надписью: «От воплощения Иисуса Христа 1703, мая 16-го, основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем всероссийским». Для перемещения каменного ящика было сделано специальное приспособление из двух длинных берез, воткнутых в землю и связанных верхушками. И вот парящий орел уселся на них. Петр увидел в этом событии доброе знамение, так как со времен императора Константина (III в. н. э.) образ орла символизировал красоту христианского учения. Ефрейтор

Звезда ордена
св. Андрея
Первозванного

Одинцов сумел снять орла выстрелом из ружья. Государь перевязал орлу платком ноги и посадил себе на руку. Так с орлом в руке и поплыл на своей яхте...

Надо заметить, что именно царю Петру принадлежит честь создания первого российского наградного знака — ордена Андрея Первозванного, которым император жаловал крайне редко и за особо выдающиеся заслуги. Первым его кавалером стал знаменитый боярин Федор Головин, генерал-адмирал и фельдмаршал (1699). Петр же был только шестым кавалером этого ордена и получил его будучи капитаном бомбардирской роты, когда после кровопролитного сражения в устье Невы в 1703 г. захватил два шведских корабля. Волею судьбы вторым кавалером боевого ордена стал Иван Мазепа — гетман Украины. Во время Северной войны 1700—1721 гг. он перешел на сторону шведов, и Петр тяжело переживал его измену. В самые напряженные дни подготовки решающего сражения под Полтавой Петр слал в Москву гонца за гонцом с несколько неожиданным поручением: как можно быстрее изготовить и отправить ему «Орден Иуды» — огромную 12-фунтовую медаль с цепью. На ней было вылито изображение повесившегося Иуды над рассыпанными сребренниками и вычеканены слова: «Треклят сын погибельный Иуда иже за сребролюбие давится». Но Мазепа сумел ускользнуть от уготованного ему «пожалования», и орден попал в распоряжение придворных шутов.

Смерть — самая таинственная черта, проводящая грань между жизнью земной и вечной, черта, подводящая итог нашего земного существования и всем нашим делам. Очень часто в самой смерти явно просматривается сущность человека. С 1715 г. Петр не раз прихварывал, а в 1724 г. заболел довольно тяжело. Советы врачей соблюдать осторожность Петр попросту игнорировал. В бурную октябрьскую, дождливую и холодную ночь он был на судне, направлявшемся из Кронштадта в столицу. Недалеко от деревни Лахта в заливе были услышаны крики о помощи — погибал севший на мель бот. Царь сам принял участие в спасении моряков, при этом ему пришлось стоять по пояс в студеной воде. Он полагал душу свою за вверенных ему людей. Болезнь государя после этого случая проявилась особенно остро, но его мощный организм сопротивлялся, и только в январе 1725 г. царь слег в постель окончательно. Силы оставляли Государя — он не мог говорить, а только писал на грифельной доске.

Утром 28 января душа Великого Петра отошла в вечность. Но его дела остались на благо Отечеству. Отпевавший царя в Петропавловском соборе архиепископ очень точно выразил эту мысль в надгробном слове: «Какову Он Россию свою сделал, такова она и будет; сделал врагам страшную, страшная и будет; сделал ее на весь мир славную, славная и быть не перестанет».

Русская армия и религия

елигиозное воспитание в России влияло как на общественную жизнь, так и на армию, и носило упорядоченный, постоянный характер. В войсках оно велось посредством слова Божия, на понятном воинам языке священных книг и житий святых. Историческая и религиозная жизнь российского народа сложилась так, что он, в отличие от западных народов, не был политически воспитан, с политикой ему приходилось иметь дело лишь во время войн, носивших характер народно-православного решения проблем. Политическая жизнь страны оставалась до поры до времени идеалом людей с государственным складом ума. Церковно-религиозное воспитание было преимущественно основано на началах истинного, незамутненного христианства. Само понятие «христолюбивое воинство» объясняется тем идеалом, на котором воспитывали солдат, и характером его отношения к службе и другим народам, а также является свидетельством тесной связи Русской Православной Церкви с идеалом христолюбивого воинства. Вся отечественная история наполнена примерами духовной помощи подвижников Церкви русскому воинству, их постоянной заботе о целостности Российского государства.

С конца XVIII в. в русской регулярной армии существовало понятие воинского духа, которое имело ввиду нечто, присущее человеку, в частности высшую искру Божью — ум и волю. Это понятие слагалось из разума (системы знания и боевого опыта) и нравственных качеств (совести, милосердия, патриотизма и пр.). Нетрудно заметить, что именно христианская вера питала самую высокую нравственность. Довольно долго понятие «воинский дух» и родственный ему «святой долг» работали, так как были наполнены конкретным содержанием, проверены временем и освящены христианскими истинами, пока их не заменили трудно подающиеся расшифровке термины «морально-политическая подготовка» или «моральный потенциал».

Исследуя эволюцию воинского духа русской армии, нетрудно заметить, что с утверждением христианства на Руси в обществе и в армии утвердились

общехристианские идеалы. Для проведения реформ Петру Великому потребовались армейские и флотские офицеры, способные решать военные вопросы и одновременно быть грамотными администраторами. В 1698 г. он решает организовать математическую школу, которая бы могла вести подготовку таких специалистов. Свою идею Петр I реализовал только в январе 1701 г., подписав указ о создании первого в России высшего учебного заведения — Школы математических и навигацких наук, или просто Навигацкой школы. Предусматривалось разместить школу в Кадашеве (Замоскворечье), для этого последовало высочайшее распоряжение об освобождении мастерских палат Большого полотняного двора. Для удобства занятий, в частности для ведения астрономических наблюдений, школу в июне 1701 г. разместили в знаменитой Сретенской башне (она же Сухаревская — названа по имени командира стрелецкого полка), которая находилась в северо-восточной части Москвы на земляном валу, окружавшем город. На одном этаже располагались классные помещения и рапирный зал, другой отводился для жилья. Возглавил школу боярин Федор Головин.

В учебном заведении, рассчитанном на две сотни учеников, обучали арифметике, геометрии, плоской и сферической тригонометрии, черчению. Высшей ступенью считались морские науки: навигация, морская астрономия, геометрия (преимущественно математическая). Преподавалось также ведение школьного журнала и счисление пути корабля. Были образованы два подготовительных класса: «русская школа» — для обучения чтению и письму и «цифровая школа», где учили счету и началам арифметики. Предполагалось, что набор в школу будет добровольный, но «добровольно желающих» оказалось немного — всего четыре человека! И только с применением принудительных мер школа была укомплектована. К лету 1702 г. в ней насчитывалось 180 человек различного возраста.

Срок обучения не был определен, поэтому воспитанники познавали науки последовательно: изучившие арифметику переводились в класс геометрии, затем в класс тригонометрии, далее в мореходный класс и т. д. Из класса в класс учеников переводили после экзамена. Практически можно было пройти за год два класса, но нерадивые воспитанники умудрялись сидеть в одном классе по два-три года, поэтому одни оканчивали навигацкую школу за четыре года, у других учеба растягивалась на десятилетия.

Главной трудностью преподаватели считали не столько халатное отношение учеников к занятиям, сколько отсутствие предметов по нравственному воспитанию. Следует учесть одно немаловажное обстоятельство: в школу сначала принимали юношей, а потом и вполне зрелых людей. В 1704 г. в корпусе среди 49 драгун находились сержанты, прапорщики, каптенармусы, капралы и рядовые, познавшие все тонкости военного быта, который не отличался высокой нравственностью. Сорокалетние мужчины сидели рядом с учениками «русской» и «цифровой» школы и были для них совсем не подходящей компанией.

На первых порах в Навигацкой школе о воспитании как средстве образования и утверждения на известных началах нравственности речи не шло, так как питомцы числились не «воспитанниками», а «школьниками» или «учени-

Русская армия и религия

ками», которым надлежало за получаемое содержание являться в положенное время в классы, внимательно слушать учителей, выполнять приказания начальников. Преподавателями были в основном иностранцы, которые находились на положении ремесленников или «мастеров» и «подмастерий»; при помощи «дядек» надзирали за учебой и воспитанием учеников. Считались недопустимыми прогулы или «крик и шумство» в классе. Кражи, пьянство, побег из школы снисходительно именовались «шалости». Виновные представляли перед глазами начальства, которое решало наказать их своей властью или передать на суд городской.

Наказания отличались жестокостью и носили карательный, а не предупредительный или исправительный характер. Провинившиеся дворяне за свои прогулы платили от 5 до 15 рублей штрафа (деньги по тем временам немалые), но иногда в ход шли «нещадные батоги и плети». Существовали и такие меры наказания, как ссылка на «галеры» или каторжные работы за уклонение от поступления в школы. Использовали и шпицрутены за нарушение военных и гражданских постановлений.

Суровость подобных наказаний не вызывает сомнения, ее можно объяснить общим жестоким характером проводимых правительством реформ. Но представляется удивительным то, что ученики, прошедшие через наказания, вновь как ни в чем не бывало оказывались на школьной скамье. Такое смирение учеников было следствием строгого домашнего воспитания, так как церковь требовала от родителей «ни за что и ни в чем не поглажать детям», а дети не смели отступать в чем-либо от родительской воли, от порядков христианской жизни.

Первоначально церковь не участвовала в учебном процессе и в нравственном воспитании специалистов. То, что называлось «снисхождение к учащимся, как к детям», по сути своей было ни что иное, как полное игнорирование самой идеи нравственного воспитания, и как принцип формулировалось так: «По мне уж пей, да дело разумей...». Датский посол Юль называл нравы русских в петровские времена «азиатским холопством», когда офицеры служили генералам как лакеи. Артиллерийский майор Данилов в своих записках также говорил об отсутствии у дворян чувства гражданского долга и собственного достоинства: «В военную службу охотно никто не хотел и записывали дворянских детей с принуждением... а до Петра Великого за счастье почитали быть у знатных бояр ко услугам, только бы не быть в государственной службе». По мнению Петра, изменить ситуацию могло только Евангельское учение, так как «свет его, сие есть знание Божеское, человеку паче всего в жизни надобно». В последние годы правления царь прилагал немало усилий к тому, чтобы соединить светское обучение с церковным, поднять уровень религиозного образования в России, что помогло бы укрепить нравственность народа.

К сожалению, задуманное Петр Великий не успел довести до конца... Лишь в 1744 г. его преемники ввели во всех школах России обязательное преподавание Закона Божьего, или катехизиса. Программа предмета была составлена под руководством архиепископа Феофана Прокоповича. В нее вошли Символ Веры, молитва Господня и десять заповедей, иногда включали за-

Сухарева
башня, где
располагалась
Навигационная
школа

поведи Блаженств Евангельских. В результате реформы при некоторых школах появились собственные домовые церкви со своими священниками. К середине XVIII в. профессиональная служба стала носить сословный характер. Помимо специального появилась потребность в общем «гуманистическом» образовании. В России мало-помалу стали создаваться духовные, «шляхетные» и другие училища, так или иначе соединившиеся с церковью. Первым таким учебным заведением в 1731 г. стал Сухопутный Шляхетный Кадетский корпус. В его уставе (отрицательный опыт морского корпуса уже был учтен) надзирателям вменялось в обязанность наблюдать, «дабы кадеты во всех своих поведеньях, то, еже добродееание, учтивость, пристойная покорность и честь повелевают, всегда чтили, а лжи и неверность и прочие, шляхетству не пристойные пороки, заранее у них искоренены были». В программу обучения кадетов ввели, как самостоятельные предметы, Закон Божий и «мораль», и для

Русская армия и религия

преподавания первого из этих предметов были назначены специальные преподаватели — иеромонах и иеродиакон. Для совершения различных церковных треб был назначен особый священник. В корпусе не было церкви, поскольку учебные заведения формировались при церквях. Но в одной из палат при доме Меншиковых, где размещался корпус, нашлась разобранная церковь, которую восстановили. В 1744 г. ее освятили в присутствии императрицы, после чего иеромонахам и иеродиаконам поручили совершать необходимые службы и требы. Так впервые в России было положено начало церквям при военных учебных заведениях.

Итак, десять заповедей, данных еще в Ветхом завете считались обязательными для выполнения каждым воином-христианином... Военные священники разъясняли своей пастве Заповеди Господни.

1. Я Господь Бог твой; чтобы не было у тебя других богов, кроме Меня.

Исповедуюсь, вдумайся хорошенько, чего требует и что запрещает эта заповедь, и если не всегда, как следует, веровал (припомни при этом весь Символ Веры православной) или же верил в разные приметы, гаданья, заговоры и колдовство, а также слишком своевольничал и человекоугодничал, — говори «грешен» против этой заповеди.

2. Не делай себе идола и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, что в водах под землею; не кланяйся и не служи им.

Говори: «грешен» — если поклонялся и служил иногда до забвения человеку или другой какой твари, земной или небесной, а также слишком объедался и своим или чужим добром очень корыстовался и похвально.

3. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно.

Говори: «грешен» — если от нужды и особенно в неправде божился или нарушал данную кому-нибудь клятву или присягу, а также — кощунствовал, то есть — издевался над священными лицами, священными словами, вещами и действиями, и богохульничал.

4. Помни день субботний, чтобы проводить его свято: шесть дней работай и совершай все дела твои, а день седьмой — день покоя у православных (воскресенье) да будет посвящен Господу Богу твоему.

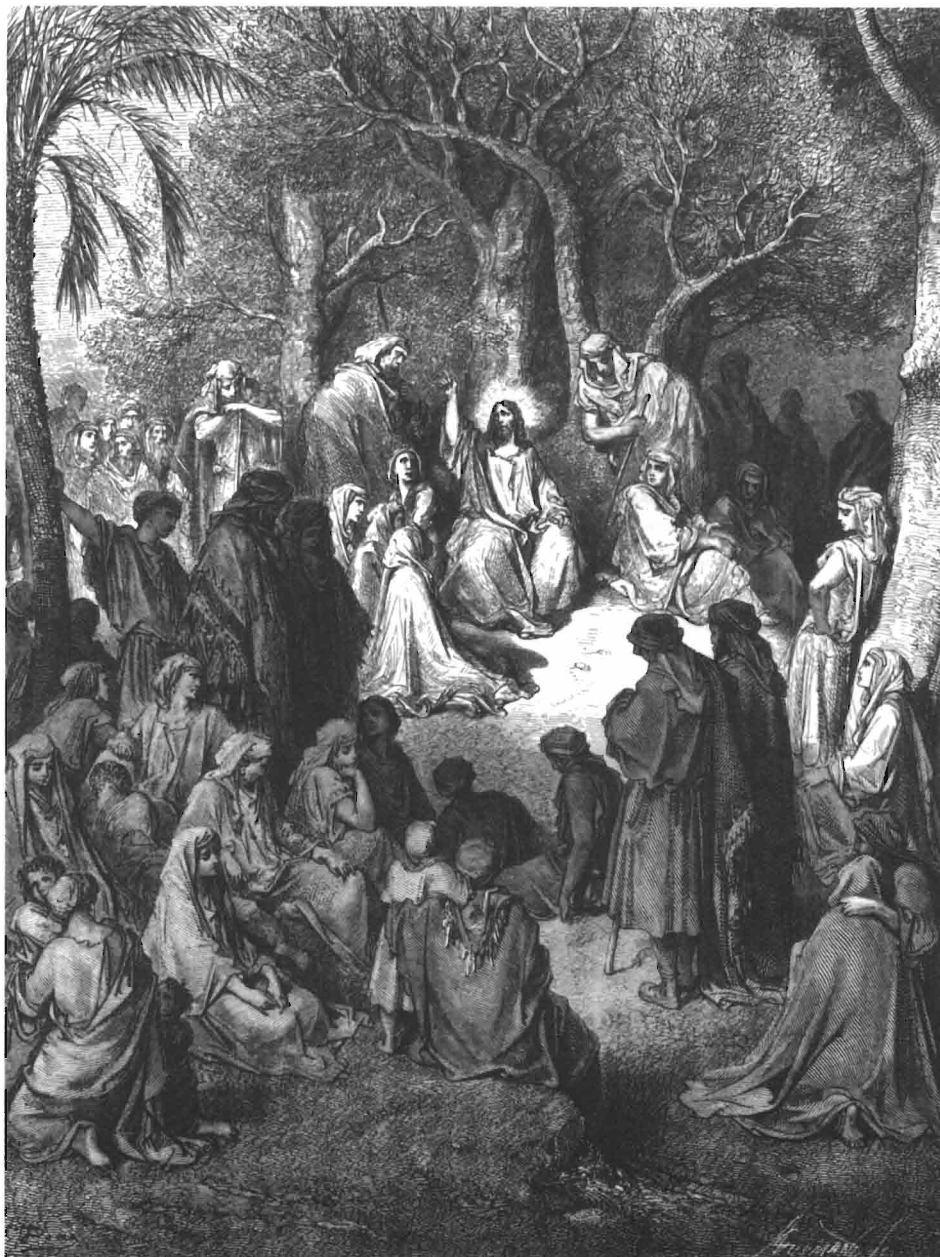
Ты «грешен» — если в праздники, посты и воскресные дни не ходил в церковь и дома ничего ради Бога и спасения души своей не делал, а в будни не трудился, но проводил время в праздности и рассеянии.

5. Почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе хорошо было и чтобы ты долго жил на земле.

Ты «грешен» — если когда-нибудь оскорблял твоих родителей словом или делом, не помогал им и не молился за них, а также был непочтителен к начальникам, к наставникам, к пастырям духовным, к старшим возрастом и разным благодетелям.

6. Не убий.

Говори: «грешен» — если не только сделался вольной или невольной причиной чьей-нибудь смерти, но даже ударил кого-нибудь, несправедливо огорчил или же не выручил в нужде и не защитил от обиды, также если не берег себя, и на собственную жизнь или здоровье покушался.

Нагорная проповедь.
Гравюра.
Г. Доре

7. Не прелюбодействуй.

Говори: «грешен» — если не только делом, но даже словом или мыслью хотя однажды нарушил долг целомудрия, а тем более чести, и открыто распутничал и сквернословил.

Русская армия и религия

8. Не укради.

«Грешен» — если тайно или явно присвоил себе что-нибудь чужое, а также обмерил кого, обвесил, найденное или порученное тебе на сохранение утаил, жалованье или плату от кого-либо напрасно получил, а заслуженного или заработанного у тебя другим не заплатил.

9. Не произноси на другого ложного свидетельства.

«Грешен» — если в глаза или за глаза говорил про другого неправду, а также обличал, укорял и осуждал другого, не будучи на то поставлен ни Богом, ни царем, ни обществом.

10. Не желай жены ближнего твоего, не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ни какого скота его, и вообще ничего, что принадлежит ближнему твоему.

Говори: «грешен» — если когда-нибудь с завистью и нечистым пожеланием только посмотрел на жену, на дом, на прислугу или на имущество ближнего твоего, а также — если недоброжелательно или своекорыстно только думал или отзывался о них.

Возникает вполне закономерный вопрос: а как Русская Православная Церковь относилась к обязанностям воина? Ведь Церковь, как и «Царство Божье», не ведает ни войн, ни воинов в том смысле, как эти понятия существуют в человеческом обществе. Поскольку «христолюбивое воинство» сражается не против одной «крови и плоти», но против врагов веры и «Церкви Христовой», то и воинов-христиан Церковь почитает своими членами, чем лучше и достойнее они выполняют свой долг. Сама Церковь, пока она на земле, есть именно «воинствующая церковь», и «оружие ея воинствования сильно Богом на разрушение твердынь». К Церкви обращались, когда нужно было привести новобранца к присяге, освятить знамена, оружие и доспехи, перед началом, по окончании военных действий и т. д.

Русская Православная Церковь утверждала, что, согласно учению слова Божия, между воином и Церковью нет границ, которые представляются с первого взгляда между ними — тесная связь. Воин должен строго и точно, по долгу совести и присяги, исполнять обязанности своего звания — и тогда он становится самым верным, самым благонадежным сыном Церкви святой. Если воин не отвращал своего слуха от материнских наставлений Церкви — он становился самым преданным и послушным слугой царя и отечества.

В свое время Иоанн Креститель на вопрос воинов: что им делать, чтобы наследовать «царство небесное» — не укорял и не обличал их, как недостойных этого царства, но прямо указал им на их прямые нравственные обязанности, как на лучшее средство обрести это царство. Известно, что сам Иисус Христос не только не отвергал просьбы боголюбивого сотника римского, но даже поставил его веру выше веры самых признанных «сынов Царствия». Исходя из этого, апостолы, а за ними и вся христианская Церковь, общим правилом для верующих постановили: «В каком звании кто призван, в том каждый и оставайся» перед Богом, то есть не переставая быть гражданином-воином, в то же время будь истинно добрым и доблестным христианином, и тогда при каждом звании не перестанешь быть более близким, чем иные ближай-

шие слуги Церкви, сыном Церкви и наследником вверенных ей обетований. В »Своде военных установлений«¹ говорилось уже конкретнее: «Дурной сын Церкви не может быть добрым сыном своего Отечества. А потому солдат всею душою, всем сердцем должен утвердиться в законе Божиим, в святой вере христианской и в словах Царского устава».

Необходимо более подробно рассмотреть вопрос о ведении войны в свете евангельского учения, как его понимала Русская Православная Церковь. Заповеди Божии в полной мере касаются не только отдельных личностей, но целого общества. Если в борьбе со злом христианин должен руководствоваться заповедью о любви к ближним, то совершенно очевидно, тем же чувством следовало руководствоваться и в борьбе против зла вооруженным силам народа. Поэтому нападение одного народа на другой с целью извлечения определенной выгоды является грубым нарушением заповеди Христовой любви к ближним и не может быть оправдано никакими соображениями, как невозможно оправдать нападение разбойника с целью поживиться за счет своей жертвы. Но должна ли жертва смиренно взирать на происходящее или оказывать сопротивление с оружием в руках?

Некоторые проповедники неправославных христианских конфессий утверждают, что всякая война связана с убийством и насилием, и поскольку убийство или всякое другое противление злу силой воспрещено, то именно поэтому воспрещена любая война, пусть даже и оборонительная, вызванная агрессией другого народа.

Такие проповедники упускают из виду, что народ, подвергшийся нападению, состоит не только из взрослых людей, способных встать в строй, но и из стариков, женщин и детей, которых нужно защищать. Можно допустить, что все способные носить оружие, желая по-своему исполнить заповеди Христа о любви к врагам и непротивлении злу, предадут себя, своих стариков, жен и детей и все свое имущество во власть врагу. Но, выполняя подобным образом заповедь о любви к врагам, они нарушают заповедь о любви к ближним своим, которых они должны любить и даже положить за них душу. Если они могут подставлять себя под штыки и пули, то как они могут распоряжаться жизнью тех, кто нуждается в их защите? И можно ли приносить в жертву беззащитных, чтобы отстоять свои убеждения? Поступая так, воины нарушают заповедь о любви к ближним своим, и берут на себя ответственность за зло, которое потерпят они от врагов. Из этого следует, что заповеди Христа воины не исполняют, а дают возможность восторжествовать злу, которое водворит на земле царство грубой силы.

Напрашивается вывод: в войне двух народов один совершает зло безусловное, а другой берется за оружие, только использовав все средства дипломатии и даже уступок, хотя и совершит зло, но оно относительно. Убивать врага даже и на войне грех, но предоставить возможность противнику убивать, грабить, насиловать — грех куда более тяжкий. Жесточайшая необходимость заставляя из двух зол выбирать меньшее.

По учению Православной Церкви, лица, призываемые на защиту Отечества, не могут отказываться от своих обязанностей, ссылаясь на то, что «вся-

Русская армия и религия

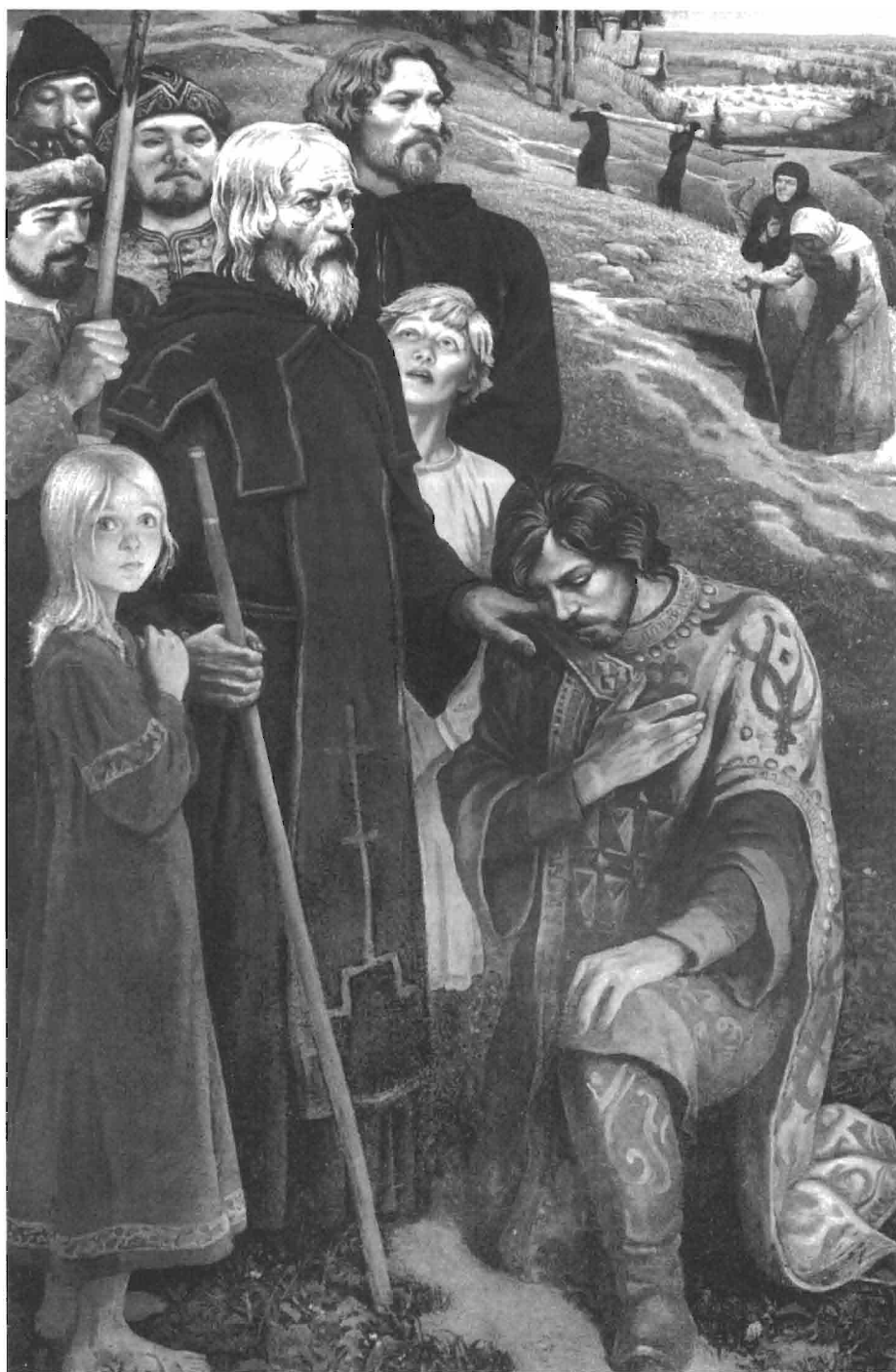
кое насилие — грех». За несправедливую войну ответственность несут перед Богом не воины, а те, кто имел реальную возможность ее предотвратить. Иисус Христос не осудил капернаумского сотника за принадлежность к римскому воинству и не повелел ему оставить службу после исцеления его слуги, так как Иисус Христос не считал убийцами тех, кто защищал ближних своих. Если бы люди всегда следовали заветам Христовым, не было бы истребительных войн, народных смятений, неустанного растления нравов. Люди расковали бы свои мечи на орала и копья на серпы. Народы еще далеки от духа Евангельского. Страсти истребляют иногда целые племена и ниспровергают целые царства. Если бы народоправители удерживали порывы страстей и не давали им разлиться, подобно бурлящей огненной лаве, страны жили бы в мире и тысячи жизней были бы спасены.

Для нравственного воспитания русского воинства в армии был введен институт священников армии и флота. Они обязаны были поддерживать в солдате религиозные чувства, подавать пример строгого выполнения церковных обрядов и неукоснительно наказывать нарушителей их, не забывая, что религия есть главный источник, из коего черпает русский солдат правила чистой нравственности, а с ним и здоровье, и все добродетели. В армии надлежало иметь при полках умных, кротких и человеколюбивых священников, которые должны были стать первыми наставниками в нравственности и утешителями солдат в их страданиях телесных и душевных; подкрепляемые торжественными таинствами и обрядами веры, они внушали им бодрость, упование на покровительство Божие пред сражением. Считалось, что ничто более не могло возвысить дух солдата, как это.

Нравственные правила, внедряемые среди русского воинства, довольно скоро дали свои плоды. В первую очередь это отразилось на офицерском корпусе. Прошло всего несколько лет после введения преподавания в военных училищах Слова Божьего, как офицеры начали проявлять себя подлинными рыцарями, которые не терпели какого-либо насилия или оскорбления своей чести. Яркий тому пример — блестящие успехи русского оружия в XVIII в., когда российских офицеров отличали от иностранных воинственность и стремление к героизму. Генерал-лейтенант Яков Петрович Кульнев, герой Отечественной войны 1812 г., писал своему брату: «Еже паду от меча неприятельского, то паду славно. Я почитаю счастьем пожертвовать последнюю каплей крови моей, защищая отечество». С этими мыслями Кульнева перекликаются слова другого прославленного героя войны Дениса Давыдова: «Обещание россиян того времени скреплялось одним словом: «Да будет мне стыдно!». Любовь к отечеству и преданность престолу сливались в них в одну струю и были одним и тем же чувством». Священное чувство долга стало истоком массового героизма воинов.

В конце первой половины XVIII в. иностранцы единодушно отмечали, что русские воины вели себя лучше иностранных солдат в Семилетней войне. Весьма заметно было смягчение нравов у рядовых. Например, Александр Васильевич Суворов требовал от солдат пощады к врагу, если тот бросал оружие: «Грех напрасно убивать! Они (т. е. враги) такие же люди». В войне 1812 г.

Благословле-
ние на битву.
Худ.
Ю. М. Рацка

Русская армия и религия

строжайшую дисциплину в отряде Денис Давыдов старался поддерживать всеми средствами, и это благорасположило к русским жителей Германии. Немцы нередко говорили: «Если казак не касается имущества, если он обходительнее и ласковее французского маршала, то что же должны быть начальники регулярных войск, вслед за ними идущих?» Потому и ждали их с радением, как избавителей. В генерале Кульневле пленные видели заступника и утешителя, а войска, которыми он командовал, не чинили ни оскорблений, ни разорений жителям.

Справедливости ради следует отметить, что рьяным сторонником борьбы с мародерством в армии был сам Александр I. Один из его любимцев, генерал-адъютант Иван Федорович Паскевич, получил высочайший выговор за то, что в Московско-гренадерском полку, которым он командовал, несколько нижних чинов были обвинены в грабежах. Командир полка полковник Куприянов был немедленно уволен в отставку.

На первых порах комплектования своей новой армии Петр I был вынужден воспользоваться случайным контингентом, который предоставила ему судьба: здесь были искатели приключений, разного рода проходимцы, откровенные любители пограбить, беглые крепостные и даже бывшие каторжники. Естественно, что между обществом и армией, укомплектованной из таких людей, образовалась целая пропасть. Но со временем, когда комплектование стало осуществляться в каждый полк из одних и тех же мест, проведение мер пропагандистского характера (что, для чего и как делает армия), и безусловно после успехов нравственного воспитания воинов, взятых по набору, к середине XVIII в. пропасть между воинством и народом полностью исчезла. Армия, хотя и представляла собой выделенное сословие, но была плоть от плоти народа и духом от духа его. Армию и народ связывали одно Отечество, один царь и одна вера — это делало сильным государство, чего не бывает там, где существовали войска по найму или вербовке.

«После боя»

Примечательна гибель в 1875 г. унтер-офицера 2-го Туркестанского батальона Фомы Данилова, который, попав в плен к кипчакам, отказался перейти на их сторону и принять магометанство. Военскую верность Отчизне и высочайшее самопожертвование показал матрос Удалов. В 1854 г. у берегов Камчатки англичане и французы взяли в плен несколько русских матросов. На следующий год на одном из неприятельских кораблей матрос Удалов был распяан у пушки, а другие русские на подаче ядер. Корабль подошел к Петропавловску и готовился открыть огонь. Удалов обратился к товарищам: «Ребята, грех на своих руку поднимать! — потом добавил — Я к пушке не пойду!» На угрозу повесить он взобрался на мачту, затем перебрался на ванты, перекрестился и бросился в воду, успев крикнуть: «Ребята, не поднимайте рук на своих, не делайте сраму на сем свете и греха на том! Прощайте!»

Военные священники воспитывали у воинов не только мужество, но и милосердие по отношению к врагу.

В 1880—1881 гг. во время Ахал-Текинской операции после окончания боя все старые счеты с побежденным противником считались сведенными. Он становился русским подданным, при этом его жизнь, вера (хотя и иная, чем православная), имущество охранялись законом. Более того, бывшему противнику оказывалось доверие. Такое трудно себе представить, но довольно часто можно было видеть подобную картину: на следующий день после боя русские солдаты без оружия разгуливали среди местного населения и, объясняясь на каком-то непонятном языке, покупали фрукты, чай, сласти. Быстро оценив добродушие своих бывших врагов, местные жители вступали в диалог с солдатами, горячо спорили с ними о цене, и, найдя наконец взаимоприемлемую, хлопали друг друга по рукам. Как они понимали друг друга — непонятно, но что понимали — это факт! Офицер мог смело приказать своему денщику приобрести на базаре любую вещь, и он справлялся с этим поручением без помощи переводчика, имея в запасе лишь несколько исковерканных слов вроде: якши, яман, иок, тамыр и излюбленное солдатское выражение «шалтай-болтай ни кирек».

Русские военачальники подавали пример оказания доверия к бывшему врагу. Например, генерал Михаил Григорьевич Черняев, сразу же после штурма Ташкента и изъявления покорности населения, поехал через город со стотысячным населением без конвоя, чтобы помыться в местной бане. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев после штурма Геок-Тепе, когда к нему прибыла большая группа туркмен, выразивших согласие быть с русскими, приказал им сопровождать себя до отряда, который ушел вперед. Зная психологию туркмен, можно быть уверенным, что доверие грозного Белого генерала было для них безусловно дорого и почетно — они положили бы все, как один свои головы, но не нарушили своей чести. Гуманное отношение русских помогало установлению доверия, воцарению покоя среди населения и возвращению его к мирным занятиям.

Значение Русского Православия в воспитании воинства весьма велико. Оно научило воинов не бояться смерти, верующий легче переносил тяготы военной службы и военной дисциплины. Вера помогала стойко переносить воен-

Русская армия и религия

ные неудачи, она же двигала людей на подвиги, жертвуя за други своя. Любопытная деталь: чем труднее приходилось русской армии в сражении, тем ярче и массовой был героизм солдат. Бесспорно, после жестокого боя на воинов успокаивающе действовала общая молитва. Даже пережившие горечь поражения, отступившие с поля боя, воины вставали в поредевшие ряды, чтобы пропеть вместе со всеми молитву, которая помогала быстро восстановить душевные и физические силы. В русской армии и флоте молились утром и вечером, перед едой и после. Особенно благоговейно осеняли себя крестом перед боем, укрепляя свой воинский дух молитвой.

Лагерь войска перед серьезным сражением всегда наполняла тишина. Солдаты, сосредоточенные и торжественные, напоминали людей, стоящих в храме во время литургии. По заведенной традиции перед боем воины надевали чистое белье, готовясь к возможной смерти (мера отнюдь не бесполезная и на случай ранения), оставляли друг другу распоряжения. Обычные для военного быта шутки-прибаутки, остроты, вызывающие смех, встречались с укором. Нетрудно представить себе воинов перед битвой: с напряженными лицами они ждут сигнала на штурм, губы шепчут молитвы; спокойствие воцарилось в их душах, воины отдали себя во власть Божию — подобная картина типична для прошлых веков. Невольно убеждаешься, какой могучей, одухотворяющей силой может стать религия. Невольно пожалеешь о том, что на протяжении последних десятилетий в обществе расшатывали веру у людей, по сути подкапывали корни дерева, на котором сами же и сидели.

С введением систематического воспитания воинов в духе христианского учения уже в конце XVIII в. в них проявились такие черты, как патриотизм, милость к поверженному противнику, готовность пойти на самопожертвование, отсутствие страха перед смертью — это прямое благодатное воздействие Церкви. Не случайно впервые появилось понятие гражданина — в условиях монархического государства в армии, так как там не было крепостных (под этим понятием имели в виду личность, которая знала законы своего Отечества, жила по ним и была готова защищать их с оружием в руках). Следует особо обратить внимание на офицерский корпус — грамотные офицеры не только создавали военную культуру, но и активно участвовали в формировании общественной культуры, тем более, что сами они заметно отличались духовностью. Во времена Екатерины II появились выдающиеся полководец Александр Васильевич Суворов и флотоводец Федор Федорович Ушаков, которых можно назвать примерными воинами-христианами.

Русское духовенство в XIII—XVIII вв. всегда отражало национальные интересы, и вместе с готовностью жертвовать жизнью за православную веру в народном сознании воспитывало необходимость жертвенности за Отечество. Пожалуй, блестящим иерархом времен Екатерины II был митрополит Московский Платон (Левшин), сын дьячка одного из подмосковных сел. Он сам пережил то, что несла в себе эпоха — в бытность преподавателем Троицкой семинарии чуть не был выпорот розгами публично по приказанию митрополита Амвросия, которому показался дерзким ответ Платона. От позора его спас ректор Московской академии. Во время визита императрицы в Троицкую

Лавру тогда еще монах Платон произнес приветственное слово. Ее поразило выступление монаха, бывшего оратором Божией милостью.

— Зачем ты пошел в монахи? — спросила она Платона.

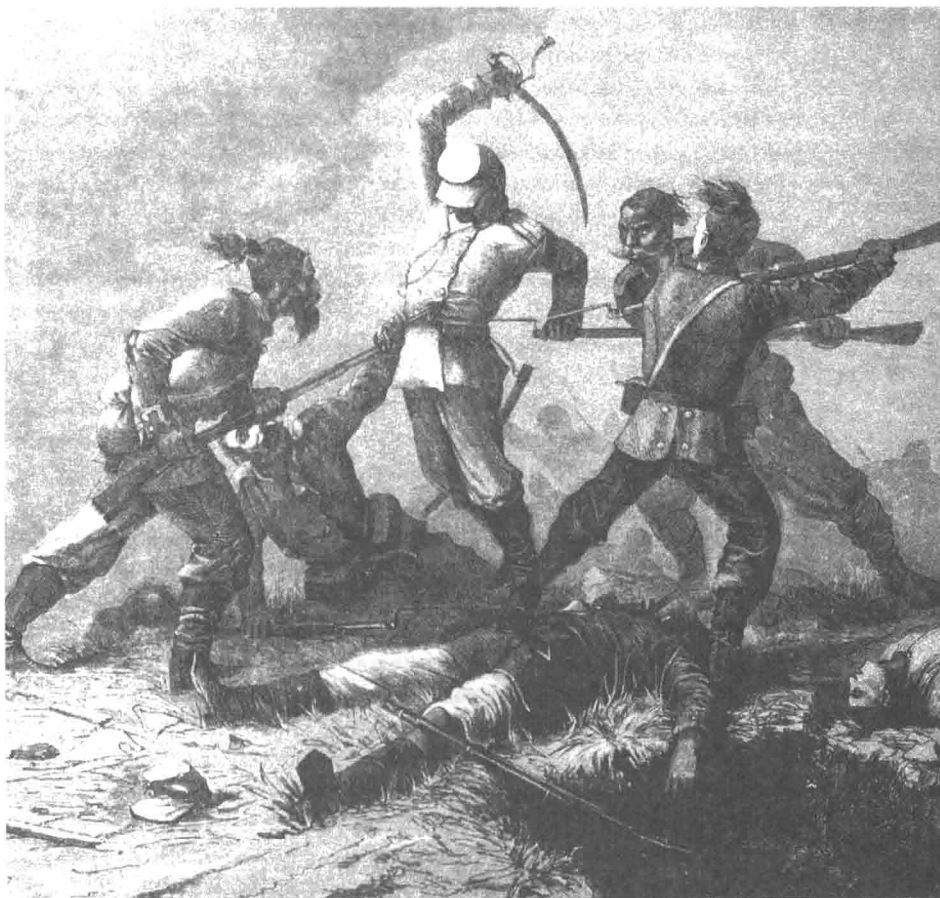
— По особой любви к просвещению! — прозвучал ответ.

Екатерина пригласила Платона ко двору быть законоучителем у ее сына.

За первые два года своего учительства монах изучил французский язык, и по желанию императрицы привлекался на приемы с иностранцами. Там Платон блистал своей ученостью. Он беседовал о латыни с польским королем Станиславом Понятовским, у короля Австрии Иосифа II Платон был гидом по Москве. Когда Екатерина спросила короля, что же тот нашел привлекательного в Москве? — тот не задумываясь ответил: «Платона».

В 1768 г. архимандрит Платон был посвящен во епископа и введен в состав Св. Синода. В екатерининскую эпоху у трона не было равного Платону оратора и мыслителя. На придворном торжественном молебне по поводу славной победы русских при Чесме, когда турецкий флот потерпел серьезное поражение (турки потеряли 15 кораблей, 6 фрегатов и около 50 мелких судов),

Геройская смерть
в бою под
Плевной майора
Гаргалова из
отряда
М. Д. Скобелева

Русская армия и религия

владыка Платон, служивший в Петропавловском соборе, вдруг сошел с солен, приблизился к гробнице Петра Великого и обратился к нему, как к живому, с патетическим обращением: «Но встань теперь, Великий Монарх, отечества нашего отец! Восстань и воззри на любезное изобретение твое! оно не истлело от времени и слава его не помрачилась. Восстань и насладись плодами трудов твоих. Флот, тобою устроенный, уже не на море Балтийском, не на море Черном, не на океане Северном. Но где? Он — на море Медитеранском (Средиземном. — А. Г.), в странах восточных, в Архипелаге, близ стен Константинопольских. В тех-то есть местах, куда и ты нередко обращал око свое и гордую намеревал смирить Порту. О, как бы твое, Великий Петр, сердце возрадовалось, если бы... Но слыши, мы тебе как живому вещаем, слыши: флот твой в Архипелаге, близ берегов Азийских, до конца истребил Оттоманский флот. Российские высокопарные орлы, торжествуя, именем твоим наполняют весь Восток и стремятся предстать пред стены Византийские!»

Императрице настолько понравилась речь епископа Платона, что она приказала перевести ее на европейские языки и распространить за рубежом. Вольтер, получив речь Платона, написал Екатерине II: «Сия речь, обращенная к основателю Петербурга и Ваших флотов, есть, по моему мнению, знаменитейший в свете памятник. Я думаю, что никогда и ни один оратор не имел столь счастливого предмета к основанию своего слова, не исключая и греческого Платона. Поелику вы в Петербурге уже имеете своего Платона, то уверен, что графы Орловы заменяют собой в Греции Мильтиадов и Фемистоклов». После знакомства епископа с другим именитым гостем императрицы, энциклопедистом Дидро, по всей России ходил такой анекдот, будто Дидро обратился к Платону: «Известно ли Вам, отче святой, что философ Дидро утверждает, что Бога нет?» Платон: «Это сказано еще раньше его». Дидро: «Когда же и кем?» Платон: «Давид еще сказал: Рече безумен в сердце своем — несть Бог». Дидро от восхищения бросился на шею Платону и обнял его.

29 июня 1787 г. Платон был возведен в сан митрополита. Он видел надвигающуюся опасность с Запада, когда французские идеи все больше овладевали обществом: «Иметь сие святое честолюбие, чтобы нам тщательно хранить святыню древность и святыне ее законы. Дабы иноплеменные перестали нам быть наставниками, а паче — от нас научились вере к Богу и благим делам».

В мягкой форме он высказывает в письме архиепископу Казанскому Амвросию (Подобедову) свое недовольство подчиненностью церкви светским властям: «Все кажется идет к худшему... Не удивлюсь о жалком положении духовенства, зная, что привлечены светские начала, отчего проистекает все зло, именно им вверена вся власть. Нас ставят ни во что и не только хотят подчинить себе, но и уже считают подчиненными... Боже благий! Сколь тяжкий гнев Твой мы привлекли на себя!»

При коронации Павел был в полной военной форме со шпагой. Когда он, уже миропомазанный, хотел в конце литургии войти через царские врата в алтарь для причащения, Платон весьма твердо остановил его:

— Здесь приносится бескровная жертва. Отыми, благочестивый Государь, меч от бедра твоего, — и Павел покорно повиновался.

Моральное воспитание воинов имело далеко идущие последствия. Христианство в известной степени учило воинов не быть бесчувственными и жестокими по отношению к врагам, а быть спокойными и смелыми в бою, неустрашимыми, считать целью войны «возможно большее нанесение вреда неприятелю, с возможно меньшею потерей собственных сил».

Несколько десятилетий прошло, пока христианские народы пришли к необходимости:

- не начинать войну без крайней необходимости;
- не нападать во время войны на безоружных (на мирных жителей, пленных, раненых, врачей, священников и сестер милосердия);
- не применять во время сражений средств и оружия, доставляющих излишние страдания (разрывных пуль, отравленных штыков и пр.);
- не грабить и не осквернять храмов Божьих;
- не мародерствовать и не оскорблять национальных обычаев народов.

Высокая нравственность русского воинства побудила Россию первой в мире выступить с инициативой по кодификации правил ведения войн, отношению к пленным. Так в России еще за долго до Гуго Гроция был неукоснительно признан принцип свободы открытого моря. И заслугой России следует считать провозглашение ставших потом общепризнанными принципов охраны права на морской нейтралитет (декларация 18 февраля 1780 г.) На Аахенском конгрессе 1818 г. Россия выдвинула план международной организации по борьбе с торговлей неграми. Также по инициативе нашей страны была принята Санкт-Петербургская международная декларация 1868 г. о гуманизации сухопутной войны.

Александр I первым выразил идею создания так называемого Священного союза. Она заключалась в том, чтобы объединить ведущие нации Европы в нечто единое целое на религиозно-нравственной основе под руководством лидеров этих стран. Объединенное руководство могло стать инстанцией, которая бы обеспечила мир и безопасность европейских государств. Правительства стран Западной Европы не в полной мере восприняли предложение русского императора; идея Священного союза получила свое развитие лишь в XX в. сначала в форме Лиги наций, а потом Организации Объединенных Наций (ООН).

Первая попытка кодифицировать правила сухопутной войны в целях смягчения ее жестокости также была сделана Россией. Ее инициативе обязан своим появлением институт международных следственных комиссий. Исключительно велика роль России в выработке всего кодекса средств разрешения споров, принятого в конце XIX в.

Россия дала миру ряд крупных специалистов в области международного права. Так, В. Ф. Малиновским в конце XVIII — начале XIX в. было выдвинуто несколько положений об охране мира и безопасности. В. А. Забывский в труде «Учение публицистов о межгосударственном владении» в 1862 г. сформулировал весьма прогрессивный для своего времени принцип международного права, который позволял рассматривать территорию как пространственный предел властвования государства. Л. А. Комаровский в работе

Русская армия и религия

«О международном суде» в 1881 г. многое сделал в области разработки принципов международного судопроизводства. Крупным событием в мировой истории международного права было появление курса международного права, написанного в 1882—1883 гг. Ф. Ф. Мартенсом, предложившим новую систему права. Многие для этой науки сделал В. Э. Грабарь, который исследовал русскую и зарубежную историю международного права и, в частности, доказал, что влияние на зарождение международного права оказали юристы, которые в идеале довели до цели богословские мысли и нравственность.

Первым выдающимся многосторонним международным актом, устанавливающим взаимные обязательства, была декларация о морском вооруженном нейтралитете, провозглашенная Россией 28 февраля 1780 г. Этот документ явился правовой основой деятельности лиги нейтральных государств, возникшей в период войны североамериканских колоний за независимость. Лига ставила своей задачей охрану прав морской торговли нейтральных стран во время войны.

Если до издания этой декларации морские державы признавали возможным захват неприятельской собственности на нейтральном корабле, то отныне нейтральные корабли свободно могли продолжать торговлю с воюющими державами, при этом неприятельская собственность под нейтральным флагом пропускаться беспрепятственно, а предметами военной контрабанды признавались только оружие, амуниция и другие предметы, непосредственно служащие военным целям. Впоследствии эта декларация, дополненная русско-прусским соглашением от 18 декабря 1800 г., нашла свое дальнейшее продолжение в соглашении о морской войне, подписанном в Париже 16 апреля 1856 г. Принципы, провозглашенные Россией в декларации, были признаны почти всеми крупными морскими державами.

Инициатива в постановке вопроса о кодификации правил ведения сухопутной войны также принадлежит России. Еще во время Крымской войны талантливый русский хирург Николай Иванович Пирогов высказался за необходимость установления международных норм по отношению к раненым, находящимся в действующих армиях. Более того, в своем «Курсе военной хирургии», опубликованном в 1862 г., автор предложил создать специальную международную организацию для оказания помощи раненым и больным во время войны. Она была создана в 1863 г. под названием Красный Крест, а провозглашенные хирургом принципы нашли свое отражение в международной конвенции об облегчении участи больных и раненых воинов, которая была заключена в Женеве 22 августа 1864 г. Так что приоритет русских в этом деле не подлежит сомнению.

Женевская конвенция установила, что походные лазареты и военные госпитали будут нейтральными и на этом основании будут считаться неприкосновенными и пользоваться покровительством воюющих сторон в течение всего времени, пока в них будут находиться больные и раненые. Правом неприкосновенности пользуется и весь личный состав госпиталей и походных лазаретов, включая интендантскую, врачебную, административную и перевозочные час-

Сестра
милосердия.
Худ.
Н. Ярошенко.

ти. Местным жителям, подающим помощь раненым, гарантируется полная свобода и неприкосновенность. Для госпиталей и походных лазаретов устанавливается особый для всех одинаковый флаг, а для личного состава — особые нарукавные знаки с изображением красного креста.

К Женевской конвенции 1864 г., подписанной в начале лишь 12 государствами, впоследствии присоединилось большинство государств мира. Характерно, что после ее заключения инициатива постановки всех вопросов, направленных к ограничению бедствий войны, исходила, как правило, от России, и вся работа по кодификации правил войны происходила при активном участии русских представителей международного права.

Русская армия и религия

17 июня 1868 г. правительство России разослало правительствам стран, с которыми поддерживало дипломатические отношения, проект протокола о запрещении употребления разрывных пуль, поскольку они причиняют излишние страдания и являются «чисто варварским средством, не оправдываемым никакими боевыми требованиями». Одновременно Россия предлагала для обсуждения проекта протокола созвать в Петербурге конференцию. Предложение встретило одобрение со стороны большинства государств, за исключением Соединенных Штатов Америки, отказавшихся принять участие в этой конференции, и Англии, которая, по выражению Ф. Мартенса, «скептически относилась к самой мысли о возможности ограничить бедствия войны и явно опасалась уменьшения своих боевых средств». Но, несмотря на препятствия со стороны правящих кругов США и Англии, конференция была созвана, и 29 ноября 1868 г. в Петербурге была подписана декларация о запрещении употребления разрывных и зажигательных пуль.

К следующему шагу в вопросах кодификации правил ведения войны Россию подтолкнула франко-прусская война 1870—1871 гг., которую пруссаки вели самыми варварскими методами, не считаясь ни с какими правилами и обычаями войны. В 1874 г. Россия выступила с предложением о созыве международной конференции именно по вопросу кодификации законов и обычаев войны.

И снова, как в 1868 г., открыто враждебную позицию к русскому предложению заняли США, наотрез отказавшиеся принять участие в работе конференции, и Англия, которая заявила о своем решении «не вступать ни в какие рассуждения о правилах международного права, управляющих отношениями между воюющими, не заключать никаких новых обязательств, никаких новых договоров какого бы то ни было рода насчет общих принципов».

Созванная по инициативе России конференция в Брюсселе работала с 15 июля по 27 августа 1874 г. В русском проекте международной конвенции о законах и обычаях войны предусматривалась подробная регламентация прав воюющих сторон в отношении частных лиц, а также предлагалось установить порядок сношений между воюющими сторонами и обозначить порядок репрессалий. Хотя разногласия между участниками конференции и не позволили принять указанный проект конвенции, усилия России не пропали даром. Американцам и англичанам не удалось провалить русские предложения о выработке конвенции о законах и обычаях войны. Однако в окончательном протоколе конференции отмечалось, что участники ее не признают «крайнюю необходимость точнее определить и пересмотреть установившиеся обычаи и законы войны».

После Брюссельской конференции российское правительство неоднократно пыталось довести до конца работу конференции о законах и обычаях войны, но эти попытки были обречены на неудачу. Лишь в 1899 г. в Гааге по предложению России собралась так называемая Первая конференция мира. Главной ее целью был вопрос об ограничении вооружений и попытка выяснить, нельзя ли, не нарушая суверенитета и свободы государств, уменьшить финансовые затраты и постепенно установить такое количество вооруженных сил, которое было бы необходимо для поддержания политического равновесия

Деятельность
Красного
Креста в
русско-
турецкую
войну

и зависевшее не от абсолютной величины военных бюджетов, а от их сравнительной величины. И хотя сама возможность соревнования в военной области казалась утопической, тем не менее факт постановки такой задачи перед другими странами представлялся необходимым. Поэтому нота, врученная правительствам других стран графом Михаилом Николаевичем Муравьевым по повелению Николая II 12 августа 1898 г. с предложением собраться на конференцию для обсуждения идеи общего мира, была встречена с недоумением, в особенности англичанами. Тогда граф Муравьев разослал второй циркуляр, в котором уже конкретно были указаны задачи этой конференции:

Русская армия и религия

1. Соглашение о приостановке дальнейшего роста численности армии и военно-морских бюджетов и рассмотрение способов к сокращению военных бюджетов в будущем;
2. соглашение об отказе употреблять в армии и на флоте новые усовершенствования в области взрывчатых веществ и огнестрельного оружия вообще;
3. ограничение применения на войне взрывчатых веществ, уже принятых, и запрещение бросать взрывчатые вещества с шаров и воздушных аппаратов;
4. отказ в морской войне от употребления подводных и минных судов и от таранов;
5. применение к морской войне Женевской конвенции 1864 г. с дополнениями 1868 г.;
6. признание нейтральными судов, занятых во время и после морских сражений перевозкой и спасением раненых и утопающих;
7. пересмотр и утверждение постановлений Брюссельской конференции 1874 г. о правилах и обычаях войны;
8. признание в принципе добрых услуг посредничества и добровольного третейского суда для «подходящих случаев» и выработка единообразного способа их применения.

7 апреля 1899 г. правительство Нидерландов предложило провести такую конференцию в Гааге и направить туда чрезвычайные посольства. 6 мая того же года конференция приступила к работе под председательством первого русского уполномоченного барона Стааля, бывшего послом в Лондоне. Все европейские страны были представлены двумя-тремя главными делегатами из числа известнейших дипломатов, при которых были специалисты по юриспруденции, военному и морскому делу. Из неевропейских государств в Гааге присутствовали США, Персия, Япония, Китай, Сиам (ныне Таиланд) и Мексика. Все государства считались равными, хотя Германия не хотела признавать за малыми странами права обсуждать вопросы мира. Для решения проблем 23 мая были созданы специальные комиссии, а 20 июня конференция уже заслушивала резолюцию 2-й комиссии о распространении Женевских правил на войну на море. 5 июля был принят проект резолюции о законах и обычаях морской войны, при этом решение вопроса о неприкосновенности частной собственности на море по предложению США было отложено до следующей конференции. В конце июля на заседаниях выработывалась окончательная редакция конвенции и заключительного акта.

В целом работа конференции показала, что мнения присутствующих разделились. Одни сочувственно отнеслись к идеям общего соглашения и хотели заложить твердую основу для дальнейших переговоров. К ним относились в подавляющем большинстве специалисты по международному праву во главе с русским делегатом профессором Федором Федоровичем Мартенсом, делегаты США, Франции и только отчасти Англии, Италии. Другие не только не сочувствовали этим идеям, но и прямо издевались над ними. К этому течению принадлежали: 1) все военные и морские представители, а из юристов — представители Германии и Японии; 2) дипломаты — делегаты Германии,

Японии, Турции, Австро-Венгрии и Румынии. Представители других государств действовали в зависимости от отношений, складывающихся между государствами.

Естественно, что между двумя течениями возникли трения, при этом Германия совершенно определенно дала понять, что пойдет на срыв конференции, если будут конкретизировать вопросы об ограничении вооружений.

Первая конвенция о мирном разрешении международных разногласий, в которой определялись формы посредничества и добрых услуг, устанавливала постоянный состав третейского суда в Гааге, подробно регламентировала его процедуры и вводила институт международной следственной комиссии для выяснения факта, грозящего конфликтом.

Русская инициатива собрала в Гааге конференцию из представителей цивилизованных держав для обсуждения проблемы ограничения вооружений и как лакмусовая бумажка выявила настроения и мнения о возможном даже разоружении. В конечном же итоге оказалось, что рано еще думать о полном торжестве идей человеколюбия среди народов, и торжество правды на земле не настолько близко, чтобы считать ненужными вооруженные силы государств. В русской армии специалисты считали: «Пока заветы Христа не будут воплощены в жизни в полном их объеме, до тех пор придется культивировать военное дело, но руководясь теми же заветами для смягчения ужасов войны».

Вторая конвенция — о законах и обычаях войны на суше — обязывала державы ввести в действие в своих армиях приложенную к конвенции инструкцию, согласно которой устанавливалось право населения защищать свою территорию, определялись права и обязанности военнопленных, ограничивалось право бомбардировок и осад, определялись понятия шпиона, парламентарера, капитуляции, перемирия, оккупации и изменений ее права и нормировались отношения к больным и раненым. К инструкции были приложены три декларации:

- а) о запрещении применения взрывчатых веществ с летательных аппаратов в случае, если эти декларации подписали обе воюющие стороны;
- б) об отказе от использования расплющивающихся и разрывных пуль;
- в) об отказе от использования в войне снарядов с удушающими газами.

Третья конференция — о применении Женевской конференции 1864 г. к морской войне — установила особый разряд казенных и частных судов-госпиталей для больных и приютов для подобранных с воды утопающих. Суда и приюты не подлежали захвату, не ограничивалось их пребывание в нейтральных портах, оговаривались права их пассажиров и права военнопленных.

Все эти конвенции были рассмотрены правительствами и ратифицированы главами правительств, с некоторыми оговорками со стороны Англии, Германии, США и Турции. Конференция также вынесла резолюцию о том, что «уменьшение финансовых тягот вооружений чрезвычайно желательно для материального и морального преуспеяния человечества».

Истинные цели конференции не были достигнуты, так как большинство из собравшихся 24 государств действовали не с желанием установить мир, а исходили из политических соображений. Но, тем не менее, следует признать

Русская армия и религия

важность созыва Гаагской конференции перед человечеством. По сути дела, это был международный форум, на котором все впервые почувствовали пульс международной правовой жизни. Наряду с некоторой утопичностью были достигнуты и определенные реалии.

В частности, знаменитый Гульский инцидент во время русско-японской войны, едва не ставший причиной войны между Россией и Англией, явился подтверждением целесообразности существования международных следственных комиссий, установленных Гаагской конференцией.

Мирная конференция положила начало проведению других международных конференций, направленных на дальнейшее совершенствование законов и обычаев войны. И в этом прямая заслуга России!

Мы видим, что со времени заметного влияния Церкви на народ, большая часть войн наших велась за отстаивание православия или целостности нашего государства, как православного, или в целях освобождения православных народов от гнета инославных исповеданий, а в некоторых случаях государственно-исторические цели совпадали с религиозными идеалами.

Вооруженные силы России в первой половине прошлого века, да и позже, помогали христианам за рубежом, жестоко страдавшим от фанатизма мусульман. По свидетельству публициста Константина Леонтьева, в Салониках в 30-х годах XIX в. паша в угоду мусульманам имел обыкновение каждую пятницу вешать публично по нескольку христиан. Весьма возможно, их брали на улицах и в домах не без причины, они были заключены в тюрьму и судимы за провинности, но ни в коем случае не заслуживающие смертной казни. В Салониках в то время был консулом грек, русский подданный, Мустоксиди. Узнав об этих ужасах, Мустоксиди заявил паше: «Удивляюсь я, как теперь, когда у императора нашего мир и дружба с султаном, вы решается вешать каждую пятницу единоверцев наших, как собак! Я буду вынужден написать об этом посланнику». Этим простым слов консула было достаточно. Жестокий обычай немедленно был оставлен и никогда не возобновлялся более.

Или еще пример. Когда во время сирийских волнений 1841 г. инсургенты подступили к христианскому городу Захле (в Ливане), христиане обратились с просьбой о помощи к русскому консулу К. М. Базили, который находился в то время в Дамаске для переговоров с пашой о защите христиан. Базили был человеком энергичным, с небольшой конной стражей он появился в лагере восставших, готовых напасть на Захле и предать в нем все мечу и огню. Их вождь Шибли-Ариан тотчас же заключил с жителями Захле перемирие и отступил. По настоянию Базили паша немедленно назначил особый отряд для защиты города.

Консулы наши имели огромное влияние и с успехом защищали христиан: все это делалось во имя единоверчества, человеколюбия и российской силы.

В западных странах для укрепления воинского духа полководцы часто использовали далеко не христианские средства, в частности честолюбие, материальные стимулы, гордыню и т. д. Например, Наполеон, хорошо знающий духовный склад своего народа и армии, часто использовал в своих приказах

такую черту французов, как славолюбие, и не скупился использовать выражения, как «отомстить за обиды» или «час мщения пробил». Знакомясь с теоретическим наследием Наполеона, можно в нем найти формулу, определяющую качества хорошего воинства: «Первое качество солдата — способность переносить труды и лишения. Второе — храбрость. Хороший генерал, хорошие кадры, хорошая организация, надлежащее обучение и строгая дисциплина — вот принадлежности хороших войск; а тогда все равно, за что они сражаются. Впрочем, религиозный фанатизм, любовь к отечеству и народная слава могут с пользой одушевить новонабранные войска».

Формула Наполеона является определяющей мировоззрение западного человека. В его приказах и воззваниях почти нет упоминаний о религии, для достижения цели он использовал идеалы и идеи чисто «земного» характера, и поскольку он достигал немалых успехов, то это свидетельствует о самой личности полководца, имевшего известное обаяние среди подчиненных. Эти же рычаги в руках простых начальников чаще давали отрицательные результаты.

По сравнению с солдатами западных армий русские войска, в которых было глубоко почитаемо учение Христа и его заветы, стоят на особом месте. Не неся в душе своей чувства мести врагу, желания угнетать и эксплуатировать другие народы, русский солдат часто и бессознательно действовал именно на почве христианских идеалов.

Самобытность России, в основе которой лежала глубокая вера, признавалась западными учеными и философами и считалась реальной силой. Одна беда, этого фактора не признает большинство отечественных «доморощенных» философов, для которых свет почему-то идет только с Запада.

Можно предположить, что гуманное отношение русского солдата есть итог прирожденного славянского добродушия. Видимо, в этом есть часть истины. Но если наш народ подвергся бы воздействию другой религии, то похоже, что результаты могли бы быть и другими. История представляет множество примеров, когда различные группы славянского племени, не исповедующие православия, уже в известной степени отличаются от нас: в этом плане показательно влияние римского католицизма.

В отличие от русских воинов, западные и их начальники считались более «просвещенными». Но что дало это просвещение в деле воспитания войск? Если взять солдата Запада, то его отношение к противнику, тем более если он принадлежит не к европейским государствам, нельзя не только назвать гуманными, но они подчас просто бесчеловечны. Показательны действия французских и английских войск в Африке. Главнокомандующий английскими войсками в Судане Китченер отдал приказ не брать раненых дервишей в плен, а добывать в поле (это проявление зверства ведь не у солдат, а у самого главнокомандующего, относящегося к высшим слоям общества...).

Трудно понять, как западное просвещение у христианских народов мирно уживалось с убийством коренных обитателей Африки или с употреблением английскими войсками разрывных пуль «дум-дум», или даже пуль с дутыми головками, действие которых несравненно сильнее первых. А чего стоит вой-

Русская армия и религия

на Англии с Китаем за право отравлять последних опиумом, или химическая война англичан против буров, вызвавшая единодушное осуждение Англии всей Европой и Северной Америкой. Отказ англичан от применения разрывных пуль (Постановление Петербургской конференции 1868 г.) был вынужденным из-за нежелания иметь против себя всю Европу. Но употребление этих же пуль против государств неевропейского материка Англия считала делом обычным.

Обращаясь к опыту развития отечественной армии, можно заметить, что в старое время суровость наказания объяснялась двумя причинами: во-первых, способом комплектования войск, при котором нередко в армию попадали порочные члены общества; во-вторых, порядки и обычаи русской старой армии были простым подражанием Западу. С введением всеобщей воинской повинности и смягчения наказаний, дисциплина в русской армии не упала, как это предсказывали некоторые специалисты, напротив, высоко поднялось человеческое достоинство у солдат.

Кто-то может сказать, что поддерживать дисциплину в западных армиях труднее из-за большей самостоятельности личности. Такое предположение вряд ли верно. У русского человека этой самостоятельности отнюдь не меньше, порой она даже переходила в знаменитую «русскую вольницу». Запорожская Сечь и другие не дают основания считать русский народ покорным и рабски бессознательным. Завоевание почти всей Сибири было сделано теми, кто считался выходцами из темного русского люда, которые просто не могли научиться самостоятельности у западных народов. Совершенно очевидно, что покорность русских — сознательная, во имя идеала, выросшего на почве православия. Только этим и можно объяснить легкость, с какой в России поддерживалась дисциплина в армии, подчиняясь которой, воин должен был подавлять в себе чувство самосохранения, многие личные желания и прочее ради общих, более высоких идей.

Идеалом Николая I была армия, именно по ее образцу он и пытался управлять своим государством. «Государственность должна быть военной» — этот принцип неуклонно исполнялся на протяжении всего его царствования. И тем не менее, пытаясь властвовать по-военному, он не уделял должного внимания самой армии.

Какова же была николаевская армия? Писатель Николай Чулков в своей книге «Императоры» писал: «Из отчета, например, в действующей армии за 1835 г. видно, что из двухсот тысяч человек умерло одиннадцать тысяч, т. е. каждый двадцатый... При Суворове из пятисот человек здоровых бывал один больной, теперь же на пятьсот человек больных один здоровый. Методы обучения гибельны для жизни человеческой».

Мемуаристы николаевской эпохи писали, что для учения пускали в ход кулаки, ножи, барабанные палки и т. д. Было солдат прежде всего их ближайшее начальство: унтер-офицеры и фельдфебели, били также и офицеры. Большинство офицеров также бывали биты дома и в школе, а потому били солдат из принципа и по убеждению, что нельзя иначе и что того требует порядок вещей

Император
Николай I

и дисциплины. Надо полагать, что подобных убеждений придерживался и сам император, помнивший шомпол своего воспитателя Ламэдорфа. Мол, если лупили меня, будущего хозяина земли Русской, то эта метода сойдет для воспитания и обучения простых смертных.

Обычным в армии Николая Павловича было явление, когда «приговоренных клали на «кобылу» по очереди, так что в то время, как одного наказывали, все остальные стояли тут же и ждали своей очереди наказания кнутом.

Не менее страшным средством наказания, чем кнут, были шпицрутены. Человека прогоняли сквозь строй в тысячу человек три-четыре раза — после этого, как правило, его ждала смерть. Об отношении государя к позорному виду наказания очень ярко говорит его ответ на рапорт графа Палена, который просил назначить смертную казнь для нарушителей карантинного правила. Своей рукой Николай I

начертил на документе: «Виновных прогнать сквозь тысячу человек двенадцать раз. Слава Богу, смертной казни у нас не бывало и не мне ее вводить».

Разница в силе воздействия религии на солдата и офицера во времена Петра Великого была незначительна, как не было разницы и в искренности веры. Но со временем, по мере роста культуры как в обществе, так и среди офицеров, по примеру Запада появилось критическое отношение к своим порядкам жизни, обычаям, в том числе и к вере. В российской армии это стало заметно с 80-х годов XIX в. Некоторые люди уже представляли, какие последствия может принести России революция. В докладной записке «Россия и революция» известный поэт и дипломат Федор Иванович Тютчев недвусмысленно писал: «Уже с давних пор в Европе две действительные силы, две истинные державы: Россия и революция. Они теперь сошлись лицом к лицу, а завтра может быть схватятся. Между тою и другою не может быть ни договоров, ни сделок; что для одного жизнь — для другого смерть. От исхода борьбы, завязавшейся между ними, зависит на многие веки политическая и религиозная будущность человечества».

Сопоставляя Россию и революцию, Тютчев указывал на антихристианский характер последней, хотя она и облакалась по временам в приличные формы и пользовалась красивыми лозунгами: «Человеческое я, хотящее зависеть только от себя самого, не признающее, не принимающее никакого другого закона, кроме собственного изволения, человеческое я, одним словом, поставля-

Русская армия и религия

ющее себя вместо Бога, — явление, конечно, не новое меж людьми, но что было ново — это самовластие человеческого я, возведенное на степень политического и социального права, и его притязание, и силу такого права, овладеть человеческим обществом. Эта-то новизна и назвалась в 1789 г. Французской Революцией».

«Пропитанная антихристианством, — развивает дальше свою мысль Тютчев, — революция приписывает себе призвание выполнить евангельский закон, но в сущности это выполнение сводится к тому, что на место духа смирения и самоотречения, — в чем самая сущность христианства, — она водворяет дух гордости и преобладания; на место любви свободной и добровольной, — любовь вынужденную; взамен братства, проповедываемого и воспринимаемого во имя Бога, — братство, насильственно налагаемое страхом к «народу-владыке».

Исследуя жизнь западных народов, Федор Тютчев сделал правильный прогноз о возрастающем могуществе Германии, открывшей в лице Бисмарка войну против католической Римской церкви, что в конечном итоге привело Германию к превращению в языческое государство.

Тютчев рассмотрел три периода в жизни Европы, которые определяли направление развития общественного духа.

1. Римский папа — с его светской властью и догмами о непогрешимости, — единственное пока убежище и оплот христианского элемента на Западе, осужденного, «для спасения души», кривить душою и лукавить умом.

2. Пришествие языческого государственного начала в силе и власти. Нетрудно заметить, что подобная идеология даст со временем свои плоды — Германия устремится к мировому господству.

Опасность для Европы идеалов Бисмарка Тютчев запечатлел в одном из своих стихотворений, в котором призывал славян к объединению:

Единство — возгласил оракул наших дней —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...
А мы попробуем спаять его любовью...
А там увидим, что прочней...

3. Парижская коммуна — неминуемый жребий и неизбежный предел антихристианского революционного принципа и отрицательной деятельности логического разума.

Сущность «Революции» при всех пройденных ею фазах, по мнению Федора Тютчева, ничего отрадного не принесет человечеству, и всевозможные изменения в жизни Западной Европы, во многом противоречившие безмерно растущему эгоизму и алчности народов, не дадут разумных оснований ожидать желаемого поворота к лучшему на почве тех же идеалов.

Интересна точка зрения Константина Николаевича Леонтьева на материализм и реализм, возведенные в закон в пролетарском государстве на протяжении многих лет: «Реализм очень прост, ибо он даже и не система, а только метод, способ: он есть смерть предыдущих систем. Материализм же есть, бесспорно, система, но конечно, самая простая, ибо ничего не может быть проще и грубее, малосложнее, как сказать, что все — вещество и что нет ни Бога, ни

духа, ни бессмертия души, ибо мы этого не видим и не трогаем руками. В наше время это вторичное упрощение философии доступно не только образованным юношам, стоящим еще, по летам своим, на степени первобытной простоты, на степени незрелых яблок, или семинаристам циклопической постройки, но даже парижским работникам, трактирным лакеям и т. п. Материализм всегда сопровождает реализм, хотя реализм сам по себе еще и не дает права ни на атеизм, ни на материализм. Реализм отвергает всякую систему, всякую метафизику: реализм есть отчаяние, самооскопление, вот почему он упрощение! На материалистические же выводы он прав все-таки не дает.

Материализм, со своей стороны, есть последняя из систем предыдущей эпохи: он царствует до тех пор, пока тот же реализм не сумеет и ему твердо сказать свое скептическое слово. За скептицизмом и реализмом обыкновенно следует возрождение: одни люди переходят к новым идеальным системам, у других является пламенный поворот к религии. Так было в древности: так было в начале нашего века, после реализма и материализма XVIII столетия. И метафизика и религия остаются реальными силами, действительными, неокрушительными потребностями человечества».

Надо заметить, что прогнозы и тревоги, высказанные Ф. Тютчевым и К. Леонтьевым относительно России подтвердились всем ходом ее исторического развития.

Русское воинство в основе своей комплектовалось из православных христиан, которые с детских лет воспитывались на Законе Божьем. Отечественная история изобилует примерами замечательного незлобиво-го отношения русского солдата к врагу, даже иноверцам, против которых он поднимал оружие с отчаянной решимостью погибнуть, если на то будет Господня воля, и с которыми он делил последний сухарь, если бой приостанавливался или враг попал к нему в плен. По всей вероятности, здесь мы имеем дело, с одной стороны, с полной покорностью Воле Божией — это в вопросах личной жизни, а с другой — с проявлением характерных черт, свойственных именно воину-христианину, который сдерживает в себе отрицательные проявления человеческой личности, которые особенно ярко заметны в незнакомой с христианским учением душе, в виде мести, поругания чужих святынь, мародерства и пр.

Именно так выглядит русский воин при изучении действий его в таких условиях, когда дух его ничем не омрачен и не парализован различными факторами. В противном случае, к примеру, когда проявляется «психология толпы» — это не является критерием для оценки характера русского воина.

Нередко возникает вопрос: что было бы, если б на Руси было введено другое вероисповедание, тем более, что такие попытки предпринимались. Поскольку религия формирует дух нации, то рассмотрим влияние различных религий на развитие государств. Так римско-католическая церковь ввела в учение Христа элементы, носящие слишком «земной» характер, ложившийся тяжелым гнетом на народную совесть. Политические цели и действия воинствующего римского католицизма известны каждому, кто сколько-нибудь интересовался его историей и знаком с приемами и действиями римского духовенства для достижения мировых целей.

Русская армия и религия

В брошюре «Влияние веры на военное дело в нашей и иностранных армиях» П. П. Яковлев писал в 1900 г.: «В католичестве... действительной чистоты идеалов найти нельзя было. Как мы знаем, в свое время появился протест, в виде отделения от римского католицизма... и внесший желаемую чистоту и силу в идеалы. Ведь это был протест против учения, ударившегося в крайность, а мы знаем, что протест против крайности не может претендовать на безошибочность и почти всегда ударяется в противоположную крайность, особенно... если дело касается не чисто логических рассуждений, а внутренних чувств человека. Так случилось и с протестанством во всевозможных его видах. Полное порабощение человека католической церковью, даже в вопросах, не касающихся истин, даваемым Евангелием, а относительно видимых несообразностей, явившихся последствием ложных целей католического духовенства».

А. И. Герцен, в конце концов отказавшийся от своих западнических идей, но хорошо изучивший духовные начала Запада и России, писал: «Я считаю за великое счастье для русского народа, столь впечатлительного и кроткого по характеру, что он не был испорчен католицизмом. Вместе с католицизмом его миновало и другое зло. Католицизм, подобно некоторым злокачественным болезням, может быть излечен лишь ядами: он ведет за собою протестантизм, который освобождает умы, с одной стороны, с тем, чтобы, с другой, снова их поработить. Наконец, так как Россия не входила в великое западное церковное единство, то она и теперь не принуждена делить судьбы Европы».

Жизнь Западной Европы, поставленная католичеством и папством в ложные рамки, дает примеры и указанного блуждания мысли в поисках идеалов. Сначала ослабление, а затем и устранение из жизни религиозных идеалов (пример тому первая французская революция).

Изгнание из школ изображений распятого Христа, замена религиозного воспитания политическим, на основах республиканского катехизиса, явилось по сути дела новой, но уже другой формой протеста против заблуждений римского католичества и слишком непомерного интереса к вопросам земной жизни и власти.

Наиболее авторитетные русские теоретики военной науки полагали, что религия должна быть обязательной составной частью нравственного воспитания войск. Генерал Михаил Иванович Драгомиров, продолжатель суворовской школы, видел в русском православии неотъемлемую составляющую воинского воспитания. Заслуживает внимание его высказывание: «Только религия порождает состояние души, дающее счастье. Такое состояние весьма мало зависит от видимой обстановки и весьма много от внутреннего настроения. Мученики на костре — яркое тому доказательство».

Развитие цивилизации, создав современному европейскому человеку массу потребностей и не дав средства их удовлетворения, породило общее недовольство в душах. Это развитие, конечно, мать прогресса, но вместе с тем социализма и анархии, этого грозного выражения отчаяния толпы, не поддерживаемой никакими требованиями.

Чего общество должно искать прежде всего — это настроения души, делающего человека счастливым; иначе оно долго не просуществует. Одна из великих ошибок нашего времени — думать, будто душа может найти счастье только во внешних предметах. Оно в нас самих, создается нами самими и почти никогда вне нас».

Перед каждым человеком рано или поздно встает вопрос об отношении к Богу. Пожалуй, наиболее искренне на него ответил Антон Иванович Деникин в своих мемуарах «Путь русского офицера»: «Больше всего, страстнее всего занимал нас вопрос религиозный — не вероисповедный, а именно религиозный — о бытии Бога. Бессонные ночи, подлинные душевные муки, страстные споры, чтение Библии наряду с Ренаном и другой «безбожной» литературой... Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь... буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению:

— Человек — существо трех измерений — и не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и православие.

Словно гора свалилась с плеч!

С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего».

Священники на палубах

Восточные славяне уже в IV—VI вв. воевали с Византией, и их парусно-гребные флотилии, хотя и действовали на реках, обладали неплохими мореходными качествами.

Киевская Русь в IX—XII вв. имела флотилии, насчитывающие несколько сотен судов (ладей, кочей, двух- и трехмачтовых лодок). А новгородцы ходили в походы даже в Балтийское море, и примером может служить штурм в 1187 г. шведской крепости Сигтуны, находившейся на месте современного Стокгольма.

В XIV—XV вв. казаки в войнах с крымскими татарами и турками использовали парусно-гребные суда (запорожцы называли их чайками, а дончанки стругами), на которых размещалось до 80 человек. В состав казачьей флотилии входило по 80—100 таких судов.

Создание военного флота стало одной из важных государственных задач еще при Иване Грозном, который попытался было утвердиться на берегах Балтики. Эту задачу позже не могли решить ни Борис Годунов, ни царь Алексей Михайлович. Правда, в их царствие русские научились в боевых условиях использовать речные суда во взаимодействии с сухопутными войсками. В 1667—1668 гг. на Руси была предпринята попытка строительства морских кораблей (известный «Орел») в селе Дединово на Оке с целью защиты торговых путей на Волге до Каспия.

Регулярным флотом Россия обзавелась лишь во времена Петра Великого. После успешного завершения похода против турок в 1696 г., когда был взят Азов (предприятие просто невыполнимое без участия кораблей), Петр I на Боярской думе 20 (30) октября 1696 г. заявил о необходимости строительства Азовского флота. Дума издала соответствующий «приговор», в котором, в частности, утверждалось: «морским судам быть». Эта дата считается днем рождения русского военного флота. Решение Думы было эпохальным — России предстояло стать еще и морским государством.

Создание флота — личная заслуга Петра I. Его гений корабеля, талант организатора и необыкновенная работоспособность позволили решить до конца эту сложную задачу. Царь не ограничивался одними общими распоряжениями, а сам вникал в каждую мелочь, в совершенстве познав ряд морских специальностей. В могучих и искусных руках царя-моряка сменяли друг друга перо законодателя, капитанский рупор, карандаш строителя и плотницкий топор. К тому же царь обладал редким даром безошибочно выбирать людей, полезных на дело и прилежных в нем.

За 24 года, прошедших от исторического решения Боярской думы «морским судам быть», и до выхода в свет «Морского устава», в котором был обобщен зарубежный и отечественный опыт морской службы, Россия обрела современный военный флот, чьи боевые традиции и флаг снискали уважение на морях. В этом государственном документе впервые в истории России есть указания на появление на флоте военного духовенства. Сейчас, рассматривая деяния Петра Великого через призму времени, становится очевидным, что царь решил задачу по созданию русского флота блестяще — на что в других государствах уходило века, он исполнил всего лишь за два десятка лет.

На первых кораблях, что участвовали в Азовском походе, экипажи были небольшие, и религиозные нужды удовлетворялись местным духовенством на стоянке кораблей. По мере развития флота увеличивались размеры судов, росло число матросов на каждом из них. Если в 1713 г. на самом большом корабле «Полтава» по штату при наступательных действиях должно быть 460 человек, то через пять лет появились такие суда, как «Лесной» и «Гангут», экипаж которых состоял уже из 800 человек. В 1721 г. таких кораблей было уже шесть. Увеличение числа моряков потребовало и постоянного присутствия священника. К сожалению, нет точных сведений о том, с какого времени стали приглашать священников на флот, даже в единственной посвященной этой теме книге протоиерея А. Смирнова «История флотского духовенства», но зато в ней приводятся интересные документы, проливающие свет на отдельные события. В Москве в архиве Министерства иностранных дел хранится письмо адмирала Крюйса, датированное 1704 г., в котором дается «роспись офицерам, матросам... и других чинов людям, которым следует быть для совершенного вооружения семи галер, ста бригантин и т. д». На указанные галеры требовалось 7 священников, а на бригантины — 3.

Известно, что 24 августа 1710 г. по указанию митрополита Стефана Рязанского был откомандирован в Санкт-Петербург в распоряжение адмирала Федора Матвеевича Апраксина, ведавшего адмиралтейским приказом, вдовый священник Иван Антонов. Есть предположение, что Антонова назначили в домовую церковь Апраксина, но факт выдачи священнику «подможных (подъемных) денег» заставляет думать, что Антонов был назначен не на частную службу, а по адмиралтейскому департаменту, т. е. на флот или корабельный двор. С этого времени и вплоть до 1717 г. сведений о священниках на флоте обнаружить не удалось.

В апреле 1717 г. Петр I издал указ, из которого явствовало, что нужно «в Российском флоте содержать на кораблях и других военных судах 39 священ-

Священники на палубах

ников». Выполнение указа оказалось делом сложным, поскольку в Санкт-Петербурге ощущалась острая потребность в лицах духовного звания, которых время от времени вызывали из Москвы и других городов. Кроме того, служба на флоте была тяжелой и священники из белого духовенства туда не стремились.

Но так или иначе, царский указ следовало выполнять, поэтому решили использовать для нужд судового состава монашествующих лиц, которые, будучи связаны обетом послушания, не могли отказаться от такого назначения. Привлечение монахов на корабли оказалось удачным мероприятием. 8 апреля 1719 г. было дано высочайшее распоряжение: «В корабельном флоте на каждом корабле иметь по одному иеромонаху, которых брать из Александро-Невского монастыря». Впрочем, это распоряжение не исключало службы на флоте и белого духовенства.

Волей судьбы право назначать иеромонахов для службы на флоте до учреждения Святейшего Синода было дано только Александро-Невскому монастырю, а вернее, его архимандриту Феодосию. Это можно объяснить тем исключительным положением, которое архимандрит Феодосий занял при государе. Он был фактически доверенным лицом Петра I по всем вопросам, касающимся Церкви в Санкт-Петербурге. Так 9 ноября 1715 г. архимандрит дал указ о возглашении за богослужениями имени новорожденного царевича Петра Петровича, разбирал жалобы членов петербургских причтов, давал предписания о ежегодном представлении ему отчетов от ризниц церквей, назначал следствия по проступкам духовенства, штрафовал виновных за несоблюдение предбрачных предосторожностей, делал постановления по расторжению браков или о признании их незаконными... — короче говоря, дел был непочатый край. И несмотря на свою занятость, архимандрит Феодосий старался обеспечить флот лучшими представителями черного духовенства не только из Александро-Невского монастыря, но из других монастырей и епархий.

Если по Балтийскому флоту о военном духовенстве сохранились некоторые сведения, то почти ничего не известно, как обстояло дело с морским духовенством на Азовском флоте. Единственный документ, в котором есть сведения о военных священниках — это «Ведомость о расходе сумм Адмиралтейского Приказа на дачу жалования морским служителям за 1702 год», где значится такая статья: «Греческому священнику Серафиму, который в Воронеже у греческих капитанов и матросов, 20 руб». По всей видимости стройной организации военного духовенства в Азовском флоте не было, да и сам флот довольно быстро прекратил свое существование.

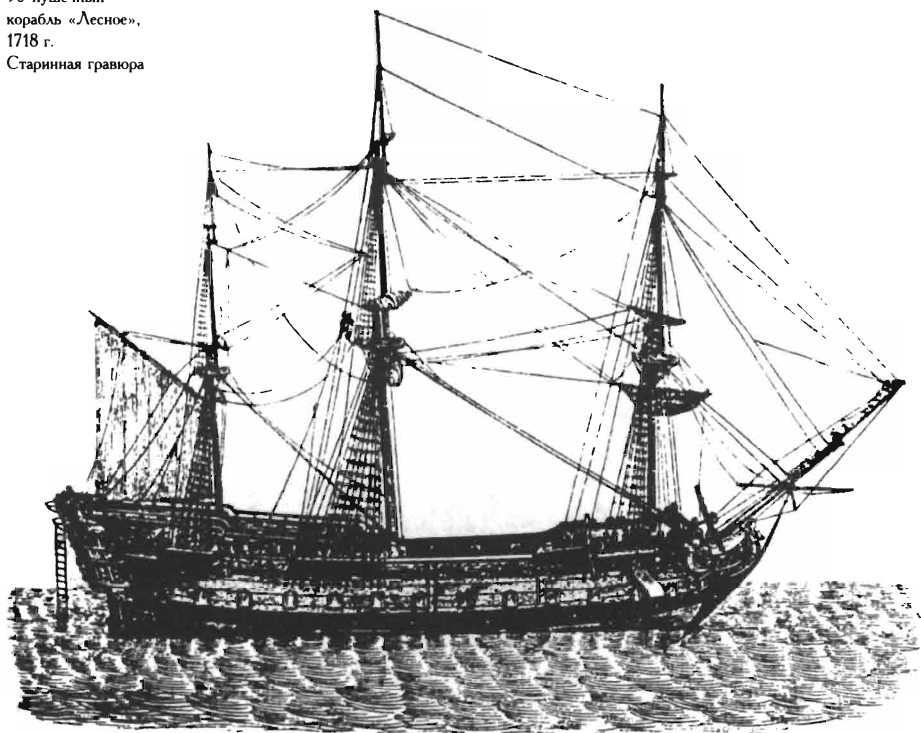
Сохранившиеся сведения об участии священников в Каспийском флоте относятся к 1722 г. В так называемом «Низовом походе» в Персию участвовали сухопутные части и морские. Число судов Каспийской флотилии было значительным — 45 ластовых (грузовых) судов, около двухсот лодок, каждая из которых поднимала до 40 человек. Во главе священников, участников похода, был поставлен уже Священным Синодом (7 мая 1722 г.) обер-иеромонах, архимандрит Лаврентий Горка, бывший одновременно настоятелем Воскресенского монастыря в Новом Иерусалиме. Архимандрита Лаврентия вполне можно назвать «флотским иеромонахом», поскольку он «из Астрахани всегда

на морских судах ехал, и в Персиду, в Дербень и до Елюкентия реки персидской, также из Персиды в Астрахань на морских судах возвратился и на берегу немного живал». В его подчинении находились главным образом сухопутные священники, большей частью назначенные из Москвы. После окончания «Низового похода» священники возвратились на свои прежние места.

Время показало, что священнослужители нужны не только на кораблях, но и в береговых учреждениях флота. В 1722 г. было принято решение о постройке церквей при морских госпиталях. В «Регламенте о управлении Адмиралтейства и верфи», утвержденном Петром 5 апреля, говорилось: «Во всяком госпитале (обязательно в каждом порту) надлежит иметь церковь, и одного священника, который будет отправлять службу Божию, исповедовать и причащать больных и в прочем во всем исправлять их». На первых порах в госпиталях были устроены полотняные церкви, потом уже строились капитальные.

Интересно, что почти одновременно со священниками на службу в госпиталях стали привлекать монахинь, и это тоже было предусмотрено одним из правил указанного адмиралтейского регламента. Ссылаясь именно на это правило, Адмиралтейская Коллегия 12 февраля 1723 г. обратилась в Священный Синод с просьбой назначить в Санкт-Петербургский, Кронштадтский и Ревельский госпитали по одной старице-монахине и одной помощнице «для надзирания над бельем и работницами». В Петроград и Кронштадт были присланы монахини из Новгорода и Пскова. Им положили скромное

90-пушечный
корабль «Лесное»,
1718 г.
Старинная гравюра

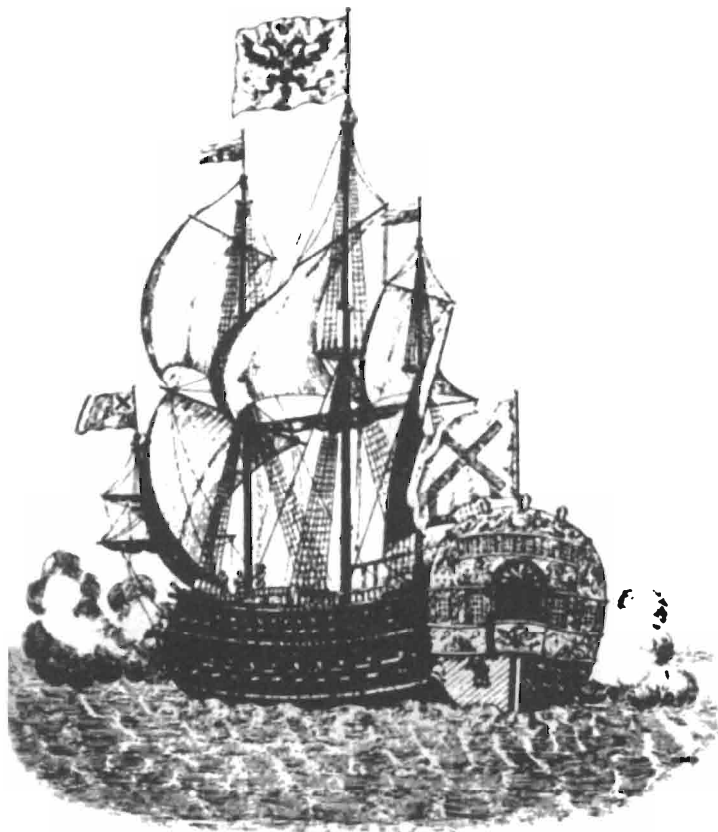
Священники на палубах

жалование: старшей — 7 рублей, младшей — 5. Пища выдавалась такая же, как и больным, только на покупку рыбы вместо мяса отпускалась небольшая сумма. Но практика привлечения монахинь в военные госпитали не оправдала себя, и 1 августа 1725 г. указом Екатерины I она была отменена.

Правила исполнения религиозных обязанностей впервые в краткой форме были изложены в «Инструкции, или Артикулах военных Российскому флоту», утвержденных Петром I в апреле 1710 г. В документе шла речь о ежедневном совершении молитв на корабле и о взысканиях, которые налагались на виновных в случае уклонения от молитвы, учинения шума и бесчинств во время молитвы или чтения Слова Божия и призывания имени Божьего всуе. О флотских священниках в этом документе ничего не было сказано.

Права, обязанности и материальное положение морского духовенства, а также религиозно-нравственная жизнь впервые регламентировалась в упоминавшемся выше «Морском уставе», утвержденном царем 13 января 1720 г. В нем достаточно подробно говорилось о полномочиях «начального священника», о круге обязанностей судового священника, о наказаниях за преступления против веры, о совершении на судах ежедневных молитв и праздничного богослужения, об отношении экипажа к священнику, об ответственности самого

54-пушечный
корабль
«Полтава»,
построен в 1712 г. в
Петербурге.
Старинная гравюра

Памятная медаль
(лицевая сторона)
в честь победы
при Гангуте

священника за недостойное поведение и упущения по службе и т. д. Старшим для всех корабельных священников являлся обер-иеромонах, он же и «начальный священник», который подчинялся не местной епархиальной власти, а непосредственно Священному Синоду.

Еще до выхода в свет «Морского устава» морское ведомство предполагало на каждое военное судно, какое бы оно ни было, назначать по одному священнику (кстати, это предусматривалось позднее и «Морским уставом»). На деле же этого не получилось из-за нехватки священников. Поэтому у каждого священника паства была довольно значительная — на больших кораблях до 800 человек, или несколько кораблей с малыми экипажами.

Большинство иеромонахов, получивших назначение на корабли, служили обычно 5–7 лет, а некоторые вплоть до самой смерти. Долгая служба священников была явлением положительным, так как они лучше узнавали традиции флота, становились его неотъемлемой частью. Но, к сожалению, в связи с зимовкой кораблей им ежегодно приходилось менять экипажи и нести службу только во время навигации. Осенью же только третья часть священников оставалась на кораблях, остальные возвращались в монастыри.

В обязанности священника входило совершение ежедневных молитв и праздничного богослужения, произнесение поучений «словесных или на письме», посещение, утешение и напутствие больных. От него требовалось постоянное присутствие на корабле. При нахождении судна у берега священник не смел сходить на берег без ведома обер-иеромонаха; только раз в неделю в четверг, после совершения дневной молитвы, священник мог съехать на берег, но к ночи был обязан прибыть на корабль. Если священник пропускал «службу Божью», то в первый раз облагался штрафом в один рубль, во второй — двумя рублями, а в третий раз — получал наказание от начального священника. За ведение службы Божьей в нетрезвом виде священник первые два раза подвергался «жестокому» наказанию от начального священника, а в третий — отсылался на духовный суд и лишался своего чина и достоинства.

Порядок совершения ежедневных молитв на корабле был расписан в особой «книжце корабельной молитвенной», которая большим тиражом издавалась для армии и флота (разница состояла лишь в том, что в одной молитве слова о сохранении воинства от поражения были заменены на слова о сохранении судна в плавании от потопления). На титульном листе сборника было напечатано: «Указ всем в войске российском обретающимся Вышним и нижним Служителям Православно-кафолической веры, коим образом, и в которое время по вся дни должны приносить Господу Богу Моления. А которые иных законов в службе обретаются, те по своим уставам, однако в тож время». Эта надпись говорит о том, что в армии при Петре могли служить и иноверцы.

Священники на палубах

Утром на кораблях совершалось короткое богослужение. После того как трижды пробивали зарю на молитву, всем следовало «снять шляпы, наклонить ружье и самим поклониться», потом шли молитвы: «Господи Иисусе Христе», «Отче наш» и «Богородице Дево», после чего звучала команда: «Восклонись, ружье положить». Точно так же проходило и вечернее богослужение. Дневная молитва в девятом часу утра была продолжительной и совершалась торжественно: на столе выставлялась дароносица со Св. Тайнами и две-три иконы, на которых «письмо видно бы было».

Согласно изданным документам по руководству деятельности священников флота, им вменялось в особую обязанность следить за тем, «чтобы опасные больные были своевременно напутствованы Св. Тайнами». Служба священников тесно соприкасалась с работой корабельного лекаря. «Морской устав» требовал от лекаря ведения ежедневной записи больных с указанием их диагнозов и рекомендуемых им лекарств. Записи проверялись священником и секретарем. В случае опасной болезни одного из членов экипажа лекарь обязан был известить об этом священника и капитана.

«Морской устав», олицетворявший незыблемость государственных законов на флоте, высоко ставил авторитет корабельного священника, но в то же время требовал, чтобы он своим поведением служил примером для экипажа и «принадлежал к непорочному, трезвому и умеренному житию, не прельщал людей непостоянством или притворной святостью и избегал корысти, яко кореня всех злых». Нарушение этих требований грозило наложением соответствующих наказаний и даже лишением сана. Священник не имел права вмешиваться в дела, не входящие в круг его прямых обязанностей, так как уставом ему предписывалось: «Больше ни в какие дела не вступать, ниже что по воле и пристрастию своему затевать».

Служащим на корабле надлежало относиться к священнику с особенным уважением, любить и почитать его. О нанесенных обидах или оскорблениях священнику следовало докладывать командиру корабля, а если последний не реагировал, то обратиться к иеромонаху, который со своей стороны должен был идти к командующему флотом с просьбой о «достойной сатисфакции, дабы обидящим попущения не было, и не подавалась бы им причина большей смелости, а церковным служителям не наносилось бы вящих обид». Если же представление обер-иеромонаха не достигало цели, то он должен был сделать соответствующий доклад в Синод. За обиду, нанесенную священнику, «Морским уставом» предусматривалось наказание в двойном размере против того, которое полагалось за обиду или проступок против светского лица.

Независимо от того, насколько глубоко верил в Бога каждый из членов экипажа, Устав требовал самого строгого соблюдения религиозных обрядов и почтительного отношения ко всем святыням. Для офицеров и матросов было обязательным присутствие на молитве. Если они уклонялись от этого, то наказывались денежным штрафом в первый раз на 25 копеек, а за каждый последующий сумма увеличивалась вдвое, матросов же просто били кошками. Гораздо строже наказывали за появление на молитве в нетрезвом виде: за первые два нарушения офицер подвергался аресту у профоса (в петровские

Молитва

соучастником богохульства — его могли лишить чина, имущества и даже жизни. Мы не случайно останавливаемся на жестокости наказаний за поступки против веры — пройдут годы, поднимется нравственность русского воинства и наказания станут неизмеримо мягче.

Есть один вопрос, который интересует прежде всего верующего человека: как в армии и на флоте соблюдались посты? Когда корабль находился в пределах своих берегов, соблюдение поста не вызывало особых трудностей, но в дальних плаваниях снабжение экипажа постной пищей практически было невозможно. Поэтому военное и морское ведомства (на кораблях несли службу солдаты — морская пехота, или перевозились армейские части) вышли с ходатайством об освобождении христолюбивого воинства от обязательного поста. Вопрос был разрешен положительно специальной грамотой Константинопольского Патриарха, но с одним условием: перед причащением поститься «от мяса семь дней».

Весьма высокие нравственные требования предъявлялись к морякам. Пьянство, воровство, принесение на корабль вина и табака, оставление на ночь чужой женщины, невозвращение на корабль в течение целой ночи и пр. запрещалось. Еще в «Инструкциях и Артикулах военных российскому флоту» от

времена — лицо, наблюдающее за чистотой и порядком на корабле, а также приводящее в исполнение наказание), а на третий раз его на время лишали офицерского звания, матросов били кошками. За карты и другие игры во время службы Божьей взимался штраф (вдвое больший, чем за невяку на молитву) в пользу госпиталя, а на третий раз виновный офицер по определению суда лишался команды и чина.

Особенно строго наказывали за преступления против веры. Тех, кто был обличен в безбожии, идолопоклонстве, чародействе и в разных суевериях, в зависимости от степени вины, подвергали «заключению в железа» и битью кошками с публичным покаянием и даже сожжению. Если офицер или матрос занимался богохульством трезвым или пьяным, то ему пронзали язык раскаленным железом и даже могли отсечь голову. Тот же, кто слышал хулу и не донес об этом, становился

Священники на палубах

1710 г. были расписаны наказания: сто ударов канатом, протаскивание (килевание) под кораблем или «купание с райны (мачты)» до трех раз назначались за сравнительно небольшие провинности. Но за такой проступок, как удар ножом, рука виновного «к мачте ножом же прибита да будет потаместь, дондеже сам у себя оную не прорежет»; за убитого товарища полагалось «живого виноватого с мертвым спина к спине связать, и вкупе с корабля в море бросить». В «Морском уставе» наказания уже были несколько мягче, но все равно достаточно жесткие. Впрочем, это и неудивительно — на флотской службе, в особенности на галерах, часто использовали бывших преступников, держать которых в повиновении можно было только строжайшей дисциплиной.

Флотский историк генерал-майор Ф. Веселаго писал о морях петровского времени: «Нравственность нижних чинов, на нашем, также как и на всех иностранных флотах того времени, стояла на довольно низком уровне: пьянство, драки и воровство были явлениями обычными, и в особенности давали себя чувствовать во время пребывания наших судов за границей». Посол в Дании князь В. Л. Долгорукий в своем письме графу Апраксину сообщал о поведении экипажей фрегатов, заходивших в 1711 г. в Копенгаген: «Чтож Ваше Пр-во изволите припоминать, чтоб мне охранить, дабы не было какого от служителей на фрегатах здесь стыда, я во истинно то делал сколько мог, и офицеры остерегали, сколько возможно им было; только ничего не успевают: такие люди на тех фрегатах делают стыд такой, чего здесь не видано: непрестанно пьяны, валяются по улицам, дерутся, все ходят чуть не наги; одним словом, могу В. Пр-ву верно донести, не только подобны, — самые они ярыжки кабацкие собраны». Речь в письме идет о морской пехоте, поскольку о матросах фрегатов Долгорукий отзывался хорошо: «Матросы добры, редкий из них такой, как выше писано, и офицеры матросами довольны».

Историки признают, что институт военного духовенства при Петре Великом был сформирован из лучших священнослужителей стараниями архимандрита Феодосия, лично отбирившего каждого корабельного священника. Следует отметить, что Св. Синод также ревниво относился к подбору кадров для флота и 21 января 1723 г. выпустил указ о замещении должностей священников в армии и на флоте: «В армейские полки для церковнослужения, и надлежащих священному чину потреб, определять и отправлять из ученых в школах искусных людей; а которые школьного учения не произошли, таковых в полки не посылать».

За время царствования Петра I в Св. Синоде не было возбуждено ни одного дела относительно нарушения флотских порядков или правил личного поведения иеромонахов на кораблях. Впоследствии многие из флотских священников достигли высокого положения на духовной службе: одни получили епископский сан, другие стали настоятелями в наиболее известных монастырях.

Рассказ о морском духовенстве будет неполным, если не поведать читателю о том, какие обычаи на корабле связаны с религией. На русском военном корабле наиболее почетным и «святым» местом считались шканды — именно там собиралась команда на богослужение, зачитывались приказы и т. д.

Издавна спуск на воду кораблей на многих флотах отмечался церемонией религиозного характера. По сути дела этот обряд у русских был своеобразным освящением судна. Служился торжественный молебен, судно и поднятые на нем флаги — Императорский штандарт, кормовой Андреевский флаг и гюйс — окроплялись святой водой и под звуки народного гимна и салюта с соседних судов обрубались крепящие канаты. Имя кораблю давалось раньше в честь святых или особо почитаемых праздников, например: «Св. Петр», «Св. Иоанн Богослов», «Рождество Христово», «Преображение Господне», а также «Три иерарха», «Двенадцать апостолов» и др. Позже корабли называли именами мифологических героев и в честь почитаемых народом князей («Чародейка», «Русалка», «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах»). С конца XIX в. русские корабли стали носить имена прославленных адмиралов или выдающихся побед.

Один из старейших флотских обычаев — погребение в море, в высшей степени трогательная церемония, представляющая совокупность ряда малых обычаев, соблюдаемых моряками при переходе от жизни земной в жизнь вечную. Когда корабль посещала смерть, ночью или днем, доктор или фельдшер немедленно докладывали об этом вахтенному начальнику и командиру.

Тело усопшего моряка зашивали в парусину, к ногам крепили тяжелый груз, потом размещали на гладкооструганной широкой доске и выносили на шканцы. Там доску с телом клали на небольшом возвышении и накрывали Андреевским флагом. Правда, были случаи, когда судовыми средствами изготавливали гроб. Священник производил обряд отпевания, в его отсутствие совершение погребения возлагалось на командира корабля. Когда начиналось православное отпевание, флаг приспускался до половины. По окончании отпевания, под пение «Со святыми упокой», тело вместе с доской подносилось к борту ногами вперед и укладывалось концом на планширь. Два специально назначенных матроса вставали у головы покойного и брали концы флага в

руки. По сигналу горниста (специально напутственный сигнал умершему) доску приподнимали и тело выскальзывало за борт из под флага. Одновременно судовой караул делал три залпа из винтовок, после чего флаг поднимался до места. Участие в погребальной церемонии было обязательным для всех офицеров и матросов, не занятых на вахте. Такие почести отдавались каждому члену экипажа, независимо от звания и чина.

Весь смысл погребения (или прощания) до мелочей полон особого значения. Несоблюдение

Священники на палубах

ранга — признание того, что перед лицом смерти все равны. Старшие по званию занимали места впереди похоронной процессии, это говорило о том, что «первые да будут последними, а последние первыми». Укрывание умершего Андреевским флагом — свидетельство того, что покойный служил государству и оно отвечает за все, что он как воин сделал в своей жизни. Три холостых залпа в воздух по убеждению моряков того времени производились для того, чтобы отогнать дьявола, который мог войти в сердца присутствующих, поскольку двери человеческого сердца при погребении или виде умершего у маловерующих открыты настежь, и искуситель мог запросто туда войти. Звук горна означал последнее «прости-прощай» и обещание величайшего трубного гласа Архангела Гавриила в момент воскресения из мертвых.

С образованием военного духовенства во времена Павла I флотское утрастило свою самостоятельность. Рассказ о флотском духовенстве будет неполным, если не показать его наиболее ярких представителей. О подвигах морских священников, к сожалению, ничего не удалось найти в официальных источниках. Пожалуй, главная причина та, что на кораблях в основном служили иеромонахи, которые к славе и почету особого стремления не выказывали в силу своего иноческого подвига. Правда, отечественная история сохранила один эпизод, когда корабельный священник явил собой пример мужества и разделил судьбу своего экипажа.

28 июня 1790 г. — не самая счастливая страница боевой летописи русского флота. В этот день произошло печально известное второе Роченсальмское сражение, в котором русские потерпели поражение от шведов: основная причина его — неуемная жажда победы и нетерпеливость принца Нассау-Зигена, командовавшего гребной флотилией. Стремление принца во что бы то ни стало дать сражение именно в этот день (день восшествия на престол Екатерины II) заставило его пренебречь отсутствием сведений о противнике и засвежавшей погодой, которая неблагоприятно сказывалась на экипажах гребных судов.

В этот бою отличился гребной фрегат «Святой Николай» под командованием капитана Марчала, который еще раньше себя зарекомендовал в бою в Биорк-зунде.

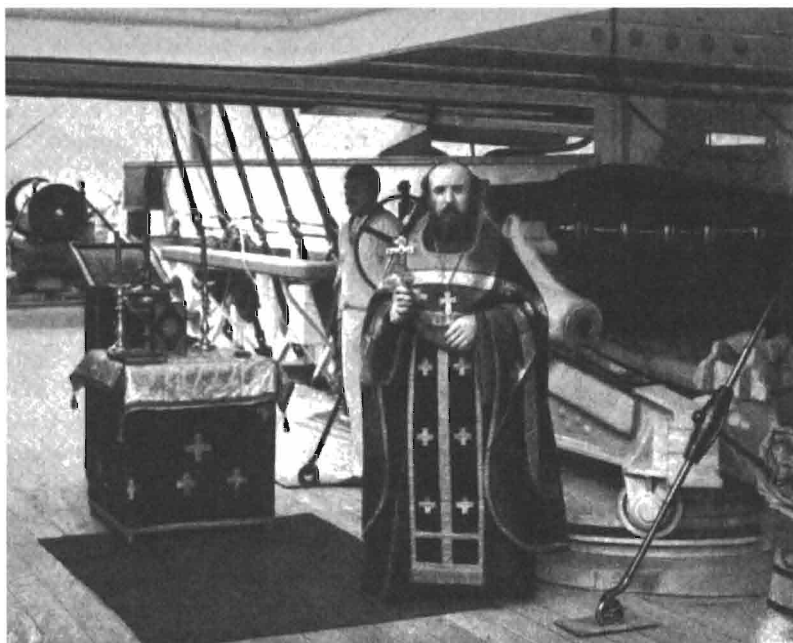
Ночь перед боем русский гребной флот провел в движении судов для занятия диспозиции для предстоящего боя, по этой причине гребцы, порядком устав, к утру совсем выбились из сил. Несмотря на ветер и крупную зыбь, сильно затруднившую работу гребцам, Нассау-Зиген отдал команду об атаке судов противника, спокойно стоявших на якорях на хорошо выбранной позиции. Попад под сосредоточенный огонь шведов и с трудом выдерживая строй на зыби, русские суда передовой линии смешались и внесли беспорядок в двигавшиеся за ними суда второй линии. Зыбь и качка, мешавшие прицельной артиллерийской стрельбе, еще более усилили расстройство боевого порядка русских судов. Самый сильный огонь принял на себя фрегат «Святой Николай», который был передовым. Через шесть часов боя над этим фрегатом взвился сигнал «Терплю бедствие. Нужна помощь». Корабль стал набирать воду. Часть матросов предложила командиру фрегата капитану Марчалу сесть

в шлюпки и спастись, поскольку корабль вот-вот погибнет. Но капитан ответил, что сойдет с корабля лишь последним, когда все люди будут спасены. Во время этих переговоров часть матросов решила сдаться на милость шведов, и один из них начал спускать флаг. Но капитан это вовремя заметил и пронзил кортиком грудь предателя. Подняв флаг на место, он приказал продолжать бой. Корабельный батюшка, надев ризы, взял крест и именем Христа стал призывать членов экипажа, чтобы они разили неприятеля или погибали с честью. Видя своего священника, бесстрашно призывающего к выполнению воинского долга под пулями и ядрами, матросы дрались до последнего.

Фрегат тонул, но его пушки продолжали вести огонь по противнику. Священник осенял моряков крестом, пока корабль не ушел с экипажем на дно. К сожалению, подвиг корабельного священника известен, а имя его — нет.

Во время Крымской войны среди флотских священников появился первый кавалер ордена св. Георгия. Это иеромонах Иоанникий Савинов, служивший в 45-м флотском экипаже. Выдающийся подвиг он совершил в ночь с 10 на 11 марта 1855 г. Отец Иоанникий находился среди воинов отряда генерал-майора С. А. Хрулева, который участвовал в вылазке для разрушения неприятельских сооружений, устроенных близко от Камчатского люнета. Когда французы были выбиты из занятых передовых ложементов русских, то солдаты Камчатского, Днепровского и Волынского полков бросились на неприятельские апроши, несмотря на сильный огонь. Завязался ожесточенный бой. Французы, получая непрерывно подкрепления, были готовы вот-вот перейти в контрнаступление и даже стали одолевать, как вдруг в темноте послышалась

Священник
читает молитву
перед выходом
корабля на
боевое задание

Священники на палубах

громкая молитва: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние твое, победы Благоверному Императору нашему на сопротивных даруя». И тут русские воины увидели отца Иоанникия, который в епитрахили с поднятым крестом пел дивную церковную песнь. Внезапное появление пастыря ободрило наших солдат — они с яростью устремились на неприятеля, который был явно смущен этой картиной.

Один из зуавов, разобравшись в чем дело, решил заколоть священника штыком, но сам пал от руки юнкера Камчатского полка Негребицкого. У отца Иоанникия лишь пострадала епитрахиль и левый рукав рясы. В результате боя французы с позором бежали, и позиции снова были в наших руках. Отец Савинов был среди воинов. Бой перекатился во вторую, затем в третью линию траншей... Видя, что русские одолевают врагов, священник обратил внимание на раненых и умирающих, как своих, так и неприятельских. В момент напущения неприятельская пуля ударила в крест священника и отлетела в сторону, причем нижняя часть святыни отломилась, а он от контузии на время лишился чувств, но вскоре пришел в сознание.

Тем временем солдаты, увлекшись боем, не хотели покидать поля сражения, считая, что сигнал отступления дал неприятель. И тогда генерал Хрулев вызвал отца Иоанникия из передовой цепи и поручил передать солдатам его приказ: «Покинуть неприятельские траншеи». С твердостью достойного служителя Христа, отец Иоанникий в сопровождении двух воинов, несмотря на еще сильный огонь и суматоху рукопашного боя, обошел все траншеи и выполнил с честью данное ему поручение. Отец Иоанникий Савинов 15 мая 1855 г. был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

Морское духовенство блестяще себя зарекомендовало во всех войнах, которые вела Россия. Морские батюшки разделили судьбы своих экипажей в русско-японской войне, достойно они служили на палубах кораблей во время первой мировой войны. Правда, во время последней выяснилось, что снизился интеллектуальный уровень флотского духовенства, и в качестве временной меры для службы на кораблях стали привлекаться архиереи. Так, 6 мая 1915 г. приказом по ведомству протопресвитера Г. Шавельского и с разрешения Николая II на один из кораблей Черноморского флота был назначен исполняющим обязанности судовой священника архиепископ Димитрий Таврический. Владыка ступил на палубу одного из линейных кораблей.

Незадолго до начала боевых действий на Черноморском театре, архиепископ Димитрий был назначен наставником Георгиевского монастыря. Со времен Ушакова существовал обычай, впоследствии узаконенный Николаем I, в соответствии с которым во всех походах Черноморского флота иноки этого монастыря во главе с его настоятелем принимали участие в боевых действиях кораблей в качестве священнослужителей. Командующий флотом адмирал А. А. Эбергард с радушием встретил владыку.

На линкоре архиепископу было отведено две каюты, в третьей оборудовали церковь. По праздничным и воскресным дням богослужение совершалось в судовой церкви, которая в походе и при стрельбе разбиралась. Ежедневно, со дня прибытия владыки на корабле совершались положенные по уставу церковные службы.

Архиепископ в иерейском облачении с митрой и омофором священнодействовал, а судовой священник с причетником пели и читали ежедневно, за редким разве исключением, когда владыка на день-два съезжал в Севастополь.

С мая 1915 г. и по первую половину 1916 г. владыка принял непосредственное участие во всех походах Черноморского флота. Много раз он был под огнем кораблей противника, но на его лице, по свидетельству очевидцев, не было и тени смущения — своим спокойствием и мужеством он располагал к себе весь экипаж.

Заветным желанием архиепископа Дмитрия было совершение богослужения с молитвой Господу на вражеской территории. И такая возможность ему предоставилась 24 февраля 1916 г., когда один из генералов пригласил его в город Ризе. Там на главной площади владыка вознес хвалу Господу, на этом он счел свою миссию на флоте исполненной. 24 марта он получил разрешение императора на возвращение в свою епархию. На корабле владыка пробыл 11 месяцев.

Одним из первых героев-священников на флоте в Первой мировой войне стал погибший 16 октября 1914 г. священник минного заградителя «Прут» иеромонах Бугульминского монастыря, семидесятилетний отец Антоний (Смирнов). Вот как его подвиг описывает последний протопресвитер военного и морского духовенства отец Георгий Шавельский: «Когда «Прут» во время боя начал погружаться, отец Антоний стоял на палубе и осенял Св. Крестом свою паству, в волнах боровшуюся со смертью. Ему предлагали сесть в шлюпку, но он, чтобы не отнять место от ближнего, отказался. После этого спустился внутрь корабля и, надев рясу, вышел на палубу со Св. Крестом и Евангелием в руках и еще раз благословил духовных чад, осеняя их Св. Крестом. Затем вновь опустился внутрь корабля. Скоро судно скрылось под водой».

Флотское духовенство разделило судьбу военного... Но похоже, что его история скоро будет иметь продолжение. На корабли вернулся Андреевский флаг, на их палубах появились священники, но пока еще не флотские.

В списке боевых кораблей русского флота можно найти имя «Меркурий». Среди римских богов Меркурий ведал полями, хлебами, занимался дорогами и торговлей, олицетворял хитрость и обман. Его изображали в дорожной шапке с жезлом (кадуцеем) в руках и крылышками у ступней. На первый взгляд, что может быть общего у одного из римских богов и русской истории? В летописях встречается иногда это имя. При осаде Батыем Смоленска в дружине князя Смоленского служил благородный римлянин греческой веры Меркурий. По преданию этот витязь услышал глас от чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии, которая велела ему идти на поединок с татарским богатырем. Меркурий смело вступил в бой с татаринном и победил его. Воодушевленный успехом Меркурий выступил против неприятеля и побил множество его силы. Под утро во сне он был обезглавлен татаринном, неожиданно подкравшемся к герою. Батый после неудачной осады и героического подвига Меркурия счел за благо отступить от стен Смоленска. Граждане города захоронили мощи Меркурия в храме Богоматери, там же повесили ору-

Священники на палубах

жие храброго воина. Русская Православная Церковь канонизировала Меркурия, как святого мученика и нового чудотворца Смоленского, память которого отмечается 24 ноября (ст. стиля).

Имя «Меркурий» носили на борту несколько русских кораблей. В историю вошел восемнадцатипушечный бриг, который вписал в историю отечественного флота замечательную страницу, тем самым подтвердив моральное право носить это имя. Бриг под командой капитан-лейтенанта А. И. Казарского совместно с фрегатом «Штандарт» и бригом «Орфей» крейсировал у Босфора. Неожиданно перед ними появилась турецкая эскадра, в составе которой было шесть линейных кораблей, два фрегата и три тендера. «Штандарт» и «Орфей» поставили все паруса и смогли оторваться от турок, которые начали преследование. Уступавший им в ходе «Меркурий» был настигнут двумя линейными кораблями противника — 110-пушечным под флагом капудан-паши и 74-пушечным под адмиральским флагом. Турки надеялись на успех — ведь сила была на их стороне. Ветер на время затих — это позволило «Меркурию» держаться вне дистанции огня вражеских орудий.

Видя, что боя не избежать, командир брига собрал офицеров на совет. Офицеры поддержали предложение поручика корпуса флотских штурманов И. Прокофьева вступить в бой, и если турки попытаются захватить бриг, то взорвать его. Казарский напутствовал моряков перед боем и приказал перед входом в крайт-камеру положить заряженный пистолет, чтобы в решающий момент последний из оставшихся в живых офицеров выстрелом в бочку с порохом взорвал корабль вместе с неприятелем.

Около 13 часов 30 минут турецкие корабли подошли на дистанцию действия огня и начался бой, продолжавшийся четыре часа. Стараясь поставить русский бриг в два огня, противник намеревался принудить его к сдаче, стреляя сначала из погонных орудий. Но капитан-лейтенант Казарский искусным маневрированием под парусами и веслами свел на нет десятикратное превосходство противника в артиллерии, не давая ему возможности вести прицельный огонь. Маленький русский бриг вел меткий огонь по противнику и ядрами своих пушек перебил несколько гротовых снастей на корабле капудан-паши, отчего тот залег в дрейф, а затем перебил и лиселя (дополнительные паруса) у второго корабля, который после четырех часов боя стал отставать и прекратил преследование. «Меркурию» тоже досталось от турецкого огня — он получил 22 пробоины в корпусе и 297 повреждений в рангоуте, парусах и такелаже. На его борту было 4 убитых и 8 раненых. Быстро исправив все повреждения, которые можно было устранить своими силами, «Меркурий» на следующий день присоединился к своему флоту.

Командир брига капитан-лейтенант Казарский в этом бою проявил исключительное хладнокровие и мужество — его контузило в голову, но он продолжал оставаться на посту и руководить боем.

Примечательно, что подвиг брига вызвал восхищение не только у соотечественников, но и признание у противника. Один из турецких штурманов, воздавая должное подвигу русских моряков, писал: «Когда корабль капудан-паши и второй нагнали бриг и открыли сильный артиллерийский огонь, то

произошло неслыханное и невероятное — мы все не могли заставить его сдаться. Он дрался, отступая и маневрируя, со всем искусством опытного боевого капитана, до того, что — стыдно сознаться — мы прекратили сражение, а он со славой продолжал свой путь... Ежели в великих деяниях древних и до наших времен находятся великие подвиги храбрости, то сей поступок должен все иные помрачить и имя сего героя достойно быть начертано золотыми буквами на храме славы: он называется капитан-лейтенант Казарский, а бриг «Меркурий».

За этот бой бриг был награжден кормовым Георгиевским флагом, а члены экипажа удостоены боевых наград. Тогда же было установлено, что в составе Черноморского флота должен постоянно находиться корабль «Меркурий» или «Память Меркурия» в память о подвиге маленького русского брига. И эта традиция сохраняется до сих пор — и в наше время одно из гидрографических судов называется «Память Меркурия».

Из истории военного духовенства

тыт работы флотского духовенства, когда священники стали постоянно находиться среди своей паствы, в известной степени оказался положительным — это в свою очередь послужило основой для создания военного духовенства.

Духовное окормление сухопутных войск имело два варианта: в мирное время и во время военных действий. В соответствии с определением Св. Синода от 15 января 1733 г. в мирное время, когда полки находились в местах постоянного расположения или временного пребывания (не менее двух недель), наблюдение за полковым духовенством лежало на епархиальных властях по месту пребывания полка, и поэтому военные священники «через бытности своея во всякой епархии время епархиальным оным по месту архиеереям во всем» принадлежали, «яко самые их епархиальные священники во всем без всякого изьятия и исключения». В военное время, и особенно при переходах из одной местности в другую, для надзора за полковыми священниками назначались обер-полевые священники. По своему положению, правам и обязанностям они полностью были приравнены к флотским обер-иеромонахам. По инструкции Св. Синода от 1797 г. обер-полевые священники непосредственно подчинялись главнокомандующему и находились в ведении Св. Синода.

Полковое духовенство было отделено от епархиального после указа императора Павла I от 4 апреля 1800 г., который установил, что полевой священник и в мирное время «иметь должен в ведении своем всех священников армии и следовательно по всей сей части белого священничества принадлежит ему главное начальство в рассуждении всего того, что идет и до юридических надобностей. Воля Его Императорского Величества в том и состоит, чтобы без ведения и одобрения одного полевого обер-священника никаких перемен по части армейских священников не чинить и не переменять иереев».

Таким образом, дело религиозно-нравственного воспитания воинов стало прерогативой одного высшего духовного лица, которое последовательно именовалось обер-священником, главным священником и протопресвитером.

11 апреля 1800 г. также высочайше было повелено, чтобы «все полковые священники, по всем своим частям, относились ко вновь назначенному обер-полевому священнику, присутствующему в Св. Синоде, Озерецковскому». Св. Синод в свою очередь распорядился, чтобы епархиальные архиереи по заявлению полевого обер-священника Озерецковского избрали достойных иеромонахов или священников и определили бы их в ведомство последнего. В руках Озерецковского был сосредоточен контроль за военным и флотским духовенством.

На армейское и флотское духовенство возлагалась задача не только обеспечения духовными средствами воспитания воинов, но и выполнение функций, которые несло обычное епархиальное духовенство. Так, полковой священник, например, вел исповедные ведомости, записи актов гражданского состояния и пр.

Со временем права обер-священника значительно расширились. Под его началом объединилось военное руководство армии и флота, а сам он с 1858 г. стал именоваться главным священником. Ему были предоставлены права епархиального архиерея: он мог назначать и увольнять военных священников, возбуждать против них преследование и т. п. Соединение в одном лице протопресвитера (старшего священника) военного и морского духовенства в истории отечественной церкви и армии явление безусловно прогрессивное. Протопресвитер избирался Св. Синодом и утверждался императором.

Главные священники русской армии и флота в первую очередь обращали внимание на воспитание в воинах духовно-нравственных сил, стремились наполнить воина истинно-христианским настроением, чтобы он выполнял свои обязанности не из страха, а по совести и глубококому убеждению в святости своего долга. Так, одна из старинных инструкций благочинным, составленная трудами первых обер-священников, внушала военным пастырям, чтобы они, проповедуя слово Божие перед военными людьми, наставляли их с отеческой властью к неизменным обязанностям воина, в благочестии, беспредельной верности Государю, повиновении начальству и усердии на службе, чтобы четко им показывали губительные последствия тех пороков, которые бывают свойственны воинам. Точно также и обер-священник должен был побуждать «священников к неленостному проповеданию Слова Божия, внушая воинам любовь к Вере, Государю и Отечеству и повиновению Властям».

Книга, посвященная 100-летию военного духовенства в России, так описывает жизнь военного священника: «Материальное положение военного духовенства в течение весьма долгого времени было крайне не обеспечено. Жалование выдавалось ничтожное, постоянные передвижения с полком были разорительными, пенсионные оклады скудными. Были случаи, когда военный священник, украшенный за мужество крестами русскими и иностранными, по возвращению в Россию, чтобы содержать семью, состоящую из жены и троих детей, работал вместе с денщиком поденно при перевозке земли и камней для постройки крепости в западном крае, и таким тяжелым трудом в течение дня приобретал сорок копеек в дополнение к получаемому содержанию от казны. До освобождения крестьян обычной формой помощи военным священникам

Из истории военного духовенства

были единовременные пособия, по подписке среди офицеров-однополчан. Материальная нужда, вместе с неопределенностью служебных прав ложилась тяжелым гнетом на военного пастыря, полагая постоянные преграды свободному и беспрепятственному служению высокому долгу пастырства».

Первым священником армии и флота стал протоиерей Павел Яковлевич Озерецковский (1800—1807), который положил много сил на улучшение материального положения военного духовенства и семейств военных священников.

В царствование Павла I было введено награждение светскими орденами лиц духовного звания. Кроме того, для белого духовенства были учреждены специальные знаки отличия: крест на цепи, фиолетовые бархатные камилавки и митры, которые раньше носили только архимандриты. Эти отличия могли быть вручены лишь по воле или утверждению императора.

Особенно ярко военное духовенство проявило себя в формировании высокого воинского духа русского солдата в Отечественной войне 1812 г. В подтверждение ознакомимся с одним документом, в котором идет речь о священнике — первом лице духовного звания, получившем офицерскую награду — орден Св. Георгия Победоносца: «Онный Васильковский в сане священника состоит с 1804 г., а в полковой службе 1810 г. июня 15 дня. Обучался в сельской семинарии с окончания Богословского курса; вдов, имеет сына 9-летнего Симеона; от роду ему ныне 34 года. Находится в походе с начала нынешней противу французоз кампании и по сие время. В поведении аттестуется со стороны всех полковых и обер-офицеров хорошим и к должности рачительным; дел до него никаких не касалось. Из высочайше установленных для белого духовенства знаков отличия награждаем еще ничем не был. Посему долгом моим поставляя представить Св. Прав. Синоду на милостивое благоуважение отличный подвиг и ревностную службу священника Васильковского, особого похваляемого как шефом полка, так и господином дивизионным командиром, прошу его милостивого награждения из знаков отличия для белого духовенства установленных, камилавки». Это ходатайство было подписано главным священником армии и флота протоиереем Иоанном Семеновичем Державиным. Его очень хорошо дополняет так называемый «Список о поведении полкового священника 19-го Егерского полка Васильковского от 5 января 1811 г.» за подписью полковника Завадского. На вопрос «Каковы способности ума?» — дан ответ: «Рассудок имеет хороший». На вопрос «Не предан ли пьянству или игре?» — следует ответ: «И в первом и последнем не замечен». «Какие знает иностранные языки?» — «Говорит по латински, по-немецки, по-французски и по-гречески». Имеет знание в каких науках?» — «Знает математику, физику, высшее красноречие, историю, географию». И наконец: «Каков в хозяйстве?» — «Порядочен!» Да с такими священниками не мудрено было выступить и против Наполеона...

В первые годы своего существования военное духовенство не пользовалось особыми симпатиями ни в военном, ни в гражданском, ни в епархиальном ведомствах, и особенно в военное время. Оно и понятно: полковой батюшка при крепостном праве испытывал, с одной стороны — относительное матери-

Из истории военного духовенства

альное довольство, с другой — бедность, и сам был принижен материально. Поэтому в то время в полковые священники шли или пасынки епархиальной службы, или же совсем молодые священники-вдовцы. Что и говорить, нелегко было священнику в русской армии: скудные средства на содержание семьи, вечная маята военных дорог, плотно загруженный постоянными заботами день... Кроме того, бывали и минуты, когда обязанности его положения ставили его лицом к лицу вместе с воинами перед лицом смертельной опасности. И от священника требовалось большое усилие воли, чтобы достойно нести свое звание: смело смотреть в лицо смерти на поле брани, ободрять слабых словом Христовым и утешать страждущих силою Таинств. И надо сказать, в целом военные священники с честью исполняли свой пастырский долг как в мирные дни, так и во время боевых действий.

Как правило, военные священники служили до тех пор, пока были в состоянии исполнять пастырские обязанности. Так, 15 апреля 1902 г. торжественно отмечалось 60-летие службы настоятеля Очаковского крепостного собора протоиерея Гавриила Дионисиевича Судковского. 22 сентября 1854 г. он прибыл на оборонительную Очаковскую приморскую батарею. Не раз с крестом в руках он воодушевлял ее защитников, а когда им было совсем трудно, помогал артиллеристам заряжать орудия.

Заслуживает особого внимания деятельность отца Гавриила, когда он вместо разрушенного неприятелем в 1854 г. памятника А. В. Суворову, сооруженного на деньги нижних чинов в виде железного Креста, сумел его восстановить и украсил им фронтон Очаковского военного собора.

За службу в армии в мирное время и на поле брани отец Гавриил был удостоен целого ряда светских орденов вплоть до ордена Анны 1-й степени.

В воинских уставах и артикулах, изданных в 1737, 1764, 1777 и 1796 гг. при императрице Екатерине, в 1797 г. при императоре Павле I и в 1826 г. при императоре Николае I, заметно прослеживается тенденция развития религиозного начала, которое было заложено Петром Великим. В «Выписке из воинских артикулов», предназначенной для чтения воинским чинам в 1822 г., протоиерей Т. Иваницкий обращал внимание военного начальства на необходимость серьезной работы по религиозно-нравственному воспитанию войск, так как «не только в России, но и вообще в христианских государствах Европы и преимущественно в Англии и Германии обращено особое внимание на христианское воспитание солдат. «На войне, — пишет, например, немецкий офицер, — на верующем во всемогущего Бога солдате и признающим силу присяги, покоится сила армии. Солдат-христианин будет во всяком случае усердный и верный подданный, и, вместе с тем удовлетворит самым высоким требованиям воинской дисциплины. Из сотен примеров мы убеждаемся, что выдающиеся воины последнего столетия были истинными христианами и что христианство нисколько не препятствует развитию воинских добродетелей; напротив, утверждает его в бодрости, стойкости, храбрости, неустранимости».

В «Памятной книге военных узаконений для штаб и обер-офицеров» 1851 г. о религиозно-нравственном воспитании воинов говорилось: «Поведение или нравственность есть главный источник и здоровья, и всех воинских

добродетелей. Причины хорошего или дурного поведения человека вообще должно искать в первоначальном образовании его характера и в правилах, которые ему внушены при первом развитии душевных способностей; впрочем, правила эти могут совершенно изменяться при перемене состояния и обстоятельств, а особливо от примеров, которые имеет перед глазами ежедневно». Владимир Владиславьев, автор этой книги, полагал, что: «Примеры нигде не действуют так сильно на душу человека, как в звании военном. При поступлении на службу, меняя свою жизнь, солдат должен оставить непременно все прежние привычки и изменить свое поведение. Находясь под надзором старых солдат, молодой рекрут получает от них первые уроки службы и приобретает, даже помимо своей воли, все их наклонности, как худые, так и добрые. Поэтому нужно очень строго наблюдать за нравственностью солдат, особенно старослужащих, поскольку именно им поручен надзор за молодыми. По мере возможности нужно стараться прививать им правила нравственности, истребляя при этом семена пороков при самом их зарождении, сперва короткими внушениями, а потом строгими наказаниями, не позволяя утвердиться в мысли, что пороки их могут быть скрыты, не замечены, а тем более остаться ненаказанными. Следует стараться возбуждать в солдате честолюбие, трезвость, правоту и великодушие к врагам уже побежденным, так как последнее поможет избежать больших неприятностей во время войны.

Офицеры должны были поддерживать в солдатах религиозное чувство, подавать собою пример строгого выполнения христианских норм поведения, таинств и обрядов веры и «неупустительно наказывать нарушителей оных, не забывая, что религия есть главный источник, из коего черпает Русский солдат правила честной нравственности, а с ними и здоровье и все добродетели, с которыми воин может оправдать цель своего славного существования; что религия есть единственное утешение, прибежище и надежда солдата во всех опасностях. За Святую Церковь и Православного царя он бодро идет на тысячу смертей в твердом уповании, что и за гробом жертва сия не останется без награды».

Хорошие, умные, кроткие и человеколюбивые священники, по мысли автора, должны стать первыми наставниками в нравственности и утешителями солдат в их телесных и душевных страданиях. «Торжественные богослужения должны внушать солдатам бодрость, упование на покровительство Божие перед сражением. Надобно только посмотреть на солдат, приготовляющихся к сражению и принимающих с глубоким молчанием святое благословение при пении величественной песни «Спаси, Господи, люди твоя», — писал Владимир Владиславлев.

В своде военных постановлений, изданных в 1859 г. при императоре Александре II, были приведены самые точные правила «об исполнении христианских обязанностей войсками» и «об обучении нижних чинов в школах для них учрежденных». В 1875 г. приказом по военному ведомству № 52 был дан «перечень сведений, знание коих обязательно для каждого рядового, а именно: знание молитвы Господней, Символа Веры и десять заповедей». Приказом по военному ведомству № 335 1880 г. было объявлено особое положение о порядке обучения молодых солдат в пехоте, кавалерии и артиллерии, согласно

Из истории военного духовенства

которому каждому рядовому требовалось знать молитву Господню и десять заповедей. Нетрудно заметить, что со временем требования к знанию Закона Божьего неуклонно снижались.

«Устав для управления армиями в мирное и военное время», изданный в 1846 г. предписывал довольно жестокое отношение к тем, кто считался грешным в преступлениях против веры. Так, богохульник и порицатель веры при условии явного изобличения подвергался наказанию шпицрутенами, ссылкой на каторгу, и сверх того публичному церковному покаянию.

Тот, кто «поносил Святых его Угодников», подлежал, смотря по состоянию, разжалованию в солдаты до выслуги или наказанию шпицрутенами и публичному покаянию; или же, по лишению всех прав состояния, ссылке на каторжную работу и церковному покаянию, в зависимости от того, «кем оные были произнесены».

Если хула произносилась из-за легкомыслия, то виновный на первый раз подвергался денежному штрафу из месячного жалования и заключался в крепость на 14 дней, или же прогонялся через строй, во второй раз наказание увеличилось с присовокуплением к тому публичного церковного покаяния; и в третий раз преступление наказывалось как умышленное.

Дисциплинарным взысканиям подвергались как принадлежавшие к Русской Православной Церкви, так и иноверцы, но лица нехристианского вероисповедания при этом освобождались от церковного покаяния.

Наказаниям также подвергались воины за нарушение благочиния и за «мятеж в церквах»: «Кто нарушит благоговение при отправлении службы Божией, или к соблазну других придет в церковь или на молитву пьяный, или, пришед в церковь, учинит во время службы суетный разговор о светских или иных делах, или будет ходить взад или вперед по церкви, или говорить громко, или кричать, или хохотать начнет, или иной учинит шум, или от службы Божией отвратит внимание прихожан словом, делом или движением (Заметно, что нарушение церковного благочиния трактовалось достаточно широко. — А. Г.), тот наказывается денежным штрафом, арестом с содержанием на гауптвахте или телесно».

Действующее военное законодательство предусматривало наказание офицеров и лиц, пользовавшихся особыми правами состояния. Если во время литургии или церковной службы они говорили непристойные речи духовным особам и тем мешали службе, то лишались чинов или прав состояния, с разжалованием в рядовые; нижним чинам полагались шпицрутены с оставлением на службе или ссылка для исправления на определенный срок в арестантских ротах.

Также подлежали дисциплинарному взысканию воины, не допустившие совершения литургии и сорвавшие отправление службы Божией, обнажившие в запальчивости оружие с намерением уязвить кого-либо, хотя бы при этом никто и не пострадал — такие лица подвергались лишению всех прав состояния, наказанию шпицрутенами и ссылке на каторжные работы.

Дисциплинарным наказаниям подлежали воины за «преступления против веры», к которым относились:

— отступление и отречение от веры;

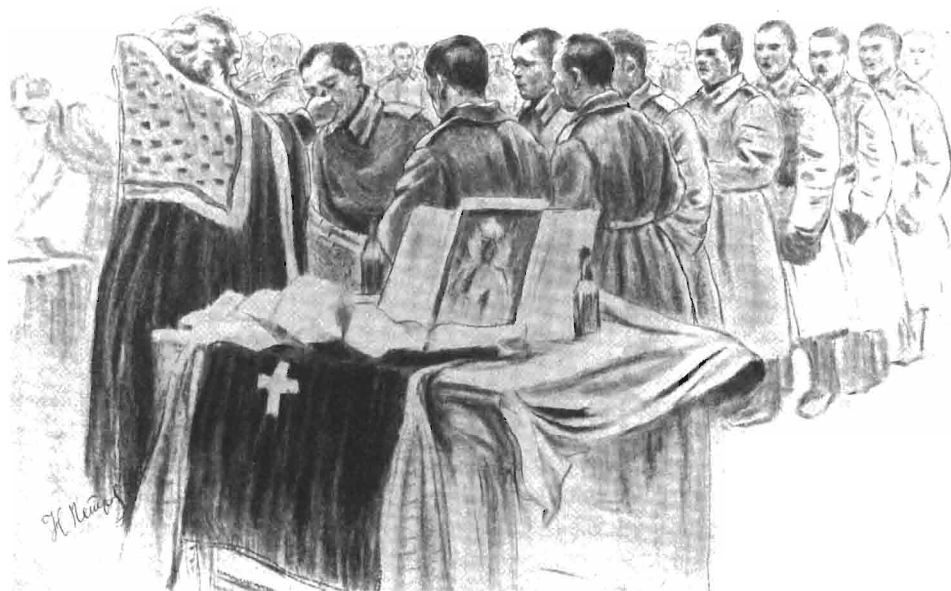
— подложное проявление чудес, ложное предсказание, колдовство и чародейство;

— святотатство, вскрытие могил и ограбление мертвых тел.

До 60-х годов XIX в., т. е. до отмены крепостного права, телесные наказания, как впрочем и рукоприкладства, были привычным методом воспитания войск не только в России, но и повсюду в Европе. Физические наказания бывали и в семье, и в школе. Вплоть до первой русской революции телесные наказания в армии применялись лишь к солдатам, которые по приговору суда зачислялись в разряд оштрафованных. Кстати, русское законодательство ранее иных стран Европы покончило с этим пережитком феодального средневековья в армии. Так в Англии телесные наказания в армии были отменены лишь в 1880 г., а на флоте в 1906 г. Хотя и считают, что в русской армии существовали жестокие карательные меры, но в те времена за границей они были несравненно жестче. Так, в германской армии выбить зубы, порвать барабанные перепонки, заставить есть солому и даже слизывать пыль с сапогов начальника — это была суровая проза отношений командира к подчиненным. В австрийской армии солдата подвешивали со связанными сзади руками или привязывали к столбу с таким расчетом, чтобы он мог касаться земли только кончиками больших пальцев ног, и в таком положении держали несколько часов. Немногим «гуманнее» выглядело заковывание солдата в кандалы, когда цепью приковывали правую ногу к левой руке и в таком положении держали до шести часов. И такие меры наказания сохранялись в Австрии до 1918 г.

Причащение

Каждый из руководителей военного духовенства, как правило, старался что-то сделать для своего ведомства. Так, материальное обеспечение военного

Из истории военного духовенства

духовенства было предметом особого внимания обер-священника армии и флота протоиерея Иоанна Семеновича Державина (1807—1826), который также был членом Св. Синода и славился как талантливый проповедник. Некоторые из его проповедей, как, например, слово о должности воина, речь перед воинами лейб-гвардии Измайловского, Литовского, Финляндского и Егерского полков при пожаловании им императором Георгиевских знамен, речь по случаю победоносного возвращения русского воинства из Парижа — с благословения Св. Синода были отпечатаны за счет казны и разосланы по всем церквам.

Весьма плодотворной была деятельность на посту обер-священника протоиерея Григория Ивановича Мансветова (1827—1832), известного ученого и автора многих духовных трудов. В бытность полковым священником он составил рукописный «Сборник кратких христианских поучений к воинам, сказанных в Успенской полковой церкви, в Дубно и Старо-Константинове». Сборник состоял из 24 поучений, специально написанных с учетом быта и служебного положения воина. В них объяснялась необходимость защиты Отечества, обязанности воина на поле брани и в мирное время, на службе и вне службы, отношения воинов друг к другу, важность и значение присяги, воинских знамен, оружия, труб и т. д. Сборник оказался настолько популярным в войсках, что его положения переписывались унтер-офицерами от руки, пока не были изданы в типографии. В 1828 г. полковые священники были уравнены в окладах с капитанским чином, что заметно улучшило их материальное состояние.

Главный священник армии и флота, синодальный член, протопресвитер Василий Иоаннович Кутневич (1832—1865), как и его предшественники, был вынужден много сил положить на злосчастный вопрос материального обеспечения — ему удалось добиться от царя заметного увеличения окладов военного духовенства. Во время его управления военное духовенство блестящим образом себя показало при героической обороне Севастополя, где на поле брани находилось около двухсот православных священников. Многие из них были отмечены церковными и светскими наградами. Так, два пастыря были удостоены офицерского креста 4-й степени, 58 священников наградили золотыми крестами на георгиевской ленте (таких священников называли георгиевскими кавалерами, как и тех, кто был награжден орденом. — А. Г.), 5 батюшек — золотыми крестами из кабинета императора, 29 — золотым наперсным крестом Св. Синода; орденом Св. Владимира 3-й и 4-й степени было награждено 8 лиц, орденом Св. Анны 2-й степени — 17 человек и 3-й степени — 38. 74 человека были награждены серебряными и бронзовыми медалями.

Изядно потрудился на военном поприще главный священник армии и флота протоиерей Михаил Измайлович Богословский (1865—1871), известный своими переводами духовных трудов и оригинальными статьями в журналах, брошюрах и книгах. Весьма значителен его вклад в библейскую литературу — за научный труд «Священная история Ветхого и Нового Завета» в 1858 г. он был удостоен степени доктора богословия. Большая заслуга его и в работе по воспитанию и призерению детей-сирот военного духовенства.

В заботах о религиозно-нравственном воспитании нижних чинов главным священником армии и флота протопресвитером Василием (Владимиром) Бажановым (1849—1883) было положено начало созданию церковных библиотек. В декабре 1858 г. он разослал циркуляр, в котором просил священников принять в этом деле живое участие. Каждая церковь снабжалась книжками и брошюрами его собственного сочинения, каталогами дешевых и полезных книг, рекомендуемых к приобретению и книгами регистрации читателей. Идея организации библиотек получила широкое распространение в войсках.

С целью качественной подготовки унтер-офицеров с 1867 г. стали обращать серьезное внимание на преподавание Закона Божьего в полковых учебных командах, которые тогда учреждались в частях. На унтер-офицеров возлагались обязанности быть для подчиненных активными проводниками Веры и нравственности. В командах с двухгодичным курсом обучения на первое место среди предметов был поставлен Закон Божий. Главный священник Кутневич, стараясь обустроить надлежащий порядок в полках, предписал в 1863 и 1864 гг. главному священнику Кавказской армии, равно как и всем благочинным внутренней России, «чтобы все священнослужители с особенным тщанием занялись преподаванием нижним чинам вверенных им полков Закона Божия» и при этом препроводил составленное им самим «Наставление по преподаванию Закона Божия нижним чинам». По всем полкам для нижних чинов были разосланы специально изданные Св. Синодом пособия: «Букварь» и «Начатки христианского учения».

При исполнении обязанностей главного священника армии и флота протоиереем Петром Евдокимовичем Покровским (1871—1888) приказом по военному ведомству от 26 февраля 1888 г. было объявлено императором положение о новых служебных правах и окладах военным священникам. 10 февраля 1890 г. это положение было распространено и на морское духовенство. Заключалось оно в следующем:

1. Военному духовенству были предоставлены права соответствующих воинских чинов. Главный священник армии и флота был уравнен с генерал-лейтенантом, главный священник Кавказского военного округа — генерал-майором; штатный протоиерей-благочинный с полковником; нештатный протоиерей и священник-благочинный с подполковником; полковой священник с капитаном, ротным командиром; диакон штатный и нештатный с поручиком; штатный псаломщик из духовного звания с подпрапорщиком.

2. Оклады содержания военным священникам приравнивались к соответствующим военным чинам.

Кроме того, этот приказ объявлял для военных священников прибавку за выслугу лет, а также пожалование орденами Владимира 4-й степени и Анны 3-й степени.

С установлением солидного материального обеспечения священников в армии и на флоте, к ним стали предъявляться более высокие требования. Каждый из них был не только совершителем Богослужения, но учителем и руководителем своей паствы в религиозно-нравственном воззрении и христианской жизни. Так как в военных священниках недостатка уже не было, то с 1899 г.

Из истории военного духовенства

места в военном ведомстве стали предоставляться преимущественно лицам с высшим академическим образованием или закончившим семинарский курс по первому разряду. Протопресвитером Александром Александровичем Желобовским (1888—1910) были разработаны программы богослужебных бесед и религиозно-нравственных чтений и в преподавании Закона Божия в учебных полковых командах. Следует отметить, что отец Александр Желобовский внес большую лепту в развитие своего ведомства. Став магистром богословия, он решил оставить почетное звание профессора семинарии и начать службу скромным армейским священником. Протопресвитер Василий Бажанов сочувственно отнесся к решению молодого священника, но прежде решил испытать, насколько тот тверд в своем решении. Отец Александр получил назначение в Митавский гусарский полк, стоящий в одном из уездных городов Тверской губернии. Испытание отец Александр блестяще выдержал, более того, опыт службы в армии ему явно пошел на пользу.

Много нужного почерпнул отец Александр Желобовский не только на службе рядовым пастырем в полку, но и будучи членом различных комиссий, представляя гренадерское духовенство.

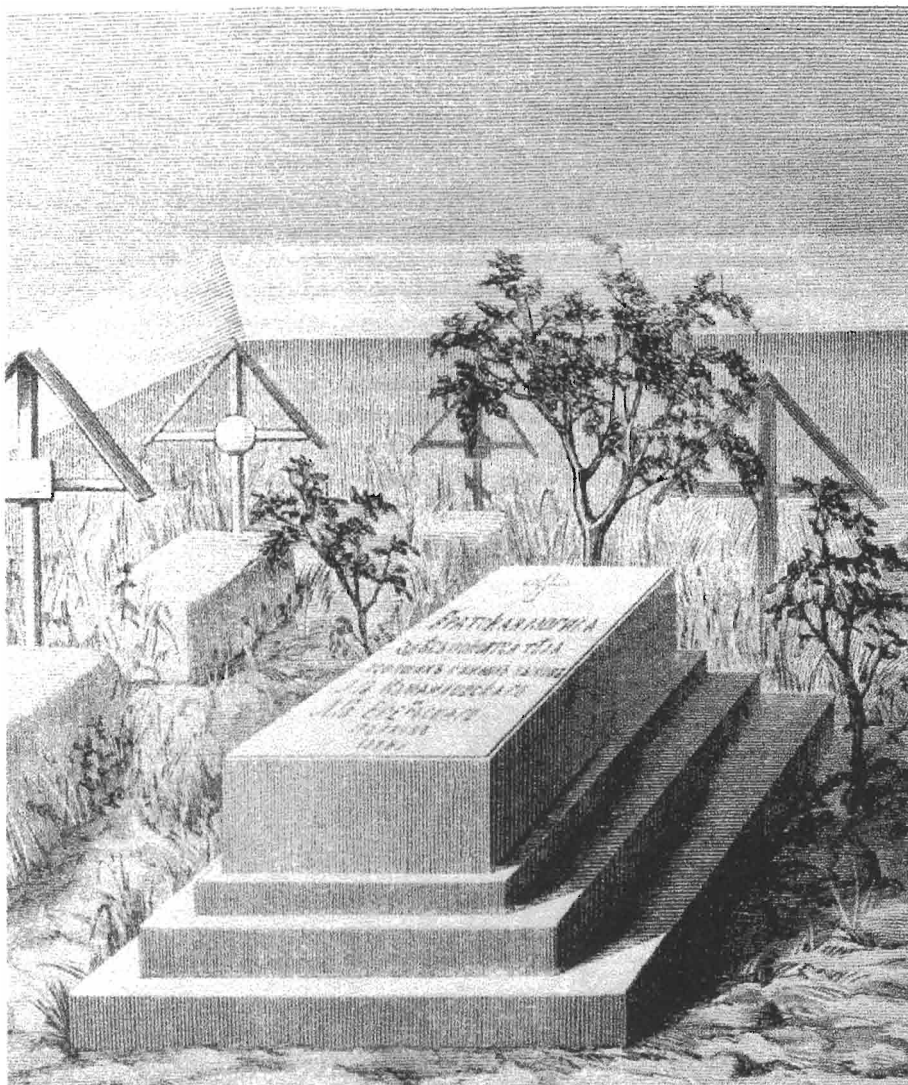
Значительна роль отца Александра во время службы его в кавалергардском полку и в работе комиссии, назначенной военным министром графом Д. А. Милютиным под председательством члена военного совета генерала Резваго. Учитывая необходимость введения обязательной общевоинской повинности, именно отец Александр предложил привлекать к должности полкового священника наиболее образованных и развитых духовных лиц. Он убедил состав комиссии признать целесообразным введение лучшего обеспечения военных священников в случае их выхода в отставку после продолжительной службы и, главное, обеспечение их семейств.

Трудно сказать, насколько успешными были бы известные милютинские реформы, если бы не были приняты предложения протопресвитера Александра. Его умение убеждать сыграло свою роль — комиссия согласилась с предложениями, и 18 сентября 1874 г. они были утверждены царем. С 1 января следующего года белое военное духовенство было допущено к участию в эмеритальной кассе (ее капитал формировался из обязательных вычетов из содержания служащих): «Ввиду того, что при внесении в сметы военного министерства содержания для духовенства положено делать к сему содержанию шести-процентную надбавку, для обращения ее в пользу эмеритальной кассы, с отнесением расходов на счет тех же источников, на которых испрашивается ассигнование самого содержания». Полные эмеритальные пенсии для военных священников за 35 лет службы при условии платы в течение всего срока в эмеритальную кассу назначались из следующего расчета: для Главных Священников — наравне с генерал-лейтенантами, для протоиереев, занимавших должности благочинных не менее пяти лет, и для настоятелей недвижимых соборов — полковниками, получавшими столовые деньги; для протоиерея — наравне с полковниками, не получавшими столовых денег; для священников — наравне с майорами, для диаконов — наравне с поручиками. Лица, посвященные в монахи, не могли пользоваться эмеритальной кассой.

Отец Желобовский участвовал в работе и другой комиссии, которая рассматривала вопрос управления церквами. Она подготовила «Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств», которые были утверждены царем 12 июня 1890 г. и введены в действие менее, чем через два года.

Александр Васильевич Суворов не раз говорил, что войну можно считать законченной только тогда, когда будет захоронен последний солдат. Это была добрая традиция российской армии, и прошло несколько десятилетий, прежде чем захоронение воинов, павших в бою, и надзор за их могилами стал законом. До 1885 г. для русских солдат не создавалось отдельных кладбищ, более того,

Братская
могила

Из истории военного духовенства

для них даже не отводились особые места на городских и загородных кладбищах. Солдат большей частью хоронили, где придется и как случится; о месте их погребения не было сведений ни в полку, где служил умерший, ни даже в администрации кладбища. Над захоронением воина подчас не было простого деревянного креста с указанием имени и фамилии. Первым на недопустимость таких явлений обратил внимание великий князь Владимир Александрович. По его приказанию особая комиссия выработала правила погребения нижних чинов, которые со временем обрели в военном ведомстве силу закона:

«а) О каждом умершем солдате госпитальное начальство немедленно дает знать как его начальнику в полку, так и его родственникам, если последние по месту расположения могут прибыть к погребению;

б) к выносу умершего в полковую церковь, к участию в заупокойной о нем литургии, к отпеванию и проводам на кладбище назначается особая команда из товарищей и начальника (ротного командира) почившего солдата;

в) полковой священник, при участии певческого хора, совершает безвозмездно об умершем раннюю литургию, отпевает его с возможной торжественностью и сопровождает его, вместе с хором и воинскою командою, до определенного места;

г) повсеместно для нижних воинских чинов учреждаются особые военные кладбища, которые находятся под надзором особой комиссии из военных лиц и содержатся на средства самих войск. Если на военном кладбище погребаются нижние чины из разных полков, то на этом кладбище разбиваются участки по полкам, и забота о поддержании в должном виде как могил, так и надгробных крестов, возлагается на те же полки. Они же (т. е. полки) обязываются изготовить и поставить приличный крест над могилой умершего своего сослуживца с надписью: где служил служивший перед смертью, когда скончался и где погребен. Каждый полк имеет обязательный план своего кладбища или участка с изображением на нем номеров могил и списков лиц, погребенных в них». Далее указаны точные правила относительно погребения нижних чинов, умерших от заразных болезней и воинов различных вероисповеданий.

Панихида над
погибшими
под Теллишем
офицерами
лейб-гвардии
Егерского
полка

Устройство военных кладбищ и восстановление достоинства воина-христианина, отдача ему последних почестей после смерти — одна из наиболее заслуживающих внимания страниц отечественной военной истории.

Со временем выявилась необходимость создания печатного органа для общения между священниками военного и морского ведомств, обмена их опытом работы с паствой, увековечения памяти воинов и их духовных пастырей, и вообще всего того, что было в сфере интересов военного духовенства. По ходатайству протопресвитера А. А. Желобовского определением Св. Синода от 15—22 ноября 1889 г. было разрешено издавать с 1 января 1890 г. журнал с периодичностью два номера в месяц под названием «Вестник военного духовенства». Для сотрудничества в журнале привлекались наиболее талантливые священники — лучшее доказательство тому три больших сборника проповедей, составленных применительно к быту воинов, из числа напечатанных в журнале за десять лет (1890—1900). Они стали прекрасным подспорьем для военных священников.

Важное место в работе военных священников занимали братские собрания под председательством протопресвитера, на которых рассматривались самые животрепещущие проблемы. К примеру: как преподавать Закон Божий в учебных командах, как лучше устроить библиотеку при церкви, какие меры нужны для предупреждения деятельности в войсках проповедников сектантского толка и пр.

Поскольку в братских собраниях могли участвовать не все военные священники, то этот пробел восполнялся так называемыми «обзорами» — т. е. ревизионными или инспекционными поездками по частям самого протопресвитера. Начало им положил отец Александр Желобовский, при этом «обзоры» соединялись с проведением «братских собраний». Одновременно он посещал начальников корпусов, дивизий и командиров полков, обменивался с ними мнениями о религиозно-нравственной работе в войсках и работе своих подопечных пастырей.

Надо отметить, что военным священникам было трудно работать прежде всего из-за того, что призывники подчас вообще не имели понятия о религиозных началах — достаточно сказать, что в некоторых полках порой до 70% новобранцев совершенно не разбирались в вопросах веры. И еще одна трудность — не везде, но в Финляндском, например, в Виленском, Варшавском и Кавказском военных округах не хватало помещений для отправления Богослужений. Правда, летом для них использовался походный намет, как и в военное время, но такие палатки-церкви не могли в полной мере удовлетворить религиозные потребности воинов в мирное время. В плачевном состоянии находились почти все артиллерийские и саперные бригады, резервные и стрелковые батальоны, в которых не было ни церквей, ни священников. По этой причине обучением нижних чинов молитвам занимались епархиальные священники либо офицеры — в обоих случаях результаты были незавидные.

Отец Александр Желобовский сосредоточил свои усилия на воздвижении церквей для воинов и в этом немало преуспел. С 1878 по 1902 г. было построено более 80 церквей, большую часть которых он освятил лично.

Из истории военного духовенства

Погребение
артиллерийского
офицера в
русско-
турецкую войну

Оценивая роль военного духовенства в войнах прошлого столетия, надо признать, что оно делало все возможное для использования патриотических чувств народа в пользу государства. При этом деятельность Церкви в воспитании воинства и народа в различные периоды истории страны далеко не равнозначна. Если в 1812 г. лозунг «защита веры» прямо способствовал победе в освободительной войне против нашествия наполеоновских полчищ, то в Крымской войне он уже был прикрытием захватнических планов обеих сторон. К тому же нельзя забывать, что 10 млн. православных христиан в европейской Турции видели в русском императоре своего естественного освободителя и покровителя. И в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., принесшей освобождение единоверной Болгарии от османского ига, Церковь выступала активным идейным вдохновителем того же призыва «защиты веры». К этому надо добавить, что роль церкви в войнах XIX в. была очень значительной, так как она участвовала в организации медико-санитарной службы, помощи инвалидам, беженцам и т. д.

Следствием воспитания солдат в духе православного христианства стала готовность к самопожертвованию, когда война приобретает национальный или народный характер. Вера объединяла весь народ — и завоеватель, как правило, всегда терпел поражение. Так было во времена Дмитрия Донского и в Смутное время, в войне с Наполеоном и против гитлеровского нашествия. Современные военные теоретики подтверждают, что в нынешних условиях можно успешно вести борьбу, только придав ей характер национальной или народной.

Время на стыке XIX и XX столетий показало, что изменения, происшедшие в структуре государства, требуют внести соответствующие коррективы в работу военного духовенства. С этой целью 23 января 1900 г. при Главном Штабе была организована особая комиссия под председательством генерала

от инфантерии (от пехоты) графа С. П. Татищева при участии протопресвитера военного и морского духовенства для укрепления религиозно-нравственного воспитания войск. Комиссия выработала оптимальный тип военного храма, образцового не по роскоши и убранству, а по вместительности и экономичности сооружения. Кроме того, комиссия сочла целесообразным провести ряд мер для подъема уровня религиозно-нравственного воспитания, в том числе: «1. организовать в войсках внебогослужебные собеседования, по одному разу в неделю в каждом батальоне, каждое продолжительностью не менее одного часа. Собеседования эти, обнимая собою элементарный курс Закона Божия по программам, разработку коих взял на себя о. Протопресвитер, должны быть включены в план распределения зимних занятий;

2. отправлять по мере возможности всех православных нижних чинов, а в особенности православных нижних чинов с их учителями в праздничные дни к обедне и накануне ко всенощной; нижние же чины из иноверцев должны быть посылаемы в инославные храмы, а за неимением таковых, в войска должны быть откомандированы иноверческие священнослужители (это положение — доказательство тому, что Русская Православная Церковь не вела работы против других исторических вероисповеданий);

3. наблюдать, чтобы в войсковых частях отводились нижним чинам места впереди посторонних прихожан, откуда каждый мог бы отчетливо слышать Богослужение; посторонних же прихожан допускать только в том случае, если окажется избыток места за размещением нижних чинов;

4. наблюдать, чтобы нижние чины были приводимы в церковь до начала Богослужения и не расходились бы до окончания;

5. возможно шире распространить существующий в некоторых частях обычай выдавать каждому нижнему чину по просфоре после причащения; установить, чтобы в военных церквях нижние чины, прикладываясь к кресту, были одеяемы частицами антидора;

6. ввести в военных церквях хоровое пение всеми нижними чинами общественных молитв; равно установить обязательное пение хором всеми присутствующими нижними чинами молитв: утренней, вечерней, пред обедом и ужином; организовать в каждой части церковные хоры из ротных песенников, под руководством офицеров;

7. воспретить в часы праздничных церковных служб всякого рода смотры людей и наряды на домашние и хозяйственные работы;

8. установить, чтобы за крайними исключениями, говение вместе с приобщением продолжалось шесть дней;

9. требовать соблюдения постов, по крайней мере, всего Великого поста;

10. разрешить командирам частей выписывать на хозяйственные суммы, сверх установленного отпуска, книги для чтения нижних чинов из числа рекомендованных циркулярами Главного Штаба;

11. в видах поддержания связи нижних чинов с оставленными ими на родине семьями, давать предпочтение женатым при увольнении в краткосрочный отпуск; дозволить нижним чинам и особенно новобранцам отправлять бесплатно (на средства части) определенное количество писем в год;

Из истории военного духовенства

12. обратить внимание на часы досуга нижних чинов (особенно в праздники), отвлекая от бесцельного шатания по городу устройством разного рода развлечений, игр, состязаний, чтений с туманными картинами (проекционные фонари. — А. Г.) и т. п.; большую пользу нравственному подъему может принести ознакомление с историей русских войск (особенно своей части) в рассказах и воспоминаниях о доблестных подвигах;

13. преследовать всякого рода брань и сквернословие;

14. обратить внимание на религиозно-нравственное воспитание малолетних учеников школы солдатских детей;

15. обратить внимание на религиозно-нравственное воспитание юнкеров и кадетов военно-учебных заведений».

Все эти меры не вызывали новых расходов казны и поэтому 28 апреля 1901 г. последовало Высочайшее повеление принять их к руководству в войсках в виде опыта на три года по усмотрению командующих округами, с тем, чтобы после этого срока вновь вернуться к вопросам нравственно-религиозного воспитания войск уже на основе полученного опыта.

Постараемся посмотреть на этот документ с другой стороны. В нем ничего не говорится об укреплении нравственного уровня офицерского корпуса, который стал заметно падать с 1891 г., о чем свидетельствует печать того времени. Среди офицерства стало преобладать мнение, что религия нужна прежде всего нижним чинам для укрепления воинской дисциплины. И вот с этой, явно опасной тенденцией, никакой борьбы практически не велось.

Падение нравственности общества и, как следствие, у российских воинов создавало определенные трудности в работе военного духовенства. Военный священник протоиерей Григорий Лапшин так писал о своей работе: «Обязанности пастыря особенно трудны в нынешнее время, когда пороки среди христиан так умножились. Нет ныне уважения родителям; семья разлагается; с распадом семейного начала начала падать и правильная общественная жизнь, — утрачено уважение к законам и представителям власти; обострились отношения между сословиями, возросло взаимное озлобление; появилось презрение к жизни — самоубийства стали постоянным явлением даже среди юношей и подростков; убийства, грабежи, поджоги, воровство, обман, насилие над женщинами и детьми стали ежедневным явлением; положительно одичал народ, живет только интересами низменными, чисто животными. Все эти печальные явления происходят от упадка веры в Бога».

Казалось бы, что с падением нравственности в обществе, в армии должны были затрачивать больше усилий на изучение Закона Божия, но на деле картина складывалась обратная — «Положением об учении пехоты» от 22 декабря из курса войсковых унтер-офицерских школ вовсе был исключен Закон Божий, что со временем не замедлило сказаться на общей дисциплине.

Одной из мер, внедренных в армию, было увековечение памяти усопших и погибших воинов. 23 августа 1903 г. Николай II подписал приказ о совершении панихид в Дмитровскую субботу (перед 26 октября) по усопшим воинам, отдавшим свою жизнь за Отечество. Панихиды должны были проходить во

всех воинских частях, где были священники. По сути своей, учреждение Дмитровской субботы означало установление для воинов духовной связи с прошлым... В этот день военные священники выступали перед воинами с беседами о героях и их подвигах во славу Отечества.

Серьезным испытанием для военного духовенства стала русско-японская война, которая внесла много нового в его работу. Во-первых, русский священник успешно сотрудничал на поле боя с представителями других религиозных исповеданий и конфессий, в частности с раввином и муллой; во-вторых — военные события показали необходимость и специальной подготовки духовенства к войне. Характерно, что священники работали без какого-либо контроля свыше, то есть каждый действовал самостоятельно, как позволяли его опыт, знания и совесть. По воспоминаниям военного священника и участника этой войны отца Георгия Шавельского, на поле боя можно было наблюдать и такие картины: «Один священник, храбрый и жаждавший подвига, забирался в передовой окоп и ждал момента, когда ему можно было пойти с крестом впереди, другой пристраивался к отдаленному, недостижимому для пуль и снарядов, перевязочному пункту; третий удалялся в обоз 2-го разряда, обычно стоявший в 15—20 верстах от части. Последний совсем устранял себя от активной роли во время сражения, но и первые два не приносили той пользы, которую они должны были принести. Свою деятельность на театре военных действий священники сводили к совершению молебнов, панихид и иных треб, отпеванию умерших, напутствования больных и умирающих. Протопресвитер военного и морского духовенства не показывался на театре (По причине преклонных лет отца А. А. Желобовского это было невозможно. — А. Г.)».

Атака 11-го
Восточно-Сибир-
ского стрелкового
полка в бою под
Тюрнеченом,
возглавляемая
дважды раненым
полковым
священником
Щербачевским

Из истории военного духовенства

Однако, русско-японская война выявила немало подвигов военных священников, вспомним наиболее яркие из них...

Отец Михаил Руднев во время боя крейсера «Варяг» бесстрашно ходил по залитой кровью палубе, напутствуя умиравших и вдохновляя сражавшихся. Отец Стефан Щербаковский под Тюренченом, надев епитрахиль, взял крест, благословляя стрелков, с пением «Христос Воскресе», пошел в атаку во главе знаменитой роты 2-го Восточно-Сибирского полка и был ранен. Иеромонах отец Порфирий своим героическим поведением воодушевлял матросов на верхней палубе крейсера «Аскольд» в бою 28 июля 1904 г. Священник 10-го Восточно-Сибирского полка отец Иоанн Ремезов выходил вместе с врачами подбирать раненых под огнем в Хоянском бою. В бою 16—18 июля на Юшулинском перевале был убит священник 122-го пехотного Тамбовского полка отец Александр Любомудров, мужеством своим снискавший любовь паствы. При Ляояне был контужен священник 33-го Восточно-Сибирского пехотного полка Георгий Шавельский, человек не ведавший страха. После гибели 1 августа крейсера «Рюрик» в плену оказался иеромонах Алексей (Оконешников). Любовь и уважение воинов заслужили военные священники: отец Феодосий Станкевич (крейсер «Россия»), отец Георгий Федоров (крейсер «Громобой»), отец Федор Скальский (Порт-Артур), отец Василий Тюшняков (7-й пехотный Красноярский полк). Но единственным священником, который всерьез задумался об организации работы священников на поле боя, был Георгий Шавельский, который со временем станет протопресвитером военного и морского духовенства и сможет свои мысли претворить в жизнь. Он заслуживает особого внимания своей службой и своим отношением к долгу...

К началу первой мировой войны военное и морское духовенство представляло собой четко организованную систему, которая насчитывала более 730 священников, с мобилизацией их стало более 5 тыс. По своему церковному положению протопресвитер приравнивался к архиепископу, в военном отношении к генерал-лейтенанту, и имел право входа к царю для доклада. По своей сути влияние его распространялось на всю Российскую империю — короче говоря, это была высшая ступень карьеры для белого священника. По делам церковного управления он получал указания только от Св. Синода, а по делам военного ведомства — от военного и морского министров. В военное время протопресвитер представлял Св. Синоду на утверждение кандидатуры военных священников для каждой из формируемых армий. В 1910 г. было утверждено положение о введении должности помощника протопресвитера, а через пять лет — должность секретаря при нем. Поражает малочисленность аппарата протопресвитера — духовное управление состояло всего лишь из трех человек, которых себе подбирал сам протопресвитер «из благонадежных протоиереев и священников». При управлении протопресвитера было также два нештатных члена. Все лица управления военного и морского духовенства утверждались Синодом, а председательство в управлении доверялось старейшему из его членов. Синодом утверждался делопроизводитель, управлявший канцелярией, которому подчинялись столоначальники и регистратор. Примечательно, что делопроизводитель подчинялся обер-прокурору Синода.

Нужен ли священник на войне? — на этот вопрос русскому обществу был дан ответ в брошюре о. Георгия Шавельского «Служение священника на войне», вышедшей в свет в 1913 г. Она вызвала большой интерес у общественности. Автор признавал необходимость присутствия священников среди воинов не только для напутствования умирающих или для погребения умерших, но и для постоянного служения всем. Военный пастырь был обязан:

«а) поддерживать и питать в войнах особенно чуткое на поле брани религиозное чувство, для охранения их от уныния и отчаяния, с одной стороны, от возможного разврата, насилий и грабежа, ожесточения и даже озверения — с другой.

Война своими ужасами и всей своей обстановкой естественно открывает возможность того и другого.

б) поддерживать и возбуждать в войнах дух мужества, честное и самоотверженное исполнение своего долга, ибо трусость одних воинов и измена долгу других влекут за собою огромные невинные жертвы в войске; наносят неисчислимый вред отечеству, народу, наконец, представляют само по себе унижительное, недостойное человека, развращающее других явления. Священник, таким образом, обязан поддерживать и воспитывать в войнах веру, правду и праведность, долг и честь. Его средства: богослужение, книга и проповедь, беседа и личный пример.

Отсюда вытекают более частные его обязанности: возможно чаще, пользуясь каждым удобным случаем, совершать богослужение; как можно чаще по-пастырски беседовать, стараясь возможно ближе стать к воинам; делить с ними все лишения, труды и опасность и всячески проявлять свою заботливость о них. Отсюда следуют еще более частные обязанности:

а) для полкового священника: находиться там, где больше требуется его присутствие и откуда легче всего подавать помощь, т. е. не в тылу, не в обозе, а при самом полку, — во все время боя на передовом перевязочном пункте, а когда потребуется — в окопах и впереди полка, ежедневно обходить или просто, или со св. крестом окопы и т. д.;

б) для того и другого: заботиться о пополнении библиотек, извещать родственников убитых и умерших воинов о смерти последних, заботиться о содержании в порядке военных кладбищ и т. д.».

С 1 по 11 июля 1914 г. в Санкт-Петербурге проходил Первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства (вне сомнения — по инициативе отца Георгия Шавельского), в котором участвовало 40 священников от армии и 9 — от флота. Предсъездовская комиссия подготовила повестку дня из восьми пунктов: о составлении общей инструкции, или памятки, для военноморского духовенства, о богослужении, об учительстве, о библиотеках в ротах, лазаретах и на гауптвахтах, о борьбе с сектантством, о препятствиях к плодотворной деятельности духовенства, о свечном заводе. Для обсуждения указанных вопросов и разработки соответствующих документов и решений было образовано восемь комиссий.

Съезд утвердил памятку-инструкцию военному священнику. Помимо основных обязанностей (совершение богослужений, погребений и т. д.) на во-

Из истории военного духовенства

енного священника налагались новые: так, строевому батюшке надлежало помогать врачам в перевязке раненых, убирать с поля боя убитых и раненых, наблюдать за поддержанием в должном порядке могил и кладбищ, извещать родственников убитых, создавать походные библиотеки. Госпитальный священник должен был совершать как можно чаще богослужения для больных, ежедневно посещать их в палатах, беседовать и утешать, писать письма родным.

В любых случаях военный священник был обязан в войсках активно проводить идеи преданности и верности до самопожертвования, воспитывать воинов в «духе непоколебимой преданности вере», прививать им «беспрекословное повиновение начальству».

Съезд рассмотрел еще один вопрос, которого не было в повестке: военным священникам предстояло заниматься борьбой с «зеленым змием». 22 мая 1914 г. император высочайше повелел исполнить «меры против потребления спиртных напитков в армии». Согласно этому документу предлагалось создавать в армейской и флотской среде общества трезвенников на основе правил, выработанных «Духовным правлением при протопресвитере военного и морского духовенства». Полковым батюшкам вменялось в обязанность два раза в год делать сообщения в присутствии всех офицеров о губительном влиянии алкоголя на организм и о значении религии в борьбе с пьянством. Особое внимание следовало обратить на молодых солдат и регулярно проводить среди них проповеди и агитацию за вступление в полковые общества трезвенников, не менее раза в неделю и чаще беседовать с теми, кто был замечен в употреблении алкогольных напитков, при этом рекомендовалось достигать цели мерами нравственного влияния.

1 сентября 1914 г. протопресвитер военного и морского духовенства отец Георгий Шавельский разослал благочинным циркуляр, в котором по существу был обобщен опыт многолетней службы военных священников на поле боя:

«Все священнослужители должны помнить: 1) что война решает участь народа; 2) исход войны зависит от воли Божией и от напряжения всех сил народных. Отсюда долг военного священника: а) непрестанно молиться, чтобы Господь не оставил Своею милостью нашу Родину и Армию, и б) всячески и словом, и делом содействовать подъему духовных сил воинской части, при которой он состоит...

В круг обязанностей священника на войне входит:

1. Кроме молитвы келейной, совершение богослужений в воскресные и праздничные дни и накануне их. Местом богослужения может служить: церковь, палатка, жилой дом, открытое поле и т. д. Отсутствие большого числа молящихся не должно служить препятствием к совершению в положенные дни богослужения. Священник может совершить его и при одном церковном помощнике. Только передвижение полка и время боя могут служить достаточными причинами к несовершению богослужений.

Для организации благолепия священник непрестанно обязан заботиться об организации хора.

2. Совершение торжественных молебнов перед началом боя и панихид об убитых — после боя.

3. Во время боя место священника на передовом перевязочном пункте, где всегда имеется множество раненых, нуждающихся: одни — в напугствии, другие в утешении. Но священник должен быть всегда готов во всякую минуту пойти вперед, где требуется его участие.

4. Священники пользуются всяким случаем, чтобы оказать свое пастырское влияние для поддержки в воинских чинах доблестного духа, веры в Бога и уважения к Его законам. Для этого они стараются как можно чаще беседовать с чинами, реагируя на все как положительные, так и отрицательные явления в жизни части, первые всячески одобряя, вторые — предупреждая от повторения.

5. Благочинные наблюдают, а священники госпитальные позаботятся о поддержании библиотек, которых будет выслано много, с отнесением расхода на счет церковных сумм. Книга — лучший друг и утешение в часы досуга и выздоровления. Опыт русско-японской войны доказал чрезвычайную важность библиотек для госпиталей.

Полковые священники по возможности заботятся, чтобы и их части не оказались без книг.

6. Вовремя сделанная перевязка нередко спасает жизнь раненому. Всякая лишняя перевязывающая рука дорога на войне. Желательно, чтобы каждый священник умел перевязывать раненого. Он найдет тысячи случаев приложить это умение к делу и спасти многих.

7. Желательно, чтобы священники извещали родственников убитых чинов своей части о смерти и месте погребения их. Каждая весточка священника вызовет слезы благодарности у родственников убитых.

В помощь себе в этом деле священник может привлечь церковника и несколько грамотных чинов полка в свободное для последних время.

8. Каждый священник должен быть готов послужить и чинам другой части, если позволят сделать это его силы.

9. Желательно, чтобы священники организовали, каждый в своей части, общества помощи семьям убитых чинов этой части.

10. Священники первые должны подавать своим пасомым пример твердости в вере, стойкости в исполнении долга, трезвости и благоповедения.

Замеченные в нетрезвости и неблагоповедении будут уволены из ведомства...».

Трудно что-либо добавить к этому документу. Но вот что примечательно — в нем ничего нет о воспитании воинов в духе преданности монарху...

Военное духовенство принимало активное участие в исторической работе в вооруженных силах. Уже первые бои Первой мировой войны показали поразительные примеры самоотвержения, доблести и неутомимости русских солдат и моряков. Увековечение подвигов воинов через беспристрастное описание их — долг благодарной им Родины, и это в то же время драгоценный материал для воспитания доблестного духа, бесстрашного служения там, где надо было постоять за Веру и Отечество, а всему миру показало бы величие души русско-го человека, — так считал Георгий Шавельский.

Все полковые, госпитальные и другие священники, находящиеся в действующей армии, должны были немедленно сообщать о всех подвигах, «совер-

Из истории военного духовенства

шаемых в обслуживаемых ими частях как отдельными лицами: офицерами, врачами, нижними чинами, так и целыми частями, описывая каждый подвиг как можно подробнее, с указанием времени, места, лиц, а также о всем, что может свидетельствовать о доблести наших войск» — это следовало из приказа, разосланного неутомимым протопресвитером военного и морского духовенства 2 сентября 1914 г. В свою очередь, благочинные были обязаны сообщать о подвигах священников на поле брани.

Сохранились воспоминания одного из армейских офицеров о том, в каких условиях и как служили полковые батюшки: «В каждой части есть свой годовой праздник, если даже и не имеется своей особой церкви и своего священника. Наш праздник приходится глубокой осенью. Часть только что пережила самые трудные боевые дни и усталая, изнуренная походами, остановилась бивуаком возле польской деревушки. Начальство думало, чем бы ознаменовать праздник, в мирное время проводимый с подобающей торжественностью и даже довольно шумно, но придумать что-нибудь было действительно трудно: мы стояли в глуши и благодарили Бога, если был обыкновенный черный хлеб и положенный горячий приварок; города далеко, да и в них тогда уже нельзя почти ничего было достать. Единственно возможное при таких условиях невестественное ознаменование молебствие, парад. Но и это не совсем легко было устроить при той непролазной грязи, какая окружала всю деревню. Все-таки выбрали полянку посуше, выстроили нижних чинов буквой «п» («покоем» — А. Г.), в центре поставили столик, приглашенный из соседнего полка священник накрыл его парчовой скатертью, поставил образок в раме, положил Евангелие, крест, затеплил свечку, облачился сам. Отдельной группой стали офицеры, начался молебен.

Никто бы со стороны не сказал, что тут люди справляют свой годовой праздник: так потерт и потрепан был вид у всех, и столько наворочено было густой грязи у каждого на сапогах; амуниция пообносилась, головные уборы неодинакового образца. И лица у всех серые и суровые, ничего праздничного в их чертах...

Священник служил хорошо, тепло. Это был не заурядный полковой батюшка, компанейский человек в закуской и картежной компании, а действительно человек христианского подвига. Офицерство в мирное время его очень недолюбливало: он держался как-то нервно, порою задирчиво, вмешивался, куда его не просили, находил, что не следует устраивать танцевальных вечеров по субботам, хотя канун праздника для офицеров самое свободное время — не надо завтра рано вставать, — воевал против алкоголизма... С ним вечно бывали какие-нибудь неприятные истории, — рассказывал мне добродушнейший капитан того полка, — и мы уже думали, неужели нам и на войну придется брать этого несносного батьку? Но, представьте, — продолжал капитан, — на войне он сразу точно переродился: какая-то примиренность в нем теперь, ни к чему не придирается, охотно участвует в наших беседах и даже не отказывается от коньяку, хотя только чуть пригубит. Мы все его страшно полюбили, а уж о солдатах и говорить нечего: молились бы на него, да уж больно он свой человек, простой. Вы уже знаете, конечно, что он

во всех боях идет на поле сражения — не только причащать раненых, но и подбирать их, перевязывать и уносить вместе с санитарями. Удивительно долго хранила его судьба, но вот ранен-таки и два раза даже, хотя слава Богу, не опасно. В первый раз он стоял, наклонившись над тяжело раненым, и вдруг почувствовал боль, упал, думали, что кости бедра переломаны, но нет ничего, встал и не только добрался до перевязочного пункта, но еще успел до этого причастить одного. Когда припелся к пункту, держась рукою ниже спины, солдаты, бывшие там, переполошились:

— Батюшка, что с вами? Вы ранены?

— Ранен, братцы, ранен...

— Куда ранены-то?

— А вот куда, братцы, вот куда.

Солдаты, несмотря на искреннее соболезнование, не могли удержаться от смеха: больно уж просто, по-русски назвал он свою раненую часть тела (пуля пробила ему навывлет обе ягодицы)...

Вылечившись от этой раны, он снова принялся за свое дело, и второй раз был ранен в лоб, но пуля как-то счастливо для него скользнула, а то удар был бы, конечно, смертельным. И теперь еще служит на полях брани этот пастырь добрый, — душу свою полагающий за овцы.

Вот он-то и правил молебен у нас на празднике. В зеленой ризе на всегдашнем его верблюжьем подрянике, подпоясанном кожаным поясом, — вспоминается евангельское описание одежды Предтечи: пояс кожаный поверх верблюжьей шкуры, — и черная шапочка-скуфейка на голове, из-под которой выбивались мочального цвета пряди волос; такая же желтоватая борода и удивительно стильный, даже красивый профиль лица. Обратившись к выстроенным рядам, он сперва говорил поучение. Праздник был «Богородичный», и он, связывая его с войною, вспоминает известный исторический эпизод из борьбы Руси с татарами, когда принесена была из Москвы к полям сражения чудотворная икона Божией Матери. Речь простая, нелитературная; даже вместо «Тохматыш» слышится «Тохматыш», и это не случайная оговорка, потому что ошибка в имени повторяется несколько раз, но важно ли это? И не речь тут важна и убедительна, убедителен сам говоривший, сам этот «Тохматыш», как я про себя его окрестил.

Нелегко угадать степень религиозного усердия, когда солдат даже и молится в строю, по наряду, но можно было все-таки заметить, что между незатейливым оратором и слушателями есть какие-то незримые нити, связывающие их в единое целое, хотя священник и был чужой, чужого полка. И потом за молебном солдаты молились и стоя, и «преклонив колена» на сырую землю, чтобы не сказать — прямо в грязь...

Но особенный порыв, особое какое-то дуновение сердечного, неофициального, нестроевого благочестия прошло по всей команде, когда священник, приняв от нашего писаря бумажку, стал поминать за эктенией рабов Божиих новопреставленных воинов Алексия, Евфимия, Андрея... на брани живот свой положивших... Это был список первых наших убитых, которые были еще на днях среди товарищей, шутили, обедали вместе, закуривали от одного огонька...

Из истории военного духовенства

«Вчерашний бо день беседовах с вами. И внезапно найде на мя страшный час смертный...». — все в рядах закрестились часто-часто; по застывшим лицам пробежало что-то теплое, трогательно-братское. Если бы смерть за родину не была сама по себе святою, казалось, одного этого движения простых лиц и сердец было довольно для того, чтобы Петр апостол трепетной десницей тот же час отомкнул райские двери перед новопреставленными и Господь Бог отпустил им всякие прегрешения, вольные и невольные».

После февральской революции, признанной духовенством как изъятие «кары Божией», в армии были созданы полковые приходские советы, куда вошли военный священник, ктитор (церковный староста, заведовавший хозяйством в церквях военного и морского ведомств), псаломщики, по одному представителю от каждой роты и три представителя полкового комитета. Военное духовенство продолжал возглавлять отец Георгий Шавельский. В февральские дни он был арестован, но затем выпущен по просьбе военного министра Александра Ивановича Гучкова.

В годы войны военное духовенство накопило немало новых методов работы с воинами. В этом отношении весьма показательны проведения съездов духовенства армии и флота. В мае-июне 1917 г. были опубликованы материалы съезда священников 7-й армии, в котором участвовал 21 военный священник. Особое значение придавалось умению вести устную пропаганду среди солдат и оперативно реагировать на изменения в политической жизни. Военный священник обязан был ежедневно в своих проповедях освещать события общественной, государственной жизни с патриотической и религиозной точек зрения. При этом следовало учитывать уровень грамотности и знаний воинов. Во внебогослужебных беседах с личным составом воинских частей он должен был заинтересовать слушателей, разъяснить им смысл и цели войны. В качестве лекторов предполагалось использовать офицеров.

Для усиления пропаганды среди воинов предусматривались просмотры кинофильмов, организация библиотек в каждом подразделении, распространение бесплатных листовок и брошюр пропагандистского характера, иллюстрированных изданий, создание специальных витрин и газет в «местах скопления нижних чинов». Священник должен был оказывать влияние и на офицеров: особенно на молодых, предостерегать их от неосторожного «критиканства и выражений недовольства действиями властей», так как подобные разговоры среди солдат были достоянием всего полка.

В новых условиях военное и морское духовенство перестроило свою работу. На Втором Всероссийском съезде военного и морского духовенства, проходившем в Могилеве с 1 по 11 июля 1917 г., после обсуждения докладов о. Георгия Шавельского, протоиерея Садикова о современном положении священников в войсках, священника А. Боярского об отношении духовенства к политико-экономическим вопросам, большинство присутствующих высказалось за участие военного духовенства в политике. В частности, священник К Стешенко заявил, что оно может примкнуть к любой партии, за исключением анархистов и большевиков. Боярский недвусмысленно предложил войти в контакт с эсерами.

Хотя съезд и не принял решения об отношении к партиям, но из анализа церковной печати того времени можно сделать вывод, что военные священники с наибольшей симпатией относились к позиции кадетов, выступавших против коренной ломки социальных отношений «без соблюдения справедливости к имущим» и не обольщались «идеей социализма». Священники явно предпочитали социальную эволюцию пролетарской революции.

На съезде было принято решение о преобразовании Духовного правления в Протопресвитерский совет из десяти лиц. Утверждалась выборность всех лиц — от благочинного до протопресвитера. 9 июля тайным голосованием на должность протопресвитера вновь был избран Георгий Шавельский, что свидетельствовало о большом авторитете этого замечательного военного церковного деятеля.

Подшло время восстановления Патриаршества в России — Временное правительство выступило с инициативой созвать Всероссийский поместный собор и выделило для этого 2 млн. рублей. Собор приступил к работе 15 августа в Москве. В числе делегатов находилось десять представителей от военного и морского духовенства. 17 августа на заседании выступил Георгий Шавельский: «Священный собор должен прийти на помощь армии. Я считаю необходимым, чтобы, во-первых, Всероссийский поместный собор обратился к армии с воззванием самым решительным и горячим... Во-вторых, считаю необходимым, чтобы от имени собора непрерывно издавались листки для армии... В-третьих, нужно послать от собора проповедника в Московский гарнизон... ибо настроение гарнизона отражает настроения общества. В-четвертых, нужно устроить всенародное моление к Господу о спасении Отечества и вразумлении заблудших». Наиболее подходящим днем Шавельский назвал 26 августа. 24 августа собор принял воззвание к армии.

В первой мировой войне русское военное духовенство находилось на высоте положения — это была сила, связывающая воедино три слоя русской армии: генералитет, офицерство и нижних чинов... Лучшее тому свидетельство — награды военных священников, среди которых 227 золотых наперсных крестов на георгиевской ленте, 85 орденов Св. Владимира 3-й степени с мечами, 203 ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами, 304 ордена Св. Анны 2-й степени с мечами, 239 орденов Св. Анны 3-й степени с мечами. Протопресвитер военного и морского духовенства был награжден орденами Св. Александра Невского и Св. Владимира 2-й степени.

О мужестве военных священников красноречиво свидетельствуют следующие цифры. За время войны кавалерами ордена Св. Георгия 4-й степени стало 14 человек (Со времен Екатерины II, учредительницы этого ордена, им было награждено всего 4 священника — А. Г.). В русско-японскую войну погиб один священник, а раненых и контуженных не набирается и десятка. В войне 1914 г. погибло 30 священников и ранено около 400! Более ста человек попали в плен, но и там они продолжали исполнять свои обязанности.

С роспуском старой армии и флота в ноябре-декабре 1917 г. был упразднен и институт военного духовенства, успешная работа которого была несомненной заслугой протопресвитера отца Георгия Ивановича Шавельского — о нем речь пойдет отдельно.

«Честь имею!»

В конце XVIII в. в русской армии сложилось устойчивое представление о чести. Современные справочники и словари определяют эту нравственную категорию не с христианских позиций, а с классовых. Поэтому лучше обратиться к известному словарю Владимира Даля, в прошлом офицера и военного врача, чтобы уяснить, как наши предки понимали честь: «Внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». Теперь по очереди рассмотрим слагаемые этого понятия, наполним их конкретным содержанием.

Под доблестью понималось высшее душевное мужество, стойкость, благородство, великодушие, способность к самопожертвованию. Достоинство включало в себя такие качества, которые показывали, чего человек стоит и заслуживает, каких моральных правил придерживается и как им следует.

Честность — это качество прямого и правдивого человека, во всем следующего своей чести и долгу, надежного в слове и в деле, которому можно во всем доверять.

Понятие совесть предполагала наличие нравственного сознания, нравственного чутья или чувства в человеке, христианское осознание добра и зла, невозможность совершения чего-либо против законов божеских и человеческих, любовь к истине. Благороден душой — так называли людей, согласующих свои поступки, поведение, понятия и чувства с честью и общепринятыми нравственными правилами. Это человек честный, великодушный, способный пожертвовать своим на пользу другим. Совершенно очевидно, что все эти качества были воспитаны у русских воинов в соответствии с христианскими идеалами.

Христианское учение за два тысячелетия успело распространиться по всему свету и пустило корни в жизнь многих народов. За это время лицо земли менялось: одни народы сходили с исторической сцены, уступая место другим, нарождались новые и исчезали старые партии и идеологии. А учение Христа

оставалось незыблемым, как скала. Ни время его не состарило, ни силы враждебные не смогли одолеть (Мф. 16, 18). И как его основатель — Христос — вчера, сегодня и во все века один и тот же (Евр. 13, 8), то и учение его во все времена, при любых обстоятельствах, общественных катаклизмах и мировых катастрофах остается одним и тем же, вечно жизненным и действенным — верой с одними и теми же способами действия, с одной и той же непреклонной целью. Это вероучение является возвышенным, никем и никогда еще не превзойденным — его способ утверждения не меч, а слово Божие, не принуждение и насилие, а любовь и благодать. Его цель — исправление и наставление людей в праведности, как учил Апостол (2 Тим. 3, 17): «...да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу преутоловлен» или как определили отцы VI Вселенского собора для «спасения и преуспевания людей на лучшее» (Трул. 12 прав.). Девиз христианского учения — помышлять только о том, что «истинно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала» (Филип. 4, 8).

Прежде, чем понятие чести утвердилось в Вооруженных Силах, оно прошло сложный эволюционный путь. В России Петра Великого, вставшей на путь коренных преобразований, хватало энергии, умов, талантов — но не было, пожалуй, одного, недостающего обществу, — чувства собственного достоинства, внутренней непринужденности, а без этого немислимо развитие культуры.

Сегодня под понятием «честь воина» мы понимаем набор определенных нравственных качеств личности, а под совестью — критерий или мерило того, насколько личность наделена этими качествами. В самом деле — воин может оказаться в обстановке, когда у него нет рядом командира или товарища, ему угрожает смертельная опасность — и если он четко выполняет свои обязанности, несмотря на все это, значит он наделен совестью. Далеко не сразу понятие «честь» появилось в Вооруженных Силах России, и потому снова обратимся к истории...

В 1758 г. выпускник Сухопутного шляхетного корпуса, известный писатель Александр Петрович Сумароков обратился к всемогущему генерал-фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову с жалобой на графа Захара Григорьевича Чернышева, что тот обругал поэта вором. Сумарокова глубоко задело это оскорбление, прежде всего, как дворянина (следует напомнить, что понятие о чести восходит к весьма почтенным временам и впервые появилось именно у людей военных): «Я не граф, однако дворянин, я не камергер, однако офицер и служу без порока двадцать семь лет... Кто думал, что это мне скажут когда-нибудь, только потому, что он больше моего чину». Сумароков не мог заснуть всю ночь и плакал, как ребенок, «не зная что начать».

Зародившееся чувство собственного достоинства на первых порах было еще слабым, более того, беспомощным — оно плачет по ночам, как дитя, и не в состоянии себя защитить. Это достоинство еще и не совсем полноценно, поскольку позволяет униженно кланяться вельможе и не решается заявить о своем протесте во весь голос. Но никто не должен стесняться пеленок своего детства. Пройдет время, и достоинство и честь воина заявят о себе во весь голос и сумеют постоять за себя.

«Честь имею!»

Рост самосознания офицеров осуществлялся по мере того, как укреплялось в целом дворянство в стране, и немалый толчок этому процессу дал знаменитый указ о вольности дворянства, подписанный Петром III. Екатерина отнеслась к указу неодобительно, полагая, что именно на государственной службе должны выполнять дворяне свой общественный долг, но во второй половине своего царствования она не ограничила дарованные указом Петра III дворянские права.

Указ оказал на общество двойное воздействие. С одной стороны, он действовал отрицательно на само общество и особенно пагубно на дворянство, которое, освободившись от обязанностей по отношению к обществу и государству, стало загнивать в пороке и лени. Безграничная власть дворянина над жизнью других людей делала его, человека порой темного и невежественного, каким-то подобием преступника, для которого не было ничего святого. Так указ о вольности дворянства прежде всего ударил по самому дворянству, размыв его нравственные устои — надо отметить, что это сказалось и на армии, куда приходили дети из дворянских семей.

Но, с другой стороны, указ в некоторой степени оказался и благотворным для дворянства и государства. В условиях относительной независимости в среде дворян стал интенсивно идти процесс дифференциации, различительными слоями которой стали мировоззрение, понимание своих общественных обязанностей и, наконец, личные нравственные качества. Последнее обстоятельство открывало большие возможности. На любом уровне дворянского сословия — и при дворе и в глухой деревне — принялись расцветать личности со своими способностями, образованием и достоинствами. Именно в этот период армия и флот дают таких ярких военачальников, как Александр Суворов, Федор Ушаков.

Если Петр Великий за неявку дворянина на службу ставил его вне закона (вне закона в полном смысле этого слова: его мог убить любой!), и главными методами воздействия были страх перед унижением и насилием (мы уже говорили о том, что судьба отвела Петру I время лишь для строительства основания державы), то после указа о вольности государство, отказавшись от своего права насильно брать на службу, могло только взывать к совести дворянина и его чувству долга перед Отечеством — конечно, на этот призыв отзывались лучшие.

Чувство собственного достоинства не сразу обрело должную силу, причем и росло оно вначале именно в дворянской среде и в первую очередь в армии — надо учесть, что законы боя эффективны именно при наличии определенных качеств воинов и, тем паче, офицеров. Характерны в этом отношении настроения подполковника Л. Н. Энгельгардта, прошедшего жестокую школу войны, в частности под предводительством Суворова. Он ожидал проведения маневров в Казани, куда должен был прибыть император Павел, с большим страхом, «чем идя на штурм Праги» (Предместье Варшавы. — А. Г.). После маневров Павел I подошел к Энгельгардту: «Скажи, где ты выпекся? Только ты мастер своего дела». «Я руку его, лежавшую у меня на плече, целовал, как у любовницы, ибо в первые два дня я потерял бодрость и ожидал уже не того,

Император
Павел I

«Честь имею!»

чтобы обратить на себя внимание, а быть исключенным со службы». Следующее поколение русских офицеров XIX в., даже под страхом смертной казни, рук целовать уже не станет, хотя жажда продвинуться на следующую ступень Табели о рангах и у них будет весьма сильной.

Еще один аспект воспитания воинской нравственности. Мы помним, что во времена Суворова добыча на поле боя считалась вполне законной и делом само собой разумеющимся. В более поздние времена офицеры уже считали зазорным как средство обогащения брать трофеи, хотя солдатам этого не возбранялось. Отношение к трофеям — яркое проявление у офицеров чести и собственного достоинства. Интересны воспоминания дворянина Александра Сергеевича Пишчевича, которые проливают свет на нравственность русского воинства его времени. Честь и чувство достоинства стали носить уже социальный характер.

Пишчевич, командир эскадрона, мог легко стать богатым на вполне узаконенном грабеже не только солдат, но и мирного населения. Его эскадрон вошел в Анапу, где «велено было войско пустить на добычу». Пишчевич стоял на валу при знамени с несколькими ранеными драгунами и смотрел, как солдаты грабят лавки. Он их не осуждал, поскольку у них своя нравственность и на них правила дворянской чести не действовали. Пишчевич стоял у знамени и с презрением смотрел на тех офицеров-дворян, которые унизились до грабежа. А ведь Пишчевич «гол, как сокол» и в долгах, которые как известно «мучат и убивают душу», и тем не менее он готов сражаться, работать, но терять достоинство — для него хуже смерти.

Эскадрон, изнывая от скуки, две зимы стоял на Волге («мы все в сем месте, как в заточении, испытав, что можно, не умирая, быть мертвым»); и вот здесь к Пишчевичу стал навязываться с дружбой местный исправник, большой специалист по части наживы. Он попросил у Пишчевича двух солдат для взимания недоимок. Исправник, «чтобы наградить» карабинеров, велел им ехать в Иргизский монастырь и топором отмечать лучшие деревья в лесах — они де по весне будут срублены и спущены по Волге в Астрахань для государственных судов. «Выдумка грубая, — вспоминал Пишчевич, — доказывающая бессмысленность тех, которые верят, что карабинеры будут выбирать угодный лес для флота!» Другой исправник, Горбунов, также предлагал Пишчевичу разные способы обогатиться — выезжать, к примеру, в окрестные селения, чтобы они откупались от постоя крупными суммами. Пишчевич не только отказался от этого, но напротив, стал убеждать окрестных крестьян, что им не надо бояться солдат, потому что они «не разбойники, но их сограждане и защитники». Исправник искренне возмущался подобным оборотом дела и причислил офицера к «обществу якобинцев».

Весьма характерное выступление! В голове исправника возможность брать взятки, творить насилие и беззаконие настолько слилась с действующей государственной системой, что отказ от беззакония и взятки представляется ему прямым посягательством на государственную власть и даже более того — революцией!

Но в воспоминаниях Пищевича очень четко просматривается его личное отношение к солдатам — истинно христианское, то самое, которое завещал Суворов. Во время войн и походов этот офицер с исключительным вниманием и сочувствием присматривается к ним. Нет сомнения, что армейские порядки накладывали свою печать на характер русского мужика еще и до того изуродованного крепостничеством. Жестокие армейские порядки одинаково уродовали и командиров, и подчиненных (уместно здесь вспомнить знаменитое изображение Аракчеева «зеленую улицу», когда сотни солдат прогоняли сквозь строй — ужаснейшую казнь, когда солдаты становились палачами своего товарища). Но видно, несмотря на суровые порядки в условиях невероятной службы, выковывался особый характер, закаленный невзгодами, способный на выносливость и мужество.

Петербургский полк, в котором служил Александр Пищевич, шел из Крыма (уже присоединенного к России) на родину. «Позднее время, а к тому пространная степь, никем не обитаемая... делали полку нашему сей поход трудным и опасным, — вспоминал автор мемуаров, — в сем походе еще более я привязывался любовью к русскому солдату, ибо имел довольно случаев удивляться его твердости: ежели начать с его одежды, то нельзя сказать, чтобы она была слишком теплая, бедный плащ едва защищал его от сильных выюг и крепкого мороза, но при всей сей невыгоде бодрость его не оставляла... Итак, мы отправились далее, имея степь вместо квартир, а умножающийся ежедневно снег служил солдату, сотворенному крепче камня, вместо пуховика». Из-за стужи драгуны не могли даже остановиться, поэтому не пекли хлеб, а из розданной муки варили «саломатину».

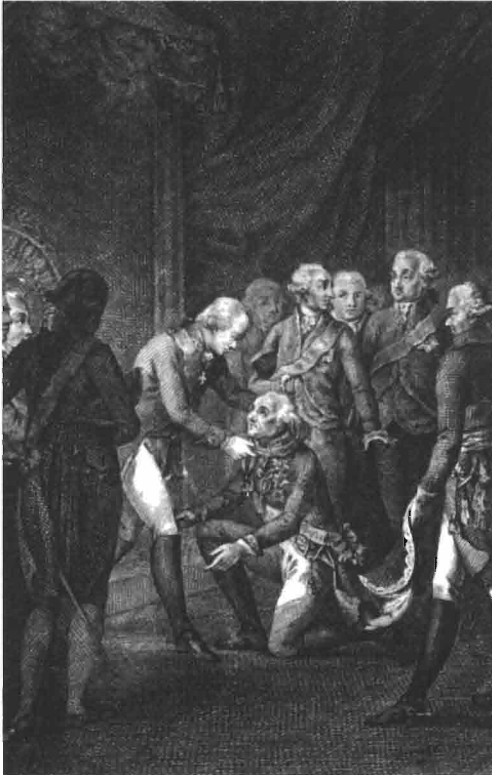
Следует отметить и еще одно обстоятельство — никогда в русской армии офицер не был хорошо обеспечен материально — его денежное довольствие позволяло в лучшем случае прокормить семью, и понимание этого позволит нам глубже проникнуть во внутренний мир офицера. Так в Крыму, «находясь в карауле или табуне», Пищевич по бедности своей был вынужден садиться за солдатский котел, в котором порой варилась простая трава. «В сем походе заметить я мог, что солдату российскому нет ничего невозможного: посреди степи пространной и оком неизмеримой, варят свою пищу сырой травой, которая столь же вкусна, как будто на лучших угодьях приготовлена; хлеб пекут, к великому моему удивлению, в вырытых ямах, и оный я ел, который вкусен и хорош; одним словом, мне кажется, что сии люди рождены победить свет, только бы их умели водить. Мое утешение было слишком велико видеть себя помещенну в число сих неустрашимых воинов».

Безусловно, офицеру Александру Пищевичу было неловко садиться к солдатскому котлу: «Должен я, к своему стыду, сказать, что сначала краснел сесть между их, по предрассудку в младенчестве вперенному, будто стыдно толикое фамильярство благородного с человеком, которого высокомерие дворян назвало, не знаю по какому праву, народом черным. После входа в лета я уже распознал, что мы все люди рождены равно и что между простыми гораздо больше благородно мыслящих, нежели между теми, которые себя сим титулом величают».

«Честь имею!»

Суворов
принимает награду
из рук Павла I

Можно сказать, что суворовская позиция — та же любовь и уважение к солдату, то же чувство достоинства и независимость. Безусловно, Александр Васильевич был олицетворением этих качеств. За его известными нам чудачествами на самом деле кроется глубочайший смысл. Известно, что Суворов кричал петухом (действительно, у него была такая манера будить по утрам солдат петушиным криком, что кстати солдатам очень нравилось), сохранилась лубочная картинка, изображавшая полководца, будившего лагерь именно таким образом. Но совсем иначе звучал «петушинный крик» фельдмаршала в царском дворце — это был знак совершенной суворовской независимости, которую он проявлял порой и более существенным образом. Так, известно его столкновение с Потемкиным, когда великий полководец поставил временщика на место, что было далеко не безопасно.

Идеи просвещения, в частности идеал естественного равенства всех людей (между прочим христианский идеал — перед Богом все равны!) несомненно и сильно влияли на формирование чувства собственного достоинства, но этот процесс шел различными путями и на разной глубине сознания. Екатерининский вельможа, вольтерьянец и вольнодумец, воспринимал эти идеи может быть и горячо, но все же (как впрочем и сама Екатерина) отвлеченно, он даже был готов признать права мужика и солдата (ведь солдат уже со вре-

мен Петра I перестал быть крепостным), но чисто теоретически; живой мужик и живой солдат были от него страшно далеки, общение с ними, как правило, ограничивалось слугой, дворней, являвшими собой очень сложный и деформированный социальный строй.

Александр Пишчевич проверял усвоенные им идеи просвещения в реальной жизни, в общении с живыми людьми, с которыми воевал и работал. И если критерием оценки человека становился чисто нравственный принцип, то возвышение одного человека над другим возможно по единственному признаку — уровню благородства мыслей и чувств. Пишчевич проявлял не только собственное достоинство, но и ощущал достоинство своих товарищей по оружию, простых солдат. Мысли о равенстве людей выражал Пишчевич в своих записках: «С того времени, как я начал из ребячества выходить, почитал всегда в человеке прямые душевные качества, а не пустые титулы, нередко покупаемые,

Суворов кричит петухом.
С рис. Ломакина

Пищевич еще не ставил перед собой задачи уничтожения сословных рамок — он предполагал общение людей с уважением друг к другу независимо от положения на социальной лестнице. Но независимость суждений и взглядов Александра и в наше время вызывает к нему определенное уважение и теплое чувство. И есть в его воспоминаниях моменты, когда это сочувствие проявляется особенно ярко.

Во время поездки в Тамбов он встретился с польскими пленными, «которыми долженствовали пополниться убылые места в Тамбовском гарнизонном батальоне. От поляков потребовали, чтобы они принесли присягу Екатерине, хотя они уже ей присягали ранее. Когда один из офицеров-поляков спросил, зачем присягать верой второй раз, невежа комендант сему порядочно воспитанному поляку велел к спине приложить около тысячи полновесных палочных ударов. Таким образом было поступлено с польским патриотом в России! — Всякую боль к себе надлежит применить, почему и невозможно и не соболезновать об участи сих несчастных, которые защищают свои права, свое отечество, переменчивым счастьем войны достались в наши руки, а с ними поступают как с тварью! — Да и кто же? — Россияне! — которые, будучи сами герои, должныствовали бы почесть неустранимость в своих неприятелях». В этом эпизоде перед нами встанет не только офицер, которому свойственно чувство чести, но и патриот, преисполненный горечи на беспорядки в своем Отечестве.

Указ Петра III о вольности дворянства невольно отразился на всех слоях общества — заметно уменьшилась потребность исполнять требы не только у высших чинов общества, но и низших. Требы неукоснительно отправлялись только в армии и флоте — на сей счет был твердый регламент воинских уста-

которые часто не делали потом купившего оные лучшим. Слово чернь и другое — он низкого происхождения — никогда не вмещались в моей голове, ибо они суть самообиднейшие для человека наименования выдуманные, надутые своим благородством и притом глупой тварью; мы все от одного корня приходим, а одни слепые случаи разделили людей на степени, которые потом остались таковыми от самоуправления сильного против малосильного. Скажут, это умствование XVIII столетия! Нет! Это прямые мои чувства, но пагубного равенства, философами XVIII столетия проповеданного, я не только не поборник, но и гнушаюсь онаго, такою как зла, которое сделало бедствие всему, можно сказать, известному миру и которое поправить надобно целый век. Но кто его поправит? — Верно, не себялюбивые монархи».

«Честь имею!»

вов. Но приходил случай в виде беды или приближающейся смерти, и тогда оказывалось, что обретенное из-за рубежа вольнодумство не что иное, как игра на поверхности души, в глубине которой прочно хранилась вера предков — эти качества человека проявляются в большинстве случаев уже в XX в. — когда страна вступила в жесточайшую войну с фашизмом.

О том, что французские вольнодумные идеи не носили характер проникновения в души, очень ярко повествует следующий эпизод, почерпнутый из незаконченного жизнеописания Дениса Ивановича Фонвизина, человека, знавшего военную службу не понаслышке — свидетельство этому его знаменитая пьеса «Бригадир». Однажды князь Федор Козловский, поэт (погиб в Чесменском бою на взорвавшемся «Евстафии»), ввел Фонвизина в дом, хозяин которого, граф, поразил драматурга тем, что при молодых людях и, более того, при слугах, открыто высказывал безбожные идеи. После того Фонвизин встретил известного екатерининского вельможу Григория Николаевича Теплова, которому он поведал о безбожии графа. В этом разговоре Фонвизин высказал мнение, что подобное безбожие может быть только результатом прямого невежества. Бывают безбожники, говорил Денис Иванович, которые «никогда ничего внимательно не рассматривают, а, прочитав Вольтера и не поняв его, отвергают бытие Божие для того, что полагают себе славою почитаться выше всех предрассудков, ибо они считают предрассудком то, чего слабый их рассудок понять не может».

Теплов ему ответил что эти люди не неверующие, а только хотят, «чтобы их считали неверующими, ибо вменяют в стыд не быть с Вольтером одного мнения». Тогда же Теплов рассказал Фонвизину следующий случай: «На сих днях случилось мне быть у одного приятеля, где видел я двух гвардии унтер-офицеров. Они имели между собой большое прение: один утверждал, другой отрицал бытие Божие. Отрицающий кричал: «Нечего пустяки молоть, а Бога нет!»

Теплов вступил в разговор и спросил безбожника: «Да кто тебе сказал, что Бога нет?» «Петр Петрович Чебышев вчера в Гостином дворе», — отвечал гвардеец. «Нашел место», — заметил Теплов. А Петр Петрович Чебышев был никто иной, как сам обер-прокурор синода! Ничего не скажешь — хорош обер-прокурор!

История сохранила для нас великолепный образец памятника русской общественной мысли — «Благовест» — документ, найденный в Тайной канцелярии и принадлежавший перу разорившегося дворянина Алексея Еленского. Этот документ он распространял среди крестьян, и в нем были изложены конкретные цели. Его предполагалось подать на подпись Павлу I, с одновременным предложением Екатерине отречься от престола. И программа документа впечатляет своей полнотой! В ней и новое социальное устройство — уничтожение крепостного права, равенство, общий труд, уничтожение податей; новые гражданские законы, отделение церкви от государства, всеобщее бесплатное обучение; выборность офицеров в армии. И все должно было происходить мирным путем. Автор против кровопролития, но если дворяне не примут уча-

ствия в создании новой социальной системы, то тогда, — грозил Еленский, — «звания дворянского обою по всей империи знаку не останется, вся земля кровью обагрена будет».

Эта весьма трезвая по рассуждениям программа полна бичеваниями современных порядков: «Чево еще дворяне не довершили и зла в отечестве не сделали, разве чего в аде не было, того нет в России!» Алексея Еленского можно смело назвать предтечей движения декабристов... С той только разницей, что они не допускали подобного пролития крови. А вот социальные программы весьма сходны...

Русская интеллигенция видела в крепостничестве величайшее зло для нации — и в этом она была права. В колоссальнейшую массу людей на протяжении многих веков вдалбливались навыки рабского миропонимания: отсутствие комплекса гражданских чувств и идеи, унижительная покорность, неуважение к личности и в конце концов превращение в деспота, если случай возвысит раба на высшую ступеньку.

П. А. Румянцев

неоднократно повторяемые слова: «Честная смерть лучше бесчестной жизни».

К концу XVIII в. в русской армии сложились прекрасные обычаи и боевые традиции, которые вошли в жизнь и быт воинов и стали нераздельной частью их существования — это особое благоговение за честь боевых знамен, сложившаяся наградная система, знаки отличия и пр. Все это поднимало гордость воинов за свою часть. Реформы Павла I в армии вступили в резкий контраст с передовыми началами военных школ Петра Великого, П. А. Румянцева и А. В. Суворова. Оказалось, что лишение армии заслуженных ею наград само по себе может быть разрушительной силой.

Во второй половине XVIII в. высшее офицерство стало носителем высокого воинского духа. Фельдмаршал Петр Александрович Румянцев, снискавший в русской армии исключительно высокий авторитет, сделал понятие о чести девизом военного человека. Это понятие тогда имело христианское толкование: «Честь — это стремление быть благородным, высшим существом по внутренним достоинствам, совершать поступки достойные славы, без всякого принуждения извне и без всякого другого вознаграждения, кроме одобрения своей совести». Может это определение звучит и не совсем современно, но насколько оно точно по своей сути!

Понятие чести в равной степени относилось и к простому воину. Еще Суворов говорил солдатам, что победа принесет «им честь и славу». Доблестный генерал Яков Петрович Кульнев предлагал «иметь всегда в памяти

«Честь имею!»

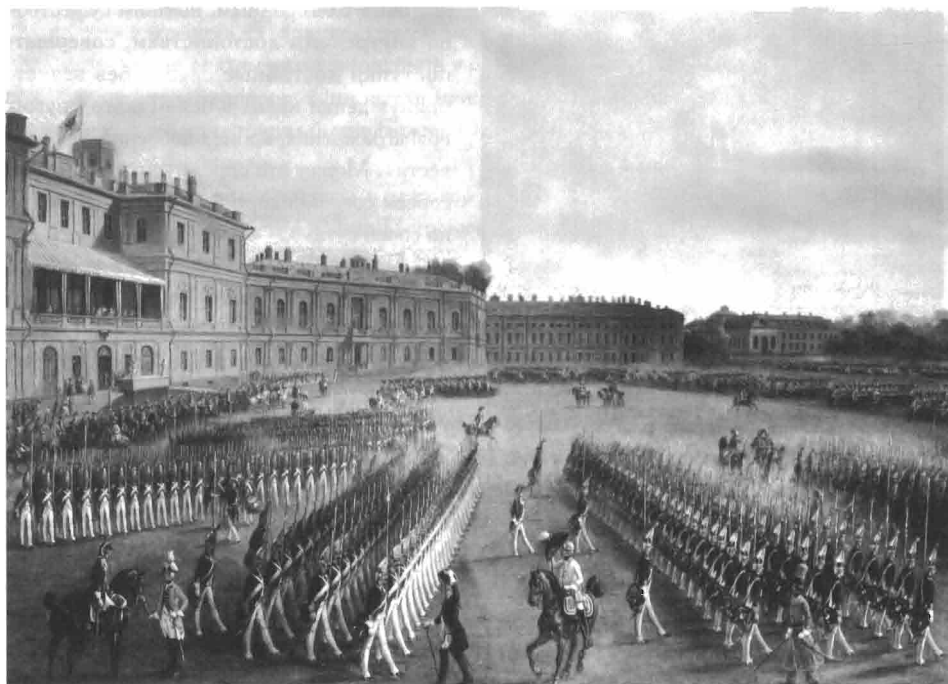
*Строевые
учения русской
армии по
прусскому
образцу
в Гатчине
при Павле I.
Худ. Г. Шварц.*

Павел I умудрился привести армию в такое состояние, что она оказалась отброшенной на полстолетия назад. Слепое копирование и преклонение перед шаблонной прусской военной системой было пагубными прежде всего для боевой подготовки. Переучиваясь на прусский лад, она утрачивала драгоценный опыт войн второй половины XVIII в. В войсках были сломаны боевые традиции и все, что составляло предмет почитания воинов (имена полков, знамена, награды за победы и т. п.), было отброшено, как ненужная ветошь. Имена Румянцева и Суворова осуждались и искоренялись.

Безусловно, армия не могла быть равнодушной к подобной политике царя и его окружения. Особенно сильным было недовольство гвардейцев, среди которых возник заговор против императора. Об этих настроениях знал будущий наследник престола Александр, и этим можно объяснить его слова, произнесенные в ночь убийства Павла I перед караулом Семеновского полка: «Все при мне будет, как при бабушке».

Свое слово Александр I сдержал: всем пехотным полкам были возвращены прежние названия. 14 марта 1801 г. он подписал приказ «лейб-гвардии полкам именоваться по прежнему», т. е. по городам, а не по шефам. 31 марта этот приказ был распространен на все пехотные части. Издается целый ряд приказов о восстановлении нагрудных знаков за победы в гвардии и полевых войсках.

Офицерский корпус, созданный Петром Великим, дал России впоследствии декабристов. Лучшая часть офицеров гвардии, армии и флота, ненавидя

крепостнические порядки, боролась за воплощение в жизнь идеи природного равенства людей, за торжество человеческого разума и справедливости. Именно офицеры с обостренным понятием чести поставили перед современниками вопрос о коренном переустройстве России. Новую армию они видели как армию всего народа — со всеобщей воинской повинностью перед Отечеством при наличии постоянного профессионального ядра в мирное время и подготовке резерва в мирные дни по месту жительства. Небесполезно будет вспомнить, что дореволюционные офицеры относились к интеллигенции, а точнее, представляли собой особый пласт в интеллигенции общества, отличаясь прежде всего своей духовностью (кстати, понятие «военная интеллигенция» нельзя найти ни в одном словаре или справочнике).

В численном отношении военная интеллигенция до революции 1917 г. составляла десятую часть от российской. В нее входил профессорско-преподавательский состав Генерального штаба, Инженерной, Морской, Артиллерийской, Военно-юридической, Интендантской академий, а также офицерских школ, в том числе электротехнической, железнодорожной, артиллерийской и других. Высочайший уровень научной и технической подготовки ставил военных специалистов в ряды передовой научной интеллигенции. Отнюдь не волей случая из среды русского офицерства вышли многие известные академики: П. Капица, Б. Пиотровский, А. Ферсман, О. Вялов, Б. Юрьев, А. Берг; крупные ученые: М. Муратов, Д. Ольдерогге, В. Пугачев, С. Толстов; известные советские историки: К. Базилович, П. Зайончковский. А если взять всех людей в погонах, внесших существенный вклад в развитие литературы, искусства, музыки, живописи, то можно сказать только одно — это бесчисленная рать.

Все это не досужие экскурсы в славную историю отечества с целью как-то оправдать или смягчить сегодняшние недостатки и изъяны в воспитании воинов российской армии. Отнюдь нет! Цель единственная — взять из собственного исторического прошлого все лучшее, жизненное, вечное, что поможет воссоздать дух российского воинства и его лучшие нравственные качества, и здесь не последнее место будет иметь религия, именно как источник нравственности. Что касается Русской Православной Церкви, то безусловно она найдет свое место в армии — и уже этот процесс постепенно начал набирать силу. Из истории нам известно, что Вера никому из воинов не мешала, скорее она помогала, придавала силы на поле брани, формировала высокие идеалы и необходимые нравственные качества.

Центром воспитательной работы генерал Михаил Иванович Драгомиров считал нравственное воспитание на основе православной веры. Моральный фактор, по его мнению, был решающим, и от его силы зависела судьба войны. Высшие нравственные чувства у солдат генерал видел в патриотизме и самоотверженности ради интересов Отечества: «Выше всего... стоит готовность страдать и умирать, т. е. самоотвержение: оно освящает повинование, оно злейшее иго делает благим, тягчайшее бремя легким; оно дает силу претерпеть до конца, принести Родине жертву высшей любви».

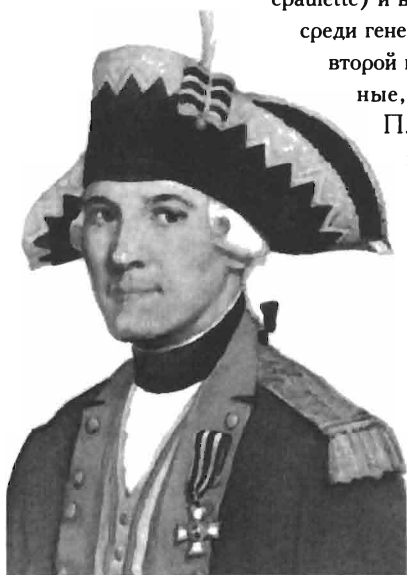

«Честь имею!»

Громадная роль в деле воспитания отводилась дисциплине: «Воинская дисциплина есть совокупность всех нравственных, умственных и физических навыков, — писал Драгомиров, — нужных для того, чтобы офицеры и солдаты всех степеней отвечали своему назначению». По его мнению, «здоровый внутренний порядок в войсках возможен лишь тогда, когда каждый из начальников знает права и обязанности, когда в войсках будут знать и строго соблюдать уставы».

Только на этой почве и возможно воспитание чести, как у военнослужащего, так и в части. Личная честь должна быть связана с честью боевой части, с честью боевого знамени. Воспитание чести в этом направлении станет завершением нравственной подготовки солдат и офицеров, «ибо там, где человек любит свою Родину, любит свою часть, там он не задумывается жертвовать собою для их блага».

Понятия об офицерской чести, о чести мундира складывались еще в кадетском корпусе или училище. Прежде всего кадетам внушалось понятие о чести мундира, т. е. звании офицера в общем и чести воинской части в частности. При этом символом воинской чести были погоны, которым в русской армии придавалось не только символическое значение. Считалось, что носящий погоны предан своей Родине, верен воинскому долгу, является храбрым, мужественным и честным воином. В самом деле, в российской армии погоны были — от юного кадета до убеленного сединами генерала или адмирала, — знаком веры Отчизне. Исторически погоны возникли от металлических пластинок, прикрывающих плечи кавалериста от сабельного удара. Первоначально пластинки имели в конце круглый металлический задержник, чтобы вражеский клинок при ударе по пластинке задерживался и не скользил дальше по руке. Такие плечевые задержники назывались эполетами (от французского слова *epaulette*) и в XVIII в. получили новое значение как знак отличия среди генеральского и офицерского состава. Ряд военачальников второй половины XVIII в. получили эполеты, особо украшенные, как знак отличия за боевые подвиги. К примеру, П. А. Румянцев-Задунайский и А. В. Суворов имели такие эполеты и носили их на одном плече.

В 1802–1803 гг. в связи с реформой формы одежды в русской армии и флоте эполеты были введены как знаки различия для генералов, адмиралов и всего офицерского состава. До 1808 г. обер-офицеры, в зависимости от старшинства, носили эполет на правом или левом плече. Он состоял из продольной пластинки и круглого наплечника. Сплошные золотые и серебряные эполеты носил лишь генеральский состав. Офицеры же имели поле эполет цвета приборного сукна по роду войск. Так, у флотских офицеров были эполеты темно-зеленого цвета, генералы и адмиралы имели кругом наплечников густо насыщенную бахрому из спирально свитых золотых или

«Честь имею!»

серебряных жгутиков. Несколько меньшую бахрому имели штаб-офицерские чины, а на обер-офицерских эполетах бахрома не полагалась.

Никаких деталей на эполетах, которые бы позволяли отличать полковника от майора, тогда не существовало. Звания определялись лишь по шитью на воротнике, по клапанам-петлицам на рукаве, плюмажу на шляпе и поясному шарфу.

Погоны для офицеров просуществовали недолго — с 1803 г. по 1808-й. Они были в виде прямоугольников с закругленными углами. В 1855 г. погоны вновь были утверждены во всех родах войск для генералов и офицеров с оставлением эполет при парадной форме одежды. Ношение их было также отменено после октябрьских событий 1917 г.

С утверждением в 1803 г. эполет для генеральского и офицерского состава, для рядовых солдат русской армии и матросов флота были введены суконные погоны, которые нашивались на шинели, мундиры, а позднее на гимнастические рубахи. Цвет солдатских погон был различным и зависел от принадлежности к роду войск, порядковому номеру подразделения в дивизии и техническим частям. Одно оставалось неизменным на протяжении 114 лет — прямоугольная форма погона с верхом или скошенного, или трапециевидного типа. Погоны для рядового состава флота были общепринятого темно-зеленого цвета и красного для гвардейцев. Вновь погоны были введены в Советской Армии и Военно-Морском Флоте указом Президиума Верховного Совета СССР 15 января 1943 г. Они до сих пор остаются символом офицерской и воинской чести. Самым тяжелым наказанием в кадетских училищах считалось лишение погон, когда перед строем под барабанный бой командир роты срывал их. Для офицера или юнкера показаться без погон было просто невыносимо — кстати, законодательство не позволяло офицеру даже в отпуске переодеваться в гражданское платье.

Традиционно будущим офицерам прививалось презрение к угодничеству перед начальством, какого бы ранга оно ни было. Точно также считалось отвратительным доносительство и фискальство. Понятие чести воспитывалось у кадета с первых же дней учебы. Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников, воспитавший большую плеяду подлинных мастеров оперативно-штабной работы, вспоминал: «Не приходится говорить, что всякие картежные игры были у нас воспрещены, а тем более азартные. Но все же втихомолку среди юнкеров старшего класса они процветали. Как-то один из юнкеров был уличен в неправильной игре. Тотчас же собралась вся полурота с портупей-юнкерами 2-й полуроты, был разобран проступок этого юнкера и вынесено постановление (незапротоколированное): просить фельдфебеля доложить ротному командиру и о проступке игравших, и о желании юнкеров отчислить из училища вышеупомянутого юнкера. Начальник училища немедленно удовлетворил просьбу полуроты об отчислении юнкера, а на игравших был наложено дисциплинарное взыскание. Это сразу отрезвило картежников, игра прекратилась».

Хорошая традиция — ее бы не грех и в наше время ввести в военных училищах! Немаловажным обстоятельством, формирующим характер будущего

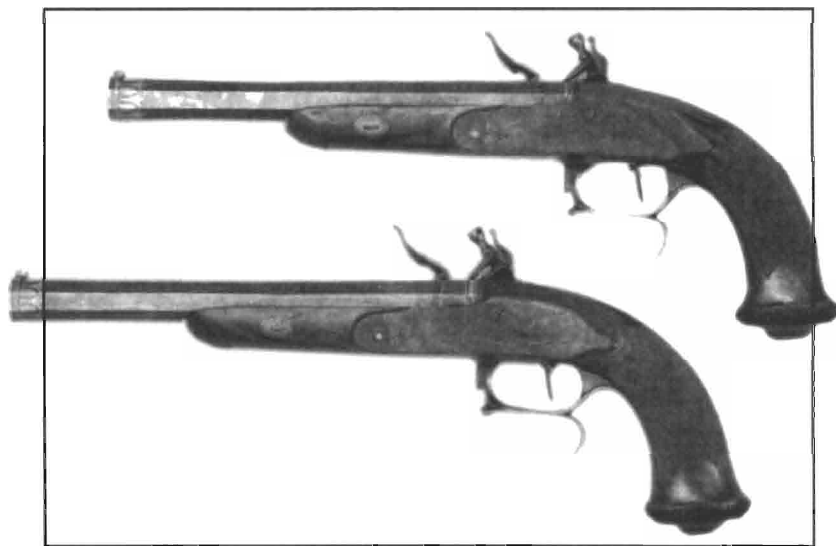

«Честь имею!»

потерпевших такое оскорбление и не позаботившихся принять должные меры к восстановлению своей чести, — докладывал на высочайшее имя военный министр П. С. Ванновский в 1892 г., — вызвали необходимость более целесообразной постановки вопроса о дуэлях, случающихся между офицерами. Вопрос этот был подвергнут тщательному обсуждению, а затем по сему предмету... составлен проект особых правил, коими расширяются права суда общества офицеров при разбирательстве встречающихся между офицерами ссор».

Представляется очевидным, что инициатором приказа о дуэлях был сам военный министр. «Ванновский мне говорил, — рассказывал в своем дневнике генерал-публицист А. А. Киреев, — что русская армия обязана ему восстановлением чести ее мундира. Он не без самодовольства рассказывал мне... что он указал государю на необходимость такого восстановления».

Закон о дуэлях не встретил в армии общего одобрения. С одной стороны, он был безнравственен — когда солдаты и офицеры одной и той же армии поднимали руку с оружием друг на друга — это свидетельствовало о ее низком

моральном духе. Уважаемый в армии генерал Михаил Иванович Драгомиров отнесся к нему отрицательно: «Что с умовой точки, — писал он, — дуэль представляется очевидный абсурд в благоустроенном государстве, особенно в таком, где по преимуществу смертная казнь упразднена, кажется не требует пространственных доказательств. Нелогично предоставлять индивидууму право жизни и смерти над себе подобным там, где от этого права отказалась сама государственная власть. Нелогично предоставлять его даже и там, где она от него не отказалась, ибо в смертной казни по суду мотив личный отсутствует... Наконец, нелогично и вообще при каких бы то ни было порядках, кроме разумеется первобытно-дикого состояния, признавать за человеком право быть судьей в своем собственном деле». Драгомиров считал необходимым

М. И. Драгомиров

«ограничиться одним законом, безусловно воспрещающим дуэли». Но надо отдать должное, что он признавал за офицером возможность обороняться в случаях, когда будет задета его честь — в одной из своих статей он писал: «Офицер должен быть смирен и безобиден, как овечка, но малейшее посягательство на оскорбление его действием должно вызывать с его стороны возмездие оружием, мгновенное, рефлекторное: «Апология убийства! Самосуд!» — взвоят, вероятно, прогрессисты известного типа и запаха. Теперь этими жупелами никого не запугаешь... Это апология не убийства, не самосуда, а право самозащиты, как уже сказано, прирожденное, непререкаемое, никакими писаными законами не упразднимое...».

Современник Михаила Ивановича так отзывался о дуэли: «Вопрос о дуэлях является ужасной аномалией, вопиющей жестокостью. Ее дикая логика, ее варвар-

ские последствия кричат сами за себя, резко доказывают необходимость ее уничтожения. Решение спора с оружием в руках, из которого выходит победителем не правый, а искусный стрелок, тот, кто хладнокровней, без протестующего голоса совести целится в лоб себе подобного, разве не дикий диссонанс в быстро идущей вперед цивилизации». Последняя точка зрения явно гуманна и преобладала среди офицеров. Но военное начальство относилось к дуэлянтам вполне лояльно, если даже не благожелательно. Вот один из эпизодов, подобные которому нередко имели место в армии. В Брест-Литовске, в ресторане, произошло столкновение между штабс-капитаном Славинским и двумя конно-артиллерийскими поручиками — Квашниным-Самариным и другим — на почве «неуважительных отзывов об их родах оружия». Славинский — человек храбрый и отличный стрелок — имел гражданское мужество не желать дуэли и принести извинение. Готовы были помириться и его противники. Но командир конной батареи подполковник Церпицкий потребовал от обоих офицеров послать вызов Славинскому. С разрешения бригадного суда чести он принял вызов.

Условия дуэли установлены были сравнительно нетяжелые: на пистолетах, 25 шагов дистанции, по одному выстрелу по команде. Многих офицеров возмущало, что Церпицкий «для защиты чести своей батареи» выставил двух против одного. Всю ночь молодые офицеры и солдаты той батареи, в которой служил Славинский, не спали. То же происходило и в конной батарее.

Место для дуэли назначили возле лагеря, на опушке леса. На рассвете, в четыре часа мимо бригадного лагеря проскакала группа конных артиллеристов, потом все смолкло. Через некоторое время показался скачущий по направлению к конной батарее фейерверкер; он был послан, как оказалось, за лазаретной линейкой...

Славинский тяжело ранил Квашнина-Самарина в живот. От помощи бригадного врача и от лазаретной линейки конно-артиллеристы отказались.

«Честь имею!»

Квашнин-Самарин через два дня тяжелых мучений умер в госпитале. Результаты первой дуэли произвели на всех присутствующих мрачное впечатление. Нервничали секунданты. Славинский курил одну папиросу за другой. Через своих секундантов он опять предложил второму дуэлянту принести ему извинение. Тот отказался. Через четверть часа вторая дуэль окончилась благополучно. Славинский стрелял в воздух.

Назначенное по делу следствие признало поведение Славинского джентльменским, а на подполковника было наложено начальством наказание. Генерал Алексей Алексеевич Брусилов так отзывался о дуэлях: «Времена Марлинского, Пушкина, Лермонтова были от нас сравнительно еще не так далеки, и поединки, смывавшие кровью обиды и оскорбления, защищавшие якобы честь человека, одобрялись людьми военного ума и образования. Так что ставить нам, зеленой молодежи того времени, в укор не приходится».

Во второй половине XIX в. дуэли в армии были явлением весьма распространенным. Существовал неписанный, но до мелочей разработанный и тщательно соблюдаемый «дуэльный кодекс». При этом нужно иметь в виду, что официально закон запрещал дуэли, более того, уложением 1845 г. они даже

Дуэльные
пистолеты

карались. Но как? За дуэль, проведенную по правилам, полагалось по закону наказание от недели ареста до 6—8 лет заключения в крепости. Судя по такому разбросу в наказаниях, законодатели смотрели на них несерьезно. Точно так же рассматривали их и военные власти — суровые наказания ждали дуэлянтов в исключительных случаях, если они нарушали правила «кодекса чести».

Брусилову пришлось однажды быть секундантом на дуэли, произошедшей из-за того, что один из офицеров затеял бессмысленный скандал. В послужном списке его была сделана такая запись: «По решению главного военного суда от 22 августа 1874 г. за принятие на себя обязанностей посредника поединка, окончившегося смертью одного из противников, присужден был к содержанию под арестом на Тифлисской главной гауптвахте на два месяца». Наказание достаточно серьезно, и, казалось бы, должно было повлиять на карьере провинившегося молодого офицера, но далее следовала фраза, сводившая на нет смысл наказания: «Наказание это не велено считать препятствием к наградам и преимуществам по службе». Видимо, оно носило по существу формальный характер.

Зависимость Русской Православной Церкви от государства была причиной того, что общечеловеческие идеалы, заложенные в учении Христа, не могли должным образом реализоваться в обществе — и вот это и было причиной того, что, за неимением возможности высказать их, в обществе получили распространение идеалы, чуждые духу России. Хотя, во многих идеях, заимствованных с Запада, порой ничего нового не было. Рассмотрим лишь некоторые из них, и здесь мы воспользуемся трудами последнего протопресвитера русской армии и флота отца Георгия Шавельского:

«Лозунг, который был подхвачен некоторыми нашими вольнодумцами времен Екатерины II из Франции — «Свобода, равенство, братство» — был заимствован из Библии, и возвестил его много столетий тому назад Христос и апостолы. Так, «свобода» — «Познаем истину, и истина сделает вас свободными», — учил Христос, (Ин. 8, 32), а Апостол напоминал — «К свободе вы призваны» (Гал. 5, 13).

«Равенство» — в христианской церкви «нет ни иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского; ибо все одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28), где не должно быть ни господствующих, ни властвующих, а только служащие (Мф. 20, 25—26), где Сам Небесный Учитель умывал ноги своим ученикам (Ин. 13, 14—15). «Братство» также ведет свое начало от Христа, называвшего своих учеников братьями (Ин. 2, 17 и др). Его Апостолы обращались к верующим не иначе, как «братья» (Рим. 1, 13 и др.). По чтению ап. Иоанна Богослова, не любящий брата своего находится во тьме, он не от Бога, пребывает в смерти (1 Ин. 2, 10, 14).

Не только этот лозунг, но и другие «социалистические» идеи также следуют из христианского учения. Например, знаменитый лозунг «кто не работает — тот и не ест!» — Иисус Христос строго осудил ленивого раба, зарывшего свой талант в землю (Мф. 25, 24—30). Апостол Павел прямо повелел не есть не желавшему трудиться (2 Сол. 3, 10). Противники христианского учения выдвинули тезис, что де мол оно направлено против прогресса — и это

«Честь имею!»

совсем не так, поскольку никакой политической деятель не проявил в этом отношении такого размаха, как Христос, который требовал от своих последователей непрерывного и беспредельного совершенствования, до уподобления совершеннейшему Небесному Отцу (Мт. 5, 48), и в частности, он убеждал их исследовать писания и познавать истину (Ин. 5, 39; 8, 32).

А отношение к женщине? Кстати, именно Иисус Христос явил пример должного отношения к ней. Так он, первым у Самарийского колодца заговорил с женщиной о таких возвышенных предметах, которых не мог уразуметь даже многоученный Иудейский учитель Никодим (Ин. 4, 5–26; ср. 3, 1–21) — это был поступок, на который вряд ли отважился самый либеральный философ языческой древности. А апостол Христов, как это можно видеть в учении, учил, что в Церкви Христовой равны и мужеский пол и женский.

Да, кстати, и сама идея коммунизма заимствована у Церкви Христовой, в которой она и была впервые идеально осуществлена. В книге деяний Апостолов совершенно определенно сказано, «что все верующие (времени Апостолов) имели все общее: и продавали всякую собственность и разделили всем, смотря по нужде каждого... Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землею и домами, продавали их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов, и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (деян. 2, 44; 4, 32)». Это было написано в начале XX в., а как по-современному воспринимается!

Но, так или иначе, Русская Православная Церковь не без успеха (в данном случае это целиком относится к военному духовенству) работала над воспитанием нравственных качеств воинов России.

Следует отметить, что в Россию французские идеи стали проникать из-за того, что в ней образовался духовный вакуум — мысли отечественной интеллигенции тщательнее затаптывались властью предрержавших, и общество испытывало постоянный дефицит идей. Кстати, французская культура эпохи энциклопедистов поражает своей духовной ущербностью. Литература и философские изыскания свидетельствовали о господстве материалистического рассудка, свободного от всякой духовности и ей активно противостоящего. Чего стоят провозглашенные во Франции идеалы, начавшие свое победное шествие по всему миру — «свобода, равенство, братство», оказавшиеся наиболее популярными среди народа — их искажение и подмена революционной тиранией стали заметны уже через несколько недель после падения Бастилии. Франция стала ареной разгула темных сил.

Далеко не сразу в русской армии абсолютное большинство офицеров пришло к выводу, что они должны быть вне политических обществ и вне политики. На это решение заметным образом повлиял урок декабристского восстания — если к идеям декабристов относились сочувственно, то к пути их реализации — резко отрицательно. «Пропагандистская» литература различных социалистических учений поражала выдающиеся умы армий своей бездуховностью и безжизненностью. В свою бытность в Академии Генштаба Антон Иванович Деникин познакомился с подпольной литературой, даже считалось модным приобщение к ней. И вот что он писал о ней: «Я познакомился с этой нежиз-

*Иисус Христос и Самарянка.
Гравюра Г. Доре*

ненной, начетнической «литературой», которая составляла во многих случаях духовную пищу передовой молодежи. Думаю, что теперь дожившим до наших дней составителям и распространителям ее было бы даже неловко перечитать ее. Лозунг — разрушение, ничего созидательного, и злоба, ненависть — без конца. Тогдашняя власть давала достаточно поводов для ее обличения и осуждения, но «литература» оперировала часто и заведомой неправдой. В рабочем и крестьянском вопросе — демагогия, игра на низменных страстях, без учета государственных интересов. В области военной — непонимание существа ар-

«Честь имею!»

мии как государственно-охранительного начала, удивительное незнание ее быта и взаимоотношений. Да что говорить про анонимные воззвания, когда бывший офицер, автор «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира», яснополянский философ Лев Толстой сам писал брошюры, призывавшие армию к бунту и поучавшие: «Офицеры — убийцы... Правительства со своими податями, с солдатами, острогами, виселицами и обманщиками-жрецами — суть величайшие враги христианства».

Такое же отрицательное впечатление производило на меня чтение нелегальных журналов, издававшихся за границей и проникавших в Россию: «Освобождение» Струве — органа, который имел целью борьбу за конституцию, но участвовал в подготовке первой революции (1905 года), «Красного знамени» Амфитеатрова, в особенности за его грубейшую демагогию. В этом последнем журнале можно было прочесть такое откровение: «Первое, что должна будет сделать победоносная социалистическая революция, это, опираясь на крестьянскую и рабочую массу, объявить и сделать военное сословие упрядненным...».

В академические годы сложилось мое политическое мировоззрение. Я никогда не сочувствовал ни «народничеству» (преемники его — социал-революционеры) — с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму, с его превалированием материалистических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие приводило меня к трем положениям: 1) Конституционная монархия, 2) Радикальные реформы и 3) Мирные пути обновления страны.

Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии». Не будет ошибкой предположить, что взгляды Деникина разделяло большинство офицеров.

Совсем по-современному звучит сказанное исследователем П. Яковлевым в самом начале XX в.: «Не могу остановиться на весьма характерном явлении в общественной жизни относительно так называемых новых слов в мире идей... К сожалению «модные идеи» вообще способны подтачивать веру при слабом характере и уме. Образование, само по себе очень заманчивое, полезно тогда, когда оно находится в своих законных границах, не переходя в мишурный блеск, и не приводит к вредному ослеплению умственные способности. А между тем, такое ослепление приходится часто замечать в обществе, в котором, — благодаря излишне усердным популяризаторам разных модных теорий, даже не вполне установившихся, — возвращаются нередко понятия, ничего общего с разумным отношением к жизни не имеющие... Нам, офицерскому составу, как главной опоре армии, надо помнить это особенно твердо и подвергать модные понятия более строгому анализу, не беря на веру в науку то, что требует ясного и неопровержимого доказательства».

Если вдуматься и спокойно оценить полемику, диспуты, популярные лекции по разным общественным вопросам, то нетрудно заметить, что часто с неподобающей ценностью, так сказать, фигурируют «последние слова» и притом

понимаемые людьми чрезвычайно разнообразно и большею частью смутно. В таких случаях часто доходит до того, что первоначальный, логический смысл таких слов утрачивается, но опять-таки без ясно очерченных границ. Такие слова становятся подобными ходячей монете, со стертыми на ней знаками. Научная же неподготовленность большинства людей и отсутствие у них навыка к строгой критике общественных явлений приводит к тому, что им приходится брать «последние слова», со слабым пониманием их точного значения, а остальное доделает уже привычка. «Прогресс», «цивилизация», «свобода слова», «свобода печати» и др. — это такие слова, которые, по существу, должны будить человеческую мысль и разумное, критическое отношение к явлениям общественной жизни, а между тем, всматриваясь в действительность, часто видишь обратное. Люди, не имеющие под собой твердой почвы и соблазненные новыми теориями, подчас освобождающимися от необходимости сдерживать свои эгоистические стремления, готовы веровать самым различным кабинетным измышлениям самозванных «передовых» людей, старающихся уверить других, что они опираются на науку.

«Свобода печати» и «свобода слова», сами по себе прекрасные идеи, к сожалению, в действительности, понимаемые абсолютно, приводят часто к явлениям уродливым, как это показывает нам жизнь западных народов. Для нас, русских, при том большом уважении и доверии к печатному слову и к речи с кафедры, это ведет нередко к печальным результатам. Говоря вообще, шансы противников и в полемике одинаковы при одинаково честном отношении к разбираемому вопросу; но представьте себе, что один из противников не отличается нравственной чистоплотностью и вы тотчас увидите неравенство шансов: порядочный человек будет пользоваться лишь позволительными средствами, тогда как у другого, с сомнительной честностью, арсенал для обороны увеличивается на все количество предосудительных аргументаций, до клеветы включительно».

Судя по историческим документам и воспоминаниям офицеров, в последней четверти XIX в. в российской армии четко возобладала традиция — офицер должен быть вне политики. Отношение к ней очень точно выразил генерал Михаил Иванович Драгомиров. Возглавляя Академию Генерального Штаба, он наставлял молодых офицеров:

— Я с вами говорю, как с людьми обязанными иметь свои собственные убеждения. Вы можете поступать в какие угодно политические партии. Но прежде чем поступить, снимите мундир. Нельзя одновременно служить царю и его врагам.

И этой традиции придерживалось большинство русских офицеров.

Когда в России разгоралось пламя гражданской войны, в Москве к большому Брусилову пришли несколько офицеров, его боевых соратников. Их мучил вопрос, с кем связать свою судьбу. «Правительства меняются, а Россия остается, — ответил генерал, — и все мы должны служить ей по той специальности, которую избрали». Это яркий пример верного служения Отечеству.

В советской литературе, особенно в последние годы, подчеркивалось, что многие офицеры и генералы царской армии перешли на сторону красных. Это

«Честь имею!»

не совсем так. Большинство военной интеллигенции все-таки вошли в состав белых армий. Меньшая ее часть оказалась в Красной Армии и после окончания гражданской войны посвятила себя воспитанию новых военных кадров в духе национально-исторического осмысления событий, помогая вопреки партийной доктрине нравственному самопознанию. Следует упомянуть «Клаузевица XX века» — генерала Александра Андреевича Свечина. В Белую Армию он не попал и в марте 1918 г. оказался на службе в Красной Армии в Петроградском укрепрайоне, когда столице угрожало германское наступление накануне подписания Брестского мира. С августа и по декабрь 1918 г. Свечин занимал должность начальника Всероглавштаба, затем возглавил военно-историческую комиссию, которая опубликовала ряд трудов по истории первой мировой войны. В 20-х годах Александр Андреевич издал несколько собственных военно-теоретических трудов, явившихся ценным вкладом в мировую науку. Достаточно сказать, что его работа «Стратегия» не потеряла своего значения и в наши дни и является важным пособием для подготовки офицеров не только у нас, но и за рубежом. В 1930 г. Александр Андреевич Свечин был репрессирован, затем выпущен, в 1938-м вновь арестован и расстрелян. И хотя подавляющую часть военной интеллигенции постигла та же участь, накануне второй мировой войны немногие уцелевшие, как, например, бывший прапорщик лейб-гвардии Егерского полка в 1917 г. и начальник Генштаба в 1945-от генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов, в полной мере овладели искусством вождения войск и довели их до победы. Стоит упомянуть и тех, кто достойно нес дух русской армии и как эстафету передавал новым поколениям защитников Отечества. Следует рассказать о генерал-лейтенанте инженерных войск Дмитрие Михайловиче Карбышеве.

Воспитанник кадетского корпуса, затем военно-инженерного училища и Академии, он воевал в русско-японскую войну. В Красной Армии с 1918 году принимал участие в создании укрепрайонов. В 1921—1936 гг. служил в инженерных войсках, затем преподавал, занимался военно-научной работой — его перу принадлежат свыше ста работ по военно-инженерному искусству и военной истории. В 1938 г. Карбышев закончил Академию Генерального штаба.

В первые месяцы войны Дмитрий Михайлович был контужен и попал в плен, где голод, холод, побои, пытки, каторжный труд, расстрелы, виселицы, газовые камеры, крематории — все предназначалось для унижения человеческого достоинства и парализации воли. Военный интеллигент старой закалки прошел через все мьгтарства и не сломался. Более того, он сам поддерживал дух товарищей по несчастью. Один из них, А. С. Самойлов, вспоминал: «В Хаммельбургском лагере офицерского состава гестаповцы подсылали к Карбышеву предателей. Но генерал вел себя стойко, ни в какие разговоры с предателями не вступал. Фашисты довели Карбышева до полного истощения, но пообещали, как только генерал окрепнет, предоставить ему свободу и право проживать в любом немецком городе на выбор.

На это предложение он ответил:

Д. М. Карбышев

средствами помогать нашей Родине, делать все вопреки тому, чего хотят немцы...

Как знатока военного дела, Карбышева несколько раз вызывали в лагерное гестапо, уговаривали его перейти на службу к фашистам, сулили всякие блага, но Дмитрий Михайлович был непреклонен. Возвращаясь, он неизменно говорил:

— Никогда им не удастся сломить меня, лучше умру, но не сдамся».

Еще один сотоварищ по лагерю, И. И. Вишневецкий, вспоминал: «Как-то к нам в Замостье явилась группа немецких офицеров, отправлявшихся на фронт. Один немецкий подполковник с моноклем в глазу обратился к Дмитрию Михайловичу:

— Как думает господин профессор, когда кончится война?

На это Карбышев ответил:

— Когда на советской земле не останется ни одного немецкого солдата.

В ревире Хаммельбургского лагеря Карбышев говорил мне:

— Человек должен иметь цель в жизни и стремиться к ней прямо, не делая зигзагов. Если ты упал в реку, плыви к одному берегу — выплывешь, а начнешь вилять — утонешь».

Бывший военнопленный А. К. Ужинский делился впечатлениями о встречах со знаменитым генералом:

«Мне довелось много слышать о нем, еще в академии, изучать его труды и теперь очень захотелось увидеть его. Меня познакомили с ним. Дмитрий Михайлович припомнил, что перед началом войны встречался с другими слушателями на строительстве укреплений у западной границы. Прощаясь, я рассказал Карбышеву, что среди узников ходят слухи, будто фашисты хотят выве-

— Я генерал русской армии, давал присягу своему правительству служить честно, не щадя своей жизни».

Другой узник гитлеровского лагеря Н. Н. Сахаров рассказывал позже: «Мы, молодежь, не имея за плечами жизненного опыта, тянулись тогда к пожилым людям, старались поговорить с ними, послушать их. Карбышев охотно давал советы, и я как-то быстро с ним подружился. Он называл меня Казаком, а себя просил называть просто Старичком.

Дмитрий Михайлович говорил:

— Пусть немцы кричат, что Москве капут, но Москвы Гитлеру не взять. А вот наши войска будут добивать фашистов в Берлине. Это неизбежно. И коль мы с вами лишены пока возможности вести борьбу с оружием в руках, то должны хотя бы здесь любимы

«Честь имею!»

дать у него состав нашего бетона, идущего на строительство дотов. Дмитрий Михайлович рассмеялся:

— Тайна нашего бетона в нас самих. Передайте, капитан, товарищам, чтобы они были стойки, как бетон, и тогда никаких наших тайн враг не узнает».

Карбышеву верили, и его слово укрепляло дух томившихся в жестоком плену. Когда крах III Рейха был не за горами, фашисты уничтожили физически русского генерала, но дух его сломить так и не смогли. Очевидец его гибели рассказывал:

— 21 февраля 1945 года я с группой в 12 человек пленных офицеров прибыл в концентрационный лагерь Маутхаузен. По прибытии в лагерь мне стало известно, что 17 февраля в 17 часов дня из общей массы пленных была выведена группа из 400 человек, куда попал и генерал-лейтенант Карбышев. Эти 400 человек были раздеты догола и оставлены стоять на улице; слабые здоровьем умерли, и их немедленно отправили в топку лагерного крематория, а остальных дубинками гнали под холодный душ. До 12 часов ночи эта экзекуция повторялась несколько раз.

В 12 часов ночи во время очередной такой экзекуции товарищ Карбышев отклонился от напора холодной воды и ударом дубинки по голове был убит. Тело Карбышева сожгли в крематории лагеря».

Дмитрию Михайловичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а имя его навечно осталась в памяти народной.

История офицерского корпуса показывает, что никогда государство не баловало его материальными благами, и вот что удивительно: несмотря на определенные житейские трудности, большинство офицеров четко придерживалось традиции — Отечеству служат не за деньги. На сей счет весьма красноречив один факт из жизни флотоводца и ученого Степана Осиповича Макарова.

Были в русской армии попытки, как это впрочем издавна практикуется в зарубежных армиях, вознаграждать воина за успехи в боевых операциях деньгами. Так в прошлом веке вопрос о денежном поощрении был поднят морским министром. Это предложение дали на отзыв адмиралу С. О. Макарову. Степан Осипович резко возразил против подобного копирования зарубежных порядков: «Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну как на исполнение своего священного долга, к которому призван судьбой, и не ждет денежных наград за свою службу. Отлучать его от этих правил — значит подкапывать тот принцип, на котором зиждется вся доблесть русского солдата». Понятие чести у русского воина было тесно связано с его бескорыстием в службе Отечеству.

Человек, воспитанный в понятии о чести, не мог себе позволить нарушить ее даже в мелочах. Генерал Алексей Алексеевич Игнатьев — автор известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю». В этой книге очень мало рассказано об авторе, и в какой-то степени этот недостаток восполнила жена графа Наталья Владимировна. Поступок, который он совершил, поймут не все сегодня, да и вряд ли одобряют.

В Париже, где находился генерал, было очень плохо с сахаром, и вот здесь его жена узнала, что сахар можно приобрести у спекулянтов, правда,

Портрет
генерала
А. А. Игнатъева.
Худ.
В. П. Ефанов

впятеро дороже. С большим трудом она доставила сахар домой, и надо же было случиться, что в этот момент генерал тоже вошел в переднюю. «С торжеством победительницы, — вспоминала Наталья Владимировна, — какой я себе казалась, указывая на тюки с сахаром, я объявила ему о своих достижениях:

— Вот! Умно? Ловко? 100 кило сахару! Нам хватит...

Но добрый, благодушный Алексей Алексеевич мгновенно превратился в карающего противника.

— Как! — воскрикнул он беспощадно строгим тоном. — Моя жена способствует спекуляции? Это покуда бойцы на фронте гибнут, защищая Родину, а в тылу люди всего себя лишают, чтобы прийти на помощь фронту посылками? Вон отсюда подобные трофеи!

И на глазах обомлевшего от страха грузчика он швырнул на лестницу все тюки...».

Надо сказать, что это произошло даже и не в России, а во Франции, где на подобные вещи смотрели проще...

«Честь имею!»

Как известно, А. А. Игнатьев был человек безукоризненной честности — это очень ярко просматривается в его отношении к казенному имуществу. После революции в руках графа была реальная возможность воспользоваться очень большой суммой для собственных нужд... Но все деньги на счетах во Франции были им переданы своему государству. Честность его была известна и в эмигрантских кругах. Но в этом эпизоде моряк, проявивший лучшие нравственные качества, оказался к сожалению неизвестным: «Уже после революции, — писала жена генерала, — после захвата наших кораблей в алжирском порту, в момент, когда оба мы работали у себя на огороде, через ограду перескочил молодой человек в матросском бушлате, вытянулся перед Алексеем Алексеевичем и, задыхаясь, отрапортовал:

— Ваше превосходительство! Ваше сиятельство! Честь имею явиться, матрос русского флота. Бежал из-под французского ареста. Корабли наши задержали. Начальства нет. Наш морской агент в Париже Дмитриев ушел в белогвардейцы. А мне надлежит сдать «казенное» имущество... Вот я и решил его сдать. Вот это все, чем я располагаю...

Он быстро снял кожаный кушак, сунул его в руки Алексея Алексеевича, опяты вытянулся, также стремительно перемахнул через забор и скрылся.

Алексей Алексеевич сиял.

— Вот видишь, — воскликнул он, — видишь, что значит понятие о «казенном»! Выброшенный за борт человек, но — русский! В этом все. Мы, русские, умеем честь беречь! Мой предок Федор Матвеевич, генерал-адмирал русского флота, за одержанные над ингерманландскими войсками победы получил от Петра I в 1708 г. в награду медаль, на одной стороне которой надпись «Адмирал Ф. М. Апраксин», а на другой — изображение флота, построившегося в линию, с надписью: «Храня сие, не спит, лучше смерть, а не неверность».

Воспоминания жены А. А. Игнатьева, благо они удивительнейшим образом оказались связанными с современностью — это вопрос о дачах, которыми ныне пытаются обзавестись все, кто так или иначе оказался у рычагов власти: «Уважение Алексея Алексеевича к «казенному» добру вызывало у большинства недоумение. «Кому это нужно? Кто это оценит? Что за донкихотство!» — твердили то одни, то другие. Подчас даже мне казалось, что они правы.

Навсегда запомнились, как урок и пример, некоторые, ни на чьи не похожие, именующиеся «рыцарскими» поступки Алексея Алексеевича.

Один из них относится к вопросу о даче. С детства привыкший к пребыванию в родительском имении, Алексей Алексеевич любил природу и деревенскую жизнь. Работа на огороде была излюбленным для него занятием. В душе его всегда жила мечта о том, что «когда-нибудь, понимаешь, у нас будет свой собственный дачный уголок». Так он мечтал в тиши с 1937 по 1945 г., а «дачей» именовал наш сквер на проезде Серова, куда мы ежедневно отправлялись на прогулку.

В 1945 г. военных особенно отличали. В число отличаемых попал и Алексей Алексеевич. Военное ведомство предложило ему выбрать участок и удели-

ло ему 2 гектара, живописно расположенных на Николиной Горе, под Звенигородом. Казалось, восторгу, вызванному этой радостью, конца не будет... Однако он очень быстро прервался: узнав, что строить будут, и бесплатно, наши военные части, Алексей Алексеевич, что называется, «закинулся» и немедленно отказался от предлагаемого ему участка.

— Никогда, — резко сказал он. — Это недопустимо, чтобы труд солдат эксплуатировался своими же начальниками! Пусть этим пользуются те, до сознания которых не доходит истинный смысл подобной установки. Только не я!»

С 1950 г. Игнатъев, выйдя в отставку, стал полностью оплачивать содержание автомобиля и водителя. И продолжал платить на протяжении всей своей жизни. В 1953 г., получив крупную сумму денег — гонорар за книгу, — он приобрел за свой счет «Победу», а персональный «Бьюик» сдал в материальный фонд армии и этим поставил в тупик военное начальство. Так или иначе, несмотря на сопротивление чиновников из военного ведомства, машина была сдана, после чего Алексей Алексеевич успокоился:

— Ну не хотят понять! Ведь я возвращаю не свою собственность, а «казенную», данную мне просто «на прокат». Что же тут мудреного? — недоумевал генерал.

Может кто-то и назовет поступки генерала Игнатъева чудачествами, или скажет просто, что ни к чему это... Но этот генерал не только воспринял всей душой понятие о чести, но еще и был пунктуален в ее требованиях до мелочей. Как бы хотелось, чтобы в Российской армии было как можно больше воинов, подобных тем, кто прошел перед вами в этой главе, которые с чистой совестью могли заявить: «Честь имею!»

Сильные верой

ри изучении отечественной истории невольно задаешь себе вопрос: а есть ли какая-либо зависимость между верой русских полководцев и их деяниями на военном поприще? Подробное знакомство с жизнью, убеждениями позволяет увидеть, насколько православная вера содействовала их достижениям на поле боя. Существует прямая связь между глубиной и твердостью их веры и результатами на поле битвы. К сожалению, биографы полководцев перестали уделять должное внимание их отношению к религии. А ведь именно православная вера формировала нравственные идеалы, наложила отпечаток на образ военных деятелей.

Имена Александра Суворова, Федора Ушакова, Павла Нахимова были уважаемы в народе во все времена. Их жизнь и дела достаточно широко известны. Гораздо меньше распространены сведения об их отношении к православной вере. Всем им в одинаковой мере присущи черты воинов-христиан. Кстати, любопытная подробность: современники называли Ушакова за глаза «морским Суворовым», а адмирала Нахимова просто Суворовым — и это, конечно, неспроста... Служба Богу и Отечеству была для них единым и неразрывным понятием. Все трое старались по мере сил своих познавать Бога, покоряли Его воле свою волю и сердце, исполняли христианские заповеди и с любовью внимали духовным пастырям, укреплявшим их в вере и нравственности. Они стремились творить добро и избегать зла — а это так трудно, особенно в военном деле. И в этом залог их успеха.

Русский архистратиг

Многолетний опыт формирования Вооруженных Сил России показал, что наибольшую стойкость проявляли православные воины, верующие в Бога, с присущим им патриотизмом и верностью Отечеству. Эти три добродетели можно смело отнести к чисто солдатским, так как они оказывают самое сильное влияние на соблюдение дисциплины, подчиненность и формирование лич-

ных качеств солдата. Эти же добродетели сами по себе представляют величайшие духовные ценности, и, конечно, важно, чтобы каждый воин как можно глубже был проникнут нравственными идеалами. Укрепление Петром Великим русской государственности и национального самосознания вызвали духовный подъем у воинов. Именно своей верой и преданностью Отечеству был велик русский солдат. В вере он черпал необыкновенную стойкость и несокрушимую энергию в критические минуты боя. Военачальники, блестяще знавшие нравственные качества русского воина, всегда опирались на них.

Обновление России в XVIII в. чувствовалось всеми, поскольку блестящие победы тогдашнего русского оружия окружали светлым ореолом славы имя воина и казалось, что ему все возможно, и вражеские крепостные твердыни не были преградой. Александр Васильевич Суворов мог смело сказать: «Братцы! Вы богатыри! Неприятель от вас дрожит! Вы русские!» — и сердца солдат наполнялись гордостью от этих слов. А девизы, ставшие непреложными истинами для российского воина: «русские на сдаются» или «русские не отступают», или «отступления не будет» возбуждали духовное достоинство воинов.

Александр Васильевич Суворов был военным до мозга костей и поддерживал в своих войсках самую строгую дисциплину. Он считал, что строгость в военном деле необходима. Однако ж при своем мировоззрении к шпицрутенам не прибегал, а старался воздействовать на душу солдата через катехизис и молитвы. В формировании личности Суворова религия сыграла важную роль — с малых лет он отличался набожностью и благочестием, любил размышлять над библией и изучил в совершенстве весь церковный круг богослужения. В армии Александр Васильевич использовал веру не для оправдания целей войны, а для воспитания войск. В 1771 г. в одном из писем он высказывался по этому поводу: «Немецкий, французский мужик знает церковь, знает веру, молитвы; у русского едва ли знает то деревенский поп; сих мужиков в солдатском платье учили у меня неким молитвам. Тако догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними и устремлялись к честности».

В программе воспитания нравственных качеств бойца религии отводилась существенная роль, так как она внушала ему благородные побуждения утвердиться в ратном мастерстве, а без «послушания и благонравия нет исправного солдата».

До Суворова, да и в его времена военная добыча рассматривалась как законное явление, которое никем не оспаривалось и было даже узаконено. Понимая, что добыча, не будучи строго регламентированной, может привести к разгулу, грабёжам и полной разнузданности, Александр Васильевич тратил немало усилий, чтобы выработать у солдат понятие о добыче в рамках закона, а тех, кто преступал эту грань, наказывал со всей строгостью. Солдаты поговаривали: «Наш Суворов в победах и во всем с нами в паю, только не в добыче». И действительно, он никогда не участвовал в дележе добычи. Так, после взятия Измаила к нему подвели прекрасного коня в богатом уборе. Александр Васильевич ответил отказом принять его: «Донской конь привез меня сюда, на нем же я отсюда и уеду».

Сильные верой

Христианские чувства не позволяли ему жестоко относиться к пленным. Суворов приказывал содержать их «ласково и человеколюбиво», кормить хорошо, «хотя бы то было и сверх надлежащей порции», будучи убежден, что «благоприятие раскаявшихся возмутителей пользует больше нашим интересам, нежели разлитие их крови». Да и тех, кто не раскаялся, Суворов защищал от всяких жестокостей: «Как бунтовщиков подлыми не почитайте, но никакого злодея уничтожать не должно, а оружие низложивши, оказывать всякое благоволение».

Достаточно гуманно поступил он с пленными французами при подавлении польского восстания. 15 апреля 1770 г. сдался Краков — русский полководец распорядился вернуть шпаги французским офицерам: «Моя императрица не воюет с вашим королем, вы не пленники мои, а гости».

Ко лжи и лести А. В. Суворов был особо нетерпим и, по его понятию, они занимали среди пороков едва ли не первое место, поскольку под ними подразумевал самую крайнюю людскую распущенность. Он никогда не отказывал в милости просившему, но здоровому, на его взгляд, нищему дарил топор со словами: «Руби дрова, не умрешь с голоду». Известно, что несколько лет сряду он анонимно в петербургскую тюрьму высылал до десяти тысяч рублей на искупление содержащимся за долги.

Отношения к крепостным оставались у него мягкими и ровными — в системе наказаний использовал только «страх Божий». Так, в суздальское имение Суворов отписал: «Крестьян, которые самовольно повенчались и были грубы против священника, отдать на покаяние в церковь и приказать говеть им в Филиппов пост».

Однажды у крестьянина Калашникова умерла от оспы малолетняя дочь. Отец, обремененный многочисленным семейством, как-то обмолвился, что он даже рад этой смерти, поскольку лишний рот — обуза для семьи. Усмотрев в этом тяжкий грех, Суворов распорядился: «Калашникова при собрании мира отправить к священнику и оставить на три дня при церкви, чтобы священник наложил на него епитимью... Старосту за несмотрение поставить в церковь на сутки, чтобы молился на коленях и впредь крепко смотрел за нерадивыми о детях отцами».

Случилось так, что два крестьянина были уличены во лжи — как тут быть: по обычаю того времени наказание могло стоить им жизни. Суворов приказал взыскать с одного пять, с другого десять копеек и эти деньги отдать на церковь.

Истинно по-христиански вел себя Суворов с бедствующими и несчастными, но только в тех случаях, когда их к этому не привели собственные пороки. Приобретя неимущих крестьян, он приказал оказывать им содействие всем

А. В. Суворов.
Гравюра Уткина
с портрета
Шмидта

миром и решать дела сообща при священнике, но на заимообразных началах, чтобы эта помощь не была даром. Разрешил рубить лес и валить его для поджогов и пашни. В первую очередь эта возможность предоставлялась неимущим и малоимущим, а потом уже и тем, кто позажиточнее, и обязательно в присутствии священника. Суворову принадлежала идея запретить торговлю солью перекупщикам, приобретать ее всем миром и делить купленное в день привоза. Стремясь к спокойствию в имении, Александр Васильевич следил за тем, чтобы ограничить злоупотребления богатых и влиятельных людей по отношению к бедным. Он предложил крестьянам помогать старым и увечным, вдовам, чтобы те не бедствовали, и сам иногда выделял пособия от себя. Так в селе Кончанском несколько лет проживало шесть инвалидов, которые получали от помещика ежегодно по десять рублей, жилье и содержание натурой. На таком же положении находились и временные люди. Суворов не забывал даже отслуживших свой век лошадей — их кормили и не водили на живодерню. К тому, кто проповедовал чуждые православию взгляды, Александр Васильевич был нетерпим. Сохранился один из его приказов: «Крестьяне деревни Федорихи (двое), хотя исполняют таинства и обряды, но держатся суеверием, раскольнических правил, проклятых св. отцами. Если правда, высечь их в мирском кругу розгами, как глупых ребятишек. Если же будут являться бродяги, кои станут совращать в раскол, то их ловить и метлами и вениками выгонять миром вон за свою межу».

В царствование Екатерины II воспитание солдата было поставлено таким образом, чтобы поднять его дух через привитие в нем любви к родине и верности царю, через обращение к религиозным чувствам — издавна защита Православия на Руси отождествлялась с защитой Отечества. Прекрасно сознавая цену истинного благочестия русского солдата и будучи сам глубоко верующим, Суворов всеми силами поддерживал в войне религиозное настроение. Свидетельство тому — словесные поучения великого полководца: «От Него победа...», «Бог нас водит, Он наш генерал». Он учил солдат не бояться смерти, смотреть ей прямо в глаза, ибо они отдают жизни за Дом Богородицы», какой

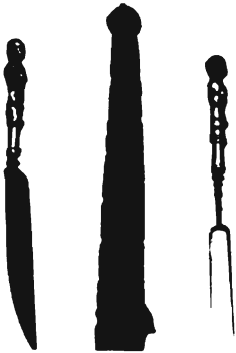
*А. В. Суворов
беседует с
крестьянами в
селе Кончан-
ском. Худ.
Н. А. Шабунин.*

Сильные верой

Посеребренный
ковш, походный
медный чайник и
походный
столовый набор
А. В. Суворова

всегда виделась русскому человеку родная земля. Будучи командиром Суздальского пехотного полка, Суворов построил полковую церковь, а для солдат полковой школы составил молитвенник и краткий катехизис.

Внешне религиозность Суворова проявлялась в укладе повседневной жизни. Он, можно сказать, жил по монашески, был скромен в своих потребностях, ненавидел роскошь, приписывая ей растлевающее действие. Вел простую жизнь солдата не из какого-либо расчета, а лишь потому, что находил ее для военного человека единственно подходящей, и твердо верил, что военному не нужно много имущества, ибо оно отнимает у него мужество. В бытность Суворова командиром полка один из офицеров-сослуживцев вспоминал: «Этот полковник таков, что как взглянет на человека с

солдатским сердцем, то и покорит на век. Он и говорит, и ходит, и смотрит, и ест, и пьет, и спит не так, как другие люди. Последняя рубаша, последний кусок пополам с нами! Ему ничего не надобно, — говорит он, — был бы солдат доволен. Летом чуть свет уже на ногах. Вскочил с соломы, которую он называет солдатским пухом, помолился Богу, окатился холодной водою, что делает он и в трескучие морозы, и тотчас сбор. — «На вахтпарад, братцы, на вахтпарад!» — кричит он на встрече солдатам... «Смотрите, уж птички Божьи поднялись, а нам грешно не встретить солнышка в чисто поле!» Вы думаете, что наш вахтпарад то самое, что было у вас? Наш вахтпарад настоящая баталья!

В жилах нашего полковника течет не кровь, а пламя, и он так умеет воспламенить всех, что сам часто забываюсь, что я на учении, и воображаю, что нахожусь в действительном сражении...

После учения, часов в семь или восемь, а много в девять, полковник наш обедает. Кто приглашен из офицеров обедать — милость! Вы подумаете, вот тут-то пируха! Перед обедом рюмка водки и солдатский сухарь на закуску, солдатские щи, каша, жаркое, какое случится, и баста. Питье — квас и вода, а для охотников по рюмке мадеры. Пожалуйста, не воображайте, что это от скупости. Денег наш полковник не любит и всегда отдает на полк, но говорит: «Если кто посвятил себя военному ремеслу, тот должен привыкать к солдатской жизни, а роскошь мертвит мужество». После обеда он отдыхает, а там, исправив полковые дела, занимается книгами и планами, и так работает до вечера. Тогда вскочит на донского скакуна и пошел скакать во весь опор по полям и оврагам. Перед вечерней зарей ужин; при заре вечерняя молитва и на боковую, на солому. Вот какую жизнь ведет наш Александр Васильевич

Церковь из села Кончанское, перенесенная в 1900 г. в Петербург на плац Преображенского полка

воров любил особенно, «в Великий пост в его комнате почти ежедневно отправлялась церковная служба; при этом Суворов служил дьячком».

Благочестие великого полководца проявлялась и в другой форме — это его постоянные заботы по содержанию старых и сооружению новых церквей. «Я и всех своих оброков на этот предмет нимало не жалею», — повторял Александр Васильевич. Наряду с хлопотами о церковных зданиях, утвари и разном благолепии, он обеспечивал и денежное содержание церковного причта.

Живя в деревне, Суворов вставал с рассветом и обыкновенно сам поднимал крестьян на работу. Дорога в церковь пролегалла через речку. И в весеннее половодье нередко он в качестве переправочного средства использовал винокуренный чан, который превращал в нечто подобное парому. Надо заметить, что в 1780 г. когда сельцо Кончанское с несколькими окружающими его деревнями перешло во владение генерал-поручика Суворова, церкви в селе не было, поэтому в 1785 г. он обратился к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому с прошением:

Суворов, сын богатого отца, генерал-лейтенанта! Нет у нас ни балов, ни пирушек, ни попоек, а о карточной игре ни гугу! Сохрани Бог! Да он, кажется, проглотил бы игрока и с картами! Не может слышать о них!.. Дай Бог дожидаться войны: ручаюсь, что наш полковник покажет себя..».

Многие источники, касающиеся жизни великого полководца, подтверждают точность наблюдений автора письма. Особую ревность имел Суворов к церковной службе. На рассвете всегда шел в церковь, где стоял заутреню и обедню. Во время службы сам читал и пел, и усердно клал земные поклоны. Биограф Суворова Петрушевский отмечает, что в этих поклонах «не было никакой утрировки, а выражалось... обычное благочестие Суворова и ревностное исполнение церковных обрядов». В положенное время Суворов шел к вечерне. Во время пребывания в ссылке в селе Кончанском Ю. А. Николаев, которому было поручено надзирать за опальным полководцем, доносил, что Суворов в то время скоромного не ел, был весь день один и по утрам и после обеда пел духовные концерты... Церковную музыку Су-

Сильные верой

1. Дать благословение на сооружение в его вотчине Боровичского уезда, в селе Кончанске, в его доме, во имя Александра Невского церкви;
2. по построении оной отпустить св. миро и св. антиминос;
3. произвести во священники из студентов, которому ежегодно произведено будет от него жалование по сту рублей и содержание в пище».

1 декабря 1785 г. митрополит поручил Боровичскому духовному правлению «осмотреть в доме господина генерал-поручика и кавалера А. В. Суворова, состоящем в селе Кончанске, покой, в котором онный господин генерал-поручик просит дозволения устроить церковь».

7 мая 1786 г. Боровичское духовное управление донесло, что «духовным управлением исполнение чинено и оказалось, что назначенные для церкви покои стоят на восток и близ его никаких к тому непристойностей не имеется, а при тех усмотрено, что реченный генерал-поручик и кавалер А. В. Суворов уже церковь сооружать начал, коей построено до нижних полов. Она же церковь стоит против покоев в шестидесяти четырех сажнях, а вышеозначенное его превосходительством сельцо Кончанское в приходе имеется при церкви Рождества Богородицы, в Сонинском погосте, в коем сельце живущих крестьян находится 34 двора».

Суворов, верный своей привычке действовать «быстро и с натиском», начал строительство церкви, не дожидаясь решения митрополита. Одновременно он устроил домовую церковь. Видимо, Суворов был искушен в искусстве строительства церквей — правильно выбрать место — задача не из простых. 13 марта 1789 г. церковь была освящена, священником стал Сила Тимофеев, дьяком — его шурин Евдоким Яковлев. Этой церкви суждено было стать исторической...

Суворов участвовал почти во всех войнах, которые вела Россия во второй половине XVIII в. Подвиги на поле брани для него были связаны со служением Господу... Вот лишь некоторые штрихи к биографии полководца. Кинбурн — крепость на Кинбурнской косе между Днепровско-Бугским и Ягорлыцким лиманами. На рассвете 1 (12) октября 1787 г., в день празднования Покрова Пресвятой Богородицы, 22 турецких корабля с 600 орудиями после бомбардировки крепости (гарнизон ее вместе с подкреплениями насчитывал около 4000 штыков и свыше 90 орудий) отважились на высадку десанта. Подготовив вначале окопы, 5000 янычар продвигались к крепости.

После полудня турки, совершив омовение и сотворив обычную молитву на глазах у русских, начали осаду крепости. Во время высадки неприятеля Суворов с офицерами находился в церкви на молебне по случаю праздника — он приказал не стрелять ни из пушек, ни из ружей и вообще ничем не препятствовать действиям противника: «Пусть все вылезут!» — и распорядился собрать все резервы в крепости.

По окончании обедни Суворов вышел из церкви и направился к войскам. Уверенность войск в своем полководце была полная, а его выдержка зарядила спокойствием. В 3 часа дня по знаку Суворова прогремел залп из всех орудий, обращенных в сторону косы, занятой турками. Русские воины поднялись и устремились в атаку и с ходу заняли первые десять линий окопов противника. И впереди шел Суворов.

Разгорелось жесточайшее сражение — турки, чтобы отрезать себе путь к отступлению, отодвинули свои корабли подальше от берега. В начале боя под Суворовым была убита лошадь — ей ядром оторвало ногу. Полководец упал, к нему бросились турки. Один из них занес было саблю над ним, к счастью его приколол штыком мушкетер Новиков. Несколько солдат с криками «Братцы, спасайте генерала!» — отбили турок и атака возобновилась. Неприятель трижды переходил в контратаку, и последняя стала самой сокрушительной. Все, окружавшие Суворова, были убиты или ранены. Пуля пробила ему левую руку, и он, истекая кровью, вынужден был удалиться в крепость. При нем находился только ординарец и казачий урядник. Рану наскоро обмыли морской водой и перевязали. Суворов перевернул рубашку, надел ее сухим рукавом на рану и со словами: «Помогло, помилуй Бог, помогло!» — снова ринулся в бой. Русские и турки перемешались, и артиллерийский огонь с крепости нельзя было использовать. Турки, имея численное преимущество, стали было гнать русских к крепости, как в дело вступили десять эскадронов подоспевшей конницы. Неприятеля били, топили в море, несмотря на его отчаянное сопротивление. Из 6 тысяч турок спаслось около 700 человек. Из 600 пленных 500 человек скончалось от ран. Среди погибших насчитали 50 трупов дервишей, которые подбадривали турок в бою. У русских было убито до 200 и ранено до 800 человек.

Спасение
А. В. Суворова
гренадером
Степаном
Новиковым в
сражении при
Кинбурне
1 октября 1787 г.
Худ.
К.-И. Кеппен.

2 октября в Кинбурне состоялось торжество по случаю блистательной победы над турками. Войска Суворова выстроились фронтом на косе лицом к Очакову (в строю большая часть раненых), отслушали молебен, и было воспе-

Сильные верой

то «Тебе, Бога, хвалим» под грохот орудий из крепости. Очаковские турки высыпали на берег, смотрели и слушали. Больше они уже не осмеливались беспокоить Кинбурн, настолько ошеломляющим было впечатление от понесенного поражения. Упорству противника Суворов воздал должное в своем донесении графу Григорию Александровичу Потемкину: «Какие молодцы, с такими я еще не дрался».

17 октября в Петербурге отмечали победу Суворова. «Старик поставил нас на колени; жаль только, что его ранили», — говорила Екатерина II и собственноручно в письме выразила ему благодарность: «В первый раз по начале войны благодарили мы Бога за победу и одоление над врагом, читали в церкви деяния ревности, усердия и храбрости нашей. Объявите всем наше усердие и благодарность. Молим Бога, да исцелит раны ваши и восстановит вас к новым успехам».

По поводу Кинбурнской победы все были в восторге, начиная с императрицы. Екатерине приносили поздравления, отслужили молебен с коленопреклонением и пушечной стрельбой. Также был отслужен молебен в Казанском соборе, причем губернатор читал реляцию о победе внутри церкви и у ограды по требованию собравшихся четыре раза. За подвиг Александр Васильевич Суворов был награжден высшей наградой российской империи — орденом Андрея Первозванного, который, как отмечала Екатерина II, он заслужил «верой и верностью».

Суворов с благодарностью ответил императрице: «Вашего императорского Величества высочайшее собственноручное начертание награждает меня свыше моих малых заслуг. Блистательные знаки веры и верности утверждают меня к непогрешенному соблюдению сих отечественных добродетелей обоим Богам». (Следует полагать, что Суворов имел ввиду царей небесного и земного).

Каждая война становилась для А. В. Суворова новой ступенью в развитии его военного искусства. В кампании 1789 г. войска, которыми он командовал, взяли город Фокшаны и разгромили неприятеля на реке Рымник 11 сентября. Рымникское сражение — одно из самых выдающихся по полководческому искусству. Численность турецких войск в четыре раза превышала русские. Умело маневрируя на поле боя, Суворов громил противника по частям. Впервые в военной истории русская конница на полном аллюре атаковала окопы янычар.

Около 20 тысяч турок осталось лежать на поле боя убитыми и ранеными, остальные были рассеяны. Потери победителей не превышали 2 тысяч человек. Воистину русские воевали не числом, а умением. Эту победу Суворов отпраздновал с особой торжественностью. Русские солдаты были выстроены в одно большое каре на поле сражения для слушания благодарственного молебна, каждый, по приказу Суворова, имел при себе зеленые ветви. Когда молебен был отслужен, перед воинством выступил со словом Суворов. Он говорил о чести, славе, победе и ее лаврах. В конце торжества каждый воин увенчал себя победной ветвью.

Лента и звезда высшего российского ордена св. Андрея Первозванного, которым Суворов был награжден за победу при Кинбурне

Крест
офицерский
«За взятие
Очакова.
1788»

Надо полагать, что успех кампании против турок зависел не только от высокой боеспособности русской армии, военного мастерства полководца, но и от знания Суворовым обычаев народа. Перед кампанией он прочел Коран и изучил турецкий язык. Как правило, Александр Васильевич перед каждой кампанией изучал язык, обычаи и нравы противника. И знание семи языков сослужило ему добрую службу. Он знал и военное дело с «фундамента», как этого требовал воинский устав Петра I, упорно занимался военным и общим образованием. Впоследствии он говорил, что генералу необходимо «непрерывное образование себя науками с помощью чтения». Суворов был одним из образованнейших людей своего времени.

Не менее замечательной была польская кампания 1792–1794 гг. Суворов среди своих солдат. Он объезжает полки, останавливаясь в каждом из них, благодарит за одержанную победу и краткими, но волнующими словами поощряет воинов на новые победы. Офицеры и солдаты окружают его плотным кольцом, так что лошадь не могла повернуться, — и, как ни странно, Суворову нравилось такое внимание. Приветствия он заканчивал по обыкновению несколькими выдержками из своего знаменитого катехизиса: «Субординация, экзерциция; ученье — свет, неученье — тьма; дело мастера боится» и т. д. Объехав весь полк Суворов командовал: «К заре»; когда барабаны били «К молитве», снял каску и громким внятным голосом прочел «Отче наш», «Всемогущий Боже». Молитву Суворов возносил в честь своих чудо-богатырей торжественно перед строем, под звуки «Тебе Бога хвалим...», ноты этой священной песни всегда возил с собой. Это было после победы при Кобрине в 1794 г. Редкий случай, когда полководец молился за своих солдат.

Во время Второго польского похода одним из противников русских был... холод. Холщевые кители плохо защищали от него, особенно по ночам, пока не подвезли полкам теплое обмундирование. Суворов, верный своим жизненным принципам, мерз в холщевом кителе вместе с войском и суконную куртку надел только тогда, когда солдаты облачились в теплое платье. Эта малая деталь не ускользнула от внимания солдат и была оценена по достоинству. Воспитывать солдат личным примером полководец считал своим долгом.

Как-то один из иностранных купцов спросил его:

— Много ли в вашей армии истинно верных и преданных солдат?

— Много, очень много, не сосчитать, — ответил Суворов. — Сотня — мало, корпуса — мало, вся, вся армия! У меня, когда чудо-богатырь поцелует крест, то доколь дышит — своему долгу не изменит; пошли его в огонь — идет; пошли в воду — идет; ставь против него десять штыков — идет; сел за кашницу, и закричи: «Вперед» — кашница в сторону и он идет; ноги еле тащутся, то приударь в барабан — идет... Службу он любит, присяге не изменяет, везде готов положить свою голову, только умеет начальник его развеселить, только не опрокинься и иди прямо; солдат же сам по себе никогда с прямой

Сильные верой

дороги не собьется; для Веры и Государя он всегда, везде и на все готов; и целый свет подобного ему не представляет».

...Измаил по своему времени был превосходной крепостью с сильным гарнизоном. Во главе защитников стоял старый, поседевший в боях Айдозли Мехмет-паша, твердый и дельный человек. Вооружение крепости состояло из 200 крупных орудий, численность защитников достигала 35 тысяч, из них 8 тысяч конницы, 17 тысяч янычар, несколько тысяч татар. Обстановка на театре сложилась таким образом, что скорое взятие Измаила могло положить конец войне с турками.

Дважды русские подступали к крепости, но безрезультатно. За несколько дней до прибытия Суворова в войсках вместе с унынием распространилось мнение о ее неприступности. Было отдано распоряжение отойти от крепости, и некоторые части уже начали выполнять приказ. Турки возликовали.

2 декабря 1790 г. на рассвете к Измаилу подъехали два всадника, забрызганные грязью — это были Суворов и казак, который в маленьком узелке вез все имущество полководца. С приездом Суворова в войсках появилась уверенность, что Измаил можно взять. На военном совете военачальники, которые еще недавно приходили в отчаяние, единодушно решили — «штурмовать Измаил — блокада бесполезна; спрашивать повелений не нужно; отступить предосудительно». Платов, казачий военачальник, в будущем герою войны 1812 года, первым подписал, как самый молодой, решение совета о штурме Измаила. «Хорошо, помилуй Бог, хорошо!» — воскликнул Суворов, обнимая Платова.

Когда общее решение было утверждено, Суворов скомандовал: «Сегодня молиться, завтра учиться, послезавтра — победа или смерть!» В то же самое время он доносил Потемкину: «Обещать нельзя, Божий гнев и милость зависят от Его провидения».

Верность Отечеству и глубокая вера в Господа рождали у русских особую стойкость и выносливость. Перед решающим штурмом Измаила Суворов объехал войска, беседовал с солдатами, вспоминал прежние победы, не скрывая серьезности положения: «Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки надо их взять, такова воля Матушки Государыни». Перед атакой полководец направил в крепость письмо с предложением о сдаче — как истинный христианин, он не мог прибегать к силе оружия, не используя мирные способы решения задачи. Письмо было составлено лаконично: «Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что отдаю вам на рассмотрение».

Когда выяснилось, что турки не собираются сдаваться, заговорили пушки. Ночью 11 (22) декабря 1790 г. русские войска пошли на штурм. Грозная крепость Измаил... Русские столпились у одного из вражеских бастионов — лестницы приставлены к стене, но сверху сыпались бревна, камни, лилась кипящая смола. Офицеры уговаривали солдат, одни было прорывались вперед, другие только раздумывали. И вот в этот момент перед ними появился священник в облачении и крестом в руках:

— Друзья, — закричал он солдатам, — пойдем за сим священным знаменем: оно покорит нам крепость и скоро, и без кровопролития.

Священник Днепровского Приморского гренадерского полка отец Трофим Кущинский первым полез на стену бастиона. Воодушевленные примером полкового батюшки, гренадеры мигом взлетели на стену. Две пули угодили отцу Трофиму в крест, третья в левую ногу, повредив сухожилие и саму кость, но он продолжал взбираться наверх. Атака оказалась успешной.

Время Суворова примечательно тем, что впервые за боевые заслуги на поле брани стали отмечать военных священников — до этого ничего подобного история не знала. На следующий день в Измаиле было совершено благодарственное молебствие при грое орудий — служил священник Трофим Кущинский, отличившийся при штурме крепости. Он уже побывал при осаде и взятии Очакова, Бенден и Килии. За Измаил священник получил наперсный крест на георгиевской ленте, украшенный бриллиантами, произведен в протоиереи и ему было пожаловано единовременно 500 рублей и 300 рублей в пожизненную пенсию.

При штурме Измаила также отличился священник Екатерининского казачьего войска Филофей Владевич, который вместе с казаками штурмовал стены крепости. О подвиге отца Филофея (не без ведома Суворова) стало известно императрице, которая повелела наградить Филофея Владевича, обо-

дрявшего прославленное воинство, тысячью рублями и позволила носить ему наперсный крест на узкой ленте военного ордена.

Известие о смерти императрицы дошло до Суворова лишь через неделю — сослуживцы постарались подготовить его к печальной вести заранее. Суворов сохранил самообладание, приказал всем собраться в церкви в полной форме, а священнику быть в полном облачении. Командующий прибыл в церковь в фельдмаршальском мундире при всех орденах, пожалованных императрицей, и прямо прошел к алтарю. Всю литургию он стоял на коленях, безутешно плакал и молился, а к благодарственному молебну за нового самодержца вышел к алтарю и стал на клиросе. Здесь он был уже совершенно спокоен, на лице не было заметно следов слез. Отошел молебен, все вышли на площадь, где выстроились войска. По окончании принятия

Суворов,
отдыхающий
после победы.
Худ.
П. П. Свинын

Сильные верой

Офицерский крест за взятие Измаила 11 декабря 1790 г.

присяги все вернулись в церковь, а Суворов снова прошел в алтарь, где в продолжение всей панихиды, стоя на коленях, молился. Вернувшись домой, разговаривал с людьми, скрывая свое настроение. Выглядел спокойно, и никто не видел на лице его признаков тяжелого переживания.

С возрастом Суворов еще более укрепился в вере. Он постоянно пересылал деньги на поминание родителей в церковь Федора Студита. В 1796 г. деньги для этой цели послал в другую церковь и в нее же сделал вклад. Еще строже он стал соблюдать посты, и никакой пищи не принимал в течение первых трех дней Страстной недели. Глубоко верующий человек, Суворов отворачивался от атеизма и считал заблуждениями всякие нехристианские учения. Но сам дух и смысл христианства он понимал достаточно широко и был далек от фанатизма, религиозной нетерпимости и черствой обрядности. Так, испрашивая благословение у Господа при совершении молебна в каплице Сен-Готарда и прикладываясь к кресту, подаваемому католическим священнослужителем, он это делал не для вида, а истинно по широте своего благочестия.

Именно поэтому из всех войн, в которых Суворову пришлось участвовать, только компанию 1799 г. он поставил в неразрывную связь с религией, так как в революционной Франции атеизм и вольнодумство приобрели государственное значение. Александр Васильевич показал твердую веру в промысел Божий и, выполняя возложенную на него миссию полководца-христианина, доказал, что русские чудо-богатыри с верой в Бога — воины непобедимые.

Для него, христианина и полководца, было важно поэтому добиться от солдат при напряжении религиозно-нравственных сил строгого контроля и чистоты в жизни, что является главным средством достижения успеха на войне. Полководец никогда не включал в мотивы войны религиозных побуждений, что обычно практиковалось как до, так и после Суворова.

Надо полагать, что раны, полученные в сражениях, и походные лишения не прошли бесследно. Суворов ощущал возрастные изменения, но всеми силами стремился это скрыть не только от окружающих, но и от самого себя, поскольку был твердо уверен, что военный всегда должен быть крепок духом и телом. Его деятельная натура не могла смириться с вынужденной бездеятельностью — и вот здесь религиозное чувство вызвало в нем потребность уединиться в монастыре и предаться целиком в руки Божьи. «Со стремлением спешу предстать чистою душою перед престолом Всевышнего», — сообщает он в одном из писем, в другом замечает:

«Усмотря приближение моей кончины, готовлюсь я в иноки». О решении Александра Васильевича стать монахом говорят все его распоряжения, отданные по хозяйству и денежным расчетам. В декабре 1798 г. он пишет Павлу I письмо: «Ваше императорское Величество, всеподаннейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности моей прости, милосердный Государь». На прошение Суворова ответа не последовало, назревала война с французами и отставной фельдмаршал понадобился России.

Находясь в ссылке по воле императора Павла I, Суворов жадно интересовался политическими новостями. Еще в 1796 г. он писал о Наполеоне: «О, как шагает этот юный Бонапарт. Он герой, он чудо-богатырь... Ему ведома неодолимая сила натиска — более не надобно... у него военный совет в голове. Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но, если на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, — он погибнет». Жизнь показала, насколько был прав русский полководец.

Россия приняла участие в коалиционной войне Англии, Австрии и других стран против Франции. Война шла на территории Северной Италии. Союзники терпели неудачи. Англия и Австрия обратились к Павлу с просьбой поставить во главе союзной армии Суворова. Император вызвал его из ссылки: «Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться. Вина того Бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам Судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей время, у меня удовольствия вас видеть. Пребываю вам доброжелательным Павел».

Получив царский рескрипт, полководец отслужил молебен в сельской церкви и стал собираться. О предстоящей поездке высказался в свойственной ему манере: «Да я ж служил за дьячка, пел басом, а теперь поеду петь Марсом».

18 февраля 1799 г. в Петербурге Суворов предстал перед императором который возложил крест Святого Иоанна Иерусалимского на полководца. Пользуясь благорасположением царя, Суворов ходатайствовал о прощении сосланного в Сибирь капитана лейб-гренадерского полка Синицкого, мать которого схоронила шестнадцать детей и осталась без какой-либо поддержки. Царь выполнил просьбу Суворова.

1799 год. Италия. День тезоименитства русской императрицы. По заведенному обычаю в этот день объявлялись монаршие милости и происходила раздача наград. После обеда Суворов вносил в алтарь на блюде все пожалованные знаки отличий для окропления святой водой, потом выносил их из алтаря, вызывал каждого из удостоившихся наград, приказывал встать на колени, надевал пожалованный орден и благославлял. Та же церемония повторялась и с австрийскими офицерами, которым были пожалованы русские ордена.

Знаменитый Чертов мост! 25 сентября 1799 г. Суворов со своими чудо-богатырями в Швейцарском походе встретился с ранее небывалым, когда про-

Сильные верой

Орден св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест). Суворов был награжден этим орденом в феврале 1799 г. накануне Итальянского похода

тивник преградил русским дорогу у единственной переправы через реку Рейссу у Чертова моста. Эта горная река текла через так называемую «Урзернскую дыру» среди отвесных утесов, огибая гору и круто спускаясь к Чертову мосту над Рейссой. У моста река с шумом рвалась через трещину, пенясь и клубясь водопадами на глубине 25 метров. Проложенная в этом месте тропа дважды огибала крутые скалы, переходя с берега на берег, выходила в ущелье. В общем, место было такое, что нескольких стрелков было вполне достаточно, чтобы задержать наступление Суворова.

Когда русские воины оказались у Сен-Готарда, вершина которого вознеслась выше облаков, а ненастная погода придавала особенно мрачный вид дикой природе, у солдат, порядком уставших от дальних походов и плохих харчей, воинский дух покачнулся. Видя настроение солдат, Суворов предложил им два варианта: беспрекословное повиновение, либо предать его земле у подошвы Сен-Готарда: «Здесь похороните меня, — произнес полководец у вырытой могилы, — мне ничего не остается кроме смерти!»

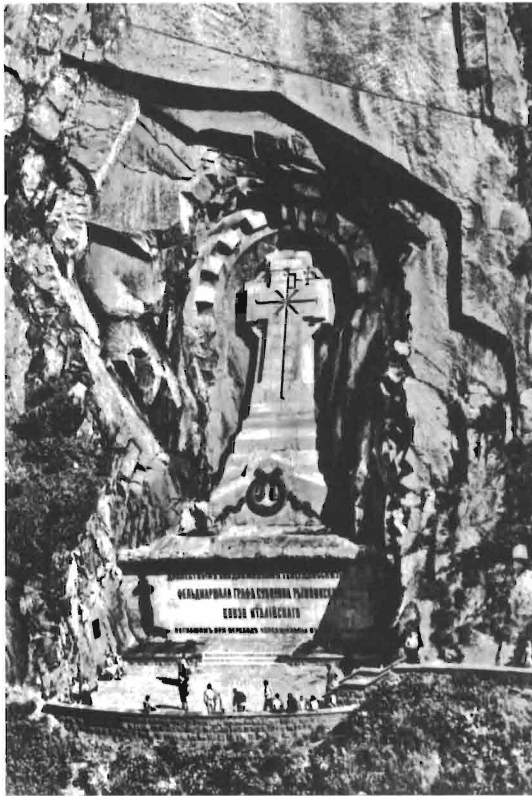
Ошеломленные словами любимого военачальника, солдаты обступили его плотной массой: «Веди! Веди нас», — и подняли его на руки. В письме к императору Александр Васильевич так описал переход через Чертов мост: «На каждом шагу в этом царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверстия и поглотить готовые гробы смерти. Дремучие, мрачные ночи, непрерывно ударяющие громаы, лиющиеся дожди и густой туман облаков, при шумных водопадах с камнями с вершин низвергавшихся, увеличивали трепет... Войска Вашего Императорского Величества заняли мост, удивительною игрою природы сооруженный и названный Тейфельсбрикке. Онъ разрушен неприятелем; но

это не остановило победителей: они связывают доски шарфами офицеров; бегут по этим доскам, спускаются с вершин из бездны и, достигая врага, поражают его всюду. Напоследок надлежало восходить на снежную гору Бишнер-Берг, скалистою крутизною все прочия превышающую; утопая в скользкой грязи, должно было подниматься против и посреди водопада, низвергавшегося с ревом и низрывававшего с яростию страшные камни, снежные и земляные глыбы, на которых много лошадей с людьми с величайшим стремлением летели в преисподние пучины, где многие убивались, а многие спасались. Всякое изображение недостаточно к изображению этой картины во всем его ужасе. Единое воспоминание преисполняет душу трепетом и теплым и благодарственным молением к Всевышнему. Его же невидимая всеильная десница видимо охраняла воинство В. И. В. подвижавшееся Святою Его Верою».

*Бой на
Чертовом мосту
14 сентября
1799 г. Худ.
А. Е. Коцебу.*

Только горячая вера в покровительство Всевышнего помогли Суворову и его воинам вынести и преодолеть те превышающие человеческие силы испытания, что выпали на их долю в ту кампанию. В Россию полководец возвратился покрытый бессмертной славой, но и одолеваемый тяжелой болезнью. Когда болезнь утихала, Александр Васильевич мечтал об участии в кампании

Памятник
А. В. Суворову
и российским
солдатам в
Швейцарии близ
Чертова моста.
Вырублен в
скале в 1898 г.
Высота 29 м

жающие видели, что конец близок. Выполнив последний долг христианина, исповедовавшись и причастившись, он простился со всеми, а затем произнес: «Долго гонялся я за славой — все мечта; покой души — у престола Всемогущего». 6 мая 1800 года его не стало.

Печальное известие быстро разнеслось, великое множество людей и сотни экипажей загрохотали окрестные улицы, через которые нельзя было ни проехать, ни пройти — каждый считал своим долгом проститься с покойным. Общество скорбело... Похороны были назначены на 11 мая, но Павел I распорядился перенести их на 12 и отдать покойному военные почести в соответствии с его чином, а тело предать земле в Александро-Невской Лавре.

Огромное число людей наблюдали процессию на Садовой улице, Невском проспекте, вплоть до Лавры — похоже собралось все население Петербурга от мала до велика. Печаль и уныние владело людьми. На углу Невского и Садовой процессию поджидал император с небольшой свитой.

Существует предание, будто в церкви катафалк маршала не проходил в дверь, и все растерялись от неожиданности. Тогда один из воинов, несший гроб, скомандовал: «Вперед, ребята! Суворов везде проходил!» — и в самом деле катафалк прошел через дверной проем.

будущего года, диктовал заметки о последней кампании. Он чаще всего обращал свои мысли к Богу, и, так как шел Великий пост, проводил его со всей строгостью, предписанной церковным уставом. Это не нравилось врачу Суворова, но все протесты не имели успеха. Суворов ревностно посещал божественную службу, пел на клиросе, читал Апостол, бил бесчисленные земные поклоны... Близость смерти усиливала его благочестивые устремления. И во время богослужения, и в остальные часы дня обращался он к Богу, размышлял о вечности. К сожалению, сохранились лишь заключительные слова составленной им в то время записки: «Будь христианин; Бог Вам даст и знает, что когда дать». Замечательные слова!

Жизнь выдающегося полководца угасала подобно лампаде. С каждым днем слабела память, он часто бредил, на ранах открылись язвы и стали переходить в гангрену... окру-

Началась божественная служба. Надгробных слов не произносили, придворные певчие пропели 90-й псалом, концерт Бортнянского. Слова «Живый в помощи Вышняго, в крове небесного водворится...» у всех присутствующих вызвали слезы на глазах. Под залпы орудий и ружей гроб опустили в могилу, и прах великого полководца был засыпан землей.

В 1850 г. традиционную надгробную надпись на его могиле заменили на другую, которую незадолго до смерти Александра Васильевича придумал Гавриил Романович Державин: «Здесь лежит Суворов».

Перед смертью он встретился с поэтом. В разговоре Суворов, смеясь, спросил:

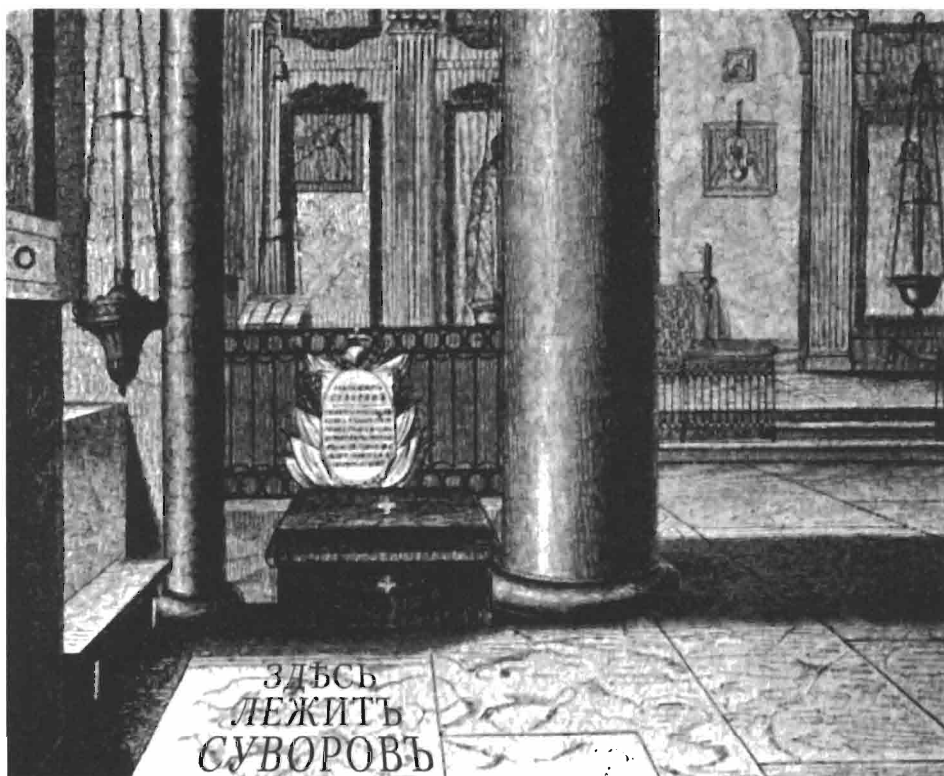
— Ну, какую же ты мне напишешь эпитафию?

— По-моему, — ответил поэт, — слов много не нужно: тут лежит Суворов!

— Помилуй Бог, как хорошо, — с восторгом отозвался Суворов.

В день празднования 100-летия со дня кончины великого полководца Александр Васильевич Суворов был назван «русским архистратигом». И это вполне справедливо, поскольку он всегда ставил на первое место веру в Бога, которая накрепко связала его с «витязями-офицерами» и «чудо-богатырями» солдатами. Все они верили в Того, Кто «един творяй чудеса».

Могилы
А. В. Суворова

Сильные верой

Призывы русского архистратига «За Пречистую Владычицу Богородицу! За Дом Богоматери» были понятны всем и многие говорили сердцу русского солдата. Совершенно очевидно, что между солдатом и офицером должна существовать прочная связь — истинно религиозное чувство. Надо учитывать, что верующий чувствителен ко лжи и тем более к напускной религиозности. Даже если он не поймет этого рассудком, то все равно почувствует сердцем.

Александр Васильевичу Суворову отечественная история отвела место несравненно более высокое, чем другим полководцам, прославившимся своими подвигами. Народу он дорог, как вождь, которому Россия была обязана целым рядом побед, и как солдат, деливший с другими солдатами их труды, лишения, ставший для всех примером, и как человек с искренним, добрым, отзывчивым сердцем, умеющий вникать во все нужды народа, и как глубоко верующий православный христианин, учивший своих солдат побеждать врага с верой в Бога и молитвой.

В русской армии не было более полководцев, подобных Александру Васильевичу Суворову, но по жизни и подвигу среди стихий на море тоже есть герои.

На море он не ведал поражений...

...Император Павел I, сын Екатерины Великой и Петра III, вступил на престол после смерти матери 6 ноября 1796 г. Это была довольно сложная и порой противоречивая личность, которая далеко не объективно и неполно описана в отечественной истории. Общеизвестно, что монарх с большой симпатией относился к флоту. В восемь лет он стал генерал-адмиралом и положенное за это денежное содержание отдавал инвалидному дому для отставных матросов, который сам же и учредил на Каменном острове в Санкт-Петербурге.

Однажды во время службы по случаю Чесменской победы митрополит Платон (блестящий церковный писатель и риторик) предсказал юному царевичу, что в его правление будет сохранена и приумножена слава Петра I, основателя флота Российского — в стране появится флотоводец, имя которого явится всему миру. Это пророчество сбылось — таким всемирно известным флотоводцем стал адмирал Федор Федорович Ушаков.

Если о полководческом таланте адмирала писалось достаточно полно, то совершенно умалчивалось о жизненном кредо русского адмирала, его вере, той духовной силе, которая помогала ему одерживать победы не только над превосходящими силами противника, но и житейскими неурядицами — чаще всего это были козни завистников. Федор Ушаков родился в 1745 г. в семье мелкопоместного дворянина в селе Алексеевке Темниковского уезда Тамбовской губернии. До 16 лет он жил в деревне, где получил домашнее образование. Истины христианского учения Федор Федорович постиг с детства, его первым учителем был сельский священник. Подростком бесстрашно ходил со старостой деревни на медведя. От своих родителей он унаследовал строгие нравственные правила, высокие религиозные чувства, так как сама семья отли-

Адмирал
Ф. Ф. Ушаков

чалась особой набожностью и благочестием. От близко знавших адмирала известно, что к вере отцов своих оказывал он чрезвычайную приверженность: каждый день служил заутреню, обедню, вечерню и перед молитвами никогда не отвлекался мирскими делами. «Исполненный доброты необыкновенной», всегда старался он проявить милосердие ко всякому, даже провинившемуся человеку.

15 февраля 1761 г. Федор Ушаков поступил в морской Шляхетный Кадетский корпус. Грубые привычки, суровое обращение, культ физической силы, царившие там, наложили свой отпечаток на характер будущего адмирала — он отличался некоторой строгостью и суровостью. 1 мая 1766 г., в возрасте двадцати одного года, Ф. Ф. Ушаков был произведен в мичманы. В списке 59 выпускников корпуса он значился четвертым, что говорило о его высоких успехах и нравственном поведении.

Сильные верой

Свв. Федор
Стратилат и
Димитрий.
Икона XIII в.

В жизни человека все события прошлого и настоящего невидимо связаны друг с другом. Недаром Ушаков особо почитал Великомученика Феодора Стратилата: жизнь святого была для адмирала примером для подражания, ибо подвижник нес как бы двойное послушание, сочетая ответственное воинское служение с проповедью Слова Божия. Вера в Бога истинна, если она подкрепляется делами.

В бытность гардемаринком с Ушаковым произошел случай, когда достаточно ярко проявился его мужественный характер. Во время первого плавания на корабле «Евстафий» молодой матрос (на флоте их называли «новик»), забравшись на мачту, с непривычки испугался высоты. Он переступил на перекладину и сорвался, повиснув на руках над палубой. «Разобьется», — раздался чей-то голос. Затем последовала команда: «Полотно! Полотно под него, быстро! Отпусти руку! Падай вниз!» Но «новик» висел на одной руке и от страха не мог ее разжать. В этот момент Ушаков проворно полез на мачту и через короткое мгновение был уже рядом с «новиком». Схватив его за парусиновую рубашку, Федор намотал подол на руку и потянул к себе: «Спокойно ставь сюда ногу... Так, так... хорошо. Теперь двигайся сюда... Сюда. Хорошо, хорошо... Не бойся, я же здесь, рядом».

Моряки на палубе видели, как Ушаков с матросом двигались по рее. Первым спустился Ушаков, вслед за ним новик.

Судьба последовательно готовила Федора Ушакова к роли флотоводца. Боевой опыт моряка он получил в русско-турецкую войну 1768–1774 годов. Вначале он плавал на Азовском море, потом командовал небольшим кораблем на Черном море, где впервые принял крещение боем. В 1776 году Уша-

ков участвовал в переходе с Балтики на Черное море. С 1776 по 1779 год плавал на корабле «Северный орел» в Средиземном море. В 1780 году он вернулся в Кронштадт. Благодаря своему опыту, сыскал доверие высокого начальства — его назначили командиром царской яхты, но Федор Федорович тянется к боевым кораблям. В 1781 году он, наконец, получает назначение командиром линейного корабля «Виктор», уходящего в Средиземное море.

Судьба отвела Ушакову завидное место в истории борьбы России за выход в Черное море и утверждение на нем. До екатерининских времен там безраздельно господствовала Турция, для России же жизненно необходимо было владеть побережьем того моря, которое издревле называлось Русским. Необходимо было охранять южные границы государства от

постоянных грабительских набегов турок и находившихся у них в вассальной зависимости татар, когда превращались в руины города и села, забирались в плен мирные жители и затем продавались в рабство на невольничьих рынках Востока.

В 1783 г. Крым был присоединен к России, и началось строительство Черноморского флота. Были организованы военно-морские базы в Херсоне и Севастополе. Именно тогда и был прислан на Черное море в числе других офицеров-балтийцев Федор Ушаков. Его назначили командиром линейного корабля № 4, впоследствии «Святой Павел». В 1784 г. Ф. Ф. Ушаков получил звание капитана I ранга. Прибытие в Херсон первых матросских команд совпало с распространением чумы, завезенной крымскими татарами из Турции. От тяжелой болезни погибло немало матросов и офицеров. Благодаря своевременным принятым мерам, Ушаков сумел сберечь экипаж своего корабля, за что был награжден орденом Владимира IV степени.

Создание Черноморского флота можно отнести к августу 1785 г., когда были официально утверждены штаты. В том же году Ушаков совершил переход на «Святом Павле» из Херсона в Севастополь (кораблем командовал до 1789 г.).

К началу русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Россия имела на Черном море всего 5 линейных кораблей, 19 фрегатов, 1 бомбардирский корабль и 10 мелких судов. У турок флот был значительно сильнее: 19 линейных кораблей, 16 фрегатов, 7 бомбардирских кораблей и 50 мелких судов, причем эти корабли по своим качествам выгодно отличались от русских.

Турция, не желая уступать, усиленно готовилась к войне, стремясь помешать России в создании сильного флота. Все попытки России решить конфликт дипломатическим путем успеха не имели — Турция объявила войну.

К этому времени Ушакова произвели в капитаны бригадного ранга. Как командир, он всегда сообразовывался с практической стороной дела. По воспоминаниям современников, флот под командованием М. Войновича был застигнут в море сильным ветром. Будучи начальником эскадры, находящейся под ветром, Ушаков дал без разрешения командующего сигнал укрыться в ближайшем порту. Эскадра же Войновича, оставаясь в море, получила некоторые повреждения и ушла в порт. Командующий пожаловался Григорию Александровичу Потемкину на нарушение Ушаковым порядка службы. Когда Потемкин вызвал Ушакова для доклада, тот ответил: «Виноват, но так следовало».

С объявлением Турцией войны главнокомандующий русской армией Г. А. Потемкин предписал командующему флотом графу М. Войновичу находиться в полной боевой готовности для отражения нападения турецкого флота у берега Крыма. 3 июля 1788 г. состоялась встреча русского и турецкого флотов у острова Фидониси.

45 турецких линейных кораблей, фрегатов и мелких судов противостояли русской эскадре, насчитывающей всего 2 линейных корабля, 10 фрегатов и 24 мелких судна. Бывший на ветре капудан-паша уверенно атаковал русский флот, направив на каждый большой русский корабль по пять своих.

Сильные верой

Нерешительный Войнович стремился избежать боя, но Ушаков сумел убедить его бой принять. Благодаря искусным и решительным маневрам командира авангарда капитана I ранга Ушакова и меткому, беспрестанному огню русской артиллерии, была одержана блестящая победа. Турецкий флот вынужден был вернуться к своим берегам.

Выдающиеся способности Ушакова высоко оценил Потемкин. Это послужило впоследствии поводом для назначения его на должность Войновича. Бой у Федониси продемонстрировал мастерство русских моряков. На следующий год русские начали кампанию нанесением ударов по анатолийским базам Синопу и Самсуну, где турки готовили десантный корпус для захвата Крыма. Эскадра, которой командовал уже контр-адмирал Ф. Ф. Ушаков, уничтожила 14 транспортных судов врага.

Обеспокоенные активными действиями русского флота, турки поспешили выйти в море, не успев подготовиться должным образом. Потемкин приказал Ушакову немедленно идти на неприятеля: «Возложите твердое упование на Бога, — писал он, — и при случае сразитесь с неприятелем; старайтесь скорее кончить ваше плавание и прийти на показанное место, где я вас осмотрю и усилю судами. Христос с вами! Я молю Его благость, да ниспошлет на вас милость и увенчает успехами». Через несколько дней он снова писал Ушакову: «Молитесь Богу! Он вам поможет; положитесь на него; ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с вами!»

Ушаков на корабле «Рождество Христово» вышел в море с эскадрой. Примечательно, что она состояла в основном из судов, носящих имена святых: 84-пушечный «Рождество Христово», 66-пушечные «Мария Магдалина», «Святой Владимир», «Святой Павел» и «Преображение Господне»; корабли 50-пушечные «Св. Георгий Победоносец», «Св. Александр Невский», «Св. Андрей Первозванный»; 46-пушечные — «Иоанн Богослов», «Св. Петр Апостол»; 44-пушечные — «Св. Иероним», «Покров Св. Богородицы», «Кирилл Белозерский», «Амвросий Медиоланский», «Св. Нестор Преподобный», «Иоанн Воинственник». Корабли меньших рангов носили также духовные имена.

Силы противников были явно неравны. Турки превосходили по числу кораблей на 21 выпел, в орудиях на 450 шт., в личном составе более, чем на 3000 человек, не говоря уже о качественном превосходстве.

Исход боя в Керченском проливе 8 июля 1790 г. показал, что победа склонилась на сторону русских. Сам Ушаков так писал об этом: «По продолжении пяти часов жестокого боя неприятель был весьма разбит; три корабля и многие другие зашиты всего их флота едва спасены были от наших рук и никак бы увести их не могли, да и прочие подверглись бы неминуемому разбитию от нашего флота, если не укрыла их из нашего виду темнота ночная, при которой все они спаслись бегством, но не знаю куды путь свой взяли: в Синоп или Румелийским берегам. Наш урон не велик: убитых разных чинов 29 и раненых 68 человек, а на неприятельском флоте урону должно быть чрезвычайному».

Позже из документов стало известно, что только на одном из турецких кораблей было убито до 400 человек. Потемкин писал императрице об этой победе: «Наши, благодаря Богу, такого перда задали туркам, что любо. Спасибо Федору Федоровичу..»

Утром 9 июля русская эскадра встала на якорь, на кораблях был отслужен благодарственный молебен за одержанную победу, при этом торжество сопровождалось пушечной канонадой со всех кораблей. И только после этого экипажи приступили к устранению повреждений. С приходом Ушакова на должность командующего Черноморским флотом счастье отвернулось от турок на море.

После Керченского сражения Ушаков одерживает победу под Гаджибеем 28—29 августа 1790 г., наградой за которую Ушакову была георгиевская звезда, т. е. орден Георгия 2-й степени. Новая победа русских — у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г., когда с потерей флота оттоманское правительство лишилось своей последней опоры на море. После нескольких поражений турки сочли за благо разрешить противоречия с Россией дипломатическим путем. Екатерина II за доблесть и заслуги перед Россией прислала контр-адмиралу Ушакову орден Александра Невского вместе с благодарностью Черноморскому флоту. «Знаменитая победа... служит новым доказательством особого мужества и искусства вашего», — писала императрица флотоводцу.

Однако вскоре после смерти Потемкина, покровительствовавшего Ушакову, начались интриги недоброжелателей, пытавшихся очернить и унижить адмирала. Прямой и честный, Ушаков резко восставал против злобы и клеветы завистливых высокопоставленных сановников.

Конфликт был разрешен самой жизнью: для России наступил момент, когда потребовался талантливый боевой руководитель. Начались военные действия против республиканской Франции, как раз в то время, когда восходила звезда военной славы генерала Бонапарта.

*А. В. Суворов и
Ф. Ф. Ушаков
осматривают
Севастополь-
ский порт.
Худ. В. Илюхин*

Сильные верой

В 1798 г. французы под командованием Наполеона высадились в Египте, который тогда составлял часть Османской империи. Французская экспансия ослабляла влияние России на Балканах и непосредственно угрожала русской торговле на Средиземном море. И Турция была вынуждена обратиться за помощью к недавнему врагу своему — России.

«Федор» в переводе с греческого означает «Божий дар», и полководческий талант Федора Федоровича был поистине от Бога. В этой кампании он проявил всему миру качества православного воина-христианина, незаурядного флотоводца.

В сентябре 1798 г. русско-турецкая эскадра вышла из Дарданелл и взяла курс к Ионическим островам. В течение месяца были освобождены острова Цериги, Занте, Кефалония и св. Мавры. Самым славным из военных деяний Ушакова стал штурм и взятие неприступной крепости на острове Корфу.

Пять веков венецианцы владели этим островом, считавшимся ключом к Адриатическому морю. Французские инженеры значительно усилили и обновили его укрепления. К началу осады в крепости находилось до 630 орудий, гарнизон численностью в 3000 человек и полугодовой запас продовольствия. Эскадра французов у острова состояла из двух линейных кораблей, фрегата и десятка более мелких судов. С моря крепость прикрывалась островами Видо и Лазаретто; на первом из них находились мощные укрепления с большим числом артиллерийских орудий.

Взятие Корфу 19 февраля 1799 г. стало для того времени грандиозным событием. Ф. Ф. Ушаков в полной мере сумел продемонстрировать свой флотоводческий талант, а русские моряки — прекрасные боевые качества. Ключ к успеху русского адмирала состоял в том, что он вначале атаковал крепость с моря, а уже потом с суши, и по сути дела поступил вразрез с существующим тогда мнением, что флот только с моря может блокировать приморские крепости. Впервые в истории Ушаков организовал четкое взаимодействие корабельной артиллерии с десантом. При осаде он показал более высокий уровень морского искусства, чем известный английский адмирал Нельсон, в тот же период осаждавший менее укрепленную крепость Ла-Валетта на Мальте. Ушакову

*Штурм
крепости Корфу
18 февраля
(1 марта) 1799 г.
Худ. В. Кремер.*

потребовалось три с небольшим месяца для взятия Корфу, в то время как Нельсон затратил на Мальту более года и, не дождавшись сдачи крепости, уехал в Англию. Узнав о победе на Корфу, Александр Суворов воскликнул: «Ура русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хоть мичманом?»

На другой день после занятия острова главнокомандующий вместе с капитанами и офицерами съехал на берег для участия в благодарственном молебне. На пристани адмирала встречало духовенство и жители города. Улицы и дома были украшены андреевскими флагами. Другой молебен отслужили в храме Святого Спиридона, который считается покровителем Ионических островов. В день наступившего вскоре Светлого Христова Воскресенья, по просьбе Ушакова, был совершен крестный ход с выносом мощей угодника. Раку несли русские военачальники и первые лица города. Русские войска стояли вдоль всего пути следования процессии.

Россия стремилась укрепить свое влияние на Балканах — в Черногории, Сербии, Боснии, Герцеговине и Далмации. Важная роль в решении этой задачи отводилась Черногорскому митрополиту Петру Петровичу Негуша. В войне с Турцией он оказал немалую помощь России, что было отмечено Екатериной II, наградившей его орденом Св. Александра Невского. Ушакову последовало высочайшее повеление отнестись к митрополиту Черногорскому с «изъявлением ему и всему народу мирнаго Его величества к ним расположения и благоволение».

Военный и административный талант Ушакова удачно сочетался с не менее замечательными дипломатическими способностями полководца. Можно только удивляться, как он, с большим знанием дела и должным тактом, решал сложнейшие дипломатические задачи. Бесконечные интриги и вероломство союзников (англичан, австрийцев и турок) ставили множество преград на пути выполнения задач, поставленных русским императором перед Ушаковым. И несмотря на это, Ушаков сумел водрузить славный андреевский флаг на островах и побережье Средиземного моря.

Мерилом благих трудов флотоводца стала признательность жителей островов архипелага своему спасителю. В честь Ушакова на острове Кефалония была выбита памятная медаль, на одной стороне которой был изображен адмирал и надпись «Знаменитый почитаемый Федор Ушаков», а на другой — русская эскадра, освобождающая острова и надпись — «Кефалония всех Ионических островов спасителю». Жители Итаки преподнесли медаль Ушакову с изображением адмирала в образе Одиссея, родиной которого, по преданию, был этот остров. От Корфу победителя наградили оружием — шпагой с надписью «Корфу освободителю своему Ушакову». От Занте адмиралу подарили серебряный с позолотой щит с изображением семи Ионических островов.

Верно служа Отечеству, Ушаков был далек от корысти. Зачастую свои личные сбережения использовал он для казенных надобностей. Несмотря на некоторую суровость характера, адмирал давал шанс оступившемуся моряку искупить свою вину. Случилось так, что мичманы Александр Олешев и Карл фон Иксуль были разжалованы в рядовые матросы за продажу казенного

Сильные верой

пороха. Снизойдя к молодости виновных, он дал им возможность искупить вину доброй службой. Федор Федорович назначил их в помощь лейтенанту Е. П. Метаксе ординарцами для связи с турецким командованием.

Провинившиеся оценили оказанное им доверие и честно исполняли все обязанности, проявляли изрядное мужество и отвагу в боевых действиях в десантах и при штурме Сальватора. 13 марта 1799 г. адмирал Ушаков обратился с просьбой к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии о прощении молодых людей и восстановлении их в прежних чинах: «Я уверительно объясняюсь вашему высокопревосходительству, молодость толь ввергла их в погрешность, в прочем они весьма благородного состояния и в искусстве офицеры могут быть пресовершенные. Отец наш Небесный прощает кающихся, я надеюсь на всещедрую милость и благоволение монаршее...».

Федор Федорович Ушаков закончил службу в Петербурге, куда был переведен в 1801 г. Непобежденному флотоводцу служба в столице не пришлась по душе, тем более, что она совпала с полосой неприязненного отношения власти к флоту. Все внимание царского двора было направлено на успехи Наполеона на суше. Поэтому через шесть лет он вышел в отставку, и вскоре удалился в свою тамбовскую деревню, где и скончался в 1817 г.

Последние годы жизни Федор Федорович часто посещал Санаксарский монастырь, который после долгих лет запустения был возобновлен дядей адмирала иеромонахом Феодором (в миру Иван Игнатьевич Ушаков). Отец Феодор был настоятелем монастыря с 1762 по 1791 г., а всего нес иноческий подвиг в течение 52 лет, как подвижник благочестия. К этому месту и стремился на закате своей жизни адмирал.

Деревня Алексеевка, где жил Ушаков, находилась в трех верстах от монастыря. По воскресеньям и праздничным дням по лесной дороге он отправлялся туда на богомолье. В монастыре сохранились воспоминания, что «адмирал в Великий пост жил в монастыре, в келье для своего помещения и приготовления к Святым Тайнам по целой седмице, и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неопустительно и слушал благоговейно. В послушаниях монастырских ни в какие не обращался, но по временам жертвовал от усердия своего обители значительные благодеяния, также бедным и нищим творил милостивые подаяния и вспоможения. В честь и память благодетельного имени своего передал в обитель и соборную церковь дорогие сосуды, важное Евангелие и дорогой парчи одежды на престол и жертвенник. Проводил остатки дней своих крайне воздержанно, окончил жизнь свою как следует истинному христианину и верному сыну Святой Церкви».

Ушаков молился усердно, поминая ушедших из жизни своих соратников, родственников, случайно встреченных на дорогах людей, желал здоровья живущим и раздавал все, что имел, тем, кто приходил к нему с просьбами, кто безмолвно стоял с протянутой рукой на паперти.

Когда пришла в Россию гроза наполеоновского нашествия, в Тамбовской губернии было создано народное ополчение. Преклонные годы не позволили Ушакову встать во главе его. Однако он помогал пострадавшим от французов

имуществом и добрым увещанием. «Не отчаивайтесь, — говорил он, — сия грозная буря обратится к славе России. Вера, любовь к Отечеству и приверженность к престолу восторжествуют. Мне немного остается жить, не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!» Бог услышал молитву флотоводца, посевшего в служении Отечеству: старый адмирал увидел славу и торжество России.

Еще в 1813 г. Федор Федорович денежные сбережения свои пожертвовал страждущим от разорений, бедствующим и не имеющим жилищ, одежды, пропитания. «Я давно имел желание все сии деньги без изъятия, — писал он, — раздать бедным, нищей братии, не имущим пропитания, и ныне, находя самый удобнейший и вернейший случай исполнить мое желание, пользуясь оным... Полученную мною от С.-Петербургского опекунского совета сумму денег, двадцать тысяч рублей, прошу употребить в пользу разоренных».

Скромный образ жизни, бескорыстная помощь тем, кто в ней нуждается, делали Федора Федоровича почти святым для окружающих. Очень верно сказал один из современников в памятном слове об Ушакове: «Он довольно жил для Отечества, для службы и для славы, но бедные, пользующиеся неистощимой его благотворительностью, со скорбью и со слезами говорят: «Он мало жил для нас!» Я не имел счастья быть свидетелем подвигов Ушакова, но я знал его добродетели, его благотворительность, его любовь к ближним, напоминания о том будут улаживать душу мою и руководствоваться к добру... Имя адмирала Ушакова причислилось к именам знаменитых русских мореходов, а добродетели его запечатлелись в сердцах тех, которые пользовались его знакомством в последние годы его жизни, посвященной Вере и благотворению».

Вера и верность, благородство и благотворение, мужество и милость — вот духовный облик прославленного русского адмирала. Неслучайно его образ в годы Великой Отечественной войны появился на груди у отличившихся в ратных делах моряков.

3 марта 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден орден Ушакова. Награда, названная в честь Федора Федоровича, согласно статута была чисто флотской. Орденом награждались только офицеры Военно-Морского Флота «за выдающиеся заслуги в организации, руководстве и обеспечении боевых операций и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину».

В тот же день вместе с орденом была учреждена и медаль Ушакова, которой награждались только «военнослужащие рядового, старшинского и сержантского состава Военно-Морского Флота за личное мужество и отвагу в боях с врагами Советского Союза на морских театрах». Эта медаль была необыкновенно популярна среди моряков и приравнивалась ими к ордену.

30 ноября 2000 г. Синодальная комиссия по канонизации святых РПЦ, рассмотрев на своем заседании «подвижнические труды в служении Отечеству и народу Божию, благочестивую жизнь, праведность, милосердие, самоотверженный подвиг благотворительности адмирала Российского флота Феодора Ушакова», приняла решение о причислении его к лику праведных мест-

Сильные верой

ночтимых святых Саранской епархии. В преддверии этого события Патриарх Московский и всея Руси Алексей II говорил, что канонизация, «хотя и произойдет на епархиальном уровне, будет значимой для всей нашей Церкви. Впервые в святцах появится имя человека, служившего на военном флоте, к которому в молитве будут обращаться воины-моряки».

Душа Севастополя

Имя адмирала Павла Степановича Нахимова осталось нетленным на скрижалях отечественной истории, несмотря на время и социальные потрясения, заслонившие от нашего взора многие деяния прошлого. С именем этим связано воспоминание о замечательной победе русского флота в Синопской бухте 18 ноября 1853 г. и бессмертная защита Севастополя в 1854–1855 гг. Выдающийся флотоводец, «хозяин Севастополя» — свою боевую биографию начал в Наваринском сражении в 1827 г. и закончил ее в 1855 г. на Малаховом кургане.

Соратники Павла Степановича до конца своих дней говорили, что им никогда не удастся в точности и во всей полноте рассказать потомству о легендарном адмирале, потому что нужно было лично наблюдать его сверхъестественную энергию, то неслыханное влияние на солдат, на матросов и морских офицеров, чтобы понять его характер. Нахимова нередко сравнивали с героями классической древности, которые готовы были всем пожертвовать для чести Отечества. Вот как отзывался участник обороны Севастополя Н. В. Берг: «Доброта ли, скрытые ли проблески гения, который, как алмаз, таится иногда под непроницаемой корою, или, наконец, подготовленные к тому обстоятельства времени, только имя Нахимова стало для нас дорогим именем, и ни одна потеря, кроме потери самого Севастополя, не отозвалась так во всех сердцах, как смерть незабвенного адмирала, честно и добросовестно отслужившего свою службу России... Он привлек сердца всех. О нем говорили, страдали и плакали не только мы на холмах, орошенных его кровью, но везде, во всех отдаленных уголках бесконечной России. Вот где его Синопская победа».

Жизнь Павла Степановича была сплошным жертвенным подвигом труда, мысли, воли, подвигом каждодневным, совершавшимся не только в боях на море или на суше, но в мирное время, когда он воспитывал своих подчиненных — черноморских моряков. Истоки жизненной силы Нахимов находил в вере в Бога. Он был глубоко убежден, что русская православная вера есть главная движущая сила для государства и народа, и всегда твердо следовал Истине, заключенной в пословице: «Без Бога — ни до порога!»

Павел Степанович Нахимов родился 23 июня 1802 г. в имении Городок Вяземского уезда Смоленской губернии в семье небогатого дворянина. Его отец был офицером и еще при Екатерине II вышел в отставку в скромном чине секунд-майора. В 1815 г. он отдал своего сына, тринадцатилетнего Павла, в Морской корпус — и с того времени судьба Нахимова оказалась неразрывно связана с флотом.

Учился он блестяще и, уже в пятнадцать лет став мичманом, получил назначение на бриг «Феникс», отправлявшийся в плавание на Балтике. Своим

Адмирал
П. С. Нахимов

тивными сторонниками новых идей своего наставника. Все они отличались глубоким религиозным чувством, считая необходимым воспитывать нравственные качества подчиненных посредством постоянного приобщения к христианскому учению и жизни. Матросы воспитывались отважными воинами, а не игрушечными солдатиками, марширующими для забавы высокопоставленных лиц на смотрах и парадах. Телесные наказания, распространенные на всех флотах мира (в английском флоте они продержались вплоть до первой мировой войны), на Черноморском флоте не применялись. Лазареву и его сторонникам удалось воспитать у моряков искреннюю любовь к Отчизне, пробудить горячее желание защищать ее и биться до последнего дыхания. В 1822 г. Нахимов принял приглашение Михаила Петровича служить под его началом на фрегате «Крейсер». За три года плавания он стал одним из его любимцев. Позднее Нахимов перешел на корабль «Азов», которым командовал также Лазарев. В 1827 г. в Наваринском морском сражении с турецким флотом Павел Нахимов получил боевое крещение. Из всех кораблей соединенной эскадры Англии, Франции и России «Азов» ближе всех подошел к неприятелю и, как свидетельствовали очевидцы, громил турок «не с пушечного, а с пистолетного выстрела». Павел Степанович в том бою был ранен, командуя батареей на баке. Один из наблюдавших за боем писал: «В Наваринском сражении он (Нахимов) получил за храбрость георгиевский крест и чин капитан-лейтенанта. Во время сражения мы любовались «Азовом» и его отличными маневрами, когда он подходил к неприятелю... Вскоре после сражения я видел Нахимова командиром призового корвета «Наварин», вооруженного им в Мальте со всевозможной морской роскошью и щегольством, на удивление англичан, знатоков морского дела. В глазах наших... он был труженик неутомимый. Я твердо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служит 24 часа в

однокашникам мичман Нахимов казался необыкновенным: для него не существовало ни отпуска, ни веселого времяпрепровождения с приятелями, ни прочих мирских радостей — он всецело был поглощен морем. Море занимало столь большое место в жизни Нахимова, что за недостатком времени он даже не обзавелся семьей.

Еще в корпусе отмечалась его глубокая религиозность — молодого кадета часто можно было увидеть в церкви у образа св. Николая Мирликийского, небесного покровителя всех моряков.

Большое влияние на будущего флотоводца, на формирование его моральных качеств оказал Михаил Петрович Лазарев, главный командир Черноморского флота, создавший в морском ведомстве особую школу воспитания моряков, отличную от прежней. Его ученики Владимир Алексеевич Корнилов, Павел Степанович Нахимов, Владимир Иванович Истомин — стали ак-

Сильные верой

сутки. Никогда товарищи не упрекали его в желании выслужиться, а веровали в его призвание и преданность самому делу. Подчиненные его всегда видели, что он работает больше их, а потому исполняли тяжелую работу без ропота и с уверенностью, что все, что следует им или в чем можно сделать облегчение, командиром не будет забыто».

Верный принципу быть примером для подчиненных, Нахимов последовательно проходит ряд должностей — к 1845 г. он уже контр-адмирал и командир 1-й бригады 4-й флотской дивизии. Авторитет его на Черноморском флоте можно было сравнить лишь с лазаревским. Целеустремленно он внедрял на службе идеи своего учителя, и не без успеха. Нередко в беседе от него можно было услышать: «Служба представится нам в другом виде, да и сами-то мы совсем другое значение получим по службе, когда будем знать, как на кого нужно действовать. Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всеми. Подобное однообразие в действиях начальника показывает, что нет у него ничего общего со своими подчиненными и что он совершенно не понимает своих соотечественников. А это важно. Офицеры, глубоко презиравшие сближение со своими соотечественниками-простолюдинами, не найдут должного тона. А вы думаете, что матрос не заметит этого? Заметит лучше, чем наш брат! Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее уже их дело. А каково пойдет служба, когда все подчиненные будут наверное знать, что начальники их не любят и презирают их? Вот настоящая причина, что на многих судах ничего не выходит и что некоторые молодые начальники одним только страхом хотят действовать. Страх подчас хорошее дело, да согласитесь, что ненатуральная вещь — несколько лет работать напропалую ради страха. Необходимо поощрение сочувствием, нужна любовь к своему делу, тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо. Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи, своих презирают, чужому завидуют, своих выгод совершенно не понимают. Это никуда не годится!»

Как чувствуется в этих словах то, что называем мы на современном языке православным сознанием, хотя сам Нахимов нигде как будто и не подчеркнул религиозность своей мысли. Однако не только на словах, но и на деле проявлял он свою любовь к человеку, к ближнему своему.

И с орлами на погонах Нахимов оставался верным своим принципам. Дни и ночи он отдавал службе: то выходил в море, то стоял на Графской пристани, наблюдая как входят и выходят суда из гавани. От зорких его глаз не ускользало ничего, а получить от него замечание или выговор означало показать себя плохим специалистом.

На мирное время он смотрел как на возможность подготовки к войне и использовал его для формирования нравственных качеств воинов. Будучи еще юным мичманом, он совершил истинный подвиг, спасая жизнь простого матроса, чуть было не отдав жизнь «за други своя». Капитан 2 ранга М. П. Лазарев так докладывал 10 декабря 1822 г. начальству о поступке Павла Степановича Нахимова: «В продолжение кратковременного сего плаванья от Ситхи до порта св. Франциска имели мы несчастье потерять канонира Давыда

М. П. Лазарев

Егорова, который 20 ноября при девяти узлах ходу, в крепкий ветер и сильное волнение упал с фор-русленей в море. Хотя немедленно фрегат был приведен к ветру и спущена шлюпка, в которую бросился мичман Нахимов с шестью матросами, но, при всех возможных стараниях их, спасти его не могли. В сие время от сильного волнения качало фрегат чрезвычайно, и шлюпка, возвратившаяся назад, едва пристала около того места, где следовало поднять ее, как бизань русленями разбило оную в мелкие куски: офицер и матросы, в ней бывшие, успели однакож схватиться и выскочить.

Сию готовность г. Нахимова при спасении человека жертвовать собою я долгом почел представить на благорассмотрение господ членов Адмиралтейств-коллегии».

По мере возможности П. С. Нахимов старался поддерживать в морях высокое

религиозное чувство. Он следил за неизменным совершением церковных служб на кораблях, всегда присутствовал на них сам и очень не любил, чтобы кто-либо уходил из церкви до окончания богослужения. Особое значение придавал Нахимов соборной молитве во время обороны Севастополя. По праздничным дням приказывал совершать обедню, на которой присутствовали все не занятые в деле чины, в том числе и воинство, находившееся в укреплениях. По окончании литургии духовенство служило молебны и на оборонительной линии перед батарейными образами, которые находились на всех бастионах и перед которыми всегда горело множество свечей. Новые батареи также освящались непременно, и на них также служились молебны. Даже в боевой обстановке устраивались крестные ходы, в них принимал участие и сам Нахимов, что действовало в высшей степени благотворно на воинов. Ни одно сражение не начиналось Нахимовым без молебна, по окончании которого священник благословлял войска, обходя их с крестом в руке. За священником шел сам Нахимов, воодушевлявший воинов кратким отеческим словом.

Искренней верой в святость русского дела пронизаны буквально все приказы и распоряжения, отдаваемые Нахимовым перед сражением. После каждой одержанной победы, в которой Павел Степанович усматривал промысел Божий, служился благодарственный молебен и заупокойная литургия по убитым воинам.

В трудные дни обороны Севастополя Нахимов старался поддерживать мужество моряков теплым задушевным словом: «С юных лет я был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию: мы сдружились давно, я горжусь вами с детства. Отстоим Севастополь! Вы оправдаете доверие и заботы о нас Государя и убедите врагов Православия,

Сильные верой

что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавших черноморских моряков».

Все его интересы сосредоточивались на кораблях и возле кораблей, а города — Севастополь, Петербург, Лондон, Архангельск, Рио-де-Жанейро, Сан-Франциско... были всего лишь якорными стоянками. Поэтому он смотрел на матросов, как на свою семью, правда, многочисленную. Его личные сбережения шли матросам, их женам и детям. В Севастополе можно было нередко наблюдать любопытные сцены. Завидев адмирала, старики, отставные матросы, женщины и дети без боязни окружали его и со всех сторон раздавались просьбы. «Постойте, постойте, — останавливал он их, — всем разом можно только кричать, а не просьбы высказывать. Я ничего не пойму. Старик, надень шапку и говори, что тебе надо».

Старик-матрос, на деревянной ноге и с костью в руке, привел с собой двух маленьких девочек, своих внучек. Он с малютками одинок, хата его продырявилась, а починить некому. Нахимов обращается к адъютанту: «Прислать к Позднякову двух плотников, пусть они ему помогают». Старик удивлен: «А вы, наш милостивец, разве меня помните?» — «Как не помнить лучшего маляра и плясуна на корабле «Три святителя...». «А что тебе надо?» — обращается адмирал к старухе. Оказывается, она — вдова мастера из рабочего экипажа, голодает. «Дать ей пять рублей!» — «Денег нет, Павел Степанович!» — отвечает адъютант, заведовавший хозяйством Нахимова. «Как денег нет? Отчего нет-с?» — «Да все уже прожиты и розданы!» — «Ну, дайте пока из своих». Но и у адъютанта тоже нет. Пять рублей, да еще в провинции, деньги по тому времени немалые. Тогда Нахимов обращается к подошедшим мичманам и офицерам: «Господа, дайте кто-нибудь мне займы пять рублей!», и старуха получает ассигнованную ей сумму. Он нередко брал в долг в счет своего жалования за будущий месяц и раздавал деньги направо и налево. По его мнению, всякий матрос, уже в силу этого звания, имел право на его кошелек, так как время и деньги должны принадлежать службе, и порой недоумевал, почему другие не делают того же. По его разумению, деньги нужны только затем, «чтобы лучше выкрасить шляпку или при удачной шляпочной гонке дать гребцам по чарке водки, — иначе офицер от праздности или будет пьянствовать, или будет развратничать».

20 октября (1 ноября) 1853 г. Россия объявила о вступлении в войну с Турцией. С адмиральского линейного корабля «Императрица Мария» тотчас был дан телеграф всем кораблям, находящимся в море: «Война объявлена: турецкий флот вышел в море; отслужить молебен и поздравить команду».

Турецкая эскадра была обнаружена на Синопском рейде. Нахимов решил дать бой в Синопской гавани. В действиях адмирала обнаружилось то редкое соединение твердой решимости с благоразумной осторожностью, то равновесие ума и характера, которые составляют исключительную принадлежность великих военачальников.

Приняв решение напасть на турок, Нахимов серьезно рисковал. Береговые турецкие батареи были хороши, да и судовая артиллерия исправна. Но

так уж было угодно истории, что турецкий флот, славший грозной силой еще с конца XVI в., в решающие моменты, когда от него требовались активные действия, не имел во главе способных и грамотных адмиралов. В день Синопского сражения 18 (30) ноября 1853 г. командир турецкой эскадры Осман-паша расположил свои корабли дугой перед набережной и тем самым закрыл большую часть береговых батарей. Стоявшие на якорях корабли могли бить по русским только с одного борта — пушки другого смотрели на город.

В день сражения в 10 часов на русской эскадре команде был дан обед и отслужен молебен, священники по заведенному со времен Петра I обычаю обошли все палубы, окропили моряков святой водой, и ровно в 11 часов двумя колоннами корабли вошли на вражеский рейд.

Нахимов твердо знал, что ничто так благотворно не действует на подчиненных, как личный пример начальника. «Слова побуждают — примеры увлекают!» И он шел в бой на первом корабле «Императрица Мария». На капитанском мостике Павел Степанович наблюдал за картиной разворачивающегося артиллерийского боя. Все корабли действовали точно с диспозицией, предписанной вице-адмиралом. Турецкая артиллерия, хотя и работала интенсивно, но не причинила русским кораблям существенных повреждений и не смогла потопить ни одного.

Корабль «Константин» оказался в опасном окружении неприятельских судов, тогда ему на помощь пришла «Чесма». Прекратив отстреливаться от действующего против нее огня, она стала бить из своих пушек по турецкому фрегату «Навек-Бахри», наиболее сильно досаждавшем «Константину». Взятый в два огня «Навек-Бахри» взлетел на воздух, причем его обломки и тела экипажа упали на ближайшую береговую батарею и засыпали ее, чем временно вывели из строя. Точно так же оказавшемуся в беспомощном положении кораблю «Три святителя» пришел на помощь «Ростислав», хотя и сам

*Синопский бой
18 ноября 1853 г.
Худ. Р. Жуковский.*

Сильные верой

попал под сильный огонь. Уроки флотоводца не прошли даром для русских моряков — они защищали друг друга грудью, когда кому-то грозила смертельная опасность.

В тот день русская эскадра в составе 6 линейных кораблей и 2 фрегатов уничтожила 7 фрегатов, 3 корвета, 1 пароход и 4 транспорта турок, при этом был взят в плен командующий турецкой эскадрой Осман-паша. После одержанной победы вице-адмирал Нахимов распорядился: «На всех судах вверенной мне эскадры отслужить благодарственный молебен Господу Богу и потом ожидать моего прибытия на суда. Я хочу лично поздравить командиров, офицеров и команды с победой и благодарить их за благородное содействие моим предположениям и объявить, что с такими подчиненными я с гордостью встречусь с любым неприятельским флотом».

В России победу в Синопской гавани отмечали весьма широко. Щедро была награждена эскадра, при этом сам вице-адмирал был удостоен редкой в то время награды — ордена Св. Георгия 2-й степени. И только один человек не разделял общей радости — сам Нахимов. Хотя, как командир, он имел основание быть довольным собой: колоссальный успех достигнут малой кровью — всего 38 убитых и 240 раненых! Турецкие потери были неизмеримо больше — они составляли свыше трех тысяч человек.

Лишенный тени какого-либо тщеславия или даже вполне законного честолюбия, Нахимов победу под Синопом приписывал целиком своему покойному учителю: «Михаил Петрович Лазарев — вот кто сделал все...». Нахимов категорически отказался от позирования Ивану Константиновичу Айвазовскому, который захотел писать его портрет. О своем успехе флотоводец говорил неохотно и даже сердился, когда при нем заговаривали об этом, ибо, как вспоминал князь Л. А. Ухтомский, «он полагал, что эта морская победа заставит англичан употребить все усилия, чтобы уничтожить боевой Черноморский флот, что он (Нахимов) сделался причиной, которая ускорила нападение союзников на Севастополь».

И ведь случилось то, чего больше всего опасался Павел Степанович, считавший себя виновником выступления против России ее бывших союзников — Англии, Франции и Турции.

Вряд ли в истории можно найти пример более неподготовленной противником войны, как Крымская. Британское адмиралтейство имело карту Крымского полуострова, на которой отсутствовали сведения, что глубина у перешейка... доходит лишь до пояса. Об этом стало известно только на месте. У французских источников сведений о театре служили две акварели, написанные художником Огюстом Руффо, на которых были изображены Севастополь и Балаклава. Эти картины сняли со стены выставочного салона для изучения французскими стратегами.

А русские... Английский корабль «Карадок» со штабом шел впереди основных сил, чтобы выбрать удобное место для высадки на берег. Англичане увидели, что за ними наблюдают русские офицеры. Когда обеим сторонам стало ясно, что они видят друг друга, те и другие учтиво сняли головные уборы в знак официального приветствия. Союзники с общего согласия решили выса-

даться в Евпатории и вручили ультиматум местным властям. Губернатор продезинфицировал документ, прежде чем прочесть, затем пригласил передовой отряд неприятеля на берег, предупредив о необходимости строго блюсти карантинные меры на русской земле. С подобным фарсом началась война, унесшая много жизней. Любопытно, английский главнокомандующий лорд Ф. Дж. Раглан, бывший под Ватерлоо почти полвека назад, никак не мог заставить себя называть русских иначе, как «французами».

Крымская война явила миру чудесного русского воина, чьи нравственные качества были выше всяких похвал.

Защитники главной базы Черноморского флота с самого начала войны были брошены на произвол судьбы, так как отсутствовала сколько-нибудь правильно организованная система обеспечения боеприпасами, продовольствием и медицинской помощью. И тем не менее вместе с жителями Севастополя воины сумели создать то, что со временем потомки будут называть «севастопольской героической эпопеей», а за границей «Русской Тройей».

Нахимов понимал с самого начала, что Севастополь практически обречен. Но каким-то непостижимым чувством окружающие чувствовали, что успех обороны Севастополя незримым образом связан с именем Нахимова и жизнь одного зависела от жизни другого. Под руководством Павла Степановича крепость с суши стала фактически неприступной и держалась целых одиннадцать месяцев. Крымская война явила миру духовно сильного русского воина — нравственные качества защитников Севастополя, воспитанные Нахимовым, были выше всяких похвал.

Мужество самого командира было у всех на виду. Он разъезжал по батареям, нисколько не уклоняясь от опасности. Матросы удивительно любили его и, когда он проходил на ту или иную позицию, говорили: «Наконец-то наш адмирал пришел на нас поглядеть. Ведь когда пройдет, словно царь: так и душе легче!» Влияние Нахимова на матросов было безграничным, и мощным стимулом для них было нахимовское слово. Когда, например, в один из дней неприятель особенно сильно громил 4-й бастион и Нахимову донесли, что нет сил исправить повреждения, он тотчас поехал туда сам: «Что за срам! Шесть месяцев учат нас под огнем строиться и исправляться. Пора бы приноровиться, сметку иметь». И моряки выполнили почти невозможное.

Или другой пример. Когда однажды какая-то женщина, зная, что ее сын находится на редуте, который подвергался в то время самому страшному обстрелу и штурму, навзрыд плакала, стоя у своего дома, кто-то из проходивших мимо утешил ее:

«Э-э... баба! Да ведь и Нахимов там». — «И вправду! Ну, слава Те, Господи!» — ответила матросская мать, оживившись и радостно крестясь.

Нахимов твердо следовал русской народной мудрости: как ты относишься к мертвым, так к тебе будут относиться и живые. По мере возможности он старался почтить память всех своих товарищей, павших в бою, участвовал в их похоронах. В письме к родственникам погибшего адмирала В. И. Истомина он написал: «По единодушному мнению всех нас, бывших его сослуживцев, мы погребли тело его в почетной и священной могиле для черноморских моряков, в

Сильные верой

том склепе, где лежит прах незабвенного адмирала Михаила Петровича (Лазарева. — А. Г.) и первая, вместе высокая, жертва защиты Севастополя — покойный Владимир Иванович. Я берег это место для себя, но решил уступить ему».

На похоронах лейтенанта А. А. Бутакова присутствовали все свободные от службы офицеры. Павел Степанович нес гроб до пристани, откуда затем повезли его на другую сторону бухты на гребных судах. И никому не было так горько при виде убитого или раненого флотского офицера, как Павлу Степановичу, который был душой привязан к ближним своим.

28 июня 1855 г. — роковой день для защитников обороны многострадального города. Павел Степанович, по обыкновению, поехал осматривать бастионы. Путь не был безопасным: летели ядра, бомбы, пули... Адмирал обратился к своему адъютанту — лейтенанту, который держался рядом со своим начальником: «Как приятно ехать такими молодцами, как мы с вами! Так нужно, друг мой, ведь на все воля Бога! Что бы мы тут ни делали, за что бы ни прятались, чем бы ни укрывались — мы этим показали бы только слабость характера. Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти, как трус».

Лейтенант П. И. Лесли, защитник Малахова кургана, видел гибель адмирала Нахимова: «Мы служили вечерню... и во время нашего служения нам дали знать, что приехал Павел Степанович и отправился на мою батарею. Керн и я сейчас же побежали его встретить и застали его, осматривающего неприятельские работы. Я помню еще, как он, узнав что Керн был на молитве, сказал ему: «Зачем вы пришли? Я вас вовсе не беспокою». Осмотревши работы неприятеля с одной стороны, и так как моя батарея расположена полукругом, он пошел на другую сторону и, взойдя на барбет, устроенный для полевых орудий, начал осматривать работы, и хотя его предупреждали, чтобы не высывался слишком, но он, как и постоянно 10 месяцев, не поберег себя и продолжал осматривать работы, совершенно высунув из-за мешков голову, несколько пуль просвистело мимо, но он не обращал на них внимания и продолжал смотреть; наконец какая-то проклятая ударила его в голову, и удар был так силен, что Павел Степанович моментально упал навзничь без чувств».

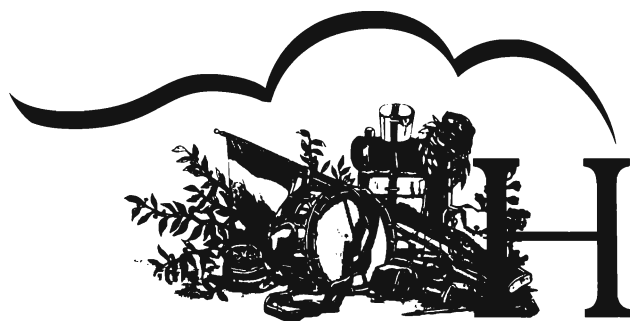
Через несколько дней хоронили адмирала. Суровы казались лица присутствующих. Не волновались обвитые траурным крепом знамена. Корабли спустили флаги до половины мачт. Гроб героя несли главнокомандующий граф Сакен (он плакал), генерал-адъютант Коцебу и еще несколько генералов и адмиралов. Величественно был, это безмолвное шествие в церковь посреди двух рядов солдат, с ружьями на караул и при множестве военных зрителей. Церемония погребения затянулась надолго. Все матросы простились со своим любимым командиром.

Погребли тело «хранителя Севастополя» в месте, уготованном им для самого себя — около Корнилова и Истомина, товарищей его по Малахову кургану, и возле Лазарева, общего их наставника. Таким образом, уже не осталось никого из трех любимцев Михаила Петровича, все трое пали на одном

месте, вместе и будут покоиться нераздельно, жить в памяти Черноморского флота и всего Отечества. На похоронах иеромонах отец Вениамин, бывший всегда при адмирале, сказал: «Не мне бы его благославлять: я бы от него хотел получить благословение — такой он был человек».

Народная память не позволила кануть имени прославленного флотоводца в забвение. В 1944 г. 3 марта вместе с орденом Ушакова был также учрежден и орден Нахимова, которым награждались офицеры Военно-Морского Флота «за выдающиеся заслуги в организации, руководстве и обеспечении боевых операций и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину». Орден Нахимова был двух степеней. Символично, что ленты к орденам были золотисто-оранжевого цвета с черными полосками — это старинные цвета русской гвардии. В тот же день была учреждена и медаль Нахимова, которой за мужество и отвагу было награждено в годы Великой Отечественной войны более 13 тысяч военных моряков.

Марш 1812 года

Накануне достопамятного 1812 года. Наполеон Бонапарт фактически стал властителем Европы. Раздавленная Пруссия лежала у его ног, а Австрия была союзником. На пути к мировому господству у этого незаурядного полководца стояли лишь Англия и Россия. «Через пять лет я стану господином мира; останется одна Россия, но я раздавлю ее», — так говорил он в 1811 г. Готовиться к войне с русскими он начал за год до того, создав огромную армию численностью около 600 тыс. человек.

Завоевательные планы Наполеона не отличались оригинальностью: «Нам нужно единое европейское законодательство, единая кассационная палата Европы, единая монета, одинаковые меры веса и длины, одни и те же законы. Из всех народов Европы я должен сделать единый народ, а из Парижа столицу мира». Итак, народам предстояло исчезнуть, перемешавшись в некую глиноподобную массу, из которой можно было сделать космополитическую пирамиду с вершиной в Париже.

Война 1812 г. была не просто военной кампанией доселе невиданного масштаба не только для России, но и для всей Европы. Народная война получила название «Отечественной» — и это справедливо, поскольку на самом деле решалась судьба Отечества, его независимость как государства. Наполеон хотел видеть Россию в том положении, в котором она находилась до славного царствования Петра Великого, то есть превратить ее в чисто азиатскую державу.

Острие своих полчищ Наполеон направил на Москву. Незадолго до начала войны он хвастливо заявил:

— Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце».

Любопытная подробность. 23 июня 1812 г., накануне похода на Россию с Наполеоном произошел случай, на первый взгляд, может быть незначительный, но тем не менее знаменательный. В середине дня император со свитой

объезжал верхом на лошади вероятные пути переправы войск. Неожиданно сопровождавшие его заметили, как Наполеон, крепко сидевший в седле, вдруг сверзся с лошади и распластался на земле... Оказалось, что под копытами ее пробежал заяц, она испугалась и сбросила седока. Император не пострадал, но на всех этот эпизод произвел гнетущее впечатление. Наполеон после случившегося несколько часов молчал... О чем он думал? Уж не о том ли, что, собираясь завоевать другое великое государство, надо быть готовым к тому, что можно потерять собственное.

Надо сказать, что сам Наполеон был атеистом. Во Франции церковь была отделена от государства, но тем не менее он пытался использовать влияние церкви для решения своих собственных задач. Формально свободная от государства, она вовсе не была такой. Один из конкордатов Бонапарта закреплял право за первым консулом и императором назначать архиепископов и епископов, а учащимся школы «почитать императора и служить ему, все равно, что почитать и служить самому Богу». Будучи в ссылке на острове Святой Елены, Наполеон постоянно думал о новом церковном устройстве, о возвышении папы: «Я устроил бы так, что ему нечего было бы сожалеть об утраченной светской власти, я сделал бы из него идола, и он оставался бы около меня, Париж стал бы столицей христианского мира, и я управлял бы религиозным миром так же, как и политическим». Ничего не скажешь, даже уж слишком «по-военному откровенно»!

Исторический опыт показывает, что религия и революция — несовместимые понятия, так как одно из них всегда появляется за счет другого. Религия всегда являлась силой, связывающей государство воедино, в какой бы политической форме это ни проявлялось, в то время как любой революции обязательно предшествует спад религиозных верований. Как примеры можно привести: Афины в V в., Рим во II и I вв. до Рождества Христова; то же было и во Франции в XVIII в., не избежала этой доли и Россия в XX в.

В ночь на 12 (24) июня 1812 г. без объявления войны Наполеон вторгся в пределы России. 6 июля прозвучали слова царского манифеста: «Мы взываем ко всем Нашим подданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единокрушим и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина. Благородное дворянское сословие! Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России! Народ русский! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров. Соединитесь все, с крестом в сердце и оружием в руках, и никакие силы человеческие вас не одолеют!»

По постановлению Синода в первый воскресный и праздничный день в церквях перед обедней был обнародован манифест, за которым следовало воззвание Св. Синода: «По благодати, дару и власти, данным нам от Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Его великим и сильным Именем, взываем ко всем благоверным чадам Российской церкви.

Император
Александр I

С того момента, как ослепленный мечтою вольности народ французский испровергнул престол единодержавия и алтари христианские, мстящая рука Господня видимым образом тяготела сперва над ним, а потом, через него и вместе с ним, над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали. За ужасами безначалия следовали ужасы угнетения. Одна брань рождала другую, и самый мир не приносил покоя. Богом спасаемая церковь и держава Российская доселе была, по большей части, сострадающей зрительницею чуждых бедствий, как бы для того, чтобы тем более утвердились во уповании на Промысел и с тем большим единодушием приготовилась встретить годину искушения...»

Последующие события показали, что голос Русской Православной Церкви был услышан всеми ее прихожанами, несмотря на разницу сословий, богатство и прочее — вся Россия поднялась на борьбу с врагом. В трудные для Отечества времена русские объединялись вокруг своего императора.

12 июля, Московский Кремль. Александр I вышел на Красное крыльцо. Его встретили приветственные крики множества москвичей. Вместе с традиционным «Ура» слышались возгласы: «Веди нас, куда хочешь... умрем или победим». Находившиеся при государе генерал-адъютанты принуждены были составить из себя своего рода оплот, чтобы довести императора от Красного крыльца до Успенского собора. Епископ приветствовал Александра I: «Оружием ты победил тысячи, — сказал Августин, — а благостию тьмы, ты и над нами победитель, ты торжествуешь и над своими. Царю! Господь с тобою: Он гласом твоим повелит бури, и станет в тишину, и умолкнут волны потопные. С нами Бог: разумейте языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог».

Патриотический подъем в России был исключительно велик. Святейший Синод выделил на формирование новых воинских подразделений полтора миллиона рублей, которые были разделены поровну между московской и петербургской дружинами. Многие причетники, дети священников и церковнослужителей и семинаристы влились в эти дружины.

Дворянство постановило на свой счет снарядить и вооружить ополчение из крестьян — по одному ратнику от десяти душ. Сами неслужилые дворяне становились в ряды ополчения; кто мог — жертвовал и деньгами — собрано было до 3 млн. руб. Купечество в несколько часов собрало на 10 млн. пожерт-

Император
Наполеон
Бонапарт

Марш 1812 года

вований. Городской голова Москвы отдал половину своего состояния — 50 тыс. руб. Великая княгиня Екатерина Павловна, сестра императора, на свой счет снарядила целый батальон солдат. Московские богачи Мамонов и Салтыков также снарядили два полка конницы.

Посильную лепту в сбор средств на армию внесли и бедняки. Так, рабочий Белкин пожертвовал свои единственные 5 руб., завещанные ему отцом на «черный день». «Для всех нас не может быть дней чернее нынешних», — заявил он. Со времен Минина не было видано на русской земле такого всеобщего патриотического порыва. Примеру Москвы последовала вся Россия. Всего было собрано деньгами, вещами и припасами не менее 100 млн. рублей. Как никогда быстро шли сборы ратников и ополченцев в тех губерниях, которые получили на это царское дозволение (хотя желали участвовать в них все губернии). На службу было принято до 300 тыс. человек. 16 губерний выставили ополчение в 220 тыс. человек. Из губерний, которые не выставляли ополчения, одна Псковская пожертвовала свыше 14 млн. руб., а остальные выставили более 100 тыс. ополчения и пожертвовали до 25 млн. руб.

Две русские армии под командованием Барклая де Толли и Багратиона были вынуждены отступать в глубь страны и соединились в Смоленске только 22 июля. Узнав о переправе Наполеона через Неман, Барклай де Толли отдал приказ: «Воины! Наконец пришло время знаменам нашим развиваться перед легионами врагов всеобщего спокойствия. Пришло время предводимым самим монархом твердо противустать дерзости и насилиям, двадцать уже лет наводняющим землю ужасами и бедствиями войны. Вас не нужно взывать к храбрости, вам не нужно внушать о вере, славе, о любви к Государю и Отечеству своему: вы родились, вы возросли, вы умрете с самыми блистательными чертами отличия вашего, от всех народов. Но ежели, сверх ожидания, найдутся среди вас немощные духом храбрости, ежели они не ободрятся бессмертными подвигами предшественников на них, поразивших некогда страшного в Европе Карла XII, потрясавших славу Фридриха Великого, низложивших гордые силы Оттоманския, ежели не ободрятся они примером многих из подвижников ваших, недавно торжествовавших над самими нынешними врагами во всех пределах: в Италии, на стенах Мантуанских и на вершинах гор Альпийских, недавно с честью отразивших нашествие их на Отечество наше, то укажите сих несчастных, без боя уже побежденных, и они будут изгнаны из рядов ваших. Да останутся в них одни надеющиеся на мужество свое, да летят они на поле чести, восклицая: с нами Бог, разумеете языцы и покоряйтесь! И да возвратятся в недра семейств своих, встречаемые песнию: славно бо прославися».

Военная судьба уготовила боевому генералу жестокое испытание — он должен был отступать, точно так же, как должна была отступать и армия Багратиона. Отступление было единственным средством избежать разгрома вооруженных сил России Наполеоном по частям. Отступление из Смоленска вызвало сильное недовольство армии и общества. Царь пошел навстречу общественному мнению, назначив главнокомандующим известного полководца

Михаила Илларионовича Кутузова. Перед ним стояла исключительно ответственная задача — война решала судьбу государства, дело шло о жизни и смерти России.

Наполеон устремился к Москве и для успеха его замысла следовало выиграть генеральное сражение и полностью разгромить русскую армию. Соотношение сил было не в пользу русских. Нужен был ловкий маневр, чтобы сохранить силы российской армии для генерального сражения.

Тяжело, очень тяжело отступать рядовым воинам и офицерам, но еще тяжелее военному священнику — он должен не только нести слово утешения своей пастве, но и быть примером для христианина. Через неделю после выхода в свет царского манифеста разнеслась весть о подвиге военного священника 19-го Егерского пехотного полка отца Василия Васильковского. С самого начала жесточайшего боя с французами 15 июля вблизи Витебска, он шел с крестом впереди, осеняя им воинов, воодушевляя Божьим словом неустранимость и волю к победе. Отца Василия видели в самых опасных местах: он благословлял тех, кто сражался, исповедовал и причащал тяжелораненых и умирающих. Несмотря на ранение, грозящее большой потерей крови, он продолжал оставаться на поле брани. Подвиг отца Василия был отмечен наградой — камилавкой.

Видимо следует продолжить рассказ о нем: судьба уготовила ему стать первым в России священником кавалером ордена св. Георгия. Свою вторую награду он получил после сражения под Малоярославцем. В донесении командира 6-го корпуса генерала от инфантерии Дохтурова на имя генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова говорилось, что отец Василий в этом сражении был примером мужества и бесстрашия и его «примерный поступок» был достоин особенного вознаграждения. Ходатайство было удовлетворено.

Что такое народная война, Наполеон почувствовал, как только пересек границу России. Население захваченных французами губерний уходило в леса, организовывало партизанские отряды. Уже позже, находясь в ссылке, Наполеон так говорил о войне с Россией: «Нам предстояла новая Испания, но Испания без границ, без городов, без средств».

Мало кто знает, что именно духовенству принадлежит главная заслуга в организации партизанской войны. Ей предшествовало обращение императора к священникам. В рескрипте на имя епископа Смоленского Иринья говорилось: «Узнав, что некоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, скрываются и бегут от малочисленных неприятельских разъездов, появляющихся в далеком еще расстоянии от Смоленска, возлагаем Мы на Вас пастырский долг: внушениями и увещеваниями своими собирать их и не только отвращать от страха и побега, но напротив, убеждать, как того требует долг и вера христианская, чтобы они, совокупясь вместе, старались вооружаться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и повсюду стреляли их и вместо робости наносили им самим великий вред и ужас».

Голосу пастырей вняли многие миряне — в леса уходили жители разного возраста, звания, и духовные лица были там не редкость. Пономарь села Савенок Сычевского уезда Смоленской губернии Смирягин во главе отряда кре-

Марш 1812 года

стьян отбил у французов знак с императорским орлом и карту России, за что был награжден знаком отличия военного ордена. Наводил страх на противника отряд Саввы Крастелева, дьяка Пятницкой церкви города Рославля. Неприятельские разезды не появлялись в тех местах даже в светлое время суток.

В Смоленске отставной полковник Энгельгардт и коллежский асессор Шубин отважились защищать свое имущество от врага. Французы выразили готовность сохранить им жизнь, если те изменят присяге. Оба предпочли смерть измене.

В бытность свою дьяконом, отец Никифор (Мурзакевич) снискал расположение смолян тем, что взялся писать «Историю города Смоленска». Командиру пехотной дивизии генералу Ивану Федоровичу Паскевичу, будущему кавалеру четырех степеней Св. Георгия, потребовался священник (в дивизии было много раненых солдат и офицеров) — отец Никифор немедленно отправился выполнять свой пастырский долг. Когда в Смоленск вошли захватчики, отец Никифор, чтобы уберечь городскую святыню (Одигитриевскую церковь), отважился дойти до короля Неаполитанского генерала Мюрата и командующего польским корпусом Понятовского. На первых порах французы разыгрывали карту лояльного отношения к русскому населению и выдали священнику охранную грамоту и специальную стражу, от которой, правда, приходилось все прятать в сокровенных кладовых собора.

И это далеко не все подвиги лиц духовного звания в этой войне.

Твердость духа, благородство, мужество — черты эти свойственны были многим выдающимся военачальникам русской армии. Особенно выразительно они проявились в известном конфликте Багратиона и Барклая. Стоит вспомнить ситуацию. Русская армия отступала, нанося чувствительные удары врагу. Солдаты и офицеры искали возможности вступить в бой, и дух войска был исключительно крепок. Однако силы русских уступали неприятельским. Наполеон, в полной мере наделенный даром полководца, строит план разгрома 1-й и 2-й армий русских. Барклай как главнокомандующий, с неуклонной настойчивостью уводит войска на восток. И вот, когда армии соединились в Смоленске, рухнул первоначальный план Бонапарта бить русских по частям. Успех? Видимо так! Но чего это стоило Барклаю?

При отступлении офицеры и солдаты роптали, недовольство носило общий характер, главным виновником считали Барклая. Кто-то даже произнес слово «предательство». Даже благороднейший князь Петр Иванович Багратион, любимый ученик А. В. Суворова, не понял тогда стратегической мудрости Барклая: «За что вы срамите Россию и армию? Ей-богу, неприятель места не найдет, куда

Генерал
П. И. Багратион

Генерал
М. Б. Барклай
де Толли

ретиrowаться, — говорил Багратион Барклайю. — Они боятся нас... Мы проданы, я вижу, нас ведут на гибель; я не могу равнодушно смотреть... Министр сам бежит, а мне приказывают всю Россию защищать... Я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр — искать и бить!»

И вот 21 июля полководцы встретились в Смоленске. Они оба пребывали в одинаковых званиях, но Багратион находился в этом звании дольше, а это по уставу давало ему некоторое преимущество в старшинстве, но, с другой стороны, Барклай — военный министр и главнокомандующий. Генералы встретились с величайшим достоинством, откровенный разговор, в котором отброшено все личное — оба должны решить лишь одну задачу — как уберечься от беды, грозящей гибелью Отечеству. После встречи каждый из них направляет донесение императору.

Барклай: «Отношения мои с князем Багратионом наилучшие. В князе я нашел прямой и полный благороднейших чувств

патриотизм. Я объяснился с ним относительно положения дел, и мы пришли к полному соглашению в отношении мер, которые надлежит принять. Смею даже заранее заверить, что так доброе единомыслие установилось и мы будем действовать вполне согласно».

Багратион: «Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, требуют всегда единоначалия, и более в настоящем времени, когда дело идет о спасении Отечества, я ни в какую меру не отклонюсь от точного повиновения тому, кому благоугодно подчинить меня».

Барклай де Толли — человек редкого мужества, и вынужденное отступление легло тяжким грузом на его совесть. В Бородинской битве генерал удивлял всех своим хладнокровием и присутствием духа. Он оказал помощь Багратиону, когда на него напали отряды маршалов Даву и Нея: контратаковал левое крыло французов кавалерией, чтобы те не опрокинули левый фланг русских, и когда Наполеон с главными силами ударил в центр наших сил, то лично повел последние резервы, облачившись в парадную генеральскую форму. Навстречу ему шла вражеская конница — одна атака следовала за другой... но поле битвы осталось за русскими. В тот день вся армия убедилась в прекрасных качествах своего командующего — кажется не было в центре ни одного опасного места, где бы он не находился. Под Барклаем было убито и ранено пять лошадей, и немногие уцелели из его адъютантов и офицеров. На-

Марш
1812 года

сколько раньше войска были недовольны командующим, настолько после Бородино мнение повернулось в его пользу. В день Бородина от каждого полка ему гремело громкое «Ура!».

Надо сказать, что Барклай де Толли тяжело переживал несправедливое отношение со стороны своего войска. Он даже искал смерти, которая лишь одна могла снять этот позор. В письме императору за день до Бородинского сражения он без утайки высказал свое настроение: «Государь! С тем большею откровенностию пишу сии строки, что мы теперь накануне кровопролитного и решительного сражения, в котором, может быть, удастся мне найти совершения моих желаний». После сражения, не скрывая своего огорчения, он писал императору: «Что касается лично до меня, то с твердостью покоряюсь моему жребию. 26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание. Провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит...»

Перед сдачей Москвы на военном совете в Филях Барклаю потребовалось величайшее мужество, чтобы первым предложить отступить без боя:

— В занятой нашей позиции нас наверное разобьют, и все, что не достанется неприятелю на месте сражения, будет потеряно при отступлении через Москву. Горестно оставить столицу, но если мы не лишимся мужества и будем деятельны, то овладение Москвой приготовит гибель Наполеону.

Расстроенное здоровье заставило Барклая де Толли покинуть театр войны. В рапорте М. И. Кутузову он писал: «С прискорбием удаляюсь я от храбрых войск, служивших под моим начальством, ибо мое желание умереть с ними на поле чести, но моя болезнь сделала меня совсем неспособным к исправлению моей должности».

О Бородинском сражении написано много, и на сей раз остановимся лишь на подвигах полковых священников, которые оказались незаслуженно забытыми в истории родного Отечества.

За день до великой битвы в полдень 25 августа по всей русской позиции торжественно пронесли икону Смоленской Божьей матери, которую в свое время вывез из Смоленска генерал Алексей Петрович Ермолов, чтобы враги не подвергли ее бесчинствам и поруганию. Чуть забегая вперед, следует сказать, что ровно через три месяца она вернулась на прежнее место. Икона представляла собой точный список с древней Смоленской иконы Пресвятой Богородицы Одигитрии (Путеводительница). Там, где пронесли икону, воины становились на колени и молились о даровании победы над врагом.

После молебствия над русским воинством, широко распластав крылья в гордом полете, парил орел, что было воспринято всеми как доброе знамение. С первыми лучами восходящего солнца началось сражение. Подвиг отца Василия Андрианова так описывал в своем донесении командир Литовского полка: «Онъй священник во все продолжение нынешнего похода и военных действий находился при полку безотлучно. Должность свою исполнял весьма рачительно без малейшего упущения. Во время минувшего сражения 26 августа при с. Бородине, отправив молебствие, находился среди самого огня безотлучно при полку, стоял с крестом на фланге и духовными своими наставлениями

ободрял солдат и тем более поощрял оных к побеждению врага. Раненых причащал и утешал наставлениями, а убитых погребал неупустительно. Я отдаю должную справедливость его отличной деятельности, долгом моим поставлю просить... исходатайствовать священнику Андрианову орденский знак для большего поощрения его к усердной службе».

Протоиерей лейб-гвардии Конно-Егерского полка Феодор Раевский с 1807 по 1814 гг. был неотлучно со своим полком во всех походах и сражениях. Верхов на лошади с крестом в руках и дароносицей на груди «ободрял полк помощью Всевышнего и благословенным оружием Божиим, споспешествующим Монарху нашему, напоминал воинским чинам о важности присяги, данной ими Святой Церкви, Престолу и Отечеству». За самоотверженное исполнение пастырского долга на поле брани отец Феодор был награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами и золотым крестом на Георгиевской ленте, а также и камилавкой.

Среди наиболее отличившихся в кампании 1812 года — протоиерей Апшеронского полка о. Онисим Боровик, протоиерей Екатеринославского Кирасирского полка о. Алексей Карышев, протоиерей Фанагорийского гренадерского полка о. Герасим Соколов, протоиерей Белорусского гусарского полка о. Иосиф Цитович, полевой обер-священник 1-го отдельного корпуса

Героизм в войне
1812 года

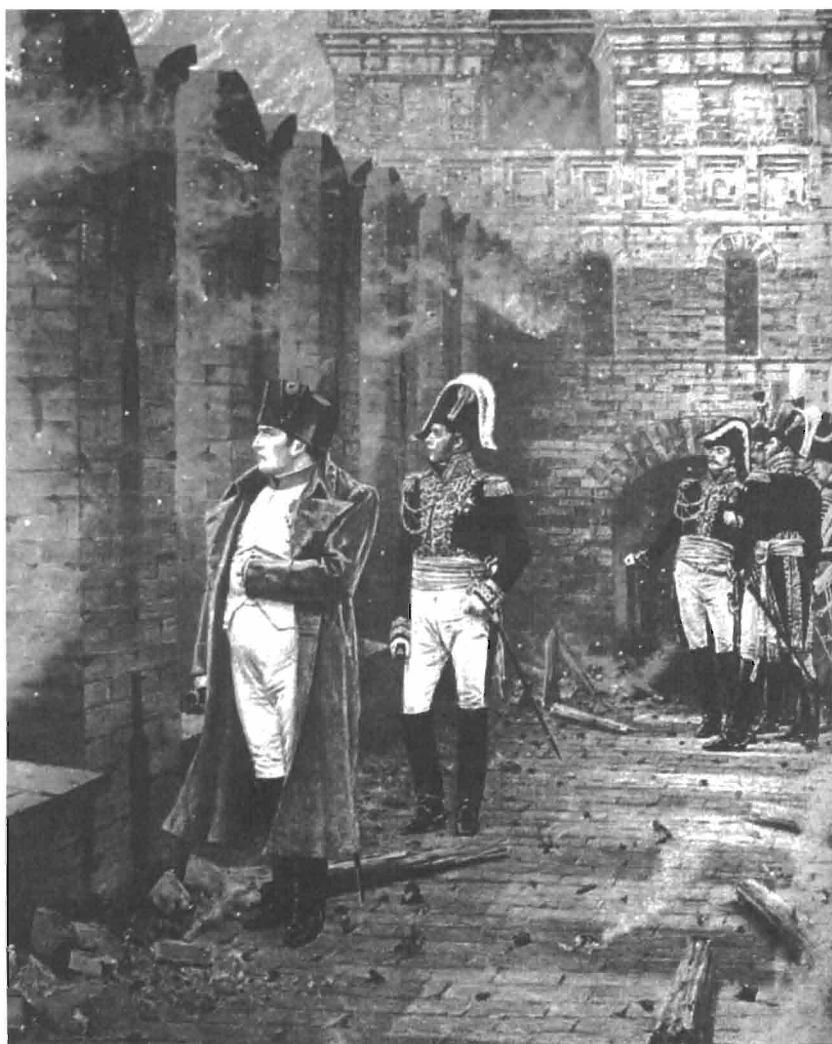
Марш 1812 года

протоиерей о. Прокопий Овчинников, протоиерей лейб-гвардии Измайловского полка о. Симеон Александров, протоиерей лейб-гвардии Егерского полка о. Василий Моисеев, протоиерей лейб-гвардии Конного полка о. Стефан Гордиевский, священник лейб-гвардии Павловского полка о. Захария Москевич, священник Саратовского мушкетерского полка о. Алексей Любавский, священник Гридненского гусарского полка о. Симеон Вартминский, протоиерей Днепровского полка о. Василий Полянский, священник Таврического драгунского полка о. Стефан Матвиенко, священник лейб-гвардии Измайловского полка о. Антип Гаврилов и др. Быть на передовой с крестом в руках вместо оружия — это одно из высших проявлений мужества.

Оставление Москвы — трагическая страница в истории Отечества. Но такова диалектика войны: иногда нужно пожертвовать ради победы самым дорогим. И опять духовенство с амвонов церковей известило прихожан по высочайшему повелению о скорбном событии: «С крайнею и сокрушающею сердце каждого сына Отечества печалию сим возвещается, что неприятель сентября 3-е число вступил в Москву. Но да не унывает от сего великий народ Российский. Напротив, да поклянется всяк и каждый воскипеть новым духом мужества, твердости и несомненной надежды, что всякое наносимое нам врагами зло и вред обратятся напоследок на главу их. Неприятель занял Москву не от того, что преодолел силы наши или бы ослабил их. Главнокомандующий по совету с первенствующими генералами нашел за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы надежнейшими и лучшими потом способами превратить кратковременное торжество неприятеля в неизбежную его погибель...».

*Поджигатели.
Расстрел в
Кремле. Худ.
В. В. Верещагин*

Кремль.
Пожар

Трудно что-либо еще добавить к строчкам этого документа. Жертва Москвы окупилась торжеством победы — через пять месяцев противник был изгнан с Русской земли...

15 сентября 1812 г. Москва в дыму пожаров. И вдруг с Мясницкой улицы поплыли звуки колоколов церкви архидиакона Евпила, созывая прихожан на службу. Служил протоиерей отец Михаил, священник Кавалергардского полка. В Москве оказался случайно — был послан после Бородинского сражения для исправления пострадавших в походе церковных вещей. Ему пришлось претерпеть немало унижений, оскорблений и даже побоев от французов. Но особенно он переживал о поругании неприятелем московских святых. Ища утешение для себя и других в Вере, отец Михаил 3 сентября в домовой церкви генеральши Стрешневой совершил молебен с коленопрек-

Марш
1812 года

лонением «о благоспешении Христолюбивому воинству к изгнанию из древней столицы лютого супостата». Вынужденный из-за пожаров переходить с одного места на другое, отец Михаил не пал духом — выпросил у французского командования разрешение отправлять Богослужение в одной из уцелевших московских церквей.

Трудно себе представить, что происходило в церкви на Мясницкой — среди бесчисленного множества врагов «буйих и зверонравных», русский священник вместе с несколькими десятками убитых горем, но сильных своей Верой пленников, возносили слезную пламенную молитву за русского царя, за Русь святую. «Вся церковь, — доносил своему начальству отец Михаил Гратинский, — была омыта слезами. Сами неприятели, смотря на веру и ревность народа русского, едва не плакали». С этого дня до ухода французов из Москвы протоиерей Михаил Гратинский ежедневно отправлял в церкви богослужение и испрашивал у Господа победу в одолении врага. После освобождения Москвы отец Михаил вернулся в свой полк и служил в нем до 1822 г. За доблестное поведение среди врагов протоиерей Гратинский был награжден орденом Св. Анны 2-й степени и причислен к главной квартире Государя, где был его духовником.

Французы особенно не жаловали русских священников. В поисках сокровищ они замучили в пытках казначея Богоявленского монастыря иеромонаха Аарона и наместника Новоспасского монастыря отца Никодима. Нечто подобное происходило в Донском, Заиконоспасском, Даниловом монастырях и других. Церкви превращались «просвещенными французами» в конюшни и отхожие места, скотобойни, склады и лавки. Надругались над святыми могилами — мощи выбрасывались, что-либо ценное беззастенчиво присваивалось. В Успенском соборе были обнажены надгробия московских архипастырей, а одно из них — патриарха Гермогена — было порублено — неприятель словно мстил за судьбу поляков Смутного времени.

Тяжесть далекого похода и ощутимые потери в Бородинской битве отразились на духе французской армии — о дальнейшем наступлении не могло быть и речи. Французы нуждались в отдыхе, но его-то как раз и не было. В Москве начались пожары. Москвичи жгли дома, чтобы они не достались врагу. Деревянные здания и склады с товарами вспыхивали, как свечи. Ветер разносил искры вокруг — три четверти города было объято пламенем. Огонь дошел до Кремля и Наполеон, бессильный против этой стихии, в злобе и испуге еле успел перебраться в загородный Петровский дворец.

О размерах пожара говорят следующие цифры. Из 9158 домов и 8500 лавок в столице осталось всего 2626 домов и чуть более тысячи лавок. Два дня Москва напоминала большой костер. Армия Наполеона осталась без зимних квартир. В погребах москвичей французы нашли множество вин и сладостей, но мяса и хлеба там не оказалось. Рынки были пусты. Бонапарт распорядился собрать все серебряные предметы из церковной утвари и сорвать золоченый крест с колокольни Ивана Великого, полагая что он из чистого золота. Город был отдан на разграбление французской армии. Можно представить, какую бурю чувств вызвали картины мародерства в сердцах русских людей.

В падении дисциплины и нравственности в когда-то стройных полках своей армии Наполеон усматривал ее гибель. Единственное спасение для себя он видел в срочном заключении мира с Россией. Расчет Бонапарта на то, что взятие Москвы сломит дух русского императора и для мирного соглашения с русскими достаточно будет простой записочки Александру I, не оправдался. Петербург оставил без ответа послание Наполеона, и само это молчание уже было для французов грозным признаком.

Голод в Москве набирал силу. Попытки насильно отобрать продовольствие у крестьян окрестных деревень результатов не возымели. Там, где нельзя было защитить съестное, русские мужики его уничтожали. Небольшие отряды конных гусар и казаков наносили непрерывные удары по отдельным частям противника, обозам и пр. Казаки несколько раз умудрялись лихо врывать в столицу. За сетью партизанских групп стояла мощной стеной русская армия. Озлобленные грабежами и насилиями, крестьяне вооружались тем, что было под рукой, и били французов поодиночке или небольшими группами, а порой образовывали целые отряды и дружины, которые вступали в настоящие сражения. Во главе христианского воинства становились и местный помещик, и отставной офицер, и предприимчивый солдат или сельский причетник, и даже выходец из крестьян.

Русская пехота и французская Конница.

Коль мало шпыка шакъ вошь те приклада .

Марш 1812 года

6 октября 1812 г. русская армия перешла в наступление, были разбиты передовые отряды французов, взято в плен 1500 человек. Наполеону стало очевидно, что в городе больше находиться нельзя. В тот же день Наполеон отдал приказ оставить Москву, Кремль, соборы и все казенные здания.

Армия Наполеона отступала, но все еще огромная и сохранившая свою мощь, несмотря на потери. С ней шли обозы с награбленным имуществом — жадность завоевателей была для Наполеона как ядро на ноге каторжника. Французы дрались отчаянно, оберегая награбленное, как будто бы в этом заключался смысл похода на Москву.

Казачи и партизаны со всех сторон вошли в опустевшую столицу. М. И. Кутузов радовался: «Боже, Создатель наш! Наконец, Ты внял молитве нашей! С этой минуты Россия спасена!» Отчаянная попытка Наполеона пробиться на юг успеха не имела, он был вынужден вернуться на Смоленскую разоренную дорогу. Дамокловым мечом нависла над неприятелем армия Кутузова, русские отряды с юга и севера создавали ему угрозу отрезать путь к отступлению. Силы французов таяли, как снег в весенний день. Сломленные отряды противника сдавались большими группами. Партизаны внесли свой вклад, срывая связь, нарушая снабжение, захватывая в плен отставших раненых.

До Смоленска дошло около 50 тыс. неприятельских солдат. Там же они были вынуждены расстаться почти со всеми пушками и обозами. Через некоторое время Наполеон распорядился сжечь все знамена — этот приказ означал, что у французского императора не осталось надежд на победу, Россия стала для его армии громаднейшей могилой.

16 ноября через реку Березину переправилось всего около 9 тыс. голодных и оборванных солдат. И вот здесь Наполеон совершил поступок, несовместимый с воинской честью — он бросил остатки своей армии на произвол судьбы и поспешил во Францию, чтобы набрать новое войско.

Наверное, кто-то из читателей заинтересуется, почему автор ничего не пишет о Кутузове, человеке, который выиграл войну. Отдавая ему должное, как полководцу, следует иметь в виду, что некоторые его поступки не делали ему чести. Генерал А. П. Ермолов обвинил командующего в бессердечном отношении к раненым, которых оставили по его распоряжению в Москве при отступлении русской армии: «Я наблюдал, какое действие произведет над войсками оставление Москвы, и заметил радостно, что солдат не терял духа, не допускал ропота. Дома были пусты и заперты, обширные площади уподоблялись степям, в некоторых улицах не встречалось ни человека. В редкой из церквей не было молящихся жертв, остающихся на произвол врагов бесчеловечных. Душу мою раздирал стон раненых, оставляемых во власти неприятеля. В городе Гжатске князь Кутузов дал необдуманное повеление свозить отовсюду больных и раненых в Москву, которых она до того не видала, и более двадцати тысяч их туда было отправлено. С негодованием смотрели на это войска. На поле сражения иногда видит солдат остающихся товарищей, не разумеет другой причины, как недостаток средств к их сохранению. Но в Москве, где есть способы успокоить раненого воина, жизнью искупающего отечество, где богач в неге вкушает сладкий покой за твердою его грудью, где под

Казанский собор
1801–1811,
архитектор
А. Н. Воронихин

облака возводятся гордые чертоги его, воин смывает кровью свои последние ступени его лестницы или последние истощает силы на каменном помосте двора его. Оскорбленное равнодушие столицы к бедственному состоянию солдат не охладило однако же усердия их, и все готовы были на ее защиту».

Блестящая победа над Наполеоном явилась тем занавесом, которым была прикрыта невысокая нравственность русского военачальника. Свидетельствует знаменитый германский врач Рейль: «По пути (речь идет о поле сражения под Лейпцигом — А. Г.) я встретил бесконечные обозы с ранеными. Их везли на открытых телегах. Они были навалены горами, без сапог, без всякого прикрытия, точь-в-точь, как возят на убой телят мясники. За повозками тянулись страдалцы, не нашедшие себе места на них, в том числе многие тяжело раненные, с простреленными конечностями и оторванными членами. В Лейпциге я нашел около двадцати тысяч раненых и больных воинов всех наций. Неубузданнейшая фантазия не в состоянии набросать картину, представившуюся мне. Самый крепкий человек не в состоянии созерцать эту ужасную панораму. Раненные размещены в таких местах, где я не решился бы поместить и больных собак. Они лежат или в глухих подвалах, где воздух не содержит в себе и такого количества кислорода, которое необходимо для пресмыкающихся, или в школьных помещениях с выбитыми стеклами, или в холодных церквях, где холод растет по мере того, как уменьшается испорченность воздуха. В одном месте больных умерщвляет спертый воздух, в другом их истребляет мороз».

Или вот еще эпизод из жизни фельдмаршала. Увешанного орденами Кутузова Александр I наградил шпагой с бриллиантовым эфесом и лаврами изумрудов, которая стоила 60 тыс. франков, но Кутузову она не понравилась: «Я скажу императору, какая это дрянь!» Изумруды оказались ему слишком мелкими. Как говорится, комментарии излишни.

В день Рождества Христова Православная Церковь творила во всех храмах России особое благодарственное молитвословие по поводу избавления Отечества от нашествия галлов. Александр I в победе над Наполеоном видел воздействие перста Божиего: «Не нам, но имени Твоему», — повелел он вы-

Наградные
кресты в память
Отечественной
войны 1812 года

Марш 1812 года

Ополченец

бить на наградных медалях в память двенадцатого года. В Москве началось строительство храма во имя Христа Спасителя. В Петербурге был сооружен Казанский собор. К иконе Казанской Божьей Матери обращались русские государи в трудные минуты жизни. В этом же соборе покоится прах Михаила Кутузова. На правой стороне площади перед собором был воздвигнут памятник Кутузову, а на левой стороне — генералу Барклаю де Толли, подготовившему тяжким осторожным отступлением победу.

Российская армия, продемонстрировавшая всей Европе свои прекрасные боевые и нравственные качества, после окончания войны с французами вступила в полосу императорской немилости. В характере Александра I произошла разительная перемена. Застенчивость и нерешительность сменились твердостью и резкостью, он стал подозрителен и недоверчив к окружающим. Его душой целиком завладел мистицизм. Император пришел к мысли осуществить на земле братство народов посредством создания братства из монархов, своего рода «монархический интернационал». Религиозность Александра I приняла в то время межконфессиональный характер. Он возмечтал о «едином народе христианском», о реформировании христианства. Не будет лишним отметить, что Библию он читал... на французском языке!

Изменил император и свое отношение к собственной армии. 29 июля 1815 г. русская армия вновь вступила в Париж. Известен случай, когда царь приказал арестовать двух командиров гренадерских полков «за то, что несчастный какой-то взвод с ноги сбился». Но самое интересное заключалось в том, что русский император поручил арестовать этих офицеров англичанам! Тщетно генерал Ермолов пытался спасти честь российского мундира от такого неслыханного позора. Александр I оставался непреклонен.

Русская армия находилась в Париже всего месяц, но за это время произошло на первый взгляд незначительное событие, которое имело далеко влекущие за собой последствия. Проезжая через Елисейские поля, император увидел, как фельдмаршал Веллингтон лично проводил учение с дюжиной новобранцев. Это стало для него откровением: «Веллингтон открыл мне глаза, в мирное время необходимо заниматься мелочами службы!» И с того самого дня в России началось почти сорокалетнее увлечение «мелочами службы», которое обернулось позором Севастополя. По мнению императора, походы и сражения «испортили» армию и на десятилетия отвлекли ее от главной задачи — хождения церемониальным маршем.

Ополченцы
под Москвой

За «мелочами службы» он не увидел главного — могучего воинского духа армии, ее поистине колоссальных боевых возможностей. В России армию ожидало испытание, перед которым меркло все, что было до сих пор — пресловутая «аракчеевщина». Идея воинских поселений принадлежала самому императору, а граф Аракчеев был только ее непреклонным исполнителем. Александр I и не вспоминал об Отечественной войне — самой яркой странице своего царствования. Во время многочисленных путешествий Александр I ни разу не посетил полей сражений 1812 года, но зато высоко оценивал заграничный поход. (Так, в списке боевых отличий русской армии Бриенн и Ла Ротьер значатся восемь раз, а Бородино, Смоленск и Красное отсутствуют совсем).

В русской армии воцарился печально известный «гатчинский дух», душивший все лучшее, что было возвращено в ней со времен Петра Великого. Обстановка накалилась настолько, что в войсках и на флоте зрели мятежные настроения.

Война и заграничные походы повлияли на умы солдат и офицеров, они увидели более высокую культуру и более свободные отношения между людьми. Когда министр внутренних дел Кочубей в 1820 г. затребовал сведения о настроениях в армии, то известный общественный деятель Николай Михайлович Карамзин в докладной записке сообщил: «Солдаты, возвратившиеся из-за границы и наипаче служившие в корпусе, во Франции находившемся, возвратились с мыслями совсем иными и распространяли оные при переходе

Марш 1812 года

Силуэты пяти
казненных
декабристов.
Медальон
с титульного
листа альманаха
А. И. Герцена и
Н. П. Огарева
«Полярная
звезда»

своем или на местах, где квартируют, люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалованья, что наказывают их строго и пр».

Подобные настроения в армии заставили царя, по наущению графа Аракчеева, создать специальный комитет, который доносил правительству об «опасных мыслях» в армии, угрожавших устоям империи. Много зла принесла извечная привычка правительства искоренять свободомыслие. После 1814 г. сам опыт войны 1812 года, пропаганда идей Суворова и Кутузова стали рассматриваться как своего рода критика правительственного курса. Именно поэтому начальник Главного штаба П. М. Волконский предписал командующему гвардейским корпусом И. В. Васильчикову: «Давно бы пора перестать говорить о кампании 1812 года».

Письмо, направленное из крепости императору декабристом А. Бестужевым (Марлинским), раскрывает причины, побудившие офицеров к выступлению 25 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге: «Начало царствования Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. К несчастью, обстоятельства до того не допустили, и надежды состарились без исполнения. Наконец, Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу, тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа». Войска, от генерала до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно произвело вопрос, почему же не так у нас? Сначала говорили о том беспрепятственно, но с 1817 г. все переменялось. Люди, видевшие худое или желавшие лучшего, от множества шпионов принуждены стали разговаривать скрытно, и вот начало тайных обществ. Притеснение начальством заслуженных офицеров разгорячило умы. Тогда-то стали говорить военные: «Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ее цепи на себя? Для того ли дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?»

И вот борьбу за армию нового типа начали сами же военные, те, которых со временем назовут декабристами. Военную реорганизацию они связывали с изменениями в общественном устройстве, и, что характерно, русские военные теоретики искали собственные пути решения проблем: «Я не видел причины, — писал автор «Теории военной географии» полковник П. А. Языков, — почему мы, русские, должны повторять только то, что сказано писателями иностран-

Декабрист
С. П. Трубецкой

ными. Не положено в законах природы, чтобы идеи новые и открытия в науках должны непременно следовать от Запада к Востоку. Они могут принять и обратный путь».

К декабристскому движению было привлечено 17 генералов, 115 штаб-офицеров и 315 обер-офицеров. Их идеи нашли поддержку в 40 из 256 полков русской армии. Все этапы развития движения представляли собой непрерывную цепь колебаний и разногласий вокруг одной главной проблемы: отношения к пролитию крови. Перед декабристами было три пути достижения переустройства российского общества.

Сторонником первого направления — обрести политическую свободу любой ценой — был основатель Южного общества Павел

Пестель. Люди высокой нравственности, они не могли согласиться с тем, чтобы борьба за свободу превратилась в кровавую бойню. «Мы более всего боялись народной революции, ибо она не может быть кровопролитной и недолговременной», — так выразил мнение большинства князь Е. Трубецкой.

Идея проведения в государстве бескровных изменений и нравственного просвещения общества была выдвинута «Союзом благоденствия». Со временем просветительство утратило свою популярность, поскольку требовало большой личной ответственности от каждого.

Третий путь, который поддержали декабристы, — военный переворот «малой кровью». Его сторонники предполагали изгнание или даже убийство императора (в крайнем случае, и его членов семьи). Решимость пролить кровь фатальна — это обстоятельство и предопределило последующую судьбу России.

Историю делают люди, и через их биографии события предстают более выпукло. Одна из интереснейших фигур среди декабристов князь Сергей Петрович Трубецкой. История уготовила ему роль «изменника». Единомышленники обвинили его в том, что из-за своей неявки на Сенатскую площадь он обрек восстание на поражение. Так ли это? Трубецкому не повезло дважды: первый раз, когда его опорочили перед декабристами с прямого указания императора; во второй раз, когда вождь мирового пролетариата рассматривал роль дворян-революционеров в истории на примере С. П. Трубецкого.

Постараемся посмотреть свежим взглядом на события, участником которых был князь Трубецкой. Сухие строки «Формулярного списка о службе» говорят о том, что боевой офицер, полковник Преображенского полка, был человеком храбрым и мужественным. Участвовал в Бородинском сражении, под Малоярославцем, при городах Люцине и Бауцене в Саксонии, был награжден несколькими российскими орденами.

Марш 1812 года

Сергей Петрович Трубецкой сознательно, не корысти ради, стал организатором «Союза спасения», а затем «Союза благоденствия» и Северного общества. «Когда же дело идет на то, чтобы хладнокровно предаться опасности, — писал он, объясняя свое решение, — утратить жизнь и, сверх того, подвергаться может быть бесславию и позорной смерти, то недостаточно одной храбрости. Человек, дорожащий честью, не иначе решится на такой поступок, как в полном убеждении, что прошедшая жизнь его и возложенные на него обязанности требуют этой великой от него жертвы. Члены общества, решившие исполнить то, что почитали своим долгом, на что обрекли себя на поступлении в общество, не убоялись позора. Они не мыслили в виду никаких для себя личных видов, не мыслили о богатстве, о почестях, о власти. Они все это предоставляли людям, не принадлежавшим их обществу, но таким, которых считали способнейшими по истинному достоинству или по мнению, которым пользовались, привести в исполнение то, чего они всем сердцем и душой желали: поставить Россию в такое положение, которое упрочило бы благо государства и оградило его от переворотов, подобных французской революции, и которое, к несчастью, продолжает еще ей угрожать в будущем. Словом, члены тайного Общества Союза благоденствия решились принести в жертву Отечеству жизнь, честь, достояние, все преимущества, какими пользовались, все, что имели, без всякого возмездия».

Декабристы.
Худ. П. Игнатьев

Заслуженный боевой генерал Михаил Александрович Фонвизин — другая любопытная фигура среди декабристов. С пятнадцати лет он на военной службе, а в 34 года уже генерал-майор. Вначале ему были близки идеи Союза благоденствия, но со временем он пришел к мысли постепенного завоевания общественного мнения как условия и метода подготовки революционных преобразований, хотя в 1825 г. был готов надеть генеральский мундир, чтобы поднять полки на восстание в Москве.

В коммунистических и социалистических идеях М. А. Фонвизин не видел ничего нового, считая их такими же древними на земле, как антагонизм между богатыми и бедными, между довольствием и нищетой. «Должно, однако, согласиться, что в этих учениях не все ложь, — писал он. — Нельзя не признать основательными упреки им, что везде общество находится не в нормальном состоянии, что интересы страждущего большинства во всех землях принесены в жертву благосостоянию меньшего числа граждан... В этом отношении коммунисты и социалисты правы, но способы, которыми они думают исправить общество и восстановить его в состояние нормальное, часто ошибочны. Это несбыточные мечты-утопии, которые не устоят перед судом здравой критики. Предполагаемые между прочим некоторыми нововводителями такого рода меры, как уничтожение права наследственной собственности, упразднение брачных союзов и, следовательно, семейств, как учреждений, по их мнению, эгоистических, несогласных с идеями совершенного равенства и братолюбия, противны человеческой природе и закону божию, установившему и брак и семейство.

Самые попытки осуществить подобные мечты угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончательно самовластной диктатурой одного лица, как и необходимым последствием анархии».

После поражения декабрьского восстания Михаил Александрович был осужден на 8 лет каторги. Глубокая вера в Господа помогала ему преодолевать трудности Нерчинских рудников. Письма к жене из ссылки больше напоминали молитву: «Письма моего милого сердечного друга для сердца моего драгоценный памятник ее нежной любви ко мне. О Боже милосердный! Повергаюсь пред тобой и с сердечным умилением приношу молитву благодарения за неизреченные твои милости. Ты соединил меня с моею милою подругою священными узами, ты благословил взаимную любовь нашу. Может ли быть земное счастье выше сего? Я люблю Наталью всеми способностями души моей, люблю ею. Ты, Господи, по великой твоей благодати даровал нам детей. Есть ли на свете человек счастливее меня? В преходящем нас постигшем несчастье вижу праведное наказание за мои великие прегрешения. Благословляю святую десницу, карающую меня — покоряюсь святой воле твоей — ты наказуешь, ты и милуешь!

Тяжела разлука с милыми сердцу, но ты, Господи, соединишь меня с ними, и минута свидания с моею Наталией, минута счастливейшая в жизни моей, с избытком вознаградит мне все горести и мучения разлуки. О, сколь ты благ и милосерд, Господи. Ты ниспослал мне луч утешительной надежды, усаждающий душу мою. О, Наталья! Как я люблю тебя!»

Марш 1812 года

Члены тайного общества, целью которого был государственный переворот, отбирались тщательно. Впервые в отечественной истории к людям, готовым совершить подобную акцию, предъявлялись высокие нравственные требования: строгое исполнение обязанностей по службе; честное, благородное и безукоризненное поведение в частной жизни; подкрепление словом всех мер и предположений государя к общему благу; разглашение похвальных дел и осуждение злоупотреблений лиц по их должности.

Члены «Общества благоденствия» были разделены по роду своих занятий или службы. Каждый член был обязан приобретать знания, которые могли быть полезными для общества. Они обязаны были поддерживать только те меры правительства, от которых можно ожидать хороших для благосостояния государства последствий; осуждать все те, которые не соответствуют этой цели; преследовать всех чиновников, от самых высших до самых низших, за злоупотребление должностью и за несправедливости; исправлять по силе своей и по возможности все несправедливости, оказываемые лицам и защищать их; разглашать все благородные и полезные действия должностных лиц и граждан; распространять убеждение в необходимости освобождения крестьян; приобретать и распространять политические сведения по части государственного устройства, законодательства, судопроизводства и т. д.; распространять чувство любви к Отечеству и ненависти к несправедливости и угнетению.

Не прибегая к насильственным мерам, Союз благоденствия предполагал воздействовать на русское общество нравственными и научными средствами, по возможности искореняя невежество и злоупотребления.

Несоответствие христианских идеалов общественному строю заставило военных взяться за переустройство общества. Эта идея была заложена в «Православном катехизисе» братьев Муравьевых:

«Вопрос. Не сам ли Бог учредил самодержавие?»

Ответ. Бог в области своей никогда не учреждал зла. Злая власть не может быть от Бога.

Вопрос. Какое правление схожно с законом Божиим?

Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал нас всех равными.

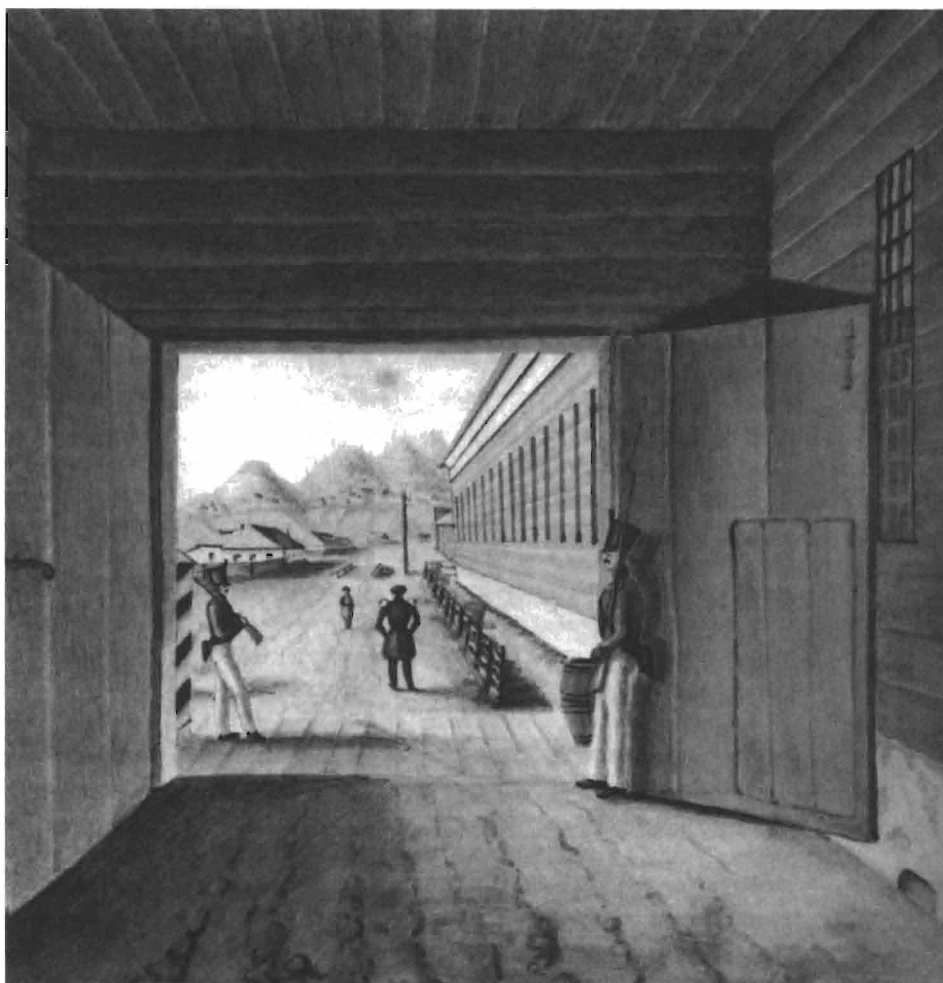
Вопрос. Стало быть, Бог не любит царей?»

Ответ. Нет. Они прокляты суть от Бога, яко притеснители народа, а Бог есть Человеколюбец. Да прочтет каждый, желающий знать суд Божий о царях, Книгу Царств, главу восьмую: Возопиете в то время из-за царя вашего, которого выбрали вы себе, но не услышит все Господь. — Итак, избрание царей противно воле Божией...

Вопрос. Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?»

Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться, да будет всем един Царь на небеси и на земли — Иисус Христос».

И, видимо, не случайно в состав временного правительства, в случае успеха восстания, декабристы предполагали ввести архиепископа Филарета Московского (в миру Василий Дроздов), одного из наиболее замечательных дея-

Петровский завод. Вход в острои. Худ. М. Юшневской.

телей Русской Православной Церкви XIX в. Его путь по иерархической лестнице был быстрым, что говорило о незаурядном таланте его личности. Он родился в семье священника в Коломне в 1782 г., учился в Коломенской и Троицкой семинариях, где ему посчастливилось слушать лекции московского митрополита Платона. В 1808 г. — учитель семинарии, а через год — инспектор и учитель философии Петербургской семинарии. Затем его назначили ректором Александро-Невского училища, а в 1812 г. ректором Петербургской духовной академии и профессором теологии. За большие заслуги перед обществом был награжден светским орденом св. Владимира 4-й степени. В 1817 г. Филарет — архиерей в Ревеле и викарий Петербургской епархии, а через два года — епископ Тверской и член Синода, в 1821 г. — архиепископ в Москве. В день коронации Николая I 26 августа 1826 г. Филарет стал митрополитом московским. Между прочим, ему принадлежит своеобразный рекорд — более

Марш
1812 года

50 лет он прослужил в архиерейском сане. Это событие было торжественно отмечено 5 августа 1866 г. Александр II предоставил митрополиту Филарету исключительное право: по киевскому обычаю предношение креста при священнослужении, а также ношение креста на митре и двух панагий на персях — беспрецедентное событие в наших церковных источниках.

Митрополит был известен как выдающийся духовный писатель, автор нескольких книг, которые и сейчас представляют определенный интерес, в частности «Изложение разности между восточной и западной церковью в учении веры» (1811 г.) и др.

Литературное дарование митрополита позволило ему стать автором манифеста об освобождении крестьян. Включение в состав правительства лица духовного звания заслуживает внимания — грамотный, просвященный архипастырь, стоящий в стороне от мирских страстей, мог в известной степени облагородить вновь создаваемое правительство.

Из всех предлагаемых декабристами конституций наиболее демократической была «Русская правда», согласно которой Россия становилась республикой. «Русская правда» декларировала немедленную ликвидацию крепостного права, «постыдное, противное человечеству». Все граждане «без всякого изъятия» должны были пользоваться равными правами. Каждый мог выбирать и быть избранным без соблюдения ценза оседлости, грамотности или имущества. Служба в армии объявлялась священной обязанностью граждан.

Декабристы разработали конкретный план действий. В начале 1825 г. Е. Трубецкой провел переговоры в Киеве о совместном выступлении Северного и Южного обществ. Совместно был подготовлен «Манифест к русскому народу», который предусматривал созыв Учредительного собрания для принятия конституции и избрания нового правительства. Он декларировал свободу слова, совести и печати. Согласно плану предполагалось собрать гвардейские полки на Петровской площади, вынудить Сенат принять «Манифест» и объявить об уничтожении монархического строя в России.

Декабристы видели в армии основную силу, способную осуществить переворот. Некоторые руководители не исключали возможность участия гражданского населения. Например, Кондратий Федорович Рылеев полагал, что «власть в руках военных, соединенная с силою, опасна».

Не раскрывали до конца своих планов декабристы и солдатам, боясь стихийных выступлений.

Ночь с 14 на 15 декабря 1825 г. вступивший на престол Николай I провел без сна. Любопытная деталь. Если на Сенатской площади не нашлось ни одного генерала, способного принять командование правительственными войсками, то Николаю I пришлось взять на себя роль диктатора и монарха. Благополучно пройдя через трагические события на Сенатской площади, Николай уверовал, что само провидение определило его судьбу. В принципе, это была победа Николая Павловича, собравшего в тот решающий день всю свою волю. «Самое удивительное, — говорил царь впоследствии, — что меня не убили в тот день», хотя он находился в гуще событий. Всплывает законный

вопрос: почему Каховский, у которого не дрогнула рука стрелять в боевого заслуженного генерала Милорадовича, не решился убить царя, тем более, что настроение правительственных войск было неустойчиво. Просто никто из мятежников не смог преодолеть нравственный барьер и взять на себя ответственность за цареубийство. Рылеев, Пущин, Каховский оказались бессильными перед политическим реализмом Николая I.

К заключенным декабристам в крепости чаще всех приходил протоиерей Казанского собора Петр Николаевич Мысловский. Вначале отец Петр был неприязненно настроен к арестованным, но в течение Великого поста, когда он исповедал многих узников, расположение его к ним совершенно изменилось. Он пользовался каждым случаем посещать их, призывал быть осторожными в ответах, доставлял сведения о семействах. Словом, вел себя в отношении к заключенным, которые принимали его с благорасположением, как истинный служитель алтаря, исполненный христианского милосердия. В день сентенции, когда осужденным объявляли приговор, он успел предупредить некоторых, опасаясь, чтобы при объявлении смертной казни те не упали духом. Священник был совершенно уверен, что смертный приговор, утвержденный для пятерых руководителей восстания, не будет исполнен. В тот самый день и час, когда служился молебен на Петровской площади в благодарность за «ниспровержение крамолы», отец Петр служил панихиду в Казанском соборе по пяти страдальцам. До самой кончины он сохранил свое благорасположение к изгнанникам и по временам писал им в Сибирь письма.

Тонко подметил связь между появлением декабристов и предыдущим развитием религиозности писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский: «Это кажется невероятным. Но не даром освободительное движение России началось в религии. Не даром такие люди, как Новиков, Карамзин, Чаадаев находятся в самой тесной внутренней связи с декабристами. Это было и это будет. Религиозным огнем крестилась русская общественность в младенчестве своем, и тот же огонь сойдет на нее в пору ее возмужалости, вспыхнет на челе ее, как бы «разделяющийся язык огненный» в новом Сошествии Духа Св. на живой дух России, на русскую интеллигенцию. Почему-то, может быть, и оказалась она в полной темноте религиозного сознания, в своем «безбожии», что совершила полный круговой оборот от света к свету, от солнца к солнцу восходному, от Первого пришествия ко Второму. Это ведь и есть путь не только русской интеллигенции, но и всей России от Христа Пришедшего ко Христу Грядущему».

Но так или иначе декабристы своим выбором положили начало пролитию крови своих соотечественников. Они могли совершить дворцовый переворот, для которого потребовался бы всего лишь батальон солдат, но предпочли открытое выступление.

По существу декабристы не пришли к единой точке зрения, у них не было лидера, воля которого объединила бы всех в едином порыве. К слову сказать, он появился только через полстолетия — им мог стать известный «белый генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев.

Марш
1812 года

За несколькими строками в Малом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона скрыта яркая жизнь нашего героя: «Скобелев Михаил Дмитриевич, боевой генерал, 1843—1882, генерал-адъютант, в экспедициях Хивинской (1873) и Кокандской (1875—1876) выказал замечательную отвагу. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 взятие Ловчи, кровопролитные и неудачные штурмы 30 и 31 авг. 1877 г. под Плевной, переход через Иметлийский перевал, перевал Балканов и особенно бой под Шейновым. Завоевание Ахал-Теке доставило ему чин генерала от инфантерии. Незадолго до скоропостижной смерти Скобелев выступил с резкою проповедью в защиту единоверных славян от угнетений немцев».

Справка удивительно конкретная и чрезвычайно скупая... Из нее не ясно, почему современники называли Скобелева «белым генералом»; в чем источник его необыкновенной отваги? Попробуем раскрыть духовную биографию Скобелева — вероятно, она даст ответ на многие вопросы.

В юности вера в Бога у Михаила Скобелева была сдержанной, внешне выражалась слабо. С возрастом он осмыслил учение Христа, но по-своему, поскольку неоднократно высказывал собственное трактование многовековых догматов Церкви. В основу собственного мировоззрения заложил всеобщее славянское благоденствие, жертвенность в осуществлении высоких идеалов, сознательный труд и терпение.

Вначале Скобелев учился в университете, но настоящим его призванием стала военная служба, начавшаяся в Кавалергардском полку, девиз которого: «Настоящий кавалергард должен быть без страха и упрека».

22 ноября 1861 г. в день принятия присяги, он услышал слова напутствия: «Без сомнения, братцы, вы сознаете, что служба ваша почетна. Охраняя священную всем особу Государя Императора и защищая Святую Веру нашу и дорогую нашему сердцу Русь, вы приносите великую пользу своей родине. Почему говорят, что служба наша честная и святая? Потому, что для пользы общей — всей земли русской — мы жертвуем нашей кровью и жизнью».

Эти слова легли на сердце Михаила Скобелева. В одной из первых его аттестаций написано: «Служит ретиво, не щадя себя». До марта 1864 года Михаил Дмитриевич служил в кавалергардском полку, затем по прошению был переведен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, который также имел славное прошлое и долгие годы носил имя легендарного героя Отечественной войны Я. П. Кульнева.

Довольно быстрая карьера Скобелева объяснялась не только связями по линии отца и дяди, но последнюю роль сыграли его завидное трудолюбие и способность не замечать трудностей армейского быта. В 1866 г. он поступает в Николаевскую академию Генерального штаба, блестяще сдав вступительные экзамены. Надо учесть, что это было время перемен как в обществе, так и в армии, процесс вытеснения устаревших взглядов происходил далеко не так быстро, как этого хотелось. Скобелев жадно впитывал новые веяния в военной науке — насколько они были верны мог ответить только боевой опыт, т. е. война. Товарищи по академии замечали у Скобелева склонность к чудачествам. Как-то на практическом экзамене он должен был отыскать место пере-

Генерал
М. Д. Скобелев
на коне. Худ.
Н. Дмитриев-
Оренбургский.

Марш 1812 года

правы через Неман. Когда экзаменационная комиссия, возглавляемая профессором Г. А. Леером, прибыла с проверкой к молодому офицеру, то была удивлена, что экзаменуемый остался на том же месте, где его и оставили. Вместо ответа на вопрос: «Ну так где же место, выбранное вами для переправы?» — Скобелев вскочил на коня и направил его в воду. Преодолев Неман, он вернулся обратно... Леер был восхищен его находчивостью и ходатайствовал о зачислении его в Генеральный штаб.

Но спокойная штабная служба была не по душе беспокойному офицеру — он рвался в бой. После ряда перемещений по служебной лестнице Скобелев отказался от «кабинетного сидения» и с трудом вымолил назначение в Туркестан. Участие в знаменитом Хивинском походе стало серьезной проверкой его способностей, физических и моральных качеств. И надо отдать должное Скобелеву, эту проверку он выдержал с честью...

Отношения России с Туркестаном складывались непросто. Установление связей с Бухарой и Хивой можно отнести к петровским временам. Еще в прошлом столетии столкнулись интересы русских и англичан на Востоке. Встала необходимость принимать меры к ослаблению позиции Англии, чтобы не позволить Лондону создать блок государств, направленный против России.

Туркестан представлял обширный край, в котором царили крайне отсталые феодальные отношения, переплетающиеся с остатками патриархально-родового быта, варварскими пережитками рабовладельчества. Значительная часть населения вела кочевой образ жизни. Экономика Туркестана зашла в тупик. Русские пришли в Туркестан не завоевателями. Они объединили разрозненные междоусобицами народы, привили вкус к строительству дорог, арыков... Вся Россия обеспечивала покой в этом регионе и играла цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей, Центральной Азии, для башкир и татар.

К моменту приезда Скобелева в Туркестан русские войска стояли на левом берегу Сыр-Дарьи, на границе с владениями Хивинского ханства. Подстрекаемый англичанами хан отверг предложения русских о мире. Более того, отряды хивинцев предприняли ряд нападений на укрепления, караваны и кочевья киргизов, которые считались российскими подданными. Число русских пленных ежегодно составляло до 500 человек. С невольничьего рынка в Хиве сотни рабов отправлялись в соседний Коканд, а оттуда в Персию и Турцию. Русское правительство тратило на выкуп невольников до трех тысяч рублей золотом в год. Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман потребовал возвращения пленных, но хан молчал. Кауфман был вынужден писать в Петербург: «Не предвешая времени, мы должны идти на Хиву, хотя бы для освобождения наших соотечественников, томящихся в тяжелом плену».

Во время Хивинского похода Скобелев совершил выдающуюся по смелости и дерзости разведку в расположение противника. Отряду пехоты и кавалерии с несколькими орудиями требовалось на протяжении пятидесяти верст провести разведку. Скобелев вызвался выполнить задание, но гораздо меньшими силами и «без шума». Один из участников похода полковник В. А. Полторацкий так описал этот военный эпизод: «Я вышел и в темноте... только по

голосу узнал всадника. Скобелев в туркменском костюме, высокой шапке и вооруженный с головы до ног стоял перед нами и просил благословения на дальний, опасный путь... Дай Бог ему успеха, но увидимся ли с ним? Судьба была милостива к Скобелеву — он вернулся через неделю целым и невредимым и представил исчерпывающие данные по пройденному маршруту.

— Неужели вы никого не встретили на пути, кто признал бы в вас русско-го? — задал Скобелеву вопрос художник В. В. Верещагин, состоящий при генерал-губернаторе.

— Конечно, встречал я народ, — ответил Михаил Дмитриевич, — но я всегда высылал вперед моих джигитов, они заводили разговоры о том, о сем, рассказывали при нужде и небылицы, чем отвлекали их внимание, а я тем временем проскальзывал вперед».

Риск был большой — окажись он в руках неприятеля, вряд ли бы уцелела голова. За эту разведку Скобелев был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. А вскоре его имя стало известно всей Европе. Зимой 1873 г. подполковник Скобелев получил отпуск, который предполагал провести во Франции. Но отдых получился довольно оригинальный. Неожиданно он оказался на Пиренеях, где шла борьба между регулярными королевскими войсками и партизанскими отрядами клерикально-феодальной партии.

Скобелева интересовала тактика партизанских отрядов, так как, считал он, их опыт может оказаться полезным для других, Скобелев был вынужден покинуть Испанию, когда распространился слух о том, что он якобы подослан русским правительством. На родине его ждали приятные известия: произведение в полковники и назначение флигель-адъютантом с отчислением в свиту царя. Казалось бы, после испанских приключений можно и отдохнуть, но Михаил Дмитриевич отправляется в кокандский поход, в котором показал себя зрелым и исключительно храбрым командиром. За боевые заслуги Скобелев был произведен в генерал-майоры и награжден шпагой с надписью «За храбрость» и Георгиевским крестом 3-й степени с мечами. Что и говорить, стать в тридцать два года обладателем таких званий и орденов — это дано не каждому!

Все сражения, в которых участвовал Скобелев, заканчивались успехом и подтверждали правильность его взглядов на военную науку. В боях он действовал исключительно хладнокровно. Видимо, уместно упомянуть о том, что Скобелев всегда шел в бой одетый во все белое. Таким он и запомнился — в белом мундире на белом коне. Поэтому и называли его современники «белым генералом». Кстати сказать, Скобелев очень любил казаков и глубоко верил в них как в славную боевую силу.

Скромный и простой в обращении с солдатами, Скобелев снискал уважение нижних чинов. С особой настойчивостью молодой генерал прививал им чувство собственного достоинства, гражданского долга. Однажды один из полковых командиров ударил солдата. Слух дошел до Скобелева:

— Я бы попросил вас этого в моем отряде не делать. Теперь я ограничусь строгим выговором, в другой раз должен буду принять меры.

Марш 1812 года

Офицер пытался оправдаться, ссылаясь на дисциплину, глупость солдата и вразумляющее действие зуботычины...

— Дисциплина должна быть железной, — согласился Скобелев, — в этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом начальника, а не бойней. Срам, полковник, срам! Солдат должен гордиться тем, что он защищает свою Родину, а вы этого защитника, как лакея, бьете! Гадко! Нынче и лакеев не бьют. А что касается глупости солдат, то вы их плохо знаете... Я очень многим обязан здравому смыслу солдат. Нужно только уметь прислушиваться к ним.

Наиболее полно военное дарование «белого генерала» раскрылось во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. Храбрость и незаурядный воинский талант стали широко известны не только среди своих, но и турок. Его удивительное умение общаться с солдатами, мгновенная реакция на происходящее в бою, стремительность в действиях напоминали Суворова. О Скобелеве, также как и о Суворове, в войсках складывались целые сказания. Когда Скобелев шел со своим отрядом, турки предпочитали сдаваться в плен, не помышляя о сопротивлении.

Разгадка поведения Скобелева проста — как человек глубоко верующий, он не боялся смерти. В книге «Нравственные элементы в руках опытного начальника» так написано о Скобелеве: «Во все критические минуты жизни человек религиозный всегда будет уповать, прежде всего, на покровительство свыше и верить в помощь Бога во всех своих начинаниях. Он пойдет на всякие опасности, не задумываясь, с полной уверенностью в успехе, если перед тем молил Бога о помощи и осенил себя крестом. В нашем же народе и армии религиозность очень крепка, да к тому же связь между Церковью и войском сложилась у нас издавна и закреплялась во все фазисы исторического развития нашего государства. Церковь наша всегда первая благословляла войска и напутствовала их во всех войнах. Поэтому-то и преступно забывать во время военных действий присущую нашей армии религиозность, поддержание и пользование которою дает в руки начальника сильное средство, так как солдат наш, веруя в помощь Божию, будет уверен в своих силах и не задумается ни перед какой опасностью. — Вот почему у Скобелева мы видим, что всякая молитва — утренняя и вечерняя зоря — в виду неприятеля всегда делалась с участием всего отряда и с возможною торжественностью; точно так же никакое выступление на серьезное предприятие, бой не обходилось без общего молебствия».

18 июля 1877 г. Скобелева назначили командиром небольшого отряда из бригады казаков с конной батареей и одним батальоном Курского полка. Перед выступлением он приказал отслужить перед фронтом бригады молебен, но поскольку священника не было, то воинов построили традиционно в виде буквы «П» и хор певчих из казаков пропел «Отче наш».

Затем генерал обошел казаков, поздравил с предстоящим делом и выразил уверенность, что не подведут в бою. Потом выступили к Плевне.

27 августа 1877 г. один полк из отряда Скобелева был послан для занятия Зеленых гор. Перед началом выступления к развернутому аналою были по-

ставлены знамена, полк благоговейно прослушал молебен, и только после этого генерал посвятил офицеров в предстоящее дело.

М. Д. Скобелев умел уважать храброго и достойного противника. При переговорах о сдаче турками Плевны ему представили турецкого командира. Михаил Дмитриевич обратился к переводчику:

— Скажите Осман-паше, что каждый человек по натуре более или менее завистлив, и я как военный завидую Осману в том, что он имел случай оказать своему отечеству важную услугу, задержав нас четыре месяца под Плевной.

Осман-паша оценил благородство генерала:

— Русский генерал еще молод, но слава его уже велика... Скоро он будет фельдмаршалом своей армии и докажет, что другие могут ему завидовать, а не он другим.

С большим вниманием относился Скобелев к подготовке офицеров. Требуя от них знаний, храбрости, исполнительности и инициативы, он стремился делать так, чтобы в офицерах наиболее полно раскрывались эти качества. Будучи командиром корпуса, Скобелев столкнулся с таким явлением, когда некоторые офицеры пытались завоевать его расположение наговорами на товарищей. По мнению генерала, ничто так не подрывает доверие подчиненных, не убивает в них энергию и инициативу, как нашептывания недоброжелателей или завистников: «Я их слушаю поневоле, ушей не заткнешь, но в уме своем в графе против их фамилий ставлю аттестацию «подлец и дурак». Подлец потому, что клеветает про других и, главное, про своих товарищей, дурак потому, что передает мне это, точно у меня самого нет глаз во лбу, точно я не могу отличить порядочного человека от негодя».

Последняя боевая страница биографии «белого генерала» — Ахал-Текинская экспедиция. Если большинство туркмен добровольно приняли русское подданство, то самое многочисленное — текинское, благодаря военной помощи англичан, оказало сопротивление русской армии. Текинцы представляли собой серьезную силу. В 1879 году 3-тысячный отряд русских попытался штурмовать крепость Геок-Тепе — оплот текинцев, но с большими потерями был вынужден отступить. Это поражение могло иметь для России серьезные последствия. Военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, выступая на государственном совете, показал, что без занятия Ахал-Текинского оазиса, Кавказ и Туркестан будут разъединены, поскольку территория между ними уже является местом напористого действия англичан.

Организацию экспедиции поручили генералу Скобелеву. С присущей ему энергией и напором взялся он за дело. Кстати, помощником генерала по морской части был назначен капитан 2 ранга Степан Осипович Макаров — они познакомились еще во время войны с Турцией.

Сохранились воспоминания современников о личной отваге Скобелева в бою с текинцами. 20 декабря 1880 г., когда казаки едва сдерживали натиск вражеской конницы, «Скобелева ни град пуль, ни многочисленность неприятеля, ни близость крепости, ни дерзость текинской конницы нисколько не тревожили, — ничего этого как бы не существовало для него. Сидя спокойно и

Марш 1812 года

равнодушно на коне, он только занят был тем, чтобы хорошо растолковать нам план действий в связи с местностью, лежащей перед нами. Только изредка он прерывал свои объяснения короткими приказаниями. Это спокойствие действовало на других, как психическая зараза; никто не думал об опасности, никто не беспокоился, все старались держаться подобно командующему, несмотря на то, что большинство были далеко не такие опытные военные, как Михаил Дмитриевич, а некоторые даже в первый раз порох нюхали».

В январе 1881 г. русские приблизились к Геок-Тепе. Верный своему принципу не проливать зря крови, Скобелев предложил текинцам сдаться, но те ответили отказом. 11 января был отдан приказ о штурме крепости, а 12-го она пала. Текинцы ожидали жестокой расправы, но грозный «Ак-паша» («белый генерал») приказал солдатам собрать всех раненых и оказать им медицинскую помощь. Еще большее удивление текинцев вызвал приказ Скобелева обеспечить их продовольствием.

За успешную военную операцию 14 января Скобелев указом Александра II был произведен в чин генерала от инфантерии и награжден орденом св. Георгия II степени.

Убийство Александра II на Екатерининском канале болезненно отразилось на многих государственных начинаниях. Вместе с «царем-освободителем» оказались наглухо замурованными в склепе Петропавловского собора надежды русского общества на перемены, которые могли бы привести без смут и потрясений к парламентской монархии, с привлечением широких слоев русской общественности к законодательной деятельности. На внутреннем политическом горизонте появились такие одиозные фигуры, как Константин Петрович Победоносцев и граф Дмитрий Андреевич Толстой.

Обер-прокурор Синода Победоносцев был человеком сложным, недаром современники наградили его такими эпитетами, как «злой гений России», «самый хитрый человек России» и т. п. Живой ум, глубокие познания в теории государства и права, юриспруденции и философии позволили ему создать новую теорию о грядущем устройстве России. В частности, Победоносцев считал, что в России масса населения не способна к управлению, и она неминуемо поддается влиянию людей, умеющих воздействовать на нее своими красноречием и ловкими приемами. «Меня упрекают, будто я тяну Россию вспять, — говорил обер-прокурор, — но это неверно, и верно то, что я смотрю на Россию, как не величественное здание, построенное на прочном фундаменте, с которого разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю. Фундамент этот: православие и самодержавие. Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания, но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым».

Получилось так, что всемогущий обер-прокурор стал подумывать о привлечении Скобелева в союзники, благо стратегическая цель у обоих была одна — благоденствие России, хотя на отдельные проблемы у них не было общности во взглядах. Имя Скобелева было притягательным для широкой общественности и могло придать вес русской консервативной партии. Тем более, что и Скобелев и Победоносцев тяготели к славянофильству. Но, к сожалению, пути их разошлись.

Славянофильское течение родилось как продукт национальный, присущий только России и опирающийся на психологию русского народа, на глубокое понимание духа русской истории. Основу его составило отношение к самодержавию, к вере и народным массам. Союз царя и народа славянофилы рассматривали как нравственную основу государства, освященную Господом и единым судьей, в котором общими для правителя и подданных был Закон Божий, христианская правда и совесть, страх перед Всевышним. Критически осмысливая и оценивая реформы Петра I, славянофилы предосудительно относились к внутреннему устройству России: «Общество было взыуздано, зятянуто в мундир, причесано, выбрито, одето по указу, расписано по рангам, действовало по команде — руки по швам». Так был создан, по мнению славянофилов, механизм «насилования жизни», а император, подменив Бога, стал верховным владыкой. И поэтому России нужно было, по их мнению, вернуться в самобытность.

Отношение к Петру Великому у славянофилов было не совсем справедливым — они совершенно упустили из виду, что Петр отстоял Россию от экспансии католичества, которое угрожало России в случае успеха шведов, и спас саму русскую церковь от скатывания к «цезарь-папизму». Ничто так не страшило славянофилов, как безверие. По их мнению, революционный лозунг «Свобода, равенство, братство» не противоречил христианскому учению. Они также не требовали от своих последователей враждебного отношения к науке, к либеральным течениям. Русскому народу было чуждо стремление к великодержавным притязаниям, он был далек от стяжательства за счет других народов, самое сокровенное его желание — жить во внутреннем и внешнем покое, кормиться трудом рук своих и крепить национальные особенности и традиции. Именно славянофилы возродили понятие «Святая Русь» и, чтобы отстоять его от искажения и поругания, настоятельно требовали крепости убеждений, свободы мысли, духа, слова, печати.

На Западе воинствующие противники обвиняли славянофилов в том, что их учение таит в себе агрессию.

Скобелев гораздо глубже понимал психологию русского народа, чем славянофилы. Он был далек от идеализации быта и нравов допетровской Руси и не был противником заимствования положительного опыта у других народов: «Учиться и заимствовать у них все, что можно, — говорил он, — но у себя дома устраиваться надо, как нам удобнее». Само же славянофильство он рассматривал как основу верного жертвенного служения народу, которое считал основной движущей силой истории. За личностью он признавал идею, умение возглавить массы. Российское самодержавие, по взглядам Скобелева, нужно было изменить, хотя он бесспорно признавал твердую государственную власть.

Роднятся взгляды славянофилов и Скобелева на значение Земского собора, крестьянской общины, самоуправления, то есть элементы демократического государства. Науку и прогресс он воспринимал как средство непосредственного служения человеку, так же он смотрел и на просвещение и народное образование.

Марш 1812 года

Гораздо сложнее были его отношения к учению Христа. Глубоко веря в Господа, он считал более важным сосредоточить внимание на создании человеческого братства на земле. Михаил Дмитриевич был терпим к другим религиям христианских народов и не считал их препятствием к единению.

Но в одном расходились взгляды Скобелева и славянофилов — в расстановке сил, способных изменить политическую обстановку в стране. Он постоянно ищет контакты с людьми противоположных политических взглядов. В 1882 г. во время пребывания в Париже он пытался встретиться с Петром Лавровичем Лавровым, апологетом народничества. Встреча не состоялась. Долгое пребывание на чужбине не позволило Лаврову понять, какую силу представлял собой Скобелев в русском обществе. П. Л. Лавров и М. Д. Скобелев сходились во взглядах на необходимость просвещения в России, но на пути обновления ее резко расходились. Михаил Дмитриевич полагал, что правительство отжило свой век и бессильно как извне, так и внутри. В России есть одна организованная сила — армия, и в ее руках судьба России. Однако армия не может подняться только, как масса, на это ее может двинуть лишь такая личность, которая известна каждому солдату и окружена славой сверхгероя. Но и одной популярной личности мало, нужен лозунг, понятный не только армии, но и широким массам. Чувствуется, что Скобелев очень внимательно изучил наследие декабристов. Такой лозунг он нашел: объявление войны немцам и объединение славян.

В крутом повороте от решения проблем внутренних к внешним военным способом проявился бойцовский характер генерала. Разговоры о войне были постоянными в его окружении. Скобелев чувствовал в себе силы для совершенного государственного переустройства. Его взгляды находили поддержку в военных кругах, где Александр III не пользовался авторитетом: многие помнили историю с Рушукским отрядом, чуть не погубленным цесаревичем. «Династии меняются или исчезают, а нации бессмертны», — не раз повторял Скобелев в кругу своих единомышленников.

Надо полагать, что идеи Скобелева доходили и до императора. Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский писал: «Говорили, что либо в это время или несколько позднее смелый план дворцовой революции был задуман генералом Скобелевым». Вот в этот момент нравственное мужество, тревога за судьбу Отечества и авторитет «белого генерала» вступили в незримую борьбу с окружающим миром несправедливости.

Весьма знаменательно выступление Скобелева в январе 1882 г. на первой годовщине взятия Геок-Тепе: «Опыт последних лет убедил нас, что, если русский человек, благодаря истории все-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тот же человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде доморожденных и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования, что этот русский человек находится лишь под влиянием причин ненормальных, под влиянием каких-либо вакханалий. Престранное дело, и почему нашим обществом овладевает какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса для русского сердца вполне законного,

являющегося результатом всей нашей тысячелетней истории. Сердце болезненно щемится. Но великим утешением для нас вера и сила исторического призвания России». Скобелев призвал участников встречи защитить славян-единоверцев. На упрек в том, что он хочет навязать русского царя всем славянам, он ответил: «Вольный союз славянских племен, полнейшую автономию у каждого, одно общее войско, деньги... Управляйся внутри, как хочешь».

Генерала нельзя было обвинить в панславизме. Он выступил против раздела Польши, считал политическим преступлением подавление свобод и братоубийственную резню. По его мнению, различие религий не должно было служить причиной сближения поляков и русских. Он полагал, что вполне возможно единение чехов и словаков, но в обоих случаях противником на этом пути стояли Германия и Австро-Венгрия, расширение территории которых произошло за счет славян.

Во Франции генерал Скобелев оказался не случайно, не по своей воле. Ему не простили свободомыслие и предложили провести отпуск за пределами России. Четко реагируя на изменение политической обстановки, он делает вывод о необходимости тесного союза Франции и России, который бы обеспечил мир в Европе.

Боевой путь М. Д. Скобелева был блестящим, но его политическая биография не получила должного развития: в самый разгар творческих сил его сразила внезапная смерть. Есть основания предположить, что она не была случайной. Иногда среди близких он говорил: «Я знаю, что мне не позволят жить долго. Не мне закончить все, что я задумал». Ему не раз приходили анонимные письма с угрозами. 25 июня 1882 г. в Москве перестало биться сердце М. Д. Скобелева. На венке от Академии Генерального штаба в лаконичной надписи отразилась вся его биография: «Герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, полководцу, Суворову равному». 24 июня 1912 г. в Москве на Тверской площади был водружен памятник боевому генералу. Деньги на него собирала вся Россия. К сожалению, он имел несчастливую судьбу — согласно декрету «О снятии памятников царей, их слуг и выработке проектов памятников Российской социалистической революции» 1 мая 1918 г. памятник Скобелеву был снесен, а имя Михаила Дмитриевича, девизом которого было «Честь и слава», предано забвению.

Памятники побед и скорби

Издавна на Руси повелось в честь тех или иных событий воздвигать не памятники, как это было принято в Европе, а церкви. С образованием при Петре I морского духовенства появились морские церкви, а армейского — военные. Морские церкви воздвигались в портовых городах и при портах, а военные — в местах постоянной дислокации войск. И вот здесь совершенно четко просматриваются два пласта военной культуры: первая — строительство храмов общества в честь своего воинства; и вторая — воздвижение церквей для отправления религиозных потребностей самими воинами. Хотя устройство храмов было делом общим, разница заключалась во внутреннем содержании. Сразу оговоримся: храмы воинские были своего рода музеями, в которых хранились не только священные предметы, но также и трофеи, имевшие историческое и воспитательное значение.

В России было около шестисот храмов и соборов, находившихся непосредственно в ведении военного и морского духовенства. Наиболее характерным из них был Спасо-Преображенский всей Гвардии собор в Санкт-Петербурге, тесно связанный с боевой историей своего полка. В нем хранились преображенские мундиры императоров Александра I, Николая I и Александра III под стеклом в футлярах из березового дерева, оформленных в виде аналоя; две сабли в Бозе почивших императора Александра II и великого князя Михаила Павловича. Одна сабля была на его величестве в день его кончины и обагрена кровью, вторая богато украшенная (стоимостью в 40 000 рублей) принадлежала Михаилу Павловичу.

Ключ от крепости Модлина на георгиевской ленте был пожалован храму князем Михаилом Павловичем 6 октября и был им завещан на хранение.

Еще одна драгоценная реликвия — богемский потир с крышкой, серебряно-вызолоченный и украшенный дорогими саксонскими камнями — в 1813 г. был поднесен графу Остерману-Толстому в память о битве при Кульме. По верхнему краю потира надпись буквами из камней: «За богом

молитва, за царем служба не пропадает». На потире вырезаны фамилии полковых командиров, участвовавших в битве при Кульме, и погибших оберофицеров. С того времени чаша подавалась нижним чинам «каждый великий пост для приобщения их Св. Тайн».

Особый почет в храме был оказан знаменам, как своим, так и трофейным. Там хранилось девять знамен лейб-гвардии Преображенского полка с Андреевскими лентами, Георгиевскими крестами и бронзо-вызолоченными орлами. Там же были и три знамени резервного лейб-гвардии Преображенского полка.

В соборе находилось множество разных трофеев, взятых у турок во времена Николая I. В соборе они были размещены по эскизам талантливого архитектора Стасова. В общей сложности насчитывалось: 488 знамен, 3 значка, 16 флагов, 10 бунчуков, 1 булава, 2 жезла, 12 замков и 65 ключей от разных крепостей Европейской и Азиатской Турции.

В главном приделе на большой колонне у правого клироса на бронзо-вызолоченной доске был выгравирован список имен и фамилий штаб- и оберофицеров полка, погибших в разных сражениях с 1702 до 1878 г.

Одним из интересных по замыслу храмов и, пожалуй, самым грандиозным является Морской собор, освященный в Кронштадте в 1913 г. во имя Николая Чудотворца, почитаемого моряками как их небесный покровитель и защитник.

Со строительством этого величественного сооружения была осуществлена давняя мечта моряков Российского флота о храме, который бы воедино связал прошедшее, настоящее и будущее; в нем должна храниться была память о всех деяниях русских моряков, совершенных во славу Отечества. Храму предстояло быть свидетелем трудов, знаний и подвигов моряков.

В 1897 г. благодаря деятельности вице-адмирала Н. И. Казнакова, было получено императорское соизволение на сбор пожертвований. Собор решили строить на Якорной площади не случайно, так как на ней можно было организовать большие церковные шествия и разбить парк вокруг храма, который был рассчитан на 5000 человек. Проектировали морской собор с таким условием, чтобы он был приметным с моря и крест его бросался в глаза мореплавателю.

1 сентября 1902 г. о. Иоанн Сергиев (впоследствии Кронштадтский) в присутствии главного командира порта вице-адмирала Макарова и ряда начальствующих лиц отслужил молебен в честь начала строительства. На молебен собралось несколько тысяч человек — кронштадтцы тепло встретили идею сооружения Морского собора. 8 мая 1903 г. в присутствии императора и членов его семьи состоялась торжественная закладка Морского собора. По окончании молебствия крепость и суда, стоявшие на рейдах, произвели императорский салют в 31 выстрел.

Руководил строительством собора архитектор-профессор В. А. Косяков. В плане собор напоминал храм св. Софии в Константинополе, но с несколько иным соотношением частей. Центральная открытая часть его занимала около 185 кв. саженей, то есть вмещала до 3000 молящихся; со всех сторон были обширные галереи с хорами над ними, отделенные от молящихся лишь с восточ-

Памятники побед и скорби

ной стороны храма, где расположились ризница и библиотека; на хорах хранились иконы со списанных судов и другие священные реликвии. Алтарь был трехпредельный.

Главные размеры собора следующие: внешняя длина с крыльцами 39 сажень, ширина 30 сажень. Сторона центрального квадрата — 11,2 сажени. Пролеты главных арок — 10,76 сажень. Высота главного купола — 24,5 сажени. Внешняя сторона с крестом — 33 сажени.

Фасад собора был облицован заграничным кирпичом и терракотом. Главный купол и купола звонниц украшены медными рельефными орнаментами, вызолоченными по мардану. Наружняя отделка фасадов выполнена желтоватым кирпичом, украшена гранитным цоколем, полированными гранитными колоннами порталов, терракотом и в небольшом количестве майоликой и мозаикой.

Внутри собор был украшен росписью лишь в алтаре и на сводах северных и южных хоров, поддерживаемых колоннами. Колонны эти, как и наличники внутренних дверных проемов были покрыты искусственным мрамором и увенчаны богатыми капителями, карнизы покрыты лепными орнаментами. Стены по низу были отделаны высокой панелью из цветного мрамора, где на черных досках были высечены имена погибших чинов флота.

Корреспондент «Вечернего Времени» так описал Морской собор: «Кронштадтский собор поражает своей грандиозностью и оригинальностью внутренней отделки, в старинном византийском стиле.

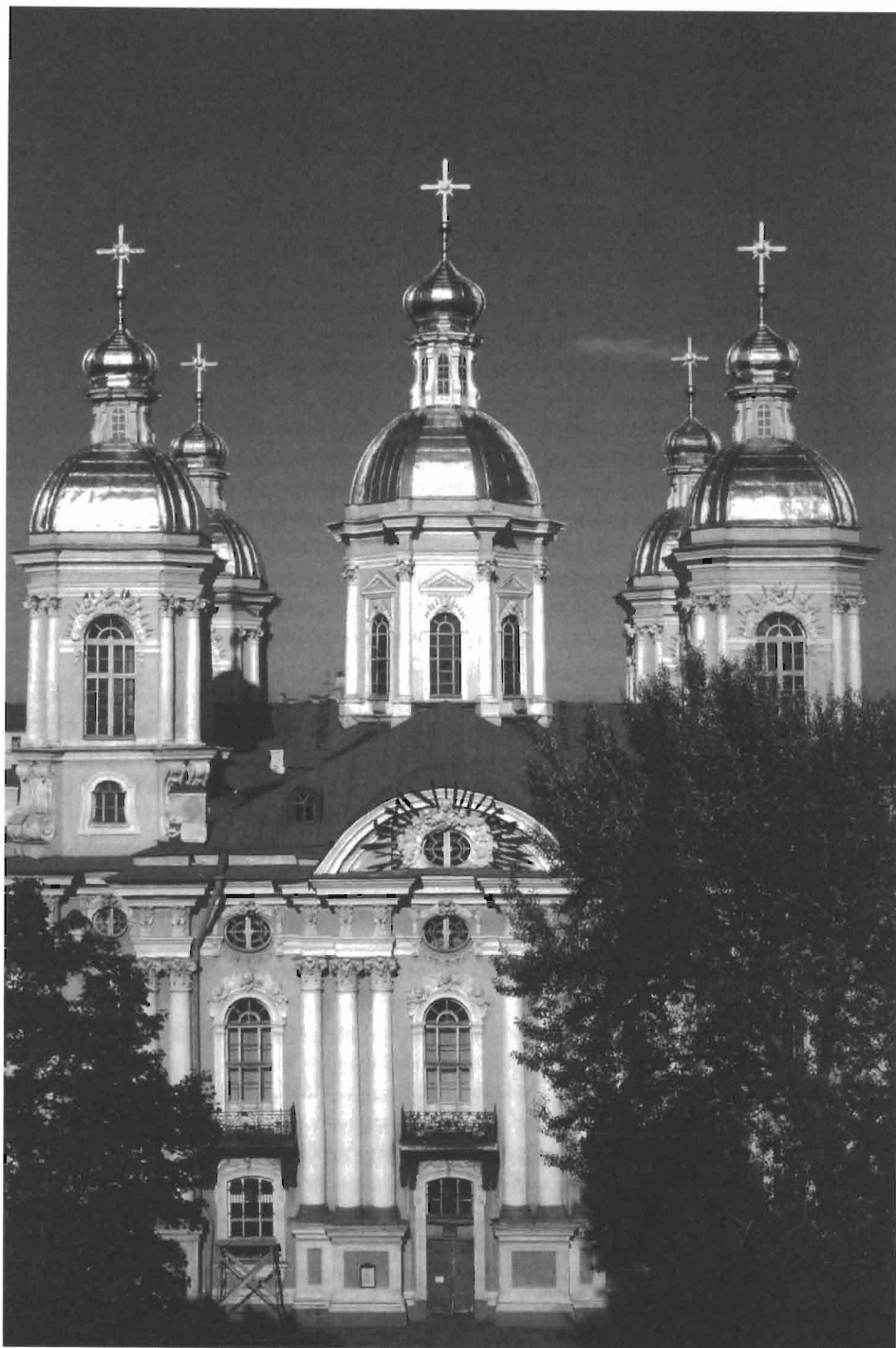
Художественно-декоративная роспись сводов и стен на хорах и внизу, работы художника М. М. Васильева, — частью под мозаику, частью под фрески, — ласкает глаз гармонией тонов и своими жизнерадостными, удивительно мягкими матовыми красками. Но что особенно красиво в соборе — это иконостас работы скульптора Н. А. Попова. Он весь из белого мрамора, с мозаичными вставками и такой удивительно тонкой ажурной резьбой, что на верхнюю часть иконостаса надо любоваться в бинокль. С такой любовью работали для храма только в старину.

Сделанный из мелкого мрамора, в тонкой медной оправе, пол украшен интересными мозаичными фигурами из морского царства — рыбами, медузами, морскими растениями, и даже — корабликами. К морскому храму это очень идет: внизу море, а вверху — небо! Таков замысел талантливого строителя, проф. В. А. Косякова».

«Кровавая купель» — называли современники морское сражение 27—28 мая 1905 г. в Цусимском проливе. Как показывают исследования (В частности капитана 1 ранга М. В. Московенко), оно было обречено на поражение русских задолго до начала боевых действий с японцами. Офицеры флота и матросы погибли достойно, с честью, как это было принято в традициях русского флота... Вот тогда-то и появилась в обществе мысль об увековечении памяти о погибших в море. Но как это сделать наилучшим образом?

22 ноября 1908 г. к Николаю II обратился министр внутренних дел с предложением создать особый храм, который одновременно был бы и памятником, и музеем. Автором этой идеи был генерал-адъютант Федор Васильев-

Никольский
Морской
(Никола-
Богоявленский)
собор в Санкт-
Петербурге

Памятники побед и скорби

вич Дубасов. Царь на этом предложении наложил резолюцию: «Согласен и всецело сочувствую мысли увековечить память погибших моряков». Немедленно был создан особый комитет для повсеместного сбора пожертвований на постройку храма в память тех, чьи могилы в море.

Морской министр адмирал Иван Константинович Григорович удачно выбрал место для будущего памятника-храма, напротив Морского корпуса — в то время главной кузницы морских офицеров (ныне Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе) на противоположном берегу Невы.

21 декабря 1908 г. состоялось первое заседание комитета, которому по давней традиции предшествовал молебен об успешном окончании возложенного на его членов дела.

Русская Православная Церковь поддержала идею создания храма-памятника. С ее помощью были собраны деньги среди соотечественников за границей. Епископ Каширский Евдоким все сборы от своих лекций по Священной истории направил на строительство храма. Члены императорской фамилии передали для будущего храма 50 000 руб., а также церковную утварь, облачения для священников, иконы и т. д. Немалую сумму собрали военные моряки. Деньги присылали отдельные корабли, флотские экипажи, полки, разные управления и частные лица. Мать одного из погибших моряков пожертвовала золотую медаль, которую получила за благополучное окончание гимназии. Медаль эта была вделана в лампаду перед иконой крейсера «Рюрик», вблизи имени ее сына. 15 мая 1910 г. состоялась торжественная закладка будущего храма-памятника и отслужена панихида по усопшим епископом Вологодским Никоном (Рождественским).

Проектирование памятника было доверено директору археологического института Н. В. Покровскому, который и возглавил строительную комиссию. Ее члены решили проектировать храм в традициях древнерусского зодчества. За образец была принята церковь Покрова на Нерли. Примечательно, что инженер-строитель С. Н. Миронов, художник-архитектор М. М. Перетяткович и скульптор Б. М. Микешин работали безвозмездно. Смирнов и Перетяткович ездили в Суздальский край и на месте собрали богатейший материал для работы над проектом.

К марту 1910 г. проект храма-памятника был готов и получил одобрение особой комиссией. При обсуждении проекта почетным председателем — греческой королевой Ольгой, было внесено предложение предусмотреть еще одно помещение на случай заказа литургий. Храм строился быстро, уже 14 сентября того же года на куполе храма водрузили крест.

Храм отличался небольшой высотой — 16 саженей, при 7 саженях ширины и 9 длины. Снаружи церковь облицовали белым камнем, вывезенным из каменоломен Тверской губернии; из него же были вырезаны рельефные изображения. Внутри сделали хоры с потайным для них ходом внутри стены. Такой же ход был сделан и в нижнюю сводчатую церковь, сооруженную в древнерусском стиле. Храм имел одну главу без колокольни. Небольшая галерея соединяла его особым зимним ходом с раздевальной, увенчанной куполом и крестом. За раздевальной находилась древнего вида звонница под аркой и далее домик

для причта. Иконостас, внутренняя отделка, роспись и утварь — все было выдержано в древнерусском стиле. Расписывал стены академик Н. А. Бруни, по его же эскизам было выполнено на алтаре мозаичное изображение Спасителя, шествующего по водам. Оно и дало название церкви «Спаса на водах». Мозаичное полотно запечатлело океанские воды, поглотившие сонм героев, измученных, искалеченных, обожженных, на которых с состраданием взирал Спаситель. Одной рукой он призывал к себе кровью венчавшихся моряков, другой благословлял могилу мучеников... Над морскими просторами занималась заря — символ возрождения русского флота, понесшего большие потери в русско-японской войне.

28 июля 1911 г. прошло торжественное освящение нижнего храма и подняты колокола, а 31 июля был освящен весь храм в целом. В этой церемонии участвовали моряки боевых кораблей, стоявших на Неве, Николай II с членами императорской фамилии, морской министр И. К. Григорович.

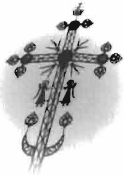
Протопресвитер военного и морского духовенства Г. И. Шавельский освятил престол святой водой, залил мастикой; сверху наложил доску, которую по очереди прибавали все духовные лица. Затем отец Георгий полил престол розовой водой и вином, натер благовонным святым миром, а другие представители духовенства вытерли за ним престол губками и платками. Когда таким образом престол был освящен, на него возложили белое облачение, и протопресвитер обязал его накрест белой лентой. Закончилось освящение храма крестным ходом.

За четыре года было завершено оборудование музея, собрали карточки на всех погибших, созданы мозаичные иконы по эскизам В. М. Васнецова, расписаны галереи. Над входом под звонницей воздвигли икону Нерукотворного Спаса. Нижнюю церковь построили во имя Святого Николая Чудотворца, которая была отделана по типу ростовско-ярославских церквей, и находилась почти вся под землей.

Пристальное внимание у посетителей вызывали надписи на стенах и колоннах верхнего храма, например: «Крейсер 1-го ранга «Светлана», 2-я тихоокеанская эскадра, бой 14–15 мая 1905 г., офицеров — 9, священников — 1, нижних чинов — 163». Над каждой такой надписью находилась судовая икона и бронзовые доски с вырезанными фамилиями погибших офицеров, священников и нижних чинов.

Послеоктябрьское время, естественно, не пощадило храм. По свидетельству жителей города на Неве, когда его последний настоятель отец Александр был арестован среди белого дня и его повели под конвоем, он благословлял своих прихожан. И запали в душу его слова, что не о разрушаемых церквях и замученных священнослужителях скорбеть надобно, а сохранить веру, и тогда возродятся храмы и наполнятся они паствой, у которой и пастыри появятся.

Еще один очень любопытный вид военной церкви — храм-мемориал. В 1899 г. по высочайшему повелению в Николаевскую Академию Генерального штаба было передано дело о сооружении «памятиохранилища» полководца А. В. Суворова в связи с надвигающимся 100-летием со дня его кончины. Начальник академии генерал-лейтенант Н. Н. Сухотин, большой поклонник та-

Памятники побед и скорби

ланта прославленного военачальника, предложил перенести созданную А. В. Суворовым Кончанскую церковь в Санкт-Петербург и поставить рядом со зданием академии на Преображенском плацу. 6 марта 1900 г. он представил доклад на имя начальника Генерального штаба для последующего доклада царю. Новый владелец села Кончанского В. В. Молоствов любезно передал церковь в дар академии. Церковь разобрали и перевезли в Петербург, где она была снова собрана.

3 мая 1900 г. первая в России мемориальная церковь-музей была освящена протопресвитером военного и морского духовенства о. А. А. Желобовским. В этой церкви хранилось множество предметов, которые в свое время принадлежали Суворову, в том числе походный образ «Нерукотворного Спаса», переданный в церковь-музей Воскресенским монастырем «Новый Иерусалим», в свое время получившим его в дар от сына генералиссимуса. В церкви находился также образ святых Адриана и Наталии в ризе беспробного золота, которым императрица Екатерина II благословила брак «Суворочки», дочери полководца Наталии Александровны с графом Н. А. Зубовым.

Вместе с Кончанской церковью был перевезен в столицу небольшой эллипсоидной формы образ архистратига Михаила с надписью на обратной стороне: «Всех российских Императорских войск Генералиссимусу Римско-императорскому генерал-фельдмаршалу, графу Александру Васильевичу Суворову Римникскому февраля 5 дня 1800 г. Всеподаннейше приносит плод трудов города Якутска мещанин Ефим Петров».

Образ Черниговской Божией Матери, принадлежавший сподвижнику Александра Васильевича М. А. Милорадовичу, был подарен церкви 25 марта 1905 г. внучатым племянником графа Милорадовича. Икона была в древней массивной серебряной вызолоченной ризе (1793), венец украшен камнями. По семейному преданию Милорадовичей, образ существовал более двухсот лет и почитался в семье как чудотворный.

Складной образ «Нерукотворного Спаса», сооруженный чинами бывшей охранной стражи при Китайской железной дороге в память боевой деятельности в русско-китайском походе (1900–1901), после расформирования его тоже передали в Суворовскую церковь.

Небольшая икона Святого Николая в ризе была оставлена в Саксонии одним из русских участников похода Суворова 1799 г., затем попала к капитану Молостову, и в январе 1818 г. он передал ее своему тестю А. А. Суворову.

Церковь, в которой молились офицеры академии Генерального штаба, была примечательна еще тем, что в ней начал свою службу отец Георгий Шавельский, которому суждено было стать последним протопресвитером военного и морского духовенства...

Манифест Александра I от 25 декабря 1812 г., провозгласивший строительство церкви в честь Спасителя Христа, заканчивался словами: «Да простоят сей храм многие века, и да курится в нем пред светлым Престолом Божиим кадило благодарности позднейших родов, вместе с любовью и подражанием к делам их предков». Но судьба распорядилась иначе. Народный памятник был уничтожен руками потомков, лишенных исторической памяти и благодарности...

Храм Христа Спасителя.
Фотография начала XX в.

Александр I не увидел воочию храма, воздвигнутого в честь победы над Наполеоном. Строительство его началось в 1839 г. и закончено в 1881-м. Облик здания в соответствии с волей царя напоминал древние русские церкви. Основание храма представляло собой равноконечный крест, в углах которого было четыре выступа. Фасад смотрелся одинаково со всех четырех сторон, каждая из которых делилась четырьмя столбами на три части. 36 столбов во-

Памятники побед и скорби

круг храма поддерживали карниз; на них размещалось 20 полуциркулярных, сверху заостренных арок: по три арки на передних концах креста и по две — на выступах, в углах здания. Столбы на исходящих углах имели восьмигранную форму с семью выступными сторонами. Здание венчало пять куполов, что означало — Господь с четырьмя евангелистами. Средний купол — самый большой — придавал всему строению единство и законченность. Другие купола были поставлены на выходящих углах между концами креста и имели форму восьмиконечных башен или колоколен...

Храм Христа Спасителя был виден в Москве отовсюду — его пять куполов сияли на солнце, и с Киевской железной дороги его можно было различить за двадцать километров.

По наружным стенам храма размещалось 48 мраморных статуй, над ваянием которых работали резцы признанных мастеров-скульпторов. Они изображали отдельных святых, сцены из библейской жизни, из отечественной истории, такие, например: Ярослав Мудрый передает своим сыновьям законы «Русской Правды», или Святой Сергий Радонежский благословляет князя Дмитрия на Куликовскую битву...

Нижний коридор храма представлял собой своеобразную летопись событий войны 1812—1814 гг. Во впадинах его стен размещалось 177 мраморных плит, на которых в хронологическом порядке было изложено описание сражений, проходивших как в России, так и за границей, в следующем порядке: главнокомандующий, время и место сражения, начальствующие лица, перечень войск и орудий, принимавших участие в деле, имена убитых и раненых в том сражении офицеров, общее число выбывших из строя нижних чинов, имена отличившихся, получивших высокие награды, и имена георгиевских кавалеров.

Войдя в храм через западные ворота, можно было слева от входа видеть начертанный на стене царский приказ армии и рескрипт Председателю Государственного совета графу Салтыкову о вступлении неприятеля в пределы России, далее воззвания к Москве и манифест о вооружении России. Дальше по обеим сторонам коридора в хронологическом порядке размещались описания сражений внутри России. На стене, соприкасавшейся с горным местом, — текст манифеста о постройке храма Христа Спасителя в Москве, над ним рисунок храма. На остальных стенах заалтарного пространства были вырублены тексты благодарственного манифеста русскому народу и русскому дворянству, манифест об учреждении медали в память событий 1812 года, состав ополчения, перечень пожертвований, сделанных различными городами и частными лицами для спасения Отечества. Юго-восточная и южная части коридора содержали описания заграничных сражений — они заканчивались у западных дверей манифестом о взятии Парижа, низложении Наполеона и заключении мира в Европе. Вся историческая часть была подготовлена членами Военно-ученого комитета.

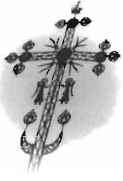
Один из современников так описывал храм: «А войдешь внутрь храма сквозь массивные бронзовые двери и вступишь в просторный притвор, увидишь справа и слева исполненные лучшими русскими художниками фрески, изображавшие битвы славного двенадцатого года. Сражается храброе русское воинство с полками французов — Смоленск, Бородино, Тарутино, Березина.

А войдешь в самый храм, оглянешь стены, вступишь вперед на иконостас, поднимешь голову вверх... Приходится напрягать зрение — так далеко и до стен, и до иконостаса с царскими вратами, и до свода...

Наружная стена
Храма Христа
Спасителя

Боже мой! Боже мой! Какая везде красота, сколько усердия и сколько искусства вложили резчики по дереву, литейщики по бронзе в золоченые кру-

Памятники побед и скорби

живные изображения икон! Вьются золоченые стебли с листьями, спускаются виноградные кисти с шариками ягод. И на каждом из пяти рядов иконостаса резьба разная, разной затейливости, с листьями то дубовыми, то кленовыми, то растения из стран заморских.

А иконы, как положено издревле по чину, — справа от царских врат Христос, слева Богоматерь, правее и левее Иоанн Креститель, двенадцатые праздники. А выше святые и пророки, изображения из библейской жизни. Сами иконы не схожи со старинными, где лики измождены и темны. Здесь иконы необыкновенно светлы, написаны сияющими, радужными красками, они похожи на светские картины. Оттого-то иные москвичи не любили храм, не находили в нем благодати...

И горят электрические лампочки в грандиозных, напоминающие ветвистые деревья, многопудовых люстрах! И горит множество свечей в бронзовых мощных подсвечниках. До десяти тысяч молящихся вмещал храм... Иногда службы не было, и только отдельные любопытные вроде меня ходили, дивились и преклонялись перед многообразием всего того великолепия, что создавали известные художники — В. В. Верещагин, Г. И. Семиградский, молодой В. И. Суриков, другие мастера, а также кузнецы, каменщики, литейщики, резчики по дереву — обладатели тонкого вкуса, верной руки, зорких глаз».

В словаре Брокгауза и Ефрона так говорится о величественном творении русских непревзойденных мастеров: «Храм Христа Спасителя, как исторический музей, представляет собрание художественных произведений, намерен оказывать будущим поколениям ту степень совершенства, до которого достигло современное искусство живописи».

Но не суждено было храму Христа Спасителя выполнить свое историческое предназначение — в 1931 г. он был разрушен злой волей людей, сознательно порвавших связь с временами и поколениями. Вначале с храма сняли все ценное из его украшений, затем взорвали.

С 1926 г. в школах прекратили преподавание истории, вместо которой была введена политтрамота. «Настоящая история нашей страны начинается с семнадцатого года», — провозгласил главный идеолог-историк заместитель народного комиссара просвещения М. Н. Покровский. В издаваемой ежегодно большими тиражами «Русской истории в самом сжатом очерке» он много рассуждал о классовой борьбе, о героях народных восстаний Разине и Пугачеве и с нескрываемым презрением отзывался о Суворове и Отечественной войне 1812 года.

Разрушение памятников культуры в первую очередь начали даже не с церквей, а с общественных зданий. Так, когда-то были в Москве знаменитые Красные ворота, изящной конструкции, возведенные еще при царице Елизавете по проекту архитектора Ухтомского. Никому не мешали, радовали глаз... И вдруг в газетах стали появляться статьи, что де, мол, торчат они на самом перекрестке и мешают трамвайному движению. Правда, были и другие газетные отклики, что лучше не трогать этот прекрасный шедевр архитектуры, даже завязалось нечто вроде полемики — но в итоге летом 1927 г. Красные ворота были разрушены.

В 1930 г. правительство объявило открытую войну храмам, и одной из первых жертв стал московский Симонов монастырь. Издали он напоминал собой Новодевичий, стоял на высоком берегу, радуя москвичей — но газеты окрестили творение зодчих XVI в. «очагом мракобесия», а Симоновский холм, где стоял монастырь, самым подходящим местом для дворца культуры завода, выпускающего грузовики и носящего имя Сталина.

12 января 1930 г. Моссовет принял решение о разрушении монастыря, а 20 января «Рабочая газета» уже призывала добровольцев с кувалдами, ломами, лопатами для сокрушения старинных стен. А дальше процесс разрушения был упрощен — стали закрывать все храмы подряд. Вначале их обносили дощатым забором, потом крючьями стаскивались резные иконостасы, иконы кололи на дрова, медная утварь шла на металлолом, ценные предметы куда-то свозили, книги отправлялись в архивохранилище хорошо, хоть не жгли...

На месте бывшего храма власти решили построить новый, который бы соответствовал вновь созданной религии — Дворец Советов. Сохранилось изображение этого, по-своему интересного, проекта здания, которое должно было стать в два раза выше снесенного храма. Венчать его должна была восьмидесятиметровая бронзовая статуя Ленина. Начали строить новое здание, и ничего не получилось. Дело кончилось тем, что на месте разрушенного храма воздвигли плавательный бассейн. Так оно и должно было случиться: из тех, кто разрушает — строители никудашные!

Представляется совершенно очевидным, что воспитательное значение храма в формировании гражданина, патриота Отечества, было исключительно высоко — здесь все влияло на личность: и Вера, и иконы — «молитвы в красках», и архитектура, и исторические реликвии, свидетельницы и участницы сражения... и постоянная служба, напоминающая о замечательных деятелях отечественной истории.

Чем можно заменить эмоциональное и воспитующее действо храмов? Бездушными «красными» комнатами или уголками в прошлом, или более чем скромными комнатами истории в воинской части в настоящем?

Вопрос остается открытым... Как его решать? На этот вопрос отвечает сама жизнь. Разрушенные храмы восстанавливают. Воины приглашают священников на знаменательные события в своей жизни, на кораблях поднимают освященные флаги, в церквах — не редкость люди в военной форме...

Развал

русское офицерство времен первой мировой войны... В советский период сложился устойчивый стереотип, которому в известной степени подыгрывал эмигрантский «фольклор». Благодаря целенаправленной советской пропаганде белый офицер представлялся с неизменными атрибутами: шампанским, кокаиновой экзальтацией, фатализмом, склонностью к самоубийству и прочим. Довольно точно о нем написал эмигрант Ф. Степун, бывший офицер, в «Современных записках» (Париж): «Рядовое наше офицерство, каким я его застал на фронтах в обер-офицерских чинах, было совсем не тем, за что его всегда почитала радикальная интеллигенция. Как офицерство монархической России, оно, конечно, и не могло быть, и не было ни революционно, ни социалистично, но, как всякий обездоленный класс, оно было в конце концов как в бытовом, так и психологическом смысле глубоко миролюбиво».

Традиционный консерватизм в ходе первой мировой войны несколько сгладился. Офицерский корпус изменился как количественно, так и качественно. Его потери составили более 60 тысяч, поэтому для восполнения командного состава в армию срочно призывались студенты старших курсов, получавшие после ускоренного курса обучения чин прапорщика. Только с июля по декабрь 1914 г. в прапорщики было произведено 22 тыс. человек, из них 11,5 за боевые отличия на фронте.

Такой приток людей привносил в армию новые политические мнения и взгляды. В декабре 1916 г., докладывая Николаю II об итогах смотра войск Московского военного округа, генерал В. Ф. Адлерберг обратил его особое внимание на то, что «большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов». Погоны офицеров надели не только бывшие студенты, но и чернорабочие, каменщики, полотеры, буфетчики и

пр. Царь, прочитав доклад, заметил: «На это надо обратить серьезное внимание». Но война следует своим законам — и армия продолжала пополняться офицерами, которые как по уровню своих знаний, так и по воспитанию не соответствовали старым российским традициям.

Следует заметить, что в первые месяцы войны дух русской армии был достаточно высоким. В частности, такой факт: на фронте русские 4-й армии шли в «психическую атаку». Современный читатель, очевидно, помнит ее по кинофильму «Чапаев». Чисто русский вид нападения, когда офицеры и солдаты под барабан или оркестр с развернутыми знаменами, парадным шагом, стройными рядами идут на сближение с противником. Под Травниками шли в атаку Павловский и Апшеронский полки — и это не было рисовкой или бравადой, а дань исторической традиции этих частей. Апшеронцы многие годы пели такую песню:

Вперед, апшеронцы лихие!
Вы вспомните дедов завет —
«В атаку — мосты золотые,
Назад отступления нет!»
Учил нас бессмертный Суворов,
Как надо врага побеждать —
С надеждой и верою в Бога,
В крови по колено стоять.
Два века мы Родине служим,
И рады служить до конца.
О крови пролитой не тужим,
Не ждем ни наград, ни венца!

Пройдет еще несколько месяцев войны и миллионы людей в серых шинелях начнут задумываться: а собственно кому нужна она и для чего ведется? Причин к прозрению было множество: и техническое превосходство противника, и слабое на первых порах обеспечение и снабжение войск, и борьба за власть между монархистами и крупной буржуазией, и недовольство экономическими трудностями и так далее.

Результаты исследований дают основание полагать, что накануне первой мировой войны в российской армии были хорошие командиры полков, удовлетворительные командиры дивизий и по большей части никуда не годные командующие армиями. Не секрет, что на генеральских должностях находились люди не с даром полководца, а даром царедворца. При их назначении полностью игнорировался принцип: воспитание солдат личным примером. А ведь давно известно, что там, где забывается этот принцип, армии бывают биты... Памятуя, что рыба портится с головы, обратимся к личности генерала В. А. Сухомлинова, занявшего должность военного министра в 1909 г., у которого было все, чтобы наилучшим образом организовать вверенные ему вооруженные силы. Под его началом находились блестящие ученые-теоретики, чьи труды и до наших дней не утратили своей актуальности — с их помощью можно было предусмотреть наиболее оптимальные решения боевых задач и

Развал

избежать многих ошибок, за которые на войне расплачиваются кровью... Но меньше всего его интересовали дела военного ведомства. Скорее дипломат, нежели военный, он умел вкрадчивыми манерами обворожить царя и доложить то, что от него хотели услышать. Шестидесятилетнего генерала более всего интересовало собственное благополучие.

Свою службу на посту военного министра Сухомлинов начал со скандальной истории. Муж его будущей супруги, богатый помещик, не хотел давать развода своей жене и был возмущен тем, что Сухомлинов пытается его определить в сумасшедший дом. Последняя, будучи дамой ловкой, — обвинила своего мужа в прелюбодеянии с жившей в доме гувернанткой-француженкой. Суд, естественно, принял решение этого помещика с женой развести...

Так министр вступил в милую его сердцу семейную жизнь, но вдруг неожиданно из Франции бывшая гувернантка прислала медицинское свидетельство о своей непорочности. Посол Франции обратился в министерство иностранных дел России с соответствующим протестом. В Думе откровенно вознегодовали, газеты в рамках, дозволенных цензурой, откровенно подсмеивались, а в министерстве юстиции на генерала завели дело, которое могло бы обернуться многими неприятностями. Но большой скандал так и не разразился — все компрометирующие документы непостижимым образом исчезли из сейфа министерства. Сухомлинову пришлось потратить немало усилий, чтобы отчистить свой порядком загаженный мундир. Над генералом откровенно потешались, но он, ослепленный чувством к молодой жене, ни на что не обращал внимания, и всеми правдами и неправдами изыскивал средства, чтобы окружить роскошью предмет своей привязанности... Кажется, любовь — благо, но эта любовь военного министра стала причиной неисчислимых несчастий для страны...

Военный министр
В. А. Сухомлинов

Выводы военных историков совпадают со словами тех, кто был свидетелем того, что происходило в русской армии после русско-японской войны. Иван Солоневич (его-то уж никак нельзя заподозрить в измене монархической идее) так характеризовал это явление: «На верхах армии была дыра.

После каждого крупного маневра производились массовые чистки генералитета, военный министр с трибуны парламента расписывался в бездарности командного состава армии. Но что было делать? Самый чин генерала в довоенной России приобрел, с легкой руки Ф. Достоевского, явственно иронический характер. Но — делать было нечего, людей не было и после страшной генеральской чистки, произведенной великим князем Николаем Николаевичем в начале войны, обнаружилось, что на место вычищенных поставить некого. Чистка подняла популярность великого князя в армии — точнее, в ее солдатском составе, но шла война и делать было нечего».

Генерал М. Алексеев был типичным генералом не от инфантерии (от пехоты), не от кавалерии и не от артиллерии, а от бюрократии. Генерал-канцелярист.

Генерал
М. В. Алексеев

Другой генерал — А. Мосолов, придворный дипломатический генерал, пишет о Ставке так: «Окружение царя в ставке производило впечатление тусклости, безволия, апатии и предрешенной примиренности с возможными катастрофами».

И тут же А. Мосолов прибавляет поистине страшный штрих: «Честные люди уходили, и их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе».

Русские войска придерживались традиционного отношения к моральным нормам, отступление от них считалось вредным для успеха на поле боя. Нарушителей немедленно призывали к порядку. Показательно в этом отношении замечание инспектора артиллерии Юго-Западного фронта, сделанное во время Галицийской битвы одному из командиров дивизиона тяжелой артиллерии: «Командир корпуса категорически запре-

тил обстреливание города Ярославля. Вашу стрельбу по башне костела, где предполагался неприятельский наблюдательный пункт, считаю бесцельным вандализмом и показывающим непонимание тактики, так как в Ярославле много крыш, могущих быть наблюдательными пунктами. Тратить на это дело 6-дм бомбы нельзя. Мне стыдно за эту стрельбу и за Вас».

Война не будет войной, если противники не будут прибегать к различного рода хитростям... И, конечно, используется в первую очередь знание привычек, обычаев и веры противника, с тем, чтобы удар нанести более эффективно. О веротерпимости русских известно широко, и этим однажды решил воспользоваться противник.

В католический сочельник 25 октября 1914 г. немцы решили предпринять небольшое наступление. Чтобы усыпить бдительность русских, немецкие самолеты накануне выбросили множество листовок, в которых сообщалось, между прочим, о прекращении артиллерийской стрельбы. Сидевшие в окопах на правом берегу православные сначала так и порешили:

— Оно известно: тоже, как полагается, праздник свой имеют. Что ж им мешать — каждому своя вера дорога!..

Но один из обер-офицеров озабоченно нахмурился и простуженным, охрипшим от командного крика, сырости и холода голосом проворчал:

— Конечно, само собой разумеется — праздник. А все-таки, кто его знает, народ лукавый, примеров тому не искать. Как бы чего не вышло...

И распорядился, чтобы на флангах окопа пулеметы были в полном порядке и люди получили патроны полным комплектом.

За ночь немецкие пантонеры подготовили у берега плоты, которые с рассветом двинулись через студеную реку.

— Ах, нехристи! — изумлялись на правом берегу и осматривали затворы винтовок. — Вот нехристи-то... Сами же заявления кидали, а гляди, что делают! Ладно же!

Развал

Плоты заняли соответствующее положение, и два немецких полка двинулись встречать Рождество, уверенные в своей безопасности. Ведь эти дикие русские, эти сибирские медведи совершенно не знают великого дела войны и не могут разгадать простой военной хитрости!

Немцам позволили дойти до середины реки, а дальше произошло то, чего противник не ожидал. Внезапно ударила русская артиллерия, застрочили пулеметы и дружно захопала винтовки... Более трех тысяч немцев остались в ледяной воде, а кто доплыл до русского берега — попал в плен...

Отступление... Для каждой армии оно трагично. Горлицкий прорыв — одна из самых мрачных страниц для русской армии. Тяжелейшие потери, надломленная психика уцелевших. Русская армия попятилась, но устояла, управление ею не было потеряно. Войска безоговорочно повиновались командирам, но это были уже не те войска, которые встретили войну. Поредевшие взводы, роты, а порой и батальоны вели уже безумные прапорщичьи и подпоручичьи, пришедшие в 1915 г. на место кадровых выбитых офицеров, которых на полк осталось в лучшем случае пять-шесть человек. Но зеленая молодежь, — надо отдать ей должное — вчерашние гимназисты, реалисты, семинаристы с большой отвагой стремились быть такими, как их павшие или искалеченные старшие товарищи.

Не лучшая картина была и среди нижних чинов... В ротах по четыре-шесть солдат старого состава, унтер-офицеры только что вышли из полковых учебных команд. Это была уже другая армия. Генерал А. А. Брусилов точно отразил ее характер: «За годы войны обученная регулярная армия исчезла; ее заменила армия, состоявшая из неучей. Только высокие боевые качества на-

Генерал
А. В. Брусилов

чальствующего персонала, личное самопожертвование и пример начальников могли заставить такие войска сражаться и жертвовать собой во имя любви к родине и славы ее. Более, чем в каких-либо войсках, в данном случае можно было сказать: «Что посеешь, то и пожнешь». Впрочем, в тех жутких контрастах среди солдатских гимнастеров мелькали черные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких своим простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой...

Поражения оскорбили и озлобили армию, виновников не надо было разыскивать, их имена были на устах — придворная камарилья, высший генералитет, оказавший не в состоянии обеспечить войска. Оставшиеся в живых рядовые и офицеры-

фронтовики знали, что до конца исполнили свой долг». В общем-то офицерство знало, что причины поражений на фронте отнюдь не внешнего характера, а больше внутреннего. Дух армии стал падать...

Люди в окопах стали понемногу тяготиться выполнением своего воинского долга. А. М. Василевский, будущий маршал, к лету 1915 г. сменил по собственному желанию рясу священника на погоны прапорщика (он закончил духовную семинарию экстерном) и попал в запасной батальон в одном из городов Ярославской губернии. Он был просто поражен настроениями офицеров, которых там собралось больше сотни. Когда пришло предписание назначить командира маршевой роты: «Собрали всех офицеров, — вспоминал А. М. Василевский, — и предложили всем желающим отправиться на фронт назвать свои фамилии. Я пылал от нетерпения сражаться, но претендовать на столь высокий пост не мог и молча ожидал, что вот сейчас в ответ на предложение поднимется лес рук, а прежде всего со стороны офицеров, ранее прибывших в батальон. К великому моему удивлению, несмотря на неоднократные обращения командира батальона к «господам офицерам», ничего подобного не произошло. В зале воцарилась мертвая тишина. После довольно резких упреков в адрес подчиненных старик полковник сказал: «Вы же офицеры русской армии. Кто же будет защищать родину?» По-прежнему молчание. Со слезами на глазах комбат приказал адъютанту приступить к отбору командира роты путем жребия. Сгорая от стыда за себя и за всех находившихся в зале офицеров, я и еще несколько человек, имевших звание прапорщика, заявили о своей готовности».

Русские продолжали еще драться, но мужество и жертвенность не могли превозмочь реальную силу противника, имевшего лучшее вооружение. Трудно словами передать всю драматичность того положения, в котором оказалась русская армия в кампанию 1915 г. Только часть бойцов, находившаяся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы в свою очередь взять в руки винтовку. Высшие штабы изощрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, чтобы только как-нибудь выкрутиться из положения.

«Так, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии, — вспоминал Н. Н. Головин, ученый-специалист по исследованию нравственных качеств воина, — я помню полученную в августе 1915 г. телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки. Предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии. Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий, генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести «алебардистов» только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась русская армия в кампанию 1915 г.».

Не последнюю роль в падении воинского духа сыграла развернувшаяся кампания борьбы со шпионами в высших сферах России, когда был обвинен в

Развал

государственной измене и злоупотреблениях никто иной, как сам военный министр. Чем труднее было положение на фронтах, тем громче раздавался крик «Лови шпионов!» Вся Россия ждала процесса над Сухомлиновым, который приподнял бы занавес над ужасами, творившимися в Петрограде. Слишком поздно при дворе сообразили, что этот процесс прежде всего ударит по самодержавию, чего, впрочем, и добивались противники монархии. Сухомлинов предстал перед военно-полевым судом во избежание гласности. В конце концов дело закончилось тем, что бывший министр был выпущен на свободу под расписку о невыезде. Крики недовольных стали еще громче: как же, «немцы» добились своего — «изменник» на свободе!

В литературе можно встретить мнение, что Николай II искренне старался вывести Россию в будущее могучим государством. В этой искренности нет основания сомневаться, но вот это его намерение проводилось в жизнь негодными способами. В 1905 г. вера в доброту царя исчезла у городских и промышленных рабочих. 8 июля 1906 г., когда была разогнана 1-я Дума, рассматривавшая вопрос о земельной реформе, вера в царя была разрушена и у крестьян — он более не стал «носителем народной правды». Николай Романов умудрился потерять связь с армией и духовенством, не говоря о том, что интеллигенция и деловой мир были настроены к нему резко отрицательно. Царя поддерживала лишь кучка крайних реакционеров и прожженных карьеристов. В конечном итоге уже в 1915 г. в классической формуле «За Бога, Царя и Отечество» места для царя уже не стало.

В 1916 г. налицо явилось разложение воинского духа — на фронте возникло нечто новое для русской армии — так называемое «братание». Представьте себе, что противники находятся друг от друга в нескольких десятках шагов. Их разделяют две небольшие насыпи окопов с проделанными в них бойницами, да перед окопами несколько рядов перепутанной колючей проволоки. Посредине, между проволоками, как бы нейтральный промежуток, который при попытке атаки одной из сторон превращается в поле смерти и страданий...

«Но это лишь в относительно редких случаях боевых действий, — вспоминал генерал от инфантерии, георгиевский кавалер Ю. Н. Данилов. — В обыкновенное время пространство между проволокою — своею и чужою — пусто и безмолвно. Изредка щелкают пули, неизвестно кем и куда выпускаемые. Скучно, хотя бы какое-нибудь развлечение...

И вдруг из немецкого окопа высовывается на штыке или палке белый платок или полотенце.

— Гляди-ка! — перешептываются между собою очередные наблюдатели. — Чтой-то он хочет нам сказать?! Поглядим, что будет дальше...

За одним белым флагом появляется другой, третий, затем из неприятельского окопа выскакивают отдельные смельчаки: они усиленно дымят своими папиросами, жестами подчеркивают, что вышли без оружия и приглашают наших приблизиться.

Офицер в своей землянке: настроение от долгого сидения в окопе вялое, воевать прискучило... Берет любопытство, а если тут же окажется тронутый пропагандой, то дело братания налаживается быстро.

Страница из
журнала
«Летопись войны
1914-15-16 гг.»
от 27 августа
1916 г.

АБЮЩИСЬ ВОЙНЫ

Его Императорское Величество Государь Императорь
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

23-го августа 1916 исполнился годъ Верховнаго Командованія
Государя Императора всеми сухопутными и морскими
вооруженными силами.

Я. Лев.

Развал

— Стреляем друг в друга уже третий год, пора бы и прикончить.

На нейтральной полосе между окопами завязывается оригинальное знакомство. Сблизившиеся люди пожимают друг другу руки, обмениваются непонятными словами, газетами, папиросами, а иногда и бутылкой спирта или другого напитка. С нашей стороны наиболее смелые, влекомые тем же любопытством, заглядывают в чужие окопы и рассказывают потом чудеса о жисте-бытье немецких солдат.

— Не то, что у нас... — говорят они.

— Назад, прикажу стрелять... — с волнением кричит запыхавшийся офицер из окопа.

И кучки быстро разбегаются в разные стороны... Снова мертвая тишина, будто ничего и не было. Только нарастает накипь раздражения против офицера, превратившего занимательную встречу...

Так это дело братания повелось у нас на фронте уже с Пасхи 1916 г. Потом шло, все усиливаясь».

В 1916 г. сохранилось сравнительно бодрое настроение только у солдат Юго-Западного фронта, где еще сказывалось влияние успешных летних боев. У солдат-окопников Западного фронта, понесших из-за бесталанного руководства огромные, а главное, бессмысленные потери, царил подавленность и недовольство. Здесь каждый солдат размышлял над мучительными вопросами: «К чему все это? Кому нужны наши страдания и гибель?» И, не находя на них ответа, настороженно чего-то ожидал...

Уже не подступах к фронту и на конечных станциях можно было наблюдать митинги, главным образом, среди офицеров, возвращающихся из тыловых госпиталей:

— Когда же, наконец, наша Родина избавится от всей мути, подлости и грязи, и мы сможем победоносно завершить войну!

И все сходились на одном — пора кончать с этой ненужной для народа бойней.

Большой резонанс настроений среди офицеров вызывала деятельность «святого старца» Григория Распутина, имевшего по воле случая почти неограниченное влияние на царскую семью. Нередко по его просьбе происходили назначения на высшие государственные посты.

Возмущение нарастало. Петроград клокотал. Среди членов Думы и видных генералов зарождались заговоры против царя.

В 1915 г. армейские офицеры организовали серию абсолютно бесперспективных заговоров с целью избавить Россию от царя. В одном из них, например, принимал участие известный военный летчик капитан Костенко, который намеревался спикировать на своем самолете на автомобиль императора, когда тот прибудет на фронт, лишив тем самым жизни его и себя. Два других офицера (один из них капитан инженерных войск Муравьев, впоследствии «герой» гражданской войны) пытались организовать засаду и взять царя в плен, когда тот намеревался прибыть с инспекцией на фронт. Даже солдаты были за падение монархии, ибо считали виновницей всех бед «немку из Царского Села».

Появление на свет печально известного «приказа № 1» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов произвел на солдат впечатление разорвавшейся бомбы. Если солдаты почувствовали себя свободными гражданами, то офицеры были очень сильно ограничены в своих правах и дисциплинарной власти.

Приказ разрешал солдатам заниматься политической деятельностью, но, правда, вне службы. Русские офицеры, и не без основания, считали, что германский Генеральный штаб не пожалел золота на создание этого приказа — может быть, его породила и глупость, но результат был налицо: резкое падение дисциплины в войсках.

Некоторый свет на появление пресловутого приказа проливает в своих мемуарах П. Н. Милюков, игравший видную роль в Государственной думе:

«Одновременно с дипломатической стороны циммервальдского лозунга большевики-циммервальдцы не забывали и военной («убить войну») и даже посвятили ей особое внимание... Органом пропаганды служила тогда большевистская газета «Правда», распространявшаяся в большом количестве экземпляров. Уже в начале марта Петербургский комитет большевиков рекомендовал Совету принять меры к «свободному доступу на фронт и ближайший его тыл для преобразования фронта «наших партийных агитаторов» с «призывом к братанию на фронте». 12 марта в «контактной комиссии» царил Стеклов, он требовал «не приводить к опубликованной правительством присяге, — на что правительство ответило отказом. Это не помешало ему в каждом заседании «контактной комиссии» выкладывать целый ряд жалоб из армии на неподготовленность командного состава к усвоению начал нового строя и к соответственным отношениям к солдату. Он даже потребовал объявить вне закона «мятежных генералов, не желающих подчиниться воле русского народа», и права для «всякого офицера, солдата и гражданина убивать их». Мне приходилось одному отбиваться от подобных выходов, так как Гучков, к большому раздражению депутатов Совета, просто не показывался в этой комиссии. Циммервальдцы, конечно, скоро нашли другие пути к проникновению в армию своих пропагандистов, и уже 1 апреля генерал Алексеев жаловался: «Ряд перебежчиков показывает, что германцы и австрийцы надеются, что различные организации внутри России, мешающие в настоящее время работе Временного правительства... деморализуют русскую армию». Наконец... появилась в печати «Декларация прав солдата», забившая, по выражению генерала Алексеева, последний гвоздь в гроб русской армии. Солдатская секция, составившая этот проект, выдала его за решение Совета рабочих и солдатских депутатов, и Гучков передал его в комиссию генерала Поливанова, которая санкционировала его через полтора месяца, когда все содержание декларации уже было осуществлено фактически. «Гибельный лозунг: мир на фронте и война в стране», по выражению Гучкова, уже привел тогда «отечество на край гибели».

Кстати, немецкий генерал Людендорф свидетельствовал: «Если бы русские атаковали нас хотя бы с небольшим успехом в апреле и мае 1917 г., борьба бы была для нас необычайно трудной... Представляя себе, что русские успехи

Развал

в июле имели бы место в апреле и мае, я не знаю, как справилось бы Верховное командование с положением... Только русская революция спасла нас в апреле и мае 1917 г. от тяжелого положения».

С. В. Милицын в записках «Из моей тетради» весьма точно подметил особенности агитации в войсках эсеров и большевиков, которая во всю развернулась после появления на свет «Приказа № 1»: «Замечаю, что среди наших (Имеется в виду Преображенский полк — А. Г.) социалисты, революционеры ведут агитацию, но пока успеха не имеют. Осторожны до трусливости, таинственны и очень туманны в своих планах. Все хотят дать понять, что они знают какой-то секрет народного счастья, которого у большевиков нет. Все дело только в том, что нужно всецело довериться им, социалистам-революционерам. А большевики плюют на всякие секреты и таинственности и говорят солдату: бери все, что хочешь. И землю, и мир, и хлеб, а по пути и все, что понравится, по душе придется. Конечно, для заурядного солдата такая пропаганда ближе и понятнее».

Лейтенант флота, автор «Записок белогвардейца», имя которого осталось, к сожалению, неизвестным, так показывает истоки белого движения:

«Офицерство, начиная с командующих и кончая самыми молодыми офицерами, почти без исключения подчинились совершившемуся перевороту, понимая, что всякий раздор или несогласие, выявленные в его рядах, будет иметь самое пагубное влияние на фронт. Это, конечно, понималось и многими другими, но боязнь, что революция от этого может пострадать, недостаточно углубиться, заставляла русских партийных деятелей, выросших преимущественно за границей и чуждых русскому народу, — решить, что революция выше фронтовых дел, почему все внимание и было направлено на укрепление позиций лелеянных нами идеалов. О разлагавших родину со специальными намерениями нечего и упоминать. Благодаря этому, получилось совершенно недопустимое положение: все офицерство упорно оставалось на фронте и своих местах, в тылу же толпы разнузданных солдат расправлялись с их товарищами, а крестьяне оскорбляли и грабили их родных, всячески издеваясь над ними. Положение офицерства вследствие этого становилось подчас невозможным. При этом негде было искать защиты, ибо зачастую власть в лице комитетов была источником всего этого, но долг перед родиной, как он понимался большинством, заставлял все с горечью переносить. Это бывало иногда поистине трагедией! И в итоге, на душе у офицеров накапливалась злоба против революционных масс и против правительства, играющего, как иногда казалось, двойную игру, и против комитетов, поощрявших это, злоба, обострявшаяся еще тем, что ясно было, что все идет к разрушению, что родина гибнет».

После неудачного выступления Корнилова гражданская война стала неизбежной. Когда Ригу заняли немцы, фронт практически уже не существовал, и война, объединяющая офицерство, преданное своему долгу и присяге, по существу была кончена. Белое движение началось практически стихийно — все потянулись на Дон, где положение было более стабильным. К этому времени, большевики, взявшие власть, сумели оттолкнуть от себя и чиновничество.

Фотография из
журнала
«Летопись войны
1914-15-16 гг.»
от 27 августа
1916 г.

Развал

А. Ф. Керенский во Временном правительстве возглавил армию и флот — можно только подивиться самолюбию человека, взявшегося руководить вооруженными силами и совершенно не разбиравшегося в военном деле. Очень точную характеристику новоявленного «полководца» дал П. Н. Краснов:

«Керенский, взявши на себя управление армией, на первых же шагах своей деятельности запутался до крайности. 30 августа его начальник штаба генерал Алексеев подтвердил мое назначение на пост командующего III конным корпусом, Керенский одобрил это, отдавая мне приказания, а 9 го сентября, не сменяя меня, допустил к командованию тем же корпусом начальника 7-й кавалерийской дивизии барона Врангеля.

Растерянный, истеричный, ничего не понимающий в военном деле, не знающий личного состава войск, не имеющий никаких связей и в то же время не любящий с кем бы то ни было советоваться, Керенский кидался к тем, кто к нему приходил. Врангель случайно приехал в эту минуту в Ставку. Керенский знал, что Крымов застрелился, что корпус в Петрограде и предложил Врангелю корпус, не думая обо мне. Меня это только развязывало. Я подал решительно в отставку. Но тут вязались в дело казачьи комитеты. Они уже почуяли власть, притом в Донской дивизии я был любим, а Уссурийская начала любить меня — комитеты явились к Керенскому и потребовали, чтобы я остался командиром корпуса, потому что я казак и корпус казачий, а барон Врангель немец, и меня оставили, а Врангелю стали искать другой корпус, чтобы он не обиделся».

Если в Москве и Петрограде в воинских частях бушевали политические страсти, то на окраинах России было относительно спокойно, в войсках поддерживались дисциплина и вера. После короткого периода тревоги в настроениях в местных гарнизонах (имеется в виду пресловутый приказ № 1), личный состав был приведен к присяге новому правительству.

Разложение затронуло и казачьи войска, которые отличались своей надежностью. «Я помню, — писал генерал П. Н. Краснов, — что когда меня спросили, как я смотрю на переход в наступление революционными войсками, с комитетами во главе. Я ответил, что, как русский человек, я очень хотел бы, чтобы оно завершилось победою, но, как военному, сорок лет верившему в неизблемость принципов военной науки, мне будет слишком больно сознавать, что я сорок лет ошибался.

Как только казаки дивизии соприкоснулись с тылом, начались митинги с вынесением самых диких резолюций. Например, требовали разделить суммы, хранящиеся в денежном ящике (16-й Донской полк), выдать в постоянную носку обмундирование 1-го срока, с великими трудами заготовленное для 1918 г. (почти все полки), требовали, чтобы офицеры, приходя на учение, здоровались с каждым казаком за руку (1-й Волжский полк), увеличения числа отпускных казаков. Все эти требования отклонялись, но казаки стали сами проводить их в жизнь. 16-й Донской казачий полк разобрал цеховые цейхгаузы и нарядился во все новое, когда и старое было хорошо. Примеру их частично последовали и другие полки. Казаки перестали чистить и регулярно кор-

мать лошадей. Масса в четыре с лишним тысячи людей, большинство в возрасте от 21 до 30 лет, т. е. крепких, сильных и здоровых, притом не втянутых в ежедневную тяжелую работу, болтались целыми днями без всякого дела, начинали пьянствовать и безобразничать. Казаки украсились алыми бантами, нарядились в красные ленты и ни о каком уважении к офицерам не хотели и слышать. — Мы сами такие же, как офицеры, — говорили они, — не хуже их.

Потребовать и восстановить дисциплину было невозможно. Все знали, — потому, что многие казаки были этому очевидцами, — что пехота, шедшая на смену кавалерии, шла с громадными скандалами. Солдаты расстреляли на воздух все данные им патроны, а ящики в патронами побросали в реку Стырь, заявивши, что воевать они не желают и не будут. Один полк был застигнут праздником Святой Пасхи на походе. Солдаты потребовали, чтобы им было устроено разговение, даны яйца и куличи. Ротные и полковой комитет бросились по деревням искать яйца и муку, но в разоренном войною Полесье ничего не нашли. Тогда солдаты постановили расстрелять командира полка за недостаточную к ним заботливость. Командира полка поставили у дерева и целая рота явилась его расстреливать. Он стоял на коленях перед солдатами, клялся и божился, что он употребит все усилия, чтобы достать разговение, и ценою страшного унижения и оскорблений выторговал себе жизнь. Все это осталось безнаказанным и казаки это знали».

Временное правительство попыталось исправить положение, издав приказ за подписью военного и морского министра А. Ф. Керенского № 8 от 11 мая 1917 г., известный как «Декларация прав солдата» (положение об основных правах военнослужащих). Солдаты и матросы называли ее «декларацией бесправия», поскольку видели в ней попытку возрождения дисциплины старой армии. Она отменяла то, что раньше было закреплено в приказах «№ 1» и «№ 2» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Приказ № 8 уже давал начальникам право в боевой обстановке применять вооруженную силу против подчиненных, запрещал выборность командного состава; назначение или смещение с должности начальников всех степеней вновь стало исключительным правом старших начальников. Эта «Декларация» стала причиной многих митингов протеста среди солдат и матросов.

Вместе с тем «Декларация прав солдата» устанавливала за каждым военнослужащим право «быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза». Каждый солдат теперь мог открыто высказывать и исповедовать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и другие взгляды.

Рождение этого приказа лишний раз подтверждает истину, что армией не должны командовать люди, не имеющие военных знаний и опыта. «Декларация» по существу заполитизировала армию и в значительной степени способствовала ее дальнейшему разложению. Так в пункте 4 говорилось: «Все военнослужащие пользуются свободой совести, а потому никто не может быть преследуем за исповедуемое им верование и принуждаем к присутствию при

Развал

богослужениях и совершении религиозных обрядов какого-либо вероисповедания. Участие в общей молитве не обязательно».

Результаты этого ловкого решения не замедлили сказаться на падении нравственности. Посещение церкви воинами резко сократилось, о чем свидетельствуют следующие данные — количество причащающихся сократилось с почти 100% в 1916 г. до 10% и ниже в 1917 г.

В литературе можно встретить мнение офицеров бывшей российской армии, что «одиннадцать строчек пресловутого приказа № 1 превратили офицерский корпус в ничто». Это не совсем так — не последнюю роль в развенчании образа русского офицера сыграла литература. На протяжении четверти века, предшествующие революции 1917 года, именно она исподволь формировала в обществе мнение об офицере, как фонфароне, трусе и пр. В самом деле, в театре объектом для насмешек был образ грибоедовского Скалозуба, у Гоголя одиозной фигурой стал генерал Бетрищев. Не остался в стороне и Лев Толстой, в произведениях которого генералы храбры только с виду, а в душе трусы. Да и Александр Куприн тоже постарался в своем «Поединке» показать жизнь офицерства «изнутри». Нельзя отрицать, что в армии служат люди разных нравственных качеств, но если сосредоточить внимание только на отрицательных явлениях — то и результат труда будет отрицательным.

Николай Дмитриевич Телешов в своих «Записках писателя» достаточно ярко представил образец типичной антиофицерской пропаганды, кажущейся с виду сначала безобидной, но со временем давшей ядовитые плоды:

«На балконе стоит, подергивая плечами, пышная молодуха и на высоких нотах докладывает о том, как она, влюбясь в офицера, купила огромную восковую свечку и пошла с нею помолиться; и вот о чем ее моление:

Ты гори, гори, пудовая свеча.

Ты помри, помри, офицера жена.

Тогда буду я офицершею,

Мои детки — офицеряточки!

И на легком морозце горланит она эту бесстыдную песню, одетая поверх шубы в белый сарафан с расписными рукавами и цветным шитьем на груди, в красном кокошнике на голове. Она весело приплясывает, стоя на одном месте, и разводит руками, заинтриговывая публику своим офицерским романом».

Кроме вышесказанного, существовала и еще одна причина, повлиявшая на отношение народа к армии — это мундир. Да, да — мундир! Так уж случилось, что ношение его стало прерогативой людей, которые даже и не служили в армии. Еще в XVIII в. военный мундир надевали детям знатных вельмож, которые продвигались в чинах, гарцуя в своем доме на деревянных лошадаках. Позже военный мундир и даже генеральское звание перестали показывать принадлежность к вооруженным силам или воинскому ремеслу. Военные мундиры стали носить члены государственного совета, послы, сенаторы, почетные опекуны, министры различных ведомств, их товарищи, генерал-губернаторы, градоначальники, полицмейстеры, чины военно-народного управления на окраинах страны и так далее — все они, за редким исключением, никакого отно-

шения к вооруженным силам не имели. В солидной книжке с перечнем генералов лишь небольшое их число несло строевую службу в армии. Но, пожалуй, самое любопытное состояло в том, что те, кто был непосредственно в армии, значительно отставали в чинах и окладах от тех, кто не был на строевой службе. При таком раскладе вещей, надо полагать, что одаренные военнoслужашщие старались при первой возможности уйти из армии.

Следует сказать, что в Российской империи было вполне обычным делом назначение генералов и адмиралов на посты министров внутренних дел, финансов, путей сообщения, народного просвещения, государственного контролера. Посты послов в Константинополе, Париже, Лондоне и Берлине, как правило, занимались генералами. На каждом собрании высших сановников можно было видеть многочисленные мундиры военного и морского ведомств. Мундир оказался притягательным и для других ведомств. И вот здесь наиболее отличилось министерство внутренних дел, которое внедрило форму одежды для исправников, становых, околоточных и даже городских, не отличающуюся от офицерской. Дело дошло до того, что нижние чины армии и флота не представляли себе, кому отдавать честь?

Кстати, форма Советской Армии была долгое время популярна в народе. С развалом бывшего СССР массовое явление приобрело выступление артистов на сцене в военной форме — в форме, в которой умирали за Родину их деды и отцы...

Офицер или рядовой — каждый ждет внимания за хорошо выполненное дело, а уж за подвиг — получи награду — так уж истари повелось в русской армии. Но вот с наградами было далеко не благополучно в войсках России. Донской казак, первый георгиевский кавалер-летчик Вячеслав Ткачев так пишет о награждениях:

Фотография из
журнала
«Летопись войны
1914-15-16 гг.»
от 27 августа
1916 г.

Развал

«На пути в Севастополь, во время длительной остановки поезда на станции Казатин, я пошел в буфет, чтобы закусить.

Огромное помещение было заполнено офицерами, преимущественно молодыми. Подыскивая свободное место, я невольно ощутил на себе пристальные взгляды многих из присутствующих.

«В чем дело?» — удивился я, быстро оглядывая себя.

В моей одежде все было нормально. Свободное место было найдено. Я сел и сделал заказ официанту. Недалеко от меня, за большим столом располагалась оживленная компания офицеров. Они о чем-то договаривались... Потом вижу, на их столе появились бутылки шампанского. Налили бокалы... Один из этой компании встал и, держа в правой руке бокал с искристой влагой, стал громко, стараясь заглушить общий шум, произносить речь:

— Господа, война, участниками которой являемся все мы — все здесь присутствующие, длится уже полгода и все это время мы видели скромный, но много говорящий всем нам, офицерам, белый эмалевый крест только на груди генералов, а вот сегодня, наконец, перед нашими глазами появился впервые обер-офицер, кавалер этой высокой почетной награды — оратор поклонился в мою сторону. — Будьте здоровы, капитан!

Мне поднесли бокал, наполненный шампанским, и я невольно на несколько минут стал центром этой оригинальной обер-офицерской демонстрации, выражавшей не только поздравления в мой адрес, но и протест против существовавшей системы вручения самой высокой офицерской боевой награды.

Этот протест был естественен и справедлив.

Уже в конце августа 1914 г. (т. е. еще до окончания Галицийской битвы) в Жолкиев из Петрограда приезжал фельдгерер и привез генералу Рузскому, командующему 3-й армией, пожалованные ему за Львовскую операцию (21.VIII) ордена св. Георгия 4-й и 3-й степеней. А вот о рядовых и истинных героях фронта, о младших офицерах, жертвовавших чуть ли не каждый день своей жизнью, вспомнили только в ноябре, когда приказом по армиям Юго-Западного фронта (8/XI—1914 г., за № 235) была основана первая Георгиевская кавалерская Дума. Эта дума рассматривала и мое представление за 12.VIII, после чего я и был награжден (приказ от 24/XI—1914 г.). Представление же к награде нашего народного героя, Петра Николаевича Нестерова, за его бессмертный подвиг 25 августа 1914 г. попало, как видно, уже на второе заседание Георгиевской Думы, и он получил орден св. Георгия лишь приказом по армиям Юго-Западного фронта от 25 января 1915 г. за № 109. И если так запоздало награждение за подвиг, то что же делалось с представлениями на офицеров земных войск?»

Не представляется случайным, что после октябрьских событий, не разделяя взгляды большевиков на будущее России, стоя на позиции политического нейтралитета, огромные массы русского офицерства готовы были разделить судьбу Отечества. «Вынужденный денщиком, воспитанный в кадетском корпусе задаром или на медные деньги, — писал Ф. Степун, — с ранних лет впитавший в себя впечатления вечной нужды многоголовой штабс-офицерской семьи, кадровый офицер, несмотря на свое чисто стилистическое пристрастие к

рукоприкладству и крепкому поминанию, зачастую много легче, проще и ближе подходил к солдату, к народу, чем многие радикальные интеллигенты».

Боевало русское офицерство, за немногим исключением, честно и храбро, многие доблестно, разделяя с солдатами тяготы военного времени.

Призывы Временного правительства к войне до «победного конца» русское офицерство в целом воспринимало без всякого воодушевления, весьма критически и повиновалось приказам в силу военной дисциплины и верности присяге. Вместе с солдатами, и никак не меньше их, оно ждало победы и стремилось к миру. И казалось, что победа уже не за горами и близок час возвращения к мирным занятиям... И вот этот час, — как заметил Степун, — был у него украден большевиками... Долгожданный мир восходил над Россией не святым, а кощунственным, не в благообразии, а в безобразии, ведя за своей позорной колесницей со связанными за спиной руками, оплеванными и избитыми, тех самых принявших революцию офицеров, которые, многократно раненые, возвращались на фронт, чтобы защитить Россию и честь своего мира. Все это делает вполне понятным, почему честное и уважающее себя офицерство психологически должно было с головой уйти в белое движение. Но это делает понятным и то, почему уход офицеров в белое движение вполне не мог быть и чаще всего не был уходом в движение контрреволюционное».

Веками в русском офицерстве формировалась определенная психология — оно знало во время войны, где была правда, а где ложь, где противник, а где свои. Защита Отечества — прямой долг офицера, к этому зывала его совесть, история Отечества, воинская честь.

Гражданская война, в которой не была определена правда противоборствующих сторон, (брат шел на брата, сын на отца и т. д.), разрушила ясность мировоззрения офицеров. В обстановке, когда были размыты понятия о добре и зле, не просматривались истины, а вместо них царили заблуждения и хаос, каждому самостоятельно очень трудно было сделать выбор: с кем он. В конечном счете, правильный шаг многие так и не смогли осуществить.

Последний протопресвитер

В судьбе последнего протопресвитера военного духовенства отца Георгия Ивановича Шавельского — человека незаурядного, как в зеркале отразились история монархии, военного духовенства, российской армии, гражданской войны, эмиграции... Потомственный священнослужитель, он проделал с точки зрения обывателя Российской империи головокружительную карьеру — от священника небольшого городка до протопресвитера, звания, приравнивавшегося к архиерейскому — высшему духовному званию, которое мог заслужить белый священник, и стать особой, приближенной к императорскому трону... Это стало возможно только благодаря выдающимся знаниям, безукоризненно нравственному поведению и сосредоточению всех духовных и жизненных сил на созидательную доброту.

Георгий Иванович Шавельский родился 6 января 1871 г. в семье священника. Воспитывался в Витебской духовной семинарии, закончив ее по первому разряду со званием студента. Затем служил псаломщиком и законоучителем в училище. Был женат, но рано овдовел. В 1902 г. окончил Петроградскую духовную академию и одновременно был удостоен степени кандидата богословия, после чего получил назначение в Суворовско-Кончанскую церковь при академии Генерального штаба.

Постоянное общение с высокообразованными военными специалистами и доступ к одной из прекраснейших библиотек позволили отцу Георгию самостоятельно изучить военную историю и особенности воинского воспитания. Его девизом стало — «Церковь и наука!». «Многие наши беды проистекают именно от незнания собственной истории, в которой хранится мудрость веков,» — к такому выводу пришел Шавельский. В своих воспоминаниях он так отзывался о пользе исторической науки: «В истории человечество как будто тем и занимается, что потомки постоянно повторяют ошибки предков. И одной из самых главных причин этого служит небрежное отношение к урокам истории. Если бы деятели в своих мероприятиях и начинаниях руковод-

ствовались историей, считались с прецедентами и их последствиями, было бы предупреждено множество всегда напрасных, иногда — роковых ошибок».

На первом году службы в академии Генерального штаба судьба свела отца Георгия с царем, когда 8 марта 1903 г. император посетил мемориальную церковь-музей А. В. Суворова. Его величество осмотрел достопримечательности, обратил внимание на плиту с могилы полководца с надписью «Здесь лежит Суворов» — в 1900 г. она была заменена на другую, с указанием всех его титулов.

— Напрасно сменяли, этак лучше было! — высказался царь.

Отец Георгий был очарован встречей с государем и уж никак не мог предполагать, что через несколько лет он будет близок к трону.

Служба в мемориальной церкви-музее дала возможность отцу Георгию познакомиться с трудами военных теоретиков и их авторами, и судя по всему, именно тогда он заинтересовался вопросом о роли и месте священника на войне. И когда стало известно о войне с Японией, отец Георгий решил отправиться на театр военных действий. 27 января 1905 г. во время торжественного молебна в Зимнем дворце начальник академии отпустил отца Георгия на войну, взяв с него слово непременно вернуться в Суворовскую церковь.

В тот же день состоялось назначение отца Георгия Шавельского священником 33-го Восточного Сибирского стрелкового полка и благочинным 9-й Восточной Сибирской дивизии. И вот здесь он столкнулся в том, что в военном управлении духовенством нет каких-либо документов или инструкций, которые бы регламентировали работу священника на войне. Более того, оказалось, что и руководитель ведомства протопресвитер о. Александр Александрович Желобовский (Надо сказать, он был в преклонном возрасте. — А. Г.) имел довольно смутное представление о деятельности священника на поле брани. При встрече с отцом Александром Шавельский получил такое напутствие: «Запаситесь чесучевым нижним бельем, а то, говорят, вошь может заесть».

По воспоминаниям современников «у отца Шавельского не было бога кроме Бога». Вся свою работу он строил именно на принципах, вытекающих из Евангельского учения — вероятно, в этом ровном и справедливом отношении к людям, в его доброте и справедливости следует искать секрет притягательности людей к нему. Отец Георгий очень трезво оценивал события, которые происходили в России, — для рядового священника его рассуждения могли показаться крамольными: если царь пожелал иметь Россию, как собственную вотчину, то этого Бог не простит, и если Вера и должна подчиняться, то пусть это будет Отечество, но не царские временщики.

Поведение отца Георгия на поле брани было выше всяких похвал — об этом свидетельствуют боевые награды, полученные им за участие в русско-японской войне. 20 октября 1904 г. отец Георгий получил орден св. Анны 3-й степени с мечами, 14 марта 1905 г. — орден св. Владимира 4-й степени с мечами, наперсный золотой крест на Георгиевской ленте — высшую награду для военного священника — он получил 28 мая 1905 г.. Орденом св. Анны 2-й степени он был награжден 27 ноября 1905 г.. Заметно продвижение отца

Последний протопресвитер

Георгия и по должности — 7 декабря 1904 г. отец Георгий был назначен Главным полевым священником 1-й Манчжурской армии, а в 1905 г. был возведен в сан протоиерея.

Отец Георгий лично участвовал в пяти сражениях и был контужен под Лаояном. Трудности военных дорог он переносил наравне с офицерами и рядовыми воинами, и доброе его сердце, как и двери дома, были открыты для всех...

Сохранились воспоминания одного из офицеров об условиях, в которых служил отец Георгий: «Во время отступления после битвы под Вафангоу, когда измученные воинские части смешались, отступая без определенного плана и порядка, его высокопреподобие ехал верхом на коне, полил сильный дождь. «Надо быть в Манчжурии, — заметил протопресвитер своему собеседнику, — чтобы иметь представление о тех ливнях, которые были настоящим бичом для нас, русских, не привыкших ни к чему подобному у себя на родине. Мокрый, усталый, разбитый после целодневного перехода, я дал церковному своему повести под уздцы лошадь, а сам хотел немного пройтись, поразмять окоченевшие члены... Как вдруг оглядываюсь — и не вижу церковника, который, как оказалось, тем временем сел на лошадь и уехал, оставив меня одного среди неизвестной мне дороги. Долго я брел в смешанной толпе, пока добрались мы до какой-то деревни. Тут-то я почувствовал, что силы совсем оставляют меня. Увидев стоящую около дома телегу, как был весь мокрый, так и лег под нее, чтобы хоть немного защититься от проливного дождя. Конечно, я тотчас заснул, как убитый, и только потом, проснувшись, заметил, что под телегой стояла лужа воды. Как видите, — закончил отец Георгий свой рассказ, — не только у сухопутных офицеров, даже у нас, военных священников, бывают тяжелые служебные положения и очень неприятные минуты».

В войнах, предшествующих первой мировой, русское военное духовенство несло службу без какого-либо предварительного плана. Каждый священник действовал по мере способности и собственного разума. Единственный документ, которым руководствовался он на войне, было «Положение об управлении войск в военное время», однако обязанности для военных священников в нем предусмотрены не были. Когда однажды отец Георгий обратился к руководителю своего ведомства с просьбой помочь в решении некоторых вопросов, то в ответ получил письмо следующего содержания:

«Досточтимый о. Георгий Иванович. Император Николай Павлович однажды сказал: доколе у меня есть Филарет Мудрый (митрополит Московский, Дроздов) и Филарет Милостивый (митрополит Киевский, Амфитеатров), я за церковь спокоен. Так и я скажу: доколе у меня главные священники отец Георгий Шавельский и Александр Туровский, я за армию спокоен. Ваш доброжелатель протопресвитер Александр Желобовский».

Сначала обидным показалось для отца Георгия это письмо — но, с другой стороны, вера в него отца Александра заставляла самого искать выход из положения, а главное, у него были развязаны руки — можно было действовать самостоятельно. Эта предоставленная судьбой самостоятельность, безусловно, оказала большое влияние на всю его последующую деятельность. Он понял одно — нужно уметь работать с теми людьми, которые его окружа-

Г. И. Шавельский

ют, с такими, какие они есть... А они очень разные, и только кропотливой и целеустремленной работой, в которой он не имеет права на личное, представляющей по своей сути подвижнический путь, и можно преодолеть разделенность внутренних миров воинов...

22 апреля 1911 г. отец Георгий Шавельский был назначен, неожиданно для самого себя, протопресвитером военного и морского духовенства. Это назначение тепло встретили как военные священники, так и воины армии и флота. По существующему положению ему было нужно представиться императору, который становился практически его единственным начальником.

Встреча с царем состоялась 5 июня 1911 г. и была для отца Георгия многообещающей. В тот день его представили и государыне Александре Федоровне. Отец Георгий в заключение встречи произнес:

— Я, ваше величество, не дипломат и смотрю на дело прямо: все окружающие государя должны помнить, что он человек и может ошибаться. Поэтому их долг предохранять своего Государя от ошибок и для этого говорить ему правду не только тогда, когда она ему приятна, но и тогда, когда она неприятна.

— Если бы все так рассуждали, как рассуждаете вы, — ответила царица. — А то у нас каждый думает только о себе и о своей личной выгоде, а не о Государе и благе Родины».

Одна любопытная подробность биографии протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского — он был первым из русских священников, совершившим полет на самолете. Это был безусловно мужественный поступок, если учесть, что авиационная техника того времени была крайне ненадежна, да и парашютов еще не было. Вот что об этом событии рассказал в своих воспоминаниях сам отец Георгий:

«В Севастополь пароход прибыл 22 сентября (1911 г. — А. Г.), под вечер. На пристани меня встретили вместе с духовенством морские и военные начальники и между последними начальник военной воздухоплавательной школы полковник Генерального штаба Сергей Одинцов, окончивший курс академии в 1902 г., мой знакомый.

— Вы, отец протопресвитер, должны посетить мою школу и благословить моих летчиков...

На следующий день в назначенный час я был на аэродроме. Там меня встретили все воздухоплаватели с начальником школы во главе. Поздоровавшись со всеми, я сказал несколько слов обучающимся в школе, пожелав им Божьих благословений и помощи в их новом деле. В воздухе стояла полная тишина. Солнышко нежно светило. Ко мне обратился с просьбой капитан Саперного батальона Л. Г. (Очевидно, Лактионов Георгий. — А. Г.) пролететь с ним. Я без колебаний согласился. Мы сделали несколько кругов на высоте 300–400 м. Все были довольны. (Риск безусловно был — поскольку Лак-

Последний протопресвитер

тионов еще не имел звания военного летчика. — А. Г.). Теперь мой поступок никому не может казаться легкомысленным или странным — летают же теперь на аэропланах и митрополиты, и патриархи. Как же я, благословлявший летчиков на работу, мог отказаться от полета с ними? Мой отказ могли принять за трусость. И тем не менее мой полет вызвал осуждение в кругах духовенства».

Протопресвитеру приходилось общаться с самым широким кругом лиц — от царя до рядового матроса и солдата. Но как вести себя с министрами? И здесь отец Георгий находит достойный выход из положения. Представляясь морскому министру адмиралу И. К. Григоровичу, он честно признался, что о корабельной жизни и службе имеет смутное представление. Тот был тронут искренностью протопресвитера и дал ему возможность совершить поход на борту учебного судна «Океан», что очень помогло отцу Георгию в дальнейшем при работе с судовыми священниками.

Началась первая мировая война... Отец Георгий в самой гуще событий, и главная задача: где взять священников, в которых армия остро стала нуждаться. Много энергии отнимали у отца Георгия разбирательства с епархиальными властями, от которых зависел приток священников в его ведомство. Протопресвитер тщательно знакомился со всеми присылаемыми на должности военных священников кандидатами. Так в 1915 г. Полоцкое епархиальное начальство выбрало пятерых священников для отправки в войска, из них только один оказался пригодным к службе, да и тот находился под судом, остальные были в солидном возрасте от 62 до 71 года. Разобравшись с виновными, отец Георгий сам разработал требования, которым должен соответствовать священник для службы в армии, причем предпочтение отдавалось тем, кто шел туда добровольно. В конечном итоге отцу Георгию удалось сформировать сильный корпус военных священников.

С подчиненными отец Георгий был мягок, но справедлив, а подчас и строг. Вот один из случаев, в котором достаточно ярко раскрывается образ отца Георгия:

«Шел отчаянный бой под Варшавой. Объезжая боевую линию, — рассказывал Шавельский, — я подъехал к расположенному у большой дороги госпиталю. Работа там кипела. Все время прибывали повозки с ранеными. На крыльце сидел упитанный, простоватого вида батюшка, весело беседовавший с сестрой. Он меня не узнал (о. Георгий одевался просто — как правило на нем сверху был просторный брезентовый плащ, делавший его похожим на землемера или лесничего. — А. Г.), ибо на мое приветствие ответил небрежным «здравствуйте», не сдвинувшись с места. Я прошел в госпиталь. Там был настоящий ад: крики, предсмертные стоны. У дверей лежал фельдфебель с распухшей, посиневшей ногой, не соглашавшийся на операцию. Врачи обратились ко мне с просьбой убедить его согласиться на операцию. Я убедил. Потом попросили причастить нескольких умирающих: «А что же ваш священник делает?» — спросил я. Врачи в один голос с нескрываемым озлоблением ответили: «Ничего он не хочет делать!» Я вышел из госпиталя. Священник, оказавшийся иеромонахом какого-то монастыря, продолжал весело беседовать с сестрой.

«Я — протопресвитер», — обратился я к нему. Иеромонах вскочил. «Вы зачем сюда приехали? Чтобы развлекаться с сестрами? Сегодня же убирайтесь отсюда! Армии такие не нужны!»

Никакие просьбы не изменили моего решения. «Сегодня же, — обратился я к главному врачу, — отправьте в Варшаву. А к вам сегодня же придёт другой».

О происшедшем узнало все военное духовенство из очередного приказа протопресвитера. После ещё было два-три подобных случая, и этого оказалось достаточно, чтобы нерадивые стали добросовестно относиться к своим обязанностям. Встречи с такими священниками вызывали в душе отца Георгия щемящее чувство стыда... Но были и другие встречи, когда протопресвитер находился долгое время под благостным от них впечатлением. Так летом 1916 г. на станции Волочиск он вышел из вагона прогуляться, благо это позволяла долгая стоянка поезда. На платформе находилось много знакомых военных, которые приветствовали протопресвитера. Неожиданно к отцу Георгию подошёл довольно молодой священник:

— Здравствуйте, батюшка! Вы военный?

Отец Георгий понял, что священник его не знает и ответил:

— Военный!

— Полковой? Какого полка?

Отец Георгий заинтересовался собеседником и назвал ему номер одного из полков, стоявших на галицийском фронте. Священник снова спросил:

— А что? Трудно служить в полку на фронте?

— Старикам трудновато, а молодым — чего тут трудного? А вы — тоже военный?

— Да, служу в здешнем госпитале... Недавно я прибыл из епархии.

— И как вам дается служба? Наверное в госпитале тяжеловато служить?

— Тоже нашли тяжелое... На мое счастье, кроме моего, ещё шесть госпиталей без священников. Я все их обслуживаю. А в одном нечего было и делать...

— А что же вы не попроситесь в полк? Вам-то, молодому, там в самый раз служить!

— Да, знаете, я держусь такого правила: на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Назначат, с радостью пойду!

— А самого протопресвитера вы ни разу не видели?

— Один раз видел: он проезжал в поезде с государем. Молодой ещё...

— А верно говорят, что он очень строгий?

— Да, слышал я об этом. Это ничего — строгость не гордость, на службе без нее нельзя!

— А главного священника своего видели?

— Нет, не видел — он не любит поездок, больше к себе вызывает.

К собеседникам стали присматриваться окружающие, и, чтобы не раскрыть своего «инкогнито», отец Георгий поспешил раскланяться и пройти в вагон. Минут через пять к нему в дверь постучали — там стоял священник отец Титов, следовавший в этом же поезде:

Последний протопресвитер

— Отец Георгий, что вы сделали со священником? Пришел сюда — весь дрожит, как осиновый лист... Я, говорит, не узнал протопресвитера и не совсем подходяще беседовал с ним... Просит прощения.

— Я уж не выйду к нему, чтобы больше не смущать его... Передайте ему, что его открытая беседа произвела на меня самое лучшее впечатление и что я сердечно благодарю его за службу, и пусть ждет назначения в полк.

Приехав в ставку, отец Георгий первым делом оформил назначение в полк своему собеседнику на платформе.

А ведь службу полкового священника легкой не назовешь, ему приходилось в той или иной форме переживать все то, что происходит в обществе. Военный священник Григорий Лапшин так писал об этом: «Обязанности пастыря особенно трудны в нынешнее время, когда пороки среди христиан умножились. Нет ныне уважения родителям; семья разлагается; с распадом семейного уклада начала падать и правильная общественная жизнь, — утрачено уважение к законам и представителям власти; обострились отношения между сословиями, возросло взаимное озлобление; появилось презрение к жизни — самоубийства стали постоянными явлениями среди юношей и подростков; убийства, грабежи, поджоги, воровство, обман, насилия над женщинами и детьми стали ежедневным явлением; положительно одичал народ, живет только интересами низменными, чисто животными». Не напоминает ли это сегодняшний день?

Прямая заслуга отца Георгия, что состав военного и морского духовенства по своему образовательному цензу (и по интеллигентности тоже), мог вполне конкурировать с самым лучшим епархиальным ведомством. Среди военных священников не имевших среднего богословского образования было немного. И, в свою очередь, интеллигентная офицерская среда благотворно влияла на тех, кому не хватало культуры или воспитания. Гораздо хуже дело обстояло с флотским духовенством, где нештатные иеромонахи по уровню развития не только уступали офицерам, но и с матросами порой не могли тягаться. И вот здесь он решает вопрос по-новому: приглашает на флот архиереев...

Успех работы священников военного духовенства в известной степени был обеспечен удачным подбором на должность руководителя Г. И. Шавельского, который, помимо высокой учености, был прекрасным организатором, признавал для своих подчиненных основным средством воспитания личный пример и чутко реагировал на просьбы военных священников.

Политические события в стране наложили свой отпечаток на деятельность военного духовенства — выяснилось, что в армии нужны специальные проповедники-пропагандисты. И при каждой армии в 1916 г. были созданы специальные должности, на которые были назначены выдающиеся духовные ораторы. Состоявший при штабе Северного флота английский атташе полковник Альфред

Г. И. Шавельский

Нокс (впоследствии генерал, активно поддерживавший Колчака), назвал идею Шавельского об учреждении армейских проповедников гениальной.

Главный священник получил право использовать священников при штабах армий в качестве помощников по контролю за деятельностью военного духовенства. Так был сформирован действенный аппарат управления духовенством на театре военных действий, которое осуществлялось по следующей схеме: протопресвитер, его ближайшие помощники — главные священники, штабные священники и, наконец, дивизионные и госпитальные благочинные и гарнизонные священники. Не был забыт и флот — в конце 1916 г. на Балтийском и Черноморском флотах царем были утверждены должности главных священников.

Хозяйство у военного протопресвитера было обширным и разрозненным. Он использует опыт своего предшественника — инспекционные поездки, и во все дела старается вникнуть сам, установить нужные связи с командованием, разбудить энергию в священниках. Большая часть времени уходила на такие поездки — там он поощрял старательных, взыскивал с нерадивых, помогал нуждающимся, делился опытом работы...

В 1915–1916 гг. деятельность военного духовенства была высоко оценена военными специалистами, даже в Ставке отец Георгий дважды слышал благодарственные отзывы от обоих Главнокомандующих.

— Мы должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии, — похвалил Великий князь Николай Николаевич работу ведомства протопресвитера в присутствии офицеров своего штаба.

— От всех, приезжавших ко мне с фронта, военных начальников я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах армии, — сообщил однажды в разговоре с отцом Георгием Николай II.

Третью своего времени отец Георгий провел в войсках на линии фронта. За проявленные мужество и храбрость при посещении воинских частей под огнем неприятеля в 1915 и 1916 гг. его наградили Георгиевскими медалями 4-й, 3-й и 2-й степени, а также орденами св. Владимира 2-й и 3-й степени, св. Анны 1-й степени и орденом Александра Невского (награды по тем временам редкой).

Особое внимание отец Георгий обращал на взаимоотношения между военными священниками и офицерами. Для него не было тайной, что они не всегда были равными и правильными. Тут не все умели найти золотую середину, чтобы священник был для офицера и добрым товарищем и уважаемым духовным отцом. В отношении нижних чинов некоторые священники, подражая не лучшей части офицерства, относились не по-отечески, а чисто по-начальственному. В беседах со священниками Георгий Шавельский старался обратить их внимание на подобные недочеты в их пастырской службе. Поучая таким образом подчиненных, он в то же время старался подметить что-либо новое, ему неизвестное в их работе, во взглядах и отношениях, чтобы затем это стало достоянием всего ведомства. Уча их, он старался проверять правильность и своих взглядов, и действенность своего опыта.

Свалившиеся на монархию беды отец Георгий усматривал в царском окружении, в отсутствии правильной информации. Сам протопресвитер привык

Последний протопресвитер

говорить правду... 17 марта 1916 г. отец Георгий прямо заявил царю, что в армии имеют место разговоры о влиянии Распутина при дворе, о легко получаемых через него огромных подрядах и поставках в армию; что с его именем связывают выдачу противнику некоторых военных тайн и что за Распутиным в армии установилась совершенно очевидная репутация пьяницы, развратника, взяточника и изменника; что, наконец, вследствие близости такого человека к царской семье поносится царское имя, падает в армии престиж Государя, — что то и другое может быть чревато последствиями...

Николай II совершенно спокойно выслушал протопресвитера, потом, помедлив, сказал:

— А вы не боялись идти ко мне с таким разговором?

Отец Георгий ответил в тон царю также спокойно:

— Мне тяжело было вам докладывать неприятное, но бояться... Я не боялся идти к вам... Что вы можете мне сделать? Повесить? Но вы не повесите меня за правду. Уволите меня от должности? Я несу ее, как крест; к благам, которые она мне дает, я равнодушен. Нужды же не боюсь, ибо вырос в бедности и сейчас готов хоть канавы копать...

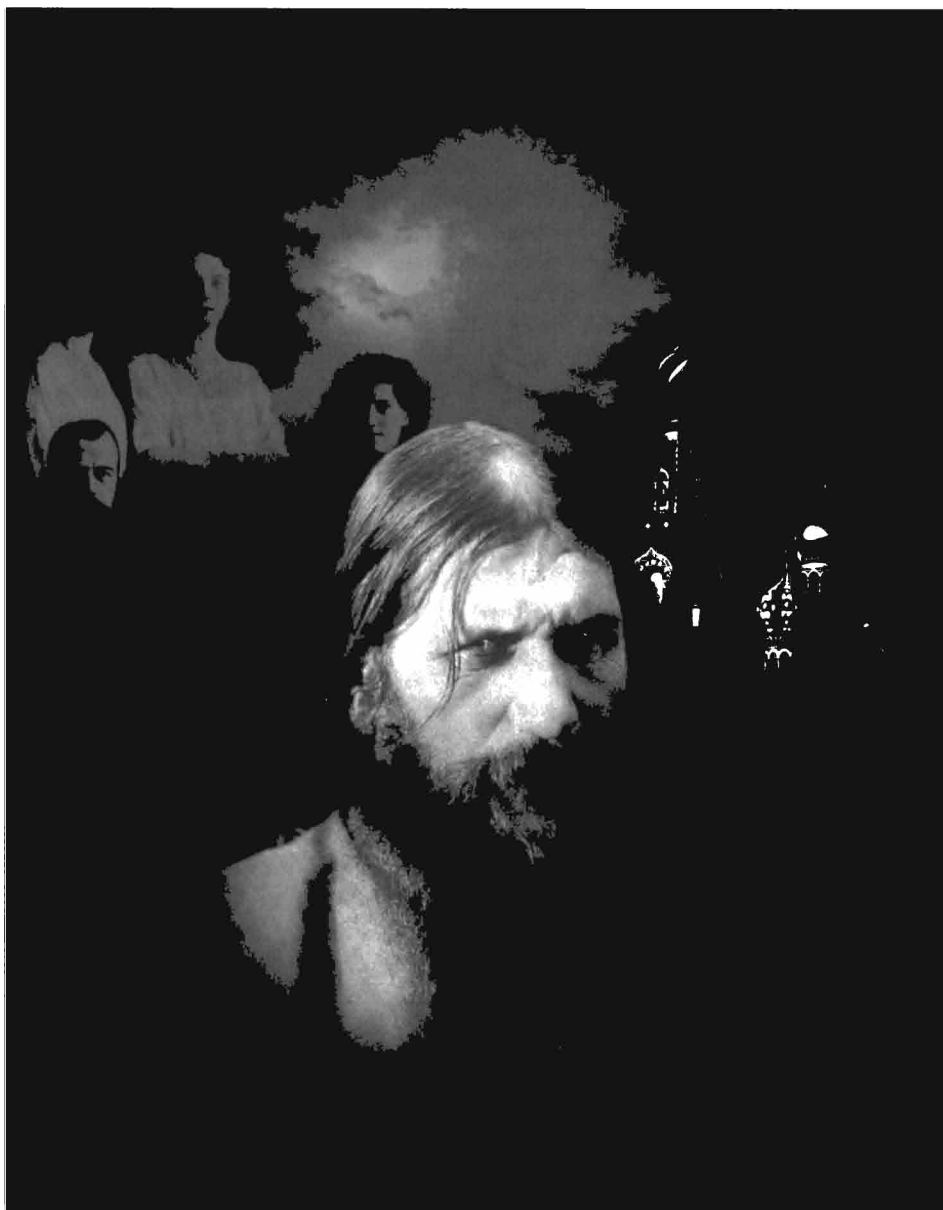
Император поблагодарил отца Георгия за эту тираду и... больше ничего не сказал. Тем разговор и закончился, но надо отдать должное Николаю II — отец Георгий по-прежнему остался вхож к государю. Это был первый, но не последний откровенный разговор с царем.

6 ноября 1916 г. отец Георгий высказал императору в глаза свое мнение о тревожной обстановке в стране, о неудачном составе правительства. Об этом откровенном разговоре с царем он написал в своих воспоминаниях: «По приезде императрицы в ставку Государь передал ей весь разговор. «И ты его слушаешь?» — с раздражением сказала царица. «Еще рясу носит, а говорит мне такие дерзости!» — поддакнул Государь. Таков был наш государь: добрый, деликатный, приветливый и смелый — без жены; безразличный и безвольный при жене».

«Блестящий русский царский трон рухнул, никем не поддержанный. — писал в своих воспоминаниях отец Георгий. — На место царской пришла новая власть, наименовавшая себя Временным правительством, состоявшая из людей, расстраивавших аппарат прежней власти, подготавливавших революцию, но ничего не предусмотревших для создания сильного аппарата новой власти. Как будто временное хотели сделать вечным...».

Февральская революция для отца Георгия началась с его ареста — как никак его считали в числе трех самых влиятельных лиц империи. Пришлось «сидеть» в Таврическом дворце. 9 марта 1917 года девятнадцатилетний комиссар (между прочим, сын священника), явно насмехаясь, задал Шавельскому вопрос: «Что священники делают на войне?» А 5 мая того же года точно такой же вопрос задал ему А. Ф. Керенский, занявший пост военного министра, и, между прочим, внук дьякона. Отец Георгий ответил:

— Совершают богослужения, напутствуют умирающих, хоронят умерших, проповедуют...

Г. Е. Распутин

— Проповедуют? — недоуменно переспросил Керенский. — Чем проповедуют? — уже с беспокойством повторил новый глава военного ведомства.

Из этого переспроса было совершенно ясно, что человек столь высоко вознесенный, ровным счетом ничего не смыслил в элементарных вопросах воинского воспитания...

Последний протопресвитер

Отец Георгий оказался причастным к восстановлению патриаршества в России. 17 августа 1917 г. он убыл из Ставки в Москву для участия во Всероссийском Церковном Соборе, который избрал его товарищем Председателя Всероссийского Священного Собора и также членом Высшего Церковного Совета.

Через два столетия после упразднения патриаршества перед русской общественностью встал вопрос о единстве самодержавия и православия. И вот на него предстояло ответить Собору. А ведь тезис и в самом деле находился в противоречии с гражданскими властями, и упразднение патриаршества, имевшее место в петровский период, приобретало добрые начатки для его восстановления. Известно, что Господь учил: «Воздавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Основная из статей русского законодательства воздавала не только кесарю кесарево, но и Божие не Богу, а тому же кесарю! И вот впервые церковь открыто поставила вопрос: насколько православно самодержавие не в своей идеальной возможности, а в реальной исторической действительности.

Попробуем разобраться, насколько все это согласуется с христианским учением. Тем более, что и сейчас еще не перевелись люди, полагающие, что Россию могут спасти монархия или демократия со слабым равнением на православие. Пожалуй, ни у кого не вызывает сомнения, что глава церкви — Иисус Христос. Он же и «Верховный судья» в суде церкви над миром, поскольку Христос, согласно учения, есть один Царь царствующих и Господь господствующих. Становясь камертоном Священного Синода — главного органа внутренней и внешней жизни церкви, российские цари принимали на себя большую духовную власть, чем которой когда-либо обладали вселенские патриархи. Русский царь таким образом занимал место якобы верховного пастыря.

Отойдя от сотрудничества с монархией, Церковь не вступила в контакт с политическими партиями, возглавлявшими правительство в период подготовки к Учредительному собранию, и в силу целого ряда причин действовала самостоятельно, в соответствии со свойственными ей духовными принципами, выражавшими религиозные убеждения и чувства ее многочисленных чад. Путь освобождения Церкви от двухвековой связи с государством был болезненным и тернистым, но представляется крайне важным, что к моменту созыва Поместного собора она уже осознала свою духовную миссию и свой долг перед русским народом. Но это произошло в тревожное время грядущих перемен, которые изменили все общество. Важно было и то, что в критическое для государства время Церковь видела свое назначение не в поддержке того или иного нового государственного устройства, не в борьбе за упечение своих собственных позиций в государстве, а прежде всего (и в этом заключается главное) в борьбе за прекращение распри и вражды в народе, за прекращение партийных и социальных раздоров, за сохранение в России подлинно христианского духа братолюбия.

24 августа 1917 г. Всероссийский Церковно-Поместный Собор обратился к народу и воинам армии и флота с призывом прекратить взаимные распри. Тревогой за будущее были наполнены строки призыва: «Ныне в рядах нашего

воинства рядом с доблестными защитниками родины находится немало людей, забывших Бога, и совесть, и Отечество. Несмотря на совершившийся переворот, призывающий всех к обновлению и усовершенствованию народной жизни, разложение проникло далеко вглубь России, и по всей земле водворилась смута. Совершающиеся ежедневно в разных местах нашего Отечества события порождают мысль, что близится гибель России, раздираемой и внешними и внутренними врагами... Забвение христианских начал ведет к пробуждению животных и зверских инстинктов в жизни и грозит разрушением всей христианской культуры и основ всякого разумного человеческого общежития».

1 сентября Собор принял постановление по поводу угрожавшей России гражданской войны. «Верная своим священным заветам, Православная Церковь не принимает участия в борьбе политических партий, — говорилось в постановлении. — Междоусобие должно быть предотвращено, братоубийство должно быть остановлено окончательно, примирение обеих сторон должно быть полным и прочным. Не должно быть места для недостойных актов кровавой мести». К сожалению, голос свободной Церкви оказался гласом «вопящего в пустыне», в пылу политических страстей россияне его просто не услышали. Надо сказать, что на Соборе люди собрались разные, и среди них далеко не было единства во взглядах... Но вот что интересно, что эти люди, несмотря порой на полную противоположность мнений, тем не менее сумели выработать общую точку зрения и, более того, примириться в процессе ее выработки. Участник Собора митрополит Евлогий рассказывал:

— Русская жизнь в те дни представляла море, взбаламученное революционной бурей. Церковная жизнь пришла в расстройство. Облик Собора, по пестроте состава, непримиримости, враждебности течений, поначалу печалил, даже казался жутким... Некоторых членов Собора волна революции уже захватила. Интеллигенция, крестьяне, рабочие и профессора неудержимо тянули влево. Среди духовенства тоже были элементы разные. Некоторые из них оказались теми «левыми» участниками предыдущего Московского епархиального съезда, которые стояли за всестороннюю «модернизацию» церковной жизни. Необъединенность, разброд, недовольство, даже взаимное недоверие — вот вначале состояние Собора. Но — о, чудо Божие! — постепенно все стало изменяться. Толпа, тронутая революцией, коснувшаяся ее темной стихии, стала перерождаться в некое гармоническое целое, внешне упорядоченное, а внутренне солидарное. Люди становились мирными, серьезными работниками, начинали по-иному чувствовать, по-иному смотреть на вещи. Этот процесс молитвенного перерождения был очевиден для каждого внимательного глаза, ощутим для каждого Соборного деятеля. Дух мира, обновления и единодушия поднимал всех нас...».

2 ноября 1917 г. во время осады Кремля и уличных боев, исход которых был далеко не ясен, Собор обратился к руководству враждующих сторон: «Во имя Божие Всероссийский Священный Собор призывает сражавшихся между собой дорогих наших братьев и детей ныне воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани. Священный Собор от лица нашей дорогой Православной России умоляет победителей не допускать никаких актов мести, же-

**Последний
протопресвитер**

стокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всей России наших в нем святых от разрушения и поругания, которых русский народ никогда и никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу».

На этот раз победили большевики, которые не вяли голоса Церкви.

11 ноября Собор обратился к ним с просьбой не чинить самосуд и иные виды насилия и кровавой расправы.

Церковь напоминала о духовных ценностях, которые бесконечно более значительны и глубоки, чем любые партийные программы и проекты общественного переустройства, помня, что россиянам издревле был присущ дух милосердия, братолюбия, в корнях которых лежит глубокая сердечная вера в Бога, и, как правило, потеря этой веры, как показывает отечественная история, непременно сопровождалась пролитием братской крови. Многие задают себе вопрос: почему Русская Православная Церковь не подняла верующих против разгула насилия и террора, не стала оплотом борьбы против них, как это было в Смутное время, когда Троице-Сергиева Лавра и патриарх Гермоген фактически объединили все здоровые силы общества на борьбу со злом? Казалось бы, Собор и Патриарх должны были благословить белое движение, которое при своих недостатках безусловно было благородно и близко к героическому? Тем более, что такая реальная возможность у церкви была, и она это осознавала, но не стремилась ею воспользоваться.

В той духовной войне, которую пришлось вести Русской Православной Церкви, религиозную победу могли одержать только те, кто ни словом, ни делом не прикоснулся к антихристианскому и античеловеческому духу. Церковь избрала путь, свойственный только ей — путь святости. В потерявших разум (а может, порой и не имевших его) Церковь продолжала видеть своих несчастных чад, которые оставались для нее родными. Отцы Церкви в известной степени пошли по пути Христа, они не стали истреблять и карать преступников и предпочли искупить их вину, принеся в жертву самих себя. Потому что борьба шла не против большевиков как таковых, а против греха, «не против плоти и крови, а против духов злобы поднебесных». В то же самое время те, кто пытался строить новое государство на крови, проповедовали через свои средства печати:

«Эксплуататоры всех стран в деле закабаления и подчинения своей воле широких трудовых масс — всегда смотрели на религию, как на медное кольцо в ноздре у быка. Идея крестных страданий Бога, спасителя трудящихся и обремененных, бьет по сознанию борца сильнее, чем ременная плеть по обнаженным плечам истязуемого... вот почему эксплуататоры всех стран, все хищники и кровососы, питающиеся трудовым потом трудящихся угнетенных классов, всегда были убежденными христианами и тратили уйму денег на распространение среди трудящихся разлагающей их волю религии Христа распятого... «Воистине воскресе», — вопят они, стараясь заглушить сотни страдающих пролетариев.

— Нет, — решительно скажем мы им в ответ. — Нет, никогда не воскреснет ваше право распоряжаться жизнью трудящихся там, где власть толстосумов низвергнута пролетарскими штыками. Долой буржуазию.

НА МОГИЛЕ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

Советский
плакат

В яму всех палачей свободы.

В яму все орудия нашей кабалы, орудия пролетарской пытки в руках врагов наших.

Долой религиозный дурман.

Воистину не встанет с земли поповская ложь и гнусная идея христианского смирения перед капиталом».

4 ноября 1917 г. Собором были приняты положения о высшем управлении Русской Православной Церкви. Теперь высшая власть должна была принадлежать Поместному Собору. Также было принято решение о вос-

Последний протопресвитер

становлении патриаршества, причем патриарх являлся первым среди равных ему епископов и должен быть подотчетным Собору.

На патриарший престол было выдвинуто двадцать пять кандидатов, в том числе и отец Георгий, за которого ратовали наиболее просвещенные святители. После двух голосований наибольшее количество голосов набрали три претендента, и среди них митрополит Тихон.

Отец Георгий хорошо знал архиепископа Литовского и Виленского Тихона с первых дней войны. Владыка буквально не ведал покоя — удовлетворение духовных нужд фронтовых частей, нравственная помощь солдатам и офицерам, врачебная помощь и широкая благотворительная деятельность. Его можно было видеть во множестве мест: он освящал лазареты, совершал молебны в госпиталях и частях, обходил тяжелораненых, утешал беженцев, кропил святой водой и благославлял полки на ратные дела, совершал панихиды с поминовением воинов, павших на поле брани.

Война стала приближаться к епархии Владыки Тихона — немцы уже под стенами Вильно. Архиепископ Тихон перевозит в Москву из Свято-Духова монастыря мощи святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, и снова возвращается в прифронтовую полосу. В первый год войны в России наблюдался массовый всплеск религиозных и патриотических чувств народа, и каждая служба архиепископа Тихона проходила в переполненных людью храмах. Характерно, что после молебнов о даровании победы над врагом к владыке подходили под благословение и католики, и староверы. За вящие труды во славу Отечества в 1916 г. архиепископу Тихону был высочайше пожалован бриллиантовый крест для ношения на клобуке, и эта награда была заслуженной...

«Европейски просвещенный архиепископ Тихон, — сообщал о выборах патриарха «Богословский вестник», — на всех местах своего епископского служения проявил себя независимым деятелем высокой честности, твердости и энергии и одновременно человеком большого такта, сердечным, отзывчивым и чрезвычайно простым и доступным как в деловых, так и в частных отношениях к людям. Замечательно, наконец, что при всей эмоциональности, которую иногда принимало обсуждение кандидатов на избирательном съезде, никто не мог бросить даже и тени чего-либо компрометирующего на личность архиепископа Тихона».

Первый кандидат на избрание на патриарший престол, митрополит Антоний, по мнению отца Георгия, не мог стать во главе церкви по своим личным качествам, и прежде всего из-за сильного стремления к власти. 5 ноября 1917 г. в Храме Христа Спасителя жребий пал на митрополита Тихона... Трудно предсказать, что ждало бы Русскую Православную Церковь, если бы прошел первый кандидат...

Когда закончилось богослужение и все архиереи уже было собрались покинуть собор, облачаясь в соборной ризнице в верхние одежды, неожиданно раздался громкий голос протопресвитера Шавельского:

— Теперь я вижу, что любит Господь нашу Церковь — не допустил он митрополита Антония до патриаршего престола...

26 июля (8 августа) 1918 г. Патриарх Тихон обратился ко «всем верным чадам Православной Российской Церкви» с призывом к всенародному покаянию в грехах в наступающие дни Св. Успенского поста. В обращении, которое и сейчас трогает душу, были и такие слова: «Грех разжег повсюду пламень страстей, вражду и злобу, и брат восстал на брата, тюрьмы наполнились узниками, земля упивается неповинной кровью, проливаемою братскою рукою, оскверняется насилием, грабежами, блудом и всякою нечистотою.

Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных земных благ, которыми и прельстился наш народ, забыв о едином на потребу.

Мы не отвергли этого искушения, как отверг его Христос Спаситель в пустыне. Мы захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов. Бог же поругаем не бывает. И вот мы алчем, жаждем и наготеем на земле, благословенный обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших...».

Голос Русской Православной Церкви не был услышан как по политическим причинам, так и потому, что большинство из высших слоев церковной иерархии не могли с полной ответственностью осознать патриарший замысел и реализовать Соборный голос. Вот что об это времени писал последний протопресвитер Шавельский:

«Епископского звания достигали не выделившиеся своими дарованиями, проявившие способность к церковному управлению и творчеству священники, но лишь одна категория служителей Церкви — «ученые» монахи... Надо было студенту Духовной Академии или кандидату богословия принять монашество, сделаться «ученым» монахом, и этим ему архиерейство обеспечивалось. Только исключительные неудачники или абсолютно ни на что пригодные экземпляры — и то не всегда! могли в своем расчете потерпеть фиаско. Поэтому исключения были редки.

Кто хоть немного следил за нашей церковной жизнью, тот знает, что своим печальным расцветом такое направление обязано знаменитому во многих и положительных и отрицательных отношениях Антонию (Храповицкому)...

Упоенный так легко давшей ему важностью своей особы, оторванный от жизни, свысока смотрящий и на своих товарищей, и на прочих обыкновенных людей, «ученый» монах несся вверх по иерархической лестнице со стремительностью, не давшей ему опомниться, осмотреться и чему-либо научиться...

У нас, как ни в одной из других православных церквей, епископское служение и вся жизнь епископа были обставлены особенным величием, пышностью и торжественностью. В этом, несомненно, проглядывала серьезная цель — возвысить престиж епископа и его служения. Несомненно также, что пышность и торжественность всей архиерейской обстановки неразумными ревнителями величия владычного сана, с одной стороны, самыми честолюбивыми и славолюбивыми владыками, с другой, у нас часто доводились до абсурда, до полного извращения самой идеи епископского служения. Они делали наших владык похожими на самых изнеженных и избалованных барынь, кото-

Последний протопресвитер

рые спать любят на мягком, есть нежное и сладкое, одеваться в шелковистое и пышное, ездить непременно в каретах... (Как тут не вспомнить высказывание Суворова о том, что чем больше имущества, тем меньше мужества. — А. Г.). Внешний блеск и величие часто скрывали от толпы духовное убожество носителя высшего священного сана, но компенсировать его не могли... Рано или поздно подделка разоблачалась, если не людьми, то делом — фетиш не мог заменить чудотворной иконы... В конце же концов, жестоко страдала из-за нее Церковь...

Сыпавшиеся на владык ордена и отличия, а также практиковавшаяся только в Русской Церкви, строго осужденная церковными канонами, система непрерывного перебрасывания владык с беднейших кафедр на более богатые — в награду, и наоборот — в наказание, расплодили в святительстве совершенно неведомые в других православных церквях карьеры и искачество...

Имел наш епископат, конечно, и достойных представителей... Но они, думается мне, в своем архиерейском служении были бы еще значительно выше, если бы прошли серьезную школу и имели счастливую архиерейскую коллегия...

Если историк... заглянет в хартии наших дней и, красочно изобразив типы предреволюционных церковных управителей, представит картину предреволюционных методов, путей и средств владычного управления, то современники удивятся тому, как при всем хаосе в управлении могла так долго продержаться Церковь, как могла наша Русь оставаться и великой и святой...

После всего сказанного сверлит мой мозг один вопрос: ужели из 150-миллионного верующего талантливом русском народа нельзя было выбрать сто человек, которые, воссев на епископские кафедры, засияли бы самыми светлыми лучами и христианской жизни, и архипастырской мудрости. И тем яснее становятся те удивительные, непонятные, преступные небрежность, халатность, легкомыслие, с которыми у нас относились к выбору и подготовке кормчих Церкви...

Люди, искренне любящие Церковь, ждут серьезных церковных перемен — отнюдь не реформаций. А знающие действительные военные недуги согласятся со мной, что самая первая церковная реформа должна коснуться нашего епископата».

Наблюдая развал государства и армии, самой церкви, а также семьи, отец Георгий примкнул к белому движению. На его решение повлияла личность генерала Антона Ивановича Деникина, которого он считал честным, не поступавшимся своею совестью и долгом. Со временем он разочаровался в белом движении. Своими сомнениями Георгий Шавельский поделился с начальником штаба генералом И. П. Романовским, которого знал как безукоризненно порядочного человека. Тот обескуражено ответил:

— Знаем мы и о грабежах и о пьянстве. Но что мы можем сделать? Запретить то и другое — воевать не станут!

Слова начальника штаба удручили отца Георгия: «С такой армией Россию спасти нельзя!» Да и Врангель, сменивший путем интриг Деникина, не выз-

вал у него какого-либо уважения. Он принадлежал к той породе людей, о которых в старину говорили: для красного словца он не пожалеет и родного отца.

С 1920 г. до своих последних дней отец Георгий жил в Софии, преподавал в русской гимназии, а потом в высшем богословском училище. С 1924 г. был доцентом богословского факультета при Софийском университете. Все годы был связан с белой эмиграцией, православным духовенством Европы, Азии и Африки, с Русской Православной Церковью в СССР.

Живя вдали от Родины, он не переставал молиться за Россию. Когда пришло известие о вторжении германских полчищ на ее территорию, протопресвитеру предложили отслужить молебен о победе гитлеровского оружия. Отец Георгий отслужил молебен, но только за Россию — хотя прекрасно сознавал, что этот его молебен мог оказаться последним. Мужества ему было не занимать...

Голгофа

то название носила горная возвышенность на северо-западе от Иерусалима, на которой по преданию был распят Иисус Христос. Евангелисты донесли до нас события, которые до сих пор волнуют верующих людей — архимандрит Никифор так их описывает в «Библейской энциклопедии»: «Вот среди поруганий и насмешек со стороны воинов и толпы Господь Иисус в страшных муках на кресте испустил дух. И какие ужасные знамения сопровождают смерть Богочеловека! Тьма по всей земле. Солнце померкло и не может взирать на страшное зрелище, земля содрогается, как бы сочувствуя страданиям своего Господа и Владыки, камни расседаются и тела многих усопших святых воскресают. С последним, предсмертным словом Господа: свершилось! начинается новая религиозная эра, и завеса храма раздирается надвое сверху до низу. Исполняется древнее пророчество ветхозаветного евангелиста пр. Исайи (LXIII, 12); и к злодеям причтено, так как Он был распят среди двух разбойников. Ветхозаветная обрядность прекратилась, когда Он принес Себя непорочным в жертву Богу. Вековая борьба с князем мира сего торжественно кончилась победою креста. «Отняв силы у начальства и властей, Он властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» (Кол. II, 15). Да, поистине, на эти величайшие минуты унижения и торжества, позора и славы, человечество во все века будет взирать с глубоким трепетом и благоговением и всегда будет видеть в них искупление от греха, поражение сатаны, примирение с Богом и спасение мира».

С давних пор в России источником милосердия и братской любви была глубокая искренняя вера в Бога, и потеря или ослабление ее каждый раз заканчивалась братоубийством. Так случилось и в грозный 1917-й. Через год после прихода большевиков к власти была развязана жестокая гражданская война, когда брат пошел на брата. Духовной силой, мудростью и разумом, возвращенной всей предыдущей историей государства, наполнены призывы Собора 1917–1918 гг. к россиянам: «Но чьими руками совершено это ужас-

ное деяние? Увы! Нашего русского воинства, которое мы молитвенно чтим именованьем христоролюбивого, которое еще недавно являло подвиги храбрости, смирения, благочестия. Совершители этого злого дела живут теперь среди нас, с клеймом Каина-братоубийцы, с грехом страшного кощунства на совесть; быть может, упоенные кровавою своей победой, они и не думают о содеянном. Но есть Божий суд и Божия правда! Бог поругаем не бывает. Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения — кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов — смешение языков и ожесточенная ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затемнение совести и разума».

Представляется принципиально важным вопрос: как относилась Русская Православная Церковь к братоубийственной гражданской войне? 11 ноября 1917 г. Собор принял решение об отпевании погибших обеих сражавшихся сторон и во всеуслышание заявил победителям: довольны братской крови, довольны злобы и мести. Мести не должно быть нигде и никогда, тем более она недопустима над теми, кто, не будучи враждующей стороной, творил лишь волю их пославших: «Победители, кто бы вы ни были и во имя чего бы вы не боролись, не оскверняйте себя пролитием братской крови, умерщвлением беззащитных, мучительно страдающих! Не причиняйте нового горя и позора истерзанной Родине, и без того слишком обгащенной кровью своих сынов! Вспомните о несчастных матерях и семьях и не примешивайте еще новых слез и рыданий о пролитой крови. Даже и те, кто отказался от Бога и Церкви, кого не трогает голос совести, остановитесь хотя бы во имя человеколюбия».

Собор взывал к руководителям и белого движения употребить все свое влияние на обуздание кровавых стремлений тех, кто слишком упивается братоубийственной победой. Известно, что патриарх Тихон отказался благословить белое движение. Князь Г. И. Трубецкий в газете «Руль» от 17 июля 1923 г. сообщил: «При моем посещении патриарха Тихона перед отъездом на юг России в начале добровольческого движения, я не просил разрешения Патриарха передать благословение его войскам Добровольческой Армии, и Святейшему Тихону не пришлось мне в этом отказывать, но я просил разрешения Его Святейшества передать от Его имени благословение лично одному из видных участников белого движения, при условии соблюдения полной тайны. Патриарх, однако, не счел и это для себя возможным, настолько он держался в стороне от всякой политики».

Патриарх Тихон — человек далеко не робкого десятка. Получив известие о зверском уничтожении царской семьи, открыто осудил эту акцию власть имущих и сказал на литургии в Казанском соборе: «На днях совершилось ужасное дело, расстрелян бывший Государь Николай Александрович... и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет — одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководствуясь словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его... Пусть за то называют нас контрреволюци-

Голгофа

онерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены Слова Спасителя нашего: «Блаженны слышющие Слово Божие и хранящие его».

Патриарх Тихон, как в свое время и митрополит Филипп Колычев, смело высказывал властям, что их политика идет вразрез с христианским учением. Чрезвычайно примечательно послание патриарха Совету народных комиссаров 13 (26) октября 1918 года накануне празднования годовщины пролетарской революции:

«Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52).

Это пророчество Спасителя обращаем мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год вы держите в руках своих государственную власть... Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и принуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания? Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9–10). Народу, изнуренному кровопролитной войной, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставить защиту Родины, бежать с полей сражения. Вы угасили в сердцах воодушевляющее их сознание, что «больше сея любви же имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными ему сынами, а не предателями.

Отказавшись защитить Родину от внешних врагов, вы, однако, непрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете? Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виновны, а взяты лишь в качестве «заложников», этих

несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Св. Тайнам, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Несение креста.
Гравюра. Г. Дорж

Голгофа

Но есть ли все это вред бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много потерпели от жестоких властей.

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братскою кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализаций — вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали уже грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

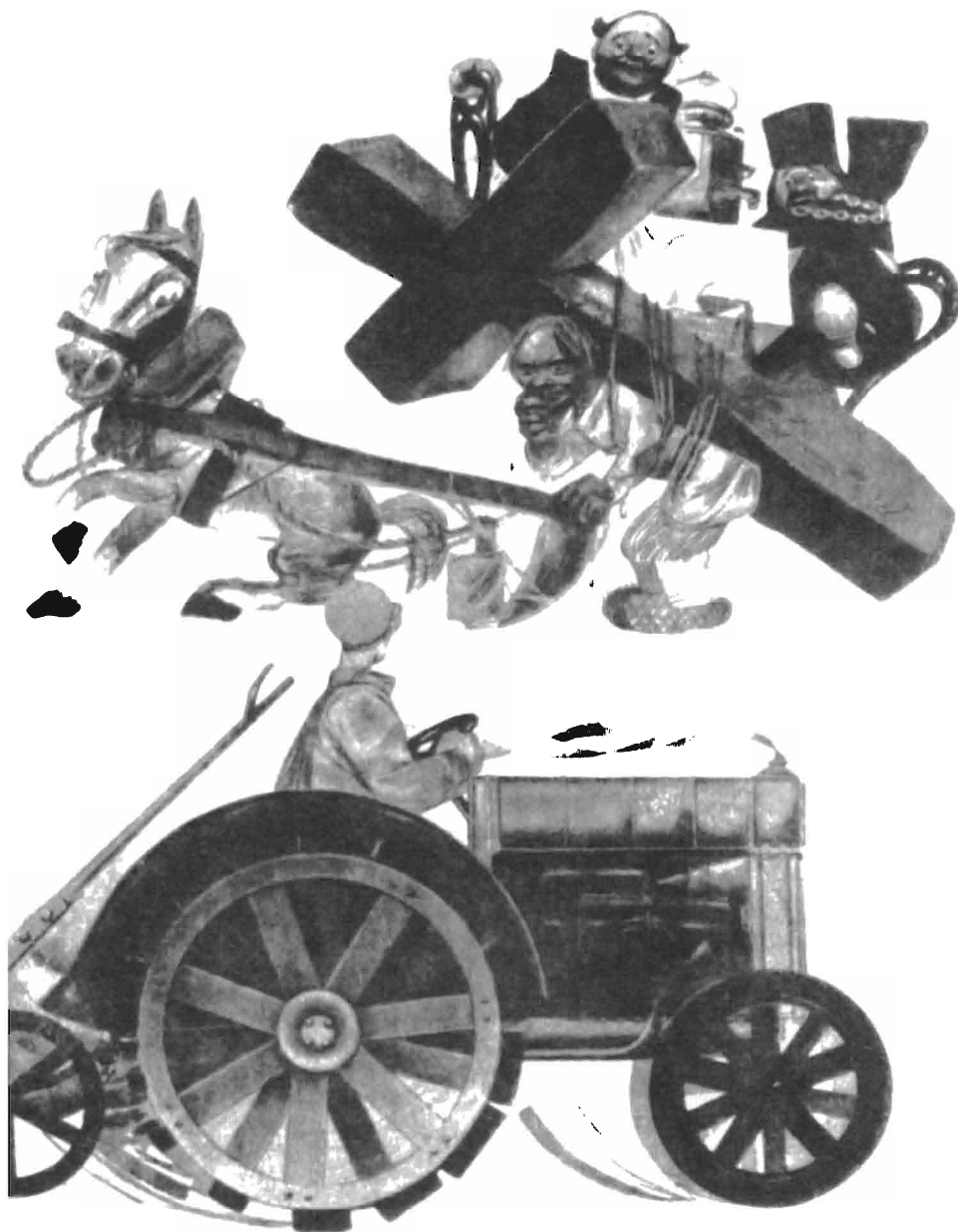
Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями не прикрывались злодеяния — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу... Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинно гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, когда семьи, а иногда население целых домов, выселяются, а имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение без опасения попасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко большевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушили исконную форму церковной общины — приход, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные просве-

*Крест и трактор.
Советский плакат. Авт.
М. Черемых.
1930 г.*

КРЕСТ И ТРАКТОР

...Кулаку, попу — труба!
Пусть морочит бабок.
**КРЕСТ С МУЖИЧКОГО ГОРБА
СТАЛ ВАЛИТЬСЯ НАБОК**

Голгофа

тительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

«И что еще скажу. Не достаёт мне времени» (Евр. XI, 32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Все это у вас на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя. Сбываются слова пророка — «Ноги их будут козлу и они спешат на пролитие невинной крови, мысли их — мысли нечестивые, опустошения и гибель на стезях их» (Ис. 59, 7).

Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в сопротивлении власти, но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет он свидетельством справедливости наших обличений.

Не наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину являлась «Божим слугой» на благо подчиненных и была «страшная не для добрых дел, а для злых» (Рим. XIII, 33). Ныне же, к вам употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устройению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А ныне взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лук. XI, 51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. XXVI, 52)».

Трудно что-либо опровергнуть в этом болью дышавшем письме, все справедливо. Патриарх в истинно христианском духе просит комиссаров подойти к милосердию... и конечно, они не оставили без внимания это послание — приняли меры, чтобы духовенство больше не поднимало свой голос. Русская Православная Церковь разделила судьбу своего Учителя, многие пастыри и верующие вслед за ним взошли на Голгофу.

6 июня 1918 г. правительство начало массовое гонение на духовенство. Совершались антирелигиозные шествия, закрывались домашние церкви, прекратили работу духовно-учебные заведения, осквернялись мощи святых, проводился массовый расстрел духовных лиц. Все эти акции широко освещались в прессе. Газета «Уральская жизнь» так описывала арест архиепископа Пермского Андроника: «С 14 июля окружающим архиепископа стало известно, что с часа на час надо ждать ареста Владыки, однако, хотя на стороне епископа стояли приходские советы, имеющие за собою тысячи прихожан, готовых пострадать за любимого архипастыря, было решено активно на его защиту не выступать, во избежание пролития крови. Знал о предстоящем аресте и сам

архиепископ Андроник и относился к этому вполне спокойно. В ночь с 17 на 18 июня, едва лишь пробило 12 час. ночи... красноармейцы, хватая всех встречаемых, направились вверх в покои Владыки. Спокойно встретил, в сообществе двух священников, бодрствующий Владыка собравшихся и, когда предводитель спросил: «Который из вас архиепископ Андроник?» — он ответил — «Я»... Предводитель заявил, что он явился арестовать архиепископа, однако никаких мандатов, несмотря на требование таковых со стороны архиепископа, предъявлено не было.

Как раз в этот момент произошло событие, внесшее смятение в группу явившихся в покои Владыки красноармейцев. Монах о. Михаил забрался на колокольню соборной церкви, заперся и ударил в набат. Красноармейцы спешно увезли архиепископа в Мотовилиху. По колокольне открыли ружейный и пулеметный огонь. Всех захваченных в архиерейском доме повезли в Чрезвычайку». Есть сведения, что Владыку видели в группе арестованных священнослужителей в декабре 1919 г. Видимо, он и был расстрелян вместе с другими.

В архиве архиепископа Пермского Андроника найден конспект одного из его выступлений. Скупые строки проникнуты строгостью, мудростью, силой веры христианина: «1. Моя речь кратка: радуюсь быть судимым за Христа и Церковь. Вы дорого стоите, а моя жизнь — плевок. 2. Контрреволюция! Политика — не мое дело. Ибо погибшая Россия (не) спасется в нашей взаимогрызне от отчаянности. 3. Но церковное дело святыня моя. Всех всюду зовя, отлучаю, анафемствую восстающих на Христа и посягающих на Церковь. 4. Кто слов не принимает, тот может быть убится Суда Божия за за-

Оскверненные
иконы

Голгофа

хват Священного. 5. Посему, только через мой труп захватите святыню. Это мой долг, почему и христиан зову к стоянию до смерти. 6. Судите меня, а прочих освободите — они должны исполнять мою волю, пока христиане. Иначе — анархия, развал, презрение от всех».

С июля 1918 г. по январь 1919-го был убит 1 митрополит (Киевский Владимир), 18 архиереев, 102 священника, 154 дьякона, 94 монаха и монахини; закрыто 94 церкви и 26 монастырей, осквернено 14 храмов и 9 часовен, секвестировано имущество и земля у 718 причтов и 15 монастырей; подвергнуты тюремному заключению за «контрреволюционность» 4 епископа, 198 священников, 8 архимандритов и 6 игуменов, запрещено 18 крестных ходов, разогнана 41 церковная процессия, нарушены церковные богослужения непристойностью в 22 городах и 96 селах. И данные эти далеко не полные.

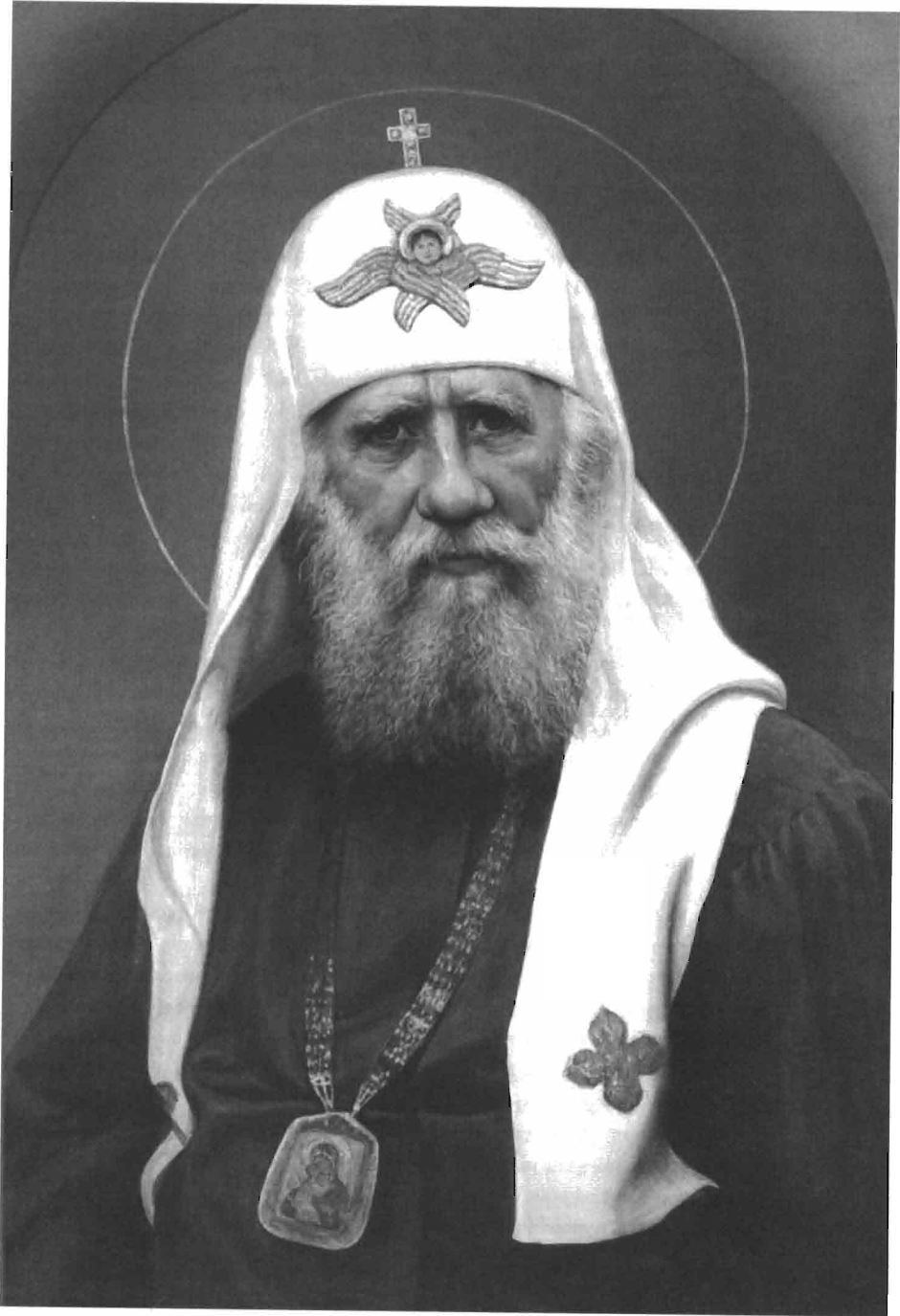
Жизнь патриарха Тихона власти осложняли до крайности. Он находился под домашним арестом — в его доме круглые сутки хозяйничали красноармейцы. Над ним издевались, оскорбляли, почти каждый день устраивали допросы. На патриарха наложили контрибуцию в 100 000 рублей и лишили продовольственного пайка, его письма вскрывались, чтобы узнать, откуда поступают денежные переводы. Но несмотря на все, патриарх был тверд и призывал верующих ответить на зло добром.

20 (2 февраля) 1918 г. последовал декрет об отделении церкви от государства — его опубликование власти столичных и губернских городов восприняли как законное разрешение к повсеместному грабежу церковного имущества, уничтожению храмов и надругательству над святынями... И здесь патриарх Тихон вновь обратился к властям с просьбой не превращать святые обители в застенки, чтобы защитить священников от насилия.

Слово патриарха, пробуждающее голос совести, было опасно для большевистских властей, которые не постеснялись пойти на то, чтобы запретить ему участвовать в богослужениях! Секретный отдел ВЧК докладывал председателю ВЦИКа: «Появление патриарха Тихона на церковных службах не только в селах, но и в городе Москве будет вызывать большое скопление богомольцев и тем самым: 1) дает возможность духовенству торжественными богослужениями влиять на массы в смысле поднятия своего престижа; 2) провокаторским и контрреволюционным элементам воспользоваться скоплением народа в своих целях для агитации и тому подобных нежелательных для нас действий». На этом документе секретарь Президиума ВЦИК Авель Енукидзе наложил резолюцию: «Согласен» и дал ответ: «Настоящим сообщается, что Президиум ВЦИК согласен с заключением Секретного отдела ВЧК по вопросу о нежелательности появления патриарха Тихона на церковных службах».

Патриарх Тихон

Власти довольно быстро убедились, что влияние на паству скромных и кротких священнослужителей остается велико, потому и началось физическое уничтожение духовенства. Сколько же на Руси появилось новомучеников? У многих не осталось даже могил. Патриарх с болью в сердце воспринимает скорбные вести, стекающиеся к нему со всех концов России. Митрополит Владимир Киевский избит, ограблен и расстрелян. Архиепископ Тихон Во-

Голгофа

ронезский и Задонский повешен на воротах церкви Митрофаниевского монастыря. Архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника, лишив ушей и глаз, водили по улицам Перми и, наконец, утопили в реке. Архиепископ Василий Черниговский с викарным епископом Феофаном Пермским при выезде из Перми были схвачены и расстреляны. В Тобольске замучен архиепископ Гермоген, в Свияжске умерщвлен привязанный к хвосту лошади епископ Амвросий. В Самарской губернии, посадив на кол, предали мученической смерти епископа Исидора. До смерти забили епископа Никодима, методично ударяя его по голове железным прутом. Ревельского епископа Платона на морозе обливали водой, пока не превратили в ледяной столб.

У кого искать защиты и справедливости, если главный вождь российского пролетариата В. И. Ленин в документе от 6 (19) марта 1922 г., адресованном В. М. Молотову для членов Политбюро, с потрясающим цинизмом и бесчеловечностью рекомендовал уничтожение духовенства: «Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны».

Государственные власти на обращение патриарха Тихона отреагировали незамедлительно — его ввергли в узилище. Московский процесс «54», который начался 13 (26) апреля 1922 г., закончился одиннадцатью смертными приговорами. Архипастырю были предъявлены два стандартных обвинения: воспрепятствовал спасению жизни погибающих от голода и сочувствовал контрреволюции во время гражданской войны. Но слушание дела, на котором патриарху должны были вынести смертный приговор, неожиданно отложили сначала на год, а потом еще до середины 1923 г.

Большевистские власти потребовали от патриарха публичного раскаяния в инкриминированных ему проступках, и он сделал требуемое, не будучи виновным. Кто не понимал сущности его действия, тому патриарх Тихон объяснял: «Пусть погибнет имя мое в истории, только бы Церкви была польза». Патриарха выпустили из тюрьмы, но за ним продолжалась опека со стороны властей. Через два месяца после освобождения разнесся слух об убийстве патриарха, но вместо него пострадал келейник Яков Полозов. Убийцы выпустили в него пять пуль и скрылись. Вспомнилось, что и раньше покушались на жизнь патриарха — 12 июня 1919 года при выходе из Храма Христа-Спасителя какая-то женщина ударила его ножом в бок. Ее задержал покойный Яков Полозов и кучер Иван Гаврилович — они уверяли, что это была не «религиозная фанатичка», а переодетый мужчина. Патриарха спас кожаный пояс на подтяжке, смягчивший удар ножа.

Жизнь патриарха Тихона вполне сравнима с жизнью первых христиан — он выдержал семь лет мучений и издевательств, но сохранил Веру и Верность Церкви. В 1989 г. патриарх Тихон канонизирован Русской Православной Церковью, как святой новомученик.

Документы, недавно открытые широкой общественности, показывают, как большевистское государство методично разрушало Церковь. Заведующий Секретным отделом ВЧК Т. П. Самсонов 4 декабря 1920 г. докладывал Ф. Э. Дзержинскому о том, как следует организовать борьбу с религией. В частности, он считал, что «коммунизм и религия взаимно исключаются», и что последнюю не сможет разрушить «никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК». В записке говорилось, что «до сих пор ВЧК занималось только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего недостаточно, так как на территории Республики имеется еще ряд менее сильных религий, каков Ислам и пр., где нам также придется шаг за шагом внести то же разложение, что и православной церкви». Самсонов довольно откровенно сетовал, что «работа по рассеянию религиозного мрака чрезвычайно трудная и большая, поэтому рассчитывать на скорый успех нельзя. Для этой работы нужны крепкие и умелые люди, чего, к сожалению, мы не имеем, так как Цека нам их не дает». Именно благодаря силе духа священников и верующих, несмотря на их физическое уничтожение и многочисленные притеснения, выстояла Русская Православная Церковь.

Мужественно и с достоинством несли свой крест священники, сея слово Божие в тюрьмах и лагерях. Отец Таврион Батозский пробыл три десятка лет в заключении, где исполнял свой пастырский долг. Незадолго перед смертью он сказал:

— Если бы Вы знали, как я благодарен Господу за свою замечательную жизнь! Подумайте, в таком раннем возрасте (ему тогда было всего 27 лет!) Господь доверил мне ответственнейшую пастырскую работу среди заключенных. Если бы я не попал в те лагеря, как много людей не услышало бы слова Божьего!

Так уж повелось среди христиан — мученичество всегда служило умножению верующих. Яркий пример такого подвига — расстрел епископа Макария Вяземского: о подробностях того события поделился чекист со своим врачом. Перед смертью епископ укреплял молитвой и благословением каждого расстреливаемого и просил чекиста казнить его последним. Это произошло ночью в поле, неподалеку от Смоленска. Поведение священника ошеломило его. Перед своей смертью епископ также благословил чекиста: «Сын мой, пусть сердце твое не мучает тебя. Выполняй волю пославших тебя сюда». И удивительное дело, с той ночи солдат еженощно видел во сне епископа, молча благословляющего его.

Мужество священников, подвергшихся незаконным репрессиям, несомненно, играло не последнюю роль в укреплении веры среди населения. Суд митрополитом Петроградским Вениамином обратился лицом к вере многих из тех трех тысяч человек, которые присутствовали на показательном процессе против церкви. Сотни комсомольцев и красных курсантов, приведенных в суд

Голгофа

для выражения поддержки власть предержащих, аплодировали митрополиту Вениамину и его адвокату Гуровичу и поднялись при благословении иерарха.

В условиях жесточайшего беззакония и самых изощренных издевательств над личностью в страшных лагерях для заключенных, вера была, пожалуй, наиболее действенным средством для тех, кто не хотел превращаться в скотоподобное существо. То было время, когда духовных лиц обряжали в лагерные бушлаты, насильно стригли и били. За отправление любых треб их расстреливали. Для мирян, прибегнувших к помощи религии, введено было удлинение срока — пятилетний «довесок». Писатель О. В. Волков в книге «Погружение во тьму» очень образно описал тайные церковные службы, где рисковали жизнью и те, кто был на них, и кто служил: «Отец Иоанн, уже не прежний благообразный старик в рясе и с бородой, а сутулый немощный и униженный арестант в грязном залатанном обмундировании, с безобразно укороченными волосами — его стригли и брили связанного — изредка ухитрялся выбраться за зону: кто-то добывал ему пропуск через ворота монастырской ограды (Речь идет о Соловках. — А. Г.), и уходил в лес.

Там на небольшой полянке, укрытой молодыми соснами, собиралась кучка верующих. Приносились хранящиеся с великой опаской у надежных и бесстрашных людей антиминос и потребная для службы утварь. Отец Иоанн надевал епитрахиль и фелонь, мягкую и вытертую, и начинал вполголоса. Возгласы и тихое пение нашего робкого хора уносились к голубому северному небу... Страшно было попасть в засаду, мерещились выскакивающие из-за деревьев вохровцы — и мы стремились уйти всеми помыслами к горным заступникам. И, бывало, удавалось отрешиться от гнетущих забот. Тогда сердце наполнилось благостным миром, и в каждом человеке прозревался «брат во Христе». Отрадные, просветленные минуты! В любви и вере виделось оружие против раздирающей людей ненависти. И воскресали знакомые с детства легенды о первых веках христианства.

Чудилась некая связь между этой горсткой затравленных, с верой и надеждой внимающих каждому слову отца Иоанна эзков и святыми и мучениками, порожденными гонениями. Может, и две тысячи лет назад апостолы таким же слабым и простуженным голосом вселяли мужество и надежду в обреченных, напуганных рокотом толпы на скамьях цирка и ревом хищников в вивариях, каким сейчас так просто и душевно напугает нас, подходящих к кресту, этот гонимый русский попик. Скромный, безвестный и великий».

Побегов с Соловков, да еще успешных, было мало. Но одна группа моряков, как офицеров, так и бывших матросов, отличавшаяся своей внутренней спайкой, замыслила побег на необычном судне — катере-глиссере, изготовленном для прогулок по воде начальника лагеря. Катер, благодаря высокой скорости, сравнительно легко мог оторваться от преследователей, но в лагере был аэроплан, который легко бы потопил суденышко. От этого аэроплана нужно было как-то обезопасить себя.

Уход за самолетом вел Силин, лицо мало кому известное, инвалид, хромавший на обе ноги. Он помещался при ангаре, под строгим контролем охраны, имел большой срок. Появляясь иногда в кремле, он редко с кем разгова-

ривал, брал помногу книг в библиотеке, закупал продукты в закрытом магазине, куда был допущен, и уходил. Начальство им дорожило и даже платило ему какое-то жалование.

Поговаривали, что это был известный морской летчик, носивший тогда другую фамилию, но точно об этом знали очень немногие.

Силин — загадочный человек, таких немало было тогда на Соловках, — и взял на себя главную роль в осуществлении побега. К намеченному времени, не раньше, не позже, он должен был вывести самолет из строя. Это был не риск. Это было осознанное обречение себя на гибель. Сам бежать он не мог. Он находился под постоянным наблюдением, и отсутствие его на квартире в ночное время тотчас бы вызвало тревогу. Можно было предполагать, что при его выходе из ангара за ним направится наблюдатель. Следовательно, побег был бы сорван. Участь его при удаче побега без него тоже была вполне ясна. Непригодность аппарата к полету в нужный момент была вполне достаточной причиной для расстрела, даже при отсутствии других улик. На сохранение жизни у Силина не было ни одного шанса. Он шел на неотвратимую смерть.

Туманной ноябрьской ночью после вечерней поверки из кремля скрылось три или четыре человека. Вероятно, они спустились со стены по веревке, что было нетрудно, потом веревка была кем-то убрана. Нападение на часового при катерах вынырнувшими внезапно из тумана людьми тоже не представляло большого труда. Он не был убит, а лишь обезоружен и связан. Гораздо труднее было снабдить к этому моменту глассер большим запасом бензина. Это мог выполнить только Силин, имевший в своем распоряжении горючее самолета. Он заранее пронес баки в условленное место.

Отважные беглецы вышли в море ночью. Их отсутствие было замечено только на утренней поверке. В то же время обнаружили исчезновение глассера. Беглецы могли уйти за ночь на 250—300 км.

— Самолет!

Мотор был разобран для генеральной чистки без приказа пилота. Некоторые части его оказались негодными. Силина расстреляли, он не назвал никого на допросе. Несколько моряков было арестовано, но держали их недолго. Улик не было.

Лишь один Силин «положил живот за други своя» и совершил этот подвиг, следуя славной традиции Российского императорского флота. Он был верен ей до конца.

Те епископы, которые имели приверженность к малым мирским слабостям, с лихвой искупили их в условиях унижения, издевательства, мученической смерти. Так, например, епископ Воронежский Петр, арестованный якобы за связь с Пилсудским вместе с пятнадцатью польскими ксендзами, был отправлен в штрафной изолятор на Заяцких островах. То была месть человеку, поднявшемуся над суетой преследований и унижений. Неуязвимый из-за высоты нравственного своего облика, он с метлой в руках, в роли дворника или сторожа, внушал благоговейное уважение. Перед ним тушевались сами вохровцы, натасканные на грубую наглость и издевку над заключенными. При встрече они не только ему уступали дорогу, но и не удерживались от при-

Голгофа

ветствия. На что он отвечал, как всегда: поднимал руку и осенял еле очерченным крестным знамением. Если ему случалось проходить мимо большого начальства, оно, завидев его издали, отворачивалось, будто не замечая православного епископа — ничтожного зэка, каких, слава Богу, предостаточно...

Начальники, в зеркально начищенных сапогах и ловко сидящих френчах, принимали независимые позы: они пасовали перед достойным спокойствием архипастыря. Оно их принижало. И брала досада на собственное малодушие, заставляющее отводить глаза...

Преосвященный Петр медленно шествовал мимо, легко опираясь на посох и не склоняя головы. И на фоне древних монастырских стен это выглядело пророческим видением: уходящая вдаль фигура пастыря, словно покидающего землю, на которой утвердилось торжествующее насилие...

Вятский епископ Виктор... О нем тепло и задушевно пишет Олег Волков: «Мы прохаживались с ним недалеко от привала. Дорога тянулась вдоль моря. Было тихо, пустынно. За пеленой ровных, тонких облаков угадывалось яркое северное солнце. Преосвященный рассказывал, как некогда ездил сюда с родителями на богомолье из своей лесной деревеньки. В неединном подряснике, стянутом широким монашеским поясом, и подобранными под теплую скуфью волосами, отец Виктор походил на великорусских крестьян со старинных иллюстраций. Простонародное, с крупными чертами лица, кудловатая борода, окающий говор — пожалуй, и не догадаешься о его высоком сане. От народа же была и речь преосвященного — прямая, далекая свойственной духовенству мягкости выражений. Умнейший этот человек даже чуть подчеркивал свою слитность с крестьянством.

— Ты, сынок, вот тут с год потолкался, повидал все, в храме бок о бок с нами стоял. И должен все это сердцем запомнить. Понять, почему сюда власти попов да монахинь согнали. Отчего это мир на них ополчился? Да не любя ему правда Господня стала, вот в чем дело! Светлый лик Христовой Церкви — помеха, с нею темные да злые дела неспособно делать. Вот ты, сынок, об этом свете, об этой правде, что затаптывают, почаще вспоминай, чтобы самому от нее не отстать. Поглядывай в нашу сторону, в полунощный край небушка, не забывай, что тут хоть и жутко, а духу легко... Ведь верно?

Преосвященный старался укрепить во мне мужество перед новыми возможными испытаниями. Я же вовсе отбросил думы о них: мечтал о встрече, удаче... лелеял неопределенные заманчивые планы. Себя я чувствовал не только физически сильным, но и окрыленным. Словно то обновляющее душу воздействие соловецкой святыни, неопределенно коснувшейся меня в самом начале, теперь овладело мной крепко. Именно тогда я полнее всего ощутил и уразумел значение веры. За нее и пострадать можно!»

В соев «Неугасимой лампаде» Борис Ширяев очень ярко запечатлел образ одного из замечательных узников Соловков: «Владыко Иларион не был старейшим из заточенных иерархов на Соловках, но разом получил в их среде признание высокого, если не первенствующего авторитета. Огромная внутренняя сила его проявилась с первых же дней по прибытии на каторгу. Среди верующих мирян эта авторитетность его достигла еще большей высо-

ты: его называли хранителем и местоблюстителем патриаршего престола, возведенным в этот сан тайным завещанием патриарха Тихона, что было апокрифом; говорили и о посулах ему со стороны ГПУ за переход и возглавление «живой церкви» и о его решительном отказе.

Владыка Иларион всегда избирался в делегации к начальнику острова Эйхмансу, когда было нужно добиться чего-нибудь трудного, и всегда достигал цели. Именно ему удалось собрать духовенство в 6-й роте, получить для него некоторое послабление режима, перевести большинство духовных чинов на хозяйственные работы, где они показали свою высокую честность. Он же отстоял волосы и бороды духовных лиц при поголовной стрижке во время сыпнотифозной инфекции. В стрижке не было нужды: духовенство жило чисто. Остричь же стариков-священников значило бы подвергнуть их новым издевательствам и оскорблениям.

Устраивая других — и духовенство и мирян — на более легкие работы, владыка Иларион не только не искал для себя должности, но не раз отказывался от предложений Эйхманса, видевшего и ценившего его большие организаторские способности. Он предпочитал быть простым рыбаком. Думается, что море было близко и родственно стихийности, непомерности природы этого иерарха, русского владыки церкви, именно русского, прямого потомка епископов, архимандритов, игуменов, поучавших и наставляющих князей мира сего, властных в простоте своей и простых во власти, данной им от Бога.

Молитва без дела мертва. Архиепископ давал пример окружающим, каким должен быть христианин. Память сохранила один из его подвигов.

Когда первое дыхание весны рушило ледяные покровы, Белое море было страшно. Оторвавшись от матерого льда, торосы неслись к северу, сталкиваясь и разбиваясь с потрясающим грохотом, лезли друг на друга, громоздились в горы и снова рассыпались. Редкий кормчий решился бы вывести в море баркас, разве лишь в случае крайней нужды. Но уж никто не отчалит от берега, когда с виду спокойное море покрыто серою пеленою шуги — мелкого, плотно идущего льда. От шуги нет спасения! Крепко ухватит баркас своими белесыми лапами и унесет туда, откуда нет возврата.

В один из сумеречных, туманных апрельских дней на пристани близ бывшей Савватиевской пустыни в неурочный час стояла кучка людей, организованная из остатков соловецких монахов и каторжан рыболовной команды. Все не отрываясь вглядывались в даль. По морю зловеще ползла шуга.

— Пропадут ведь душеньки их, пропадут, — говорил одетый в рваную шинель старый монах, указывая на еле заметную, мелькавшую в льдистой мгле точку, — от шуги не уйдешь...

— На все воля Божия...

— Откуда они?

— Кто ж их знает? Тамо быстринка проходит — море чистое, ну и вышли несмышленные, а водой-то их прихватило и в шугу занесло... Шуга в себя приняла и напрочь не пускает. Такое бывало!

Начальник поста, чекист Конев, оторвал от глаз цейсовский бинокль.

— Четверо в лодке. Двое гребцов, двое в форме. Должно, сам Сухов.

Голгофа

— Больше некому. Он охотник смелый и на добычу завистливый, а сейчас белухи идут. Они по сто пудов бывают. Каждому лестно такое чудище взять. Ну и рискнул!

Белухами на русском севере называют почти истребленную морскую корову — крупного белого тюленя.

— Так не вырваться им, говоришь? — спросил монаха чекист.

— Случая такого не бывало, чтобы из шуги на гребном баркасе выходили.

Большинство стоящих перекрестились. Кто-то прошептал молитву. А там, вдали, мелькала черная точка, то скрываясь во льдах, то вновь показываясь на мгновение. Там шла отчаянная борьба человека со злобной, хитрой стихией. Стихия побеждала.

— Да, в этакой каше и от берега не отойдешь, куда уж там выбраться, — проговорил чекист, вытирая платком стекла бинокля. — Амба! Пропал Сухов! Пиши полкового военкома в расход!

— Ну, это еще как Бог даст, — прозвучал негромкий, но полный глубокой внутренней веры голос.

Все невольно обернулись к невысокому плотному рыбаку с седоватой окладистой бородой.

— Кто со мной, во славу Божию, на спасение душ человеческих? — так же тихо и уверенно продолжал рыбак, обводя глазами толпу и зорко вглядываясь в глаза каждого. — Ты, отец Спиридон, ты, отец Тихон, да вот этих соловецких двое... Так и ладно будет. Волоките карбас на море!

— Не позволю! — вдруг взорвался чекист. — Без охраны и разрешения начальства в море не выпущу!

— Начальство, вот оно, в шуге, а от охраны мы не отказываемся. Садись в баркас, товарищ Конев!

Чекист как-то разом сжался, обмяк и молча отошел от берега.

— Готово?

— Баркас на воде, владыка!

— С Богом!

Владыка Иларион стал у рулевого правила, и лодка, медленно пробиваясь сквозь заторы, отошла от берега.

Спустились сумерки. Их сменила студеная, ветреная соловецкая ночь, но никто не ушел с пристани. Забегали в тепло, грелись и снова возвращались. Нечто единое и великое спаяло этих людей. Всех без различия, даже чекиста с биноклем. Шепотом говорили между собой, шепотом молились Богу. Верили и сомневались. Сомневались и верили.

— Никто, как Бог!

— Без Его воли шуга не отпустит.

Осторожно вслушивались в ночные шорохи моря, буравили глазами нависшую над ними тьму. Еще шептали, еще молились.

Но лишь тогда, когда солнце разогнало стену прибрежного тумана, увидели возвращающуюся лодку и в ней не четырех, а девять человек.

И тогда все, кто были на пристани, — монахи, каторжники, охранники, — все без различия, опустили на колени.

— Истинное чудо! Спас Господь!
— Спас Господь! — сказал и владыка Иларион, вытаскивая из баркаса окончательно обессилившего Сухова».

Священники и верующие шли ради веры на смерть, переносили чудовищные побои и издевательства. В чем же притягательность христианского учения, основанного Иисусом Христом почти две тысячи лет назад? Это учение распространилось по всему миру и сумело пустить крепкие корни в жизни многих народов. Ни время его не берет, ни силам враждебным не удалось его одолеть. И вот что удивительно — основатель церкви — Иисус Христос вчера, сегодня, да и в будущем — один и тот же (Евр. 13, 8), и сама Церковь за все двадцать веков, наполненных народными потрясениями и мировыми катастрофами, остается одной и той же, с одной и той же, вечно живой и действенной идеологией, вобравшей в себя мировой опыт мудрости и опыта человеческого. Вероучение Русской Православной Церкви состоит в возвышенном и никем и ничем не превзойденном Христовом учении, а ее главный метод — не меч, не физическая кара, а слово Божие, не принуждение с насилем, а любовь и благодать. Главная ее цель — исправление и наставление людей в праведности — «Да будет совершен Божий Человек, ко всякому доброму делу приготовлен», — как учил Апостол (2 Тим. 3. 17), или «спасение и преуспевание людей на лучшее», — как сформулировали Отцы VI Вселенского собора (Трул. 12 прав.). Девиз Церкви — помышлять только о том, «что истинно, что справедливо, что чисто, что любезно; что дославно, что только добродетель и похвала» (Филип. 4. 8). Вот почему это учение вечно, это и позволило Церкви выйти с честью из всех испытаний.

В Великой Отечественной...

С первого же дня гитлеровского нашествия Русская Православная Церковь благословила на борьбу защитников Отечества. 22 июня 1941 г., в день памяти всех святых, в земле Российской просиявших, Местоблюститель Патриаршего престола (святейший митрополит Московский) Сергей обратился ко всем чадам Православной Церкви с посланием: «Потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой. Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах вражескую силу... Всякий может и должен внести свою долю труда, заботы и искусства... Православная Церковь всегда разделяла судьбу народа, не оставит Она народа своего и теперь. Благословляет Она небесным благословением и предстоящий народный подвиг... Господь нам дарует победу».

Митрополит Сергей призвал пастырей Церкви положить «души своя вместе с нашей паствой». На защиту Родины встали все православные. Ни на минуту не прекращалась общецерковная молитва о победе над врагом, постоянно служился молебен «в нашествие супостатов», в основу которого было положено «Молебное пение», принятое в войне 1914–1917 гг.

Вечером 26 июня 1941 г. митрополит Сергей служил молебен о победе русского воинства: «Родина наша в опасности, и она призывает нас. И мы, собравшиеся в храме, освящаем церковным богослужением начало нашего всенародного подвига в защиту родной земли». Нет оснований для сомнения в том, что победе нашего народа в самой кровопролитной в его истории войне немало способствовала и Русская Православная Церковь не только духовным окормлением, но и материальной помощью.

Поучение, сказанное митрополитом Сергием в московской церкви Иоанна Воина 12 августа, было прямо обращено к памяти воинов, молитве за тех, кому выпало испытание положить на поле брани душу свою. Пожалуй, с этого времени не было ни одного церковного памятника, ни одного установленного

Митрополит
Сергий

Церковью поминального дня, в который не было бы включено моление «за воинов, на поле брани живот свой положивших». Само собой разумеется, что речь идет не о молитве за родственников, на поле брани убиенных. Родные вспоминали своих и без всяких напоминаний. Церковь призывала молиться вообще за всех убиенных на поле брани, так как они жизнь свою положили за Отечество, и каждый из оставшихся в живых должен был осознать себя благодарным тому, кто, не колеблясь, пожертвовал своей жизнью. «Поминовение или благотворение в память усопшего есть единственная милость, которую живые могут сотворить нашим убиенным воинам. Запомним же лежащий на нас долг, — призывал митрополит, — и всякий раз, молясь за своих родственников и близких, не забудем приложить молитву и за воинов, на брани убиенных».

Русская Православная Церковь ясно представляла опасность, которая грозила нашей стране. На молебне о победе русского воинства, произнесенной 26 июня 1941 г. в Богоявленском соборе в Москве, митрополит Сергий вскрыл сущность идеологии захватчиков. Он говорил, что ошибаются те, кто думает, что гитлеровцы не касаются русских святынь и веры. Наблюдение за немецкой жизнью свидетельствовало совсем о другом. Так, известный немецкий полководец Людендорф пришел к убеждению, что для завоевателя христианство не годится, так как оно своим учением о любви ко врагам неизбежно расслабляет животную жестокость, которую фашисты считали неотъемлемой чертой солдата. По убеждению этого генерала, для борьбы за существование необходима прежде всего жестокость, ибо только она и способна победить. Невольно поражает прозорливости дипломата и поэта Тютчева, который еще в 1848 г. писал о возрождении Бисмарком культа древних германцев. Вот и генерал призывал немцев бросить Христа и кланяться древнегерманским идолам — Вотану и другим. Свою новую идеологию фашисты стремились распространить и среди других народов, попавших под германское владычество. Например, в свое время немцы в Латвии организовали общину язычников, поклонявшихся древнелатышским идолам. А Гитлер открыто глумился над заветами христианства и предлагал Библию заменить на свою книгу «Майн Кампф».

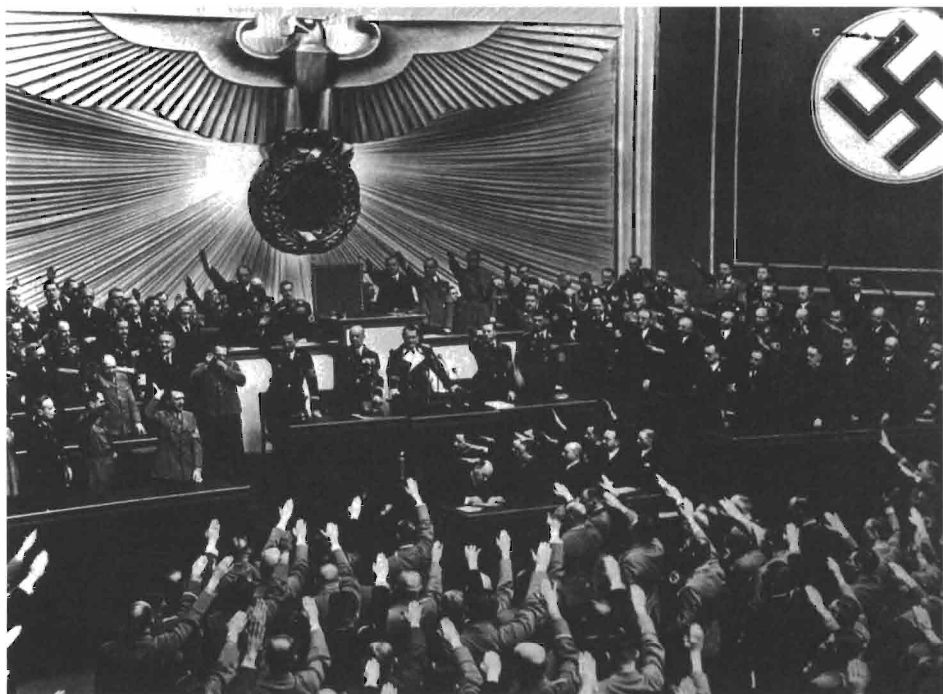

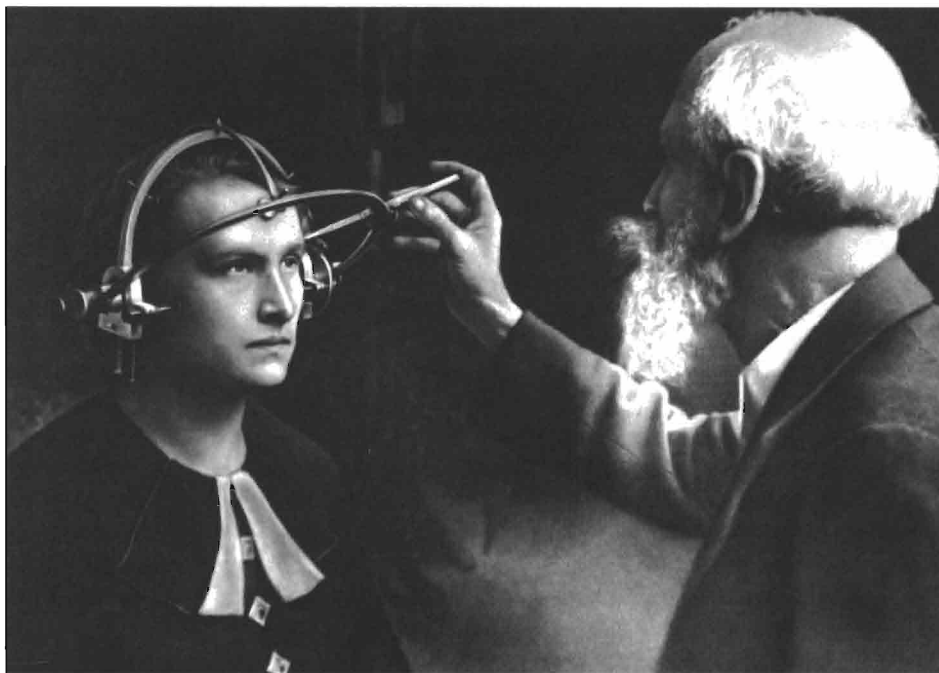
В Великой Отечественной

Весь мир знает о преступлениях фашизма, и, пожалуй, не стоило бы на этом останавливаться, если бы не извечный вопрос: как такое могло случиться в одной из цивилизованнейших стран мира? Почему историки, подробно изучая сложные политические, социальные, экономические процессы, происходившие в Германии, упустили из поля зрения силы, которые водили пером истории и вписали в нее самые страшные страницы. Появление нацизма можно объяснить лишь тем, что человек попал во власть разнузданных порочных инстинктов.

Что же послужило причиной того, что в Германии перестали поклоняться кресту и напрочь забыли евангельские заповеди. В основу нацизма легла идеологически обоснованная новая религия, которая покажется фантазией, вымыслом, либо игрой воспаленного воображения. И тем не менее она очень быстро и легко была усвоена большинством населения Германии. Делались попытки объяснить поступки Гитлера его демонической личностью, которая попала под власть национализма.

Нацисты открыто объявили себя врагами интеллектуализма. Они жгли вредные по их мнению книги, придавая этой варварской акции явно ритуальный характер. Виднейшие немецкие ученые были вынуждены эмигрировать из Германии. Мало кому известно, что легло в основу космогоний, во имя которых нацистами была отвергнута официальная европейская наука. И уж совсем мало известно о тех религиозных концепциях, которым следовали нацистские вожди.

«Нас проклинают как врагов духа, — говорил Гитлер. — Да, мы таковы. Но в более глубоком смысле, который не в силах постичь буржуазная наука в своей идиотической гордости». Нечто весьма похожее говорил маг и теософ Гурджиев своему ученику Успенскому: «Мой путь есть раскрытие тайных возможностей человека. Я иду против Природы и Бога».

В этом высказывании, пожалуй, нет ничего нового. В наши дни можно найти немало таких людей, которые зрят во внутренние темные силы человека. Подобная вера приводит иногда к отрицанию науки, к презрению «обычных» людей и их занятий. Такой «верующий» признает равными себе лишь единицы, а остальные для него — толпа, человечество же суть ничтожества, недочеловеки. Доктор Вилли Лей, один из мировых авторитетов в области ракетостроения, бежал из Германии в 1933 г. Он то и поведал о некоем тайном обществе, существовавшем в Германии еще до появления нацизма. Поводом для создания его послужил роман английского писателя Булвера-Литтона «Раса, которая нас превзойдет». В этом произведении описывались события и люди, психика которых достигла высшей, по сравнению с существующей, стадии развития. Эти сверхлюди, по замыслу автора, смогли бы властвовать над миром и сравняться с богами. Герои романа временно находились под землей, в глубоких пещерах, но скоро должны были оттуда выйти, чтобы править человечеством.

Члены этого оккультного общества, якобы, владели некоторыми тайными способами изменения расы. Для личной трансформации у них существовала система внутренних психических упражнений. Гитлеру были близки взгляды

В Великой Отечественной

Булвера-Литтона, тем более, что он сам был ярким и активным сторонником так называемой «ледовой теории». Нередко фюрер недвусмысленно заявлял, что имел личный контакт с теми, кто был с «другой стороны»:

— «Наш мир — полость внутри бесконечной скалы. Нечто вроде воздушного пузыря. И мы живем внутри. Наши звезды — суть ледяные массы. А у Земли было несколько спутников-лун. Предыдущие луны падали на землю. Нынешняя, которую мы видим, тоже упадет в свой срок. Вся история космоса и вся история человечества объясняется борьбой льда и огня.

Что касается нынешнего человека, то он далеко еще не завершен. Мы стоим на берегу грандиозной мутации, она даст человеку могущество, которым древние наделяли богов. И уже существует несколько новых людей, которые пришли, может быть, из места, находящегося вне времени и пространства, с «другой стороны».

В некотором месте на Востоке есть скрытый город, над которым властвует «Повелитель мира», он же «Король Ужаса», и подписавшие с ним пакт изменят на тысячелетия жизнь на Земле и дадут смысл ныне бесцельному уделу человечества».

Таковы религиозно-мистические концепции, которыми кормился фашизм — именно на них опирались новые немецкие вожди, чтобы привести в движение общественные и политические силы страны. «Фашистская религия несла в себе новое качество — приверженность к технике. Теософы, оккультисты и прочие разного рода «исты», приобщившиеся к духу древних веков — отрицали современную цивилизацию и всегда были врагами технического прогресса. Магический же дух фашизма оцетинился всеми достижениями материального мира.

Считалось, что Гитлер, носитель новой фашистской религии, является носителем огня. Он был абсолютно уверен, что русский мороз отступит перед его войсками, так как непоколебимо верил в магический союз с холодом — ведь человечество под его эгидой вступило в новый цикл огня, и зима должна была отступить перед его воинством — носителем магического пламени. Держа свои войска в центре внимания, Гитлер пожаловал частям в России только... шарфы и перчатки.

Первый удар по уверенности фюрера был нанесен в декабре 1941 г., когда температура в районе Москвы опустилась до сорока градусов. Потусторонние силы, на покровительство которых рассчитывал Гитлер, почему-то оставили его... В немецких автоматах застыла смазка, синтетический бензин от холода расщеплялся на составные реагенты. Солдаты умирали в своих легких шинелях и сапогах — даже легкая рана была для них смертельным приговором.

Гитлер отказывался верить в разрыв между мистикой и реальностью. Генерал Гудериан, рискуя карьерой, а возможно и жизнью, вылетел в ставку фюрера, чтобы добиться приказа на отступление. «Мороз — это мое дело, — ответил Гитлер, — атакуйте...». Нужный приказ так и не был отдан — фашистские части несли потери не только от мороза, но и от ударов русских, которые с каждым разом становились все чувствительнее. Германская армия теряла своих воинов в угоду непонятным мистическим силам...

А. Гитлер

В Великой Отечественной

Остатки «Великой Армии» в конце концов были вынуждены откатиться на запад и юг. Но следующим летом произошла еще одна, не совсем понятная сцена в спектакле, разыгранном по мистическому сценарию фюрера. Три альпиниста из «СС» водрузили на Эльбрусе, священной горе для арийцев, знамя со свастикой. Это был своего рода священный ритуал, означавший начало новой эры, нового цикла. Этим действием предполагалось, что климат будет побежден и огонь на тысячелетие укротит лед. При этом были полностью проигнорированы все военные неудачи 1941 г., которые теперь расценивались всего лишь как испытания перед окончательной победой германского духа. И поэтому, вопреки науке, бронированные носители огня сосредоточились на Восточном направлении, чтобы в Сталинграде расцезать надвое территорию России.

Но суровой зимой 1942 г. почему-то восторжествовали простые люди России — лед им помог посрамить торжество новой магии.

После крушения на Волге Гитлер перестал быть провозвестником новой религии, которая рухнула, поскольку равновесие сил изменилось. Германские газеты, обрамленные черными рамками, давали куда более ужасающие подробности разгрома под Сталинградом, чем это было в советской прессе.

В Германии был объявлен национальный траур, но для немногих высокопоставленных фашистов, посвященных в тайну новой религии, это было нечто большее, чем поражение государства или армии. Геббельс тогда писал: «Поймите! Сама Идея, само понимание Вселенной терпит поражение. Духовные силы будут побеждены и близится час страшного суда».

Теперь можно сказать, что тогда на Волге Россия приостановила развитие принципиально новой религии, которой предстояло создать цивилизацию, где не было бы места для простых людей. Здесь явственно просматривается еще один аспект — против фашистской Германии выступила не случайная коалиция сил, которые были даже враждебны друг другу — это Земля, объединившая силы единством восприятия законов Вселенной и реальностью настоящего мира. Сама Земля выступила против того мира, который был ей уготовлен религией, провозглашенной Гитлером.

С 1943 г. фюрер продолжил борьбу, не имея ни малейшего шанса на успех. Он и его единомышленники считали, что, если нельзя поправить положение силами человеческими, то в соответствии с исповедуемой ими религией следует вызвать Суд Богов — и тогда грянет очередной потоп в назидание всему человечеству. На Землю должна пасть ночь, и все накроют ледяным градом будущие волны. Для Гитлера обрыв линии собственной жизни означал конец мира. Геббельс в последних выступлениях даже приветствовал вражескую авиацию, которая бомбила его родину: «Да погибнут под развалинами наших городов достижения идиотского XX века!»

Смерть получила в Германии вершину власти из рук Гитлера. Он отдал приказ о разрушении Германии, о массовом истреблении пленных. Он казнил лечащего его врача и, требуя смерти для своих солдат, прибег к ней сам. И все делалось во имя новой религии, во имя сумерков богов Гитлера и Геббельса — немцев призывали к подрыву плотин и мостов, уничтожению железных дорог и подвижного состава.

Г. Геббельс
произносит речь

Гитлер ненасытно требовал германской крови, посылая на бессмысленную бойню своих последних солдат. Фюрер нации считал, что терпит поражение не от противников нацизма или врагов германского национализма. Он полагал, что поднялись великие тайные силы, чтобы уничтожить Землю за то, что она осмелилась воспротивиться огню победить лед, что позволило жизни восторжествовать над смертью.

Воображение Гитлера требовало только одного — вызвать гнев небес. Он приказал затопить берлинское метро, где находилось около 300 тысяч человек — это была уже чисто магическая процедура — жертвоприношение Воде, которая бы вызвала всемирный потоп.

Высшие руководители нацизма считали, что массовые человеческие жертвоприношения, побеждая равнодушные могущественных сил, обраща-

ли их на помощь жертвователям. Удивительное совпадение с древними языческими временами!

И еще одна любопытная деталь: Гитлер покончил собою 30 апреля 1945 г. Этот день был выбран для самоубийства не случайно — так считает американский автор-окультист Д. Бреннан: «Посвященный в мистерии зла, он остался до конца верным своей мрачной вере и подстроил все таким образом, что даже его самоубийство явилось жертвоприношением силам тьмы. 30 апреля в древности отмечался праздник Дьявола — день переходил в Вальпургиеву ночь. Вероятно, это самая важная дата во всем календаре сатанизма».

О Гитлере и его вере мы упоминаем в этой книге не случайно, так как и сейчас люди не застрахованы от появления очередной религии, способной свергнуть человечество в катаклизм, в огне которого может сгореть наша голубая планета. Тем более осторожно нужно относиться к многочисленным духовным конфессиям, в великом множестве устремившихся в Россию — какие последствия их воздействия на нашу страну придется испытывать в будущем — это один из сложнейших вопросов современности. И каждый командир в армии должен знать, во что верят его подчиненные...

Вначале на оккупированных Гитлером областях началось стихийное восстановление Церкви. Открывались, очищались и освящались оскверненные, но уцелевшие храмы, а там, где они были разрушены, устраивались молитвен-

В Великой Отечественной

ные дома, куда верующие сносили сохраненные ими антимины, иконы, сосу-ды и всякую церковную утварь. Тысячи людей заполнили храмы, чтобы услы-шать слово Божие и приобщиться к таинствам. Гитлеровцы провозгласили идею крестового похода против «советских безбожников». Так, протоиерей Александр Смирнов в своих докладах митрополиту Сергию (местоблюстители патриаршего престола), отмечал стремление фашистов всю свою деятель-ность оправдывать именем Господним. До поры, до времени оккупанты не трога-ли православные храмы, видимо полагая, что Церковь, перенесшая жесточай-шие бедствия от гнета большевиков, станет их союзником. Более того, на заня-тых территориях даже поощрялось богослужения. Первое время некото-рая часть населения поверила в искренность отношения к православию герман-ских властей, но ей было суждено скоро в этом разочароваться.

Относительно проведения религиозной политики на оккупированных тер-риториях фашистская администрация имела четкие указания фюрера:

«Мы должны избегать, чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в неза-висимую секту, которая почитала бы Бога по-своему. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Короче говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в поощре-нии любой и каждой формы разъединения».

Видимо, через короткое время гитлеровцы поняли, что Русская Право-славная Церковь вряд ли будет для них надежным союзником, и поэтому стали искать себе помощников среди католиков. Так, последний протопресвитер русского военного и морского духовенства отец Георгий Шавельский в своих воспоминаниях написал:

«Когда немецкие войска проникли в Россию, Ватикан двинул в оккупиро-ванные местности целую армию своих миссионеров, нашедших полную под-держку у немецких властей, считавших, что работа этих миссионеров будет способствовать выгодной для немцев денационализации русского населения. За разгромом и изгнанием немцев последовало и бегство римско-католических миссионеров из русских пределов».

Тяга населения к Церкви, как на оккупированной территории, так и неок-купированной, была столь очевидна, что И. Сталин, видимо, счел возможным пересмотреть свое отношение к Православной Церкви и разрешил местоблю-стителю патриаршего престола митрополиту Сергию открыть храмы, до того закрытые по приказу властей.

Кроме молитв, на оккупированной территории Церковь распространяла листовки с призывами верующих на священную борьбу с оккупантами. Так, сохранилось письмо партизана А. Г. Голицына митрополиту Алексию, дати-рованное 1 мая 1944 г. В нем, в частности, говорилось: «Ставлю Вас в извест-ность, что Ваш агитлисток, который Вы засылали в тыл врага к своим едино-верным братьям, временно подпавшим под немецкое рабство, — его я, как партизан, до прихода в г. Ленинград хранил. Ваш агитлисток сыграл немалую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а

Немецкие
танки в
Белоруссии

вместе с этим и борьбе против фашизма. Этот листок среди населения, как Божье письмо, и за него немецкие коменданты в своих приказах грозили смертной казнью тем, у кого он будет обнаружен... Его я Вам и шлю».

Православные храмы подверглись участи гражданских учреждений — разорению и уничтожению. На оккупированной территории фашистами было сожжено, разграблено и уничтожено 1670 церквей, 237 римско-католических костелов, 532 синагоги, 258 других зданий, принадлежавших учреждениям различных духовных конфессий. Правду об истинном положении дел на занятых фашистами территориях несли прихожанам послания митрополитов. Полицейские и гестаповцы строго карали лиц, у которых обнаруживали эти документы. Особые счета у гестаповцев были с Сергием — 16 августа 1941 г. обер-группенфюрер СС Гейдрих отдал приказ об аресте митрополита Сергия при захвате Москвы.

Председатель епархиального совета православной церкви Латвии Николай Александрович Македонский на допросе показал:

«Немецкие оккупанты преследовали священников православной церкви, подвергали их арестам, насильно угоняли в Германию, разрушали храмы, стремились уничтожить православную церковь в Латвии и, несмотря на протесты верующих и духовенства, сжигали церкви одну за другой. Немцы сожгли 10 и 3 подорвали, кроме того, еще 8 церквей разрушили.

В Великой Отечественной

Священник Сутажской церкви Рижского уезда Трубин Глеб докладывал мне, что немецкое командование превратило церковь в больницу для немцев, больных венерическими болезнями. По сообщению священника Бубакина Владимира, в Ауспутской церкви немцы разместили кузницу, в Угмурской — склад военного снаряжения. Лишали верующих возможности отправлять богослужения.

Оккупанты сняли во всех церквях колокола, употребив металл на изготовление оружия войны, медалей для своих героев. Священника Карадабской церкви Бредыса арестовали и шесть месяцев содержали в тюрьме без допросов и предъявления обвинения. Его псаломщика расстреляли. Кроме того, там же расстреляли членов церковного совета».

К сожалению, ни в церковных, ни в официальных архивах не сохранилось сведений о подвигах священнослужителей, совершенных на поле битвы. Лишь память верующих перенесла через время подвиг скромного священника Федора Андреевича Пузанова. Он находился в Чудове, когда станцию заняли немцы, перебрался в Псков, где получил место в селе Хохловые Горки Порховского района. Во время оккупации отец Федор держал связь с партизанами, поставлял им продовольствие, одежду, информировал о действиях немцев. При отступлении с Псковщины его приходу было дано предписание вместе с соседними эвакуироваться с немцами. Приказ об эвакуации нужно было выполнить, чтобы не подвергнуться репрессиям. Приход во главе с Пузановым двинулся в путь под конвоем немцев. Пройдя километров пятнадцать, немецкий конвой куда-то отлучился. Тогда священник пригласил всех желающих вернуться вместе с ним по домам, положившись на волю Божию. Все так и поступили. Священник Пузанов был позже награжден медалью.

В 1940 г. в Прибалтику был командирован епископ Сергей (Воскресенский), который стал митрополитом Литовским и экзархом Латвии и Эстонии. Когда туда пришли немцы, он не покинул Ригу. Не исключено, что это было санкционировано местоблюстителем патриаршего престола. Когда прервалась связь экзархата с Москвой, он перешел на положение автономного округа Московской Патриархии, соблюдая молитвенную связь с ней. Поскольку боевые действия затягивались, то экзарх все больше отходил от общения с Патриархией. Со временем митрополит Сергей получил согласие германского командования на организацию церковного управления на территории РСФСР, оккупированной группой армий «Север».

18 августа 1941 г. первая группа рижских «миссионеров» выехала в Псков и создала там «Управление Православной Миссией в освобожденных областях России». Ее официальной целью провозглашалось восстановление разрушенной большевиками церковной жизни. И в самом деле, за короткий срок число действующих церквей в западных районах выросло в десятки раз.

С конца 1943 г. осложнились отношения руководства экзархата с германским командованием, и прежде всего по вопросу о признании выборов Патриархата. Митрополит Сергей так и не уступил требованиям фашистов, принуждавших его объявить избрание патриарха недействительным. А тут еще в заявлении рейскомиссару «Остланда» митрополит неосторожно написал, что

Взорванная
церковь.
Белоруссия

«православный епископат... возможно и даже определенно, свои надежды больше не связывает с победой немцев», и предпринял решение отмежеваться от иерархов, наиболее усердно прислуживающих оккупантам. В воззвании апрельской (1944 г.) конференции православных епископов в Риге уже употреблялся термин «Первосвяитель», что означало открытое признание патриарха. Несмотря на давление со стороны немцев, митрополит так и не сделал требуемого от него заявления. 29 апреля митрополит Сергей был убит.

В Великой Отечественной

Подлинные обстоятельства гибели русского епископа-патриота стали известны лишь в недавние годы. Один из бывших верховных руководителей СС, генерал полиции Фридрих Еккельн свидетельствовал:

«В марте или апреле 1944 г., когда стало ясно, что «Остланд» нам вскоре придется оставить (В «Остланд» входили Латвия, Литва, Эстония — А. Г.), было совершено убийство митрополита Сергия. Этот антифашист давно находился под наблюдением служб гестапо и СД. Прямых улик, однако, против него не было, и все же в одну из встреч со мной Гиммлер поинтересовался, как ведет себя митрополит, заявив, что вопрос о нем скоро будет решен окончательно. Спустя некоторое время мне дали прочесть поступивший приказ о ликвидации митрополита за подписью Кальтенбруннера. Из приказа следовало, что митрополит Сергей должен быть убит таким образом, чтобы подозрение пало на партизан. Так и было сделано. Когда митрополит проезжал на легкой автомашине по дороге из Каунаса на Вильно, его вместе с шофером расстреляли из засады сотрудники СД и гестапо. В газетах же было сообщено, что это, мол, дело рук партизан».

30 декабря 1942 г. — в дни всенародного патриотического подъема по сбору жертвований для защиты Родины, патриарший местоблюститель митрополит Сергей Страгородский обратился к «архипастырям, пастырям и приходским общинам» с призывом о сооружении на средства верующих общецерковной танковой колонны имени Дмитрия Донского — это предложение было поддержано всей Церковью.

«Пусть наша церковная колонна, — обращался он к верующим, — несет на себе благословение Православной нашей Церкви и ее неумолкаемую молитву об успехе русского оружия».

Мало кого оставило равнодушным обращение — каждый старался внести посильную лепту на благородное начинание. Всего на танковую колонну было собрано 8 миллионов рублей деньгами и большое количество изделий из золота и серебра.

Деньги вносили священники, общины и миряне. Некоторые это делали анонимно. Люди жертвовали даже последним, что имели... Так, в селе Чеберкуль Челябинской области Михаил Александрович Водолеев писал в Московскую Патриархию: «Я престарелый, бездетный, всей душой присоединяюсь к призыву митрополита Сергия и вношу 1000 рублей из своих трудовых сбережений, с молитвой о скорейшем изгнании врага из священных пределов нашей земли».

Также трогает за душу письмо 72-летнего заштатного священника Михаила Михайловича Колоколова, который внес на танки свой священнический крест, четыре серебряные ризы с икон, серебряную ложку и все свои облигации выигрышных займов: «Прошу принять мою малую жертву, посылаемую от искренней души, для сокрушения диких полчищ осатанелого врага».

Верующие активно принимали участие в сборе средств, проводившимся по инициативе населения. Так, в Новосибирске верующие и духовенство отдали 110 тысяч рублей на строительство самолетов сибирской эскадрильи

Ново-Иерусалимский монастырь, разрушенный захватчиками. 1941 г.

В 25-ю годовщину Красной Армии митрополит Сергей телеграммой молитвенно пожелал «испытать радость полной победы над врагом и видеть возрождение истерзанной Родины» и просил принять И. Сталина собранные средства на танковую колонну, «как дар духовенства и верующих Русской Православной Церкви в день юбилея Красной Армии».

В 1942 г. ко дню Красной Армии только московские храмы выделили на подарки бойцам полтора миллиона рублей. Троицкая община в Нижнем Новгороде собрала в фонд обороны миллион рублей деньгами и на несколько сот

«За Родину». Духовенство и верующие Горьковской области собрали на эскадрилью самолетов имени Александра Невского 1040 тыс. рублей, в том числе протоиерей Н. Андриановский от себя сделал взнос в 100 тыс. рублей на сооружение самолетов от города Свердловска. Церковный совет Казанской церкви города Кузнецка Пензенской области внес на постройку самолетов 150 тыс. рублей, а настоятель ее, протоиерей Авраамий Михайлов, из своих личных сбережений — 115 тыс. рублей. Священник Успенской церкви города Ижевска пожертвовал 273 тыс. рублей и в телеграмме на имя И. В. Сталина просил изготовить на эти деньги два боевых самолета и назвать их в честь героев-предков «Александр Невский» и «Дмитрий Донской».

Одним из первых сделал взнос в размере 100 тыс. рублей священник села Шубина Молотовской области Александр Александрович Троицкий. В телеграмме на имя И. Сталина он писал, что «с первого дня Великой Отечественной войны... призывал прихожан помогать Красной Армии и в своих проповедях проклял немецких насильников и детоубийц».

В Великой Отечественной

тысяч теплых вещей. Когда об этом доложили митрополиту Сергию, тот на ивещении наложил резолюцию: «Браво. Нижний Новгород не посрамил мининскую память».

В течение всей войны в храмах проводились денежные сборы: в Ленинграде было собрано более 13 млн. рублей, в Горьком — более 4 млн., в Саратове в течение 1943 г. в местное отделение Госбанка верующие внесли 2 млн. 339 тыс. 776 рублей. Иногда пожертвования вносили анонимно — так, в один из храмов Ленинграда неизвестные богомольцы у иконы Святого Николая положили пакет со 150 золотыми монетами царской чеканки.

Мужественно вели себя на поле боя верующие воины, которые, видя ужасы войны, дали обет посвятить себя на служение Богу и людям и впоследствии стали священнослужителями. Так, после войны настоятелем храма в Саратове — артиллерист Николай Архангельский, будущий диакон храма во Ртищеве Михаил Архипов встретил победу в Польше, иподиакон Михаил Порхунов служил минометчиком. Все они награждены орденами и медалями. В блокадном Ленинграде священники помимо духовных обязанностей несли дежурство в отрядах противовоздушной обороны, принимали участие в строительстве укреплений на подступах к городу. Исключительно строго выполнялись все положенные церковным кругом богослужения, хотя порой служба проходила под обстрелом дальнобойных орудий или разрывами авиационных бомб. Памятной для защитников города стала дата 9 апреля 1942 г. — в этот день жители блокадного города собрались у Александро-Невской Лавры, чтобы отметить 700-летие победы князя Александра Невского на Чудском озере. У Лавры выстроились войска с развернутыми знаменами — им отсюда предстояло идти прямо в бой. В самой Лавре проходила торжественная литургия, по ее окончании митрополит Алексей благословил солдат Красной Армии.

1942 год... Остро встал вопрос о полуночных службах в московских храмах. Если службы под пятницу и субботу Страстной недели допускали некоторый компромисс, то пасхальная служба в самую ночь Светлого Воскресения потеряла бы все свое значение при изменении времени ее совершения и могла вовлечь богомольцев невольно в нарушение комендантского режима. Были приняты все меры к тому, чтобы во время полуночной службы соблюдались все правила поведения в столице, находившейся на осадном положении.

К празднику Пасхи митрополит Сергий выпустил праздничное послание верующим: «Праздник Пасхи празднуем мы, а небо над нами еще покрыто тучами, страна наша все еще терпит лютое нашествие фашистов. Но тьма не победит света, хотя на время и заслонила его. Не победить фашистам, дерзнувшим признать вместо креста Христова своим знаменем языческую свастику. Не свастика, а крест призван возглавлять нашу христианскую культуру... Да поразит праведный Судия Гитлера и всех соумышленников его и да откроет глаза тем, кто еще не хочет видеть в Гитлере врага Христова».

Для москвичей в 6 часов утра в субботу 4 апреля 1942 г. радио неожиданно начало свою работу с сообщения коменданта Москвы о том, что разрешается свободное движение в столице в ночь на пятое апреля. Восторгу верующих не было предела — появилась надежда, что Иосиф Сталин пересмотрит свои взгляды на Русскую Православную Церковь.

5 января 1943 г. И. Сталин разрешил Церкви открыть свой счет в банке, на котором уже через год находилось 150 млн. рублей. Но от признания И. Сталиным Церкви до непосредственной встречи с ее иерархами прошло значительное время. Она состоялась только 4 сентября 1943 г. в 21 час.

В тот вечер руководители партии и правительства выразили признательность Русской Православной Церкви за ее вклад в борьбу с фашизмом и одобрили желание церковных иерархов созвать собор епископов для выбора Патриарха Московского и всея Руси и образования при нем Священного Синода. На встрече присутствовали все три митрополита — Сергей (Страгородский), Николай (Ярушевич), Алексей (Симанский).

В беседе со Сталиным митрополит Сергей посетовал, что нехватка священников отражается на вере паствы и неплохо было бы открыть для их подготовки хотя бы курсы. Сталин искренне удивился: «Куда же подевались ваши священники?» Митрополиты могли бы с высокой степенью точности ответить на этот вопрос, но как это сделать дипломатично... Выход нашел митрополит Сергей: «Одной из причин нехватки священников было то, что мы готовили их для службы церкви, а они становятся маршалами Советского Союза» — это был достаточно ясный намек на то, что сам Сталин когда-то учился в духовной семинарии. Он улыбнулся, оценив находчивость митрополита. Беседа трех иерархов со Сталиным затянулась до трех часов ночи. После этого события и наступило потепление во взаимоотношениях государства и Церкви.

8 сентября 1943 г., через четыре дня после встречи со Сталиным, в Москве состоялся собор епископов Русской Православной Церкви, в котором участвовало 19 архиереев. На нем был заслушан доклад митрополита Сергия о патриотической деятельности Церкви за годы войны, а затем прошли выборы патриарха — им стал многолетний местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей Страгородский. Собор осудил предателей Родины, которые вступили в сотрудничество с гитлеровцами: «Всякий, виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана». Собственно, этот собор завершил сложный и болезненный послереволюционный процесс определения места русского православия. После многочисленных расколов и организационных катаклизмов Церковь вновь стала единым религиозным монолитом во главе с патриархом Московским и всея Руси. Вновь стал выходить «Журнал Московской патриархии» — официальный орган печати Русской Православной Церкви. Был также решен положительно вопрос о восстановлении средних и высших учебных заведений для священников. Об отношении официальных властей к священникам достаточно ярко показателен случай, когда в далеком сибирском городе Красноярске глав-

В Великой Отечественной

ному хирургу местного госпиталя Войно-Ясенецкому был официально возвращен клобук епископа.

Советские полководцы... А как они относились к верующим? И опять на этот вопрос сложно ответить. Грамотный и опытный полководец, безусловно, для достижения поставленной перед ним цели будет использовать все возможные факторы, оказывающие влияние на победу, среди них религия — не последний. Удалось найти сведения о двух полководцах: маршале Г. К. Жукове и маршале В. И. Чуйкове.

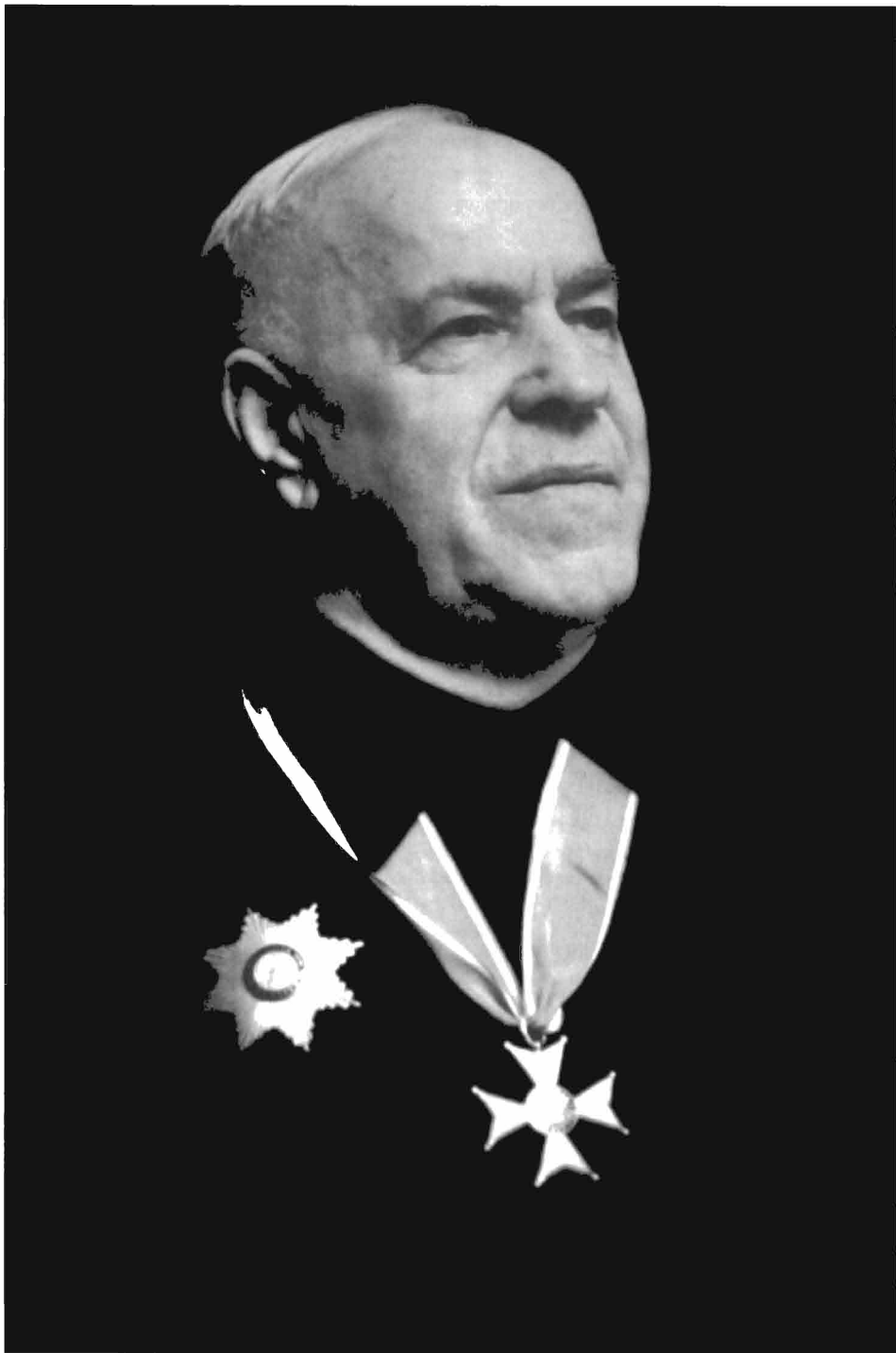
В архиве Московской духовной академии сохранился выпуск «Киносборника» об обороне Сталинграда. На пленку были засняты богослужения в развалинах церквей. Там, где не было священников, бойцы и их командиры ставили к иконам лампы, которые сами же изготовили из латунных гильз. Генерал Василий Иванович Чуйков, будущий маршал, в то время командовавший армией, тоже поставил такую лампаду перед иконой Богородицы.

Маршал Георгий Жуков, по воспоминаниям его дочери Маргариты Георгиевны, в высшей степени уважительно относился к вере и верующим. Пройдя школу российской армии от рядового нижнего чина, он воочию видел, как вера помогала крушить врага. «Человек, идущий в бой с верой — вдвое сильнее! — считал он. В детстве его крестили, и, как все деревенские ребята, Георгий ходил в положенные дни в церковь. Первым учителем Закона Божия в церковно-приходской школе у будущего маршала был священник Ремезов. Он учил детей любить не только Бога, но и людей и природу. Этот священник был уважаемым и достаточно влиятельным человеком, и дети его любили за доброту и отзывчивость, честность и справедливость. У М. Г. Жуковой сохранился в памяти рассказ отца о том, как дети решили однажды озадачить батюшку вопросом: «А есть ли Бог на земле?» Умудренный пастырь ответил: «Я всю жизнь молился Богу за всех людей, чтобы Он всем помог и защитил!» Тогда последовал другой вопрос: «Батюшка, а ты видел Бога? Он какой, если приходил к вам?» Священник также спокойно ответил, что людям не дано видеть Бога. Души детей пришли в смятение: «Как же так? Если есть Бог, то почему Он не пришел к такому доброму и ласковому батюшке?» Но это детские впечатления...

Уже в зрелом возрасте Жуков расскажет дочери Маргарите: «Есть люди, которые верят в существование Бога, другие — не верят, а третьи — сомневаются. Эти люди могут ходить в церковь и носить крест на груди. В царской армии, — вспоминал Георгий Константинович о своей молодости, — многие носили крестик, чаще потому, что им его надели с детства». На первую мировую войну он ушел с натальным крестиком на шею — и вернулся с четырьмя георгиевскими крестами — за храбрость, мужество, проявленные при защите Отечества. После той войны у Жукова появилась поговорка: «На Бога надейся, а сам не плошай!» Уже служа в Красной Армии он встал на позиции атеиста, но сам был терпим к вере других. Видимо, в силу первого обстоятельства, он не крестил трех своих старших дочерей в церкви.

В войну 1941–1945 гг. о нем ходило немало легенд. Одна из них о том, что маршал Жуков возил с собой по всем фронтам чудотворную икону Божией

Маршал
Советского
Союза
Г. К. Жуков

В Великой Отечественной

Матери. Верующие, да и не только они, связывали непобедимость маршала с этим обстоятельством. Эта легенда жива и сегодня. О его отношении к религии, пожалуй, более правильно судить по отношению к верующим...

В 1943 г. в боях под Курском Георгий Константинович не разрешил разрушить кафедральный собор на центральной площади города, в котором за прочными стенами засели фашисты: «Собор этот — святыня для народа, и взорвав его, мы лишаем свой народ не только святыни, но и памятника народного творения славного прошлого». Об этом факте из биографии отца Маргарита Георгиевна узнала только в 1992 г. от архиепископа Курского и Белгородского Ювеналия.

Конец 1944 — начало 1945 г., Польша. Красная Армия встретилась с необычной для нас религиозностью населения и большим количеством костелов. Г. К. Жуков, узнав о расстреле гитлеровцами сорока тысяч священнослужителей за активную помощь партизанам, воспрепятствовал уничтожению костелов, как национальных святынь и исторических памятников поляков.

Другой любопытный эпизод. В конце войны в 1945 г. Г. К. Жуков посетил христианский храм под Дрезденом, в котором затеплил лампадку у образа. С тех пор она горит неугасимо и называется «лампадой Жукова».

Известно, что во время войны командиры и политработники не преследовали бойцов за религиозные убеждения, — они старались не замечать проявления чувств верующих. Многие из воинов имели с собой молитвы, написанные чаще всего рукой матери. Так, полковника Николая Николаевича Штучкина я знаю давно — добрых полтора десятка лет, по журналу «Крылья Родины». Были с ним в хороших дружеских отношениях. О войне он рассказывал много, летал на истребителе, но никогда ни словом не обмолвился о своем отношении к религии. И вот только недавно он поделился сокровенным:

«Во время войны в боевых частях командиры и политработники, как правило, делали вид, что не замечают, когда тот или иной обращается к Богу. Иначе это можно выразить, как молчаливое согласие. Считалось, что если вера помогает бить врага, то пусть себе веруют... Надо сказать, что никто открыто не говорил о том, что он верующий... Но многие имели с собой либо крестик, либо образок, а то и просто бумажку с молитвой. У меня тоже была такая бумажка: однажды ко мне в полк приехала мама и призналась, что постоянно молится за меня, и протянула вчетверо сложенный листок с псалмом 90. Я взял бумажку, положил ее в комсомольский билет и пообещал маме: «Не беспокойся, молитва будет со мной постоянно».

И вот ведь какое дело — хотите верьте, хотите нет, но были по моему разумению случаи, когда без Бога не обошлось... В один из ноябрьских дней девятка немецких бомбардировщиков пришла бомбить Центральный аэродром в Москве, на котором «сидел» наш полк. Чужие машины заходили с запада, перпендикулярно нашей стоянке, в направлении Ленинградского шоссе. Когда я запустил мотор, справа у плоскости моего «МиГа» вдруг подпрыгнула и тут же успокоилась кипа сложенных тяжелых зимних чехлов. «С чего бы это, — подумал я, — чем же это они бомбят? Машина цела, да и у меня ни царапины...».

Первым на взлет прямо со стоянки пошел Илья Бочаров, вслед за ним и я. «Юнкерсы», сделав свое дело, нас ждать не стали и сразу ушли в облака. Минут через двадцать мы пошли на посадку. Увидел летное поле, припорошенное свежим снегом, сел благополучно. И вот здесь только заметил, что поле пробито ровной линией воронок от бомб. Колеса моего истребителя прошли точно между двумя воронками.

— Ты никак родился под счастливой звездой, — сказал Бочаров. — Первая бомба попала в чехлы и не взорвалась, а вторая в десяти метрах от первой тоже не сработала. А попади в воронку — верный гроб!

— На все милость Божия, — ответил я товарищу. И он с этим согласился:

В Великой Отечественной

— Пожалуй, здесь ты прав — одним везением это не объяснить!

Много было в моей жизни случаев, когда, казалось, уже нет выхода, но надежда, что Бог не оставит, никогда меня не покидала, и выход из положения находился.

Видел и милость Божию, видел и кару Его. За недоброе отношение, за богоульство... Один летчик, Владимир Козичев, дважды возвращался, не выполнив боевого задания. Причину объяснял перебоями в работе мотора. Техники, инженер исследовали машину, но какого-либо дефекта не нашли. И вот этот летчик не выполнил задание в третий раз...

Командир эскадрильи Иван Яуров, не допустив технического персонал к машине, обратился к Козичеву: «Ты трус! Я сейчас поднимусь на твоей машине, и если она окажется исправной, пойдешь под трибунал!» Летчик буквально взмолился: «Проверьте. Честно говорю. Богом клянусь!». — и в подтверждение своих слов перекрестился. Комэск нервно блеснул глазами: «Нечего мне здесь поповщину разводиться!» А дальше произошло вот что: самолет нормально взлетел и пошел в крутой набор высоты, как вдруг сразу «обрезал». У машины не было в запасе ни высоты, ни скорости. Комэск погиб. Летчики, в большинстве своем народ верящий в приметы, расценили этот случай, как вызов судьбе. Я же думал иначе — для меня это был наглядный урок того, что может случиться со святотатцем.

Не сомневаюсь, что выживали наиболее сильные, наиболее тактически и физически развитые, сумевшие стать сильнее врага... Но эту силу и умение они безусловно получили от Бога. Почему я так думаю?

Один из моих товарищей, бывших летчиков, часто произносил фразу: «А Бог его знает...». Даже тогда, когда можно было сказать по-другому. Не сомневаюсь — он верующий. Он благополучно вышел из сложнейших ситуаций, в двадцать два года стал Героем Советского Союза, а в сорок пять — генералом, командующим, очень долго летал. Да и сейчас он сохраняет работоспособность, не хватается, как многие, за сердце. Конечно, это от Бога!..

Война закончилась. Из тех полковых летчиков, которые начинали бой, остались буквально единицы. И я в их числе. Уверен, спасла меня материнская молитва и вера в милость Божию. Может возникнуть вопрос: а как же другие, из тех, кто остался в живых, они что, тоже были верующими, тоже хранили молитвы в комсомольских билетах? Не знаю, может так, а может и нет. Но я уверен, что не только Церковь, но и матери молились за них постоянно».

А вот еще одно очень интересное свидетельство офицера — участника освобождения города-крепости Кенигсберга:

— Наши войска уже совсем выдохлись, а немцы были еще сильны. Вдруг видим: приехал командующий фронтом, офицеры, с ними — священники с иконой.

Многие стали шутить: «Вот попов привезли, сейчас они нам помогут». Но командующий быстро прекратил шутки, приказал всем построиться и снять головные уборы. Священники отслужили молебен и пошли — с иконой — к передовой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут? Их же всех перебьют! Но они спокойно шли в огонь.

И вдруг стрельба прекратилась с немецкой стороны одновременно по всему фронту. Тогда был дан сигнал, и наши войска начали штурм города-крепости с суши и с моря.

Немцы гибли тысячами. Пленные потом рассказывали, что перед штурмом русских в небе появилась Богоматерь, которая была видна всей немецкой армии, и абсолютно у всех отказало оружие. В тот момент наши войска сломили сопротивление врага и взяли город. Увидев явление Божией Матери, немцы падали на колени; многие из них поняли, Кто помогает русским».

В радостные для каждого христианина пасхальные дни 1945 г. враг сложил оружие. Во всех церквях России служились торжественные благодарственные молитвы и звучали слова пророка: «Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог». Епископ Сергей (Ларин) в Одесском Успенском соборе 9 мая 1945 г. произнес: «Светло празднует Пасху Христову в этом году, мы еще торжественно ликуем и поем пасхальные гимны в дни великих побед, особенно сегодня, в день величайшего народного праздника победы».

В конце войны высшее духовенство было награждено государственными наградами, в том числе митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию и ленинградским священникам были вручены медали «За оборону Ленинграда», митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю «За оборону Москвы» — и это было официальное признание роли духовенства в деле разгрома гитлеровских полчищ.

Заключение

Армия и религия в современных условиях

Православие в России исторически играло роль в воспитании у воинов высоких норм нравственности и формировании у них духовного идеала, определяющего поведение и деятельность человека в любой жизненной ситуации, в том числе и в условиях военной службы.

Перемены, которые произошли и происходят в жизни России, с одной стороны, и в религиозной жизни общества — с другой, с достаточной очевидностью показывают, что эти два института должны взаимодействовать, как это уже было когда-то, о чем свидетельствует обширное военно-историческое наследие.

Русская Православная Церковь имеет богатый многовековой опыт работы с людьми, и поэтому нельзя не учитывать наши исторические корни и традиции. Среди святых, почитаемых Русской Православной Церковью, целый сонм воинов: небесный покровитель русского воинства Георгий Победоносец, Дмитрий Солунский, Феодор Стратилат, князь Владимир, великие русские полководцы святые благоверные князья Александр Невский и Дмитрий Донской. Вера вселяла русским уверенность в победе, в правоте своего дела. История сохранила немало тому примеров. Наиболее известный из них — Куликовская битва. Кстати, интересное совпадение — наиболее известные полководцы России отличались высоким религиозным чувством.

Не зная истории Русской Православной Церкви, невозможно понять особенности формирования воинского духа защитников Отечества в прошлом.

Сегодня современный офицер России должен не только хорошо разбираться в особенностях исторических исповеданий, свойственных России, но и других конфессий. И самое главное, он должен являть собой пример веротерпимости.

В 1884 г. была введена церемония торжественной присяги нижних чинов при полковом знамени. С этой церемонией связано интереснейшее воспоминание очевидца.

«Полковник Рерберг выводит полк на плац, и перед глазами открывается редкая по красоте картина присяги новобранцев 3-го гренадерского Перновского короля Фридриха-Вильгельма IV полка.

Посередине плаца стоят шесть совершенно одинаковых столиков, покрытых белыми скатертями. Перед столиками, на некотором расстоянии, стоит знаменщик полка старший унтер-офицер Артур Степин со знаменем полка и ассистентом. Постепенно, после нескольких перестроений, с другой стороны каждого столика образуются стройные квадраты подтянутых гренадер-перновцев.

Перед каждым столиком появляются священнослужители разных религий. Полковой священник с Крестом, и Евангелием становится перед первым столиком, перед которым стоит самый большой «квадрат» новобранцев. Перед вторым столиком становится католический ксендз, перед третьим — лютеранский пастор, перед четвертым — мусульманский мулла, перед пятым — еврейский раввин, а перед шестым, около которого стоят только два гренадера, нет никого.

Начинается чин присяги, и к столику православных гренадер-новобранцев подносит знамя мой друг знаменщик Артур Степин, его настоящее имя Артур Стопинг, и сам он — финн-лютеранин, но свою почетную обязанность знаменщика исполняет блестяще.

В то же самое время к последнему столику подходит мой отец, командир полка, и я вижу удивительную вещь, которая могла произойти только у нас, в старой России. Оба новобранца вынимают из карманов маленькие сверточки и тщательно разворачивают тряпочки, в которые они завернуты. Развернув тряпочки, оба вынимают из свертков двух маленьких деревянных «божков», выструганных из дерева и смазанных салом. Оба деревянных «божка-идола» водворяются на столик между моим отцом и двумя новобранцами, и только тогда мой отец, как высший в их глазах начальник, приводит обоих гренадер к присяге служить «верой и правдой» Царю и Отечеству.

После окончания чина присяги священнослужители удалились, новобранцы возвратились к своим ротам, и полк красивою лентою вошел в свои казармы».

Не секрет, что сегодня есть люди, сомневающиеся в эффективности религиозного фактора как средства воспитания и считающие, что разные исповедания могут оказаться источниками конфликтов в военной среде. Исторический опыт русской армии достаточно убедительно показывает, что священнослужители разных исповеданий прекрасно сотрудничали в вопросах обороны Отечества и вносили весомый вклад в воспитание воинства. По существу тогда положению в том случае, если в полку оказывалось более 500 человек иного вероисповедания, то командир имел право пригласить для обслуживания их духовное лицо этого вероисповедания. Так поступил, например, командир 40-го пехотного Кольванского полка, пополненного в 1915 г. несколькими сотнями татар-мусульман; в большинстве случаев солдаты, клявшиеся на Коране, воевали ничуть не хуже христиан.

И вот другой интересный пример, относящийся ко времени братоубийственной войны, вошедшей в историю под названием «гражданской», приводит в своей замечательной книге «Чингис-хан как полководец и его наследие» Эренжен Хара-Даван (Элиста, 1991).

«В 1918 г. в феврале Красная гвардия и Советы докатились до Уфы, которая большей своей частью — татарская. Совет приказал арестовать митрополита Уфимского Андрея (кн. Ухтомского) и реквизировать церкви для каких-то целей.

Но приказ не был приведен в исполнение не благодаря сопротивлению православных, а энергичному протесту татар-мусульман, заявивших, что они не выдадут «этого великого муфтия» врагам Бога, как не позволят «оскорблять православные мечети».

Практика работы в пограничных войсках показала, что религия является верным помощником офицера в воспитании личного состава, и вот почему.

Во-первых, важнейшее значение имеет положение о морали, верховенстве добра и любви в человеческих отношениях. Религия обуславливает абсолютность моральных предписаний. Мораль по своей природе нуждается в прочной опоре (абсолюте), которая должна возвыситься над сиюминутной житейской обыденностью. Этим абсолютом в нравственной жизни для верующих есть Бог и его заповеди. Благодаря такому абсолюту именно в религии однозначно решается вопрос о критериях добра и зла. Каждый верующий имеет четкое представление о том, какой тип поведения и образа жизни является праведным и какой неправедным.

Во-вторых, в религии всегда есть идеальный пример, призванный служить для человека целью в его собственной жизни.

В-третьих, в религии существует постоянный «контроль» за качеством исполнения требований, предъявляемых к человеку. Верующие исходят из того, что Богом контролируются не только все поступки человека, но и его мысли. Это, безусловно, существенно влияет на поведение человека.

В-четвертых, в религии до самой высшей степени возможного воздействия на человека доведены, пользуясь военным языком, «меры наказания и меры поощрения». Так, например, каждый христианин постоянно помнит, что после смерти ему предстоит предстать перед Богом, держать ответ за свою земную жизнь и по результатам этого ответа отправиться в рай или ад. Понятно, что наличие таких альтернатив в загробной жизни во многом определяет всю земную жизнь человека и его поведение в частности.

В-пятых, религия никогда не отказывает оступившемуся человеку в надежде на исправление, на возвращение к праведной жизни, давая тем самым ему возможность исправить свое поведение.

В-шестых, эффективность нравственного воспитания в сфере религии, и, в частности, в христианстве, обусловлена тем, что полученные нравственные знания постоянно подкрепляются таинством покаяния, когда верующий должен регулярно исповедоваться в своих грехах, причем не только в безнравственных поступках, но даже в мыслях о них. Важно отметить, что исповедь

проходит без свидетелей, а священник обязан хранить ее в тайне. Таким образом, достигаются условия для предельной правдивости, без чего истинное воспитание вряд ли возможно.

В-седьмых, религия учит человека не бояться смерти, что является особенно ценным качеством для защитника Родины.

Все эти факторы прямым образом влияют на качество личности военнослужащего, его нравственные установки и морально-психологическое состояние.

К числу таких качеств, безусловно, следует отнести: добросовестное (совестливое) отношение к исполнению служебных обязанностей;

дисциплинированность, заботу о товарищах по службе, готовность помочь и словом и делом и, наконец, готовность отдать жизнь «за други своя»; стойкость в борьбе с врагом, проявляющуюся в мужественном поведении и отважных поступках, патриотизм, готовность защищать «Отечество не щадя живота своего», честность и многие другие моральные и психологические качества как воина, так и гражданина.

Актуальность воссоединения армии и религии со временем возрастает. Это обусловлено, с одной стороны, необходимостью реализации прав военнослужащих на свободу совести в рамках, предусмотренных законом, а с другой — необходимостью использования мощного духовного потенциала религии в интересах задач, решаемых войсками и силами флота.

Настоящее издание «Вера и Верность», военного писателя А. Б. Григорьева, профессора Московского пограничного института, достаточно убедительно показывает, что в Русской армии был накоплен огромный опыт участия духовенства в работе по формированию у воинов необходимых морально-психологических качеств, деловых и интегративных качеств.

Будущая книга расскажет о том, что для верующих воинов религиозные идеи, нравственные установки, храмовая деятельность были основными регуляторами их поведения. И это не случайно, ибо данный опыт освящался верой в высшую и вечную правду, в мировой объективный закон, где поощряется добро и подлежит справедливому возмездию всякое совершаемое в мире зло.

Совершенно очевидно, что сегодня необходимо знать офицерам (а уж тем более офицерам спецслужб) и прапорщикам основы вероучения тех религий, представители которых служат в подразделении, воинской части.

Приглашение священника в подразделение может происходить по просьбе отдельных военнослужащих, и участие в беседе с ним других военных возможно только на добровольной основе. Принуждение в вопросах Веры неприемлемо в принципе. Да и сама воспитательная работа с верующими военнослужащими требует особого такта, внимания и уважения их мировоззренческой позиции, а также соответствующей подготовки командиров. Если выразиться точнее — то высокого уровня личной культуры офицера.

С учетом позитивного опыта, накопленного в войсках, а также для придания работе с религиозными объединениями системного характера 4 апреля 1997 г. Министр обороны Российской Федерации и Патриарх Московский и

всё Русь подписали Соглашение о сотрудничестве, которое значительно расширило формы взаимодействия на различных уровнях: от Министерства обороны до воинской части, корабля.

Однако развитие сотрудничества с религиозными объединениями вовсе не означает подмены духовенством военных психологов, социологов, офицеров-воспитателей. Речь идет о совместных усилиях. В решении задач воспитательной работы на этапе осуществления реформы Вооруженных Сил успеха можно достичь лишь путем использования всех возможных резервов.

Генерал-лейтенант Г. С. Симухин

Именной указатель

- Аарон, иеромонах — 342
Авва Дорофей — 31
Авгарь — 41, 42
Авраамий Белгородский — 185
Авраамий, старец — 186
Адам — 45
Адлерберг В. Ф. — 378
Адриан, патриарх — 184
Айвазовский И. К. — 326
Александр I — 68, 200, 205, 272, 332, 345–348, 366, 372, 373
Александр II — 67, 241, 354, 362, 366
Александр III — 60, 68, 364, 366
Александр Михайлович Тверской — 79, 81, 82, 84
Александр Попович — 14
Александр Ярославович Невский — 13, 46, 69, 76, 78, 84, 94–101, 170, 446
Александр, архимандрит — 170
Александр, настоятель — 371
Александра — 38
Александра Федоровна — 399
Александров С. — 340
Алексеев М. В. — 380, 381, 387, 390
Алексей Михайлович — 33, 51, 52, 130, 172, 173, 220
Алексей Петрович — 176
Алексий (Симанский), митрополит — 440, 446, 447
Алексий II, патриарх — 101, 320
Алексий, митрополит — 85, 102, 103, 105–109, 111, 113, 115, 155, 174
Амвросий, епископ — 424
Амвросий, митрополит — 203, 204
Амфитеатров — 284
Андрей Васильевич Горяй Большой — 122
Андрей Городецкий — 76
Андрей Юрьевич Боголюбский — 118, 135
Андрей Ярославич — 76
Андрей, апостол — 46, 65, 66, 188
Андрей, епископ — 77
Андреианов В. — 338, 339
Андреиановский Н. — 445
Андрих Добрянков — 14
Андроник Пермский — 420, 421, 424
Анна — 10, 13, 157
Анна Иоановна — 67
Анна Петровна — 100
Антоний (Смирнов), священник — 233
Антоний св. — 410
Антоний, инок — 115, 116
Антоний, митрополит (Храповицкий) — 410, 411

- Антонов А. И. — 286
 Антонов И. — 221
 Апраксин Ф. М. — 221, 228, 290
 Аракчеев А. А. — 267, 347, 348
 Архангельский Н. — 446
 Архипов М. — 446
 Афанасий Вольнский — 107
 Афанасий Холмогорский — 176, 178–180
 Афанасий, архиепископ — 65
 Афанасий, митрополит — 125
 Ахмат — 120, 121
 Багратион П. И. — 334, 336, 337
 Бажанов В. — 245, 246
 Базилевич К. — 273
 Базили К. М. — 212
 Барклай де Толли М. Б. — 15, 334, 336–338, 346
 Батый (Бату-хан) — 43, 76, 82, 83, 87, 88, 96–98, 233
 Бегич — 35
 Безминов И. — 51
 Белкин — 334
 Белоусович, сотник — 26
 Берг А. — 273
 Берг Н. В. — 320
 Бердибек — 103
 Берке — 98
 Бестужев-Марлинский А. А. — 280, 348
 Биргер — 95, 96
 Бисмарк О. — 216, 433
 Блинов — 74
 Богословский М. И. — 244
 Борис Васильевич — 122
 Борис Василькович — 82
 Борис Владимирович — 18, 39, 92, 93, 96, 111, 112
 Борис Годунов — 137–139, 220
 Борис Константинович — 103
 Боровик О. — 339
 Бортиянский Д. К. — 309
 Бочаров И. — 450, 451
 Боярский А. — 260
 Бредыс — 442
 Бреннан Д. — 439
 Бруни Н. А. — 371
 Брусилов А. А. — 280, 285, 382
 Брячислав Полоцкий — 95
 Бубакин В. — 442
 Булвер-Литтон Э. — 435, 436
 Бутаков А. А. — 328
 Бутаков Г. И. — 17
 Бутлер Д. — 62
 Бухвостов С. Л. — 182
 Ванновский П. С. — 277
 Варахиал, ангел — 43
 Вартминский С. — 340
 Василевский А. М. — 383
 Василий I Дмитриевич — 135
 Василий II — 8–10, 114–119
 Василий III Иванович — 122, 125, 156
 Василий Александрович — 97, 98
 Василий Ольгович — 88
 Василий Черниговский — 424
 Васильев М. М. — 368
 Васильев П. — 178, 180
 Васильковский В. — 238, 335
 Васильчиков И. В. — 348
 Васнецов В. М. — 371
 Вассиан Ростовский — 122
 Вассиан Топорков — 133
 Веллингтон А. У. — 346
 Вельяминов П. — 80
 Вениамин Петроградский — 425, 426
 Вениамин, иеромонах — 329
 Верещагин В. В. — 359, 376
 Веселаго Ф. — 228

- Виктор Вятский — 428
 Витовт Литовский — 118
 Вишневецкий И. И. — 287
 Владевич Ф. — 303
 Владимир II Мономах — 101, 122, 157
 Владимир Александрович — 247
 Владимир Святославович — 8–10, 13–16, 32, 33, 38, 46, 69, 84, 93, 96, 122, 157
 Владимир Ярославич — 18
 Владимир, митрополит Киевский — 422
 Владислав, королевич — 141, 142, 150, 151, 154
 Владиславьев В. — 241
 Водолеев М. А. — 444
 Войнович М. — 313, 314
 Волков О. В. — 426, 428
 Волконский П. М. — 348
 Володарь — 14
 Волчий Хвост, воевода — 9
 Вольтер — 204, 270
 Воронцов Д. — 52
 Воропанов — 62
 Врангель П. Н. — 390, 412
 Всеволод III Большое Гнездо — 40
 Вышатый — 18
 Вялов О. — 273
 Гавриил Вологодский — 185
 Гавриил, архангел — 43, 44, 46, 230
 Гавриил, воин — 98
 Гаврилов А. — 340
 Геббельс Й. — 438, 439
 Гейдрих Р. — 441
 Георгий св. — 25, 38, 39, 44, 46, 54, 58, 64, 73, 112
 Георгий, слуга — 93
 Герасим, епископ — 111
 Герасим, игумен — 103
 Герман Полев, архиепископ — 125
 Гермоген Тобольский — 418, 424
 Гермоген, патриарх — 139–143, 145, 146, 342, 408
 Герцен А. И. — 218
 Гиммлер Г. — 444
 Гитлер А. — 287, 433, 435, 436, 438, 439, 446
 Глеб Владимирович — 18, 39, 92, 93, 96, 111, 112
 Гоголь Н. В. — 392
 Голицын А. Г. — 440
 Голицын В. В. — 156, 181
 Голицына У. Г. — 174
 Головин В. М. — 16, 17
 Головин Н. Н. — 383
 Головин Ф. А. — 188, 191
 Гонсевский — 145
 Горбун Г. — 37
 Горбунов — 266
 Гордиевский С. — 340
 Грабарь В. Э. — 205
 Гратинский М. — 341, 342
 Григорович И. К. — 370, 371, 400
 Гуго Гроций — 205
 Гудериан Х. В. — 436
 Гульст Э. фон дер — 180
 Гумилев Л. Н. — 84, 101
 Гурджиев — 435
 Гурович — 426
 Густав II Адольф — 149
 Гучков А. И. — 259, 387
 Давид — 204
 Даву Л.-Н. — 337
 Давыдов Д. В. — 198, 200
 Даль В. И. — 16, 262
 Даниил Галицкий — 94
 Даниил Московский — 76
 Данилов Ф. — 200

- Данилов Ю. Н. — 384
 Данилов, майор — 192
 Деникин А. И. — 218, 282, 284, 412
 Державин Г. Р. — 309
 Державин И. С. — 238, 244
 Джанибек — 103
 Дзержинский Ф. Э. — 425
 Дидро Д. — 204
 Дмитрий Таврический — 232, 233
 Диоклетиан — 38
 Дионисий, архимандрит — 144, 146
 Дмитрий Александрович — 98
 Дмитрий Иванович Донской — 19, 25, 35, 37, 41, 50, 66, 69, 99, 101–103, 105–107, 109, 111–114, 122, 155, 156, 249
 Дмитрий Константинович Суздальский — 103, 105
 Дмитрий Михайлович Тверской — 77
 Дмитрий Ростовский св. — 31
 Дмитрий Солунский — 40, 41, 46, 54, 112
 Дмитрий Юрьевич Шемяка — 116
 Добрыня, сын Мала — 9
 Долгорукий В. Л. — 228
 Долгоруков — 31
 Доман — 83
 Достоевский Ф. М. — 380
 Дохтуров Д. С. — 335
 Драгомиров М. И. — 62, 218, 273, 274, 277, 278, 285
 Дубасов Ф. В. — 370
 Дудоров Б. П. — 47
 Евгений IV, папа — 114
 Евдоким Каширский — 370
 Евлогий, митрополит — 407
 Евпил, архидиакон — 341
 Евстафий св. — 410
 Евфимий Новгородский — 118, 185
 Егоров Д. — 323
 Едигей — 91
 Екатерина I — 100, 224
 Екатерина II Великая — 15, 39, 58, 67, 100, 203, 204, 230, 240, 261, 264, 268–270, 281, 295, 300, 310, 315, 317, 320, 372
 Екатерина Павловна — 334
 Еккельн Ф. — 444
 Еленский А. — 270, 271
 Елизавета Петровна — 100, 376
 Енукидзе А. С. — 422
 Епифаний Премудрый — 162
 Ермолаев Д. — 51
 Ермолов А. П. — 338, 344, 346
 Желобовский А. А. — 246–249, 252, 372, 397
 Жолкевский С. — 141
 Жуков Г. К. — 448, 450
 Жукова М. Г. — 448, 450
 Завадский — 238
 Зайончковский П. — 273
 Захаров — 61
 Зосима св. — 126, 168, 180
 Зотов Н. — 174
 Зубов Н. А. — 372
 Иаков, игумен — 167
 Иаков, черноризец — 93
 Иван I Данилович Калита — 78–82, 84, 85, 94, 102, 157
 Иван II Иванович Красный — 102, 103
 Иван III Великий — 38, 64, 88, 116, 117, 119–122, 156, 163
 Иван IV Грозный — 13, 45, 50, 124–128, 130, 132–134, 136, 137, 149, 173, 183, 220
 Иван Алексеевич — 174, 179, 180
 Иваницкий Т. — 240

- Игнатий, патриарх — 139
 Игнатъев А. А. — 288–291
 Игнатъева Н. В. — 288, 289
 Игорь Старый — 9, 32, 122
 Иегудиил, ангел — 43
 Иеремил, ангел — 43
 Иеремия, патриарх — 137
 Изяслав Ярославич — 40
 Иисус Христос — 20, 24, 25, 40–
 42, 44–46, 50, 54, 57, 127,
 196–198, 211, 213, 217, 218,
 230, 232, 262, 263, 281, 282,
 353, 364, 376, 406, 408, 411,
 414, 431, 433
 Иксуль К. фон — 317
 Иларион Суздальский — 185
 Иларион, епископ — 428–431
 Илья Муромец — 14, 15
 Илья, пророк — 47
 Иннокентий, папа — 97
 Иоаким, патриарх — 137, 174
 Иоанн I Цимисхий — 9
 Иоанн II, митрополит — 91
 Иоанн Богослов — 281
 Иоанн Креститель — 20, 196, 376
 Иоанн Кронштадтский — 367
 Иоанн Новгородский — 118
 Иоанн о. — 426
 Иоанн Предтеча — 46
 Иоанн, архиепископ — 34
 Иоанн, мученик — 410
 Иов Новгородский — 176–178
 Иов, патриарх — 137–140
 Иона Новгородский — 118, 119, 126
 Иона Рязанский — 115–117
 Иосиф II — 203
 Иосиф Волоцкий — 119, 120
 Иосиф Ростовский — 185
 Иосиф, патриарх — 115
 Ирина Михайловна — 174
 Ириней Смоленский — 335
 Исаакий — 110
 Исая, пророк — 414
 Исидор, епископ — 424
 Исидор, митрополит — 114, 115
 Истомин В. И. — 321, 327, 328
 Иуда — 189
 Казанбаев Ш. Г. — 72
 Казарский А. И. — 234, 235
 Казимир IV Ягеллончик — 116,
 119–121
 Казнаков Н. И. — 367
 Казы-Гирей — 155, 156
 Каин — 415
 Калашников — 294
 Кальтенбруннер — 444
 Кантемир Волошский — 188
 Капица П. — 273
 Карамзин Н. М. — 348, 355
 Карбышев Д. М. — 286–288
 Карл IX — 145
 Карл XII — 181, 187, 334
 Карл-Фридрих Голштейн-Готторп-
 ский — 100
 Карпини П. — 97
 Карышев А. — 339
 Кауфман К. П. — 359
 Каховский П. Г. — 355
 Квашнин-Самарин — 278, 279
 Керенский А. Ф. — 390, 391, 404,
 405
 Керн — 328
 Киприан, митрополит — 111
 Киреев А. А. — 277
 Кирилл — 9
 Кирилл II, митрополит — 94, 98
 Китченер Г. Г. — 213
 Климент, епископ — 84
 Ключевский В. О. — 90, 186
 Козичев В. — 451, 452

- Козловский Ф. — 270
 Колоколов М. М. — 444
 Колчак А. В. — 403
 Колычев С. И. — 125
 Комаровский В. А. — 205
 Конев В. Б. — 67
 Конев — 429, 430
 Константин VII — 9, 10
 Константин Великий — 56, 57, 183, 188
 Константин XI — 64
 Конь Ф. С. — 166
 Корнилов В. А. — 17, 321, 328
 Костенко — 386
 Костомаров Н. И. — 107, 136, 137, 150
 Косяков В. А. — 367, 368
 Котов В. Ф. — 100
 Коцебу — 328
 Кочубей — 347
 Краснов П. Н. — 390
 Крастелев С. — 336
 Крюйс К. И. — 221
 Кульнев Я. П. — 75, 198, 200, 271, 356, 358
 Кулябин — 28
 Куприн А. И. — 392
 Курбский А. М. — 130, 134
 Курприянов — 200
 Кутневич В. И. — 244, 245
 Кутузов М. И. — 335, 338, 344–346, 348
 Кущинский Т. — 303
 Лаврентий Горка — 222
 Лавров П. Л. — 364
 Лаговкин — 52
 Лазарев М. П. — 321–323, 326, 328
 Лактионов Г. — 399
 Ламэдорф — 214
 Лапшин Г. — 251, 402
 Лев Диакон — 9
 Левшин — 53
 Леер Г. А. — 358
 Лей В. — 435
 Ленев Г. М. — 72
 Ленин В. И. — 71, 377, 424
 Леонтьев К. Н. — 212, 216, 217
 Лермонтов М. Ю. — 280
 Лесли П. И. — 328
 Лечицкий — 383
 Лжедмитрий I — 139–141, 146
 Лжедмитрий II — 141, 153
 Ликиний — 43
 Лисовский А. — 153, 154
 Лихачев Д. С. — 172
 Лопуцкий С. — 51
 Лука, евангелист — 36, 157
 Лутозин Е. — 52
 Львов Б. С. — 184
 Лэм Г. — 88
 Любавский А. — 340
 Любомудров А. — 253
 Людендорф Э. — 387, 433
 Ляпунов П. П. — 146
 Маврикий св. — 25
 Магалов — 61
 Мазепа И. — 188, 189
 Макарий Вяземский — 425
 Макарий, митрополит — 125, 126
 Макаров С. О. — 288, 362, 367
 Македонский Н. А. — 441
 Максентий — 56, 57, 183
 Максим Грек — 132, 133
 Максим, митрополит — 98
 Максимилиан II — 130
 Малиновский В. Ф. — 205
 Мамонов — 334
 Мансветов Г. И. — 244
 Маркел Казанский — 185

- Мартенс Ф. Ф. — 205, 207, 210
 Марчал — 230
 Матвиенко С. — 340
 Матфей, евангелист — 40
 Менгу-Тимур — 90, 98, 124
 Мережковский Д. С. — 355
 Меркурий св. — 233
 Метакса Е. П. — 318
 Мефодий — 9
 Мехмет-паша А. — 302
 Мешко I — 9
 Микешин Б. М. — 370
 Милицын С. В. — 388
 Милорадович М. А. — 355, 372
 Мильтиад — 204
 Милюков П. Н. — 387
 Милютин Д. А. — 246, 361
 Минин К. М. — 145–147, 331, 334
 Миронов С. Н. — 370
 Митрофан Воронежский — 176, 178
 Михаил Александрович Тверской —
 105–107
 Михаил Андреевич — 77
 Михаил Павлович — 366
 Михаил Федорович — 51, 148, 150,
 182
 Михаил Черниговский — 82, 83, 124
 Михаил Ярославич Тверской —
 76–78
 Михаил, архангел — 36, 43, 44, 46,
 50, 54, 112, 130, 372
 Михаил, воин — 98
 Михаил, монах — 421
 Михайлов А. — 445
 Михей — 110
 Мних И. — 9
 Мнишек М. — 140, 146
 Могута — 14
 Моисеев В. — 340
 Моисей — 45
 Молоствов В. В. — 372
 Молотов В. М. — 424
 Москевич Э. — 340
 Московенко М. В. — 368
 Мосолов А. — 380
 Муравьев В. Н. — 352
 Муравьев М. Н. — 208
 Муравьев Н. Н. — 352
 Муравьев, капитан — 386
 Муратов М. — 273
 Мурзакевич Н. — 336
 Мус — 23
 Мустоксиди — 212
 Мысловский П. Н. — 355
 Мюрат И. — 336
 Наполеон I Бонапарт — 157, 212,
 238, 249, 304, 305, 316, 318,
 330, 331, 334–338, 342, 344–
 346, 348, 374
 Нарышкин А. — 178
 Нарышкин И. — 178
 Нассау-Зиген — 230
 Наталья Кирилловна — 179
 Нахимов П. С. — 292, 320–328
 Невиль — 181
 Негребицкий — 232
 Негуша П. П. — 317
 Незабитовский В. А. — 205
 Ней М. — 337
 Нельсон Г. — 316, 317
 Нестеров П. Н. — 394
 Никифор, архимандрит — 414
 Никодим — 282
 Никодим, епископ — 424
 Никодим, наместник — 342
 Николаев Ю. А. — 297
 Николай (Ярушевич), митрополит —
 447
 Николай I — 58–60, 75, 214, 215,
 232, 240, 354, 355, 366, 367, 398

- Николай II — 68, 69, 208, 232, 252, 368, 371, 378, 384, 403, 404, 415
- Николай Мирликийский — 36–38, 46, 321, 367, 371
- Николай Николаевич — 403
- Никон Вологодский — 370
- Никон, патриарх — 161, 173
- Новиков Н. И. — 355
- Новиков, мушкетер — 299
- Нокс А. — 403
- Овчинников П. — 340
- Одинцов — 188
- Одинцов С. — 399
- Озерцовский П. Я. — 237, 238
- Оконешников А. — 253
- Олеарий А. — 50, 51
- Олег Вещий — 40
- Олег Иванович Рязанский — 109, 111, 112
- Олешев А. — 317
- Ольга Мудрая — 10, 32
- Ольгерд Гедеминович — 103, 105, 106
- Ольдерогге Д. — 273
- Орловы, графы — 204
- Ослябя А. — 41
- Осман-паша — 325, 326, 361
- Остерман-Толстой А. И. — 366
- Павел I — 56, 67, 204, 230, 236, 238, 240, 264, 270–272, 304, 305, 308, 310
- Павел Алеппский — 52, 161
- Павел, апостол — 24, 40, 46, 281
- Павел, архимандрит — 103
- Пален Ф. П. — 214
- Палицын А. — 144, 147, 153, 331
- Пальмквист Э. — 52
- Паскевич И. Ф. — 200, 336
- Пафнутий Боровский — 43, 119, 120
- Пахомий Логофет — 162
- Пелгусий — 96
- Пересвет А. — 41
- Перетяткович М. М. — 370
- Пестель П. И. — 349
- Петр I Великий — 21, 23, 24, 26, 30, 42, 54, 60, 64–69, 99–101, 151, 162, 168, 172–174, 176–189, 191, 192, 200, 203, 204, 215, 220–224, 226, 228, 240, 263, 264, 268, 271, 272, 290, 293, 301, 310, 325, 330, 347, 363, 366
- Петр III — 264, 269, 310
- Петр Воронежский — 427, 428
- Петр Кириллович, боярин — 107
- Петр Петрович — 222
- Петр, апостол — 40, 46, 66
- Петр, митрополит — 76–82, 84, 85
- Петров Е. — 372
- Петрушевский — 297
- Пий II, папа — 116
- Пилсудский Ю. — 427
- Пиотровский Б. — 273
- Пирогов Н. И. — 206
- Питирим Тамбовский — 185
- Питирим, митрополит — 174
- Пичугин — 28
- Пищевич А. С. — 266–269
- Платов М. И. — 302
- Платон (Левшин), митрополит — 203, 204, 310, 354
- Платон Ревельский — 424
- Победоносцев К. П. — 362, 363
- Пожарский Д. М. — 50, 51, 145–147, 331
- Поздняков — 324
- Покровский Е. П. — 245
- Покровский М. Н. — 376

- Покровский Н. В. — 370
 Поливанов — 387
 Полозов Я. — 424
 Полторацкий В. А. — 359
 Полянский В. — 340
 Понятовский Ю. — 336
 Попов Н. А. — 368
 Порфирий, иеромонах — 252
 Порхунев М. — 446
 Посьет К. Н. — 68
 Потапов Ф. — 21
 Потемкин Г. А. — 268, 300, 302,
 313–315
 Приленский — 67
 Прокофьев И. — 234
 Пугачев В. — 273
 Пугачев Е. — 376
 Пузанов Ф. А. — 442
 Пушкин А. С. — 280
 Пущин И. И. — 355
 Рагдай Удалой — 14
 Раглан Ф. Д. — 327
 Раевский Ф. — 339
 Разин С. — 64, 376
 Ракович — 61
 Рандю А. — 31
 Раскольников Ф. Ф. — 75
 Распутин Г. Е. — 386, 404, 405
 Растрелли К. — 182
 Ратша — 98
 Рафаил, ангел — 43
 Рейль — 345
 Ремезов И. — 252
 Ремезов, священник — 448
 Ренан Э. — 219
 Романов И. — 141
 Романовский И. П. — 412
 Романовы — 64, 65
 Рубан П. Н. — 100
 Руднев В. Ф. — 67
 Руднев М. — 252
 Руэский Н. В. — 394
 Румянцев-Задунайский П. А. —
 74, 271, 272, 274
 Руссов Б. — 134
 Руффо О. — 326
 Рыбаков Л. А. — 74
 Рылеев К. Ф. — 354, 355
 Рюриковичи — 138
 Рябинин — 21
 Савва, протопоп — 146
 Савватий св. — 126, 168, 180
 Савинов А. — 174
 Савинов И. — 231, 232
 Садиков — 260
 Сакен — 328
 Салафаил, ангел — 43
 Салон — 66
 Салтыков — 334, 374
 Салтыков П. С. — 263
 Салтыков-Морозов — 143
 Самойлов А. С. — 286
 Самсонов Т. П. — 425
 Сапега Я. — 153
 Сарра, казначей — 157
 Сахаров Н. Н. — 287
 Свечин А. А. — 286
 Святополк Ярополчич (Окаян-
 ный) — 93
 Святослав Игоревич — 8, 14, 19, 122
 Семен Гордый — 85
 Семенов К. — 74
 Семиградский Г. И. — 376
 Сенявин Д. Н. — 15
 Серапион Владимирский — 90, 98
 Серафим, священник — 222
 Сергей (Ларин), епископ — 453
 Сергей (Старгородский), митропо-
 лит — 432, 433, 440, 441,
 444–446

- Сергий Воскресенский — 442–444
Сергий Радонежский — 25, 41, 42, 46, 103, 107–113, 132, 152, 154, 155, 176, 184, 374
Сергий Тверской — 185
Сигизмунд III Ваза — 141
Силин — 426, 427
Симеон Гордый — 102
Симон — 110
Синицкий — 305
Скаловский — 66
Скальский Ф. — 253
Скобелев М. Д. — 201, 356, 358–365
Скопин-Шуйский М. В. — 154, 158
Скрыдлов Н. И. — 35
Скуратов М. — 130
Славинский — 278–280
Смирнов А. — 221, 440
Смирягин — 336
Соколов Г. — 339
Соловьев С. М. — 14, 77
Солоневич И. — 380
Софья Алексеевна — 156, 176, 177, 180, 181
Софья Палеолог — 64, 117
Спиридон, епископ — 96
Ставровский А. А. — 47
Сталин И. В. — 377, 440, 445–447
Станислав II Август Понятовский — 203
Станкевич Ф. — 253
Стеклов Ю. М. — 387
Степняк-Кравчинский С. М. — 364
Степун Ф. — 378, 394, 395
Стефан Баторий — 158, 160
Стефан Рязанский — 221
Стешенко К. — 260
Стрельник П. Н. — 74
Стрешнева — 341
Стройников — 75
Струве П. Б. — 284
Суворов А. А. — 372
Суворов А. В. — 22, 75, 198, 203, 214, 240, 247, 264, 266–268, 271, 272, 274, 292–306, 308–310, 315, 317, 336, 348, 360, 371, 372, 376, 379, 397
Суворова Н. А. — 372
Судковский Г. Д. — 240
Сумароков А. П. — 263
Суриков В. И. — 376
Сухов — 430, 431
Сухомятинов В. А. — 379, 380, 384
Сухотин Н. Н. — 371
Таврион Батозский — 425
Талейран М. — 170
Татищев В. Н. — 9
Татищев С. П. — 249
Телешов Н. Д. — 392
Темучин — см. Чингисхан
Теплов Г. Н. — 270
Тимофеев А. — 180
Тимофеев С. — 298
Тимофей — 24
Титов — 401
Тихон Задонский — 31
Тихон Сарский — 185
Тихон, архиепископ — 422
Тихон, патриарх — 410, 411, 415, 422, 424, 425, 429, 430
Ткачев В. — 393
Толстов С. — 273
Толстой Д. А. — 362
Толстой Л. Н. — 284, 392
Тохта — ???
Треубов С. Н. — 68, 69
Трезини А. — 100

- Троекуров И. Б. — 176
Троицкий А. А. — 445
Троцкий Л. Д. — 75
Трубецкой Г. И. — 415
Трубецкой Д. Т. — 147, 148
Трубецкой Е. — 349, 354
Трубецкой С. П. — 349, 350
Трубин Г. — 442
Туровский А. — 398
Тютчев Ф. И. — 215–217, 433
Тюшняков В. — 253
Удалов — 200
Ужинский А. К. — 287
Узбек — 81, 90, 103
Улавчий — 98
Уриил, ангел — 43
Успенский — 435
Ухтомский Д. В. — 376
Ухтомский Л. А. — 326
Ушаков С. — 174
Ушаков Ф. Ф. — 42, 203, 232, 264, 292, 310–319
Фабрициан Ф. И. — 39
Фаддей, апостол — 42
Федор Алексеевич — 174
Федор Иванович — 137, 138, 156
Федор Ростиславич Черный — 124
Федор Стратилат — 42, 43, 312
Федор, архиепископ — 135
Федор, игумен — 155
Федоров Г. — 253
Федоров Н. Н. — 35
Федотов Г. — 109
Фемистокл — 204
Феогност, митрополит — 81, 82, 84, 85, 102
Феодор (Ушаков И. И.), неромонах — 318
Феодор Бьяконт — 102
Феодор, архимандрит — 81
Феодор, боярин — 82, 83
Феодосий Пермский — 424
Феодосий Печерский — 46
Феодосий, архимандрит — 222, 228
Феодосий, печерский архимандрит — 146
Феодосий, хутынский архимандрит — 100
Феофан Прокопович — 192
Феофил Новгородский — 119
Феофилакт, митрополит — 8
Ферсман А. — 273
Филарет Милостивый (Киевский) — 398
Филарет Московский — 353, 354, 398
Филарет Черниговский — 31
Филарет, митрополит — 25, 31
Филарет, патриарх — 149–151
Филипп (Колычев), митрополит — 115, 125–128, 130, 132, 416
Филипп св. — 100
Филон — 166
Филофей, патриарх — 107
Фока Варда — 9, 10
Фонвизин Д. И. — 270
Фонвизин М. А. — 351
Фридрих II Великий — 334
Ходкевич Я. — 147
Хрулев С. А. — 231, 232
Цезарь Ю. — 57
Церпицкий — 278
Цитович И. — 339
Цыбулин С. П. — 100
Цю Шен Сян — 89, 90
Чаадаев П. Я. — 355
Чан Чун — см. Цю Шен Сян
Чебышев П. П. — 270
Ченслер — 134

- Чернышев Э. Г. — 263
Черняев М. Г. — 201
Чингисхан — 86, 87, 89, 90
Чол-хан (Щелкан Дюдентьевич) —
78, 79
Чохов А. — 134
Чуйков В. И. — 448
Чулков Н. — 214
Шавельский Г. И. — 232, 233,
252–257, 259–261, 280, 281,
371, 372, 396–404, 410–413,
440
Шагалов А. В. — 72
Шапошников Б. М. — 276
Шарутины — 166
Шеин А. С. — 183, 184
Шеин М. Б. — 151
Шестаков Л. А. — 74
Шибли-Ариан — 212
Ширяев Б. — 428
Штучкин Н. Н. — 450
Шубин — 336
Шуйский В. И. — 139–141, 146, 153
Шумов А. — 446
Щербаковский С. — 201, 252
Эбергард А. А. — 232
Эзоп — 172
Эйхманс — 429
Эмме — 47
Энгельгардт Л. Н. — 264,
Энгельгардт, отст. полковник — 336
Ювеналий, архиепископ — 450
Юль — 192
Юрий Всеволодович — 87
Юрий Данилович Московский —
76–78
Юрий Ингорович — 87
Юрьев Б. — 273
Ягайло (Ягелло) В. — 109, 111
Языков П. А. — 349
Яковлев Е. — 298
Яковлев П. П. — 217, 284
Ян Усмович (Усмошвец) — 14
Янсен Я. — 183, 184
Янушковский И. И. — 72
Ярослав Владимирович Мудрый —
13, 40, 93, 374
Ярослав Всеволодич — 97
Ярослав Ярославович — 98
Яуров И. — 452

Содержание

Предисловие. О. В. Тони. Церковь и армия	5
Славное имя — Владимир	8
Присяга — совесть воина	18
Молитва в красках	32
Символы воинской чести	48
Петр по-гречески значит «камень»	76
Под Золотой Ордой	86
Русь поднимается	102
За Веру, Царя и Отечество!	114
Под властью опричнины	124
Во Смутные времена	136
Каменная летопись Отечества	152
Крест спас Петра Великого	172
Русская армия и религия	190
Священники на палубах	220
Из истории военного духовенства	236
«Честь имею!»	262
Сильные верой	292
Марш 1812 года	330
Памятники побед и скорби	366
Развал	378
Последний протопресвитер	396
Голгофа	414
В Великой Отечественной.. ..	432
Заключение. Г. С. Симухин. Армия и религия в современных условиях	454
Именной указатель	459

Григорьев Анатолий Борисович

Вера и Верность

Очерки из истории отношений

Русской Православной Церкви и Российской армии

Редактор М. И. Фетисова

Художественное оформление А. П. Зарубин, Н. А. Новак

Компьютерная верстка М. Г. Фесенко

Корректор М. В. Лушина

Издательство «Кучково поле»

Москва, 2-й Южнопортовый пр., д. 5 кор. 2

Тел./факс: (095) 958-91-08, тел.: (095) 958-89-41

Подписано в печать 03.08.05. Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 38,35.

Бумага офсетная

Печать офсетная. Гарнитура «AcademyC». Заказ № 188.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»

143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93

Между Армией и Церковью много общего.

Во-первых, они построены на жестком иерархическом принципе — строгое подчинение младших старшим. Во-вторых, деятельность обеих регламентирована уставами.

В-третьих, без послушания не бывает церкви, без дисциплины не существует армия.

В-четвертых, нетрудно заметить и внешнее сходство — это форма одежды, наличие знаков отличия и различия, символов организации в виде знамен-хоругвей и пр.

Главное же — Русская Православная Церковь имеет свое оружие, но не материальное, а нетленное духовное, поэтому ее и называют иногда воинствующей.

